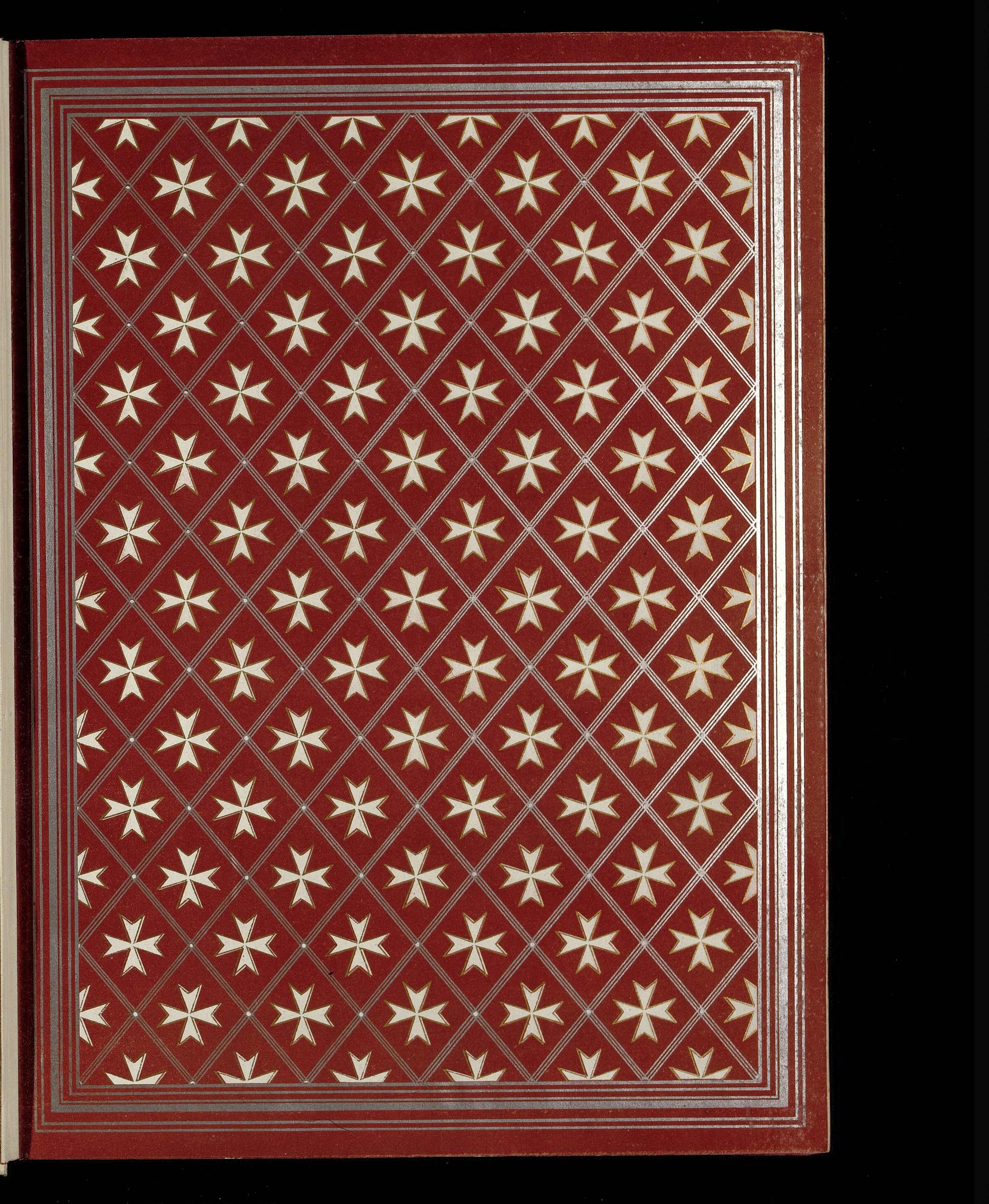
1724–1899

Исторїя Кавалергардовъ

Исторія Кавалергардовъ

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИСТОРІЯ
КАВАЛЕРГАРДОВЪ

1724-1799-1899

ПО СЛУЧАЮ
СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ
Кавалергардскаго ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУАДРЫНИ
ИМПЕРТАРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ полка

Составилъ С. Панчулидзевъ

ТОМЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
1901

съ Высочайшаго соизволенія. —

Генералъ-Адъютантъ Ванновскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

---

[1]) Въ текстѣ подъ гравюрой напечатано: «П. Штелина»; слѣдуетъ читать: «Я. Я. Штелина».

Глава I.

«Большинство встрѣтило мрачно новое царствованіе: знали характеръ новаго Государя и не ждали ничего хорошаго. Меньшинство людей, обѣщавшихъ себѣ важное значеніе въ царствованіе Петра III, разумѣется, должно было стараться разсѣять грустное расположеніе большинства, доказывать, что оно обманывается въ своихъ черныхъ предчувствіяхъ. Отъ новаго правителя ждутъ обыкновенно милосердія къ опальнымъ прошедшаго царствованія», и дѣйствительно, тотчасъ же по вступленіи на престолъ Петръ III приказываетъ: во-первыхъ, прекратить слѣдствіе надъ губернаторами Салтыковымъ и Пушкинымъ и воеводою Жуковымъ, обвинявшимися въ цѣломъ рядѣ преступленій, во-вторыхъ, возвращаетъ изъ ссылки Миниха, Бирона, Лестока, Менгдена, Наталью Лопухину съ ихъ семействами. Но тогда какъ въ помилованіи губернаторовъ «могли видѣть заступничество сильныхъ людей за свою братію, впечатлѣніе, произведенное втораго рода помилованіями на безпристрастное большинство, представить легко: возвращенъ Лестокъ, возвращенъ Биронъ, возвращены другіе люди съ чуждыми именами; не возвращенъ одинъ русскій человѣкъ, такъ долго и дѣятельно служившій русскимъ интересамъ,—не возвращенъ былъ Бестужевъ» [1]).

На пятый мѣсяцъ царствованія обозначились лица, пользовавшіяся особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ Императора. Петръ III учредилъ совѣтъ, членами котораго были двое принцевъ Голштинскихъ, Минихъ, кн. Н. Ю.

[1]) Соловьевъ, XXV, 5—7.

Трубецкой, Воронцовъ, Вильбуа, кн. Волконскій, Мельгуновъ и Волковъ. На первыхъ мѣстахъ въ этомъ совѣтѣ видимъ родственниковъ Императора по отцу, принцевъ Голштинскихъ. Первый — дядя Петра III, принцъ Георгъ, генералъ прусской службы, вызванный въ Россію тотчасъ по восшествіи на престолъ Петра, который былъ чрезвычайно къ нему привязанъ: онъ произвелъ его въ генералъ-фельдмаршалы и полковники л.-гв. коннаго полка съ жалованьемъ въ 48.000 рублей въ годъ [1]). Другой—принцъ Петръ Голштейнъ-Бекскій, былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, командиромъ надъ всѣми войсками, находившимися въ Петербургѣ, въ Финляндіи и Эстляндіи. Если къ этимъ членамъ новаго совѣта присоединимъ генералъ-прокурора Глѣбова и Ив. Ив. Шувалова, то исчерпаемъ кругъ людей, которые хотѣли и могли имѣть вліяніе на важныя правительственныя рѣшенія въ началѣ царствованія Петра III [2]).

Надо было привлечь симпатіи къ новому правительству, и вмѣстѣ съ распоряженіемъ: «въ продажѣ соли цѣну уменьшить и положить умѣренную, если совсѣмъ вольную торговлю сдѣлать нельзя, о чемъ Сенату разсуждать», Петръ III въ томъ же засѣданіи Сената повелѣлъ: «дворянамъ службу продолжать по своей волѣ, сколько и гдѣ пожелаютъ, и когда военное время будетъ, то они всѣ явиться должны на такомъ основаніи, какъ и въ Лифляндіи съ дворянами поступается». Давно уже принимались мѣры для соглашенія интересовъ государства съ интересами землевладѣльцевъ: продолжительные отпуски при Екатеринѣ I, сокращеніе срока службы при Аннѣ. Манифестомъ 1736 года дворянинъ обязанъ былъ служить только 25 лѣтъ, начиная съ двадцатилѣтняго возраста; но когда явилось слишкомъ много охотниковъ воспользоваться закономъ о двадцатипятилѣтнемъ срокѣ, то въ 1740 году правительство въ виду войны, принуждено было всячески затруднять увольненіе въ отставку, и потому, какъ видно, двадцатипятилѣтній срокъ остался только на бумагѣ, ибо Ив. Ив. Шуваловъ въ предложеніи своемъ Императрицѣ Елисаветѣ о «фундаментальныхъ законахъ» говоритъ: «дворянину служить 25 лѣтъ, считая отъ времени дѣйствительной службы его, т.-е. отъ 20-лѣтняго возраста». Этотъ двадцатипятилѣтній срокъ, назначаемый Шуваловымъ, показываетъ намъ, съ какою осторожностью самые образованные и либеральные люди относились тогда къ вопросу о дворянской вольности относительно службы; ихъ пугала мысль, что множество дворянъ выйдетъ въ отставку, нѣкоторые дѣйствительно для хозяйственныхъ занятій, но другіе для праздной жизни въ имѣніяхъ, и многія мѣста въ войскѣ останутся незанятыми, *вслѣдствіе чего нужно будетъ наполнять ихъ иностранцами*. Страхъ предъ усиленіемъ иностраннаго элемента въ войскѣ заставилъ того же Шувалова предложить какъ фундаментальный законъ, чтобъ въ гвардіи, арміи и флотѣ три части генераловъ и офицеровъ

---

[1]) Полковниками гвардейскихъ полковъ до сего всегда бывали сами Государи, и это назначеніе породило ропотъ въ гвардіи. (Бильбасовъ, I, 427). — [2]) Соловьевъ, XXV, 9 и 10.

были русскіе, а четвертая — лифляндцы, эстляндцы и иностранные. «Вольность дворянству» была объявлена манифестомъ 18 Февраля; манифестъ этотъ «долженъ былъ очень обрадовать многихъ; но эту радость въ такой степени не могли раздѣлять дворяне, занимавшіе высшія должности, которые имѣли всѣ побужденія продолжать службу, дававшую имъ значеніе и выгоды. У этихъ людей гораздо больше на сердцѣ были другія льготы: освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія, уничтоженіе конфискаціи дворянскихъ имуществъ».

Манифестомъ отъ 21 Февраля уничтожена была Тайная Канцелярія: «Ненавистное израженіе, а именно: *слово и дѣло,* не долженствуетъ отнынѣ значить ничего, и Мы запрещаемъ — не употреблять онаго никому; о семъ кто отнынѣ оное употребитъ въ пьянствѣ или въ дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники. Напротивъ того, буде кто имѣетъ дѣйствительно и по самой правдѣ донести о умыслѣ по первому или второму пункту, такой долженъ тотчасъ въ ближайшее судебное мѣсто или къ ближайшему же воинскому командиру немедленно явиться и доносъ свой на письмѣ подать или донести словесно, если кто не умѣетъ грамотѣ» [1]).

16 Февраля по Именному указу учреждена была нарочная комиссія для приведенія флота «въ надлежащее и съ безопасностью и честію имперіи сходственное состояніе», и вслѣдъ затѣмъ приказано было вооружить весь флотъ.

6 Марта Сенатъ слушалъ Именной указъ: «Съ того времени, какъ регулярство и военная дисциплина дѣйствительно заведены въ войскахъ Нашихъ, имперія Наша и большую гораздо знатность и новое расширеніе получила; но какъ почти всѣ европейскіе государи, а особливо съ нѣкотораго времени, неутомленное прилагаютъ стараніе войска свои, сколько можно, въ лучшее состояніе приводить, и въ двухъ неоспоримыхъ истинахъ признаться надобно: первое, что военное званіе и ремесло во многомъ весьма перемѣнились и гораздо большаго достигли совершенства, и второе, что и долгъ Насъ обязуетъ, и внутренно чувствуемъ Мы превеликое, но справедливое удовольствіе, прилагая всевозможные къ тому труды и старанія, чтобъ, приводя имперію Нашу въ цвѣтущее состояніе, поставить и военную Нашу силу, сколько можно, въ лучшее еще, и для пріятелей почтительнѣйшее, а для непріятелей страшное состояніе: — то за потребно разсудили Мы, для достиженія сего намѣренія учредить военную коммиссію, а главную дирекцію на Насъ самихъ снимаемъ» [2]).

Кромѣ русскаго войска Петръ III вознамѣрился составить особое голштинское войско, и вербовщики отправились въ Лифляндію и Эстляндію съ наказомъ набирать «вольныхъ людей, а не изъ подданныхъ Его И. В-ва»; отправились и въ Малороссію для набора «изъ Волоховъ и Поляковъ, но никакъ не изъ Малороссіянъ» [3]).

---

1) Соловьевъ, XXV, 11—16; Полн. Собр. Зак., № 11445. — 2) Полн. Собр. Зак., №№ 11442, 11458, 11461.— 3) Тамъ же, № 11416.

Видъ Зимняго Дворца, съ русской гравюры середины XVIII ст.

Для чего же нужно было усиленіе войска и флота и столько издержекъ на содержаніе заграничной арміи? Быть-можетъ, это было нужно, чтобъ сдѣлать послѣднее усиліе для окончанія войны съ Пруссіею, для полученія себѣ и союзникамъ честнаго мира? Петръ III давно обнаруживалъ сильное уваженіе къ Фридриху II и несочувствіе къ политической системѣ, господствовавшей при его теткѣ. Мы считаемъ себя въ правѣ принимать съ бо́льшею осторожностію разныя извѣстія о таинственныхъ сношеніяхъ Наслѣдника русскаго престола съ Фридрихомъ II; о существованіи этихъ сношеній заключали изъ собственныхъ словъ Петра; но мы знаемъ, какъ ребячески онъ могъ увлекаться въ своихъ разсказахъ, какія небывалыя вещи могъ себѣ приписывать; такъ, однажды за ужиномъ въ присутствіи многихъ лицъ, и въ томъ числѣ австрійскаго посла гр. Мерси, Петръ III разсказывалъ, какъ отецъ его, герцогъ Голштинскій, поручилъ ему экспедицію противъ цыганъ, и какъ онъ въ минуту разбилъ ихъ съ своимъ отрядомъ [1]). Въ другой разъ, на праздникѣ во дворцѣ, долго разговаривая о своемъ любимомъ предметѣ, о королѣ прусскомъ, Петръ III вдругъ обратился къ Волкову съ вопросомъ: «Не правда ли, сколько разъ мы съ тобою смѣялись надъ секретными приказаніями, которыя Императрица Елисавета посылала къ своему войску въ Пруссію»? Но если мы и не имѣемъ права принимать на вѣру разсказы за обѣдомъ, подобные разсказамъ о разбитіи цыганъ въ Голштиніи, тѣмъ не менѣе мы должны признать, что прусскія привязанности Петра не уменьшились во время Семилѣтней войны, поддерживаясь особенно голштинскими офицерами, въ кругу которыхъ Петръ всего болѣе любилъ проводить время: нѣкоторые изъ этихъ голштинцевъ сами служили въ прусскомъ войскѣ, а всѣ вообще по сѣверогерманскому патріотизму благоговѣли предъ своимъ національнымъ героемъ, Фридрихомъ II. Воспитатель Петра Ѳеодоровича, Штелинъ, разсказываетъ, что, чѣмъ болѣе разгоралась Семилѣтняя война, тѣмъ сильнѣе становились выходки Петра противъ политической системы, которой слѣдовала Россія; онъ говорилъ, что Императрицу обманываютъ относительно короля прусскаго, что совѣтники ея подкуплены Австріею и проведены Франціею. Читая въ газетахъ извѣстія о побѣдахъ союзниковъ, онъ смѣялся и говорилъ: «Это все неправда, мои извѣстія говорятъ иное». Вѣроятнѣе всего, что всѣ эти извѣстія заключались въ прус-

---

[1]) Петръ Ѳеодоровичъ привезенъ былъ въ Россію 13-ти лѣтъ.

скихъ газетахъ, и онъ вѣрилъ только имъ. Въ 1758 году полковникъ Розенъ привезъ въ Петербургъ извѣстіе о Цорндорфской битвѣ. Слуга, пріѣхавшій съ нимъ, началъ разсказывать здѣсь и тамъ, что битва проиграна русскими, за что былъ посаженъ на дворцовую гауптвахту. Узнавъ объ этомъ, Великій Князь велѣлъ привести его къ себѣ и сказалъ: «Ты поступалъ какъ честный малый, разскажи мнѣ все, хотя я хорошо и безъ того знаю, что русскіе никогда не могутъ побѣдить пруссаковъ». Когда слуга Розена разсказалъ все, какъ умѣлъ или хотѣлъ, то Петръ, указывая ему на голштинскихъ офицеровъ, сказалъ: «Смотри! это все пруссаки; развѣ такіе люди могутъ быть побиты русскими»? Петръ отпустилъ разсказчика, подаривъ ему 5 рублей и обнадеживъ своимъ покровительствомъ [1]).

Послѣ Петра Великаго, послѣ сокрушенія могущества Швеціи русскіе люди привыкли считать себя безопасными со стороны Запада, гдѣ нечего было бояться ни отъ слабой Швеціи, ни отъ слабой Польши, гдѣ союзъ съ Австріею обезпечивалъ безопасность со стороны Турціи, гдѣ самымъ главнымъ врагомъ Россіи считалась отдаленная Франція, которая не могла однако враждовать непосредственно, а могла вредить только интригами, подкупами: борьба съ Франціей ограничивалась борьбою дипломатическою. Но въ концѣ первой половины XVIII вѣка эта безопасность со стороны Запада исчезла: здѣсь вдругъ выдвинулась на первый планъ Пруссія, игравшая до тѣхъ поръ второстепенную роль; знаменитый король ея, искуснѣйшій полководецъ своего времени, не разбиралъ средствъ для усиленія своего государства захватомъ чужихъ областей; Швеція, Польша, Турція вошли въ кругъ дѣятельности Фридриха II, и вездѣ интересы его по необходимости сталкивались съ русскими. Россія приняла дѣятельное участіе въ союзѣ, составленномъ для сокращенія силъ прусскаго короля. Война выказала еще болѣе эти силы, выказала вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость со стороны союзниковъ не уставать въ преслѣдованіи своей цѣли, и Россія дѣйствовала неутомимо, несмотря на всѣ внутреннія и внѣшнія препятствія. Цѣль великихъ усилій и пожертвованій достигалась: Фридрихъ II доведенъ былъ до послѣдней крайности..., и въ эту самую минуту вдругъ все перемѣняется. Эта перемѣна не была торжествомъ извѣстной стороны, которая держалась совершенно противоположныхъ взглядовъ и теперь воспользовалась перемѣною царствующаго лица для проведенія этихъ взглядовъ; не было русскихъ людей, которые бы сочувствовали Фридриху II и не сознавали необходимости сдержать его въ непосредственныхъ интересахъ отечества. Русскіе люди

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 29—31. В. А. Бильбасовъ того мнѣнія, что «Фридрихъ II, не успѣвшій, несмотря на всѣ свои старанія, привлечь на свою сторону Великую Княгиню, легко обратилъ Великаго Князя въ своего шпіона... Англійскій посланникъ Кейтъ сообщалъ Вел. Князю всѣ новости съ театра войны, всегда, конечно, въ прусскомъ смыслѣ, и передавалъ прусскому королю всѣ свѣдѣнія о русской арміи, такъ что Фридрихъ II получалъ изъ Петербурга свѣдѣнія, касавшіяся русской арміи, даже ранѣе русскихъ главнокомандующихъ... Словомъ, это шпіонство и участіе въ немъ Вел. Князя ни для кого не было тайной кромѣ русскаго канцлера (Воронцова), который, не рѣшаясь противодѣйствовать Вел. Князю, дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ». (Бильбасовъ, I, 392 и 393).

безспорно тяготились продолжительною войною и желали мира, но мира честнаго, и этотъ честный миръ былъ уже въ ихъ рукахъ, дожидаться его было не долго; награда за всю кровь, за всѣ пожертвованія была готова. Нозый Императоръ возбудилъ бы къ себѣ полное сочувствіе въ русскихъ людяхъ, если бы явился вооруженнымъ посредникомъ въ умиротвореніи Европы, если бы, признавая по примѣру англійскаго министерства необходимость для Фридриха II удовлетворить требованіямъ противниковъ, въ то же самое время умѣрилъ бы эти требованія. Самъ Фридрихъ сознавалъ необходимость уступокъ съ своей стороны: онъ готовъ былъ уступить Россіи Восточную Пруссію. Фридрихъ II хотѣлъ стать въ то же положеніе, въ какомъ при концѣ своего поприща оказался Карлъ XII относительно Петра Великаго, уступившій Россіи всѣ ея завоеванія съ тѣмъ, чтобъ Россія помогла ему получить *эквивалентъ* въ другомъ мѣстѣ. Но что могъ сдѣлать Петръ I, раздраженный непріязненными поступками своихъ союзниковъ, на то не имѣлъ права Петръ III относительно союзниковъ Россіи въ Семилѣтнюю войну. На одно имѣлъ онъ право — въ случаѣ сильныхъ препятствій къ мирному соглашенію, отказаться отъ своей доли вознагражденія отъ Пруссіи, ибо, хотя великодушіе въ политикѣ обыкновенно не приноситъ плодовъ, но было бы удовлетворено чувство народа, нуждавшагося въ честномъ мирѣ, а не въ лишнемъ клочкѣ не русской земли. Но поведеніе Петра III глубоко оскорбляло русскихъ людей, потому что шло наперекоръ всеобщему убѣжденію, отзывалось насмѣшкой надъ кровью, пролитою въ борьбѣ, надъ тяжелыми пожертвованіями народа для дѣла народнаго, праваго и необходимаго; миръ, заключенный съ Пруссіею, никому не представлялся миромъ честнымъ; всѣ видѣли ясно, что русскіе интересы приносятся въ жертву интересамъ чуждымъ и враждебнымъ; всего оскорбительнѣе было то, что Россія подпала подъ чужое вліяніе, чужое иго, чего не было и въ печальное время за двадцать лѣтъ тому назадъ, ибо и тогда люди, стоявшіе наверху, люди не русскаго происхожденія, Остерманъ, Минихъ, Биронъ, были русскіе подданные и не позволяли посламъ чужихъ государей распоряжаться, какъ теперь распоряжался прусскій камергеръ Гольцъ. Прожили двадцать лѣтъ въ утѣшительномъ сознаніи народной силы, въ сознаніи самостоятельности и величія Россіи, имѣвшей могущественное, рѣшительное вліяніе на европейскія дѣла, а теперь до какого позора дожили! Иностранный посланникъ заправляетъ русскою политикою, чего не бывало со

Берегъ р. Фонтанки у Калинкина моста въ 1762 г. (Путь шествія Императрицы Екатерины II). Съ рис. съ натуры и офорта П. Штелина. (Собр. П. Я. Дашкова).

временъ татарскихъ баскаковъ, но и тогда было легче, ибо рабство невольное не такъ позорно, какъ добровольное. И хотя бы такою страшно дорогою цѣною купленъ былъ миръ! Но одну войну кончали для того, чтобъ начать другую, — какую, зачѣмъ? затѣмъ, что русскій Государь не могъ рѣшиться быть только русскимъ Государемъ.

Къ чести тогдашнихъ русскихъ людей, стоявшихъ наверху, надобно сказать, что они, за исключеніемъ очень немногихъ ничтожностей, не могли помириться съ новымъ положеніемъ дѣлъ. Даже любимцы Петра III, Мельгуновъ и Волковъ, не могли скрыть своего неодобренія явному подчиненію русской политики вліянію прусскаго посла Гольца [1]).

Берегъ р. Фонтанки у Калинкина моста въ 1762 г. (Путь шествія Императрицы Екатерины II). Съ рис. съ натуры и офорта П. Штелина. (Собр. П. Я. Дашкова).

Къ неудовольствію отдѣльныхъ лицъ присоединялось неудовольствіе могущественныхъ сословій — духовенства, войска. Рѣзкое, крутое рѣшеніе вопросовъ о церковныхъ имуществахъ возбудило сильное негодованіе духовенства. Черное духовенство было раздражено внезапнымъ отнятіемъ монастырскихъ вотчинъ; бѣлое — повелѣніемъ брать въ военную службу священническихъ и дьяконскихъ сыновей.

Когда Петръ былъ Великимъ Княземъ, то выражалъ свое нерасположеніе къ русскому духовенству ребяческимъ образомъ: высовываніемъ языка священникамъ и дьяконамъ во время богослуженія. Но теперь дѣло пошло серіознѣе [2]). Приводя нѣкоторыя постановленія новаго царствованія, бывшія популярными, русскій современникъ (Болотовъ) говоритъ: «Но послѣдовавшія затѣмъ другія распоряженія Императора возбудили сильный ропотъ и негодованіе въ подданныхъ, и болѣе всего то, что онъ вознамѣрился было перемѣнить совершенно религію нашу, къ которой оказывалъ особливое презрѣніе. Онъ призвалъ первенствующаго архіерея (Новгородскаго) Дмитрія Сѣченова и приказалъ ему, чтобъ въ церквахъ оставлены были только иконы Христа и Богородицы, а другихъ бы не было, и чтобъ всѣмъ попамъ предписано было

---

1) Соловьевъ, XXV, 68—70. — «Lorsqu'il plait au roi (Фридриху II) de faire signifier ses désirs par son ministre (Гольцъ), le ministre n'a qu'à parler, un: «Ja, Brüderchen» est la réponse». (Депеша гр. Брюля, у Бильбасова, II, 613). «Je trouve en Elle un ami. Je trouve en Elle un prince qui a le cœur vraiment allemand, qui ne veut pas contribuer à rendre l'Allemagne l'esclave de la maison d'Autriche et qui me tend une main secourable lorsque je me trouvais presque sans ressource». (Гос. арх., IV, 111; письмо Фридриха II къ Петру III, отъ 20 Марта 1762 г.). — «Vous savez que depuis tant d'années je vous ai été attaché n'ayant aucun intérêt à le faire autre que de risquer le tout en vous servant dans mon pays, d'ailleurs le faisant avec les grand zèle et attachement que je pouvais». (Гос. арх., IV, 110, отвѣтъ Петра III). — 2) Соловьевъ, XXV, 79—81.

бороды свои обрить и вмѣсто длинныхъ своихъ рясъ носить такое платье, какое носятъ иностранные пасторы. Этотъ благоразумный старецъ не зналъ, какъ и приступить къ исполненію такого неожиданнаго повелѣнія и усматривалъ ясно, что Государь имѣлъ намѣреніе перемѣнить православіе на лютеранство. Онъ принужденъ былъ объявить волю государеву знатнѣйшему духовенству, и, хотя дѣло на этомъ до времени остановилось, однако произвело во всемъ духовенствѣ сильное неудовольствіе, содѣйствовавшее потомъ очень много перевороту» [1]). Одновременно послѣдовало распоряженіе запечатать домовыя церкви [2]).

Къ неудовольствію духовенства присоединялось неудовольствіе войска, а въ то время всѣ нравственныя силы страны, вся политическая жизнь ея сосредоточивались въ войскахъ, преимущественно въ гвардіи, представлявшей собою цвѣтъ русскаго дворянства [3]). Однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго царствованія было распущеніе лейбъ-компаніи. Уничтоженіе этой «гвардіи въ гвардіи», разумѣется, могло возбудить только радость, если бы на мѣстѣ старой русской лейбъ-компаніи не увидали тотчасъ же новой, только иностраннаго происхожденія—голштинской гвардіи, пользовавшейся явнымъ предпочтеніемъ Императора, что и возбуждало сильнѣйшее неудовольствіе въ русской гвардіи [4]). «Во всемъ народѣ, а преимущественно въ гвардейскихъ полкахъ», доносилъ Мерси, «господствуетъ сильное недовольство, и нѣкоторые изъ отставленныхъ лб.-компанцевъ поговариваютъ, что очень хорошо понимаютъ, что ихъ отставили не по какой-либо другой причинѣ, какъ по той, что Императоръ хочетъ заточить свою супругу въ монастырь; они же тѣмъ менѣе заслужили свою отставку, такъ какъ возвели на престолъ покойную Императрицу и слѣдовательно были причиною того, что Императоръ по ея кончинѣ занялъ престолъ» [5]).

---

[1]) Болотовъ, II, 172 и 173. — [2]) Соловьевъ, XXV, 79—81. — Сборникъ, XVIII, 371 и 372. — Въ Троицынъ день Императоръ «въ придворной церкви принималъ иностранныхъ министровъ и дворянство, ходилъ по церкви, какъ будто въ своихъ покояхъ, взадъ и впередъ, громко разговаривалъ съ лицами обоего пола, между тѣмъ какъ торжественно совершалось богослуженіе, и Императрица съ благоговѣніемъ молилась; когда всѣ опустились на колѣни, Петръ III съ громкимъ смѣхомъ вышелъ изъ церкви и возвратился лишь по окончаніи колѣнопреклоненной молитвы». (Сборникъ, XVIII, 391 и 392). — [3]) Бильбасовъ, I, 396. — [4]) Соловьевъ, XXV, 81. — Первымъ распоряженіемъ Петра III по лб.-компаніи было назначеніе 31 Декабря капрала кн. Ивана Барятинскаго «въ флигель-адъютанты Е. И. В-ва, съ чиномъ и съ двойнымъ жалованьемъ дѣйствительнаго подполковника». (Леф. арх., оп. 120, кн. 100). Съ кн. Ив. Барятинскимъ назначены флигель-адъютантами Степанъ Перфильевъ, Семенъ Порошинъ, Михаилъ Чарторижскій и сек.-маіоръ Айгустовъ. (М. арх. М. Ю., кн. Сен. 538/3021, лл. 66, 67, 72). — 11 Января гр. Гендриковъ объявилъ лб.-компаніи Высочайшее повелѣніе: «гг. сержантамъ лб.-компаніи печальнаго платья не носить, а имѣть на рукахъ черный флеръ, также и гг. капраламъ, вице-капраламъ и гренадерамъ имѣть же на рукахъ черный флеръ». Этимъ распоряженіемъ унтеръ-офицеры лб.-компаніи лишались права ношенія внѣ службы мундировъ по своимъ армейскимъ рангамъ, предоставленнаго имъ Елисаветой Петровной. 30 Января это распоряженіе вновь подтверждено: гр. Гендриковъ объявилъ лб.-компаніи Высочайшее повелѣніе, чтобъ лб.-компаніи унтеръ-офицеры «не носили камзоловъ и штановъ черныхъ, а ходили-бъ въ строевомъ мундирѣ». 23 Января гр. Гендриковъ словесно приказалъ, «чтобъ чины лейбъ-компаніи, которые находятся въ кавалергардскомъ уборѣ, кромѣ караула и ученья нигдѣ въ подсумкахъ и портупеяхъ и шляпахъ не ходили, а ежели будетъ усмотрѣно, тѣ будутъ штрафованы». (Леф. арх., оп. 120, кн. 50). — [5]) Сборникъ, XVIII, 288.

Тотчасъ же послѣ похоронъ Императрицы стало ясно, что Петръ III вскорѣ распуститъ лб.-компанію: 12 Февраля кн. Н. Ю. Трубецкой приказалъ вице-сержанту Станиславскому внести «къ Его Императорскому Величеству серебряные барабаны съ чехлами и съ перевязями, оправленными серебромъ, и съ флейтами» [1]).

Мы должны сознаться, что и послѣ кончины Елисаветы Петровны въ средѣ лб.-компаніи нашлись гренадеры, позволявшіе себѣ безобразія; такъ, 10 Января гр. Гендриковъ приказалъ «гренадера Петра Муромцова за пьянство послать не въ очередь сего-жь числа по 18-ое число на караулъ», а 12 Января гр. Разумовскій приказалъ произвести слѣдствіе по «промеморіи изъ Главной Полицеймейстерской Канцеляріи о побитіи въ квартирѣ у Голландскаго посланника лб.-компаніи гренадеромъ Алексѣемъ Мазуринымъ и копіистомъ Василіемъ Корольковымъ стеколъ» [2]).

Калинкинъ мостъ въ 1762 году. (Путь шествія Императрицы Екатерины II). Съ рис. съ натуры и офорта П. Штелина. (Собр. П. Я. Дашкова).

Петръ III поручилъ расформированіе лб.-компаніи кн. Н. Ю. Трубецкому. 21 Марта былъ данъ слѣдующій указъ Военной Коллегіи: «Когда мы приняли намѣреніе корпусъ лб.-компаніи, котораго службою мы довольны, распредѣлить по другимъ мѣстамъ, взыскавъ Нашею милостью всѣхъ, во ономъ служащихъ, по заслугамъ и достоинствамъ каждаго, то даннымъ Нашему генералъ-фельдмаршалу князю Трубецкому указомъ повелѣли, помянутый корпусъ лейбъ-компаніи собравъ, объявить оному вышеизображенное Наше милостивое намѣреніе съ тѣмъ, дабы каждый объявилъ, кто въ какую службу или въ отставку желаетъ, и представить къ Намъ, присовокупляя свое мнѣніе, различа по справедливости между тѣми, кои долгое время, а особливо съ самаго заведенія сего корпуса служили, и между тѣми, кои недавно въ оный вступили и, бывъ въ меньшихъ чинахъ, единымъ въ сей корпусъ опредѣленіемъ уже награждены были. Почему онъ, генералъ-фельдмаршалъ, исполняя вышеписанное и отобравъ отъ каждаго желаніе, разсмотря ихъ службу, достоинства и лѣта, представилъ Намъ къ апробаціи свое мнѣніе».

Петръ III утвердилъ «мнѣніе» кн. Трубецкаго, согласно которому лб.-компанцы были раздѣлены на два разряда:

---

1) «Господину Ельчанинову. По поданному ко мнѣ рапорту отъ пр.-маіора и лб.-компаніи в.-сержанта Станиславскаго и по полученному имъ приказу отъ е. с. ген.-фельдмаршала и кавалера кн. Никиты Юрьевича Трубецкаго, взятые отъ васъ серебряные барабаны съ чехлами, съ перевязьми, оправленными серебромъ, и съ флейтами внесены имъ, Станиславскимъ, къ Е. И. В-ву, которые, по повелѣнію Е. И. В-ва, принялъ флигель-адъютантъ кн. Иванъ Барятинскій. Того ради извольте оные барабаны съ чехлами, съ перевязьми и флейты изъ приходу вашего выключить и записать точно, кѣмъ внесены и приняты. Гр. А. Разумовскій». (Леф. арх., оп. 120, кн. 53). — 2) Леф. арх., оп. 120, кн. 50; св. 134, д. 15/36.

I) Лб.-компанцы, участвовавшіе въ переворотѣ «25 Ноября 1741 года» («тѣ, которые были при началѣ корпуса лб.-компаніи»); таковыхъ оказалось 74 человѣка, и всѣ они (кромѣ сержанта Григорія Съѣдина) произведены въ слѣдующій чинъ, и 72 человѣка уволены «вовсе отъ воинской и статской службы» [1]).

II) Поступившіе въ корпусъ лб.-компаніи «послѣ учрежденія онаго», т.-е. не участвовавшіе въ переворотѣ «25 Ноября 1741 года», были раздѣлены на слѣдующія категоріи: 1) всѣмъ лицамъ, прослужившимъ въ общей сложности въ лб.-компаніи или иныхъ частяхъ въ офицерскомъ званіи не менѣе 5 лѣтъ, было предоставлено право или проситься въ отставку, или продолжать службу военную или гражданскую. Изъ нихъ 171 вышли въ отставку, 41 были опредѣлены, «по ихъ желаніямъ, въ армейскую и гарнизонную службу, также въ ландмилицкіе полки», а 18 были опредѣлены «къ статскимъ дѣламъ, къ подушному сбору и въ прочія мѣста, по разсмотрѣнію Сената и по склонности, къ чему кто способенъ будетъ». При этомъ всѣ прослужившіе болѣе 5 лѣтъ были произведены въ слѣдующій чинъ;

2) прослужившихъ офицерами менѣе 5 лѣтъ повелѣвалось «по ихъ недолговременной службѣ отослать въ Сенатъ для распредѣленія къ статскимъ дѣламъ тѣми-жь чинами» (15 человѣкъ);

3) пять человѣкъ переведены въ гвардейскіе полки: капитаны — съ чиномъ поручика, а поручики — прапорщиками [2]).

Указъ оканчивался такъ: «впрочемъ всѣхъ вышеозначенныхъ, какъ унтеръ-офицеровъ, капраловъ, вице-капраловъ и рядовыхъ, Всемилостивѣйше жалуемъ тѣмъ мундиромъ, который они носятъ, а что слѣдуетъ до заротныхъ въ часто помянутомъ корпусѣ чиновъ и разныхъ къ оному принадлежностей, о томъ повелѣваемъ надлежащее разсмотрѣніе и опредѣленіе сдѣлать Нашей Военной Коллегіи» [3]).

21 Марта Петръ III подписалъ указъ о распущеніи лб.-компаніи, того же числа полученъ онъ въ Военной Коллегіи; 26 Марта кн. Трубецкой сообщилъ копію съ опредѣленія Военной Коллегіи въ лб.-компанію. Въ опредѣленіи этомъ предписывалось: 1) дѣла канцеляріи лб.-компаніи отдать въ архивъ Военной Коллегіи; 2) счетныя дѣла передать въ ревизіонъ-контору; 3) амуничныя и прочія вещи — въ комиссію оберъ-штеръ-кригсъ-комисара Мерлина; 4) церковь — въ Св. Синодъ; 5) ружье съ приборомъ — въ цейгхаузъ оружейнаго вѣдомства [4]).

Награжденные чинами, но отставленные безъ пенсій и даже не опредѣленные «къ прокормленію» въ монастыри, многіе изъ лб.-компанцевъ оста-

---

[1]) Бригадиры и сержанты Василій Храповицкій и Никита Савинъ произведены въ ген.-маіоры, Храповицкій съ опредѣленіемъ «въ заграничную армію», а Савинъ — «до будущаго о немъ опредѣленія отъ службы его не отставлять, но производить ему полное жалованье съ раціонами и денщичьями». — [2]) Капитаны Алексѣй Хотяинцовъ и Петръ Ларіоновъ; поручики Алексѣй Головинъ, Иванъ и Никита Мартьяновы. — [3]) Леф. арх., оп. 120, св. 2, д. 28. — [4]) Тамъ же, кн. 53, №№ 22—24; тамъ же, оп. 50, кн. 201, № 2821.

лись безъ куска хлѣба. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство и не позаботилось, подобно тому, какъ сдѣлалъ Биронъ въ 1731 году съ кавалергардами, о высылкѣ этихъ недовольныхъ лицъ изъ столицы, и мы увидимъ, что находившіеся въ Петербургѣ лб.-компанцы принимаютъ дѣятельное участіе въ воцареніи Екатерины II.

Первенствующее значеніе въ войскѣ получилъ иностранный принцъ, Георгъ Голштинскій, не имѣвшій никакихъ заслугъ и постаравшійся тотчасъ же своимъ характеромъ и поступками возбудить противъ себя ненависть. Самъ Гольцъ долженъ былъ потомъ сознаться предъ Фридрихомъ II, что принцъ Георгъ много содѣйствовалъ возбужденію сильной ненависти противъ нѣмцевъ и ускорилъ паденіе своего Государя [1]). Опять, какъ и во времена Бирона, стали говорить, что гвардіи скоро придетъ конецъ, что ее распредѣлятъ по армейскимъ полкамъ.

Штелинъ разсказываетъ, что на первыхъ порахъ, «до прибытія дяди его, принца Георга», Петръ III усиленно занимался государственными дѣлами, и «возлагали великую надежду на его царствованіе, и всѣ вообще полюбили его». Только впослѣдствіи, когда онъ сталъ упускать изъ виду внутреннее, занимаясь только внѣшнимъ, когда онъ уничтожилъ мундиры гвардейскихъ полковъ, существовавшіе со временъ Петра Великаго, и замѣнилъ ихъ короткими прусскими кафтанами, ввелъ бѣлыя узкія брюки и проч., тогда гвардейскіе солдаты, и съ ними многіе офицеры, начали тайно роптать и допустили подготовить себя къ возмущенію... «Прежняя, введенная Петромъ Великимъ форма гвардіи была перемѣнена на короткіе прусскіе кафтаны съ золотыми (называемыми бранденбургскими) петлицами. Офицеры изъ вѣжливости показывали видъ, что они этимъ довольны, но нижніе чины, терявшіе аршина по два отъ каждаго мундира, громко роптали на это нововведеніе. Это положило нѣсколько камней въ основаніе ихъ воспослѣдовавшаго отпаденія отъ Императора. Къ этому присоединился еще ропотъ, будто Императоръ хочетъ уничтожить гвардейскіе полки (онъ точно замышлялъ это исполнить и по своей дурной привычкѣ не могъ сохранить втайнѣ), раздѣлить людей между прочими полками и въ столицѣ вмѣсто гвардіи употреблять его лейбъ-кирасирскій полкъ, перемѣщая ежегодно полевые полки. Еще будучи Великимъ Княземъ, онъ называлъ гвардейскихъ солдатъ янычарами, живущими на одномъ мѣстѣ въ казармахъ съ женами и дѣтьми, и говорилъ, что они только блокируютъ резиденцію, неспособны ни къ какому труду, ни къ военнымъ экзерциціямъ и всегда опасны для правительства.

Всѣ офицеры ходили теперь въ новыхъ коротенькихъ мундирахъ, съ испанскою тростью въ рукѣ и съ записною табличкою въ карманѣ. Каждое утро, въ 11 часовъ былъ передъ дворцомъ парадъ, на которомъ являлся Импе-

---

[1]) «On peut dire que ce prince a beaucoup contribué à rendre les Allemands haïssables et à précipiter la chute de son maître». (Депеша Гольца, у Соловьева, XXV, 367).

раторъ и все, что его окружало. Полевые полки получили другое названіе, по именамъ своихъ полковниковъ, тогда какъ прежде назывались по городамъ и провинціямъ государства. Каждый полковникъ выдумывалъ свою форму, и поэтому мундиры стали необыкновенно разнообразны, такъ что каждый полкъ былъ одѣтъ иначе, чѣмъ другой. Почти каждый генералъ, даже фельдмаршалы, получили каждый особый полкъ и ходили въ формѣ своего полка. Фельдмаршалы и прочіе генералы, которые были вмѣстѣ полковниками, подполковниками и маіорами гвардейскихъ полковъ, должны были лично командовать своимъ полкомъ, когда при дворѣ смѣнялся караулъ, и стоять передъ фронтомъ во время парада. Это исполняли фельдмаршалъ Ф. Минихъ, кн. Никита Юр. Трубецкой, гетманъ Разумовскій и другіе, которые до этого, бывъ подполковниками и маіорами гвардейскихъ полковъ, не только не брали въ руки эспонтона, но и не учились новой экзерциціи. Чтобы не подвергнуть себя публичному выговору отъ Императора и насмѣшкамъ офицеровъ, каждый изъ нихъ держалъ у себя въ домѣ молодаго офицера, который знаетъ службу, и раза по три и четыре въ день бралъ у него уроки въ новой прусской экзерциціи» [1]).

Видъ Невскаго просп. отъ Аничкова моста къ Адмиралтейству, съ датской гравюры П. Гаазъ 1770 года.

При такихъ основныхъ причинахъ неудовольствія все не нравилось, все возбуждало ропотъ: роптали на перемѣну формы, на частое и долгое ученье по новому, прусскому образцу. Болотовъ такъ говоритъ о неудовольствіи въ войскѣ и его причинахъ: «Негодованіе во многихъ произвелъ и число недовольныхъ собою увеличилъ онъ, Петръ, и тѣмъ, что съ самаго того числа, какъ скончалась Императрица, не сталъ уже онъ болѣе скрывать той непомѣрной приверженности и любви, какую имѣлъ всегда къ королю прусскому. Онъ носилъ портретъ его на себѣ въ перстнѣ безпрерывно, и другой большой повѣшенъ былъ у него подлѣ кровати [2]). Онъ приказалъ тотчасъ сдѣлать себѣ мундиръ такимъ покроемъ, какъ у пруссаковъ, и не только сталъ самъ всегда носить оный, но восхотѣлъ и всю гвардію свою одѣть такимъ же образомъ; а сверхъ того носилъ всегда на себѣ и орденъ прусскаго короля, давая ему преимущество предъ всѣми россійскими [3]). А всѣмъ тѣмъ не удовольствуясь, восхотѣлъ перемѣнить и мундиры во всѣхъ полкахъ и вмѣсто прежнихъ одноцвѣтныхъ зеленыхъ подѣлалъ разноцвѣтные узкіе и такимъ

---

[1]) Зап. Штелина въ Гос. арх., II, 92; «Утро» Погодина, 1868, 343—352. — [2]) Петръ III громко говорилъ, что для него «воля Фридриха — воля Божья». Ce jeune prince affecte de porter à son doigt une bague où est le portrait de S. M. Prussienne. (Депеша Дальона, у Бильбасова, I, 430). — [3]) «Je ne lui ai jamais vu d'autres cordons que celui de Prusse, qu'il porte le plus souvent par-dessus l'habit». (Депеша гр. Брюля, у Бильбасова, II, 603).

покроемъ, какимъ шьются у пруссаковъ оные. Наконецъ и самымъ полкамъ не велѣлъ болѣе называться попрежнему, по именамъ городовъ, а именоваться уже по фамиліямъ своихъ полковниковъ и шефовъ; а сверхъ того, введя уже во всемъ наистрожайшую военную дисциплину, принуждалъ ихъ ежедневно экзерцироваться, несмотря, какая бы погода ни была, и всѣмъ тѣмъ не только отяготилъ до чрезвычайности всѣ войска, но и, огорчивъ всѣхъ, навлекъ на себя, и особливо отъ гвардіи, превеликое неудовольствіе» [1]).

Вельможи, старики, имѣвшіе почетное мѣсто въ гвардіи, должны были подчиняться новымъ порядкамъ, если не хотѣли навлечь на себя неудовольствіе и насмѣшки Императора.

Болотовъ, пріѣхавшій въ это время въ Петербургъ, такъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него проходившимъ отрядомъ гвардіи: «шелъ тутъ строемъ деташементъ гвардіи, разряженный, распудренный и одѣтый въ новые тогдашніе мундиры, и маршировалъ церемоніею. Но ничто меня такъ не поразило, какъ идущій предъ первымъ взводомъ низенькій и толстенькій старичокъ съ своимъ эспонтономъ и въ мундирѣ, унизанномъ золотыми нашивками, со звѣздою на груди и голубою лентою подъ кафтаномъ и едва примѣтною. — «Это что за человѣкъ»? спросилъ я. — «Какъ! развѣ вы не узнали? Это князь Никита Юрьевичъ Трубецкой»! — «Что вы говорите! Господи помилуй! Князь Никита Юрьевичъ былъ у насъ до сего генералъ-прокуроромъ и первѣйшимъ человѣкомъ въ государствѣ! Да развѣ онъ нынѣ уже не тѣмъ»? — «Онъ и нынѣ не только тѣмъ же и такимъ же генералъ-прокуроромъ, какъ былъ, но сверхъ того недавно пожалованъ еще фельдмаршаломъ». — «Какъ же это? Я считалъ его дряхлымъ и такъ болѣзнію ногъ отягощеннымъ старикомъ, что, какъ говорили, онъ затѣмъ и во Дворецъ и въ Сенатъ по нѣскольку недѣль не ѣздилъ, да и дома до него не было почти никому доступа»? — «О»! отвѣчали мнѣ, «это было во время оно; а нынѣ, рече Господь, времена перемѣнились, нынѣ у насъ больные, и небольные, и старички самые поднимаютъ ножки, и на ряду съ молодыми маршируютъ, и также хорошохонько топчутъ и мѣсятъ грязь, какъ солдаты. Вотъ видѣли вы сами. Нынѣ говорятъ: когда носишь на себѣ званіе подполковника гвардіи, такъ неси и службу и отправляй и должность подполковничью во всемъ» [2]). Гр. А. Г. Разумовскій избавился отъ подобнаго положенія увольненіемъ отъ всѣхъ должностей; но младшій братъ, гетманъ Кириллъ, долженъ былъ держать у себя на дому молодаго офицера, который давалъ ему уроки въ новой прусской экзерциціи, и все же онъ не спасался отъ выговоровъ и насмѣшекъ Петра III, и говорили, что Императоръ находилъ особенное удовольствіе смѣяться надъ Разумовскимъ, неспособнымъ по природѣ къ военнымъ упражненіямъ.

Много веселыхъ минутъ доставляли Императору также придворныя дамы, которыхъ онъ заставилъ перемѣнить старый русскій поклонъ на французское

---

[1]) Болотовъ, II, 173. — [2]) Тамъ же, 178 и 179.

присѣданье; многія дамы, особенно старухи, никакъ не умѣли приловчиться къ присѣданью, и комическое положеніе ихъ при этомъ доставляло Петру III величайшее удовольствіе: онъ наблюдалъ за ними и потомъ передразнивалъ [1]). «Я была очень смѣшлива», разсказывала потомъ одна знатная дама-современница, «Государь, бывало, нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на Государя» [2]). Сильное неудовольствіе распространялось въ Петербургѣ; но и въ мѣстахъ отдаленныхъ не могли не замѣтить, что въ правительственной машинѣ какое-то разстройство [3]); въ Петербургѣ видѣли, отъ чего происходитъ это разстройство. Вслѣдствіе дѣтской слабости характера Петръ быстро перенималъ все у людей, среди которыхъ обращался, къ которымъ привязывался. Пристрастившись къ голштинскимъ офицерамъ, заключившись въ ихъ обществѣ, Петръ перенялъ казарменныя привычки и грубый кутежъ сдѣлалъ своимъ любимымъ препровожденіемъ времени. При Императрицѣ Елисаветѣ о табакѣ не было слышно во дворцѣ, потому что она терпѣть его не могла, и самъ Петръ сначала не могъ его терпѣть; но какъ скоро увидѣлъ, что голштинцы, которыхъ онъ считалъ образцовыми людьми, героями, курятъ, то и самъ началъ курить. Когда прежній наставникъ его, Штелинъ, изумился, увидавъ его въ первый разъ съ трубкою за пивомъ, то Петръ сказалъ ему: «чему ты удивляешься, глупая голова! развѣ ты видалъ хотя одного настоящаго браваго офицера, который бы не курилъ»? За пивомъ послѣдовало вино [4]). «Всеобщее негодованіе», по словамъ Болотова, «увеличилось еще болѣе, когда стали разсѣиваться повсюду слухи и достигать до самаго подлаго народа, что Государь не успѣлъ вступить на престолъ, какъ предался публично всѣмъ своимъ невоздержностямъ и совсѣмъ неприличнымъ такому великому монарху дѣламъ, и что онъ не только съ графинею Воронцовою, какъ съ публичною своею любовницею, препровождалъ почти все свое время, но сверхъ того, въ самое еще то время, когда скончавшаяся Императрица лежала во дворцѣ еще во гробѣ, цѣлыя ночи провождалъ съ любимцами, льстецами и прежними друзьями своими, въ пиршествахъ и питьѣ, приглашая иногда къ тому такихъ людей, которые нимало недостойны были сообщества и дружескаго собесѣдованія съ Императоромъ, какъ, напримѣръ, итальянскихъ театральныхъ пѣвицъ и актрисъ, вкупѣ съ ихъ толмачами; а что всего хуже, разговаривая на пиршествахъ таковыхъ въявь обо всѣхъ и

---

1) Соловьевъ, XXV, 83. — 2) Нат. Кир. Загряжская. (Пушкинъ, изд. Литер. фонда, V, 270). — 3) Соловьевъ, XXV, 84. — «Вскорѣ по воцареніи Петра III русскіе люди не только въ столицѣ, но и въ провинціи потеряли всякое довѣріе къ правительству. Не было такой нелѣпости, такой лжи, которая не принималась бы на вѣру и не повторялась всѣми. Въ Псковскую губернскую канцелярію является крестьянинъ Опочецкаго уѣзда и заявляетъ, что «непріятель при г. Красномъ и Опочку плѣнилъ», что изъ Опочки въ деревню прибылъ верховой и кричалъ: «убирайтесь, пруссаки пришли; многихъ рубятъ и сѣкутъ», и Воронежскій полкъ по тревогѣ выступаетъ къ Красному и Опочкѣ на развѣдки, искать пруссаковъ. Въ Іюнѣ вслѣдъ за извѣстіемъ о русско-прусскомъ союзномъ договорѣ въ Астрахани громко говорили, что Императоръ Петръ III продалъ русскія войска Фридриху II съ тѣмъ, чтобы они не возвращались уже въ Россію». (Бильбасовъ, II, 12). — 4) Зап. Штелина.

Видъ Невскаго просп. отъ Полицейскаго до Аничкова мостовъ, съ грав. Гоберта.

обо всемъ, даже о самыхъ величайшихъ таинствахъ и дѣлахъ государственныхъ» [1]). Болотовъ былъ адъютантомъ главнаго начальника полиціи, генерала Корфа, ѣздилъ съ нимъ во дворецъ и наблюдалъ издали, что тамъ происходило за обѣдами и ужинами. «Мы», говоритъ онъ, «могли всегда въ растворенныя двери слышать, что Государь ни говорилъ съ другими, а иногда и самого его и всѣ дѣянія видѣть. Но сіе было для насъ удовольствіе только сначала, а въ послѣдствіи времени скоро дошло до того, что мы желали уже, чтобы таковые разговоры до нашего слуха и не достигали; ибо какъ рѣдко стали уже мы заставать Государя трезвымъ и въ полномъ умѣ и разумѣ, а всего чаще уже до обѣда нѣсколько бутылокъ англинскаго пива, до котораго онъ былъ превеликій охотникъ, уже опорожнившимъ, то сіе и бывало причиною, что онъ говаривалъ такой вздоръ и такія нескладицы, что при слушаніи оныхъ обливалось даже сердце кровію отъ стыда предъ иностранными министрами, видящими и слышащими то и безсомнѣнно смѣющимися внутренно. Истинно бывало, вся душа такъ поражается всѣмъ тѣмъ, что бѣжалъ бы неоглядкою отъ зрѣлища таковаго: такъ больно было все то видѣть и слышать». Но не только такъ велъ себя Петръ III во дворцѣ; онъ держался еще хуже, будучи у кого-либо изъ вельможъ въ гостяхъ [2]).

«У русскихъ людей сердце обливалось кровію отъ стыда предъ иностранными министрами». Эти иностранные министры въ донесеніяхъ своимъ дворамъ оставили единогласныя свидѣтельства о неприличіи пирушекъ Петра III, возбуждавшихъ сильное неудовольствіе въ народѣ. «Ропотъ на Государя и негодованіе ко всѣмъ дѣяніямъ и поступкамъ его, которые, чѣмъ далѣе, тѣмъ становились хуже, не только во всѣхъ знатныхъ съ часу на часъ увеличивалось,

---

[1]) Болотовъ, II, 170. — «Il veut à la fois tout voir par lui-même et jouir de tous les plaisirs. Un pareil plan de vie exige beaucoup de forces dans l'esprit et mine celles du corps. Il semble presque être au-dessus des facultés de l'homme. Ainsi l'empereur avec de bonnes intentions et beaucoup d'affabilité n'a-t-il gagné ni l'estime, ni le respect, ni l'attachement de la nation. Passionné dans toutes ses actions, ses réglements les plus sages paraissent moins le fruit de sa réflexion, que des saillies d'une imagination frappée. Sa familiarité-même semble être à craindre; il tutoie tous ceux, qu'il honore de sa bienveillance et prend avec eux des manières au-dessous de sa dignité... Sans être sanguinaire, il est craint parce qu'on sait que dans un moment de chaleur elle pourrait le porter à de grandes extrémités. Le moment passé, le feu s'évapore et ses inclinations naturelles reprennent le dessus. Elles tiennent plus de la faiblesse, que de la dureté... Sa véhémence et le défaut de lumières acquises sont les causes de la facilité avec laquelle il se prévient. Il suit, sans beaucoup discuter, les premières impressions, qu'on lui donne, et il persiste pour l'ordinaire, parce qu'il n'écoute point les raisons, qui pourraient le détromper... Ses manières avec les femmes sont libres jusqu'à l'indécence......» (Депеша гр. Брюля, у Бильбасова, II, 603—610). — [2]) Болотовъ, II, 203 и 204.

но начинало дѣлаться уже почти и всенароднымъ, и всѣ, будучи крайне недовольными заключеннымъ съ Пруссаками перемиріемъ и жалѣя о ожидаемомъ потеряніи Пруссіи, также крайне негодуя на безпредѣльную приверженность Государя къ королю прусскому, на ненависть и претензіи его къ закону, на крайнюю холодность, оказываемую Государынѣ, его супругѣ, на слѣпую его любовь къ Воронцовой и паче всего на оказываемое потому болѣе презрѣніе ко всѣмъ русскимъ и даваемое преимущество предъ ними всѣмъ иностранцамъ, а особливо Голштинцамъ, — отваживались публично и безъ всякаго опасенія говорить, и судить, и рядить всѣ дѣла и поступки Государевы... Когда (же) извѣстно сдѣлалось намъ, что скоро съ прусскимъ королемъ заключится миръ..., начали опасаться, чтобъ не сдѣлалось вскорѣ бунта и возмущенія, и особливо отъ огорченной до крайности гвардіи» [1]). Посланцы Фридриха II, Гольцъ, Шверинъ и Сальдернъ, скоро замѣтили сильное неудовольствіе и дали знать о немъ своему государю [2]). 4 Мая (н. с.) Фридрихъ II написалъ письмо Петру III, читая которое, трудно вѣрится, чтобы иностранный государь могъ такъ оскорбительно отзываться о подданныхъ того государя, которому онъ пишетъ: «Признаюсь, мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ В. В-во уже короновались, потому что эта *церемонія* (!) производитъ сильное впечатлѣніе на народъ, привыкшій видѣть коронованіе своихъ государей. *Я вамъ скажу откровенно, что не довѣряю русскимъ*. Всякій другой народъ благословлялъ бы небо, имѣя государя съ такими выдающимися и превосходными качествами, какія у В. В-ва (éminentes et admirables qualités), но *эти* русскіе, чувствуютъ ли они свое счастіе, и проклятая продажность какого-нибудь

Екатерина II,
съ силуэта, исполненнаго съ натуры
Г. Сидо. (Собр. П. Я. Дашкова).

---

[1]) Болотовъ, II, 211 и 212. — «Безразсудство, упрямство и безтолковое поведеніе Императора сдѣлали его», по словамъ Мерси, «на столько ненавистнымъ, что въ Петербургѣ, не остерегаясь болѣе, всѣ открыто уже высказывали свое недовольство». (Сборникъ, XVIII, 398). — Канцлеръ гр. М. Л. Воронцовъ сознавалъ, что «Императоръ отъ народа ненавидимъ». (Арх. кн. Воронцова, V, 102).

[2]) «...je gémis d'avoir à avouer à V. M. que ce bon Prince se trouve entouré de mauvais sujets et de scélérats, qui déjà ont presque réussi d'éloigner les honnêtes gens... Ce Prince endormi sur le Trône et dissipé par des amusements qu'on lui suggère à dessein, ne pense pas même que le malheur qui le menace est possible et moins encore qu'il soit si proche... je prévois qu'aussitôt que la guerre contre le Danemark aura lieu, une révolte est inévitable, surtout si l'on ne ménage le clergé et le peuple en général». (Депеша Сальдерна 22 Апр., у Бильбасова, II, 579 и 580).

одного ничтожнаго человѣка развѣ не можетъ побудить его къ составленію заговора или къ поднятію возстанія въ пользу этихъ принцевъ брауншвейгскихъ»?

Совѣтуя не отъѣзжать къ арміи, назначенной для войны съ Даніей, до коронаціи, Фридрихъ писалъ Петру, чтобъ онъ вывезъ «въ своей свитѣ за границу всѣхъ подозрительныхъ людей, также всѣхъ иностранныхъ министровъ... Этимъ Вы уничтожите въ Россіи всѣ сѣмена возмущенія и интриги... Я не сомнѣваюсь также, что Вы оставите въ Россіи *вѣрныхъ надсмотрщиковъ*, на которыхъ можете положиться, *голштинцевъ и ливонцевъ*, которые зорко будутъ за всѣмъ наблюдать и предупреждать малѣйшее движеніе» [1]). Что же отвѣчалъ Петръ? «Ваше Величество пишете, что по Вашему мнѣнію я долженъ короноваться прежде выступленія въ походъ, именно по отношенію къ народу. Но я долженъ Вамъ сказать, что, такъ какъ война почти начата, то я не вижу возможности прежде короноваться точно также по отношенію къ народу; коронація должна быть великолѣпна по обычаю, и я не могу сдѣлать великолѣпной коронаціи, не имѣя возможности ничего въ скорости здѣсь найти. Что касается Ивана, то я держу его подъ крѣпкою стражею, и если бы *русскіе* хотѣли сдѣлать мнѣ зло, то могли бы уже давно его сдѣлать, видя, что я не принимаю никакихъ предосторожностей, предавая себя въ защиту Господа Бога, ходя пѣшкомъ по улицамъ, что *Гольцъ можетъ засвидѣтельствовать*. Могу Васъ увѣрить, что, когда умѣешь обходиться съ ними, то можно быть покойнымъ на ихъ счетъ. Ваше Величество! что подумаютъ обо мнѣ *эти самые* русскіе, видя, что я сижу дома въ то самое время, когда идетъ война въ моей *родной* землѣ, русскіе, которые всегда желали одного — быть подъ властію Государя, а не женщины; двадцать разъ я самъ слышалъ отъ солдатъ моего полка: «Дай Богъ, чтобы вы скорѣе были нашимъ Государемъ, чтобъ не быть намъ больше подъ властію женщины». Но, что всего важнѣе, я никогда не прощу себѣ этой подлой трусости, я умру съ тоски отъ мысли, что я, будучи *первымъ принцемъ моего дома*, остался въ бездѣйствіи, когда велась война для возвращенія того, что было несправедливо отнято у его предковъ, и В. В-во много потеряли бы изъ своего уваженія ко мнѣ, если бы я это сдѣлалъ» [2]).

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ «время было шаткое и самое критическое: опасались, чтобъ не сдѣлалось вскорѣ бунта и возмущенія, а особливо отъ огорченной до крайности гвардіи». Но во имя кого могло произойти возстаніе? Іоаннъ Антоновичъ не только находился подъ крѣпкою стражею, но Петръ III приказалъ: «арестанта живаго въ руки не отдавать»; къ тому же Іоаннъ не могъ быть опаснымъ соперникомъ и по состоянію своихъ умственныхъ способностей, такъ какъ страдалъ умопомѣшательствомъ. Поэтому попытка произвести переворотъ во имя правнука царя Іоанна Алексѣевича противъ внука

---

1) Гос. арх., IV, 111, письмо 1 Мая 1762 г. — 2) Тамъ же, 110.

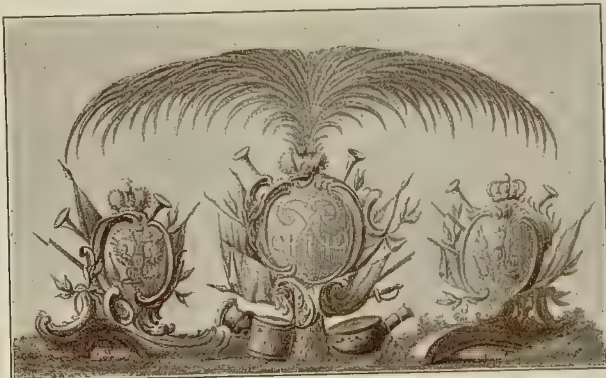
Петра Великаго могла произойти только отъ людей темныхъ, не имѣвшихъ соприкосновенія съ высшими сферами; для другаго же рода людей было одно средство — не прерывая наслѣдственной линіи, замѣнить отца сыномъ, средство, съ одной стороны, легкое, ибо сынъ, Вел. Кн. Павелъ Петровичъ, былъ еще ребенокъ, и потому не могло быть никакихъ столкновеній съ его волею, съ его сыновними отношеніями; но съ другой стороны, малолѣтство того, въ чью пользу должно было происходить движеніе, отнимало вождя, отнимало у этого движенія единство, силу, стройность, отнимало твердость у его послѣдствій, ибо надобно было искать другаго вождя, изъ подданныхъ, и какъ было его найти? надобно было имѣть дѣло со многими, съ партіями. По этому естественно и необходимо вниманіе всѣхъ обращалось на Императрицу Екатерину, которая уже давно была извѣстна и славна противоположностью своего поведенія съ поведеніемъ мужа, давно была извѣстна и славна своими блестящими способностями, своимъ обворожительно-ласковымъ обращеніемъ, своимъ вниманіемъ ко всему достойному вниманія, своимъ уваженіемъ къ русскимъ людямъ и ко всему, что имъ было дорого. Только отъ ея вліянія на мужа можно было ожидать хорошаго, но этого вліянія не было; самое близкое лицо явилось самымъ далекимъ, супруга была отвергнута, отвергнутъ былъ совѣтъ и разумъ; Екатерина подвергалась явнымъ оскорбленіямъ; она страдала вмѣстѣ съ русскими людьми, и крѣпкій союзъ образовался между ними и ею [1]).

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 92—95. — «Dans cette alternative de liberté (въ Ораніенбаумѣ) et de gêne (въ Петербургѣ) il (Петръ) attendait avec impatience le moment qui devait y mettre fin, et sans les infirmités de feu l'impératrice qui semblaient annoncer sa mort prochaine, il est à croire que dans les temps le nombre de ses troupes (голштинскихъ) s'étant accru jusqu'à 2000 hommes et une partie des officiers aux gardes russes étant à sa dévotion il eut tenté d'accélérer ce changement... Il tint un propos un jour à la fin d'un long repas, où le vin avait échauffé les esprits des convives. Il ne dissimula point qu'il avait souvent pensé d'un semblable projet et que le pavillon de Marly à Péterhof, où l'impératrice couchait, lui présentait toute sorte de facilités pour l'exécution, mais qu'il avait été trop bon pour l'entreprendre». Далѣе гр. Брюль писалъ: «...les seuls objets qui l'eussent jamais sérieusement affecté — son amitié pour le roi de Prusse et son attachement pour le nom et le pays de Holstein. De ces deux affections celle pour le roi de Prusse est la plus forte, la plus véhémente et qui souffre le moins d'opposition... Il a passé par plusieurs grades militaires dans l'armée Prussienne et s'est tenu fort honoré du brevet de lieutenant-général que le roi de Prusse lui a envoyé après son avènement au trône... C'est le roi son «maître», ainsi qu'il le nomme souvent. Son goût pour le militaire est excessif. Il compte avec satisfaction les campagnes qu'il a faites, car c'est ainsi qu'il appelle ses campements d'Oranienbaum... Il se donne surtout pour officier de cavallerie. En cette qualité il méprise l'artillerie et le génie, qu'il regarde comme des métiers. Au lieu de marquer de la satisfaction à ses artilleurs, qui dans l'exercice qu'il firent de mon temps en concurrence des Prussiens, l'emportèrent de si loin, il fut question de mettre son artillerie sur le pied de celle de Prusse, ce qui répandait un mécontentement général dans ce corps, qui autrefois a joui de grandes prérogatives. Il y a 3 régiments d'infanterie aux gardes... L'empereur leur fait souvent faire l'exercice et frappe de sa main les soldats, qui s'en acquittent mal. Malgré ces soins il s'en faut de beaucoup que ce soit une troupe formée. Les gardes à cheval ne sont pas en meilleur état. Pour les troupes de Holstein, mieux exercées, mieux vêtues et mieux disciplinées, elle sont encore en assez petit nombre». (Депеша гр. Брюля, у Бильбасова, II, 600—602).

«Cette Princesse (Екатерина) régnait déjà sur tous les cœurs, la couronne qui vient de lui être donnée d'un consentement unanime et général ne fait qu'ajouter un titre de plus à son empire. L'abandon, l'état humiliant où était réduite l'Impératrice, les outrages journaliers qu'elle supportait avec une patience incroyable, son respect inviolable pour la Religion et ses ministres, son air de bonté envers tout le monde, les talents et les lumières qu'on lui connaissait, sa dignité et sa décence mises en parallèle avec le caractère bizarre et féroce du Czar, les vertus enfin de cette admirable Princesse, fixaient depuis longtemps les soupirs et les vœux de la nation en sa faveur. (Депеша Беранже 13 Іюля, у Бильбасова,

9 Іюня, во время празднованія заключенія мира съ Пруссіей, на большомъ, торжественномъ на 400 персонъ обѣдѣ во дворцѣ, Петръ III нанесъ Императрицѣ страшное оскорбленіе. Согласно церемоніалу, Императрица должна была предложить три тоста: 1) здоровье Императорской Фамиліи, 2) здоровье Е. В. Короля Прусскаго и 3) за сохраненіе счастливаго мира. Когда Екатерина выпила за здоровье Императорской Фамиліи, Петръ велѣлъ Гудовичу, стоявшему позади его кресла, пойти спросить Императрицу, зачѣмъ она не встала, когда пили первый тостъ. Императрица отвѣчала, что такъ какъ Императорская фамилія состоитъ только изъ Его Величества, его сына и ея самой, то она никакъ не полагала, чтобъ ей нужно было встать. Когда Гудовичъ передалъ этотъ отвѣтъ, Петръ приказалъ ему передать Императрицѣ, что она *дура* и должна бы знать, что двое его дядей, принцы голштинскіе, принадлежатъ также къ Императорской фамиліи, но, вѣроятно, боясь, что Гудовичъ неточно передастъ его слова, самъ закричалъ Императрицѣ это бранное слово, которое и слышала бо́льшая часть обѣдавшихъ. У Императрицы навернулись слезы, но потомъ, желая поскорѣй оправиться, она обратилась къ стоявшему за ея стуломъ камергеру, гр. А. С. Строганову, прося развлечь ее какимъ-нибудь забавнымъ разговоромъ. Графъ разсказалъ какой-то забавный анекдотъ и, насколько могъ, отвлекъ вниманіе лицъ, сидѣвшихъ близь Императрицы отъ непріятнаго эпизода. Какъ только обѣдъ былъ оконченъ, Петръ III приказалъ выслать гр. Строганова въ его

Арматура фейерверка по случаю мира съ Пруссіею въ 1762 году, съ рѣдкой русской гравюры того времени. (Собр. П. Я. Дашкова).

II, 539 и 540). L'Impératrice, la plus aimable et la plus respectable des princesses, loin d'avoir sur son époux l'influence etc.». (Депеша гр. Брюля, у Бильбасова, II, 610).

«Императоръ удвоилъ вниманіе къ гр. Воронцовой. Надобно признаться, что у него странный вкусъ: она не умна; что же касается до наружности, то трудно себѣ представить женщину безобразнѣе ея; она похожа на трактирную служанку. — Императрица находится въ самомъ жестокомъ положеніи: съ нею обходятся съ явнымъ презрѣніемъ. Она неравнодушно переноситъ обращеніе Императора и высокомѣріе Воронцовой. — Императрица пріобрѣтаетъ всеобщее расположеніе. — Не въ ея природѣ забыть угрозу Императора заключить ее въ монастырь... Все это вмѣстѣ съ ежедневными униженіями должно страшно волновать женщину съ такою сильною природою и должно вырваться при первомъ удобномъ случаѣ. — Императрица сильно предается горю и мрачнымъ мыслямъ; люди, ее видающіе, говорятъ, что она не узнаваема, что она чахнетъ и скоро сойдетъ въ могилу». (Депеши Бретейля съ Декабря по Апрѣль, у Соловьева, XXV, 95 и 96). Въ началѣ Іюня тотъ же Бретейль доносилъ: «Императрица обнаруживаетъ мужество: она любима и уважаема всѣми въ той же степени, какъ Петръ ненавидимъ и презираемъ». (Соловьевъ, XXV, 95 и 96).

«Pierre III voulait casser les mariages de la plupart des femmes de sa cour, pour les marier ensuite à sa fantaisie. Il voulait être le premier à donner l'exemple en épousant la freyle» (Воронцову). (Депеша Беранже отъ 16 Іюля, у Бильбасова, II, 558).

«L'opinion générale est que le 9 Juillet l'Impératrice devait être empoisonnée et que si le poison n'avait pas produit son effet, il était résolu de s'en défaire de quelque façon que ce fût». (Депеша Беранже, 13 Іюля, у Бильбасова, II, 13).

загородный домъ, а флигель-адъютанту кн. Ив. Барятинскому приказалъ арестовать Императрицу и, только благодаря просьбамъ принца Георга, Петръ III согласился отмѣнить послѣднее приказаніе [1]).

По мѣрѣ того, какъ все рѣзче и рѣзче выяснялся характеръ царствованія Петра III, число приверженцевъ Екатерины росло: на ея сторону становятся генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбуа, генералъ-прокуроръ Глѣбовъ, кн. Мих. Никит. Волконскій, племянникъ бывшаго канцлера Бестужева, директоръ полиціи Николай Корфъ и гетманъ Разумовскій. «Одни изъ этихъ лицъ побуждались патріотизмомъ; другіе, видя, что при всеобщемъ неудовольствіи дѣло неминуемо должно кончиться дурно для Петра, спѣшили заранѣе стать подъ то знамя, которому принадлежало торжество» [2]).

Изъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ Петра III, не было ни одного, на котораго Екатерина могла бы положиться въ такой степени, какъ на малороссійскаго гетмана, полковника Измайловскаго полка гр. К. Г. Разумовскаго. Разумовскій увлекался Екатериной Алексѣевной, когда она была еще Великою Княгинею. Съ воцареніемъ Петра III онъ чувствительнѣе другихъ испыталъ на себѣ происшедшую перемѣну: несносная солдатчина, къ которой онъ вовсе не привыкъ, грубость голштинскихъ манеръ, наглое, иногда дерзкое, всегда оскорбительное обхожденіе Императора, его капризная, суетливая дѣятельность, полная противорѣчій, все отталкивало гр. Кирилла отъ Петра III, который хотѣлъ сдѣлать гетмана своимъ придворнымъ шутомъ. Къ чести графа его поведеніе въ это трудное и опасное время заслуживаетъ полное сочувствіе. Онъ одинъ рѣшался говорить Государю прямо, смѣло, разсчитывая, быть-можетъ, на недалекость Петра III. Когда Императоръ самодовольно похвалялся, что обожаемый имъ Фридрихъ II произвелъ его въ генералъ-маіоры прусской службы, гр. К. Г. Разумовскій замѣтилъ: «Ваше Величество можете съ лихвою отплатить ему: произведите его въ русскіе фельдмаршалы». Петръ III не понялъ ироніи и не оскорбился. Въ Іюнѣ, передъ датскимъ походомъ, когда Императоръ объявилъ Разумовскому, что назначаетъ его главнокомандующимъ дѣйствующей арміи, онъ просилъ Петра III сформировать вторую армію, которая подгоняла бы ввѣренную ему армію. Иначе относился Разумовскій къ Императрицѣ, которая сосредоточивала на себѣ всѣ его личныя упованія, въ которой онъ видѣлъ единственную надежду на упроченіе своего положенія.

Хитрый, умный малороссъ молча работалъ на пользу Екатерины, никому не повѣряя своихъ намѣреній, никому не довѣряя ни своего спокойствія, ни своего высокаго положенія, — недаромъ же изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ первенствующая роль въ данномъ случаѣ выпала на полкъ измайловскій, въ которомъ онъ состоялъ полковникомъ. Императрица знала о мѣрахъ, прини-

[1]) Соловьевъ, XXV, 96 и 97; Бильбасовъ, I, 431 и 432. Такого рода обращеніе съ Императрицей не было единичнымъ: «Императоръ даже въ присутствіи всѣхъ за столомъ оскорбляетъ Императрицу самыми обидными словами (mit den allerempfindlichsten Worten)». (Депеша Мерси Аржанто, Сборникъ, XVIII, 202).

[2]) Соловьевъ, XXV, 101.

маемыхъ Разумовскимъ въ ея пользу, но скрывала ихъ отъ всѣхъ, даже отъ Орловыхъ, предоставляя имъ хлопотать о «привлеченіи» гетмана въ число ея сторонниковъ. И вотъ происходитъ такая сцена: Алексѣй Орловъ является ночью къ гетману Разумовскому, застаетъ его въ постели, но добивается свиданія. Разумовскій хладнокровно выслушалъ Орлова, подумалъ немного, посовѣтовалъ Орлову ѣхать къ другому для совѣщанія, такъ какъ онъ «умнѣе насъ», погасилъ свѣчу и пожелалъ неожиданному гостю «спокойной ночи» [1]).

Но понятно, что, какъ бы ни было много людей, желавшихъ перемѣны, и какъ бы ни были сильны средства этихъ людей, они не могли тронуться, начать дѣло безъ помощи гвардіи. Гвардія была недовольна; но надобно было сосредоточить и направить это неудовольствіе, сдѣлать его готовымъ выразиться при первомъ удобномъ случаѣ. Екатерина имѣла два орудія, способныя дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, и однимъ изъ этихъ орудій была молодая, 18-лѣтняя женщина, кн. Екатерина Романовна Дашкова, урожденная Воронцова, родная сестра фаворитки. У мужа Дашковой были товарищи, пріятели между гвардейскими офицерами; всѣ эти молодые офицеры были согласны съ княгинею въ необходимости произвести перемѣну въ правительствѣ, и пылкая молодая женщина уже начала смотрѣть на себя, какъ на главу заговора, долженствовавшаго рѣшить судьбы имперіи... «Но», замѣчаетъ С. М. Соловьевъ, «изъ ея разсказа прямо выходитъ, что заговора не было, а былъ одинъ разговоръ. Она хотѣла перемѣны въ пользу Екатерины и при удобномъ случаѣ толковала о своемъ желаніи съ нѣкоторыми людьми; но этимъ все дѣло и ограничивалось» [2]).

Императрица Екатерина II, съ грав. Мансфельда.

Дашковой были неизвѣстны непосредственныя сношенія Екатерины съ человѣкомъ, который больше всѣхъ хлопоталъ въ ея пользу въ войскѣ, съ Григ. Орловымъ. Артиллерійскій офицеръ Григорій Орловъ былъ воспитанникъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и рѣзко выдѣлялся изъ толпы товарищей красотою, силою, молодцоватостью, общительностью; сильная молодая природа (Орлову было въ описываемое время 27 лѣтъ) требовала сильной дѣятельности, и Орловъ всюду искалъ

---

1) Бильбасовъ, II, 9 и 10; Ист. Мал. Россіи, 207; Б.-Каменскій, I, 242; Васильчиковъ, I, 291—293.
2) Соловьевъ, XXV, 107.

ей удовлетворенія — и въ устройствѣ веселостей для товарищей, и въ масонской ложѣ, и, наконецъ, въ возбужденіи возстанія въ защиту обожаемой Императрицы, которой грозила бѣда, бывшая бѣдою и цѣлой Россіи. Кромѣ Орлова съ братьями, по свидѣтельству самой Екатерины, въ конной гвардіи 22-лѣтній офицеръ Хитрово и 17-лѣтній унтеръ-офицеръ Потемкинъ «направляли все благоразумно, смѣло и дѣятельно» [1]).

Къ концу Іюня, по словамъ Екатерины, соумышленниковъ въ гвардіи считалось до сорока офицеровъ и около 10.000 рядовыхъ. Въ этомъ числѣ не оказалось ни одного измѣнника; соумышленники раздѣлялись на четыре группы, и вожди группъ собирались для рѣшеній; настоящимъ же секретомъ владѣли трое братьевъ Орловыхъ. Первоначально было рѣшено захватить Петра III въ Зимнемъ дворцѣ и заточить его подобно тому, какъ было поступлено съ Брауншвейгской фамиліей. Съ отъѣздомъ Петра III въ Ораніенбаумъ это намѣреніе само собою уничтожалось, и остановились на предложеніи Панина — захватить Петра, когда онъ явится въ Петербургъ для проводовъ гвардіи, — но съ существеннымъ измѣненіемъ, что «въ случаѣ измѣны не будутъ ожидать пріѣзда Императора въ Петербургъ, но соберутъ гвардейскіе полки и провозгласятъ меня», писала Екатерина гр. Понятовскому [2]).

Какъ въ 1741 году сверженіе Брауншвейгской фамиліи было ускорено приказомъ гвардіи выступить противъ шведовъ въ Финляндію, такъ и теперь провозглашеніе Екатерины было ускорено нежеланіемъ гвардіи выступить въ походъ противъ Даніи. Солдаты волновались, и соумышленники, торопя дѣло, стали разглашать, что жизнь Императрицы въ опасности. Императоръ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ съ своею любимою компаніею; Императрица жила въ Петергофѣ, куда къ 29 Іюня, къ своимъ именинамъ, долженъ былъ пріѣхать и Петръ III [3]). Во вторникъ, 25 Іюня, въ Ораніенбаумѣ была освящена евангелическая церковь, построенная для лютеранъ, составлявшихъ большинство въ голштинскомъ отрядѣ. Императоръ присутствовалъ при освященіи и раздавалъ придворнымъ лютеранскіе молитвенники. Въ Петербургѣ увидѣли въ этомъ склонность къ протестантству, говорили, будто Императоръ даже причастился по евангелическому обряду. Распускавшіе такой слухъ хорошо знали, что онъ

---

[1]) «Она (Дашкова) писала (свои записки) искренно, но писала невѣрно, п. ч. ей многое не было извѣстно и многое отъ нея скрывали». (Бильбасовъ, II, 3).

Съ Орловыми Императрица была особенно откровенна: она не только допускала ихъ принимать различныя мѣры, даже довольно рѣшительныя, но сама нерѣдко содѣйствовала успѣху ихъ предпріятій. Такъ, много лѣтъ позже она разсказывала Храповицкому любопытную подробность о привлеченіи гренадера преображенскаго полка Стволова. «Стволовъ на уговоръ Алексѣя Орлова отвѣчалъ: не видавъ отъ меня знака, ни къ чему не приступитъ. Условились, что, какъ жила я въ Лѣтнемъ дворцѣ, то бы, увидя его въ саду, дать ему руку. У меня руку всѣ цѣловали. Онъ стоялъ въ аллеѣ у моста, и какъ скоро, поровнявшись съ нимъ, дала ему руку, то, поцѣловавъ, полились у него въ три ручья слезы, и я, оторопѣвъ, отошла». (Бильбасовъ, II, 5; Храповицкій, 222). — «Les deux Orlow, qui ne manquaient ni de hardiesse, ni de courage, se servirent en cette occasion de tout l'ascendant qu'ils avaient sur l'esprit de l'Impératrice, l'entraînèrent, pour ainsi dire, malgré elle et la forcèrent de consentir à ce qu'on pourvût à sa sûreté et celle de son fils». (Hordt, II, 235). — [2]) Гос. арх., III, 16. — [3]) Соловьевъ, XXV, 102—109.

ложенъ, но вѣрно били въ цѣль: народъ не провѣряетъ, но возмущается противъ отступника. Какъ бы въ подтвержденіе этого «ложнаго разглашенія» въ тотъ же день Сvнодъ получилъ Высочайшій указъ, которымъ всѣ исповѣданія объявлялись равноправными съ государственной религіей, съ православіемъ, обряды православной церкви отмѣнялись, церковныя имущества отбирались въ казну [1]). 27 Іюня волненіе въ гвардіи усилилось, рѣчи, что Императрица въ опасности, раздавались громче, солдаты кричали, чтобъ ихъ вели въ Ораніенбаумъ противъ голштинцевъ. Раздраженіе гвардіи достигло крайнихъ предѣловъ. Общественное мнѣніе высказывалось громко, рѣзко; о противодѣйствіи Императору говорили уже не шопотомъ, не намеками. Молодой офицеръ лб.-кирасирскаго полка Ребиндеръ, лифляндскій уроженецъ, обращается къ своему земляку, полковнику Будбергу, совѣтуя ему присоединиться съ своимъ полкомъ къ гвардіи, рѣшившейся возвести на престолъ Екатерину. Преображенскій солдатъ, «вышедъ на галлерею, зачалъ говорить, что, когда выйдетъ полкъ въ Ямскую, въ походъ въ Данію, то мы спросимъ, зачѣмъ и куда насъ ведутъ, оставя нашу возлюбленную Матушку Государыню, которой мы рады служить» [2]). Къ капитану Пассеку, главному въ одномъ изъ четырехъ отдѣловъ, входитъ солдатъ и объявляетъ, что Императрица навѣрное погибла. Пассекъ отвѣчаетъ, что все это вздоръ; но солдатъ не успокаивается и прямо отъ него идетъ къ поручику Измайлову, котораго спрашиваетъ, скоро ли свергнутъ Императора. Измайловъ не принадлежалъ къ числу соумышленниковъ. Услыхавъ страшныя слова и узнавъ отъ солдата, что онъ былъ у Пассека, и тотъ отпустилъ его, Измайловъ арестуетъ солдата и идетъ къ ротному командиру, маіору Воейкову, донести ему обо всемъ. Воейковъ докладываетъ полковнику Ушакову; Ушаковъ и посылаетъ донесеніе Императору въ Ораніенбаумъ, откуда посланный возвращается съ приказаніемъ арестовать Пассека. Вѣсть объ арестѣ Пассека привела въ движеніе Преображенцевъ [3]), взволновала соумышленниковъ и въ другихъ полкахъ. Рѣшено было отправить Алексѣя Орлова въ Петергофъ къ Императрицѣ и привезти ее въ Петербургъ, а Григорій Орловъ съ братомъ Федоромъ должны были приготовить все къ ея пріему. Федоръ Орловъ отправляется къ гр. К. Г. Разумовскому; онъ передалъ ему, что его братъ Алексѣй собирается ѣхать въ Петергофъ и привезти Императрицу прямо въ казармы Измайловскаго полка. Гр. Разумовскій, полковникъ Измайловскаго полка, молча выслушалъ извѣстіе и ничего не сказалъ. Какъ только ушелъ Орловъ, гр. Разумовскій, президентъ Академіи Наукъ, потребовалъ къ себѣ адъюнкта Тауберта, содержателя типографіи, и объявилъ, что «въ подземельяхъ академическаго дома засажены наборщикъ и печатникъ съ ихъ снарядами для печатанія ночью манифеста о переворотѣ, а онъ, Таубертъ, долженъ быть

---

1) Бильбасовъ, II, 14. — 2) Державинъ, 429; Бильбасовъ, II, 16. — 3) «Гренадерская» рота собралась во всемъ вооруженіи сама собою, безъ всякаго начальническаго приказанія на ротный плацъ, но, постоявъ нѣсколько во фронтѣ, разошлась». (Державинъ, 430).

Отъѣздъ Императрицы Екатерины Алексѣевны изъ Петергофа 28 Іюня 1762 г., съ акварели К. Коллмана. (Ораніенбаумскій Дворецъ).

съ ними, чтобъ наблюдать за корректурою». Таубертъ просилъ избавить его отъ подобнаго порученія. «Вы знаете уже слишкомъ много», сказалъ ему президентъ: «тутъ дѣло идетъ о моей и вашей головѣ, если что-нибудь откроется. Вы должны отправиться, куда вамъ приказываютъ» [1]).

Екатерина Алексѣевна занимала въ Петергофѣ павильонъ Монплезиръ. Въ 6 часовъ утра 28 Іюня она была разбужена Алексѣемъ Орловымъ, который вошелъ въ ея комнату и сказалъ совершенно спокойнымъ голосомъ: «Пора вставать; все готово для вашего провозглашенія». — «Какъ? что?» спросила Императрица. — «Пассекъ арестованъ», отвѣчалъ Орловъ. Императрица болѣе не спрашивала, поспѣшно одѣлась кой-какъ и сѣла въ карету, въ которой пріѣхалъ Орловъ. Орловъ сидѣлъ на козлахъ, у дверецъ ѣхалъ верхомъ другой офицеръ, Вас. Ил. Бибиковъ. За пять верстъ отъ Петербурга они встрѣтили Григорія Орлова и князя Федора Барятинскаго, который уступилъ свой экипажъ Императрицѣ, потому что ея лошади выбились изъ

---

[1]) Бильбасовъ, II, 19; Пекарскій, 659; Васильчиковъ, I, 298.

Императрица Екатерина II.

Присяга Императрицѣ Екатеринѣ II Измайловскимъ полкомъ 28 Іюня 1762 г., съ акварели К. Коллмана. (Ораніенбаумскій Дворецъ).

силъ. У Калинкиной деревни, гдѣ начинались слободы Измайловскаго полка, Григорій Орловъ выскочилъ изъ коляски и побѣжалъ въ слободы. Коляска двигалась шагомъ. Раздался бой «тревоги»; солдаты выбѣгаютъ, кидаются къ Императрицѣ, цѣлуютъ ея руки, ноги, платье, называютъ ее своею избавительницею. Двое солдатъ ведутъ подъ руки священника съ крестомъ, и начинается присяга [1]). Потомъ просятъ Императрицу сѣсть опять въ карету; священникъ съ крестомъ идетъ впереди; отправляются въ Семеновскій полкъ; но семеновцы уже бѣгутъ навстрѣчу съ криками «ура»! Въ сопровожденіи измайловцевъ и семеновцевъ Императрица направилась по Садовой къ Казанскому собору. Вскорѣ прибылъ и измайловскій полковникъ гр. Кириллъ Разумовскій; онъ почтительно преклонилъ колѣно предъ Императрицей и вѣрноподданнически поцѣловалъ у Ея Величества руку.

---

[1]) «Преклонными годами о. Алексѣя Михайлова вполнѣ объясняется подробность, отмѣченная Екатериною: «deux soldats amenèrent un prêtre sous le bras». (Бильбасовъ, II, 23; Гос. арх., III, 16).

Между тѣмъ въ Преображенскомъ полку, въ третьей ротѣ, часу въ восьмомъ увидали скачущаго изъ конной гвардіи рейтара, который кричалъ, чтобъ шли къ Матушкѣ въ Зимній каменный дворецъ (новый). Въ Измайловскомъ полку былъ слышенъ барабанный бой, тревога, и въ городѣ поднялась суматоха. Солдаты выбѣжали на плацъ; прибѣжали и офицеры, запыхавшись; изъ нихъ нѣкоторые были совершенно равнодушны, какъ будто знали о причинѣ тревоги. Такъ какъ всѣ офицеры молчали, то солдаты безъ всякаго приказанія, съ великою стремительностью, заряжая ружья, помчались къ полковому двору. На дорогѣ встрѣтился шт.-капитанъ Ниловъ, останавливалъ ихъ, но его не послушались и вошли на полковой дворъ. Тутъ нашли маіора Текутьева; ходилъ онъ въ великой задумчивости взадъ и впередъ и не говорилъ ни слова. Его спрашивали, куда прикажетъ идти, но онъ ничего не отвѣчалъ; рота на нѣсколько минутъ пріостановилась, но увидала, что по Литейной идетъ гренадерская рота; маіоръ Воейковъ хотѣлъ ее остановить, подъѣхалъ верхомъ съ обнаженною шпагою и бранился; гренадеры не слушаютъ; Воейковъ сталъ шпагою рубить по ружьямъ и шапкамъ; вдругъ гренадеры, «рыкнувъ», бросились на него съ устремленными штыками. Воейковъ сталъ скакать отъ нихъ во всю мочь и, боясь, чтобъ не захватили его на Симеоновскомъ мосту, повернулъ направо и въѣхалъ въ Фонтанку по грудь лошади. Тутъ только гренадеры отъ него отстали. Видя это, 3-я рота, какъ и прочія Преображенскаго полка, по другимъ мостамъ бѣжали, однѣ къ Зимнему дворцу, другія къ Садовой [1]). Офицеры гренадерской роты, сторонники Петра III (Воейковъ, Измайловъ, гр. С. Р. Воронцовъ), старались удержать ее въ повиновеніи, но едва раздался голосъ преміеръ-маіора кн. Меншикова: «Ура! Императрица, наша Самодержица!», какъ вся рота восторженно подхватила этотъ крикъ и побѣжала къ «Гетманскому саду» (уголъ Невскаго и Садовой) навстрѣчу Императрицѣ. «Просимъ прощенья», кричали преображенцы, «что пришли послѣдніе: насъ задержали наши офицеры, и мы четырехъ арестовали изъ усердія; мы хотимъ того же, что и наши братья» [2]).

Чѣмъ далѣе подвигается процессія, тѣмъ плотнѣе становится толпа, запрудившая уже всю Садовую, куда стекался народъ со всего города. Спѣшили на Садовую и находившіеся въ Петербургѣ лейбъ-компанцы, возведшіе нѣкогда на престолъ Елисавету Петровну и такъ безжалостно уволенные недавно [3]). Всѣхъ лб.-компанцевъ, принявшихъ участіе въ переворотѣ, было 90 человѣкъ: 67 гренадеръ, 23 заротныхъ чина; «оные» (заротные) «чины», доносилъ гр. Гендриковъ Императрицѣ, «имѣя къ В. И. В-ву крайнее усердіе, съ протчими бывшими лб.-компаніи чинами въ домѣ В. И. В-ва находились вооруженные» [4]).

---

1) Державинъ, 430. — 2) Арх. кн. Вор., VIII, 5; Р. арх., 1879/I, 64. — 3) Бильбасовъ, II, 25. «Die abgeschaffte Leib-Compagnie und so viel Hundert alte Gardesoldaten, die ohne Brod und Belohnung abgedanket worden waren, stellten sich voller Freuden von selbst wieder ein, und halfen theils die Posten mit besetzen, theils die Expedition nach Oranienbaum mit verrichten». (Депеша Прассе 11 Іюля, у Бильбасова, II, 625; Леф. арх., оп. 120, св. 1, 7—33). — 4) Леф. арх., оп. 120, св. 1, стр. 10. — «Заротные», т.-е. нестроевые и музыканты.

«Едва процессія, выйдя изъ Садовой, направилась по Невской перспективѣ къ Зимнему дворцу, какъ показались шедшіе на полныхъ рысяхъ стройные ряды эскадроновъ Конной Гвардіи. Конно-гвардейцы превзошли всѣхъ своимъ воодушевленнымъ восторгомъ: они называли Екатерину своею спасительницею, клялись умереть за нее, заглушали всѣхъ своимъ мощнымъ «ура».

Императрица вспомнила, какую страшную ненависть питалъ этотъ полкъ къ своему начальнику, принцу Георгу, и потому отправила къ нему отрядъ пѣшей гвардіи съ просьбою, чтобъ принцъ для избѣжанія бѣды не выходилъ изъ дому. Распоряженіе опоздало: толпа конногвардейцевъ уже побывала у принца, прибила его, разграбила домъ [1]).

Около 9 часовъ утра процессія остановилась у Казанской церкви. На паперти духовенство встрѣтило Императрицу съ крестомъ. Въ церкви былъ отслуженъ молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Государынѣ Императрицѣ «Самодержицѣ Екатеринѣ Второй и Государю Великому Князю Наслѣднику Цесаревичу Павлу Петровичу». Отъ Казанской церкви процессія двинулась къ Зимнему дворцу. Впереди шло духовенство въ полномъ облаченіи съ крестами въ рукахъ, въ той же двумѣстной коляскѣ, запряженной парою лошадей, сидѣла Екатерина, привѣтливо раскланивавшаяся съ народомъ и войсками, провожавшими ее шумными изъявленіями радости и нескончаемымъ «ура», заглушавшимъ по временамъ колокольный звонъ. На правой подножкѣ стоялъ капитанъ Григорій Орловъ, на лѣвой — ген.-фельдцейхмейстеръ Вильбуа, около коляски верхами ѣхали гр. Разумовскій, кн. Волконскій, гр. Брюсъ и другіе генералы. «Около 10 часовъ утра прибыла Екатерина къ Зимнему дворцу. Измайловскій и Семеновскій полки окружили дворецъ и заняли всѣ выходы своими караулами; лб.-компанцы, Преображенскій и Конный полки заняли внутренніе караулы. Передъ дворцомъ на площадяхъ и прилежащихъ улицахъ расположились остальныя войска петербургскаго гарнизона. Преосвященный Веніаминъ, архіепископъ санктпетербургскій, обходилъ всѣ войска и приводилъ ихъ къ присягѣ. Вслѣдъ за Императрицей прибылъ въ Зимній дворецъ 8-лѣтній Вел. Кн. Павелъ Петровичъ. Его привезъ изъ Лѣтняго дворца Н. И. Панинъ въ наемной каретѣ; В. Князь былъ въ ночномъ еще костюмѣ. Императрица тотчасъ же вынесла малютку на балконъ и показала войскамъ и народу.

---

1) «Это былъ жестокій, безсердечный нѣмецъ, къ тому же человѣкъ тупой. Онъ ненавидѣлъ русскихъ; русскіе презирали его. Заслышавъ шумъ, замѣтивъ какое-то усиленное движеніе на улицѣ, принцъ, ничего не подозрѣвавшій, поспѣшилъ къ другому нѣмцу, генералъ-полиціймейстеру Н. Корфу. Принцъ спрашиваетъ: «Was ist das»? Корфъ отвѣчаетъ: «Ich weiss nicht». Появившійся офицеръ съ командою разсѣялъ ихъ недоумѣніе: онъ арестовалъ Корфа, приставилъ караулъ къ принцу и отвезъ Корфа въ Зимній дворецъ къ Императрицѣ. Корфъ тотчасъ же присягнулъ и уже къ вечеру былъ сдѣланъ сенаторомъ; принцъ же былъ подъ карауломъ отвезенъ въ свой домъ, гдѣ и остался подъ арестомъ дней десять. Его домъ былъ разграбленъ солдатами, и, кажется, они выместили на немъ свою личную злобу за его жестокое съ ними обращеніе. Принцъ получилъ отъ Императрицы 100.000 руб. на отъѣздъ въ Голштинію и какъ вознагражденіе за «üble Tractament», учиненный солдатами 28 Іюня... Въ свитѣ принца уѣхали 62 голштинца, между прочимъ Солтеръ со сворою собакъ и Каспаръ съ двумя медвѣженками». (Бильбасовъ, II, 30; депеша Прассе 11 Іюля, тамъ же, 622; письмо Балабина Болотову, тамъ же, 645).

Торжественное шествіе Императрицы Екатерины II по Садовой улицѣ 28 Іюня 1762 г., съ акварели Коллмана. (Ораніенбаумскій Дворецъ).

Толпа привѣтствовала Наслѣдника престола новыми криками восторга, новымъ «ура»! [1]).

Въ новомъ Зимнемъ дворцѣ Екатерина нашла въ собраніи Сенатъ и Сvнодъ. Тепловъ наскоро составилъ манифестъ и форму присяги.

Императрица вышла изъ дворца и пѣшкомъ обошла войска, около него расположенныя: здѣсь было болѣе четырнадцати тысячъ, какъ гвардіи, такъ и арміи. Потрясающіе крики войска и народа привѣтствовали Государыню. Послѣдній гвардейскій солдатъ смотрѣлъ на *Императрицу* Екатерину *Вторую*, какъ на «дѣло рукъ своихъ», считалъ себя творцомъ переворота и до извѣстной степени былъ правъ: Екатерина II провозглашена Самодержицей, возведена на престолъ не заговоромъ нѣсколькихъ лицъ, а по общему желанію и посильному содѣйствію всѣхъ. Въ этомъ смыслѣ и былъ составленъ манифестъ, съ утра раздававшійся народу [2]).

---

[1]) Бильбасовъ, II, 26 и 27 (Büsching, 466). — Леф. арх., оп. 120, св. 1. — [2]) «Le moindre soldat aux gardes, en me voyant se dit: «voilà l'ouvrage de mes mains». (Письмо Екатерины II гр. Понятовскому, Гос. арх., III, 16).

Встрѣча Императрицы Екатерины II у Казанскаго собора 28 Іюня 1762 г., съ акварели К. Коллмана. (Ораніенбаумскій Дворецъ).

Насчетъ войска и петербургскихъ жителей можно было успокоиться; но надобно было распорядиться относительно флота, приморскихъ мѣстъ и заграничной арміи: въ Кронштадтъ отправленъ былъ съ полномочіемъ адмиралъ Талызинъ; вице-адмиралу Полянскому посланъ былъ рескриптъ — объявить флотскимъ и адмиралтейскимъ воинскимъ людямъ о восшествіи на престолъ Екатерины II, привести ихъ къ присягѣ и до дальнѣйшаго указа никакихъ военныхъ дѣйствій не производить; въ заграничную армію посланъ былъ указъ ген.-поручику П. И. Панину, находившемуся въ Кенигсбергѣ, смѣнить Румянцева въ начальствѣ надъ померанскимъ корпусомъ, потому что Румянцева подозрѣвали въ приверженности къ Петру III [1]).

---

1) Соловьевъ, XXV, 113 и 114. — «Всеподданнѣйшій репортъ отъ Адмирала и Кавалера Талызина. По Всемилостивѣйшему В. И. В-ва Указу вчерашняго числа прибылъ я въ Кронштатъ, по что учинилъ, о томъ за краткостію времени В. И. В-ву всеподданнѣйшаго репорта поднести не могъ, однако чрезъ нарочнаго писалъ къ Е. Пр-ву Г. Панину и уповаю, что онъ о томъ обстоятельствѣ В. И. В-ву уже имѣлъ честь донести, на что дальнѣйшаго повелѣнія отъ В. И. В-ва ожидать имѣю. Присяга-жъ В. И. В-ву учинена морскими и гарнизонными полками и адмиралтейскими служители со всякою пріемлемою отъ всего того народа радостію

Всѣ выходы изъ города были заняты конными пикетами, которымъ было приказано никого не выпускать изъ города и всѣхъ прибывающихъ изъ Ораніенбаума или Петергофа задерживать, а къ Красному кабачку былъ выдвинутъ передовой отрядъ изъ пѣхоты и гусаръ. Это было крайне необходимо: въ интересахъ успѣха желательно было, чтобъ Петръ III узналъ о переворотѣ возможно позже, а именно тогда, когда всякое сопротивленіе съ его стороны было бы парализовано принятыми мѣрами. Путь изъ Петербурга въ Ораніенбаумъ былъ одинъ — черезъ Калинкинъ мостъ, и эскадрону Конной гвардіи было поручено занять этотъ мостъ. Порученіе было исполнено не безъ затрудненія: едва конногвардейцы заняли мостъ, какъ показался любимый Императоромъ лб.-кирасирскій полкъ; одинъ эскадронъ стоялъ противъ цѣлаго полка, но на сторонѣ эскадрона оказалась непобѣдимая сила общаго желанія, и, при помощи лб.-кирасиръ же, командовавшій ими подполковникъ Фермиленъ и всѣ офицеры-нѣмцы были арестованы, а полкъ отправился къ Зимнему дворцу присягать.

и происходила до одиннадцати часовъ вечера, а между тѣмъ временемъ всеможные распорядки по гаванямъ и крѣпостямъ учинилъ. Въ первомъ часу ночи отрепортовалъ меня дежуръ-маіоръ, что шлюпка прибыла къ Кронштату, съ которой объявляли, что Мельгуновъ и Воронцовъ пріѣхали и желали меня видѣть, но я въ самое жь то время онаго маіора послалъ на вооруженной шлюпкѣ для снятія съ ихъ шлюпки и привозу ко мнѣ, а ихъ шлюпки удержать велѣно. И когда прибыли къ гаванным воротамъ, то маіоръ оныхъ Мельгунова и Воронцова призывалъ на свою шлюпку, но они подали ему знать, что съ ними Государь Петръ Ѳеодоровичъ, но оной маіоръ напротивъ того имъ соотвѣтствовалъ, что онъ его не знаетъ и отвѣчалъ имъ, что а у насъ нынѣ имѣется Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна. А при томъ видимы были идущія къ Кронштату галеры и двѣ транспортныя яхты. Когда мнѣ о всемъ томъ отрепортовано, стало быть въ такомъ случаѣ принужденъ былъ сдѣлать повелѣніе бить тревогу, чрезъ что всѣ команды, т.-е. солдаты морскіе и гарнизонные, также матросы и всѣ мастеровые люди къ своимъ должностямъ и къ защищенію подлежащихъ мѣстъ употреблены, а притомъ въ самое жь то время и самъ съ вице-адмираломъ Мордвиновымъ прибылъ на гавань и, видя, что галеры и яхты стали на якорь весьма въ недальномъ отъ гаваней разстояніи, а притомъ прислана ко мнѣ была съ яхты при офицерѣ отъ имени Его Величества шлюпка, чтобъ я всемѣрно Его въ Кронштатъ пустилъ, или худо со мною учинить желалъ, — но я приказалъ соотвѣтствовать Ему, чтобъ Онъ съ тѣми судами къ гаванямъ не приближался, а буде отважится, — усильностію въ томъ поступитъ, въ такомъ случаѣ палено будетъ по нихъ изъ пушекъ и другаго пріуготовленнаго къ тому огненнаго оружія. Но послѣ того яхты, подвертъ якорь, на парусахъ въ 3 часа пополуночи, а галеры на греблѣ путь свой взяли въ Ранимбомъ. И на той галерѣ видимо было три женскія персоны. Находящіеся въ Кронштатѣ служители, какъ морскіе и адмиралтейскіе, такъ и гарнизонные имѣются по гаванямъ и въ другихъ важныхъ къ защищенію мѣстахъ всевременно и безсмѣнно, отъ чего и не безъ понесенія тягости предвидится. Того ради В. И. В-во не соизволите-ли повелѣть, въ прибавокъ здѣшнихъ командъ, сюда откомандировать хотя одинъ баталіонъ, ибо я усматриваю, что оной непослѣдній Его Величества пріѣздъ, но, можетъ быть, и военнымъ образомъ поступить вознамѣрится. Въ такомъ случаѣ для безопасности служителей необходимо потребно будетъ. Еще доношу В. И. В-ву: пріѣзжаютъ нынѣ въ Кронштатъ на торговыхъ купеческихъ корабляхъ Голстинскіе офицеры, какъ то показываетъ вчерашній день, — съ корабля снято бригадиръ Орлохъ, подпоручикъ Кругъ, сержантъ Пакерсенъ, констапель Сиберцъ, а потомъ еще прибылъ ихъ же бригадиръ съ офицеры и рядовыми въ 80-ти человѣкахъ; да внутри Кронштата по самомъ нашемъ пріѣздѣ найдено до десяти человѣкъ, кои содержатся подъ пристойнымъ присмотромъ, а что съ ними чинить повелѣно будетъ, имѣю ожидать Всевысочайшаго В. И. В-ва повелѣнія. Получилъ я сейчасъ чрезъ адмиралтейскую Коллегію Манифестъ о возшествіи В. И. В-ва на Всероссійскій Престолъ; распредѣленнымъ по гаванямъ и крѣпостямъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ объявленъ, а въ церквахъ во всенародное объявленіе по отшествіи литургіи и по совершеніи благодарственнаго молебна имѣетъ быть читанъ. Сей же день В. И. В-ву приношу мое всеподданнѣйшее поздравленіе съ дражайшимъ именинникомъ, вселюбезнѣйшимъ Государемъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ, и въ знакъ всевысочайшаго В. И. В-ва милосердія всѣмъ служителямъ опредѣлено произвесть вина по одной морской порціонной чаркѣ. Въ 29 день Іюня 1762 года. Кронштатъ». [Неизданный рапортъ Талызина; Леф. арх., оп. 119 (дѣла Кабинетскія), св. 1, № 30].

Выступленіе войскъ въ «Петергофскій походъ» 28 Іюня 1762 г., съ акварели К. Коллмана. (Ораніенбаумскій Дворецъ).

По городу между тѣмъ разъѣзжали патрули; вездѣ были усилены караулы. Даже иностранные свидѣтели отдаютъ въ этомъ отношеніи справедливость распорядительности властей: нигдѣ не было ни буйства, ни безчинства, хотя всѣ кабаки были открыты, и народъ, особенно же солдаты, пользуясь случаемъ, брали водку и вино даромъ.

Пока во дворцѣ шло совѣщаніе, улица принимала все болѣе и болѣе шумный видъ. Необычныя впечатлѣнія давно желанной перемѣны приводили толпу въ возбужденное состояніе; нервное настроеніе улицы усиливалось лишней чаркой водки, выпитой къ тому же въ жаркій лѣтній день. Послѣ полудня стали попадаться даже и пьяные, но они лѣзли больше цѣловаться, чѣмъ въ драку. Это было возбужденіе радостное, добродушное, охватившее всѣхъ. Весь городъ провелъ этотъ день на улицѣ; въ домахъ оставались только немощные и малолѣтніе. Движеніе по городу было необыкновенное, шумное, но не безпорядочное, не безчинное. Иностранцы свободно ходили по улицамъ, никѣмъ не обезпокоиваемые [1]).

---

[1]) Бильбасовъ, II, 29, 30, 35, 61.

Екатерина II, во главѣ войскъ, 29 Іюня 1762 г., съ картины Эриксена. (Моск. Оружейная Палата).

Но одними распоряженіями на бумагѣ ограничиться было нельзя; успѣхъ этихъ распоряженій главнымъ образомъ зависѣлъ отъ рѣшеній Петра III: онъ имѣлъ средство во имя своихъ правъ поднять внутреннюю борьбу, могъ поспѣшно удалиться къ заграничной арміи и найти поддержку у Фридриха II. Поэтому рѣшено было предупредить Петра III, и Императрица во главѣ преданнаго ей войска рѣшилась сама выступить къ Петергофу. Сенатъ получилъ собственноручный указъ: «Господа сенаторы! Я теперь выхожу съ войскомъ, чтобъ утвердить и обнадежить престолъ, оставляя вамъ, яко верховному моему правительству, съ полной довѣренностью, подъ стражу: отечество, народъ и сына моего» [1]).

Войска вышли изъ Петербурга тремя эшелонами: авангардъ (гусары и казаки) подъ командою Алексѣя Орлова; второй эшелонъ подъ командою кн. Мещерскаго (артиллерія подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ полевыхъ полковъ) выступилъ въ 8 часовъ вечера; 3 эшелонъ — гвардія подъ личной командой Императрицы—около 10 часовъ вечера. «Императрица, верхомъ на бѣломъ конѣ, со шпагою въ рукѣ, въ мундирѣ Преображенскаго полка, въ шляпѣ, украшенной дубовыми вѣтвями, изъ-подъ которой распущены были длинные, красивые волосы, пропускала гвардію предъ собою; подлѣ Императрицы ѣхала княгиня Дашкова, также верхомъ и въ мундирѣ Преображенскаго полка, но это были старинные мундиры, введенные при Петрѣ Великомъ, и потому слывшіе уже національными, ибо, какъ только Екатерина была провозглашена, войска безъ всякаго приказа сбросили съ себя новые мундиры, введенные Петромъ III,

---

[1]) Сборникъ, VII, 101.

которые они называли иностранными, разодрали ихъ или продали за безцѣнокъ и надѣли Елисаветинскіе, хранившіеся въ полковыхъ цейгхаузахъ и которые каптенармусы подвезли имъ на фурахъ ко дворцу» [1]).

При самомъ выступленіи изъ Петербурга передъ Императрицею явился великій канцлеръ М. Л. Воронцовъ съ упреками за ея дѣйствія: «вмѣсто отвѣта» — говоритъ Екатерина — «его повели въ церковь давать присягу». Пріѣхали изъ Петергофа кн. Н. Ю. Трубецкой и гр. А. И. Шуваловъ — ихъ также повели къ присягѣ.

28 Іюня утромъ, въ то самое время, когда Екатерина Алексѣевна провозглашалась Самодержавною Императрицею Всероссійскою въ Казанскомъ соборѣ, Петръ III въ Ораніенбаумѣ дѣлалъ обычный парадъ голштинскимъ войскамъ, послѣ чего въ 10 часовъ отправился со своею свитою въ 6 экипажахъ въ Петергофъ. Гудовичъ поѣхалъ впередъ; вдругъ онъ возвращается встревоженный и тихонько разсказываетъ Петру, что Императрицы съ ранняго утра нѣтъ въ Петергофѣ, и никто не знаетъ, куда она дѣвалась. Императоръ выходитъ изъ себя при этой вѣсти, выскакиваетъ изъ экипажа и пѣшкомъ вмѣстѣ съ Гудовичемъ спѣшитъ чрезъ садъ къ павильону Монплезиръ, входитъ туда — Императрицы нѣтъ нигдѣ, лежитъ только ея бальное платье, приготовленное къ завтрашнему празднику. Когда Петръ послѣ напрасныхъ розысковъ выходилъ изъ Монплезира, подошло остальное общество: «Не говорилъ ли я вамъ, что она на все способна»! крикнулъ Петръ. Съ его проклятіями смѣшался безсвязный говоръ и вопль женщинъ. Потомъ въ отчаяніи бросается онъ искать Екатерину по всему саду. Тутъ-то Воронцовъ, Трубецкой и Шуваловъ отправляются въ Петербургъ за подробными извѣстіями. Въ 3 часа пріѣзжаетъ изъ Петербурга поручикъ Преображенской бомбардирской роты Бернгорстъ съ фейерверкомъ для Сансуси. Обратились къ нему съ разспросами; Бернгорстъ сообщилъ, что «при выѣздѣ изъ Петербурга въ 9-мъ часу слышалъ въ Преображенскомъ полку большой шумъ и видѣлъ, какъ многіе солдаты бѣгали съ обнаженными тесаками, провозглашая Государыню царствующей Императрицею», но онъ, «не обративъ на то вниманія, поѣхалъ доставлять фейерверкъ въ Петергофъ» [2]).

Такъ какъ по слухамъ вождемъ предпріятія былъ гетманъ Разумовскій, то послали за старшимъ Разумовскимъ, Алексѣемъ, который жилъ недалеко, въ имѣніи своемъ Гостилицахъ; старикъ пріѣхалъ, но это нисколько не помогло дѣлу. Разумнѣе была другая мѣра: отправленіе флигель-адъютанта гр. Девьера въ Кронштадтъ для обезпеченія за Петромъ этого важнаго мѣста

---

1) Соловьевъ, XXV, 118; Бильбасовъ, II, 31. — «Die Erbitterung der Soldaten, die alle auf preussischen Fuss gesetzt waren, war über alle diese unnöthigen Veränderungen so gross, dass sie ihre neue, kurze und enge Montirungen, Grenadiermützen und übrige Kleidungstücke weglegten, in Stücke rissen oder vor ein Spottgeld verkauften, die alten aber wieder hervorsuchten oder unterdessen einen grauen Rock oder Pelz anzogen, die ich denn viele gesehen, die auf diese Art sich beholfen und doch Dienste verrichtet, auch sogar vorm Palais Schildwache gestanden haben». (Депеша Прассе 11 Іюля, у Бильбасова, II, 624 и 625). — 2) Зап. Штелина.

на всякій случай. Въ то время, какъ въ Петербургѣ въ Старомъ Зимнемъ дворцѣ при Екатеринѣ Тепловъ писалъ рескрипты и указы, въ Петергофѣ Волковъ также писалъ манифесты и указы. Три солдата, отправленные съ этими манифестами въ Петербургъ для распространенія ихъ въ народѣ, встрѣтили Императрицу по выѣздѣ ея изъ города и отдали ей всѣ бумаги, говоря, что очень рады быть заодно съ своею братьею. Петръ III нѣсколько разъ мѣнялъ свои намѣренія: сначала онъ по совѣту Гольца хотѣлъ бѣжать въ Нарву, т.-е. къ войскамъ, идущимъ въ дѣйствующую армію, или прямо въ Голштинію, затѣмъ рѣшался защищаться въ Петергофѣ и послалъ за голштинскимъ войскомъ въ Ораніенбаумъ. Въ 8 часовъ вечера пришло это войско; но тутъ взяли верхъ представленія Миниха: защищаться съ голштинцами, къ тому же имѣвшими ограниченное число снарядовъ и боевыхъ патроновъ, противъ большаго войска Екатерины найдено невозможнымъ; голштинцы отправлены назадъ въ Ораніенбаумъ, и рѣшено плыть въ Кронштадтъ.

Екатерина II
въ мундирѣ Преображенскаго полка 1762 г.
Грав. Фоссё съ карт. Эриксена.

Въ 10 часовъ вечера Петръ III со всѣми находившимися въ Петергофѣ лицами, мужчинами и женщинами, отправился въ Кронштадтъ на галерѣ и яхтѣ. Но въ Кронштадтѣ уже начальствовалъ Талызинъ отъ имени Императрицы Екатерины II, а Девьеръ, присланный Петромъ, сидѣлъ подъ арестомъ. Въ первомъ часу ночи галера и яхта приблизились къ Кронштадтскому рейду, но изъ крѣпости велѣно было имъ удалиться; на извѣщеніе, что пріѣхалъ самъ Императоръ, отвѣчали, что въ Россіи нѣтъ больше Императора, а Императрица Екатерина II, и если суда сейчасъ же не уйдутъ, то въ нихъ «будутъ стрѣлять». Суда поплыли назадъ.

У Краснаго кабачка эшелоны дѣлали привалъ: авангардъ — въ 6-мъ часу вечера, 2-й эшелонъ — въ 10-мъ и гвардія — въ 1-мъ часу ночи. Императрица вмѣстѣ съ кн. Дашковой провели эти нѣсколько часовъ отдыха въ маленькой комнатѣ, гдѣ была одна грязная постель для обѣихъ. Нервы были слишкомъ возбуждены, и сна не было. Безсонница однако не была тяжка: Императрица и Дашкова были бодры, сердца ихъ были наполнены веселыми предчувствіями. Въ 6-мъ часу утра Императрица опять сѣла на коня и выступила изъ Краснаго кабачка. Въ Сергіевской пустыни былъ другой малый привалъ. Здѣсь встрѣтилъ Императрицу вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ съ собственноручнымъ письмомъ отъ Петра Ѳеодоровича, въ которомъ онъ сознавалъ, что былъ неправъ относительно Императрицы, обѣщалъ исправиться и предлагалъ полное примиреніе. Отвѣта не послѣдовало, а кн. Голицынъ тутъ

же подъ открытымъ небомъ принесъ присягу въ вѣрности Екатеринѣ II и присоединился къ ея свитѣ. Затѣмъ пріѣхалъ ген.-маіоръ Измайловъ и объявилъ, что Императоръ намѣренъ отречься отъ престола. «Послѣ отреченія, вполнѣ свободнаго, я вамъ его привезу, и такимъ образомъ спасу отечество отъ междоусобной войны», говорилъ Измайловъ. Императрица поручила Измайлову устроить отреченіе. Дѣло было устроено, Петръ Өеодоровичъ подписалъ отреченіе.

Въ 5 часовъ утра 29 Іюня гусарскій отрядъ подъ начальствомъ Алексѣя Орлова занялъ Петергофъ; на плацу Орлову попались нѣсколько сотъ голштинскихъ рекрутъ, собранныхъ съ деревянными ружьями для ученія. Гусары въ одну минуту опрокинули и перехватали ихъ, поломали ихъ деревянное оружіе и посадили всѣхъ подъ сильнымъ карауломъ въ тамошніе сараи и конюшни. Узнавъ, что Петръ Өеодоровичъ въ Ораніенбаумѣ, Орловъ поскакалъ туда и занялъ тамъ всѣ выходы. Потомъ стали приходить въ Петергофъ полки, одинъ за другимъ, располагаясь кругомъ Дворца и въ Звѣринцѣ. Въ 11 часовъ прибыла Императрица, верхомъ, въ мундирѣ, окруженная конной гвардіей. Раздались восторженные крики войска и пушечная пальба.

Измайловъ, въ сопровожденіи Григорія Орлова и кн. А. М. Голицына, отправился въ Ораніенбаумъ. Онъ одинъ пошелъ къ Императору, спутники остались ожидать результата въ пріемной. Черезъ нѣсколько минутъ Измайловъ передалъ написанный и подписанный Петромъ актъ отреченія Орлову и кн. Голицыну, которые немедленно уѣхали въ Петергофъ. Немного спустя, изъ Ораніенбаумскаго дворца отъѣхала карета, въ которой сидѣли Петръ Өеодоровичъ, гр. Воронцова, Гудовичъ и Измайловъ. Едва только карета выѣхала изъ дворцоваго сада, какъ ее окружилъ конвой изъ гусаръ и конногвардейцевъ, среди которыхъ обращалъ на себя вниманіе капралъ Григорій Потемкинъ своею молодостью, красотою и ловкостью. Въ 1-мъ часу дня карета прибыла въ Петергофъ. Всѣ полки, мимо которыхъ пришлось проѣзжать, и которые даже не знали, кого везутъ въ этой каретѣ, встрѣчали и провожали ее громкими криками: «да здравствуетъ Екатерина Вторая!».

Первоначально еще въ Петербургѣ рѣшено было заключить Петра Өеодоровича въ Шлиссельбургскую крѣпость, куда былъ отправленъ генералъ-маіоръ Савинъ для приготовленія помѣщенія, но такъ какъ оно не было еще готово, то Петру Өеодоровичу предложили на выборъ нѣсколько мѣстностей, и онъ избралъ Ропшу. Императрица сама назначила особую команду для караула изъ солдатъ, наиболѣе мягкихъ. Начальство надъ этой командой она поручила Алексѣю Орлову; въ помощь ему назначены: кап. Пассекъ, кн. Федоръ Барятинскій и пор. Баскаковъ [1]).

Въ 5-мъ часу дня гвардейскіе полки «увидѣли большую четырехмѣстную карету съ завѣшенными гардинами, у которой на запяткахъ, на козлахъ и на

---

1) Бильбасовъ, II, 34, 68 и 69. — «Un détachement d'hommes doux et choisis». (Гос. арх., III, 16).

подножкахъ были гренадеры во всемъ вооруженіи, а за ними нѣсколько коннаго конвоя, которые отвезли отрекшагося Императора въ Ропшу» [1]).

Въ 7-мъ часу вечера войска начали выступать изъ Петергофа въ обратный путь; въ 9 часовъ вечера Императрица выѣхала изъ Петергофа въ каретѣ, конвоируемой конногвардейцами. На полъ-пути между Петергофомъ и Петербургомъ, на дачѣ Куракина былъ привалъ для ночлега. Измученная нравственно, усталая физически, Императрица, не раздѣваясь, бросилась на постель и, какъ убитая, спала болѣе 2-хъ часовъ. На другой день, въ воскресенье 30 Іюня, состоялся торжественный въѣздъ въ Петербургъ. Въ Екатерингофѣ Императрица сѣла верхомъ. Шествіе открывали гусары, за ними конная гвардія; придворные чины предшествовали Екатеринѣ Алексѣевнѣ, ѣхавшей передъ Преображенскимъ полкомъ; за преображенцами шли семеновцы, измайловцы, артиллерійскій корпусъ и 3 полевыхъ полка. У всѣхъ церквей духовенство въ полномъ облаченіи благословляло крестомъ и кропило св. водой проходившія войска. Къ полудню Императрица прибыла въ Лѣтній дворецъ, гдѣ ее ожидали Наслѣдникъ, Сенатъ, Сvнодъ, всѣ имѣющіе пріѣздъ ко двору. Императрица прослѣдовала прямо въ придворную церковь къ молебну. Ликованіе по поводу восшествія на престолъ Екатерины II усиливалось и тѣмъ, что перемѣна произошла безъ пролитія капли крови; пострадали только винные торговцы. «День (30 Іюня) былъ самый красный, жаркій. Кабаки, погреба и трактиры для солдатъ растворены: пошелъ пиръ на весь міръ; солдаты и солдатки въ неистовомъ восторгѣ и радости носили ушатами вино, водку, медъ, шампанское и всякія другія дорогія вина и лили все вмѣстѣ безъ всякаго разбору въ кадки и боченки, что у кого случалось. Въ полночь на другой день, съ пьянства, Измайловскій полкъ, обуявъ отъ гордости и мечтательнаго своего превозношенія, что Императрица въ него пріѣхала и прежде другихъ имъ сопровождаема была въ Зимній дворецъ, собравшись безъ свѣдѣнія командующихъ, приступивъ къ Лѣтнему дворцу, требовалъ, чтобъ Императрица къ нему вышла и увѣрила его персонально, что она здорова; ибо солдаты говорили, что дошелъ до нихъ слухъ, что она увезена хитростями прусскимъ королемъ, котораго имя всему россійскому народу было не-

Императрица Екатерина II, съ франц. народн. картинки 1762 г. (Собр. П. Я. Дашкова).

[1]) Державинъ, 432.

навистно. Ихъ увѣряли дежурные придворные, И. И. Шуваловъ и подполковникъ ихъ, гр. Разумовскій, также и господа Орловы, что Государыня почиваетъ и, слава Богу, въ вожделѣнномъ здравіи, но они не вѣрили и непремѣнно желали, чтобъ она имъ показалась» [1]). Императрица такъ описала этотъ случай. «Съ пятницы, съ 6-ти часовъ утра я ничего не ѣла, не пила и почти вовсе не спала. Въ воскресенье вечеромъ я легла въ постель. Едва я уснула, какъ въ полночь входитъ въ спальню капитанъ Пассекъ и будитъ меня, говоря: «Наши люди страшно пьяны; какой-то гусаръ, тоже пьяный, закричалъ имъ: «братцы, къ оружію! 30 тысячъ пруссаковъ идутъ сюда и хотятъ похитить нашу Матушку». Люди схватили ружья и идутъ сюда освѣдомиться о вашемъ здоровьи, говоря, что уже три часа, какъ они не видѣли васъ, и что они спокойно уйдутъ, убѣдившись, что съ вами ничего не случилось. Они не слушаютъ своихъ начальниковъ, ни даже Орловыхъ». И вотъ я опять на ногахъ. Чтобъ не встревожить батальонъ, занимавшій караулъ во дворцѣ, я отправилась къ нему и объяснила, почему я выхожу въ такой поздній часъ. Я сѣла въ карету съ двумя дежурными офицерами и отправилась къ измайловцамъ; я сказала имъ, что совершенно здорова, чтобъ они шли спать и оставили меня въ покоѣ, что я не спала три ночи и только-что уснула; я выразила имъ свое желаніе, чтобъ они впредь слушались своихъ офицеровъ. Они отвѣчали, что ихъ встревожили проклятые пруссаки, но что они готовы умереть за меня. Я сказала имъ: «Ну, ладно, спасибо; но ступайте спать». Они пожелали мнѣ доброй ночи, всякаго здравія и разошлись, какъ овечки, все оглядываясь на мою карету» [2]).

Императрица Екатерина II, съ нѣмецкой народной картинки 1762 г. (Собр. П. Я. Дашкова).

По утру (на другой день) изданъ былъ манифестъ, въ которомъ, хотя, съ одной стороны, похвалено было усердіе измайловцевъ, но, съ другой, напоминалась воинская дисциплина, совѣтовалось не вѣрить разсѣваемымъ злонамѣренными людьми мятежнымъ слухамъ, которыми хотятъ возмутить ихъ и общее спокойствіе; въ противномъ случаѣ, впредь за непослушаніе своимъ начальникамъ и всякую подобную дерзость они наказаны будутъ по законамъ. За всѣмъ тѣмъ съ того самаго дня пріумножены пикеты, которые во многомъ числѣ съ заряженными пушками и съ зажженными фитилями по

---

[1]) Державинъ, 434. — [2]) Гос. арх., III, 16.

всѣмъ мѣстамъ, площадямъ и перекресткамъ разставлены были. Въ такомъ военномъ положеніи находился Петербургъ, а особливо вокругъ дворца, въ которомъ Государыня пребываніе свое имѣла, дней съ восемь [1]).

7 Іюля опубликованъ былъ манифестъ съ обстоятельнымъ описаніемъ восшествія Императрицы на тронъ; въ манифестѣ указывалось: 1) что Петръ Ѳеодоровичъ, еще будучи Великимъ Княземъ, «многія оказывалъ ко всепресвѣтлѣйшей Теткѣ и Монархинѣ своей озлобленія и ко многимъ ея печалямъ и оскорбленіямъ (что всему Нашему двору извѣстно было) подавалъ причины..., оказывалъ опыты дерзновенной своей неблагодарности: то презрѣніемъ къ Ея Особѣ, то ненавистью къ отечеству. 2) Не имѣвъ, какъ видно, въ сердцѣ своемъ слѣдовъ Вѣры Православной Греческой (хотя въ томъ довольно и наставляемъ былъ), коснулся перво всего древнее Православіе въ народѣ искоренять», что и проявилъ чрезъ «не поклоненіе иконамъ и презрѣніе или паче ругательство къ церковнымъ обрядамъ. Потомъ началъ помышлять о раззореніи и самыхъ церквей и предписалъ никогда церкви Божіей въ домѣхъ не имѣть. 3) Презрѣлъ онъ и законы естественные и гражданскіе, ибо, имѣя онъ единаго Богомъ дарованнаго намъ Сына, Вел. Кн. Павла Петровича, не восхотѣлъ объявить его Наслѣдникомъ престола, оставляя самовольству своему предметъ, который онъ въ погубленіе Намъ и Сыну Нашему въ сердцѣ своемъ положилъ, а вознамѣрился или вовсе право, ему преданное отъ Тетки своей, испровергнуть, или отечество въ чужія руки отдать. 4) Законы въ государствѣ всѣ пренебрегъ, судебныя мѣста и дѣла презрѣлъ и вовсе объ нихъ слышать не хотѣлъ, доходы государственные расточать началъ неполезными, но вредными государству издержками, изъ войны кровопролитной начиналъ другую безвременную и государству Россійскому крайне безполезную. 5) Возненавидѣлъ полки Гвардіи, освященнымъ его Предкамъ вѣрно всегда служившіе, превращать ихъ началъ въ обряды не удобь носимые, которые не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ и усердно за Вѣру и Отечество служащихъ и кровь свою проливающихъ. Армію всю раздробилъ такими новыми законами, что будто бы не единаго Государя войско то было, но чтобъ каждый въ полѣ удобнѣе своего поборника губилъ, давъ полкамъ иностранные, а иногда и развращенные виды, а не тѣ, которые въ ней единообразіемъ составляютъ единодушіе» [2]).

Но того же 6 Іюля случилось событіе, которое потребовало новаго манифеста: 6 числа въ Ропшѣ было совершено гнуснѣйшее преступленіе: содержавшійся подъ стражею Петръ Ѳеодоровичъ былъ умерщвленъ лицами, которымъ была поручена эта стража. Вечеромъ того же дня нарочный, прискакавшій изъ Ропши, подалъ Императрицѣ пакетъ отъ Алексѣя Орлова. На листѣ сѣрой, нечистой бумаги рукою Алексѣя Орлова было написано: «Матушка

---

1) Державинъ, 434. — 2) Полн. Собр. Закон., № 11597.

Императрица Екатерина II, съ англ. гравюры того времени. (Собр. П. Я. Дашкова).

Милосердая Государыня, какъ мнѣ изъяснить, описать, что случилось. — Не повѣришь вѣрному своему рабу. — Но какъ передъ Богомъ скажу истину. — Матушка. Готовъ идти на смерть; но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. — Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, — Его нѣтъ на свѣтѣ. Но никто сего не думалъ, и какъ намъ задумать поднять руку на Государя. Но, Государыня, свершилась бѣда, мы были *пьяны* и Онъ тоже. Онъ заспорилъ за столомъ съ князь Федоромъ [1]); не успѣли мы разнять, а Его уже и не стало. Сами не помнимъ, что дѣлали, но всѣ до единаго виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную Тебѣ принесъ, и розыскивать нечего. Прости или прикажи скорѣй окончить. Свѣтъ не милъ; прогнѣвили тебя и погубили души на вѣкъ» [2]). — «Я нашла Императрицу», говоритъ Дашкова, «въ совершенномъ отчаяніи; видно было, подъ вліяніемъ какихъ тяжкихъ думъ она находилась»: «Que je suis affectée, même terrassée par cette mort», сказала Екатерина кн. Дашковой [3]). Такъ было въ первую минуту, но надо было принять то или иное рѣшеніе, и Императрица быстро и безповоротно рѣшается; недаромъ говорила она: «il faut être ferme dans ses résolutions; il vaut mieux mal faire, que de changer d'avis; il n'y a que les sots qui soient indécis» [4]). Екатерина хорошо сознавала свое положеніе: смерть Петра, смерть скоропостижная и въ такое время, возбудитъ толки, броситъ тѣнь на ея намѣренія, ляжетъ пятномъ на памяти до сихъ поръ чистыхъ, свѣтлыхъ десяти дней.

---

[1]) Кн. Федоръ Сергѣевичъ Барятинскій. Такимъ образомъ съ полною достовѣрностью извѣстны только два участника: Алексѣй Орловъ и Федоръ Барятинскій. Ихъ было, конечно, болѣе: «всѣ до единаго виноваты», сказано въ письмѣ. Участіе Г. А. Потемкина рѣшительно отвергается. («On a faussement prétendu que Potemkin était avec eux». Castera, I; Бильбасовъ, II, 115).

[2]) Копія письма; Соб. Его Величества библіотеки, 115—4—19. На копіи надпись рукою переписчика «Письмо Г. О.».

[3]) Дашкова, 93. — «...il fut décidé qu'on renverrait Pierre III en Holstein, le prince Orloff et son frère le comte Alexis, qui jouissaient alors des faveurs de l'Impératrice furent chargés de le faire partir. On prépara plusieurs bâtiments à Cronstadt. Pierre devait être embarqué avec les bataillons qu'il avait fait venir du Holstein. Il devait coucher à Ropcha, près d'Oranienbaum la veille de son départ. J'étais, dit-il (Никита Панинъ), dans le cabinet de l'Impératrice lorsque le prince Orloff vint lui annoncer que tout était fini. Elle était debout au milieu de la chambre, ce mot *fini* la frappa. «Il est parti», répliqua-t-elle d'abord, mais apprenant la triste vérité elle tomba raide évanouie. Elle eut ensuite d'affreuses convulsions qui firent craindre un instant pour sa vie. Revenue de ce pénible état, Elle versa les larmes les plus amères. «Ma gloire est perdue», répétait-elle, «jamais la Postérité ne me pardonnera ce crime involontaire». La faveur avait étouffé tout autre sentiment que celui d'une ambition démesurée dans les Orloff. Ils avaient cru qu'en détruisant l'Empereur, le prince Orloff pourrait occuper sa place et se faire couronner par l'Impératrice». (Соб. Его Величества библ., Зап. гр. Головиной).

[4]) Депеша Беранже 28 Окт., у Бильбасова, II, 116 и 117.

Трагизмъ положенія Екатерины усиливался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что ропшинская катастрофа произошла при дѣятельномъ участіи Алексѣя Орлова: Орловымъ она многимъ обязана, какъ Императрица и какъ женщина; она связана съ Григоріемъ Орловымъ сердечными узами; она гнушается преступленія, но выдать преступника не можетъ... Она, именно она должна и покрыть преступленіе и защитить преступника, принявъ на себя всю нравственную отвѣтственность и всю политическую тяжесть катастрофы... Письмо Алексѣя Орлова, вполнѣ обѣлявшее Екатерину отъ всякихъ подозрѣній, было спрятано въ шкатулку и пролежало въ ней болѣе 34 лѣтъ, до самой смерти Императрицы... Рѣшивъ судьбу письма, Екатерина сама начертала программу своихъ дѣйствій, краткую и ясную: «il faut marcher droit — je ne dois pas être suspecte» [1]). 8 Іюля было возвѣщено, что «бывшій Императоръ Петръ III скончался отъ гемороидальнаго припадка, которымъ и прежде часто подверженъ былъ». Сообщая, что тѣло для погребенія будетъ привезено въ Невскій монастырь, манифестъ объявлялъ: «а между тѣмъ всѣхъ вѣрноподанныхъ возбуждаемъ и увѣщаваемъ Нашимъ Императорскимъ и матернимъ словомъ, дабы безъ злопамятствія всего прошедшаго съ тѣломъ Его послѣднее учинили прощаніе и о спасеніи души его усердныя къ Богу приносили молитвы»... [2]).

[1]) Гос. арх., III, 16; Бильбасовъ, II, 116 и 117. — [2]) Полн. Собр. Зак., № 11599.

Декорація для фейерверка въ царствованіе Екатерины II, съ акварельнаго рисунка того времени.

Глава II.

Кончились заботы о пріобрѣтеніи власти; начинались болѣе тяжкія заботы о ея сохраненіи. Нужно было наградить людей, помогшихъ достигнуть власти, — дѣло тяжелое, ибо каждый цѣнилъ свою услугу дорого и ревниво смотрѣлъ вокругъ, не получилъ ли кто больше за услугу меньшую; замѣчались только радостныя лица, слышались восторженные клики, а между тѣмъ бушевало цѣлое море страстей. Нужно было цѣнною, удовлетворяющею наградою закрѣпить старыхъ приверженцевъ, не возбудить между ними соперничества, не вызвать между ними столкновенія, не произвести вражды между ними и собственнымъ ихъ дѣломъ; нельзя было, по крайней мѣрѣ вдругъ, удалить людей, стоявшихъ наверху въ прежнее царствованіе и не участвовавшихъ въ перемѣнѣ, ибо и они, исключая очень немногихъ, не были довольны этимъ царствованіемъ и не были виновны въ томъ, чѣмъ возбуждалось всеобщее неудовольствіе; нужно было показать, что никто изъ людей видныхъ, полезныхъ своею дѣятельностью не потерялъ отъ перемѣны; нужно было сдѣлать такъ, чтобъ прошлое не напоминало о себѣ ничѣмъ добрымъ, не высказывалось ни въ одной силѣ, которая бы не осталась неупотребленною и которой не было бы дано лучшее направленіе въ настоящемъ. Въ прошлое царствованіе почти не было опалъ, потому что оно наступило спокойно, безъ переворота; новое царствованіе должно было показать свое превосходство тѣмъ, что не допускало опалъ, хотя и произошло вслѣдствіе переворота; не желалось показать, что были люди, и люди видные, которые враждебны новому царствованію. Нельзя было нарушить всеобщности призна-

нія новаго царствованія, всеобщности сочувствія къ нему; а между тѣмъ естественно рождалось соперничество между людьми, которые считались своими; и между чужими, которые введены были въ права своихъ. Нужно было неусыпными попеченіями о дѣлахъ внутреннихъ показать народу, что Россія дѣйствительно избавлена отъ страшнаго разстройства, происходившаго вслѣдствіе отсутствія разумной власти; а въ дѣлахъ внѣшнихъ нужно было дать народу требуемый миръ и въ то же время возстановить значеніе, славу имперіи, за потерю которыхъ порицалось прошлое царствованіе. Всѣ видные участники событій 28 Іюня были щедро награждены повышеніями по службѣ: военные получили вмѣстѣ съ тѣмъ и придворные чины; кромѣ того награждены населенными имѣніями: получили одни по 800, другіе по 600, иные по 300 душъ крестьянъ; нѣкоторымъ даны были одновременныя денежныя награды, по 24, 20 и 10.000 рублей. Екатерина также спѣшила возвратить двоихъ опальныхъ прежняго царствованія, бывшаго канцлера Бестужева-Рюмина и бывшаго генералъ-прокурора кн. Якова Шаховскаго [1]). Нижнимъ чинамъ гвардіи и петербургскаго гарнизона выданъ полугодовой окладъ жалованья (225.890 рублей).

Лб.-компанцы, принявшіе участіе въ возведеніи на престолъ Екатерины II, были награждены пожалованіемъ «въ кавалергарды». Возобновить лб.-компанію Императрица не пожелала: не въ Елисаветѣ Петровнѣ, а въ Петрѣ I рѣшила Екатерина II разъ навсегда искать себѣ примѣра.

5 Іюля Императрица изустно повелѣла гр. И. С. Гендрикову быть шефомъ «при учреждаемомъ вновь Кавалергардскомъ корпусѣ». 11 Іюля гр. Гендриковъ представилъ Императрицѣ нѣсколько докладовъ, относившихся до организаціи корпуса; въ первомъ изъ нихъ онъ сообщалъ о томъ, «что ко учрежденію онаго корпуса потребно», причемъ за основаніе имъ была принята организація корпуса 1726 года Императрицею Екатериною I.

Ясно и опредѣленно положила Императрица свои резолюціи почти на каждый пунктъ доклада. Оставлены были безъ отвѣта только тѣ пункты его, которые Императрица въ данное время не имѣла возможности рѣшить. Резолюціи Екатерины II на докладахъ гр. Гендрикова составляютъ полное положеніе о Кавалергардскомъ корпусѣ.

«Бывшіе лейбъ-компаніи унтеръ-офицеры, капралы и вицъ-капралы, гранодеры», доносилъ гр. Гендриковъ, «кои нынѣ назначены въ Кавалергардскій корпусъ, также и другіе нижніе чины, которымъ въ Кавалергардскомъ корпусѣ мѣста не остается, а при благополучномъ Вашего Императорскаго Величества на Всероссійскій престолъ восшествіи, имѣя къ Вашему Император-

---

1) Соловьевъ, XXV, 125—127. — Григорій Орловъ сдѣланъ каммергеромъ, получилъ Александровскую ленту и 800 душъ крестьянъ; Алексѣй Орловъ назначенъ сек.-маіоромъ Преображенскаго полка, получилъ Александровскую ленту и 800 душъ крестьянъ. Кромѣ того всѣ Орловы пожалованы графами, и имъ дано 50.000 р. Гр. Валент. Плат. Мусинъ-Пушкинъ получилъ 600 душъ, Потемкинъ 400 душъ. По полкамъ награды распредѣляются такъ: Измайловскій полкъ — 131 награда, Семеновскій полкъ — 67, Преображенскій — 48.

На 1) Шефомъ графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ вахмистремъ и капитаномъ быть в силе докладу; редовыхъ 60 человекъ

2) Церкви при оном корпусе не быть понеже оной корпусъ всегда находится будетъ где мой дворъ то придворным свещенникомъ и другим приходским изстравлятъ всякою потребу

3) для квартиръ определитъ домъ.

4) Жалованье и на строение мундиров и на всякие расходы получатъ от куда прежде на лейбкомпанию отпускалось

5) ~~Мундирахъ быть противъ капраловъ~~ пехотныхъ офицеровъ только обшлаги разрезныя безъ позументу

6) для походу даны будутъ подводы а палатки иметъ всякому свое

7) На ваканции о выборе и укомплектовании впредь повелено будетъ

8) лошедей для кавалергвардовъ неиметь а ежели когда лошеди потребны будутъ то тогда повелено будетъ взять изъ гвардии конеи или изъ другихъ командъ какъ и прежде бывало.

9) конские уборы изъ военной колегии взятъ безвратно и все изправить.

10) Эксерцiцiи быть такъ в конной гварди

11) которые кавалергарды имеютъ штатские чины и не желаютъ в отставки (или в выпуску) переименоватъ военными

12) сапоги на кавалергардовъ построитъ изъ казны съ разтрубами однемъ фасономъ

13) Нижнымъ чинамъ иметъ в два года простой мундиръ

14) Шпаги иметъ кавалерские какъ в конной гварди съ вызолоченными ефесами

15) Всемъ бывшимъ лейбкомпани которые были здесь къ 8 числа iюня зделатъ списокъ съ ~~показаниемъ по какъ чинамъ что каждому~~ за полгода надлежитъ и оной ведомость представитъ намъ

Всехъ по докладемъ отставитъ съ награждениемъ чина и половиннымъ жалованьемъ темъ которые своего пропитания не имеютъ а которые в службу военную или штатскую желаютъ то оныхъ определитъ по рассмотренiю сената.

скому Величеству крайнюю ревность, были; и какъ они люди недостаточные, изъ которыхъ другіе уже и дневнаго пропитанія почти не имѣли и такъ здѣсь жили, претерпѣвая скудость, пріискивая мѣста ко опредѣленію, чтобъ могли имѣть хотя малое пропитаніе; Высочайшею Вашего Императорскаго Величества милостію всѣ полки пожалованы полугодовымъ жалованьемъ; не соизволите-ль изъ матерняго своего милосердія и ихъ Всемилостивѣйше пожаловать и, ежели соизволите, — откуда сумму получить?».

Императрица противъ этого пункта написала: «*Всѣмъ бывшимъ лейбъ-компаніи, которые были здѣсь 28 числа Іюня, сдѣлать списокъ съ показаніемъ по ихъ чинамъ, что каждому за полгода надлежитъ, и оную вѣдомость представить намъ*».

Одновременно съ вышеозначеннымъ докладомъ гр. Гендриковъ представилъ другіе доклады, въ которыхъ писалъ: 1) что изъ числа пожалованныхъ въ кавалергарды лб.-компанцевъ 34 человѣка «за долговременною службою, за разными болѣзнями продолжать службу не могутъ»; 2) что «бывшаго лейбъ-компаніи корпуса заротные нижніе чины были отставлены, нѣкоторые съ награжденіемъ прапорщичьихъ чиновъ, а по большей части многіе изъ нихъ безъ всякаго награжденія, тѣми же чинами, на ихъ собственное пропитаніе»; что эти нижніе чины, имѣя «крайнее усердіе» къ Императрицѣ, «находились 28 Іюня вооруженные» во дворцѣ съ прочими лб.-компанцами, а потому гр. Гендриковъ ходатайствовалъ: 1) вышеупомянутыхъ 34 человѣка наградить еще однимъ чиномъ и, согласно ихъ желаній, однихъ отставить вовсе отъ службы съ пенсіей въ размѣрѣ половиннаго оклада жалованья по новому чину, а другимъ предоставить разныя мѣста по администраціи и въ арміи [1]), 2) заротныхъ чиновъ, по ихъ желанію, отставить отъ службы съ награжденіемъ оберъ-офицерскимъ чиномъ [2]).

Императрица собственноручно наложила 16 Іюля резолюцію: «*Всѣхъ по докладамъ отставить — съ награжденіемъ чина и половиннымъ жалованьемъ — тѣмъ, которые своего пропитанія не имѣютъ, а которые въ службу военную или штатскую пожелаютъ, то оныхъ опредѣлить по разсмотрѣнію Сената*» [3]).

Такъ какъ на нѣкоторые пункты доклада 11 Іюля не послѣдовало рѣшенія, то гр. Гендриковъ вошелъ 2 Августа съ новымъ докладомъ, въ которомъ просилъ повелѣній относительно тѣхъ вопросовъ, на которые не послѣдовало резолюцій, а именно: 1) объ опредѣленіи въ Кавалергардскій корпусъ лекаря, 2) объ опредѣленіи «писаремъ» секретаря Илью Афанасьева. Противъ перваго пункта Императрица положила резолюцію — «*придворнымъ лекаремъ*» [4]), а противъ втораго — «*быть по сему*». Въ томъ же докладѣ гр. Гендриковъ испрашивалъ повелѣній Императрицы, относительно коронаціонной службы кавалергардовъ: 1) о числѣ кавалергардовъ для сопрово-

---

[1]) Леф. арх., оп. 120, св. 1, 7—10. — [2]) Тамъ же, стр. 11 и 12. — [3]) Моск. арх. М. Юст., кн. Сен. 538/3021, л. 113.—На копіи Высочайшихъ резолюцій, представленныхъ гр. Гендриковымъ въ Сенатъ, сдѣлана слѣдующая помѣтка: «16 Іюля 1762 г. получена». (Сенат. арх., кн. 176, л. 31). — [4]) Т.-е. кавалергардамъ быть лечимымъ придворнымъ лекаремъ.

жденія Императрицы и Великаго Князя во время путешествія въ Москву? — («*За Мною 6 человѣкъ, за Великимъ Князем столько же*»). — О томъ, когда отправиться въ Москву остальнымъ кавалергардамъ? — («*Послѣ Моего отъѣзда*»). Въ какомъ домѣ въ Москвѣ помѣстить кавалергардовъ? — («*Лефортовскій домъ, а если занятъ, дать имъ деньги на квартиры или нанять домъ*»). Какой имѣть мундиръ шефу? — («*Генеральскій*»). Какое отличіе имѣть на мундирахъ унтеръ-офицеровъ, имѣть ли имъ позументъ на обшлагахъ и воротникахъ? — («*Имѣть позументъ, какъ имѣли*») [1]). Пунктъ 7-й о томъ, строить ли кавалергардскимъ офицерамъ для предстоящей коронаціи на казенный счетъ, по примѣру коронаціи Елисаветы Петровны, «бархатные, пунцовые мундиры съ золотымъ гасомъ и палочки» — Императрица оставила безъ отвѣта. Въ послѣднемъ пунктѣ своего доклада гр. Гендриковъ просилъ указать, какъ ему поступать съ лб.-компанцами, которые «отставлены были не по ихъ желаніямъ, но почти всѣ на ихъ пропитаніе, изъ коихъ другіе и никакого не имѣютъ», и что нынѣ они, пріѣхавъ въ Петербургъ, просятъ объ опредѣленіи ихъ въ Кавалергардскій корпусъ и въ другія мѣста. Противъ этого пункта Императрица написала: «*о семъ уже сказано графу Гендрикову*».

Къ Октябрю мѣсяцу у гр. Гендрикова, которому Императрица поручила принимать прошенія лб.-компанцевъ, накопилось ихъ 82 [2]), поданныхъ лб.-компанцами, не участвовавшими въ переворотѣ 28 Іюня, но обратившимися теперь къ Императрицѣ съ просьбами о награжденіи чинами, и кромѣ того большинство просило или казеннаго мѣста, или назначенія пенсіи. Гендриковъ представилъ Государынѣ два доклада; въ первомъ (отъ 9 Октября) онъ писалъ объ «основныхъ» лб.-компанцахъ: «По Всевысочайшему В. И. В-ва повелѣнію мною отъ чиновъ бывшей лейбъ-компаніи, которые сначала учрежденія оной находились и при раскосованіи безъ всякаго пропитанія оставлены, поданныя челобитныя отобраны, коими ни что болѣе просятъ, какъ Высочайшаго В. И. В-ва матерняго по бѣдности ихъ по смерть пропитанія». При этомъ гр. Гендриковъ ходатайствовалъ, «чтобъ всѣ оные за вѣрныя и усердныя ихъ службы особливымъ В. И. В-ва Высочайшимъ къ нимъ милосердіемъ были награждены, къ нынѣшнимъ ихъ чинамъ еще по одному чину, да для пропитанія половиннымъ по ихъ чинамъ жалованьемъ, равнымъ образомъ, такъ какъ при жизни любезнѣйшей В. И. В-ва тетки... Елисаветъ Петровны таковые-же чины по заслугамъ ихъ награждаемы были и тою Высочайшей милостью пользовались». Во второмъ (отъ 11 Октября), относившемся до чиновъ лб.-компаніи, «кои въ оной находились послѣ ея учрежденія», гр. Гендриковъ писалъ: «не соизволите-ль В. И. В-во для надлежащаго въ ихъ желаніяхъ удовольствія и распредѣленія, милостивно конфермовавъ, указать всѣхъ ихъ отослать въ Правительствующій Сенатъ на разсмотрѣніе».

---

1) Т.-е. какой имѣли кавалергарды въ лб.-компаніи. — 2) Въ томъ числѣ отъ священника лб.-компаніи Кирилла Тарловскаго, «отставленнаго безъ пропитанія»; Тарловскій просилъ о назначеніи ему пенсіи въ размѣрѣ ½ оклада жалованья. (Леф. арх., оп. 120, св. 1, стр. 32).

23 Октября Императрица наложила на оба доклада общую конфирмацію: «*которые сначала лейбъ-компаніи въ оной служили и при отставкѣ не получили награжденія чина, тѣхъ наградить чиномъ, и по смерть производить половинное жалованье по ихъ чинамъ, и быть имъ въ отставкѣ.*

17

Катарые с начали лейб кампанiи
в оной служили и при отставки
не получили награжданье чина
тѣхъ наградитъ чинамъ и
по смѣрти производитъ па
лавинное жалаванье по ихъ
чинамъ и бытъ имъ в отстав
ки

Катарые же после того взяты
темъ производитъ палавинное
жалаванье какъ получали в лейб
кампание а каторые желаютъ
к деламъ определенни быть тѣхъ
отослатъ в сенатъ.

Которые же послѣ того взяты, тѣмъ производить половинное жалованье, какъ (противъ того, которое) *получали въ лейбъ-компаніи, а которые желаютъ къ дѣламъ опредѣлены быть, тѣхъ отослать въ Сенатъ*» [1]).

---

[1]) Леф. арх., оп. 120, св. 1, стр. 17; 21—23; 24—31. — На копіи доклада 9 Октября, представленной въ Сенатъ гр. Гендриковымъ, сдѣлана нижеслѣдующая отмѣтка: «Подлинный докладъ съ конфермаціею полученъ 23 Окт. 1762 г.». (Сен. арх., кн. 176, л. 194).

Екатерина II въ домашнемъ платьѣ.

Очевидно дѣло не могло ограничиться одними уже поданными прошеніями, и гр. Гендриковъ справедливо предполагалъ, какъ онъ о томъ писалъ Императрицѣ въ докладѣ отъ 21 Октября, «что многіе изъ чиновъ лб.-компаніи... еще въ Москву не пріѣхали и прошеніевъ о своихъ желаніяхъ не подавали, и если кто изъ нихъ являться будутъ ко мнѣ съ прошеніями, съ таковыми что В. И. В-во повелите чинить: въ Сенатъ ли ихъ на разсмотрѣніе отослать, или какое особливое В-го И. В-ва на то соизволеніе будетъ?»... На этотъ докладъ послѣдовала Высочайшая резолюція: «*Въ Сенатъ отослать*» [1]).

Не легко было разобраться въ просьбахъ лб.-компанцевъ; такъ, напр., Бутлеровъ просилъ: 1) выдать ему дипломъ на только что пожалованный подполковничій чинъ, 2) наградить чиномъ полковника, 3) опредѣлить къ штатскимъ дѣламъ «къ защищенію новокрещенъ», 4) пожаловать ему въ вѣчное и потомственное владѣніе деревни бывшаго лб.-компанца Баженова, которыя состоятъ за нимъ, Бутлеровымъ, въ подушномъ окладѣ. Императрица повелѣла челобитную Бутлерова отослать въ Сенатъ «съ тѣмъ, чтобы ему, Бутлерову, изъ предписаннаго его требованія только въ дачѣ диплома учинено-бъ было надлежащее разсмотрѣніе и удовольствіе» [2]). Лб.-компанецъ Григорій Кулябка, выпущенный «по раскосованіи корпуса лб.-компаніи» тѣмъ же поручичьимъ чиномъ въ Сибирскій драгунскій полкъ, просилъ «наградить его маіорскимъ чиномъ и опредѣлить по прежнему въ Сибирскій драгунскій полкъ», такъ какъ «я же, какъ извѣстно въ сей командѣ лб.-компаніи, что при восшествіи В. И. В-ва на всероссійскій престолъ находился тутъ-же съ прочими чинами лейбъ-компаніи въ ружьѣ». Императрица положила на прошеніи Кулябки резолюцію: «*Наградить капитанскимъ чиномъ*» [3]). 31 Августа тремъ лб.-компанцамъ, не участвовавшимъ въ переворотѣ, «для съѣзду въ Москву» приказано выдать изъ кабинета по 30 р. каждому [4]).

«Сержантъ и *бывшей лейбъ-компаніи фельдшеръ Иванъ Ларіоновъ*», доносилъ гр. Гендриковъ Императрицѣ, «поданною челобитною объявляетъ, что онъ въ лейбъ-компаніи въ службѣ находился съ 1759 года; и при раскосованіи

---

[1]) Сен. арх., кн. 176, стр. 33; Исх. журн. Кавал. корп., 1762 г./II, 11 Декабря. — [2]) Исх. журн., 1762 г./II, № 84. — [3]) Тамъ же, св. 1, д. 1/7, стр. 37 и 38. — [4]) Исх. журн., 1762/II, № 86.

Кавалергарды 1742—1796 гг.

Съ акварели А. Бальдингера.

оной безъ всякаго награжденія и пропитанія отставленъ, *онъ-же и при возшествіи Вашего Императорскаго Величества на всероссійскій престолъ былъ,* но награжденія никакого не получилъ, нынѣ проситъ, чтобъ онъ, противъ другихъ его братій, бывшихъ при возшествіи Вашего Императорскаго Величества на всероссійскій престолъ фельдшеровъ, награжденъ былъ порутчичьимъ чиномъ и отосланъ для опредѣленія къ дѣламъ въ С.-Петербургскую портовую таможню; Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представя, объ ономъ фельдшерѣ Ларіоновѣ прошу, не соизволите ли указать за его службу, противъ протчихъ его братьи, предписаннымъ порутческимъ чиномъ наградить и для опредѣленія къ дѣламъ въ Правительствующій Сенатъ отослать. Октября 11 дня 1762 года» [1]). Императрица написала на докладѣ: «*Быть по сему*» [2]).

Прогулка кавалергарда въ санкахъ,
съ офорта Шефнера.

[1]) Леф. арх., оп. 120, св. 1, д. 1/7, стр. 34.

[2]) «Въ Правительствующій Сенатъ — отъ генерала аншефа Ея Императорскаго Величества кавалергардъ шефа, дѣйствительнаго камеръ-гера и кавалера графа Ивана Гендрикова. Доношеніе. 26 Іюля 1762 г., за № 17. Сего Іюля 16 дня по всевысочайшему Е. И. В. на поднесенный отъ меня докладъ всемилостивѣйшему соизволенію отосланы отъ меня при реестрѣ находящіеся въ бывшей при вселюбезнѣйшей Е. И. В. теткѣ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Великой Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны лейбъ-компаніи заротные чины, кои при разрушеніи оной никакими чинами не награждены и притомъ минувшаго Іюня 28 дня при благополучномъ Ея Императорскаго Величества на всероссійскій Императорскій престолъ возшествіи были для надлежащаго чинами награжденія въ Правительствующій Сенатъ представлены, между которыми во время онаго жь Высочайшаго Ея Императорскаго Величества на всероссійскій Императорскій престолъ возшествія былъ отставной сержантъ Иванъ Ларіоновъ, который въ предписанной лейбъ-компаніи находился фельдшеромъ, но для награжденія въ представленномъ отъ меня въ Правительствующій Сенатъ реестрѣ онъ за отлучкою его отъ команды не написанъ; и для того объ ономъ Ларіоновѣ я чрезъ сіе Правительствующему Сенату особо покорнѣйше представляю и прошу, чтобъ онъ, противъ предписанныхъ представленныхъ отъ меня при реестрѣ бывшей лейбъ-компаніи заротныхъ чиновъ, надлежащимъ въ чинѣ награжденіемъ оставленъ не былъ того ради, что онъ, Ларіоновъ, при Высочайшемъ возшествіи Ея Императорскаго Величества на всероссійскій Императорскій престолъ обращался въ томъ же, въ чемъ и вышепредписанные были, и награжденія потому жь получить долженъ. Подп. графъ Иванъ Гендриковъ». (Исх. журн., 1762 г./II).

Организація Корпуса.

Въ 1764 году «Императрица пожелала дать кавалергардамъ новое устройство и новое обмундированіе, которое бы и по наружному виду, и по богатству далеко превосходило всѣ прочія войска, включая и самую гвардію, и вполнѣ соотвѣтствовало бы назначенію кавалергардовъ: быть «избранною стражею при лицѣ Императорскомъ». Съ этою цѣлью Государыня возложила на тогдашняго президента Военной Коллегіи гр. З. Гр. Чернышева составленіе новаго проэкта о Кавалергардскомъ корпусѣ.

«Не только великолѣпіе государственное, но и знатность Величества того требуетъ», такъ начиналъ свой проэктъ «о корпусѣ Шавальегардовъ» гр. Чернышевъ, «чтобъ имѣть около освященной Монаршей персоны нѣкоторый отмѣнный и выборный корпусъ военнаго званія, и для того полагается оный хотя небольшой, но преимущественный всѣмъ надъ прочими корпусами военныхъ людей, котораго названіе должно быть—кавалергардами».

Сущность проэкта гр. Чернышева заключалась въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) корпусъ долженъ быть конный; 2) «шефъ корпуса пароль и приказъ отъ Ея Величества принимаетъ и отдаетъ въ свой корпусъ чрезъ дневальнаго унтеръ-офицера и обо всемъ, что до онаго касается и принадлежитъ, докладываетъ Ея Величеству и еженедѣльно о состояніи корпуса рапорты подаетъ; имѣетъ входъ, какъ дежурный камергеръ, у двора, а во всѣхъ церемоніяхъ и выходахъ публичныхъ идетъ или ѣдетъ подлѣ Ея Величества, отступя нѣсколько назадъ, всегда съ тростью изъ чернаго дерева съ костяною бѣлою головкою и наконечникомъ; 3) швальегарды должны быть всѣ изъ дворянъ и поручиками, а корпусъ сей долженъ быть конный. Во всѣ мѣста, кромѣ Сената, писать отъ корпуса швальегардовъ сообщенія.... 4) ...Буде случатся (кавалергарды) въ строю, то надъ всѣми войсками старшинство корпусомъ берутъ; 5) два швальегарда всегда на ординарціи у Ея Величества и всегда за нею въ выѣздѣ верхами позади кареты ѣдутъ; во дворѣ ординарцы ожидаютъ повелѣній близь часовыхъ того корпуса и въ той комнатѣ находятся».

Штатъ корпуса гр. Чернышевъ предлагалъ установить изъ: шефа — 1, бригадировъ (прежнихъ капраловъ) — 4, кавалергардовъ — 50, лекаря — 1, копіиста — 1. Комплектованіе корпуса онъ хотѣлъ учредить такъ: бригадировъ производить изъ кавалергардовъ, а кавалергардовъ изъ сержантовъ гвардіи и изъ подпоручиковъ арміи при условіи, чтобъ они были дворяне, имѣли-бъ не менѣе 50 душъ, были-бъ росту не меньше 2 арш. 6 вершковъ, «собою видные и неженатые и не старѣе 30 лѣтъ». Бригадировъ, которые должны были имѣть рангъ прем.-маіора, предполагалось выпускать при производ-

ствѣ по линіи въ подполковники, а кавалергардовъ — по прослуженіи трехъ лѣтъ въ корпусѣ — въ армію капитанами. Всего на содержаніе корпуса гр. Чернышевъ исчислялъ сумму въ 20.000 рублей ежегодно [1]).

Копію съ своего «прожекта» гр. Чернышевъ препроводилъ гр. Гендрикову, и послѣдній, докладывая Императрицѣ о состояніи корпуса, такъ отзывался о проэктѣ Чернышева: «А въ написанномъ гр. З. Г. Чернышевымъ о Кавалергардскомъ корпусѣ прожектѣ, который В. И. В-вомъ былъ смотрѣнъ и на какой (какомъ) апробаціи положенъ, я совершенно В. И. В-ву донесть не могу, но со онаго полученную отъ него, гр. Чернышева, точную копію имѣю, которую при семъ всеподаннѣйше прилагаю... Въ прочемъ», оканчивалъ свой докладъ гр. Гендриковъ, «въ означенномъ прожектѣ, кромѣ мундира и прочихъ уборовъ и лошадей, предписаны гр. Чернышевымъ должности содержанія такого-жъ, каковы и нынѣ въ корпусѣ въ командѣ моей подъ Высочайшимъ В. И. В-ва соизволеніемъ происходятъ... И отъ В. И. В-ва всеподаннѣйше прошу милостивѣйшей апробаціи: такъ ли быть штату корпуса Кавалергардскаго, какъ мною сочиненъ по благополучномъ В. И. В-ва Высочайшемъ на Всероссійскій Императорскій престолъ возшествіи, который и нынѣ находится (существуетъ), или повелите-ль указать по штату 1726 года учредить, или по прожекту гр. Чернышева, или Высочайше укажете въ другомъ ему образѣ по особливому В. И. В-ва соизволенію остаться».

2 Марта Императрица положила на докладѣ гр. Гендрикова резолюцію:

графу Гендрикова да графу
Гр: Орлову разсматря
штатъ Кавалергардского
корпуса такъже проектъ
графа Чернишева предста
вить намъ со мнѣнiемъ

«*Графу Гендрикову да графу Орлову, разсмотря штатъ Кавалергардскаго корпуса, такъ же проектъ графа Чернышева представить Намъ со мнѣніемъ*» [2]).

[1]) Леф. арх., оп. 120, св. 1, д. 1/7. — [2]) Тамъ же.

17 Марта Гендриковъ и Орловъ представили всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ предлагали: 1) штатъ корпуса установить нижеслѣдующій: шефъ — 1 («рангу генерала полнаго»), поручикъ — 1 («рангу ген.-поручика»), вахмистръ — 1 (полковникъ), капраловъ — 4 (2 подполковника и 2 прем.-маіора), кавалергардовъ — 60 (прапорщиковъ, подпоручиковъ и поручиковъ), писарь — 1 (поручикъ или подпоручикъ) и сверхъ того нижнихъ чиновъ: копіистовъ — 2, фельдшеровъ — 4 и сторожей для посылокъ — 6.

Комплектовать корпусъ предлагалось: 1) унтеръ-офицерами гвардіи, 2) прапорщиками и подпоручиками арміи, «но чтобъ были дворяне и собою не малорослые и о честномъ поведеніи имѣли-бъ аттестаты отъ своихъ командировъ», самый же выборъ полагалось «отдать на справедливое разсмотрѣніе и попеченіе командующему Кавалергардскимъ корпусомъ шефу».

Продолжительность службы въ корпусѣ предполагалась до чина капитана, а съ производствомъ по линіи въ капитаны, «не оставляя въ корпусѣ капитанами, выпускать въ полки».

Докладъ предлагалъ ввести двоякое обмундированіе: 1) вседневное («кафтаны васильковые..., штаны алые..., шляпы съ золотымъ широкимъ позументомъ»), причемъ докладчики ходатайствовали о постройкѣ на первый разъ и вседневнаго обмундированія «изъ казны»; 2) парадное, о которомъ въ докладѣ говорилось такъ: «о парадныхъ мундирахъ и прочихъ уборахъ — каковымъ имъ быть..., всеподаннѣйше предаемъ въ особливое В. И. В-ва Высочайшее соизволеніе» [1]).

24 Марта Императрица конфирмовала этотъ докладъ, написавъ на немъ «*Быть по сему*», причемъ противъ «поручика» написала «*Графъ Григорій Орловъ*», а противъ пункта о парадномъ обмундированіи — «*Образцовый данъ будетъ*».

Вѣроятно, гр. Гендриковъ рѣшилъ, что Императрица оставила безъ отвѣта ходатайство о постройкѣ на казенный счетъ вседневнаго обмундированія, ибо 2 Апрѣля онъ представилъ новый докладъ о томъ же: «предписаннымъ чинамъ, въ разсужденіи ихъ недостатка, также и впередъ принимаемымъ въ комплектное число, на первый случай по одному мундиру съ шляпою и съ портупеею не повелите-ль В. И. В-во изъ Высочайшей Своей Монаршей Матерней Милости построить изъ казны, а впередъ чтобъ оные всѣ чины имѣли отъ себя»? Того же числа Государыня утвердила докладъ [2]).

Организовавъ корпусъ по новому положенію, гр. Гендриковъ уѣхалъ въ отпускъ, сдавъ команду поручику корпуса гр. Григорію Орлову [3]),

---

1) Леф. арх., оп. 120, св. 1, д. 1/7. — 2) Тамъ же. — 3) Еще до назначенія своего поручикомъ корпуса гр. Григорій Орловъ замѣнялъ гр. Гендрикова по начальствованію надъ кавалергардами: «Въ Правительствующій Сенатъ. Отъ генерала поручика и Ея Императорскаго Величества генерала адъютанта графа Орлова. Доношеніе. По Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію Кавалергардскаго корпуса шефъ графъ Гендриковъ уволенъ прожить въ Москвѣ до зимы; а вмѣсто его, пока онъ къ командѣ не прибудетъ, Кавалергардскимъ корпусомъ правитъ Ея Императорское Величество Высочайше соизволила указать

Кавалергардскій офицеръ и кавалергардъ въ царствованіе Екатерины II, съ акварели Клюквина.

а 30 Декабря гр. Гендриковъ, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ обязанности шефа Кавалергардскаго корпуса слѣдующимъ указомъ Сената: «Генералъ-аншефъ и Ея Императорскаго Величества кавалергардовъ шефъ графъ Иванъ Гендриковъ, въ поданномъ Ея И. В-ву прошеніи прописывая, что онъ по причинѣ умножившагося на немъ великаго долгу не въ состояніи себя содержать здѣсь безъ крайняго себѣ разоренія, просилъ Ея И. В-во для поправленія домашняго его состоянія объ увольненіи его изъ службы. Ея И. Величество, входя въ его и многочисленной его фамиліи обстоятельства, особливо же уважая всегдашнюю его къ Ея И. В-ву усердную преданность и вѣрную службу, Всемилостивѣйше на прошеніе его снисходитъ, увольняя его отъ всѣхъ дѣлъ, а на оплату долговъ его жалуетъ ему 30.000 рублей» [1]).

25 Марта 1765 года шефомъ корпуса назначенъ гр. Григорій Орловъ, а на его мѣсто поручикомъ — гр. Алексѣй Орловъ. Когда закатилась звѣзда Григорія Орлова, то гр. Алексѣй Григорьевичъ подалъ прошеніе объ увольненіи его въ отставку, о чемъ 1 Января Военная Коллегія увѣдомила Кавалергардскій корпусъ [2]); на мѣсто Алексѣя Орлова того же 1 Января 1776 года поручикомъ назначенъ Г. А. Потемкинъ.

Въ слѣдующемъ году, 22 Сентября, прибавленъ былъ въ корпусѣ новый офицерскій чинъ — корнета, предоставленный «флигель-адъютанту и лейбъ-эскадроновъ шефу полковнику Семену Зоричу», съ пожалованіемъ ему чина генералъ-маіора.

Возведенный въ 1772 году въ княжеское Римской имперіи достоинство съ титуломъ свѣтлости, Григорій Орловъ номинально числился шефомъ кавалергардовъ до своей кончины (1783 году), но на самомъ дѣлѣ ими

мнѣ; и объ ономъ Ея Императорскаго Величества Высочайшемъ повелѣніи Правительствующій Сенатъ благоволитъ вѣдать. Подписалъ графъ Гр. Орловъ». (Исх. журн., 1763 г., № 112).

1) Леф. арх., кн. Указ. Сен., 1765/I, 47. — 2) «Въ имянномъ за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки Высочайшемъ указѣ, даннomъ Военной Коллегіи минувшаго Декабря 2 дня, изображено: «генералъ графъ Алексѣй Орловъ Чесминскій, изнемогая въ силахъ и здоровьи своемъ, всеподданнѣйше просилъ Насъ о увольненіи его отъ службъ, Мы, изъявивъ ему Наше Монаршее благоволеніе за толь важные труды и подвиги его въ прошедшей войнѣ, коими онъ благоугодилъ Намъ и прославилъ отечество, предводя силы морскія, Всемилостивѣйше снисходимъ и на сіе его желаніе и прошеніе, увольняя его по онымъ на всегда отъ всякой службы, о чемъ кавалергардскій корпусъ благоволитъ быть извѣстенъ. Января 1 дня 1776 года.» (Леф. арх., оп. 120, св. 15, д. 2).

командовалъ Потемкинъ. 2 Февраля 1784 года шефомъ корпуса назначенъ Потемкинъ съ возведеніемъ въ чинъ генералъ-фельдмаршала, а поручикомъ — Александръ Дмитріевичъ Ланской (6 Марта), и вслѣдъ за этимъ 25 Іюля Зоричъ былъ уволенъ отъ службы. Въ 1786 году Ланской скончался, и въ томъ же году корнетомъ назначенъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, пожалованный чрезъ два года въ поручики корпуса [1]). Вслѣдъ за женитьбой Мамонова и удаленіемъ его отъ двора корнетомъ назначенъ былъ Платонъ Александровичъ Зубовъ. Открывшаяся съ кончиною Потемкина вакансія шефа не была замѣщена около двухъ лѣтъ, когда 21 Октября 1793 года Зубовъ, тогда уже князь, былъ назначенъ шефомъ корпуса.

Кавалергардскій офицеръ, унтеръ-офицеръ и кавалергардъ, съ акварели Г. Гессе.

Канцелярія.

Канцеляріей корпуса завѣдывалъ «писарь» офицерскаго ранга. Въ ея вѣдѣніи находилось то же, что въ наше время относится къ обязанностямъ полковыхъ канцелярій, и мы уже не видимъ, чтобы канцелярія Кавалергардскаго корпуса занималась помѣстными дѣлами кавалергардовъ, какъ то было въ лб.-компаніи.

При канцеляріи состояло двое «копіистовъ» (писарей), которые по прослуженіи извѣстнаго числа лѣтъ и по аттестаціи шефа «выпускались» изъ корпуса съ награжденіемъ «оберъ-офицерскимъ чиномъ». Такъ, въ 1766 году гр. Орловъ представилъ докладъ объ опредѣленіи копіистовъ Аврамова и Лукошкова «въ другія мѣста, по ихъ желанію, съ награжденіемъ оберъ-офицерскими чинами, и Императрица собственноручно сдѣлала на докладѣ надпись: «*Отослать ихъ въ Сенатъ для опредѣленія съ награжденіемъ чина по мѣстамъ. Екатерина. 25 Іюня 1766 г. Петергофъ*» [2]).

---

[1]) Мамоновъ числился поручикомъ корпуса до 19 Декабря 1796 года. — [2]) Леф. арх., оп. 120, св. 1, д. 1/7, стр. 78.

Медицина.

Екатерина II нашла излишнимъ назначеніе особаго врача для Кавалергардскаго корпуса, возложивъ обязанность леченія кавалергардовъ, согласно ходатайству гр. Гендрикова, на придворнаго гофъ-хирурга Лидерса [1]). При Лидерсѣ въ качествѣ помощника состоялъ фельдшеръ Сафайловъ, произведенный затѣмъ въ лекарскіе помощники, и нѣсколько фельдшеровъ. Обязанности послѣднихъ заключались главнымъ образомъ въ бритьѣ. Лидерсомъ и Сафайловымъ начальство кавалергардовъ было за все время ихъ службы вполнѣ довольно, и уже въ 1763 году гр. Гендриковъ вошелъ съ докладомъ къ Императрицѣ, что Лидерсъ «въ пользованіи больныхъ означенныхъ чиновъ Кавалергардскаго корпуса находитъ себя во всегдашнемъ усердственномъ прилежаніи», и потому полагалъ назначить ему «за службу его при Кавалергардскомъ корпусѣ» по 200 р. въ годъ. Императрица на семъ докладѣ написала: «*Прибавить двѣсти рублей*» [2]).

Новый шефъ корпуса, гр. Г. Г. Орловъ, вскорѣ по своемъ назначеніи особымъ докладомъ ходатайствовалъ объ учрежденіи при корпусѣ штатной должности лекарскаго помощника съ окладомъ въ 100 р. въ годъ и на это мѣсто представлялъ даннаго Лидерсу «отъ корпуса въ ученики изъ фельдшеровъ» Андрея Сафайлова, который Лидерсомъ «аттестуется всегда къ той должности прилежнымъ и къ понятію лѣкарской науки способнымъ». Императрица 22 Марта 1765 года написала на семъ докладѣ: «*Быть по сему*» [3]).

---

[1]) «Сіятельнѣйшій графъ, Милостивый Государь мой, Карлъ Ефимовичъ! Вашему сіятельству на присланное ко мнѣ сообщеніе симъ покорнѣйше отвѣтствовать имѣю: для пользованія больныхъ чиновъ Кавалергардскаго корпуса прошу вашего сіятельства опредѣлить гофъ хирурга Лидерса, и оное исправленіе изволите приказать ему начать съ сего числа, потому что нѣсколько изъ оныхъ чиновъ больныхъ нынѣ находится. Впрочемъ со всегдашнимъ моимъ почтеніемъ и пр. графъ Иванъ Гендриковъ. Октября 23 дня 1762 г.». (Исх. журн., № 77).

[2]) Леф. арх., оп. 120, св. 1, д. 1/7, 42.— Лидерсъ до прибавки этихъ 200 р. получалъ 820 р. въ годъ.

[3]) Тамъ же, стр. 73.—Ходатайствуя за Сафайлова, гр. Орловъ писалъ, «дабы онъ, чувствуя Высочайшую В. И. В-ва къ нему милость и оказывая лучшую свою къ лѣкарской наукѣ прилежность, со временемъ могъ себя пріуготовить для Кавалергардскаго корпуса и въ подлѣкаря».

Комплектованіе.

Первые кавалергарды сформированнаго Екатериною II «Ея Императорскаго Величества Кавалергардскаго корпуса», за исключеніемъ двухъ, были изъ лб.-компанцевъ, причемъ почти всѣ принадлежали по своему происхожденію къ родовому, а не пожалованному за «25 Ноября 1741 года» дворянству. Таковой характеръ комплектованія корпуса одними дворянами былъ сохраненъ въ теченіе всего царствованія Императрицы Екатерины. Единственныя исключенія изъ этого правила были слѣдующія: 1) Въ числѣ первыхъ кавалергардовъ было трое не дворянъ: капралъ Преображенскаго полка Сергѣй Мерзятинъ, капралъ Семеновскаго полка Алексѣй Толкачевъ и барабанщикъ лб.-компаніи Иванъ Дьяковъ [1]), но одновременно съ пожалованіемъ въ кавалергарды они были возведены въ потомственное дворянство; 2) въ 1764 году пять преображенцевъ не дворянъ «пожалованы» въ кавалергарды [2]); 3) въ 1771 году Императрица пожаловала въ кавалергарды трехъ нижнихъ чиновъ гвардіи также не изъ дворянъ. Но насколько такое пожалованіе выходило изъ ряда обыкновенныхъ, видно изъ отданнаго по этому случаю приказа по корпусу: «Ея И. В-во Всемилостивѣйшая Государыня Высочайше пожаловать соизволила въ кавалергарды, *хотя не изъ дворянъ*, но по извѣстной Ея И. В-ву службѣ, *другимъ не во образецъ*, лейбъ-гвардіи полковъ: Семеновскаго — каптенармуса Ивана Истомина, фурьера Алексѣя Шадѣева на состоящія нынѣ ваканціи, да сверхъ комплекта, Измайловскаго — капрала Ивана Берсеньева» [3]).

Кавалергардъ въ парадной формѣ, съ офорта Дюрфельда по рисунку Антинга.

Выборъ людей въ кавалергарды былъ, согласно положенія о корпусѣ, предоставленъ шефу, но фактически выборъ дѣлала сама Императрица [4]).

---

1) Леф. арх., оп. 120; Исх. журн., 1762 г./II, № 16. — 2) Сержантъ Алексѣй Нарымовъ; фурьеръ Андрей Стволовъ; капралы: Алексѣй Кузнецовъ, Осипъ Мироновъ и Афанасій Меншовъ. («Приказы» 1764 г., № 7). — 3) «Приказы» 1771 г., № 12. — 4) «8 Октября (1793 г.) въ 12 часовъ по полудни въ аудіенцъ-камерѣ гр. Платономъ Александровичемъ Зубовымъ представлены были выбранные изъ полевыхъ полковъ оберъ-офицеры и отъ гвардіи — сержанты, всего 20 человѣкъ, для дополненія въ кавалергарды». (Р. Ст., 1874/IV, 693). Изъ представленныхъ 20 человѣкъ пожалованы въ кавалергарды 17. — «12 Мая (1795 г.) по выходѣ отъ обѣденнаго стола Ея И. В-во изволила въ большой галереѣ смотрѣть лейбъ-гвардіи и армейскихъ унтеръ-офицеровъ и сержантовъ, коихъ было числомъ 22 человѣка, для выбора оныхъ въ кавалергарды». (Кам.-фур. журн., 1795 г., 412). Всѣ эти 22 человѣка были пожалованы кавалергардами.

Въ теченіе 34-лѣтняго царствованія Екатерины II въ Кавалергардскомъ корпусѣ было всего 354 человѣка; изъ нихъ 8 офицеровъ [1]) и 346 унтеръ-офицеровъ и кавалергардовъ.

Вышеупомянутые 346 унтеръ-офицеровъ и кавалергардовъ распредѣляются:

По сословіямъ: [2])

дворянъ — 335 (97 %)	не дворянъ — 11 (3 %)

По національности:

русскихъ	389	(83 %)
нѣмцевъ	50	(14,5 %)
поляковъ	3	(менѣе 1 %)
сербовъ	2	(менѣе 1 %)
грековъ	2	(менѣе 1 %)

По первоначальной службѣ:

изъ лб.-компаніи [3])	49	(14,4 %)
„ гвардіи	299	(57,3 %)
„ армейской пѣхоты и кавалеріи	75	(21,7 %)
„ разныхъ частей и учрежденій [4])	23	(6,6 %)

Въ кавалергарды назначались: 1) армейскіе офицеры — тѣми же чинами, 2) гвардейскіе унтеръ-офицеры — съ производствомъ въ офицеры, а именно: сержанты — въ поручики, каптенармусы, фурьеры и гефрейтъ-капралы — въ подпоручики и капралы — въ прапорщики [5]).

Выбытіе изъ корпуса унтеръ-офицеровъ и кавалергардовъ происходило по слѣдующимъ причинамъ: 1) за смертью — 18 человѣкъ, 2) по прошенію въ отставку за достиженіемъ кавалергардами чина капитана и, въ видѣ исключенія, секундъ-маіора [6]), 3) за преступленія и проступки, 4) за недостаткомъ средствъ [7]). Въ свою очередь удаленіе изъ корпуса за проступки было троякаго рода: 1) выключеніе (6 чел.), 2) переводъ въ армію безъ прошенія (17 человѣкъ), 3) переводъ въ армію, хотя и по прошенію, но вынужденному, — такъ сказать, выходъ изъ корпуса «подъ давленіемъ».

[1]) *Шефами:* гр. И. С. Гендриковъ, кн. Г. Г. Орловъ, кн. Г. А. Потемкинъ, кн. П. А. Зубовъ; *поручиками:* гр. А. Г. Орловъ, А. Д. Ланской, гр. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ; *корнетомъ:* С. Г. Зоричъ. — [2]) Мы относимъ всѣхъ кавалергардовъ-нѣмцевъ, хотя и не имѣющихъ передъ фамиліей частицы «*фонъ*», къ дворянамъ на томъ основаніи, что при пожалованіи ихъ въ кавалергарды никакой оговорки о ихъ недворянскомъ происхожденіи не сдѣлано. — [3]) Лб.-компанцы по числамъ пожалованія въ кавалергарды распредѣляются такъ: 1) пожалованы съ 28 Іюня 1762 г. — 39 человѣкъ, 2) въ Августѣ, Сентябрѣ 1762 года — 8 человѣкъ. — [4]) Къ этой рубрикѣ мы отнесли пожалованныхъ изъ артиллеріи, флота, разныхъ канцелярій, изъ лб.-гусарскаго эскадрона (2 чел.), изъ рейтъ-пажей (4 чел.), изъ кам.-лакеевъ (1 чел.); одинъ (Федоръ Лангъ) показанъ «Голштинской службы изъ капитановъ». — [5]) Рейтъ-пажи и камеръ-лакеи при пожалованіи въ кавалергарды производились въ поручики. — [6]) Кавалергарды, произведенные въ капитаны и сек.-маіоры, оставлялись въ корпусѣ не иначе, какъ съ особаго Высочайшаго повелѣнія. — [7]) Кавалергарды: Василій Норовъ проситъ перевода въ армію по «недостатку его содержанія»; Петръ Гофманъ подалъ прошеніе, «что онъ изъ одного получаемаго имъ жалованья въ кавалергардахъ содержать себя не можетъ». («Приказы» 1766 г., №№ 17 и 24).

Служба Кавалергардовъ.

Главной службой Кавалергардскаго корпуса была охрана особы Императрицы. Тамъ, гдѣ имѣла пребываніе Государыня, выставлялся внутренній караулъ кавалергардовъ. Они же сопровождали ее въ путешествіяхъ. Но кромѣ охраны особы Императрицы кавалергарды употреблялись для посылокъ на подобіе фельдъегерей. «Изготовить въ Софіи (Царскомъ селѣ) Ланского домъ для житья», приказывала Императрица Храповицкому, «тутъ будутъ жить кавалергарды для нужныхъ посылокъ, они же и въ саду отвратятъ безпокойство отъ челобитчиковъ» [1]).

По возвращеніи съ коронаціи Императрица назначила день своего торжественнаго въѣзда въ Петербургъ въ годовщину своего восшествія на престолъ, 28 Іюня. Кавалергарды верхами, подъ командою своего «поручика» гр. Г. Г. Орлова, слѣдовали непосредственно за каретой Государыни [2]).

Въ 1765 году состоялись маневры подъ Краснымъ селомъ. 13 Іюня команда кавалергардовъ при вахмистрѣ и 2 капралахъ выступила въ лагерь, куда, послѣ отъѣзда 18 числа изъ Петербурга Императрицы въ Красное село, отправились и всѣ остальные кавалергарды [3]). 19-го состоялся Высочайшій объѣздъ лагеря, продолжавшійся болѣе 2 часовъ. Войска были раздѣлены на двѣ арміи — Государыни и П. И. Панина. Въ составъ первой арміи вошла вся гвардія подъ начальствомъ фельдмаршала гр. А. Б. Бутурлина и дивизія кн. А. М. Голицына. Всей артиллеріей командовалъ ген.-фельдцейхмейстеръ гр. Г. Г. Орловъ. Для прикрытія лѣваго фланга и отчасти фронта Государыниной арміи былъ сформированъ подъ начальствомъ бриг. Измайлова легкій корпусъ, въ составъ котораго вошли 1 $\frac{1}{2}$ бат. Суздальскаго полка (Суворова) съ нѣсколькими кавалерійскими частями. Съ этимъ легкимъ корпусомъ сама Государыня производила рекогносцировку непріятельскаго расположенія. Сначала кавалерія потѣснила непріятельскіе ведеты и пикеты, а затѣмъ Суворовъ съ

---

1) Храповицкій, 275. — 2) Леф. арх., оп. 120, св. 2, д. 46; Кам.-фур. журн. 1763 г., стр. 136; Спб. Вѣд. 1763 г., № 53. — «Ея Императорскаго Величества въ кавалергардскій корпусъ. — Приказъ. Ея Императорское Величество Высочайше указать соизволила во время своего Императорскаго въ Петербургъ сего Іюня 28 числа въѣзду, чтобъ были кавалергарды съ находящимися при нихъ унтеръ-офицерами и капралами въ церемоніи конные, для чего лейбъ-гвардіи изъ коннаго полку объ отпускѣ тридцати лошадей со всѣмъ параднымъ уборомъ отъ меня уже и требованіе послано, и объ ономъ въ Кавалергардскомъ корпусѣ всѣмъ чинамъ объявить, а въ которомъ часу предписаннаго 28 числа той церемоніи выходъ будетъ, и гдѣ сбираться кавалергардамъ назначится, о томъ особливое повелѣніе прислано будетъ, а чтобъ готовы находились всѣ онаго корпуса вышеозначенные чины въ 5 часовъ пополудни и ожидали за Измайловскими казармами на Царскосельской дорогѣ. Іюня 25 дня 1763 года. Раніенбаумъ. Подписалъ гр. Г. Орловъ». («Приказы» 1763 г., № 7). — 3) Леф. арх., оп. 120, св. 4; Исх. журн. 1763 г., № 94.

Графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, шефъ Кавалергардскаго корпуса, съ 5 Іюля 1762 по 30 Декабря 1764 г., съ литографіи Поль Пети по акварели Э. Гау.

пѣхотой и артиллеріей произвелъ наступательное движеніе, занимая высоты одну за другой и очищая путь Императрицѣ для осмотра непріятельскихъ позицій, причемъ конница прикрывала его фланги. Маневръ былъ произведенъ очень хорошо и въ большомъ порядкѣ. Добывъ нужныя свѣдѣнія, Го-

сударыня приказала легкому корпусу отходить къ главнымъ силамъ и возвратилась къ своей ставкѣ въ 10 часовъ вечера.

Маневры производились до 27-го числа включительно. Государыня ѣздила бо́льшею частью верхомъ и возвращалась въ ставку иногда поздно ночью. Характерная черта маневровъ заключалась въ правилѣ, котораго держались обѣ стороны: «не побѣждать часть русскаго непобѣдимаго войска, а только одерживать надъ противникомъ легкую поверхность». 28 Іюня, въ день вступленія Екатерины на престолъ, Императрица поѣхала въ каретѣ изъ ставки своей въ поставленную предъ лагеремъ, на высотѣ л.-гв. Преображенскаго полка полковую церковь «въ препровожденіи всего Кавалергардскаго корпуса на коняхъ въ новомъ богатомъ и великолѣпномъ убранствѣ онаго». Кавалергардами командовали шефъ корпуса гр. Г. Г. Орловъ и поручикъ корпуса гр. А. Г. Орловъ [1]). Генералитетъ устроилъ балъ съ ужиномъ, пригласивъ Государыню съ ея дворомъ. Празднество дано въ большомъ полотняномъ домѣ, 30 саж. въ длину и 8 въ ширину, и удалось вполнѣ; за ужиномъ сидѣло 365 человѣкъ [2]).

Бюстъ изъ мрамора Екатерины II. (Соб. Его Величества библіотека въ Зимнемъ Дворцѣ).

21 Іюня 1770 года отправлена была изъ Петербурга въ Петергофъ [3]) команда кавалергардовъ, которая, собравшись въ колясках у Краснаго кабачка, слѣдовала далѣе вся вмѣстѣ. Когда они отъѣхали верстъ съ восемь, кавалергардовъ догналъ разъѣздъ Казанскаго кирасирскаго полка, который, обскакавъ всѣ коляски, кричалъ: «стой, разбой, смертоубійцы». Оказалось, что въ Красномъ кабачкѣ былъ убитъ человѣкъ. Кавалергарды, Веревкинъ и Жилинскій, вышли изъ коляски и спросили кирасиръ, по какой причинѣ они остановлены и приняты за разбойниковъ. Кирасиры хотѣли ихъ вязать, а когда тѣ вязать себя не дали и объявили, что они кавалергарды и офицеры, то начальникъ разъѣзда, капралъ Гладышевъ, закричалъ: «чертъ де васъ знаетъ, что за кавалергарды, намъ де сказано, что вы убили мужика до смерти». Между тѣмъ отъ Краснаго кабачка пріѣхалъ одинъ изъ пикетныхъ солдатъ, который ни въ

---

[1]) «Описаніе лагеря при Красномъ селѣ». Спб., 1765 г., стр. 112. — [2]) Петрушевскій, «Кн. Суворовъ», I, 44. — [3]) Обыкновенный нарядъ въ загородные дворцы состоялъ изъ 24 кавалергардовъ, 1 писаря, 1—2 копіистовъ, 2 фельдшеровъ и 2 сторожей. (Леф. арх., оп. 120, св. 5; св. 7, д. 47; Исх. журн. 1766 г., № 78).

одномъ изъ кавалергардовъ, ни въ ихъ прислугѣ не призналъ убійцу, а, указавъ на человѣка Веревкина и денщика кавалергарда Гагерта, сказалъ: «вотъ де, можетъ-быть, видѣли драку эти люди». Человѣка и денщика забрали, а кавалергардовъ отпустили. Убійцей оказался одинъ изъ ямщиковъ, Барышниковъ, который «въ кабакѣ незнаемо съ какимъ человѣкомъ сдѣлалъ.... драку, изъ которой чрезъ самое короткое время вышло, что тотъ человѣкъ, съ которымъ онъ, Барышниковъ, дрался, явился мертвъ». По разбору дѣла гр. К. Г. Разумовскимъ Гладышевъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что кричалъ: «чертъ де знаетъ, что за кавалергарды...., чего ему, имѣя дѣло съ офицерами, чинить весьма непристойно», а потому Разумовскій приказалъ «Гладышева, за таковое его предъ кавалергардами неучтивство, впредь къ лучшей осторожности, а прочимъ въ страхъ, чтобъ предъ офицерами, въ какихъ бы то случаяхъ ни было, поступали съ должнымъ решпектомъ, отштрафовать по мѣрѣ его проступка» [1]).

Императрицу и Вел. Кн. Павла Петровича въ ихъ путешествіяхъ сопровождали: 1 капралъ, 6 кавалергардовъ [2]). Остальные отправлялись въ двухъ командахъ — одна до выѣзда Императрицы, а другая вслѣдъ за нею; когда же пребываніе двора предполагалось непродолжительное, какъ, напр., въ Высочайшее путешествіе въ Прибалтійскій край въ 1764 г., въ Ревель и Ригу заранѣе были отправлены команды кавалергардовъ, въ составѣ каждая 1 капрала и 12 кавалергардовъ, а въ 1775 г. во время Высочайшаго шествія въ Троицко-Сергіеву лавру были посланы 1 капралъ и 8 кавалергардовъ [3]).

---

[1]) Леф. арх., оп. 120, св. 9, д. 66 и 89. — Солдаты пѣхотные, бывшіе на заставѣ у Краснаго кабачка, между прочимъ показали, «что изъ прибывшихъ съ кавалергардами одинъ, бывшій въ шлафрокѣ, билъ въ питейномъ домѣ солдата Панова по щекамъ, угрожая всей командѣ прибитой быть, за что оный солдатъ сказалъ: «Кавалергардія де пьютъ».

[2]) «Г. подполковнику и Кавалергардскаго корпуса капралу Лукьяну Евдокимовичу Жилину. Командируетесь вы въ конвой Ея И. В-ва, и въ команду вашу кавалергарды: Германъ Ломанъ, Алексѣй Ласунской, Михайло Воляковъ, Алексѣй Зыковъ, Парфенъ Храповъ, Александръ Пожарскій; и по полученіи извольте явиться у дежурнаго генералъ-адъютанта, отъ котораго имѣете получить повелѣніе». (Леф. арх., оп. 120, св. 14; Исх. журн. 1775 г., № 11).

[3]) Гос. арх., XIV, 227, лл. 254, 275, 371, 432; Леф. арх., оп. 120, св. 2; Исх. журн. 1763 г., № 71; св. 6; Исх. журн. 1767 г., № 66; св. 1, д. 30; св. 3, д. 71, 97, 102; св. 14, д. 76.—Капраламъ, отправляемымъ съ кавалергардами въ Ревель и Ригу, дана была слѣдующая инструкція: «Въ силу именнаго Е. И. В-ва всемилостивѣйшаго повелѣнія къ Высочайшему Е. И. В-ва прибытію *въ Ревель командуетесь вы* и при васъ 12 человѣкъ кавалергардъ. Того ради извольте принять команду, взятыя изъ Главной Дворцовой Канцеляріи напередъ на 10 дней порціонныя деньги, на каждаго человѣка по 50 коп. на день, для того, что если изъ онаго числа что и останется, оныя по пріѣздѣ сюда обратно отосланы быть имѣютъ въ Главную Дворцовую Канцелярію; а по прибытіи въ Ревель порціонныя деньги по вѣдомостямъ получать имѣете отъ опредѣленныхъ тамъ отъ Главной Дворцовой Канцеляріи комисаровъ, но какъ вы отправляетесь по данному вамъ изъ Ямской Канцеляріи бланкету на почтовыхъ лошадяхъ подъ придворныя коляски, то завтрешняго числа принять вамъ у капитана и кавалергарда Захарова прогонныя деньги, которыхъ, сколько надлежитъ вамъ, ихъ выдать отъ меня къ нему ордеромъ предложено; а потомъ по данному вамъ отъ меня именному списку принять и команду, съ которою извольте слѣдовать завтрешняго жъ числа непремѣнно въ путь вашъ; будучи жъ въ пути, съ командою поступать вамъ добропорядочно, а по прибытіи въ Ревель непремѣнно вамъ явиться у тамошняго губернатора и пребывать какъ возможно по близости къ дому Е. И. В-ва, гдѣ высочайшее свое присутствіе имѣть изволитъ на команду квартиръ; а потомъ, какъ только Е. И. В-во всемилостивѣйшая Государыня въ Ревель прибыть соизволитъ, то тотъ часъ явиться вамъ у находящагося при Е. И. В-вѣ Кавалергардскаго

Карта путешествія Екатерины II въ Бѣлорусскія намѣстничества.

Комната, въ которой становился во дворцахъ кавалергардскій караулъ, носила названіе «Кавалергардской комнаты». Въ этой комнатѣ въ Зимнемъ дворцѣ 1 Января иностранные послы приносили обыкновенно поздравленія съ Новымъ годомъ [1]).

«Обыкновенные, а потому и многолюднѣйшіе пріѣзды во дворецъ были по воскреснымъ днямъ. Кто имѣлъ право носить шпагу, тотъ могъ войти въ общую залу предъ кавалергардами: ни малѣйшаго не видно было надзора, и каждому двери были открыты. Ни внизу, ни на лѣстницѣ, ни въ залѣ никому не приказано спрашивать: кто вы и куда идете?... На краю общей залы (которая окнами была къ дворцовой площади) была дверь, по сторонамъ которой стояли два кавалергарда изъ армейскихъ офицеровъ въ кирасахъ и треугольныхъ шляпахъ, съ ружьями къ ногѣ. Здѣсь начинался этикетъ входовъ. За кавалергардовъ могли входить тѣ только, кто былъ написанъ въ данномъ имъ спискѣ. Но и изъ сихъ бо́льшая часть не имѣла права входить далѣе Тронной, за которою находились Бриллiантовая, а за сею Уборная комнаты. Въ сію послѣднюю входили только собственно при дѣлахъ бывшія и еще немногія другія, особенно Ей извѣстныя персоны» [2]).

корпуса госп. поручика и разныхъ орденовъ кавалера его с-ва графа Григорія Григорьевича Орлова и требовать отъ него во всемъ, такъ какъ отъ главнаго тамъ надъ вами командира, повелѣнія; а котораго числа вы съ командою въ оный городъ прибудете, меня извольте рапортовать. Подписалъ графъ Иванъ Гендриковъ». (Тамъ же, св. 3, д. 114, 118). Сравни: Журналъ путешествія Е. И. В-ва въ Эстляндію и Лифляндію, Спб., 1769 г.; Кам.-фур. журн., 1764 г.; «Сынъ Отечества», 1850 г., кн. II.

1) Кам.-фур. журналы. — Въ 1794 году отмѣчено въ журналѣ, что послы допущены «къ рукѣ», кромѣ турецкаго посла, который находился близь «кавалергардскаго поста у окошекъ» (стр. 3). — 2) Зап. Грибовскаго, Р. Арх., 1899/1, 33.

«Въ воскресные дни бывали малые выходы въ церковь. Государыня безъ всякой церемоніи изволила шествовать чрезъ Столовую комнату и въ церкви стояла иногда въ Фонарикѣ, а иногда въ Столовой у открытыхъ дверей въ Фонарикъ церковный, облокотясь на спинку стула. Въ большіе праздники бывали большіе выходы. Государыня изволила идти въ предшествіи придворнаго штата чрезъ Тронную въ церковь. Въ такихъ случаяхъ она имѣла на себѣ ленты св. Андрея, Георгія и Владиміра, а иногда и малую брилліантовую корону. По сторонамъ ея шли дежурный ген.-адъютантъ [1]) и вахмистръ кавалергардовъ, за нею вся Царская фамилія. По возвращеніи тѣмъ же порядкомъ изъ церкви, Государыня останавливалась въ Кавалергардской комнатѣ — здѣсь подходили къ рукѣ» [2])...

Дорожный возокъ Екатерины II, съ гравюры Филипса.

«Передъ выходомъ раздробленное на отдѣленія общество двигалось, волновалось, подобно какой-либо ярмаркѣ, и соединеніе смѣшанныхъ разговоровъ производило необыкновенный гулъ; но одно слово гофмаршала при растворенныхъ дверяхъ «шш!» налагало удивительную тишину. Тогда являлось взору что-то величественное, плѣнительное, превосходящее смертныхъ и достойное всѣхъ троновъ въ мірѣ. Екатерина, въ русскомъ платьѣ, съ тремя на немъ звѣздами, съ крупными брилліантами на головѣ, сопровождаемая капитаномъ гвардіи съ одной стороны и кавалергардскимъ капраломъ съ другой, шествовала въ церковь. При возвратѣ отъ литургіи она привѣтствовала иностранныхъ министровъ. Ожидавшіе представленія мужчины становились тутъ при всемъ собраніи на колѣна, цѣловали у нея руку, а во внутреннихъ покояхъ были подводимы дамы [3]). Въ два часа былъ выходъ въ Столовую комнату, гдѣ къ столу приглашалось человѣкъ до 40 и болѣе. Въ высокоторжественные дни и кавалерскіе праздники столы бывали въ Георгіевской залѣ; тогда Государыня кушала на тронѣ, въ малой коронѣ, ей прислуживали первые чины двора. Иногда Государыня имѣла на себѣ платье гвардейскаго полка, т.-е. дамское платье свѣтлозеленаго сукна, обложенное золотымъ галуномъ. Въ Георгіевской залѣ, когда Государыня кушала на тронѣ, столъ накрывался покоемъ, а въ срединѣ, противъ трона, особый столъ для духовенства. Хоры музыки и знаменитая тогда Маджіорлетта оглашали залу пиршествъ. Богатство одеждъ придавало особенное вели-

---

[1]) Въ послѣднее время ихъ было два: кн. Зубовъ и Пассекъ. — [2]) Восп. Н. П. Брусилова, Ист. В-къ, 1893/IV, 55. — [3]) Р. Арх., 1870 г., 2104.

колѣпіе двору. Камергеры и камеръ-юнкеры и всѣ придворные чины были во французскихъ кафтанахъ, облитыхъ золотомъ. Одежда кавалергардовъ особенно была блистательна. Ихъ было 60 человѣкъ; всѣ рослые люди.... Въ будни кавалергарды имѣли на груди и спинѣ серебряные сюпервесты, палаши, ружья и лядунки серебряныя, шляпы съ галуномъ и чернымъ плюмажемъ. Парадная форма была: сюпервесты, палаши, ружья, — все кованаго серебра; на рукахъ, на ногахъ, на сапогахъ серебряныя накладки, шлемы серебряные съ черными перьями. Это были совершенно серебряныя латы, и надобно было выбирать молодцовъ, которые бы могли снести такую тяжесть.... Пажи въ то время славились шалостями. Любимая забава наша была таскать патроны у караульныхъ кавалергардовъ и сержантовъ. Лишь только задремлетъ кто изъ нихъ (что иногда случалось), тотчасъ патронъ вытащенъ изъ сумы и летѣлъ въ каминъ. Эти хлопушки насъ забавляли, хотя за это и больно наказывали...

Галеры Екатерины II на Днѣпрѣ у Кіева, съ акварельнаго наброска съ натуры Гатфильда. (Подлинникъ находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

«Разъ въ недѣлю бывали театры въ Эрмитажѣ и вечера въ Брилліантовой комнатѣ. Играли въ карты. У Государыни были особенныя карты; она играла въ бостонъ. Кн. Зубовъ и старикъ (Евг. Алекс.) Чертковъ составляли всегдашнюю ея партію, четвертый перемѣнялся. Старикъ Чертковъ за бостономъ горячился и даже до того забывался, что иногда кричалъ: это забавляло Государыню. На святкахъ въ Тронной бывали куртаги. Пѣли святочныя пѣсни, хоронили золото, играли въ фанты, въ веревочку. Государыня мастерица была ловить въ веревочку. Когда бывало среди круга подойдетъ къ кому-нибудь и станетъ разговаривать, тотъ возьметъ свои мѣры, сниметъ руки съ веревочки, и вдругъ она ударитъ, человѣка черезъ три, того, который и не воображалъ быть пойманъ. Куртаги оканчивались всегда танцами» [1].... «Быть приглашеннымъ въ Эрмитажъ считалось въ тѣ времена великою честью. Это было преимущество, которымъ пользовались самые приближенные изъ придворныхъ; но Государыня допускала иногда на Эрмитажныя собранія, въ видѣ рѣдкаго исключенія, и постороннихъ. Бывали большіе Эрмитажи, средніе Эрмитажи и малые Эрмитажи. На первыхъ бывалъ обыкновенно балъ съ ужиномъ, и

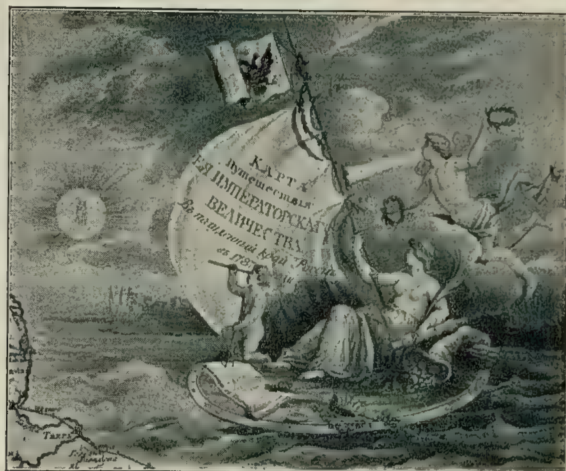
[1]) Восп. Брусилова, 56—58.

Пріемъ Турецкаго посольства Императрицею Екатериною II въ Тронномъ залѣ Зимняго Дворца.
(Собственность кн. П. П. Голицына).

число приглашенныхъ доходило отъ 150 до 200 человѣкъ. Иногда приказывалось экспромтомъ быть маскараду; однородные костюмы для всего общества были всегда наготовѣ, и разомъ наряжались дамы и кавалеры. Я живо помню одно изъ подобныхъ переодѣваній: всѣ вдругъ явились въ костюмахъ римскихъ жрецовъ; на среднихъ Эрмитажахъ бывало не болѣе 50 или 60 приглашенныхъ. Играли въ разныя игры, въ которыхъ принимала иногда участіе сама Государыня, окончивъ партію въ карты. Почти всегда вечеръ начинался театральнымъ представленіемъ, иногда играли любители.... Ужинали всегда по картамъ съ номерами, которыя раздавалъ гофъ-маршалъ или камеръ-фурієръ. Съ одного блюда брали номера дамы, а съ другого кавалеры. Когда всѣ номера были разобраны, ихъ громко выкликали; равные номера выходили и подавали другъ другу руки» [1]).

«Въ Царскомъ Селѣ Государыня жила, какъ помѣщица. Вся стража состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ рядовыхъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, подъ командою гвардіи офицера, такъ что въ дворцовомъ караулѣ стоялъ унтеръ-офицеръ. О сержантахъ гвардіи, этой особенной кастѣ людей, которыхъ давно уже нѣтъ, можно бы было многое сказать: но они такъ вѣрно въ своихъ семи жилетахъ изображены въ «Лебедянской ярмонкѣ» [2]), что объ этомъ и говорить не хочется».

Картушъ карты путешествія Екатерины II въ Крымъ, съ гравюры Набгольца.

Въ 1765 году Императрица 6 Января имѣла выходъ на Іордань, причемъ «по обѣимъ сторонамъ Ея И. В-ва шли кавалергарды въ богатомъ и великолѣпномъ уборѣ подъ предводительствомъ новаго своего шефа, гр. Г. Г. Орлова» [3]). Но въ послѣдующіе годы Высочайшихъ выходовъ на

---

1) Зап. гр. Рибопьера, Р. Арх., 1877/IV, 473.—«Теперь еще говорятъ: дворъ, но уже двора нѣтъ, или вѣрнѣе—онъ вовсе перемѣнилъ свой видъ и свое значеніе. Конечно, при молодыхъ и воинственныхъ монархахъ онъ не могъ уже оставаться тѣмъ, чѣмъ былъ при Екатеринѣ II .... Въ былыя времена, чтобы принадлежать ко двору нужно было быть именитаго рода, нужно было быть хорошо воспитану и, наконецъ, имѣть состояніе. Отъ этого число придворныхъ было крайне ограничено. Кромѣ первыхъ и вторыхъ чиновъ, было всего 12 дѣйствительныхъ камергеровъ въ чинѣ ген.-маіоровъ и 12 камеръ-юнкеровъ въ чинѣ бригадировъ или статскихъ совѣтниковъ. Они постоянно дежурили при Государынѣ и Наслѣдникѣ, составляя ихъ ежедневное общество. Благодаря этому, ихъ хорошо узнавали, оцѣнивали и могли каждаго назначить на то, на что именно онъ былъ годенъ. Это былъ благородный разсадникъ, изъ котораго выходили министры, гражданскіе сановники, военачальники. Принадлежать ко двору, носить красные каблуки и имѣть свободный доступъ къ Государынѣ считалось выше всего.... Фрейлинъ было тоже всего 12. Получить шифръ Екатерины было блаженствомъ цѣлой семьи»..... (Зап. гр. Рибопьера, 475 и 476).

2) «Обращенный мизантропъ, или Лебедянская ярмонка», комедія въ 5 д. Ал. Дан. Копіева. Спб., 1794 г.

3) Кам.-фур. журн., 1765 г., 6; Спб. Вѣд., 1765 г., № 3. — Порошинъ такъ описываетъ это торжество: «Отъ дворца до Іордани по разостланному сукну и коврамъ стояли кавалергарды». Гр. Г. Г. Орловъ «ѣхалъ

Іордань болѣе не было, а Государыня дѣлала выходъ внутри дворца, причемъ принимала поздравленія въ «Кавалергардской комнатѣ», а потому вмѣсто кавалергардовъ въ церковной процессіи на Іордань участвуютъ придворные чины и служителя.

Другой торжественный выходъ бывалъ 30 Августа, въ день св. Александра Невскаго. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Императрица шествовала пѣшкомъ, «Кавалергардскій корпусъ въ парадѣ» становился «отъ вратъ ограды до рундука» и ожидалъ прибытія Императрицы въ Казанскій соборъ. Изъ Казанскаго собора шествіе направлялось пѣшкомъ въ лавру, причемъ кавалергарды шли «по сторонамъ Ея В-ва» [1]).

Когда же Императрица прямо пріѣзжала въ лавру, то конвоировали ея карету конная гвардія или лб.-гусары, «а по прибытіи къ монастырю въ шествіи въ церковь, и изъ церкви въ кельи, и обратно къ каретамъ по сторонамъ Ея В-ва шли 8 кавалергардовъ при 1 капралѣ въ ихъ богатомъ уборѣ» [2]).

Точно также было и въ Москвѣ при торжественныхъ процессіяхъ въ Высочайшемъ присутствіи: напр., въ 1767 году при открытіи 30 Іюля въ Москвѣ коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія, когда Императрица шествовала изъ Анненгофа въ Кремлевскій дворецъ, за ея каретою ѣхалъ взводъ кавалергардовъ подъ командою шефа корпуса гр. Орлова. Возвращеніе послѣдовало тѣмъ же порядкомъ [3]). При Высочайшемъ выходѣ въ Москвѣ изъ Кремлевскаго дворца въ Успенскій соборъ на молебствіе по случаю заключенія Кучукъ-Кайнарджикскаго мира кавалергарды шли по сторонамъ балдахина, несеннаго надъ Императрицей [4]).

Въ 1793 году, 28 Сентября состоялось бракосочетаніе Вел. Кн. Александра Павловича съ Вел. Княжною Елисаветой Алексѣевной. Кавалергарды занимали въ этотъ день нѣкоторые посты во дворцѣ, а въ «Кавалергардской комнатѣ» приносилъ поздравленіе дипломатическій корпусъ. «Передъ дверьми церкви, по обѣимъ сторонамъ стояли кавалергарды въ богатомъ уборѣ, а во время Высочайшаго обѣденнаго стола оные-жь кавалергарды разставлены были въ галлереѣ, отъ боковаго покоя, при каждыхъ стеклянныхъ дверяхъ по 3 человѣка, дабы не было утѣсненія отъ зрителей (тутъ были чужестранные министры и прочее шляхетство)». Послѣ стола, окончившагося въ $3\frac{1}{2}$ ч. дня, «гг. оберъ-гофмаршалъ, гофмаршалъ, оберъ-церемоніймейстеръ, церемоніймейстеръ и придворнаго штата кавалеры, бывшіе при услугахъ при Высочайшемъ дворѣ, а

подлѣ саней Императрицы во время объѣзда полковъ въ полномъ римско-россійскомъ уборѣ кавалергардовъ, какъ новопожалованный шефъ сего корпуса, въ шишакѣ и съ бѣлымъ перомъ, что весьма прекрасный и красивый видъ дѣлало».

[1]) Кам.-фур. журн., 1771 г., 311; 1772 г., 370; 1773 г., 665; 1774 г., 492—494; 1790 г., 425, 433, 435; «Описаніе св. Троицкой Александро-Невской лавры». Спб., 1842 г., стр. 28. — [2]) Кам.-фур. журн., 1779 г., 423.— [3]) Спб. Вѣд., 1767 г., № 68. — [4]) «Описаніе всерадостнаго торжествованія мира съ Оттоманскою Портою». Москва, 1775 г., стр. 5.

Праздникъ у кн. Потемкина въ Таврическомъ Дворцѣ въ С.-Петербургѣ, по гравюрѣ съ рисунка Шарлеманя.

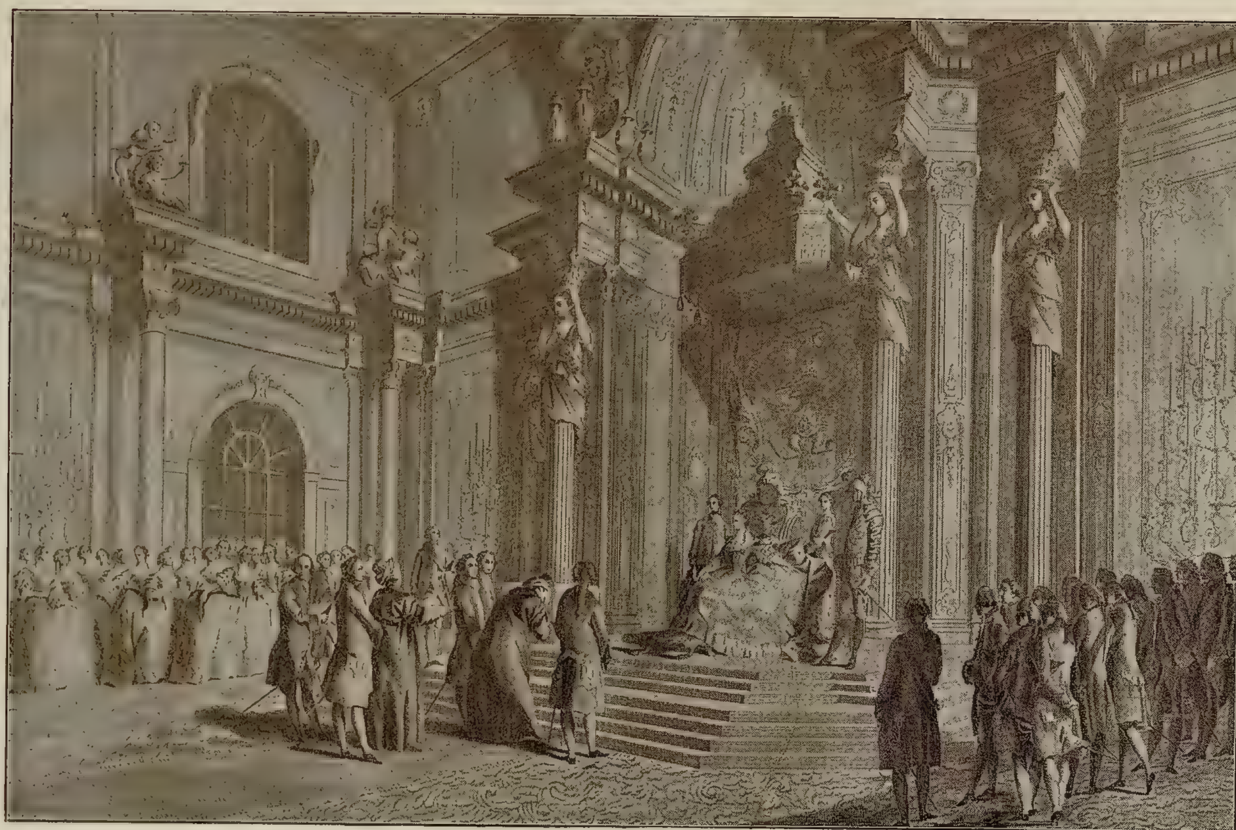
также приглашены караульные: капралъ кавалергардской, гвардіи капитанъ и офицеры, бывшіе съ командою при ношеніи кушанья и при пушечной пальбѣ, всего до 50 персонъ, въ столовой комнатѣ кушали, считая и у окошекъ, на офицерскихъ приставкахъ; послѣ гвардіи офицеровъ кушали кавалергарды, до 20 человѣкъ, кои потчиваны отъ большаго стола оставшимъ кушаньемъ» [1]).

При всѣхъ торжественныхъ аудіенціяхъ кавалергарды или занимали особый караулъ, или весь корпусъ выставлялся въ залахъ шпалерами иногда съ ружьями, а иногда безъ ружей [2]). При этомъ кавалергарды обыкновенно не отдавали чести, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, вѣроятно, по особому при-

---

1) «Описаніе торжества высокобрачнаго сочетанія Ихъ И. Высочествъ благовѣрнаго Государя Вел. Кн. Александра Павловича съ благовѣрной Государынею Вел. Княжною Елисаветою Алексѣевною».

2) «Изъ дежурства при Ея И. В-вѣ. Въ кавалергардскій Ея Величества корпусъ. — Ея И. В-во изволила назначить отпускную аудіенцію находящемуся здѣсь турецкому чрезвычайному и полномочному послу въ будущій понедѣльникъ, то-есть сего Января 9 дня, около полудни, сходственно бывшей минувшаго года Октября 13 числа пріемной оному-жь послу аудіенціи; вслѣдствіе чего и командировать отъ сего корпуса всѣхъ кавалергардовъ во всемъ богатомъ уборѣ въ Зимній дворецъ въ тотъ день поутру въ 10 часовъ; будущему же при оныхъ вахмистру явиться къ дежурному господину генералъ-адъютанту завтрашняго числа поутру въ 10 часовъ».

Торжественная аудіенція Турецкому посольству, съ гравюры Козачинскаго по рисунку И. Девейлли.

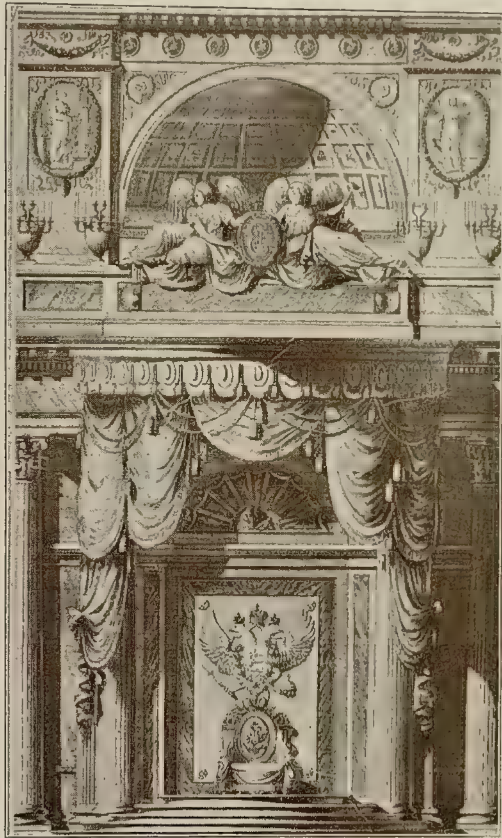
казанію Императрицы, такъ какъ это отданіе или неотданіе чести кавалергардами каждый разъ упоминается особо [1]).

Обязанности караульной службы опредѣлены были нижеслѣдующимъ приказомъ 8 Августа 1762 г., соблюдавшимся во все царствованіе Екатерины II. «Въ домъ Ея И. В-ва караулу выходить, какъ капралу, такъ и кавалергардамъ, пополуночи въ 9 часовъ неотмѣнно и какъ карабинъ, такъ мундиръ и аммуницію имѣть въ наилучшей чистотѣ и исправности, волосы-бъ на головѣ у всѣхъ всегда были убраны и напудрены и на косахъ банты черные, волосяные. — Кавалергардамъ изъ караульни на часы и съ часовъ ходить и смѣняться бодро и порядочно и, идучи на часы и обратно, какъ дворомъ, такъ и покоями, никакихъ разговоровъ между собою и съ посторонними не имѣть и во время маршу правою или лѣвою рукою не размахивать. — Будучи жь на часахъ, гдѣ показанъ будетъ постъ, отъ мѣста отнюдь не отходить и карабинъ къ стѣнѣ не приставливать, а стоять на часахъ со всякою осторожностью, такъ же и съ караула собою ни для чего и ни подъ какимъ

---

[1]) Такъ, кавалергарды отдаютъ честь польскимъ посламъ, прибывшимъ въ 1764 г. съ извѣстіемъ о кончинѣ короля Августа III (Спб. Вѣд., 1764 г., № 15), и польскому посольству въ 1767, 1768 гг. (Тамъ же, 1767 г., № 83; 1768 г., № 10) и персидскому послу хану Муртазе-Кулихану (Кам.-фур. журн., 1795 г.), но австрійскому послу гр. Кобенцелю (Кам.-фур. журн., 1790 г., 173) и польскимъ депутатамъ (Спб. Вѣд., 1792 г., № 90) всѣ караулы отдаютъ честь, кромѣ кавалергардскаго.

видомъ не отлучаться, памятуя воинскія права, что за таковое преступленіе чинить повелѣно. — При смѣнѣ караула, которые придутъ и которымъ смѣниться должно, оныхъ гг. капраламъ въ караульнѣ обучать экзерциціи по одному артикулу, а особливо стараться показывать тѣ темпы или пріемы, какъ смѣняться на часахъ; и потомъ зарядить карабинъ, и всегда на караулѣ быть съ заряженнымъ карабиномъ и на огнивахъ имѣть нагалицы. — Когда жь изъ чиновъ Кавалергардскаго корпуса придутъ во дворецъ на караулъ или кромѣ караула, чтобъ за собою имѣли людей въ ливреѣ и во всякой опрятности; и каждый день поутру присылать кавалергардамъ людей своихъ къ караульному капралу съ извѣстіемъ о себѣ и къ приказу. — Если же, отъ чего Боже сохрани, случится пожаръ или въ барабанъ будутъ бить тревогу, а особливо близь двора Ея И. В-ва, въ таковомъ случаѣ всѣмъ Кавалергардскаго корпуса чинамъ въ самой скорости быть въ домѣ Ея И. В-ва. — Экзерциціи обучаться между собою и во всѣхъ пріемахъ и темпахъ дѣлать карабиномъ бодро такъ, какъ отъ флигельмановъ предъ симъ уже было показано, а когда собраны будутъ для ученія экзерциціи, то бъ тогда не было въ пріемахъ разности или чего отмѣннаго. — Сверхъ всего вышеписаннаго накрѣпко подтверждается за кавалергардами всегдашнее смотрѣніе имѣть гг. унтеръ-офицерамъ и капраламъ, и если кто въ чемъ усмотрѣнъ будетъ неисправенъ, то стараться, какъ наивозможно, поправлять и предостерегать, а буде же что въ противномъ случаѣ необходимо найдется, объ ономъ рапортовать меня словесно или письменно»... [1]).

Тронъ Екатерины II въ Зимнемъ Дворцѣ, съ гравюры Колпакова.

---

1) Приказъ по корпусу 8 Авг. 1762 г. «...не безъизвѣстно, что отъ гг. кавалергардовъ не ото всѣхъ нынѣ о своемъ здоровьѣ къ утреннему репорту служители были присланы; чего ради симъ подтвердить соизволилъ, ежели и за симъ подтвержденіемъ отъ оныхъ кавалергардовъ къ караульному г. капралу съ утренимъ репортомъ по полуночи въ 5 часовъ служители присылать не будутъ, то неотмѣнно за то оные кавалергарды штрафованы будутъ не въ очередь недѣльнымъ карауломъ; а съ тѣмъ репортомъ изъ караульни къ дежурному г. капралу посылать копіиста въ 6 часовъ, также и между собою карауломъ не мѣнялись, развѣ съ дозволенія караульнаго г. капрала». («Приказанія» 23 Апр. 1764 г.). «Ставить при комнатѣ Ея И. В-ва на часы господъ кавалергардовъ по ранжиру». («Приказанія» 30 Іюля 1764 г.). «Его высокографское сіятельство графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ изволилъ приказать караульнымъ господамъ кавалергардамъ выходить на часы порядочно, всякому съ своимъ ружьемъ, а чтобъ оныя ружья были заряженыя и во всякой чистотѣ и исправности, о томъ господа караульные капралы должны имъ подтверждать и смотрѣть за ними накрѣпко, а если кто изъ нихъ усмотрѣнъ будетъ въ ослушности или какой неисправности, о томъ должны караульные капралы не

Какъ относилась сама Императрица къ караульной службѣ и вообще къ военной,—ясно видно изъ нижеслѣдующей собственноручной ея записки: [1])

Понеже всѣ начательно службы наипаче
во военной, нѣсть, и быть не может, и не
должно быть слое нарушиной; цѣлым же
краулом и паче еще Императорскаго ве-
личества дворца, бытя пишить есть
было неудобное, разсмотря неумѣст-
но ~~[illegible]~~ всѣ суровой погоды держат
[illegible]
офицеров и солдат излишно в время под
ружьем, и посодля принаджит стоб
когда великія Князья во время смѣны
краула смотрят в окошек, то
отдаеш им примерной чести краул,
безостановочно продолжальем пойтя
командиром в безапрешит людей
из лишне держат в то время под
ружіем или во фрунт.
им то прошит
Будеже бытя запрещает то чтоб сла-
зам что бабушки не принадлеж...

словесно, но письменно репортовать. Оной приказъ принялъ премiеръ-маiоръ и отъ кавалергардъ капралъ Яковъ Возницынъ». («Приказанiя» 12 Марта 1766 г.).

[1]) Гос. арх., X, 45.

Прохожденіе службы.

При учрежденіи корпуса въ 1762 году кавалергарды, начиная съ вице-вахмистра и до нижнихъ чиновъ, «для приращенія интереса» росписаны были по одному и по два человѣка по полкамъ, причемъ послѣднимъ вмѣнено въ обязанность, «когда кавалергардамъ по тѣмъ полкамъ доходить будетъ къ перемѣнѣ, тогда объ оныхъ въ Военную Коллегію присылать съ прочими именные списки, дабы предъ служащими въ полкахъ ни малѣйшей обиды не имѣли». 26 Сентября 1764 года Императрица по докладу гр. Чернышева «изустно указать соизволила» «кавалергардовъ распредѣлить не по однимъ кавалерійскимъ полкамъ, но и по пѣхотнымъ полкамъ, дабы оныхъ не больше одного въ полку счислялось». Извѣщая о семъ Высочайшемъ повелѣніи, Военная Коллегія писала въ Кавалергардскій корпусъ, «чтобъ оный благоволилъ каждаго изъ кавалергардовъ спросить, въ который кто точно кавалерійскій и пѣхотный полкъ желаетъ опредѣленъ быть» [1]). Кавалергарды при производствѣ въ капитаны выпускались изъ корпуса въ тотъ полкъ, въ которомъ числились [2]), хотя бывали случаи, но не иначе какъ съ особаго Высочайшаго повелѣнія, что нѣкоторые кавалергарды и при производствѣ въ капитаны оставляемы были въ корпусѣ.

Однако Военная Коллегія не допускала переводовъ изъ одного полка въ другой; такъ, когда кавалергардъ Николай Беклемишевъ просилъ перевести его изъ Таганрогскаго драгунскаго полка въ Воронежскій пѣхотный на томъ основаніи, что онъ «по слабости здоровья кавалерійской службы нести не можетъ», Военная Коллегія отказала, весьма резонно мотивируя свой отказъ тѣмъ, что Беклемишевъ, «находясь теперь въ Кавалергардскомъ корпусѣ, при полку кавалерійской службы не несетъ» [3]).

Получить отпускъ на продолжительное время было затруднительно вслѣдствіе незначительнаго состава корпуса и сравнительно большаго ежедневнаго расхода людей въ нарядъ; за просрочками зорко слѣдили и принимали энергичныя мѣры къ возвращенію къ командѣ просрочившихъ; такъ, въ 1767 году Новгородская губернская канцелярія доносила въ корпусъ, что «находящійся въ отпуску въ домѣ своемъ кавалергардъ Иванъ Менделѣевъ отъ болѣзни своея хотя малую свободу и имѣетъ, токмо за слабостью его здоровья къ командѣ ему ѣхать еще никакъ не можно». Прошло три мѣсяца, а Менделѣ-

---

[1]) Леф. арх., оп. 120, св. 3, д. 125; Исх. журн., 1764 г., № 180; «Приказы» 1764 г., № 52. — [2]) Леф. арх., оп. 120, св. 4, д. 32, 37, 48, 74. — [3]) Тамъ же, св. 14, д. 144.

евъ ни изъ отпуска не возвращался, ни новаго «доношенія» о немъ не поступало. Тогда отъ Кавалергардскаго корпуса посланъ былъ въ Новгородскую губернскую канцелярію «указъ» о томъ, чтобъ «Менделѣева чрезъ нарочно посланныхъ изъ оной канцеляріи въ домъ его по самой сущей справедливости освидѣтельствовать и, буде онъ здоровъ, то въ самоскорѣйшемъ времени, обязавъ его подпискою, выслать въ Кавалергардскій корпусъ, а ежели-жъ, паче чаянія, онъ, Менделѣевъ, и понынѣ одержимъ болѣзнью», то выслать его тотчасъ по полученіи облегченія, и «дабы онъ, получа свободу, праздно не находился въ домѣ, имѣть той канцеляріи наивсегдашнее о немъ свѣдѣніе и чрезъ каждыя двѣ недѣли въ Кавалергардскій корпусъ рапортовать» [1]).

Въ 1775 году кавалергардъ бар. Фабіанъ ф. Врангель просилъ о продленіи ему отпуска, но ему было отказано на томъ основаніи, что «нынѣ Кавалергардскій корпусъ состоитъ не въ комплектѣ», а при томъ писалось ему: «въ бытность вашу вы болѣе находились въ отпуску, нежели противъ прочей своей братіи несли службу». На этомъ основаніи Врангелю предписывалось «неотмѣнно» явиться въ срокъ, а въ противномъ случаѣ ему угрожали тѣмъ, что, «не пріемля отъ васъ никакихъ отговоровъ, о высылкѣ васъ къ командѣ посланъ будетъ въ Ревельскую генералъ-губернскую канцелярію указъ» [2]).

Кавалергардъ Григорій Бибиковъ въ 1763 году просрочилъ отпускъ на 22 дня, «за которую просрочку подлежалъ онъ быть въ силу военнаго артикула штрафованъ, но оное при первомъ его проступкѣ ему упускается» [3]). Но въ 1790 году мы встрѣчаемся съ такого рода наказаніемъ за просрочку: «прапорщика и кавалергарда Антона Сируча, который сверхъ даннаго въ паспортѣ термина просрочилъ 4 мѣсяца, изъ списка кавалергардовъ, яко нерадиваго къ службѣ, исключить» [4]).

При производствѣ въ капитаны кавалергарды переводились на службу въ тотъ полкъ, въ которомъ они числились [5]), но многіе изъ нихъ предпочитали

---

[1]) Леф. арх., оп. 120, св. 6; Исх. журн., 1767 г., № 145. — Еще въ 1765 году гр. Григорій Орловъ отдалъ слѣдующее приказаніе: «Кавалергардскаго корпуса господину поручику его сіятельству графу Орлову. — Извольте приказать сказать черезъ вахмистра всѣмъ чинамъ, что, которые бываютъ отпущены и явятся по прошествіи срока въ корпусъ, чтобъ съ паспортами мнѣ представляемы были. Вашего сіятельства покорный слуга графъ Г. Орловъ». («Приказы» 1765 г., № 11). — [2]) Леф. арх., оп. 120, св. 14; Исх. журн., 1775 г., № 82. — [3]) Приказъ 5 Авг. 1763 г. — [4]) Приказъ 1790 г., № 5. — [5]) «Всеподданнѣйшій докладъ на Высочайшее имя отъ шефа Кавалергардскаго корпуса графа Гендрикова. Сего Іюня 5 числа присланнымъ ко мнѣ изъ Военной Коллегіи сообщеніемъ объявлено, что состоящіе въ Кавалергардскомъ корпусѣ секундъ-маіоры и кавалергарды: *Петръ Коровинъ, Артамонъ Чупреяновъ, Митрофанъ Извековъ* и *Василій Каленовской* произведены въ преміеръ-маіоры съ старшинствомъ Мая съ 1 числа сего года и покомплектованы въ кавалерійскіе полки, Коровинъ въ Владимірскій, Чупреяновъ въ Луцкій, Извековъ въ Вологодскій, Каленовской въ Троицкій. И объ ономъ В. И. В-ву всеподданнѣйше донеся, симъ представить имѣю: реченнымъ кавалергардамъ съ новыми преміеръ-маіорскими рангами повелѣно ли будетъ остаться въ кавалергардской должности, или Высочайше не соизволите ли указать ихъ роспустить по тѣмъ полкамъ, гдѣ нынѣ они росписаны. И имѣю о томъ ожидать Высочайшей Вашего Императорскаго Величества конфермаціи. Подписалъ графъ Гендриковъ. Іюня 9 дня 1763 года». Императрица написала на докладѣ: «*Опредѣлить къ полкамъ*». (Леф. арх., оп. 120, св. 1, д. 1/7, стр. 43). — Кавалергардъ Таупрейнъ, произведенный въ капитаны, оставляется въ корпусѣ по Высочайшему повелѣнію «другимъ не въ образецъ... за бытность его, Таупрейна, во все время прусской войны». — «Е. И. В. всемилостивѣйшая Государыня Высочайше указать соизволила

Зимній садъ въ Таврическомъ Дворцѣ, съ гравюры Медландъ по рисунку Каръ.

службу по гражданскому вѣдомству. Мы должны здѣсь замѣтить, что въ тѣ времена военная служба не была рѣзко отдѣлена отъ гражданской, и военнымъ весьма нерѣдко давались назначенія или командировки по дѣламъ чисто гражданскаго управленія. Императрица высоко цѣнила тѣ качества, которыя несомнѣнно вырабатываются въ военныхъ подъ вліяніемъ особыхъ условій военной службы: способность къ инціативѣ, отсутствіе буквоѣдства и крючкотворства. Не даромъ говаривала она: «въ нужныхъ случаяхъ онъ (военный) рѣшимъ и можетъ двѣ недѣли прослужить по военному. Скорѣе опредѣлю гусарскаго поручика, нежели ключника придворнаго» [1]).

Каждое перемѣщеніе по службѣ кавалергарда производилось не иначе, какъ или съ Высочайшаго указа, или по крайней мѣрѣ съ вѣдома Императрицы, и мы изъ дошедшихъ до насъ документовъ можемъ видѣть, что Государыня входила во всѣ подробности дѣла и правильно оцѣнивала службу, безошибочно налагала справедливыя резолюціи, причемъ боевой службѣ отдавала преимущество даже предъ службою участниковъ переворота 28 Іюня. Такъ, однимъ и тѣмъ же докладомъ гр. Г. Г. Орловъ въ 1766 году ходатайствовалъ о назначеніи, согласно ихъ желанію, кавалергардовъ Мих. Афан. Долгова-Сабурова и Никит. Ефим. Мартьянова къ штатскимъ дѣламъ: Сабурова при конторѣ Невскаго монастыря, а Мартьянова въ Петербургскую экономическую контору. Сабуровъ не участвовалъ въ переворотѣ, но, «бывъ въ Прусскомъ походѣ на разныхъ баталіяхъ, (былъ) раненъ въ шею, и прострѣлена нога пулею навылетъ», а Мартьяновъ былъ участникомъ переворота. Императрица наложила на вышеупомянутый докладъ слѣдующую резолюцію: «*Сабурова опредѣлить по его желанію съ награжденіемъ чина, а Мартьянова отослать въ Сенатъ для опредѣленія по его разсмотрѣнію къ штатскимъ дѣламъ*» [2]).

При увольненіи кавалергардовъ въ отставку соблюдалось слѣдующее: всѣмъ участникамъ «28 Іюня 1762 г.» жаловался чинъ, и неимущимъ давался

кавалергардовъ: произведеннаго изъ поручиковъ въ капитаны Ивана Истомина, да поручиковъ Алексѣя Шадѣева и Ивана Берсеньева, когда имъ по старшинству службы достанеться въ капитаны, оставить въ корпусѣ и капитанами». (Приказъ 1780 г., № 4).

1) Храповицкій, 219. — 2) Леф. арх., оп. 120, св. 1, д. 1/7, стр. 79 и 80.

Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, шефъ Кавалергардскаго корпуса, съ 25 Марта 1765 по 13 Апрѣля 1783 г., съ литографіи по акварели Э. Гау.

пенсіонъ въ размѣрѣ половины получаемаго ими жалованья; остальнымъ чинъ жаловался только по особой милости. Въ 1766 году гр. Орловъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о 7 кавалергардахъ, бывшихъ лб.-компанцахъ, и принимавшихъ участіе въ возведеніи Екатерины II на престолъ, ходатайствуя

о награжденіи ихъ слѣдующимъ чиномъ «и по крайней ихъ бѣдности по желаніямъ ихъ опредѣлить съ армейскимъ жалованьемъ, съ раціоны и деньщичьи по поданнымъ отъ нихъ челобитнымъ, иныхъ къ мѣстамъ, а иныхъ, уволя отъ статской и воинской службы, Всемилостивѣйше отставить съ пенсіономъ», т.-е. на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прочихъ лейбъ-компанцевъ, бывшихъ при восшествіи на престолъ и пожалованныхъ въ кавалергарды. Императрица написала на докладѣ: «*Которые просятъ къ статскимъ дѣламъ, — тѣхъ для награжденія чиномъ и опредѣленія съ штатнымъ жалованьемъ къ мѣстамъ отослать въ Сенатъ; равномѣрно и тѣхъ, кои просятъ въ отставку, наградя чиномъ такъ, какъ и Аверкіева* [1]*), удовольствовать пенсіономъ противъ прочихъ ихъ братьи, прежде отставленныхъ*» [2]). Единственное исключеніе было сдѣлано для 4-хъ кавалергардовъ, пожалованныхъ въ корпусъ изъ нижнихъ чиновъ (не дворянъ) гвардіи, а именно: Андрея Стволова, Осипа Миронова, Афанасія Меньшова и Алексѣя Кузнецова; имъ при отставкѣ въ 1778 году была назначена пенсія въ размѣрѣ получаемаго ими жалованья [3]).

Постоянныя военныя дѣйствія, продолжавшіяся почти безъ перерыва во все царствованіе Екатерины II, влекли нѣкоторыхъ изъ кавалергардовъ на боевое поприще; одни сами просились «въ разсужденіи военныхъ обстоятельствъ продолжать службу въ полкахъ арміи» [4]), другіе же были командируемы отъ корпуса на театръ военныхъ дѣйствій; такъ, напр., въ 1788 году Григорій Меньшовъ, Густавъ ф. Брюммеръ, Фабіанъ Вреде и Владиміръ Шеншинъ «въ сходственность ...Ея И. В-ва соизволенія, по ихъ желанію быть волонтерами на корабляхъ въ Среди-Земномъ морѣ», были отправлены къ адмиралу Грейгу. Первые двое поступили на корабль «Дерисъ» и по отзыву командира, капитана Федора Ломена, «присмотрѣны въ поведеніи весьма хорошаго, порученную должность исправляли съ успѣхомъ и раченіемъ и во всѣхъ случаяхъ въ дѣйствіи противъ непріятеля оказывали себя мужественно» [5]). Вреде не удалось участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, а Шеншинъ попалъ въ Балтійскій флотъ и, находясь на кораблѣ «Киръ Іоаннъ» капитана Тета, «въ сраженіи 6 Іюля со Шведскимъ непріятельскимъ флотомъ оказалъ себя храбрымъ и расторопнымъ, также былъ и при сожженіи въ 26-й день Іюля-жь мѣсяца шведскаго корабля «Кронъ-Принцъ Густавъ Адольфъ» и въ бывшихъ оказіяхъ въ 4-хъ мѣсячномъ пребываніи при флотѣ оказалъ же себя къ службѣ усерднымъ съ желаемымъ успѣхомъ» [6]).

Отправленіе ординарческой службы кавалергардами заключалось, во-первыхъ, въ томъ, что они доставляли «въ губерніи и провинціи» Высочайшіе

---

1) Аверкіева Военная Коллегія не производила въ капитаны за его неграмотность. — 2) Леф. арх., оп. 120, св. 1, д. 1/7, стр. 77. — 3) Приказъ 1778 г., № 1. — Можетъ-быть, всѣ они оказали, подобно Стволову, особое усердіе во время переворота. (См. Храповицкій, 222). — 4) Владиміръ Астаф. ф. Брюммеръ въ 1788 г. (Леф. арх., оп. 120, св. 27, д. 145). — 5) Тамъ же, св. 27, д. 51, 130, 214 и 215; Исх. журн., 1788 г., №№ 37 и 39. — 6) Леф. арх., оп. 120, св. 28, д. 6. (Аттестатъ отъ к.-адм. Тимофея Козлянинова).

манифесты, во-вторыхъ, — что они состояли «въ числѣ положенныхъ для разныхъ случающихся посылокъ при свитѣ Константинопольскаго посольства» [1]), иногда же на нихъ возлагались особыя порученія, такъ напр. Грибовскій заноситъ въ свой дневникъ: «О безпорядкахъ по ночамъ отъ худого освѣщенія улицъ; посылка кавалергардовъ для освидѣтельствованія освѣщенія» [2]).

[1]) «Полученнымъ изъ Пр. Сената съ приложеніемъ именнаго реэстра въ Кавалергардской корпусъ сего Марта 30 дня указомъ велѣно наряженныхъ отъ Е. И. В. Кавалергардскаго корпуса капралу Карлъ Таупрейнъ кавалергардамъ: Герману Ломану, Василью Зайцову, Льву Крюкову, Ивану фонъ-Гагерту, Василью Аксенову, Екиму Исупову, Алексѣю Первишеву, Афонасью Батурину, для отправленія изъ оного въ губерніи и провинціи съ объявленіемъ о заключенномъ мирѣ между Имперіею Россійскою и Портою Оттоманскою и о дарованныхъ отъ Е. И. В. народу матернихъ милостяхъ, приказать явиться имъ въ Сенатъ непродолжительно и во исполненіе оного указа показаннымъ капралу и кавалергардамъ явиться въ Сенатъ сего 31 числа Марта пополуночи въ 10-ть часовъ велѣно; о чемъ въ кавалергардскомъ вѣдать и всѣхъ оныхъ въ табеляхъ рапортахъ писать въ посылкахъ изъ Сената въ губерніи и провинціи съ объявленіемъ о заключенномъ мирѣ и прочаго». (Приказъ 31 Марта 1775 г.).—«Въ Кавалергардскій корпусъ. — Кавалергардъ *Михаило Волчковъ* назначенъ ко отправленію курьеромъ въ *Исецкую провинцію* съ Высочайшими манифестами, и для того благоволено бъ было, о семъ ему объявя, приказать завтрешняго утра явиться въ Правительствующемъ Сенатѣ. (Подписалъ) Потемкинъ. № 410, Апрѣля 7 дня 1775 году». (Леф. арх., оп. 120, св. 14, д. 43).—«По полученіи сего извольте выдать изъ суммы Кавалергардскаго корпуса бывшему тогда при его сіятельствѣ, что нынѣ свѣтлѣйшимъ княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ, на конгрессѣ капитану и кавалергарду *Якову Исаеву,* заслуженное имъ за прошедшую прошлаго 1772 году Сентябрскую треть жалованье окладное, раціоны и на деньщиковъ окладное жъ за соль и провіантъ 99 рублевъ 78 коп. и 3/4, квартирныхъ денегъ 24 рубля, итого 123 рубли 78 коп. и 3/4, записавъ въ расходъ съ роспискою». (Исх. журн., 1773 г., № 18). — «Аттестатъ. — Е. И. В-ва изъ Кавалерг. корпуса данъ состоящему во ономъ корпусѣ кавалергардъ капитану Николаю Ельчанинову, который по силѣ присланнаго въ Кавалерг. корпусъ изъ Гос. Военн. Коллегіи сообщенія опредѣляется въ число положенныхъ для разныхъ случающихся посылокъ при свитѣ посольства въ Царь-Градъ, — въ томъ, что дача ему денежнаго жалованья окладнаго, раціоновъ на деньщиковъ, окладнаго жъ за соль и провіантъ и квартирныхъ деньгахъ кончилась сего 1775 года Января по 1-е число». (Исх. журн., 1775 г., № 12).—«Изъ Кавалергардскаго Ея Императорскаго Величества корпуса данъ сей аттестатъ находившемуся въономъ корпусѣ поручику и кавалергарду Ѳедору Амирову въ томъ, что посылается онъ въ число положенныхъ для разныхъ случающихся посылокъ при свитѣ Константинопольскаго посольства, почему и дача ему, Амирову, денежнаго жалованья, окладнаго, раціоновъ на деньщика, окладнаго-жь за соль и квартирныхъ денегъ кончилась сего 1793 года Генваря по 1-е число». (Леф. арх., оп. 120, св. 32).—При проѣздѣ за границу въ 1768 году гр. Алексѣя Орлова съ нимъ вмѣстѣ былъ отпущенъ и кавалергардъ Георгій ф.-Бухольцъ. «Господинъ Кавалергардскаго корпуса поручикъ и обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалеръ, графъ Алексѣй Орловъ, и при немъ кавалергардъ Георгій фонъ-Бухольцъ отъ Ея И. В-ва по желанію ихъ уволены въ иностранныя Государства. О чемъ въ Кавалергардскомъ корпусѣ вѣдать и въ рапортахъ числить въ отпуску сего Іюня съ 29 числа». (Приказъ 1768 г., № 5).

[2]) Р. Арх., 1899/1, 59.

Дисциплина.

Набираемые почти исключительно изъ дворянъ, находясь постоянно при Императрицѣ, кавалергарды въ отношеніи дисциплины далеко уже не походили на лб.-компанцевъ.

Отъ кавалергардовъ, какъ отъ ближайшихъ тѣлохранителей Государыни, требовалось образцовое поведеніе, причемъ за малѣйшее нарушеніе дисциплины ихъ переводили въ тѣ армейскія части, въ которыхъ они числились [1]). Даже нижніе чины порочнаго поведенія не были терпимы въ корпусѣ [2]).

Кавалергардскій офицеръ, съ 1764 по 1796 годъ (во вседн. формѣ).

Не подлежитъ сомнѣнію, что даже къ началу царствованія Екатерины II нравы значительно смягчились по сравненію съ тѣмъ, что мы видѣли при вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны; однако они до конца жизни Екатерины оставляли желать лучшаго. Императрица въ 1787 году жаловалась, что «теперь много выходитъ шалостей отъ гвардейскихъ, для того (потому) что всякій сбродъ набираютъ, а прежде служили одни дворяне» [3]), но одно дворянское происхожденіе безъ соотвѣтственнаго воспитанія не препятствовало, какъ прежде, такъ и впослѣдствіи, тому, что въ гвардіи не переводились «шалости», имѣвшія всѣ признаки уголовныхъ преступленій; и если «изстари подписывались подъ руки и разные дѣлали обманы для полученія денегъ» [4]), то то же самое было и теперь. Ниже мы приводимъ *всѣ* случаи нарушенія

---

[1]) Всѣхъ переведенныхъ въ армію *безъ прошеній* было 16 человѣкъ, но за что именно они выключены изъ кавалергардовъ, указать за недостаткомъ матеріаловъ нельзя. Если прибавить къ этому числу тѣхъ, которые переведены по прошенію, но очевидно, какъ, напр., Спешневъ, подъ *давленіемъ*, то число таковыхъ превыситъ 20. — [2]) Находящагося въ Кавалергардскомъ корпусѣ фельдшера Ивана Иванова, который «является часто въ непорядочныхъ поступкахъ, а иногда и пьянствѣ, и болѣе быть уже въ корпусѣ признается неспособнымъ», отсылаютъ въ Военную Коллегію («Приказы» 1765 г., № 12). — [3]) Храповицкій, 53. — [4]) Тамъ же, 25. — «По полученному извѣстію, что Конной гвардіи корнетъ Сумароковъ съ вахмистрами Ромбергомъ и Куницкимъ поддѣлывали новыя ассигнаціи, говорено о шалостяхъ, въ томъ полку прежде бывшихъ, и что изстари подписывались подъ руки и разные дѣлали обманы для полученія денегъ». — «Недавно» (Октября 1787 г.) «Преображенскаго полку унтеръ-офицеры ободрали въ Эрмитажѣ ложу. Сіе подало поводъ къ изданію указа, чтобъ впредь изъ разночинцевъ въ гвардіи унтеръ-офицеры не производить; нынѣ же изъ разночинцевъ унтеръ-офицерами въ гвардіи служащихъ выпускать въ армію тѣми же чинами». (Зап. Гарнов-

дисциплины и совершенія преступленій кавалергардами въ царствованіе Екатерины II и, принявъ во вниманіе общее состояніе нравственности и понятій о правѣ, существовавшее въ то время, мы должны согласиться, что таковыхъ правонарушеній было не много, и что «Ея Императорскаго Величества Кавалергардскій корпусъ» за всѣ 34 года своего существованія являлся во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ.

25 Августа 1764 года кавалергардъ Алексѣй Нарымовъ, зайдя въ трактиръ «оберъ-директора» Саввы Яковлева, закололь на смерть работника Яковлева, Ефимова. Нарымовъ на судѣ показалъ, что въ этотъ день «съ компанійстомъ (товарищемъ) своимъ, кавалергардомъ Севастьяномъ Малышевымъ, нѣсколько подпилъ», затѣмъ съ другимъ товарищемъ,—Афанасіемъ Меньшимъ, «ходили къ правящему за комисара кавалергарду Ивану Захарову для взятія квартирныхъ денегъ и у него, бывъ нѣсколько я пьянъ, потому-жь подпили». Отъ Захарова Нарымовъ направился домой, но попалъ въ квартиру преображенскаго фурьера Петра Евсюкова «и у него», показывалъ на судѣ Нарымовъ, «напился весьма пьянъ, такъ что и чувствія не имѣлъ; и, вышедъ отъ того фурьера, въ томъ пьянствѣ зашелъ въ означенный трактиръ одинъ, безъ товарища, знатно для питья». Что онъ дѣлалъ въ трактирѣ и по какой причинѣ закололь Ефимова, Нарымовъ показалъ, что «за безмѣрнымъ пьянствомъ» не помнитъ, «но что съ Ефимовымъ, не только чтобъ предъ симъ какую ссору или вражду, но ни малѣйшаго знакомства не имѣлъ..., а единственно то учинилъ съ пьянства». Дѣло же было такъ: Нарымовъ, «который въ тотъ трактиръ по-часту прихаживалъ», спьяна просился у Ефимова за стойку, а когда тотъ его не пустилъ, то сначала бранилъ Ефимова и раза съ два ударилъ по щекѣ, а когда Ефимовъ сталъ высылать его вонъ, то вынулъ шпагу и «кольнулъ Ефимова въ брюхо».

Надъ Нарымовымъ по Высочайшему повелѣнію приказано было учредить при Военной Коллегіи слѣдствіе, «и что по оному слѣдствію съ нимъ, Нарымовымъ, учинить будетъ велѣно, о томъ тогда для донесенія Ея И. В-ву

скаго, Р. Ст., 1876/III, 479). — «Найденъ образъ безъ оклада у вала, близъ Семеновскаго полка, и подозрѣніе осталось на гвардейскихъ». (Дневникъ Храповицкаго, 22 Ноября 1790 г., стр. 352).

Къ числу заботъ о поддержаніи дисциплины надо отнести и распоряженія относительно говѣнія. «Всѣмъ Кавалергардскаго корпуса чинамъ чрезъ сіе подтверждается: въ нынѣшній великій постъ, чтобы по должности христіанской всякій, не пропуская, могъ въ удобное время поститься и, исповѣдавшись св. Тайнъ, пріобщиться; кто же на которой недѣлѣ исполнить оное можетъ, давать отъ себя знать въ капральствахъ первымъ гг. капраламъ, а имъ каждому отъ своего капральства во весь постъ подавать объ ономъ г. вахмистру недѣльные письменные рапорты, и каждую недѣлю по воскреснымъ днямъ ему рапортовать меня... По прошествіи же всего великаго поста, кто онаго не исполнилъ, представить о томъ ко мнѣ г. вахмистру письменно». («Приказы» 1763 г., № 2).—«Въ нынѣшнюю наступившую четыредесятницу всѣмъ чинамъ онаго корпуса греческаго исповѣданія напоминается, дабы оные по должности христіанской исповѣдывались и Святыхъ Таинъ пріобщались подъ опасеніемъ за небытіе взысканія по указамъ штрафа; о чемъ по прошествіи сего великаго поста, кто будетъ или нѣтъ, въ Кавалергардской корпусъ подать обстоятельный рапортъ и всѣхъ кавалергардовъ раздѣлить на семь частей и, которые поститься будутъ, тѣхъ въ ту недѣлю въ караулъ не употреблять». («Приказы» 1770 г., № 1). Съ 1776 года, т.-е. съ переходомъ управленія корпусомъ къ Потемкину, мы не встрѣчаемъ уже этихъ распоряженій о говѣніи.

Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, шефъ Кавалергардскаго корпуса, со 2 Февраля 1784 по 5 Октября 1791 г., съ литографіи по акварели Э. Гау.

Военная Коллегія въ Кавалергардскій Ея И. В-ва корпусъ благоволитъ сообщить письменно». Военная Коллегія учредила «особливую коммиссію», назначивъ презусомъ полковника (командира) Новгородскаго карабинернаго полка кн. Сергѣя Волконскаго, асессорами — 6 офицеровъ отъ войскъ Петербургскаго гарнизона и за аудитора — оберъ-аудитора Военной Коллегіи Евстигнея Иванова.

Слѣдственная коммиссія «мнѣніемъ» положила, что, хотя на основаніи законовъ Нарымовъ «и подлежалъ бы смертной казни, но, какъ изъ обстоятельства производимаго дѣла видно, что онъ то учинилъ дѣйствительно не по другой какой умышленной злости или прежде бывшей враждѣ, а единственно отъ пребезмѣрнаго пьянства, какъ бы уже въ безпамятствѣ, и, можетъ, какъ за кое-либо отъ того работника огорчительное ему слово онаго закололъ», а потому и, принявъ во вниманіе, что Нарымовъ служитъ безпорочно уже 23 года, коммиссія полагала Нарымова, «отобравъ патенты, лиша чиновъ, вмѣсто смерти прогнать шпицъ-рутенъ чрезъ 1000 человѣкъ 12-ть разъ и, написавъ въ рядовые, опредѣлить для церковнаго покаянія на родъ подначальный». Согласно закону, вмѣсто убитаго Ефимова, который оказался крестьяниномъ государственной волости, слѣдовало взыскать съ Нарымова крѣпостнаго человѣка «со всѣмъ семействомъ и въ ту волость возвратить, но какъ онъ, Нарымовъ, человѣкъ безпомѣстный и за собою ни одной души не имѣетъ, то объ ономъ и о всемъ вышеписанномъ наиболѣе предается въ главное разсмотрѣніе Государственной Военной Коллегіи». По окончаніи «слѣдствія» Нарымовъ обратился съ нижеслѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ къ гр. Гендрикову: «Сіятельнѣйшій графъ, высокомилосердый Государь и отецъ, графъ Иванъ Симоновичъ! Чувствуя вашу высокую милость ко всѣмъ бѣднымъ, то-жь и я, бѣдный, возымѣлъ смѣлость вашего высокографскаго сіятельства просить; помилуй, батюшка, сдѣлать со мною милость: по дѣлу моему доложить Милосердой Государынѣ, чтобъ меня постричь въ монастырь въ Москвѣ, въ Даниловъ, въ монахи, за что я, бѣдный, долженъ за ваше высокографское сіятельство вѣчно Богу молить».

Лиша его
всѣхъ
чиновъ
сослатъ
подъ на
чалъ на
церковное
покаяніе
в Мона-
стырь.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Гендрикова Екатерина II написала: «*Лиша его всѣхъ чиновъ, сослать подъ началъ — на церковное покаяніе въ монастырь*» [1]).

Кавалергардъ Алексѣй Коробьинъ, находясь въ 1775 году въ Москвѣ, встрѣтился въ панскихъ рядахъ съ женою сержанта Настасьей Болотиной, разговорился съ нею, и она «тогда ему, кавалергарду, о своемъ жительствѣ открылась». Оказалось, что Болотина нанимаетъ квартиру близь дома Коробьина, и Коробьинъ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Михаиломъ Коробьинымъ и выгнаннымъ со службы воеводою Халкидонскимъ вечеромъ 28 Сентября отправились въ гости къ Болотиной. У Болотиной они застали жену солдата изъ дворянъ, Татьяну Строилову, и «черевишника» (башмачника) Мартына Дегтерева. Рѣшилъ ли Дегтеревъ ограбить Коробьина, или по другимъ

[1]) Леф. арх., оп. 120, св. 3, д. 138; св. 1, д. 1/7; «Приказы» 1764 г., № 27.

Императрица Екатерина II.
Съ гравюры акватинтомъ Юнгъ 1792 г. по рис. Ф. Шубина 1790 г. (Собраніе гр. Д. И. Толстого).

причинамъ, только, когда Алексѣй Коробьинъ, посидѣвъ минутъ съ десять, сталъ выходить отъ Болотиной, Дегтеревъ вмѣстѣ съ дворникомъ Павловымъ въ сѣняхъ напали на него, ударили по лицу, а когда онъ хотѣлъ войти назадъ въ комнату Болотиной, то, ухватя за косу, не пускали, причемъ, по показанію Коробьина, требовали съ него 100 рублей. Заслыша драку, Халкидонскій выскочилъ изъ окна и побѣжалъ въ домъ Коробьина, откуда прибѣжали люди Коробьина съ кольями и, увидя, «что господина ихъ бьютъ, съ тѣми, кто его били, начали производить драку». Между тѣмъ Дегтеревъ и Павловъ скрылись, а Коробьинъ и люди его, ища ихъ, ворвались въ помѣщеніе Дегтерева, гдѣ въ суматохѣ одинъ изъ нихъ, принявъ лежавшаго на полу больнаго человѣка за Дегтерева, ударилъ его раза два дубиной. Были ли удары очень увѣсисты, или тотъ потерпѣвшій былъ сильно боленъ, только въ результатѣ онъ оказался мертвымъ. Главная полиціймейстерская канцелярія постановила, что «къ начинанію ссоры того кавалергарда Коробьина и другихъ и бою причиною состоятъ вышеозначенные черевишный мастеръ съ дворникомъ, отъ чего и послѣдовала у него, кавалергарда Коробьина, и людей его съ ними и прочими драка, въ которой и нечаянное больному человѣку убійство учинено». Но, «хотя кавалергардъ Алексѣй» (и штыкъ-юнкеръ Михаилъ Коробьины и Халкидонскій) «въ вышеупоминаемомъ смертномъ убійствѣ и не находятся, однако имъ, яко оберъ-офицерскіе чины имѣющимъ, въ такое презрительное жилище въ ночное время входить не слѣдовало, а тѣмъ болѣе должно и другихъ отъ того удерживать и отвращать, то, съ производимаго дѣла списавъ копію, отослать къ должному по законамъ разсмотрѣнію и рѣшенію въ канцелярію Кавалергардскаго корпуса»... Прислугу Коробьина, а также черевишника, дворника и прочихъ «бойцовъ», въ виду нахожденія ихъ въ «разнорѣчіяхъ», главная полиціймейстерская канцелярія постановила отослать въ Московскую розыскную экспедицію, а Настасью Сергѣеву и Татьяну Савину, «у коихъ мужья находятся въ походѣхъ, по учиненіи изъ нихъ наказанія Сергѣевой кошками, чтобъ онѣ далѣе въ праздности не находились, отослать на фабрику въ работу».

Алексѣй Коробьинъ, согласно прошенію, былъ переведенъ въ армію [1]).

Кавалергардами совершено четыре подлога: кавалергардъ кн. Михаилъ Ухтомскій продалъ подложно чужаго бѣглаго человѣка. При допросѣ Ухтомскій показалъ, что проданный имъ человѣкъ явился къ нему самъ и объявилъ, что достался ему, Ухтомскому, по наслѣдству отъ умершей тетки его Булуниной. Чѣмъ окончилось дѣло, намъ неизвѣстно, оно было начато въ Іюнѣ 1765 года, а мы видимъ, что 8 Іюля 1766 г. Ухтомскій безъ прошенія переведенъ въ армію. Въ 1765 году обнаружилось, что кавалергардъ Федотъ Насоновъ, еще будучи въ лб.-компаніи, заложилъ въ 1760 году Государственному банку для дворянства недвижимое свое имѣніе, показавъ въ немъ 25 душъ мужескаго пола. По справкѣ же «за нимъ, Насоновымъ, оказалось

1) «Приказы» 1775 г., № 20.

только одна дворовая дѣвка и одинъ мальчикъ 5 лѣтъ». Замѣчательно, что требованіе банка заключалось лишь въ томъ, чтобы у Насонова ежегодно удерживалось изъ жалованья 50 рублей впредь до погашенія долга (200 р.) [1]).

Въ 1774 году оказалось, что кавалергардъ Алексѣй Вердеревскій подложно заложилъ несуществующее у него имѣніе. Когда банкъ потребовалъ «о присылкѣ его къ слѣдствію», то канцелярія корпуса отвѣчала, что Вердеревскій нынѣ въ корпусѣ не состоитъ, а переведенъ по прошенію въ полки 1-й арміи [2]).

«Подпоручика и кавалергарда Василія Дмитріева, который по требованію изъ конторы С.П.б. Госуд. Банка для дворянства за учиненный имъ въ заложеніи имѣній подлогъ для произведенія надъ нимъ по силѣ законовъ слѣдствія отправленъ въ реченную банковую контору, изъ списка кавалергардскаго корпуса выключить» [3]).

Кавалергардскій шишакъ съ 1764 по 1796 г.

Екатерина II вскорѣ по вступленіи на престолъ обратила вниманіе на картежничество, процвѣтавшее преимущественно въ обѣихъ столицахъ, и въ 1768 году указомъ Сенату воспретила азартныя игры подъ угрозой тяжелыхъ наказаній.

Среди многочисленныхъ картежниковъ самаго разнообразнаго состоянія и положенія оказалось двое кавалергардовъ: 1) *капралъ* корпуса Федоръ Ивановъ и 2) кавалергардъ Дмитрій Спешневъ. Ивановъ, пойманный «въ картежной, запретительной игрѣ съ генералъ-маіоромъ Поздѣевымъ», подалъ Императрицѣ «повинную», и «Ея Величество Высочайше указать соизволила о касательныхъ до него по тому дѣлу обстоятельствахъ сдѣлать рѣшеніе на основаніи законовъ, не требуя болѣе отъ него дополненія». Ивановъ былъ приговоренъ къ штрафу въ размѣрѣ годоваго оклада жалованья [4]). Спешневъ, находясь въ 1768 году въ отпуску въ Москвѣ, обыгралъ «въ банкъ фаро» вмѣстѣ съ цѣлой компаніей темныхъ личностей коммиссіонера, «перекреста изъ жидовъ», Михаила Башмакова, который показалъ, что «пропитаніе имѣетъ отъ дѣланія на продажу помады», причемъ впрочемъ прибавилъ, что онъ «и разноситъ данныя отъ господъ разныя галантерейныя вещи». Эти-то вещи, «данныя отъ господъ» на продажу, Башмаковъ за неимѣніемъ наличныхъ денегъ и проигралъ. Началось дѣло, но когда 30 Мая 1768 года Военная Коллегія увѣдомила Кавалергардскій корпусъ о проступкѣ Спешнева, канцелярія корпуса могла уже отвѣтить Коллегіи, что «прапорщикъ Спешневъ по желанію его служить Ея

---

[1]) Леф. арх., оп. 120, св. 4, д. 57. — [2]) Тамъ же, св. 13, д. 69; Исх. журн. 1774 г., № 65; «Приказы» 1774 г., № 2. — [3]) «Приказы» 1781 г., № 7. — [4]) Леф. арх., оп. 120, св. 7, д. 23.

Императорскому Величеству и отечеству въ заграничной арміи сего года Марта 31 дня отосланъ въ Государственную Военную Коллегію и болѣе въ кавалергардахъ не состоитъ» [1]).

Кавалергардъ Алексѣй Ивановъ 7 Іюля 1785 года былъ доставленъ квартальнымъ надзирателемъ на съѣзжій дворъ за то, что вмѣстѣ съ аудиторомъ, подпоручикомъ Тимофѣевымъ, зайдя на квартиру къ секретарю Башаринову, «безъ всякой причины его били». Дѣло было такъ: въ тотъ же день Ивановъ съ Тимофѣевымъ были въ гостяхъ у вдовы писаря Кобелевой, жившей съ дочерьми своими въ одномъ домѣ съ Башариновымъ. Вечеромъ, около 10 часовъ, Ивановъ и Тимофѣевъ вернулись къ Кобелевымъ, но не были впущены въ квартиру, причемъ «выговаривали Кобелевымъ, что онѣ, если ихъ не пустятъ, взяты будутъ ими сей же день на съѣзжую». На шумъ вышелъ Башариновъ. Ивановъ и Тимофѣевъ, «подхватя его и незнаемо по какой причинѣ, начали бить немилостиво на дворѣ, и хотя онъ отъ нихъ и вырвался, чтобъ ко спасенію принять мѣры, но они, вытаща его на улицу и сбивъ съ ногъ, начали по головѣ немилостиво бить палкою..., браня при томъ всякими непотребными словами, и называли разбойникомъ и св........». Когда же вышла мать Башаринова, чтобы «отъ тѣхъ побой спасти», то и «ее били-жь палками безчеловѣчно» [2]).

Въ свое оправданіе Ивановъ приводилъ: 1) что, когда они вернулись вечеромъ къ Кобелевымъ, то, пока стучались къ нимъ, «по близости того запертаго покоя стояли на галлереѣ нѣсколько женщинъ и ихъ, Иванова и Тимофѣева, бранили, что они ходятъ по ночамъ, и называли разбойниками; 2) что Башариновъ первый началъ ругаться «всякими скверными словами, и называлъ тожъ разбойниками, и ударилъ его, Иванова, по спинѣ запоромъ, почему онъ, Ивановъ, имѣющейся у него въ рукахъ тростью его, Башаринова, ударилъ-же нѣсколько разъ, не зная, что онъ секретарь». Губернское Правленіе въ своемъ опредѣленіи писало въ корпусъ: «какъ наглость и преступленіе законовъ, учиненныя кавалергардомъ Ивановымъ и аудиторомъ Тимофѣевымъ, изслѣдованіемъ на мѣстѣ довольно обнаружены, и поелику оная сдѣлана въ столичномъ городѣ съ человѣкомъ, состоящимъ въ чинѣ и служащимъ въ штатѣ Губернскаго Правленія», и потому требовало, «дабы благоволили поступить по законамъ, доставя сверхъ того обидимымъ полное удовлетвореніе». Надъ Ивановымъ и Тимофѣевымъ былъ учрежденъ кригсрехтъ, но, когда перваго потребовали къ суду, то корпусъ отвѣтилъ: «Минувшаго

---

1) Въ одной «компаніи» со Спешневымъ оказался «Венеціанской службы капитанъ гр. Як. Григор. Локателли»; капитанъ Ив. Вас. Дурново, вытребованный въ Ревизіонъ-Коллегію отсчитаться за время своего воеводства въ Путивлѣ и показавшій на слѣдствіи, что онъ, Дурново, «движимаго и недвижимаго имѣнія никакого за собою не имѣетъ... и вступилъ въ помянутую игру, не имѣя себѣ никакого пропитанія». Затѣмъ идутъ: «иноземецъ, сапожный мастеръ Пейчь, кой въ цѣхъ нигдѣ не записанъ»; отставной капитанъ Фатѣевъ, «иноземецъ, парикмахерной мастеръ» Нейманъ и купецъ Холщевниковъ.

2) Леф. арх., оп. 120. св. 8, д. 27, д. 44; Исх. журн. 1769 г., № 69; «Приказы» 1769 г., № 8.

Іюля 12 числа въ сходствіе присланнаго въ корпусъ изъ управы благочинія... представленія, въ коемъ объявляла, якобы онъ, Ивановъ,... безъ всякой причины... секретаря Ивана Башаринова билъ, отправленъ для опредѣленія въ полкъ въ Государственную Военную Коллегію» [1]).

Единственный случай, дошедшій до насъ, наложенія дисциплинарнаго взысканія былъ въ 1766 году: «По приказу е. с. гр. А. Г. Орлова подпоручикъ и кавалергардъ Петръ Гофманъ за учиненный имъ проступокъ оставленъ безъ очереди на караулъ на 8 сутокъ» [2]).

Первымъ коммиссаромъ корпуса былъ Иванъ Захаровъ, у котораго въ 1765 году при сдачѣ имъ своей должности оказался недочетъ въ 668 р. 95 коп. Представляя объ этомъ 23 Іюня 1766 г. всеподданнѣйшій докладъ Императрицѣ, гр. Орловъ указывалъ на то, что Захаровъ, «служа въ бывшей лейбъ-компаніи съ 1755 года, находился при восшествіи В. И. В-ва на всероссійскій престолъ», и что Захаровъ объясняетъ недостачу денегъ тѣмъ, что «прочелъ» ихъ «ни отъ чего инаго, какъ по всегдашней слабости своего здоровья и болѣзненныхъ иногда припадковъ». Екатерина написала на докладѣ: «*Прощается. 23 Іюня 1766 года, Петергофъ*». Чрезъ 3 дня гр. Орловъ внесъ другой докладъ о томъ, что Захаровъ, «находясь нынѣ во всегдашнихъ болѣзненныхъ припадкахъ и имѣя въ головѣ и въ ногахъ ломъ, и въ сердцѣ колотье, и на груди горбъ, проситъ за вышеписанными болѣзнями изъ корпуса отставить съ награжденіемъ противъ выпущенныхъ прочихъ служащихъ въ бывшей лб.-компаніи и потомъ въ кавалергардахъ — преміеръ-маіорскимъ чиномъ съ пенсіономъ». Гр. Орловъ такъ заключалъ свой докладъ: «Всемилостивѣйшая Государыня! Я, представя о немъ, что онъ, служа въ бывшей лб.-компаніи, такъ и бывъ потомъ при восшествіи В. И. В-ва на всероссійскій Императорскій престолъ, заслуживаетъ Высочайшую В. И. В-ва милость и благоволеніе». Императрица написала на докладѣ: «*Быть по сему. 26 Іюня 1766 года, Петергофъ*» [3]).

Въ 1769 году коммиссаромъ былъ назначенъ Василій Ласунскій, бывшій лб.-компанецъ и участникъ въ возведеніи Екатерины II на престолъ. Ласунскій пробылъ въ этой должности до 1772 года, когда обнаружилась растрата казенныхъ денегъ. Учетъ Ласунскаго тянулся до 1775 года, и въ Апрѣлѣ этого года Императрица приказала отослать его въ Военную Коллегію «для произведенія надъ нимъ военнаго суда». Ласунскій показалъ на судѣ, что у него «не явилось денегъ 9506 рублевъ 60 коп. потому, что оныя имъ, Ласунскимъ, употреблены были на собственные его расходы..., а именно: имѣя по чину своему карету, а при томъ и лошадей, кои по несчастію его падали, почему онъ тѣ деньги и издерживалъ». Судъ нашелъ, что «сей проступокъ учиненъ имъ, капитаномъ Ласунскимъ, весьма дерзновенъ», а потому при-

---

[1]) Леф. арх., оп. 120, св. 24, д. 96, 101; Исх. журн., 1785 г., № 99. — [2]) «Приказанія» 13 Ноября 1766 г. — [3]) Леф. арх., оп. 120, св. 1, д. 1/7, стр. 74 и 75; св. 4, д. 69.

Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, шефъ Кавалергардскаго корпуса, съ 21 Октября 1793 по 11 Ноября 1796 г., съ литографіи Поль Пети по акварели Э. Гау.

говорилъ его къ повѣшенію, постановивъ: «до полученія на то конфермаціи сковать въ желѣза». Екатерина такъ конфирмировала приговоръ: «*Въ разсужденіе прежней его службы, расковавъ, выключить его изъ службы*» [1]).

---

1) Леф. арх., оп. 120, св. 14, д. 65; Исх. журн., 1775 г., №№ 68 и 102; оп. 119 (Дѣла Кабинет.), св. 5.

Кавалергардъ Андрей Воейковъ 9 Іюля 1777 года самовольно отлучился изъ квартиры своей, за что тотчасъ же приказомъ по корпусу былъ исключенъ изъ кавалергардовъ.

Воейковъ пробрался въ Польшу, но въ началѣ 1780 года добровольно вернулся въ Россію; надъ Воейковымъ учрежденъ былъ «генеральный военный кригсрехтъ». Воейковъ объяснялъ свой побѣгъ тѣмъ, что вошелъ «въ партикулярные долги», о которыхъ узналъ отецъ его, писавшій вахмистру Кавалергардскаго корпуса Арсеньеву; Арсеньевъ пригрозилъ, что Воейковъ будетъ «за тѣ долги при корпусѣ штрафованъ, то, чтобъ не подать своимъ товарищамъ дурныхъ о себѣ мыслей, вышеупомянутую отлучку и сдѣлалъ». Судъ, принявъ во вниманіе, что Воейковъ «въ сіе впалъ отъ несовершеннаго по молодымъ своимъ въ тогдашнее время лѣтамъ», приговорилъ его: «написать до выслуги въ солдаты». Екатерина II положила нижеслѣдующую конфирмацію: «*Воейкова въ учиненномъ побѣгѣ за границу, какъ онъ явился самъ, простить и, выключивъ изъ кавалергардскаго корпуса, опредѣлить въ армейскіе полки въ такое мѣсто, гдѣ бы могъ онъ ревностною службою загладить помянутое преступленіе*»[1]).

Кавалергардъ (въ парадной формѣ) 1764—1796 г.

Въ Февралѣ 1763 года кавалергардъ Сергѣй Мерзятинъ возвращался съ женою домой изъ гостей; у Пречистенскихъ воротъ наѣхалъ на него въ саняхъ парою служившій прежде въ Преображенскомъ полку унтеръ-офицеромъ Логвиновъ и «безо всякой причины билъ ямщичьимъ кнутомъ» жену Мерзятина. Мерзятинъ, «увидя таковую его наглость», остановилъ Логвинова, спрашивая, за что онъ бьетъ его жену напрасно, на что Логвиновъ отвѣчалъ: «знаешь ли ты, я де маіоръ и тебя велю взять подъ караулъ; здѣсь де вся команда моя». Подойдя къ Пречистенскимъ воротамъ, Мерзятинъ обратился къ караульнымъ солдатамъ, «чтобъ они такого озорника взяли подъ караулъ», но солдаты Логвинова не задержали. Во время нападенія Логвинова кто-то изъ собравшейся толпы ограбилъ Мерзятиныхъ: у него отняли «шубу лисью, покрытую сукномъ кофейнымъ», а у жены его сняли съ головы «два платка шелковыхъ, итальянскихъ». По докладу жалобы Мерзятина Императрицѣ Она приказала «дѣло изслѣдовать при Кавалергардскомъ корпусѣ», куда и былъ доставленъ задержанный Логвиновъ. Логвиновъ оказался не маіоромъ, а Кабардинскаго пѣхотнаго полка капитаномъ и при слѣдствіи показалъ, что въ тотъ

---

[1]) Леф. арх., оп. 120, св. 16, № 105; св. 19, № 80; св. 19, д. 88 и 170; оп. 94, св. 43, д. 15.

день онъ ѣхалъ изъ гостей пьяный, и во всемъ призналъ себя виновнымъ кромѣ ограбленія Мерзятиныхъ, говоря, что Мерзятину онъ задѣлъ кнутомъ нечаянно, намѣреваясь ударить ѣдущаго оплошно извозчика; при этомъ Логвиновъ признавалъ себя обязаннымъ выплатить Мерзятинымъ стоимость пограбленныхъ у нихъ вещей. Слѣдствіе было доложено гр. Гендриковымъ Императрицѣ, повелѣвшей: «хотя за оную учиненную обиду и наглостный поступокъ подлежалъ онъ, Логвиновъ, въ силу воинскихъ правъ и неупустительному наказанію, но въ разсужденіи собственнаго его и добровольнаго въ томъ признанія, изъ особливой своей матерней милости Всемилостивѣйше его простить; но чтобъ впредь такихъ наглостей чинить не отваживался, Высочайше повелѣваетъ: посадить его подъ карауломъ на четверы сутки и давать пищу хлѣбъ да воду; и притомъ, чтобъ предписанному поручику и кавалергарду Мерзятину и женѣ его заплатилъ подлежащее за учиненную обиду». Логвиновъ далъ подписку, что ему Мерзятинымъ «надлежащаго безчестія [1]) за недостаткомъ моимъ заплатить нечѣмъ, а крестьянъ мать моя имѣла за собою... 14 душъ, и тѣ съ позволенія ея въ С.-Петербургскомъ Дворянскомъ Банкѣ въ закладѣ въ полуторастахъ рубляхъ», а потому онъ взамѣнъ пограбленныхъ вещей отдавалъ «собственную свою кирейку на мерлущатомъ калмыцкомъ мѣху, да часы золотые съ финифтью, а болѣе я ничего ко удовольствію ему, Мерзятину, дать у себя не имѣю». 9 Мая гр. Гендриковъ доложилъ объ этомъ Государынѣ, и того числа Императрица указала: «содержащагося въ Кавалергардскомъ корпусѣ подъ карауломъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка капитана Ивана Логвинова въ причиненіи имъ поручику и кавалергарду Сергѣю Мерзятину и женѣ его обиды — изъ-подъ караула выпустить, съ тѣмъ, если оный капитанъ Логвиновъ, когда будетъ въ оный Кавалергардскій корпусъ для заплаты реченному Мерзятину и женѣ его за причиненныя обиды въ безчестіи прежде даваемыхъ имъ, Логвиновымъ, ему, Мерзятину, и женѣ его собственныхъ людей семьи да денегъ ста рублей требованъ, то для онаго явиться ему въ Кавалергардскій корпусъ безъ всякихъ отговорокъ непремѣнно; и тѣ семью людей и деньги сто рублей отъ него, Логвинова, оному Мерзятину отданы-бъ были въ скорости безъ всякаго отлагательства» [2]).

Въ 1776 году кавалергардъ Волчковъ подалъ жалобу въ корпусъ на капитана Измайловскаго полка Синявина, который со своимъ родственникомъ, отставнымъ подпоручикомъ Синявинымъ, придя на квартиру къ Волчкову въ непристойной одеждѣ — «въ гребецкомъ платьѣ — и при нихъ 10 человѣкъ гребцовъ», разбудя его, звали «ѣхать съ собою гулять въ таковомъ же платьѣ». Волчковъ не согласился, за что Синявинъ приказалъ повалить его и бить на смерть, причемъ капитанъ Синявинъ все подтверждалъ, «чтобъ не щадили». Человѣкъ Волчкова закричалъ въ окошко на нихъ: «разбой!

---

1) Мерзятину «по окладу его поручичьему въ силѣ Государственныхъ правъ» надлежало получить 360 рублей. — 2) Леф. арх., оп. 120, св. 2, д. 15.

разбой»! «почему уже они и пустили меня изъ рукъ, и я, вырвавшись отъ нихъ, принужденъ былъ выскочить въ окошко, а онъ, Синявинъ, и съ бывшими съ нимъ, вышедъ изъ дому, пѣли по улицѣ пѣсни, и похваляясь, что я отъ его рукъ и впредь никогда не уйду» [1]).

Хозяйство.

Денежное довольствіе.

Денежное довольствіе кавалергарды получали четырехъ видовъ: 1) жалованье, 2) раціоны, 3) денщичьи деньги и 4) порціоны. Размѣры окладнаго жалованья были опредѣленные и зависѣли отъ чина кавалергарда [2]), размѣры раціоновъ также были въ зависимости отъ чиновъ, но кромѣ того какъ этотъ видъ денежнаго довольствія, такъ и денщичьи деньги измѣнялись съ повышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы [3]). Такъ какъ кавалергарды имѣли ранги армейскихъ офицеровъ, а по штатамъ раціоны въ арміи производились не круглый годъ, но внутри Россіи изъ 6-мѣсячнаго разсчета, а «въ Остзеѣ» въ теченіе 7 мѣсяцевъ, то въ 1763 году гр. Гендриковъ ходатайствовалъ предъ Императрицею, чтобы кавалергардамъ во время пребыванія ихъ въ Москвѣ по примѣру того, какъ выдавали лб.-компаніи при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, «раціоны производились, какъ въ Остзеѣ, на 7 мѣсяцевъ». На этотъ докладъ послѣдовала Высочайшая резолюція: «*Быть по сему*» [4]).

Порціонныя деньги выдавались за содержаніе внутренняго караула въ слѣдующихъ размѣрахъ: 50 коп. кавалергардамъ и 20 коп. нижнимъ чинамъ корпуса [5]).

---

1) Леф. арх., оп. 120, св. 15, д. 83. — 2) Мы видѣли, что кавалергарды были росписаны по кавалерійскимъ и пѣхотнымъ полкамъ, но такъ какъ окладъ жалованья драгунскаго капитана противъ карабинернаго ротмистра былъ меньше, а съ другой стороны, кавалерійскимъ офицерамъ противъ пѣхотныхъ полагалось больше раціоновъ, то, чтобы не выходило разницы въ содержаніи кавалергардовъ, Императрица въ 1767 году приказала выдавать всѣмъ кавалергардамъ денежное довольствіе по штатамъ карабинерныхъ полковъ. (Леф. арх., оп. 120, св. 6, д. 25). — 3) Раціоны полагались кавалергардамъ: сек.-маіорскаго ранга — 12 раціоновъ, капитанскаго — 7, поручичьяго — 6. Стоимость раціона въ 1765 году была 90 коп. (Леф. арх., оп. 120, св. 2, д. 13; св. 4, д. 52, 56). — 4) Тамъ же, св. 1, д. 1/7, стр. 40. — 5) Исх. журн., 3 Декабря 1762 г., № 106. — Гр. Гендриковъ отдалъ 1 Іюля 1762 года бывшему лб.-компанцу, сек.-маіору Самсонову, слѣдующее приказаніе: «Сего Іюля 1-го дня Ея И. В. Высочайшимъ своимъ

Большинство кавалергардовъ не имѣло денщиковъ на томъ основаніи, что они владѣли не менѣе 100 душами крестьянъ или въ Остзейскомъ краѣ не менѣе 5-ю гаками, каковымъ денщиковъ не полагалось, и мы видимъ, что денщиковъ требуютъ себѣ только кавалергарды или изъ лб.-компанцевъ, или изъ пожалованныхъ не изъ дворянъ [1]).

25 Іюля 1762 г. гр. Гендриковъ представилъ особый докладъ, въ которомъ писалъ: «...нынѣ я запотребно разсудилъ В. И. В-ву всеподданнѣйше представить, хотя предписанный Кавалергардскій корпусъ и въ маломъ числѣ людей состоитъ, только для довольствія онаго жалованьемъ, мундиромъ, аммуниціею и прочимъ довольная сумма денегъ потребна, то во избѣженіе содержаніемъ онаго на особой суммѣ дальняго убытка и для приращенія Высочайшаго В. И. В-ва интереса не соизволите-ль В. И. В-ва Всевысочайше повелѣть Военной Коллегіи, начавъ отъ вице-вахмистра до нижнихъ чиновъ, росписать по полкамъ, по одному и по два человѣка въ полкъ, въ коихъ и числиться имъ старшинствомъ впредь для перемѣны (производства), а когда они по своему старшинству доходить будутъ къ перемѣнѣ, объ оныхъ Военной Коллегіи сообщать въ Кавалергардскій корпусъ; жалованье-жь на нихъ, не отпуская въ полки, въ которыхъ счисляться имѣютъ, главному Коммиссаріату по третямъ года отдавать въ Кавалергардскій корпусъ. Затѣмъ уже потребна денежная сумма только на одно мундирное и аммуничное строеніе и на мелочные расходы» [2]). Императрица утвердила этотъ докладъ.

Кавалергардъ (во вседневной формѣ) съ 1764 по 1796 г.

изустнымъ указомъ всемилостивѣйше соизволила повелѣть: бывшаго корпуса лейбъ-компаніи чины, которые находились при благополучномъ Ея И. В-ва на всероссійскій Императорскій престолъ восшествіи и нынѣ находятся въ комнатахъ Ея И. В-ва на караулѣ, производить порціонныя деньги изъ оставшей при бывшемъ лейбъ-компаніи корпусѣ суммы. Того ради, въ силу онаго Высочайшаго указа ваше высокоблагородіе извольте порціонныя деньги производить прошедшаго Іюня съ 28-го дня бывшимъ лейбъ-компаніи рядовымъ по 30 копѣекъ, а заротнымъ нижнимъ чинамъ по 20, сторожамъ и профосамъ по 10 коп. въ сутки, по присылаемымъ вѣдомостямъ, записывая въ расходъ съ росписками». (Исх. журн., 1762 г./II, № 1).

1) Леф. арх., оп. 120, св. 4, д. 31. — «Секундъ-маіоры и кавалергарды Петръ Коровинъ, Василій Коленовскій и капитанъ и кавалергардъ Илья Григоровъ, поручики и кавалергарды Андрей Лилигрейнъ, Алексѣй Толкачевъ, Иванъ Дьяковъ поданнымъ въ Кавалергардскій корпусъ доношеніемъ объявляютъ, что имъ по рангамъ ихъ должно имѣть денщиковъ, которыхъ они еще при себѣ не имѣютъ, а крестьянъ за ними нѣтъ, въ чемъ нынѣ имѣютъ крайнія нужды»... (Исх. журн., 1762/II, № 98). — «Данный мнѣ изъ онаго корпуса денщикъ... за имѣніемъ у меня нынѣ собственныхъ людей быть не надобенъ; котораго въ оный корпусъ при семъ и представляю». (Леф. арх., оп. 120, св. 2, д. 17, доношеніе Ивана Дьякова).

2) Тамъ же, св. 1/7, стр. 14.

Офицеры Кавалергардскаго корпуса получали жалованье свое также въ корпусѣ, причемъ гр. А. Гр. Орловъ приказалъ изъ своего оклада отсылать въ Московскій воспитательный домъ по 500 рублей въ годъ [1]).

Вещевое довольствіе.

Мы видѣли, что Екатерина II, вступивъ на престолъ, рѣшила короноваться осенью того же года. Для коронаціи нужны были кавалергарды, нужно было не только набрать ихъ, но и обмундировать, и уже 16 Іюля состоялся Высочайшій указъ: «на вновь учреждаемый Кавалергардскій корпусъ построить новые мундиры [2]). Вслѣдъ за тѣмъ графъ Гендриковъ представилъ Императрицѣ докладъ съ исчисленіемъ расходовъ на Кавалергардскій корпусъ вплоть до коронаціи. Расходы эти показаны были въ размѣрѣ 3968½ рублей, причемъ

---

[1]) Исх. журн., 1765 г., № 68. — «Декабря 5-го дня отъ его высокографскаго сіятельства командующаго Кавалергардскимъ корпусомъ господина Генералъ-Поручика, Е. И. В. дѣйствительнаго Камеръ-Гера, Генералъ-Адъютанта и разныхъ орденовъ кавалера Графа Григорія Григорьевича Орлова полученъ мною словесный приказъ: по прошенію поручика и кавалергарда Ивана Переверзева для его нуждъ изволилъ приказать отдать изъ своихъ денегъ ему заимообразно 300 рублевъ, и чтобъ тѣ деньги у него, Переверзева, вычтены были изъ заслуженнаго его жалованья въ 4 года, при каждой трети по ровному числу, и, вычитая, взносить оныя деньги въ компату его сіятельства. Того ради въ должности комисарской господину капитану и кавалергарду Захарову для вышеприписаннаго исполненія объ ономъ отъ меня въ силѣ сего приказа знать дано. Бригадиръ и Кавалергардіи вахмистръ Петръ Языковъ». («Приказаніе» 1763 г.).

[2]) Исх. журн., 1762 г./II, № 5. — 8 Августа 1762 года Императрица, согласно докладу гр. Гендрикова, указала «всѣмъ Кавалергардскаго корпуса чинамъ имѣть красные изъ пѣтушья перья пле(ю)мажи на шляпахъ..., а оныя перья купить изъ казенныхъ денегъ при первомъ случаѣ и всѣмъ чинамъ раздать». (Приказъ 11 Авг. 1762 г.).—«...сапоги, чтобъ у всѣхъ были изъ аглинской кожи сдѣланы и одного манера съ раструбами, у которыхъ замки были-бъ мѣдные, вызолоченные, на сдѣланіе которыхъ деньги всѣмъ по рукамъ выдать велѣно. — На шляпахъ имѣть каждому банты лентовые, бѣлые, одного калиберу, а перевязку къ пуговицѣ изъ золотаго шнура; пуговицу — мѣдную, вызолоченную, и чтобъ у тѣхъ шляпъ поля были пришиты порядочно и однимъ манеромъ; темляки на шпагахъ имѣть однокалиберные, которые искупить здѣсь съ опробаціи моей. — Галстухи имѣть черные, волосяные съ обшивкою чистаго бѣлаго полотна, а перчатки замшеныя, одинакія съ лосинными обшлагами и съ позументомъ по показанному образцу. — У кафтановъ полы всегда-бъ были заворочены и застегнуты крючками». (Приказъ 8 Авг. 1762 г.; Леф. арх., оп. 120, св. 1, № 9). — «Во время Высочайшихъ Ея И. В-ва впредь случающихся выходовъ будущимъ за Ея И. В-вомъ чинамъ Кавалергардскаго корпуса непремѣнно должно имѣть сверхъ кафтана и суперверса сертуки суконные зеленые съ алыми разрѣзными обшлагами, и съ низу на обшлагахъ чтобъ было по три пуговицы, равнымъ образомъ, какъ лб.-гв. пѣхотныхъ полковъ у оберъ-офицеровъ». (Приказъ 11 Августа 1762 г.) — «Его высокографское сіятельство... гр. И. С. Гендриковъ изволилъ словесно приказать: усмотрѣно его с-вомъ — при комнатѣ Ея И. В-ва на караулѣ у кавалергардовъ сапоги безъ раструбовъ, которымъ подтвердить приказать соизволилъ, чтобъ оные кавалергарды впредь на караулъ выходили въ сапогахъ съ раструбами; а ежели и засимъ усмотрѣны будутъ, за то оные неотмѣнно штрафованы будутъ». («Приказанія» 2 Февр. 1763 г.).—Е. И. В. соизволила указать «чинамъ Кавалергардскаго корпуса, состоящимъ въ армейскихъ штабъ- и оберъ-офицерскихъ рангахъ, считая съ вахмистра, какъ нынѣ въ комплектѣ служащимъ, такъ же и впередъ въ комплектъ на ваканціи опредѣляемымъ, на первый случай построить мундиры изъ казны, кафтаны васильковые суконные съ алыми обшлагами, воротниками и лацконами суконными жь, камзолы и штаны алые суконные, равно какъ въ полкахъ кавалерійскихъ штабъ- и оберъ-офицеры имѣютъ, и къ онымъ шляпы съ золотымъ широкимъ городчатымъ позументомъ, также и протупеи съ золотымъ же позументомъ. И на сдѣланіе оныхъ, и на внутренній прикладъ каждому выдать денегъ по шести рублевъ, а впередъ чтобы оные, всѣ предписанные чины имѣли отъ себя; и объ ономъ Высочайшемъ Е. И. В. повелѣніи въ Кавалергардскомъ корпусѣ всѣмъ чинамъ объявить, и на сдѣланіе же всего того потребныя вещи и деньги принимать у капитана кавалергарда Захарова, и на крѣпко подтверждается, чтобы у всѣхъ означенныхъ чиновъ мундиры новые съ шляпами и протупеями къ наступающему празднику Святыя Пасхи были непремѣнно готовы». (Приказъ 2 Апр. 1764 г.).

Гендриковъ указывалъ, что сумму эту можно сократить на 1012 руб., если будетъ разрѣшено вмѣсто постройки новыхъ конскихъ уборовъ взять тѣ, которые были заготовлены на «Голштинскіе полки». Императрица противъ этого мѣста доклада написала: «*Графу Гендрикову провѣдать, въ Ораніенбаумѣ ли оные уборы или не отосланы ли въ Военную Коллегію*» [1]).

Въ Апрѣлѣ 1764 г. гр. Гендриковъ представилъ Императрицѣ докладъ о необходимости «построить чинамъ Кавалергардскаго корпуса для всегдашняго употребленія суперверсты съ принадлежащею къ нимъ аммуниціею». Обмундированіе строилось на 65 человѣкъ, и по смѣтѣ испрашивалось 10.153 р. 87½ коп. [2]). Императрица положила резолюцію: «*Быть по сему, а деньги Адамъ Васильевичъ* [3]) *имѣетъ отпускать изъ Кабинетной суммы*». Чрезъ годъ (въ Мартѣ 1765 года) приступлено было къ постройкѣ *парадной* Кавалергардской аммуниціи. Мы не можемъ указать стоимости ея, но на изготовленіе ея было принято съ Монетнаго двора 15 фунтовъ золота и 50 пуд. серебра [4]).

Денежными и вещевыми довольствіями завѣдывалъ коммиссаръ, избиравшійся всѣми кавалергардами за ихъ общей отвѣтственностью [5]).

---

1) Въ вышеуказанномъ докладѣ численность корпуса принята въ 69 человѣкъ. На шитье мундировъ положено «противъ прежняго примѣру» 5 рублей, за сапоги по 8 руб.; деньги эти были выданы на руки кавалергардамъ. (Леф. арх., оп. 120, св. 1, стр. 2 и слѣд.; Исх. журн., 1762 г., № 25).

2) Стоимость пары гербовъ на супервестъ — 50 руб. Полный уборъ на «кавалергарда» показанъ въ 151 р. 77½ коп., а на унтеръ-офицера и капрала — по 138 р. 62½ к. (Леф. арх., св. 1, д. 1/7, 55).

3) А. В. Олсуфьевъ. — За провозъ этой суммы отъ Соляной конторы заплачено гребцамъ 5 р. 50 к. (Тамъ же, св. 3, д. 55).

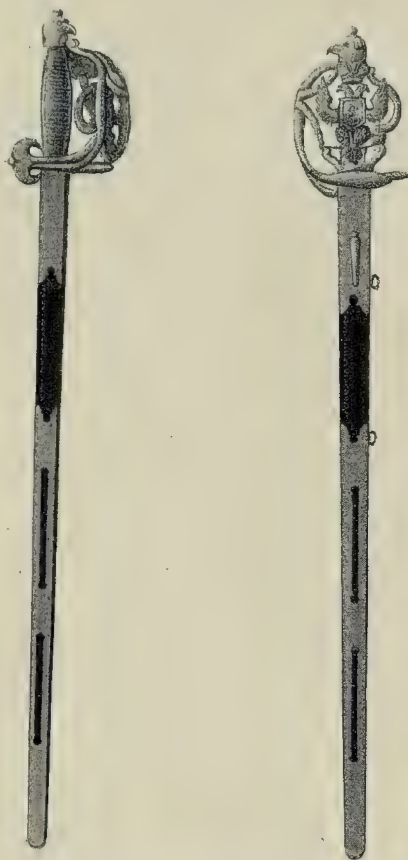
4) Тамъ же, св. 4, д. 40. — Насколько вообще стоило большихъ денегъ кавалергардское обмундированіе, можно видѣть изъ того, что въ 1767 году отъ продажи стараго обмундированія и аммуничныхъ вещей, «неспособныхъ больше ко употребленію», выручено на торгахъ 2524 рубля. (Тамъ же, св. 6, д. 23).

5) «1765 года Января 27 дня мы, нижеподписавшіеся, выбрали съ общаго согласія Ея Императорскаго Величества въ Кавалергардской корпусъ въ должность коммисарскую къ содержанію Е. И. В-ва денежной казны и пріему оной изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ на жалованье и на прочія Кавалергардскаго корпуса потребности и къ расходу оной, также къ приходу и расходу аммуничныхъ кавалергардскихъ и прочихъ вещей и конскихъ уборовъ, — офицера честнаго, добраго, достаточнаго и къ оной должности способнаго, господина поручика и кавалергарда Василія Алексѣева сына Шулгина, который имѣется изъ дворянъ, изпомѣщенъ въ Новгородскомъ уѣздѣ, крестьянъ за собой по нынѣшней ревизіи имѣетъ 10 душъ; въ чемъ мы ему, господину Шулгину, будучи въ оной должности, какъ честному и доброму офицеру во всемъ вѣримъ, и ежели что жь противъ своей присяги и чести офицерской въ должности учинитъ какую въ казнѣ, также и аммуничныхъ вещахъ и конскихъ уборахъ утрату, за то повиненъ онъ, господинъ поручикъ и кавалергардъ Шулгинъ, военнаго суда, а мы, нижеподписавшіеся, должны по силѣ законовъ за то отвѣтствовать; чего ради подъ симъ своеручно и подписались». (Тамъ же, св. 4, д. 7).

Квартирное довольствіе.

По учрежденіи Кавалергардскаго корпуса положены были кавалергардамъ квартирныя деньги, но по прибытіи корпуса въ Москву оклады оказались слишкомъ незначительны, и ихъ пришлось увеличить на 30–50%. Расквартировать же корпусъ въ Лефортовскомъ домѣ не было возможности вслѣдствіе его неисправности, и въ немъ удалось только помѣстить цейхгаузъ [1]). Кавалергардамъ же предписано было нанять себѣ квартиры вблизи Головинскаго дворца, гдѣ имѣла мѣстопребываніе Императрица [2]).

По возвращеніи Двора въ Петербургъ для жительства кавалергардовъ не было отведено казеннаго помѣщенія, а имъ выдавались квартирныя деньги; даже для канцеляріи и цейхгауза приказано было нанять помѣщеніе «съ каменной палаткою въ улицахъ Милліонной Луговой (Малая Милліонная), Большой или Малой Морскихъ или около Гостинаго двора», но и этого не удалось сдѣлать: во-первыхъ, по близости не было подходящихъ помѣщеній, во-вторыхъ, домовладѣльцы требовали слишкомъ дорого (500 р.), а потому подъ канцелярію и для житья нижнихъ чиновъ приказано было отвести 4 комнаты въ одномъ изъ казенныхъ домовъ близь Зимняго Дворца [3]). Выборъ палъ на «Старый Зимній домъ», гдѣ канцелярія помѣщалась до 1765 года, когда была выведена въ наемное помѣщеніе въ домѣ Демидова по Большой Милліонной Улицѣ съ платою по 16 рублей въ мѣсяцъ [4]).

Кавалергардскіе палаши съ 1764 по 1796 г.

Въ 1767 году въ Москвѣ даже канцелярію и цейхгаузъ нельзя было расположить въ Лефортовскомъ домѣ, а подъ нихъ былъ нанятъ по близости, въ Нѣмецкой слободѣ, близь Головинскаго моста домъ полк. Штока за 600 р. въ годъ [5]).

---

[1]) Въ мѣсяцъ: вахмистру — 10 (15 р.), вице-вахмистру — 8 (10 р.), капраламъ и вице-капраламъ — 6 (8 р.), кавалергардамъ — 4 (6 р.); на наемъ покоевъ подъ канцелярію и для житья нижнимъ чинамъ 16 р., всего на квартирное довольствіе требовалось 5460 р. въ годъ. (Тамъ же, св. 1, д. 1/7, 35 и 36; Исх. журн., 1762 г./II, №№ 54, 57, 102. — [2]) «Сек.-маіорамъ и кавалергардамъ Чупреянову и Извѣкову объявить, чтобъ они имѣли по близости Головинскаго дворца квартиры, не далѣе, какъ по Покровкѣ и Басманной улицамъ, а изъ тѣхъ, гдѣ нынѣ живутъ — переѣзжали». (Приказаніе 2 Февр. 1763 г.). — [3]) Исх. журн., 1762 г., №№ 34, 46, 64. — [4]) Леф. арх., оп. 120, св. 4; Исх. журн., 1765 г., № 8. — Въ Петербургѣ канцелярія помѣщалась: въ 1768 г. по Хамовой (Моховой) ул., въ д. Вихляевыхъ; въ 1772 г. на Невскомъ, въ д. Басалаева; въ 1774 г. опять въ домѣ Вихляевыхъ. (Леф. арх., оп. 120, св. 7, д. 11; св. 11, д. 12; св. 13, д. 92). — [5]) Тамъ же, св. 6, д. 34, 39.

Расходы по содержанію корпуса выражались въ ежегодной суммѣ 12–14 т. рублей, не считая постройки мундировъ [1]).

[1]) «По сообщенію изъ оной конторы съ требованіемъ о присылкѣ въ оную, сколько изъ положенной на
Кавалергардскій корпусъ на будущій 1775 годъ суммы въ Москвѣ на командируемыхъ и оставшихъ здѣсь въ
С.-Петербургѣ потребно въ годъ и на треть денежной казны, извѣстія — Кавалергардскій корпусъ симъ увѣдо-
мляетъ, что въ присутство Ея Императорскаго Величества оный корпусъ какъ предъ симъ находился, такъ
уповательно и нынѣ быть имѣетъ весь въ Москвѣ, и по состоянію нынѣ въ ономъ корпусѣ чиновъ и нижнихъ
служителей, которые получаютъ жалованье полное изъ Статсъ конторы, слѣдуетъ всѣмъ онымъ по положен-
нымъ 'ихъ рангамъ и окладамъ денежной суммы въ треть 4270 рублей 24½ коп., а въ годъ 12810 рубл.
72½ коп., а сколько сверхъ онаго числа суммы потребно для канцеляріи онаго корпуса, то-есть на бумагу,
сургучъ, свѣчи, дрова и прочее, точнаго числа денегъ предписать не можно; а по бытности корпуса въ
1767 году въ Москвѣ на оные расходы въ годъ вышло суммы 515 руб. 96½ коп». (Исх. журн., 1774 г., № 137).
—«По вновь учиненному въ экспедиціи о государственныхъ доходахъ росписанію съ 781 года назначено полу-
чать Кавалергардскому корпусу, кромѣ шефа, который получаетъ жалованье по чину его по большему окладу
изъ артиллеріи, на жалованье поручику, вахмистру, капраламъ и прочимъ чинамъ и на расходы противъ
1779 года 4475 рублевъ 49½ коп.». (Приказъ 1781 г., № 2).

Группа кавалергардовъ XVIII ст., съ акварели К. Пиратскаго, находящейся въ Гатчинскомъ Дворцѣ.

Глава III.

«Россійское солнце погасло: Екатерина Великая во гробѣ, душою въ небесахъ! Павелъ Первый воцарился. Никто не ожидалъ сей внезапной перемѣны. Кроткое и славное Екатеринино царствованіе, тридцать четыре года продолжавшееся, такъ усыпило, что, казалось, оно, какъ бы какому благому и безсмертному божеству порученное, никогда не кончится. Страшная вѣсть о смерти ея, не предупрежденная никакою угрожающею опасностью, вдругъ разнеслась и поразила сперва столицу, а потомъ и всю обширную Россію» [1]).

«Я помню всеобщее оцѣпенѣніе; я помню, какъ сквозь слезы поздравляли другъ друга съ новымъ Государемъ; помню изъявленіе надежды, что онъ будетъ милосердъ къ своимъ подданнымъ, тогда какъ печальные взоры говорили всѣмъ противное. Молва заносила къ намъ вѣсти о его раздражительномъ и слабомъ характерѣ, по коему онъ невольно покорялся той, предъ коею всѣ смирялись; намъ разсказывали о его странностяхъ, о его мрачномъ житьѣ въ Гатчинѣ, среди лѣса и болотъ, въ семъ Минтурнѣ, гдѣ онъ помышлялъ о мести. Многіе видѣли въ немъ жертву, но жертву озлобленную, и при имени его чувство состраданія сливалось съ какимъ-то ужасомъ. Онъ явился на

---

1) Зап. Шишкова, I, 9.

тронѣ, и Россія въ безмолвіи, съ благоговѣніемъ и трепетомъ преклонила колѣна предъ сыномъ Екатерины и правнукомъ Петра» [1]).

Въ 12 часовъ ночи съ 6 на 7 Ноября состоялся большой выходъ въ Дворцовую церковь на присягу Императору Павлу.

Въ тотъ же день въ 11 часу утра Павелъ I присутствовалъ при первомъ вахтъ-парадѣ (разводѣ съ церемоніей). «Съ этого дня вахтъ-парадъ пріобрѣлъ значеніе важнаго государственнаго дѣла и сдѣлался на многіе годы непремѣннымъ ежедневнымъ занятіемъ русскихъ самодержцевъ» [2]).

Аракчеевъ, назначенный въ тотъ же день комендантомъ г. Петербурга, явился главнымъ блюстителемъ разводовъ, и при первомъ же случаѣ грубые пріемы его обнаружились въ полномъ блескѣ: конной гвардіи первой пришлось ознакомиться со всѣми прелестями его цвѣтистой рѣчи, услышавъ изъ устъ его поощреніе, выраженное гнусливымъ голосомъ въ грозныхъ словахъ: «что же вы, ракаліи, не маршируете! Впередъ, маршъ!» [3]).

10 Ноября гатчинскія войска, вызванныя въ Петербургъ, торжественно вступили въ столицу. Когда войска вошли въ *алиніеманъ* (выстроили фронтъ) на Дворцовой площади, Императоръ сказалъ имъ: «Благодарю васъ, мои друзья, за вѣрную мнѣ вашу службу, и въ награду за оную вы поступаете въ гвардію, а господа офицеры чинъ въ чинъ». Впечатлѣніе, произведенное среди гвардіи этимъ повелѣніемъ, было потрясающее. «Съ печалью мы должны были считать ихъ своими товарищами», говоритъ конногвардеецъ Комаровскій,

---

1) Зап. Вигеля, I, 74. — «6 Ноября скончалась Екатерина, воцарился Павелъ, и ...весь Петербургъ и вся Россія опрокинулись вверхъ дномъ». (Зап. Греча въ Р. Арх., 1873 г., 334). — «A Riga j'appris la nouvelle accablante de la mort de l'Impératrice Catherine. Tout l'empire fut consterné. L'Empereur Paul monta sur le trône au milieu d'une terreur générale». («Mémoires et confessions du général baron W. de Löwenstern», I, л. 23; рукопись; Соб. Е. В. библіот., 116—1—5). — «Императору было 42 года, когда онъ взялъ въ руки бразды правленія... Можетъ быть онъ спѣшилъ царствовать послѣ его полнѣйшей ничтожности въ дѣлахъ государственныхъ... Жестокій опытъ его ничему не научилъ. Онъ только испортилъ его характеръ и побудилъ его на разныя необузданности. А между тѣмъ у него были самые счастливые задатки сердца и ума, которые только могутъ выпасть на долю неограниченнаго властелина». (Зап. Рунича, Р. Обозр., 1890/VIII, 653).

2) Шильдеръ, «Императоръ Александръ I», I, 140.

3) «Когда мы привезли штандарты (послѣ присяги) во дворецъ, было уже довольно свѣтло. Аракчеевъ ожидалъ насъ на площади передъ дворцомъ. Спѣшились вахмистры со штандартами, и начались намъ, т.-е. штандартоносцамъ, отъ Аракчеева, съ помощью Ратькова, поученія и наставленія: какъ держать штандартъ, какъ заходить, какъ подать штандартъ Государю. Каждое слово поученія... желчный Аракчеевъ добавлялъ оскорбительными для насъ и никогда не слыханными выраженіями; адъютанта полковаго вертѣлъ и толкалъ, какъ лакея... Аракчеевъ скомандовалъ: «маршъ»! и, т. к. новыхъ командныхъ словъ не было еще объявлено, мы съ мѣста не шевелились, не понимая, намъ ли онъ командовалъ; при томъ же Аракчеевъ скомандовалъ: «штандартъ-юнкера впередъ, маршъ»! Такого званія, т.-е. штандартъ-юнкера, въ полку не существовало, но... Аракчеевъ за такое наше непонятіе и неисполненіе его приказанія благоволилъ произвести насъ въ новое званіе, въ новый чинъ, закричавъ во все горло съ клубящеюся пѣною у рта: «Что-жь вы, *ракаліи,* не маршируете! Впередъ, маршъ»! Мы двинулись со словомъ: «маршъ!», понявъ, что оно замѣнило команду: «ступай!». (Зап. А. М. Тургенева; рукопись). — «Въ войскахъ введены были: новый уставъ, новые чины, новый образъ ученія, даже новыя командныя слова, составленныя изъ французскихъ реченій съ русскимъ склоненіемъ (вмѣсто «къ ружью» — «вонъ!», вмѣсто «ступай» — «маршъ», вмѣсто «заряжай» — «шаржируй»), и новые, наконецъ, мундиры и обувь по образцу старинному, еще временъ голштинскихъ герцоговъ». (И. И. Дмитріевъ, «Взглядъ на мою жизнь», II, 148). «Смѣялись надъ нелѣпымъ «*вонъ!*» (heraus), которое должно было вытѣснить прекрасное русское: «*къ ружью!*». (Зап. Греча, Р. Арх., 1873 г., 674).

«иначе и быть не могло, ибо эти новые товарищи были не только безъ всякаго воспитанія, но многіе изъ нихъ развратнаго поведенія; нѣкоторые даже ходили по кабакамъ, такъ что гвардейскіе наши солдаты гнушались быть у нихъ подъ командою» [1]). — «Что за офицеры! Какія странныя лица! И какъ странно они говорили!», говоритъ другой современникъ, Саблуковъ, «всѣ они были малороссы. Легко представить себѣ впечатлѣніе, произведенное всѣмъ этимъ на общество изъ 132 офицеровъ, принадлежащихъ къ лучшему русскому дворянству. Всѣ новые порядки и новые мундиры подверглись свободному разбору и почти *всеобщему осужденію.* Но мы вскорѣ убѣдились, что о каждомъ словѣ, произнесенномъ нами, *доносилось*, куда слѣдуетъ» [2]). Въ первые 24 часа послѣ смерти Императрицы роскошный, пышный Дворъ ея преобразился въ огромную кордегардію. Отъ появленія гатчинскихъ любимцевъ въ Зимнемъ дворцѣ «тотчасъ все пріяло другой видъ: загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки и, будто по завоеваніи города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ» [3]).

Аллегорическое изображеніе кончины Екатерины II и восшествія на престолъ Павла I, съ офорта Т. Ф. Мейль. (Собр. П. Я. Дашкова).

«Я вошелъ въ залу», говоритъ А. С. Шишковъ, «и столько же пораженъ былъ удивленіемъ, сколько удрученъ печалью. Перемѣна сія была такъ велика, что не иначе показалась мнѣ, какъ бы непріятельскимъ нашествіемъ. Дворецъ наполненъ былъ множества разнаго рода людей, стоявшихъ неподвижно, съ изображенною на лицахъ скорбію и безпокойствомъ. Весь прежній блескъ, вся величавость Двора исчезли. Вездѣ въ немъ и вокругъ него появились солдаты съ ружьями. Знаменитѣйшія особы, первостепенные чиновники, управлявшіе государственными дѣлами, стояли, какъ бы лишенные уже должностей своихъ и званій, съ поникнутою головою, непримѣтны въ толпѣ народной. Люди малыхъ чиновъ, о которыхъ день тому назадъ никто не помышлялъ, никто почти не зналъ ихъ, — бѣгали, повелѣвали, учреждали... Удивленный, смущенный отъ всего того, что глазамъ моимъ представлялось, возвратился я домой съ печальными мыслями и сокрушеннымъ сердцемъ» [4]).

Началась безпощадная ломка всего созданнаго Екатериной, ломка ради ломки, ради того, чтобы уничтожить даже память о ней! «Все пошло на прусскую стать, мундиры, большіе сапоги, длинныя перчатки, высокія треуголь-

---

[1]) Зап. Комаровскаго, Р. Арх., 1867 г., 228. — [2]) Зап. Саблукова, Р. Арх., 1869 г., стр. 1886. — [3]) Державинъ, VI, 701. — «При Екатеринѣ офицеры Гатчинскаго отряда никогда не допускались въ Зимній дворецъ». (Воспом. г.-м. Сигунова, Р. Стар., 1870 г./III, 272). — [4]) Шишковъ, I, 9 и 10.

ныя шляпы, усы, косы, пукли, ордонансъ-гаузы, экзерциръ-гаузы, шлагбаумы и даже крашеніе, какъ въ Берлинѣ, пестрою краскою мостовъ, будокъ и проч. Сіе уничтожительное подражаніе пруссакамъ напоминало забытыя времена Петра III. Къ сему присовокуплялись еще и другія нѣкоторыя тревоги, какъ-то ежедневное въ городѣ безпокойство, причиняемое частыми выѣздами Императора, требовавшаго, чтобъ всѣ мужчины и женщины при встрѣчѣ съ нимъ останавливались и выходили изъ своихъ повозокъ и каретъ. Отъ сего происходили многія, иногда смѣшныя, иногда жалкія приключенія. Всѣ сіи новости подавали поводъ къ разнымъ пересказамъ, шепотамъ и толкамъ, сопровождаемымъ огорчительными и насмѣшливыми улыбками» [1]).

Въ общей ломкѣ не могъ уцѣлѣть и «Ея Императорскаго Величества Кавалергардскій корпусъ». Уже 11 Ноября состоялся слѣдующій Высочайшій приказъ: «Генералъ графъ Мусинъ-Пушкинъ назначается шефомъ Кавалергардскаго корпуса, о сформированіи котораго полное повелѣніе дано оному Мусину-Пушкину, которому и дается подполковникъ Давыдовъ въ Штабы» [2]). Выборъ Павла I остановился на гр. Валентинѣ Платоновичѣ Мусинѣ-Пушкинѣ, вѣроятно, на томъ основаніи, что, во-первыхъ, когда въ 1794 году Императрица объявила Совѣту намѣреніе «устранить сына своего Павла отъ престола, ссылаясь на его нравъ и неспособность, и весь Совѣтъ готовъ былъ покориться сему намѣренію, остановилъ его гр. В. П. Мусинъ-Пушкинъ, сказавъ, что нравъ и инстинкты Наслѣдника, когда онъ сдѣлается Императоромъ, могутъ перемѣниться; и замѣчаніе сіе остановило намѣреніе Екатерины объявить наслѣдникомъ внука своего, Александра» [3]); во-вторыхъ, гр. Мусинъ-Пушкинъ всегда старался смягчать отношенія, существовавшія между Императрицею и ея сыномъ. Давыдовъ, назначенный «штабомъ», т.-е. помощникомъ шефа, былъ «гатчинецъ», наканунѣ только поверстанный «чинъ въ чинъ» въ конную гвардію [4]).

Съ учрежденіемъ новаго корпуса кавалергардовъ старый, Екатерининскій, не былъ тотчасъ же распущенъ; подобно тому, какъ Петръ III поступилъ съ Лб.-Компаніей, Кавалергардскому корпусу дали отслужить послѣднюю службу своей Государынѣ: кавалергарды содержали ежедневный караулъ при тѣлѣ скончавшейся Императрицы. До 15 Ноября тѣло Императрицы находилось въ опочивальнѣ. 15 Ноября оно было перенесено «изъ почивальной въ тронную

---

[1]) Шишковъ, I, 12. — [2]) Леф. арх.; Высоч. Приказы 1796 г.—Съ 11 Ноября 1796 г. поэтому и слѣдуетъ считать кн. Зубова уволеннымъ отъ званія шефа кавалергардовъ. — [3]) Зап. Рунича. — [4]) «Ордеръ. — Кавалергардскихъ эскадроновъ штабу господину полковнику и кавалеру Давыдову. — Какъ Вы въ сихъ эскадронахъ состоите старшимъ, то и поручилъ я Вамъ имѣть надъ оными начальство; вслѣдствіе чего и предписалъ я тѣмъ эскадронамъ, чтобъ они обо всякихъ по службѣ надобностяхъ относились къ Вамъ, и въ случаѣ каковаго либо во оныхъ эскадронахъ по Вашимъ приказаніямъ исполненія — дѣлали оное съ совершеннымъ поспѣшеніемъ и точностію. Вамъ же, поручивъ такимъ образомъ начальство, рекомендую обо всемъ доносить мнѣ и неиначе дѣлать исполненіи обо всякихъ надобностяхъ, въ тѣхъ эскадронахъ быть долженствующихъ, какъ съ моего приказанія; въ прочемъ я надѣюсь, что Вы по знанію службы и расторопности не оставите соблюсти въ тѣхъ эскадронахъ совершенный во всемъ порядокъ. Января 12 дня 1797 года. Графъ Мусинъ-Пушкинъ». (Леф. арх., оп. 120, св. 75, д. 197).

Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, шефъ Кавалергардовъ, съ 11 Ноября 1796 по 21 Сентября 1797 г., съ акварели Э. Гау.

комнату на парадную кровать, поставленную на тронѣ», причемъ въ головахъ кровати находились «на часахъ лейбъ-гвардіи капитанъ и кап.-поручикъ... нѣсколько шаговъ отступя, по обѣ стороны вдоль около кровати — шесть кавалергардовъ съ карабинами на плечѣ; равномѣрно у обѣихъ дверей, у каждой

по два кавалергардскихъ часовыхъ внутри комнаты, а въ Кавалергардской комнатѣ остались тѣ-же часовые» [1]).

Петръ Ѳеодоровичъ былъ, какъ извѣстно, похороненъ въ Невской лаврѣ. Вступивъ на престолъ, Павелъ I не только рѣшился перенести тѣло отца своего въ Петропавловскій соборъ, но придать этому событію вполнѣ видъ погребенія коронованнаго Императора. «За государственными, хранимыми въ Москвѣ регаліями отправленъ особливый отрядъ кавалергардовъ. Взятіе и вывозъ оныхъ изъ сей древней столицы происходилъ съ великою и пышною церемоніею. Для отвоза и положенія оныхъ сдѣланъ былъ особливый длинный и драгоцѣнною матеріею обшитый ящикъ, и повезли его покрытый драгоцѣнною парчою, при охраненіи скачущихъ по обѣимъ сторонамъ, и спереди и сзади, многихъ кавалергардовъ во всемъ ихъ пышномъ убранствѣ» [2]). 19 Ноября тѣло Петра Ѳеодоровича было вынуто изъ могилы и переложено въ новый «великолѣпный, золотымъ глазетомъ обитый гробъ». 25 Ноября въ 7 часовъ утра особо изготовленная корона была въ торжественномъ поѣздѣ перевезена въ лавру. Корону несъ вице-канцлеръ кн. Куракинъ, «имѣя ассистентовъ по сторонамъ, а, отступя отъ нихъ, четыре кавалергарда, по два на сторонѣ». За короною шелъ самъ Императоръ. Когда кн. Куракинъ съ короной и ассистентами помѣстился въ особо приготовленную карету, то по сторонамъ ея ѣхали, за неимѣніемъ конныхъ кавалергардовъ, четыре офицера конной гвардіи [3]). «Пріѣхавъ къ святымъ воротамъ», читаемъ въ церемоніалѣ, «отъ воротъ до церкви идутъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и во дворцѣ, и потому быть у воротъ, если не будетъ кавалергардовъ верхами, изъ караула Невскаго монастыря для ассистенціи короны четыремъ

---

1) Гр. С. Д. Шереметевъ, «Дежурства при Императрицѣ Екатеринѣ II», Спб., 1896 г., стр. 37—39.— Въ «Описаніи кончины... Екатерины II» (Спб., 1895 г.) сказано, что «при тѣлѣ учреждено дежурство и... по бокамъ трона на обѣихъ сторонахъ по *четыре* кавалергарда въ богатомъ уборѣ съ карабинами» (стр. 20 и 21).— Кавалергардскій корпусъ состоялъ къ кончинѣ Екатерины II изъ 1 вахмистра, 5 унт.-офицеровъ и 56 кавалергардовъ, и на нихъ отпущено Печальной Коммисіей флера по $8^1/_2$ арш. на каждаго. (Моск. арх. М. Юст., кн. Сен. 7476, лл. 98 и 99; кн. Сен. 7477, л. 29).—«У всѣхъ означенныхъ кавалергардовъ будетъ флеръ на шишакахъ, на рукахъ и на шпагахъ въ назначенные дни для переносу тѣла и въ торжественные праздники, если оные случатся, а въ будни быть кавалергардамъ въ вседневныхъ мундирахъ и въ такомъ случаѣ уже имѣть имъ флеръ на шляпахъ, на рукѣ и на шпагѣ... Кавалергардская комната обита будетъ вся чернымъ, равномѣрно полъ и потолокъ...». (Шереметевъ, «Дежурства», 39).

2) Болотовъ, 729. — «О начальникѣ московскомъ, престарѣломъ г. Измайловѣ, носилась молва, что онъ до безконечности испуганъ былъ неожиданнымъ пріѣздомъ сихъ кавалергардовъ, подумавъ, что они присланы были за нимъ изъ Петербурга, и насилу отдохнулъ, узнавъ, зачѣмъ они были присланы». (Тамъ же, 730).— Императоръ Павелъ тотчасъ же по вступленіи на престолъ вытребовалъ хранившіяся въ Москвѣ регаліи. Онѣ были доставлены ст. сов. Львовымъ подъ конвоемъ кавалергардовъ. Затѣмъ вторично были отправлены въ Москву 15 Ноября кавалергарды Звягинъ и Скориковъ, которые привезли съ собою какъ предметы, употреблявшіеся при вѣнчаніяхъ царей, такъ и предметы коронаціонной утвари, не захваченные Львовымъ. Оставивъ Императорскія регаліи для коронованія въ гробу смертныхъ останковъ Петра Ѳеодоровича, Павелъ I отправилъ все остальное 27 Ноября къ Измайлову въ Москву «подъ конвоемъ двухъ кавалергардовъ». Нельзя не обратить вниманія на то, что въ рескриптѣ къ Измайлову, отъ 15 Ноября, цѣлью истребованія регалій было указано: «для приготовленія къ будущей коронаціи Нашей». (Р. Арх., 1876/I, 6 и 7).

3) Въ церемоніалѣ сказано: «если нѣтъ кавалергардовъ,—четыре офицера конной гвардіи верхами» (Шереметевъ, «Дежурства», 43—45).

кавалергардамъ» [1]). Павелъ I собственноручно возложилъ корону на гробъ своего отца.

Въ тотъ же день, въ полдень ровно, въ Зимнемъ дворцѣ состоялось «съ тою же церемоніей, съ какою въ 8 часовъ по утру надѣвать будетъ корону Его Императорское Величество на Великаго Государя Императора Петра Ѳеодоровича..., перенесеніе короны, которую соизволитъ надѣвать на главу покойной Государыни — Ея Императорское Величество».

Того же числа въ 4 часа дня состоялось перенесеніе тѣла Екатерины II изъ «тронной комнаты» въ «траурную залу» по нижеслѣдующему церемоніалу: «Знатное духовенство соберется въ облаченіи въ тронную комнату; обоего пола придворные..., кои входъ имѣютъ за кавалергардовъ, — въ дежурную кавалерскую комнату Его И. В-ва, а прочіе — въ кавалергардскую». Затѣмъ, по приказанію Государя, особы, назначенныя для перенесенія регалій, берутъ оныя и въ предшествіи фурьеровъ, церемоніймейстеровъ и гофмаршаловъ переносятъ ихъ въ траурную залу. Въ процессіи младшія регаліи несутся впереди, причемъ «отъ перваго регалія до послѣдняго по обѣ стороны идутъ кавалергарды». За регаліями шелъ Императоръ съ Императрицей и членами Императорской фамиліи и за ними весь остальной Дворъ. «При входѣ церемоніи въ траурную залу, уже разставлены будутъ напередъ командированные къ тѣлу гвардіи офицеры, кавалергарды, пажи и камеръ-пажи, а именно: на верхней площадкѣ катафалка — 4 гвардіи офицера, пажи и камеръ-пажъ, а на нижней галлереѣ катафалка — двѣнадцать кавалергардовъ съ карабинами на плечѣ и, какъ уже выше сказано, въ предписанномъ траурѣ». Затѣмъ Ихъ Величества со всѣмъ Дворомъ вновь возвратились въ тронную комнату, гдѣ по совершеніи литіи тѣло было положено въ гробъ и въ торжественной процессіи перенесено въ траурную залу [2]). Въ траурной залѣ «все было обтянуто чернымъ. Блестящій огонь въ каминѣ освѣщалъ эту комнату скорби. Кавалергарды съ ихъ красными колетами и серебряными касками размѣстились группами, или облокотившись на свои карабины, или отдыхая на стульяхъ... Вокругъ катафалка горѣло шесть лампадъ, а на ступеняхъ, оперишсь на свое оружіе, стояли кавалергарды» [3]), несшіе теперь свою послѣднюю службу своей Государынѣ и благодѣтельницѣ.

2 Декабря жителямъ Петербурга представилось необыкновенное зрѣлище, которое еще недавно не представилось бы самому смѣлому воображенію [4]): изъ Невскаго монастыря потянулась въ Зимній дворецъ печальная процессія съ останками Петра Ѳеодоровича... По прибытіи шествія во дворецъ гробъ Петра Ѳеодоровича былъ внесенъ въ траурную залу и поставленъ на катафалкѣ рядомъ съ гробомъ Екатерины II! «Посреди залы воздвигнутъ былъ

---

[1]) Въ Невской лаврѣ поставленъ былъ «караулъ — у тѣла — изъ кавалергардовъ, а на дворѣ — гвардейскій». (Описаніе кончины Екатерины II, 22). — [2]) Шереметевъ, «Дежурства», 41, 45—48. — [3]) Изъ записокъ гр. В. Н. Головиной, Р. Стар., 1896/XI, 476 и 477. — [4]) Шильдеръ, I, 146.

Катафалкъ Петра III и Екатерины II въ Зимнемъ Дворцѣ, съ акватинта Майера.

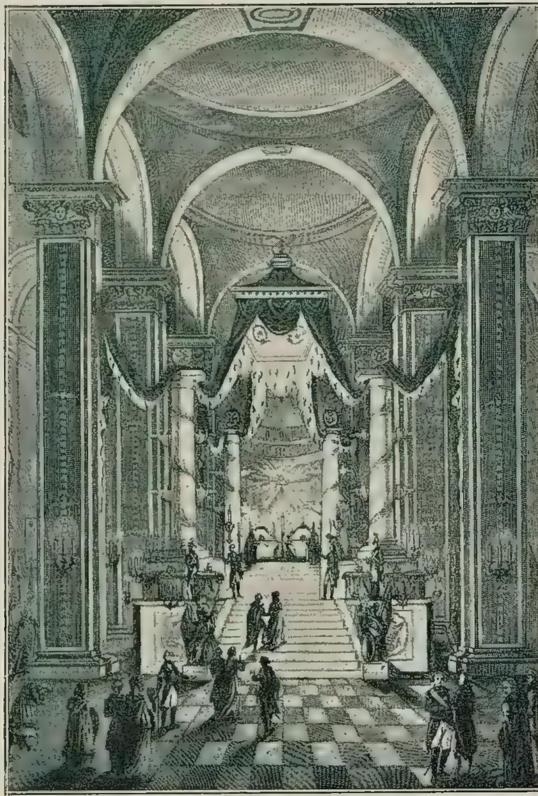
катафалкъ. Государыня лежала въ открытомъ гробѣ, съ короной на главѣ. Тѣло было покрыто Императорскою порфирою; вокругъ было поставлено шесть подсвѣчниковъ. Противъ гроба священникъ читалъ Евангеліе. На ступеняхъ катафалка стояли кавалергарды [1]), печально опершись на свои карабины. Зрѣлище было прекрасное, умилительное и величественное, но гробъ съ прахомъ Петра III, стоявшій подлѣ, смущалъ душу. Сердце разрывалось при видѣ этого оскорбленія, котораго не могла предотвратить самая смерть... Дивныя слова Евангелія глубоко проникали мою душу», говоритъ гр. В. Н. Головина, «все кругомъ меня казалось мнѣ ничтожествомъ... Лунный свѣтъ обильно лился въ окна. Этотъ тихій и спокойный свѣтъ составлялъ рѣзкую противоположность съ многочисленными огнями среди обширной залы. Все остальное пространство ея было во мракѣ..., по временамъ вопли и рыданія нарушали торжественную тишину» [2]).

5 Декабря оба гроба одновременно перевезены въ Петропавловскій соборъ, гдѣ въ тотъ же день послѣдовало отпѣваніе [3]). Того же числа гр. Мусину-Пушкину объявлена «Высочайшая благодарность за образованіе новыхъ кавалергардовъ» [4]), а на другой день послѣдовалъ нижеслѣдующій Высочайшій приказъ: «Его И. В-во Всемилостивѣйше повышаетъ всѣхъ старыхъ кавалергардовъ чиномъ, и командиру ихъ представить ихъ желаніе: куды кто и въ какой родъ службы желаетъ; ибо ихъ служба кончится по прошествіи шести недѣль отъ кончины блаженной памяти Императрицы».

---

1) Съ перевезеніемъ тѣла Петра Θеодоровича въ Зимній дворецъ у катафалка стояло по 16 кавалергардовъ. (Описаніе кончины Екатерины II, 30). — 2) Изъ записокъ гр. В. Н. Головиной, Русс. Обозрѣніе, 1890/VI, 828. — 3) Въ Зимнемъ дворцѣ «по пропѣтіи *Вѣчная память* поднятъ гробъ Императрицы кавалергардами и понесенъ камергерами, а потомъ поднятъ гробъ Императора кавалергардами и понесенъ камергерами, которые» (гроба) «поставлены на приготовленныя колесницы...». (Описаніе кончины Екатерины II, 38). — 4) Выс. Прик. 5 Дек. 1796 г.

Съ 5 по 18 Декабря народъ всякаго званія допускаемъ былъ на поклоненіе, а въ этотъ день останки Петра Ѳеодоровича и Императрицы Екатерины II послѣ панихиды были преданы землѣ [1]). Съ этимъ вмѣстѣ кончилась служба «Ея Императорскаго Величества Кавалергардскаго корпуса»: Высочайшимъ приказомъ отъ 25 Декабря всѣ старые кавалергарды были распредѣлены по мѣстамъ [2]). Такимъ образомъ «кончилось существованіе кавалергардовъ, имѣвшихъ колыбелью своею учрежденную Елисаветой Петровной и потомъ Петромъ III упраздненную лейбъ-компанію» [3]).

Катафалкъ Петра III и Екатерины II въ Петропавловскомъ Соборѣ, съ акватинта того времени.

Впечатлѣніе, произведенное двойными похоронами, было подавляющее, и не только на русскихъ, но даже на иностранцевъ. «On enterre la Russie», замѣтилъ на отпѣваніи англійскій дипломатъ [4]). «Явно преслѣдуя память матери своей, новый Императоръ съ особенною торжественностью поклонялся праху отца. Извлекая его изъ могилы, вѣнчая во гробѣ, онъ только воскресилъ неуваженіе къ сему давно забытому Государю... Минерва въ баснословіи не имѣла матери, а сыну Минервы можно было бы забыть, что онъ имѣлъ отца» [5]).

Первоначально гр. Мусинъ-Пушкинъ началъ формировать Кавалергардскій корпусъ въ составѣ одного эскадрона, но уже 31 Декабря Павелъ I приказалъ «изъ всѣхъ полковъ гвардіи отослать генералу отъ кавалеріи графу Мусину-Пушкину числомъ 500 унт.-офицеровъ для составленія вновь двухъ кавалергардскихъ эскадроновъ» [6]). 3 Января кавалергарды получили 3 штандарта, по одному на каждый эскадронъ. Въ церемоніи прибивки штандартовъ приняли участіе Императоръ, Императрица, Великіе Князья Александръ Павло-

---

1) «Во время оной панихиды поднято прежде тѣло Государыни Императрицы Екатерины Вторыя камергерами съ помощью кавалергардовъ и отнесено въ назначенное мѣсто... а потомъ равномѣрно поднято тѣло Государя Императора Петра Третьяго тѣми же особами и опущено въ землю въ то же мѣсто подлѣ гроба Императрицы съ правой стороны». (Описаніе кончины Екатерины II, 44). — 2) 10 кавалергардовъ поступили капитанами въ гвардейскіе полки, 27 опредѣлены въ армейскія части, 1 въ Кадетскій корпусъ, 2 получили мѣста комендантовъ, а вахмистръ Зайцевъ назначенъ членомъ Военн. Коллегіи съ производствомъ въ ген.-лейтенанты. Что же касается до кн. Зубова, то съ назначеніемъ 11 Ноября гр. Мусина-Пушкина шефомъ кавалергардовъ онъ пересталъ считаться шефомъ, а поручикъ корпуса, гр. Дмитріевъ-Мамоновъ, былъ 19 Декабря уволенъ отъ службы. — 3) Висковатовъ, «Ист. кавалергардовъ», 32. — 4) Вяземскій, VIII, 23. — 5) Вигель, I, 75. — 6) Высоч. приказы 1796 г.

вичъ и Константинъ Павловичъ, Великая Княгиня Анна Θеодоровна и Великія Княжны Александра и Елена Павловны «и многія знатныя персоны» [1]). Того же числа было отдано въ Высочайшемъ приказѣ: «Его Величество объявляетъ свое удовольствіе ген. отъ кав. гр. Мусину-Пушкину за скорое формированіе кавалергардовъ» [2]).

Учрежденные Павломъ I «новые» кавалергарды появились въ первый разъ въ строю (въ составѣ I эскадрона) на Крещенскомъ парадѣ 6 Января 1797 г. и стояли сперва вмѣстѣ съ прочими войсками на площади между Зимнимъ дворцомъ и нынѣшнимъ зданіемъ Главнаго Штаба, а потомъ во время шествія Императрицы и Великихъ Княгинь и Княженъ, перешли къ парадному подъѣзду, со стороны набережной Невы. Императоръ лично командовалъ войсками, а Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи находились при своихъ полкахъ (Семеновскомъ и Измайловскомъ). «Первый полкъ» (Преображенскій) «предводимъ былъ Его Величествомъ, а когда оный прошелъ, то Его Величество изволилъ прибыть въ галлерею къ Ея Величеству и оттуда изволилъ смотрѣть идущихъ полковъ..., а когда надлежало слѣдовать конницѣ, то Его Величество изволилъ выйти и, сѣвъ на верховую лошадь, изволилъ присутствовать при ономъ войскѣ» [3]).

---

1) «3 Января 1797 года, по утру къ Его Величеству во внутренніе покои прибыть изволили: Великій
Князь Александръ Павловичъ—въ двадцать минутъ 8-го часа, Великій Князь Константинъ Павловичъ—въ 8 ча-
совъ. Въ 9-мъ часу въ присутствіи Его Величества снятъ былъ бекетъ Кавалергардовъ, и проходили оные па-
радными покоями и на малую парадную лѣстницу, и пошли въ манежъ въ домъ графа Пушкина. Въ началѣ
10-го Его Императорское Величество съ Государями Великими Князьями Александромъ Павловичемъ и Кон-
стантиномъ Павловичемъ, съ генералъ- и флигель-адъютантами сойти изволилъ по малой лѣстницѣ подъ во-
роты, гдѣ изволилъ сѣсть на верховую лошадь и со всѣми изволилъ поѣхать къ дому графа Пушкина къ
эскадрону кавалергардовъ. По прибытіи къ дому графа Валентина Платоновича Мусинъ-Пушкина, что противъ
Адмиралтейства, Его Величество и съ Ихъ Высочествами изволили войти въ манежъ, гдѣ находился эскадронъ
Кавалергардовъ, съ коими проводя нѣкоторое время, Его Величество, сѣвъ на верховую лошадь, изволилъ по-
ѣхать, а эскадронъ слѣдовалъ за Его Величествомъ пѣшій. Его Величество изволилъ возвратиться во дворецъ
на большой дворъ къ подъѣзду, который прикосновенъ сеньми парадной лѣстницѣ, и онаю съ послѣдованіемъ
Великихъ Князей и корпуса Кавалергардовъ изволилъ шествовать въ Большой залъ, что на Неву; прибывъ въ
оный, корпусъ былъ учрежденъ по порядку, поставленъ по одной сторонѣ въ двѣ шеренги. Между тѣмъ
10 минутъ 11 часа во внутренніе покои къ Ея Величеству прибыли Государыня Великая Княгиня Анна
Θеодоровна, Государыни Великія Княжны Александра Павловна, Елена Павловна и чрезъ краткое время Ея
Императорское Величество, обще съ Ихъ Высочествами, чрезъ Брилліантовую, Кавалерскую, Кавалергардскую и
чрезъ парадные покои изволила прибыть въ Большой залъ. По прибытіи вскорѣ принесенъ въ залъ пріуго-
товленный столъ, на которомъ послѣдовало прибиваніе штандартовъ, въ началѣ Его Императорское Величество
и Ея Императорское Величество, Государь Наслѣдникъ Великій Князь Александръ Павловичъ, Великій Князь
Константинъ Павловичъ, Государыни Великія Княжны Александра Павловна, Елена Павловна, потомъ и всѣ
прочія бывшія знатныя персоны прибивали штандарты корпусу Кавалергардовъ, и оные были освящены при
отправленіи надлежащихъ молитвъ съ водоосвященіемъ, и провозглашено многолѣтіе, причемъ духовникъ Его
Величества говорилъ рѣчь. По семъ изъ зала изволили Ихъ Величества съ Ихъ Высочествами черезъ парадные
покои возвратиться во внутреннія комнаты въ четверть 12-го часа». (Кам.-фур. журн., 1797 г., 19—21).

2) Высоч. приказы 1797 г.

3) Висковатовъ, 33; Кам.-фур. журн., 1797 г., 41—46.—Въ Высочайшемъ приказѣ 7 Января кавалергарды
не упомянуты: «Е. И. В-во объявляетъ свое удовольствіе Преображенскому и Конной Гвардіи полкамъ за хо-
рошій порядокъ, въ которомъ они были вчерашняго числа въ строю, а Семеновскому и Измайловскому пол-
камъ — выговоръ за безпорядки, кои происходили въ то время, когда люди были распущены; въ разсужденіи
чего виновныхъ и наказать, *также и бабъ того полку*. Въ стыдъ же и примѣръ другимъ приказано полиціи
чтобъ впредь не допускала какъ бабъ, такъ и людей чинить подобные безпорядки; а господамъ офицерамъ,

Получивъ трехъ-эскадронный составъ, Кавалергардскій корпусъ сталъ именоваться «*Кавалергардскими эскадронами*», которыхъ штатъ былъ изданъ 26 Января 1797 года [1]).

Кавалергардамъ было присвоено обмундированіе бѣлаго цвѣта съ краснымъ и съ серебромъ, по формѣ кирасиръ того времени съ кирасирскимъ же вооруженіемъ, причемъ кавалергарды обыкновенно носили треугольныя шляпы, но въ торжественные дни надѣвали серебряныя кирасы и серебряные же шишаки со страусовыми перьями [2]). Въ первый разъ кавалергарды явились въ серебряномъ снаряженіи 27 Февраля 1797 года, когда часть ихъ конвоировала послѣдняго польскаго короля Станислава-Августа во время торжественнаго его въѣзда отъ мызы гр. Скавронской (нынѣ Графская Славянка) въ назначенный для его жительства Мраморный дворецъ [3]).

На коронацію въ Москву отправленъ былъ 9 Февраля 1-й (единственно сформированный тогда) эскадронъ подъ командою полк. Давыдова, причемъ Государь лично провожалъ эскадронъ [4]). Остальные формировавшіеся эскадроны

рекомендуется пріучать солдатъ къ лучшему повиновенію. Все сіе касается именно до Семеновскаго и Измайловскаго полковъ, а прочимъ всѣмъ полкамъ — благодарность». (Выс. Прик. 1797 г.).—Въ первый годъ восшествія Им. Павла на престолъ 6 Января былъ крестный ходъ на Іордань на Неву; въ этотъ день было 17 градусовъ мороза съ вѣтромъ; всѣ шли въ однихъ мундирахъ, въ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ; многіе этого не вынесли: кн. Ад. Чарторижскій упалъ во время церемоніи, многіе переболѣли. Въ тотъ же день вечеромъ былъ куртагъ, и Павелъ сказалъ: «Я слышалъ, что сегодня многіе не вынесли мороза, а мнѣ было жарко». (Р. Арх., 1869 г., 644).

1) Шефъ — 1 (изъ генералитета), къ нему въ «штабы» — 1 (полковникъ или генералъ), эскадр. командировъ (штабъ-офицеры) — 3, субалтернъ-офицеровъ — 19 (въ томъ числѣ адъютантъ), вахмистровъ — 3, штандартъ-юнкеровъ — 3, унтеръ-офицеровъ — 54, кавалергардовъ — 600, прочихъ строевыхъ и нестроевыхъ чиновъ — 420 (въ томъ числѣ однихъ денщиковъ 334 чел.), а всего въ трехъ эскадронахъ 1103 человѣка. Расходъ на одно жалованье исчислялся въ 61.093 р. 13 коп. Офицерамъ назначался окладъ конной гвардіи, вахмистрамъ по 150 р., унтеръ-офицерамъ и штандартъ-юнкерамъ по 100 р., а кавалергардамъ по 60 р. въ годъ и всѣмъ нижнимъ чинамъ «по два пайка съ препорціей крупъ». (Леф. арх., оп. 120, св. 78; кн. Выс. Повелѣн., № 5, стр. 205).

2) На сдѣланіе серебрянаго снаряженія употреблено около 4½ фунта золота и 154 пуда серебра; изъ этого числа золото и около 20½ пудовъ серебра получено отъ Конной гвардіи («сплавленное изъ полковаго позумента»), а остальное серебро, вѣроятно, доставили казенные сервизы намѣстниковъ, отобранные отъ послѣднихъ Павломъ I. (Леф. арх., оп. 120, св. 78; Аненковъ, I, 196; Р. Стар., XVI, 188).— Что стоило все это серебряное снаряженіе, мы не имѣемъ данныхъ, но каждый ефесъ («вѣсомъ съ проволокою 1 ф. 56½ зол. серебра») стоилъ 50 р. 57½ коп. (Леф. арх., оп. 120, св. 78; Рапортъ полк. Давыдова маркизу д'Отишану, № 85).

3) Мы не можемъ указать, на чемъ основываетъ Висковатовъ, что кавалергарды явились въ первый разъ въ серебряномъ снаряженіи при встрѣчѣ короля Станислава-Августа. Наканунѣ состоялась торжественная закладка Михайловскаго замка, причемъ Ихъ Величества съ Вел. Кн. Александромъ Павловичемъ и Вел. Кн. Елисаветой Алексѣевной ѣхали «въ берлинѣ... въ предслѣдованіи ѣхавшаго верхомъ лейбъ-гусарскаго эскадрона съ послѣдованіемъ состоящихъ въ караулѣ кавалергардовъ». По прибытіи къ мѣсту закладки, «находившимися у онаго бекетнымъ фрунтомъ, такъ и лб.-гусарскимъ эскадрономъ и кавалергардами при играніи на трубахъ отдана была честь». (Кам.-фур. журн., 1797 г., 388 и 389). — На другой день Павелъ I съ Великими Князьями отправился въ Мраморный дворецъ, «въ который въ исходѣ 6-го часа съ мызы графини Скавронской, въ предслѣдованіи Императорскихъ двухъ гофъ-фурьеровъ верхами, церемоніймейстера кн. Барятинскаго и гг. дежурныхъ кавалеровъ въ каретахъ и состоящаго въ караулѣ лб.-гусарскаго конвоя, съ послѣдованіемъ ѣхавшихъ верхами кавалергардовъ, а за оными польскихъ кавалеровъ, прибыть изволилъ въ Императорской парадной каретѣ Его Величество Король польскій». (Тамъ же, 397).

4) «Въ началѣ 10-го часа Е. И. В-во съ Вел. Кн. Константиномъ Павловичемъ изволилъ выйти за ворота, отъ коихъ изволилъ проводить съ находившимися на плацѣ кавалергардами до Адмиралтейства, а отъ онаго, сѣвъ на верховую лошадь, благоволилъ тѣхъ кавалергардовъ провожать въ походъ». (Кам.-фур. журн., 1797 г., 285 и 286).

Императоръ Павелъ I.

Видъ с. Останкина,
съ гравюры Лафонъ по рисунку Де-ла-Бартъ 1798 г.

оставлены въ Петербургѣ подъ командою полк. Фроловскаго [1]). Въ день коронаціи гр. Мусинъ-Пушкинъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы «съ пожалованіемъ также 4000 душъ крестьянъ» [2]). Во время пребыванія Императорской фамиліи въ Москвѣ и подъ Москвою кавалергарды, конная гвардія и лейбъ-гусары занимали внутренніе дворцовые караулы. 14 Апрѣля была церемонія раздачи вновь утвержденныхъ знаковъ отличія св. Анны, причемъ вся гвардія разставлена была отъ Краснаго крыльца до дома гр. Безбородки, въ которомъ жилъ Государь [3]).

Вѣроятно, кавалергарды участвовали: 1) на молебствіи въ Успенскомъ соборѣ 13 Апрѣля, послѣ котораго было чтеніе новаго статута орденовъ, въ число которыхъ не были внесены ордена св. Георгія и св. Владиміра. Но во время чтенія статута «Государь изустно съ престола изрещи соизволилъ тако: «А орденъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія остается на прежнемъ своемъ основаніи такъ, какъ и статутъ его» [4]), 2) на парадѣ въ день Преполовенія (29 Апрѣля), когда Императоръ Павелъ, одѣтый въ далматикъ и съ короной на головѣ, лично командовалъ войсками [5]). 6 Мая эскадронъ выступилъ изъ Москвы [6]). Намъ неизвѣстно, когда вернулся 1-й эскадронъ въ Петербургъ, но 9 Іюня въ первый разъ мы встрѣчаемъ названіе «Кавалергардскаго *полка*». Въ Высочайшемъ приказѣ отъ того числа читаемъ: «Кавалергардскаго *полку* въ лейбъ-эскадронѣ быть шефу генералу-фельдмаршалу графу Мусину-Пушкину; во второмъ — генералу-лейтенанту маркизу Дотишампу; въ третьемъ — полковнику Давыдову. Полковымъ же командиромъ быть по шефѣ генералу-лейтенанту маркизу Дотишампу» [7]). Назначеніе маркиза d'Autichamp могло принести большую пользу новоформируемому полку. «Считаясь однимъ изъ лучшихъ кавалерійскихъ генераловъ того времени, онъ жилъ уже нѣсколько

---

1) Леф. арх., оп. 75, д. 257. — 2) Спб. Вѣд., 1797 г., № 31. — При коронаціи всѣ штабъ- и оберъ-офицеры-гатчинцы получили отъ 100 до 250 душъ крестьянъ. (Зап. гр. Комаровскаго, Р. Арх., 1867 г., 538). — 3) Висковатовъ, 34 и 35; Манзей, I, 134. — 4) Спб. Вѣд., 1797 г., № 63; П. Собр. Зак., № 17917. — 5) Снегиревъ, «Жизнь московскаго митрополита Платона», I, 98. — 6) Леф. арх., оп. 152, кн. Донесеній, № 3, за Май 1797 г., стр. 178. — 7) Высоч. приказы 1797 г.

времени въ Петербургѣ, пользуясь особымъ благоволеніемъ Императора Павла, и передъ самою коронаціею былъ принятъ изъ ген.-лейтенантовъ французской службы въ русскую въ кавалерійскіе полки съ ношеніемъ кавалерійскаго армейскаго мундира» [1]).

Но прежде, чѣмъ мы обратимся къ разсмотрѣнію того, что сдѣлалъ маркизъ д'Отишанъ для кавалергардовъ, или точнѣе того, что онъ намѣренъ былъ сдѣлать, мы должны хотя бѣгло очертить ту обстановку, среди которой нарождался первый Кавалергардскій полкъ.

* * *

Павелъ Петровичъ родился здоровымъ ребенкомъ, но первоначальное воспитаніе, полученное отъ Елисаветы Петровны, съ постояннымъ и чрезмѣрнымъ кутаніемъ, отсутствіемъ свѣжаго воздуха и движенія не только не могло укрѣпить дѣтскаго организма, но его расшатало. Неуравновѣшенная натура его отца, сумасбродство его дѣда, герцога Голштинскаго, наконецъ нервность, доходившая до болѣзненныхъ припадковъ, его Великаго Прадѣда, все это вмѣстѣ взятое давало достаточное основаніе полагать, что Павелъ Петровичъ будетъ уже отъ рожденія имѣть всѣ задатки высшей степени нервной натуры. Воспитаніе, полученное имъ съ дѣтства, могло только сдѣлать его еще болѣе нервнымъ, еще болѣе впечатлительнымъ [2]). Оставшись послѣ Императрицы Елисаветы 8-лѣтнимъ ребенкомъ, Павелъ Петровичъ лишился вслѣдъ за тѣмъ не только отца, котораго вліяніе развѣ только могло бы принести нѣкоторую пользу въ смыслѣ физическаго его развитія, но не могъ пользоваться и постояннымъ вліяніемъ своей матери. Съ одной стороны, тяжелыя государственныя заботы поглощали все время Императрицы Екатерины, съ другой стороны, самая ея натура со складомъ скорѣе мужскимъ, чѣмъ женскимъ, обусловливала недостатокъ материнскихъ чувствъ; отношенія Екатерины II къ Павлу Петровичу были почти исключительно отношеніями Императора къ своему Наслѣднику, а не матери къ сыну [3]).

Воспитаніе Павла Петровича было поручено Н. И. Панину. Мы не имѣемъ ни возможности, ни необходимости останавливаться подробно на характеристикѣ Н. И. Панина, но замѣтимъ, что болѣе неудачнаго выбора трудно было сдѣлать. Угрюмый и лѣнивый царедворецъ, «склонный къ гуляніямъ» [4]),

---

[1]) Висковатовъ, 35. — «Французской службы генералъ-лейтенантъ маркизъ Дотишампъ опредѣляется въ кавалерійскіе полки генералъ-лейтенантомъ съ ношеніемъ кавалерійскаго армейскаго мундира». (Высоч. приказъ 3 Апр. 1797 г.). — «Le général français d'Autichamp, émigré, placé actuellement dans l'armée russe vient d'obtenir un don de 10.000 roubles». (Депеша Вегенера отъ 12 Іюня 1797 г.). — [2]) «У Его Высочества ужасная привычка, чтобы спѣшить во всемъ: спѣшить вставать, спѣшить кушать, спѣшить опочивать ложиться». (Зап. Порошина). — «Голова у него умная», говорилъ про Павла Петровича преподаватель физики Эпинусъ, «но въ ней есть машинка, которая держится на ниточкѣ; порвется эта ниточка, машинка завернется, и тутъ конецъ и уму и разсудку». (Р. Арх., 1871/VI, 290). — [3]) Кобеко, «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», 65. — [4]) Снегиревъ, «Жизнь Платона», II, 23.

Маркизъ Жанъ-Терезія-Луи д'Отишанъ, командиръ Кавалергардскаго полка съ 9 Іюня по 21 Сентября 1797 г., съ литографіи по акварели Э. Гау.

Панинъ не уберегъ ни души, ни тѣла своего питомца отъ зловредныхъ вліяній [1]); не знавшій и не понимавшій Россіи, онъ не только искалъ ей идеаловъ на Западѣ, и притомъ въ наименѣе пригодной формѣ шведскаго государствен-

1) Бильбасовъ, «Отзывъ о соч. «Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екат. II», 18.

наго устройства, но являлся иногда противникомъ Екатерины. Мы не имѣемъ данныхъ обвинять Панина въ систематическомъ и умышленномъ возстановленіи сына противъ матери и Наслѣдника противъ своего Государя, но несомнѣнно одно, что дѣти вообще, а нервные въ особенности, въ высшей степени чутки не только къ словамъ и дѣйствіямъ окружающихъ ихъ лицъ, но и къ существующимъ между ними взаимнымъ симпатіямъ и антипатіямъ.

По мѣрѣ того, какъ Павелъ Петровичъ росъ, ему, съ одной стороны, все чаще и чаще, и больше и больше открывали глаза на то, что мать его неправильно завладѣла его наслѣдіемъ, что самое бо́льшее, на что она имѣла право, — это регентство до его совершеннолѣтія; вмѣстѣ съ тѣмъ, непрерывный и открытый фаворитизмъ и сопряженная съ этимъ постоянная придворная борьба не могли способствовать ни возбужденію въ немъ болѣе нѣжныхъ чувствъ къ матери, ни, къ сожалѣнію, должнаго уваженія къ Государынѣ. Чтобы разсмотрѣть что-либо великое, надо не только быть взрослымъ, надо отойти отъ разсматриваемаго предмета на нѣкоторое разстояніе, отойти, или въ разстояніи, или во времени. Ни перваго, ни второго Павелъ Петровичъ по своему возрасту и положенію, не былъ въ состояніи сдѣлать. Сдѣлавшись взрослымъ, онъ не былъ привлеченъ къ серіозному занятію государственными дѣлами, т.-е. не было сдѣлано именно того, что одно способно было открыть ему глаза на все значеніе для Россіи Екатерины II, и этимъ путемъ помирить сына со слабостями матери.

Профили Екатерины II, Павла Петровича и Александра Павловича, съ грав. Больтъ.

Первый бракъ Павла Петровича былъ во всѣхъ отношеніяхъ неудачный. Страстно влюбленный въ Вел. Кн. Наталью Алексѣевну, онъ менѣе чѣмъ черезъ годъ теряетъ ее и впадаетъ въ отчаяніе. Можетъ-быть, становясь исключительно на государственную точку зрѣнія, а можетъ-быть, и желая ему лично добра, Екатерина II, чтобы привести сына въ себя, прибѣгаетъ къ «героическому» средству: она даетъ ему возможность вполнѣ и неопровержимо убѣдиться, что та, которую онъ оплакиваетъ, недостойна его слезъ, что она, еще будучи невѣстой и будучи женою, обманывала его... [1]).

Не давая ему опомниться, Императрица вторично женитъ сына на Вел. Кн. Маріи Ѳеодоровнѣ. Несомнѣнно, что выборъ этотъ былъ бы для большинства обыкновенныхъ натуръ удачный, но, къ сожалѣнію, Павелъ Петровичъ не принадлежалъ къ числу такихъ натуръ. Павла Петровича, обладав-

[1]) Кобеко, 110, 111 и 122.

шаго характеромъ нервнымъ, колеблющимся и суровымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ недюжиннымъ умомъ, критической способностью и юморомъ, могла себѣ нравственно подчинить только женщина въ высшей степени умная и развитая, съ натурой возвышенной и чувствительной, но не сантиментально-методичной, и которая, не давая ему того замѣтить, относилась бы къ нему отчасти такъ, какъ мать относится къ больному ребенку [1]).

Трудно опредѣлить, была ли у Императрицы серіозная мысль устранить отъ престола Павла Петровича, во всякомъ случаѣ, если она и была, то окончательно сложилась послѣ женитьбы Александра Павловича [2]); но какъ бы то ни было, Екатерина II никогда и до этого не дѣлала попытки привлечь сына къ участію въ серіозныхъ государственныхъ занятіяхъ. Вмѣсто этого Цесаревичу была предоставлена возможность создать себѣ игрушку въ видѣ «Гатчинскихъ войскъ», словно по пословицѣ: «чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало». Но, если выборъ игрушекъ далеко не безразличенъ для дѣтей, то взрослые люди, начавъ тѣшиться игрушками, кончаютъ тѣмъ, что принимаютъ свою забаву за серіозное дѣло и цѣликомъ уходятъ въ нее. Павелъ Петровичъ началъ играть въ солдатики, и можно было впередъ сказать, что игру эту онъ поведетъ на прусскій, а не русскій, Екатерининскій образецъ. Нужно было быть очень уравновѣшеннымъ, нужно было имѣть широкій взглядъ на вещи, чтобы обнять Екатерининскій горизонтъ и, скользя по подробностямъ, не всегда удачнымъ, видѣть поверхъ ихъ общую цѣль, къ которой стремилась Императрица. «Нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ», т.-е., чѣмъ ближе мы стоимъ къ данной личности, тѣмъ болѣе бросаются намъ въ глаза ея недостатки, и тѣмъ болѣе требуется усилія, чтобы эти недостатки не застилали намъ ея достоинствъ. Мы не имѣемъ возможности точно указать, откуда явился у Павла Петровича культъ къ его отцу: было ли это слѣдствіемъ сыновней любви и почтительности къ памяти несчастнаго родителя, или результатомъ обостренныхъ отношеній къ матери; несомнѣнно только одно, что Павелъ Петровичъ возвелъ свои чувства въ культъ не только къ памяти Петра Ѳеодоровича, но и къ его военной системѣ. Было ли удивленіе передъ Фридрихомъ II причиною этого культа, или, наоборотъ, поклоненіе Фридриху II явилось причиною преклоненія сына передъ памятью отца, мы не можемъ сказать, но надо признать, что Павелъ Петровичъ считалъ всю военную систему воспитанія войскъ Екатерины II не только не пригодной, но прямо пагубной для Россіи, и, организуя, обучая, а главное воспитывая на прусскій образецъ своихъ гатчинцевъ, видѣлъ въ нихъ залогъ успѣха будущихъ преобразованій русской арміи, будущій разсадникъ военнаго образованія для Россіи. Петръ III былъ вполнѣ нѣмцемъ, и притомъ весьма ограниченнымъ, любившимъ свою Голштинію и возведшимъ Фридриха II въ какое-то

---

[1]) Шумигорскій, «Е. И. Нелидова», 15, 22, 23, 49—51. — [2]) Письмо къ Гримму 14 Авг. 1792 г., въ Р. Арх., 1878/X, 202. — «Зап. Рунича», въ Р. Обозр., 1890/VIII, 657.

для себя божество; сынъ его былъ вполнѣ русскимъ и весьма умнымъ человѣкомъ; Цесаревичъ горячо любилъ Россію, искренно желалъ посвятить себя всего служенію ей и тѣмъ не менѣе также преклонился предъ прусскою системою, не замѣчая того, что система эта, составляя воплощеніе нѣмецкаго, или вѣрнѣе даже прусскаго духа, уже по одному тому совершенно не подходила къ духу русскихъ. Причину такой аномаліи нужно, можетъ-быть, искать въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: натуры, не одаренныя сильною волею, натуры, колеблющіяся, неспособныя къ устойчивости ни въ своихъ чувствахъ, ни въ своихъ волевыхъ проявленіяхъ, особенно ревниво стараются показать свою самостоятельность, особенно оберегаютъ неприкосновенность своей несуществующей воли; и такія натуры подчиненіе волѣ женщины доводитъ до болѣзненной раздражительности. Между тѣмъ Павелъ Петровичъ до 42-лѣтняго возраста долженъ былъ испытать на себѣ желѣзную волю геніальной, но далеко не мягкой въ обращеніи съ нимъ женщины. А тутъ нашептыванія разныхъ приспѣшниковъ о томъ, что женщина эта не имѣетъ никакихъ правъ такъ съ нимъ поступать, что не она Государыня, и не онъ только Наслѣдникъ ея, но онъ Самодержавный Владыка Россіи. Давъ себя увлечь на эту почву, позволивъ хотя бы одному Аракчееву и хотя бы одинъ разъ назвать себя «Императорскимъ Величествомъ», Павелъ Петровичъ сразу всталъ въ такое положеніе, въ которомъ онъ не могъ иначе, какъ отрицательно, относиться ко всякому дѣйствію своей Государыни и ея правительства. Къ сожалѣнію около Цесаревича не нашлось ни одного человѣка, который открылъ бы ему глаза на истинное положеніе дѣла, который указалъ бы ему единственную правильную точку зрѣнія на его отношенія къ Самодержавной Императрицѣ и матери. Никто не объяснилъ и не напомнилъ ему, что, вступая на престолъ, Екатерина II спасала Россію и его лично, что она захватила власть не путемъ заговора, но что эту власть ей вручили ея подданные, вручили потому, что въ ней одной видѣли спасеніе неприкосновенности, силы и славы отечества, что подданные вручили ей власть не условно, а безусловно, не на время, а на всю жизнь, не выговаривая ни себѣ, ни сыну ея никакихъ новыхъ правъ, словомъ, что провозглашенная гвардіей 28 Іюня 1762 года въ Казанскомъ соборѣ «Самодержицей Всероссійской» Екатерина таковою была признана и признаваема во все свое царствованіе всей Россіей. И стоило только обратиться къ недавнему прошлому: народъ не углублялся въ право легитимности Елисаветы Петровны, народъ зналъ и ея внѣбрачное рожденіе и происхожденіе ея матери, но руководился двумя чувствами: 1) чувствомъ благодарности къ великому ея отцу, который «въ Россійской имперіи заслужилъ, и того осталось», который, какъ «орелъ, леталъ, да соблюдалъ все дѣтямъ своимъ», а дочь его покинули, и 2) сознаніемъ, что кровь Петра «не выдастъ» Россію. Точно также, возводя на престолъ Екатерину II, народъ зналъ, что уже она сама лично успѣла «въ Россійской имперіи заслужить», что услуги ея не должны быть «оставлены»; народъ надѣялся, что, сдѣ-

лавшись Самодержицей, она еще болѣе заслужитъ Россіи. И народъ не ошибся въ своихъ надеждахъ...

Преклоняясь предъ памятью отца, Павелъ Петровичъ не съумѣлъ удержаться на настоящей грани: неуравновѣшенность его характера, необузданность темперамента и отсутствіе воли заставили его перешагнуть границы, опредѣленныя для подданнаго и сына. Рѣзкая критика въ присутствіи постороннихъ лицъ правительственной системы Государыни доводилась Цесаревичемъ до предѣловъ крамолы. Съ другой стороны, осужденіемъ частной жизни Императрицы Цесаревичъ ставилъ себя въ положеніе судьи надъ своей матерью...

Видъ памятника основанія Гатчины, съ гравюры А. Ухтомскаго по картинѣ С. Щедрина.

«Родъ занятій опредѣляетъ складъ понятій и характеръ отношеній». Посмотримъ, какого рода занятія создалъ себѣ Цесаревичъ, и какъ они повліяли на характеръ его отношеній къ людямъ. Въ 1782 году Павелъ Петровичъ, съ молчаливаго попущенія Императрицы, началъ укомплектовывать караульныя команды (каждая изъ 30 человѣкъ) на Каменномъ островѣ и въ Павловскѣ и постепенно довелъ ихъ численность до 6 баталіоновъ пѣхоты, четырехъ полковъ кавалеріи (въ 1 эск. каждый) и 12 орудій. Всего въ этихъ войскахъ было 19 шт.-офицеровъ, 109 об.-офицеровъ и 2271 нижн. чинъ [1]).

«Организація, обмундированіе и обученіе гатчинцевъ не имѣли ничего общаго съ порядками, существовавшими въ правительственныхъ россійскихъ войскахъ. Это былъ какъ бы протестъ противъ военной системы, установившейся въ царствованіе Екатерины. Вообще Цесаревичъ старался возродить въ своихъ гатчинцахъ тѣ самые «обряды, неудобь носимые», которые, по словамъ Екатерины, будучи введены Петромъ III, «не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ». Такимъ образомъ среди россійской арміи появились, какъ бы съ дозволенія правительства, какія-то обособленныя войска, устроенныя по прусскому образцу и походившія на живую каррикатуру уже отжившихъ свое время Фридриховскихъ порядковъ [2]). По словамъ Ростопчина Цесаревичъ во главѣ гатчинскихъ войскъ, думалъ изображать собою покойнаго Прусскаго короля. Ежегодно, весною и осенью, производились маневры, руководимые Цеса-

---

1) «Свѣдѣнія о гатчинскихъ войскахъ». Спб., 1835 г. — 2) Шильдеръ, I, 93. — «Около него (Павла Петровича) все устроено на прусскій ладъ и еще по старинным образцамъ прусскимъ... Всего хуже то, что эти солдаты — русскіе, обращенные въ пруссаковъ, и одѣты по старинной формѣ Фридриха Вильгельма I», писала въ 1795 году принцесса Саксенъ-Кобургская. (Р. Арх., 1869 г., стр. 1089).

Выходъ Императора Павла I со свитою изъ Гатчинскаго Дворца, съ акварели того времени. (Гатчинскій Дворецъ).

ревичемъ, который каждый день присутствовалъ при вахтъ-парадѣ, а также при экзекуціяхъ, когда онѣ случались. Малѣйшая неисправность, малѣйшее противорѣчіе выводили его изъ себя, и онъ воспалялся гнѣвомъ [1]).

Къ сожалѣнію, какъ для Павла Петровича лично, такъ и впослѣдствіи для Россіи, среди всѣхъ гатчинцевъ не нашлось людей, сознававшихъ свое человѣческое достоинство, не нашлось никого, кто бы выяснилъ Цесаревичу всю невозможность, съ одной стороны, выносить его «воспаленіе гнѣвомъ» и, съ другой, напримѣръ, неудобство и ненужность нахожденія Наслѣдника престола при экзекуціяхъ. При несомнѣнно существовавшихъ въ Цесаревичѣ задаткахъ къ рыцарскому отношенію къ людямъ спокойною настойчивостью можно бы было многое измѣнить въ этомъ отношеніи, но, конечно, не «гатчинцы» были способны на такую дѣятельность. По словамъ современника «это были по большей части люди грубые, совсѣмъ необразованные, соръ нашей арміи: выгнанные изъ полковъ за дурное поведеніе, пьянство или трусость, эти люди находили убѣжище въ Гатчинскихъ баталіонахъ и тамъ, добровольно обратясь въ машины, безъ всякаго неудовольствія переносили всякій день отъ Наслѣдника брань, а, можетъ-быть, иногда и побои. Между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые. Изъ гатчинскихъ болотъ своихъ они смотрѣли съ завистью на счастливцевъ, кои смѣло и гордо шли по дорогѣ почестей» [2]).

Всякій родъ дѣятельности, чтобы быть плодотворнымъ, требуетъ не только спеціальныхъ знаній, но, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще важнѣе, долголѣтней практики, веденной систематически и по широко и разносторонне обдуманному плану. Если въ такомъ положеніи находится обыкновенный смертный, то оно особенно важно въ отношеніи подготовки наслѣдниковъ престоловъ,

---

1) Арх. кн. Воронцова, VIII, 76. — «Тактика прусская и покрой ихъ военной одежды составляли душу сего воинства; служба вся полагалась въ присаленной головѣ, сколь можно больше, коротенькой трости, непомѣрной величины шляпѣ, натянутыхъ сапогахъ выше колѣна и перчаткахъ, закрывающихъ локоть. ...Запальчивость Наслѣдникова оказывалась при всѣхъ ученіяхъ: за ничто офицеровъ сажалъ подъ стражу, лишалъ чиновъ, помѣщая въ рядовые, и потомъ толикая-жь малость приводила ихъ опять въ милость. Всякій день можно было наслышаться новыхъ анекдотовъ въ Петербургѣ о дворѣ Гатчинскомъ; толикія проказы позволялись Наслѣднику ради того, чтобъ онъ былъ чѣмъ нибудь занятъ и не помышлялъ бы о правленіи государствомъ, по его мнѣнію по всѣмъ правамъ ему принадлежащемъ». («Жизнь А. С. Пишчевича, имъ самимъ описанная», 215).

2) Вигель, I, 90. — «Гатчинскіе офицеры были бродяги, выгнанные за разныя гнусности изъ арміи, которые, не имѣя пристанища, рады были все переносить изъ куска хлѣба. Гатчинская армія не помѣщала ни одного офицера, который бы помышлялъ о чести; имъ нерѣдко придаютъ охоту къ службѣ палкой». (Пишчевичъ, 216). — «Le Grand-Duc est à Pawlovsky continuellement de mauvaise humeur, la tête pleine de visions, entouré par des gens, dont le plus honnête peut être roué sans être jugé». (Письмо Ф. В. Ростопчина гр. С. Р. Воронцову, отъ 28 Мая 1794 г.; Арх. кн. Воронцова, VIII, 94). — «Гатчинцы, эти опричники въ царствованіе Павла I, много хлопотъ надѣлали отцу; часто приходилось краснѣть за нихъ. Назначенные къ нашимъ войскамъ, высаженнымъ на островъ Джерсе, они на перепутьи останавливались въ Гамбургѣ, гдѣ узнавали, куда имъ ѣхать. Одинъ изъ этихъ гатчинцевъ просилъ батюшку, чтобъ онъ его представилъ Гамбургскому королю; просилъ, чтобъ дано было знать на съѣзжей, что крѣпостной человѣкъ его, котораго онъ прибилъ, бѣжалъ. Когда батюшка сказалъ, что въ Гамбургѣ нѣтъ съѣзжей, гатчинецъ воскликнулъ: «хорошъ городъ, въ которомъ нѣтъ ни короля, ни съѣзжей!». Другой гатчинецъ хотѣлъ доѣхать до острова Джерсе сухимъ путемъ». (Разсказы М. И. Муравьева-Апостола; Р. Арх., 1888/XI, 371). — См. «Зап. Энгельгардта», 197; «Письма Ж. де-Местра»; Р. Арх., 1871 г., 119.

а престола русскаго, по самой обширности Россіи и разнообразности ея населенія, въ особенности. Устраненный отъ всякой государственной дѣятельности, Цесаревичъ не только былъ лишенъ возможности узнать Россію, но, что было еще опаснѣе, вслѣдствіе замкнутаго образа жизни въ Гатчинѣ или Павловскѣ его кругозоръ искусственно съуживался, и поневолѣ онъ пустяки возводилъ въ серіозное дѣло. Съ другой стороны, самая микроскопичность отмежеваннаго ему раіона территоріи способствовала развитію той губительной черты характера Павла Петровича, которую такъ мѣтко выразили въ трехъ словахъ: «Ordre, Contre-ordre, Désordre» [1]).

Никто изъ насъ, военныхъ, не станетъ спорить, что краткость, даже лаконичность приказанія составляетъ внутреннее его достоинство, и что всякое приказаніе начальника должно быть безъ потери времени точно исполнено, но умѣніе кратко приказывать не всѣмъ дается; оно должно быть слѣдствіемъ глубокой обдуманности, а не результатомъ вспышки воображенія или необузданности, и только при соблюденіи этихъ условій не явится ни поползновенія, ни необходимости въ *контръ-приказаніяхъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя забывать, что далеко не все пригодное и необходимое въ военномъ быту удобопримѣнимо въ дѣлахъ гражданскаго управленія, тѣмъ болѣе въ дѣлахъ государственнаго значенія. Но весьма естественно, что Цесаревичъ, имѣвъ возможность исключительно заниматься военной службой, при томъ въ микроскопическомъ отрядѣ, на микроскопической территоріи, — въ сравненіи съ русской арміей и Россіей, — усвоилъ себѣ неправильныя понятія объ управленіи. Неточное и недостаточно быстрое исполненіе приказанія въ Гатчинѣ или Павловскѣ можно было отнести къ небрежности, лѣни, упрямству и т. д., но нельзя было ту же самую мѣрку прилагать къ Россіи. Втянувшись въ привычку «командовать» гатчинской «арміей», Павелъ I, сдѣлавшись Императоромъ, не могъ отрѣшиться отъ этой привычки и не столько царствовалъ, сколько командовалъ Россіей, словно отрядомъ войскъ на экзерцирсплацѣ. «Перемѣны шли при Павлѣ съ неимовѣрной быстротой, болѣе чѣмъ при Петрѣ; онѣ совершались не годами, не мѣсяцами, а часами» [2]).

«На преобразованіе войска было обращено главнѣйшее вниманіе Императора. Подобно отцу онъ былъ страстенъ къ фронту и всегда восхищался порядкомъ и устройствомъ, кои видѣлъ въ прусской арміи. Въ послѣднее время Екатерины, дисциплина дѣйствительно нѣсколько ослабѣла въ нашемъ войскѣ, но ее можно было возстановить менѣе крутыми средствами; я даже не знаю, необходима ли она столько для русскихъ воиновъ, сколько для нѣмцевъ.

«Названія армій, корпусовъ и бригадъ не существовали первые два года при Павлѣ Первомъ. Была только армія безъ главнокомандующаго, раздѣленная на двѣнадцать дивизій, и каждая изъ нихъ имѣла по два инспектора,

---

[1]) Löwenstern, «Mémoires», I, 84. — [2]) Вигель, I, 77. — «Pendant le règne de l'Empereur Paul le lendemain ne ressemblait jamais à la veille». (Löwenstern, «Mémoires», I, 35).

Кавалергардскій унтеръ-офицеръ и кавалергардъ 1797 г., съ акварели Клюквина.

одного — по пѣхотѣ и артиллеріи, а другаго — по кавалеріи. Такимъ образомъ генералы остались бы безъ занятія, если бы каждому изъ нихъ не дано было по полку съ названіемъ шефа...

«Не самая важная, но для наружности самая примѣчательная перемѣна произошла въ воинскомъ нарядѣ. Щеголеватость одежды Екатерининскихъ воиновъ найдена женоподобною [1]). Въ самое короткое время, сначала гвардія, а потомъ вся армія обмундированы по новой формѣ; и что̀ за форма! Милліоны истрачены, чтобы русскихъ сдѣлать уродами. Описаніе сего безобразнаго костюма довольно, кажется, любопытно: онъ состоялъ изъ длиннаго и широкаго мундира довольно толстаго сукна, не съ отложнымъ, а лежачимъ воротникомъ и съ фалдами, которыя спереди совсѣмъ почти сходились; изъ шпаги между сими фалдами, воткнутой сзади; изъ ботфортовъ со штибель-манжетами или штиблетъ чернаго сукна; изъ низкой, сплюснутой, треугольной шляпы; узкаго чернаго галстука, коимъ офицеры казались почти удавленными; перчатокъ съ огромными раструбами; простаго дерева форменной палки съ костянымъ набалдашникомъ и наконецъ изъ двухъ насаленныхъ надъ ушами буколь съ длинною, туго, проволокою и лентою, перевитою косой [2]).

---

1) Вигель, I, 90. — «Прекрасные наши мундиры, украшающіе и открывающіе человѣка во всей природной его стройности, замѣнили какимъ-то нескладнымъ мѣшкомъ, дѣлающимъ и самаго прекраснаго мужчину безобразнымъ привидѣніемъ». (Зап. Грязева, сподвижника Суворова въ 1799 году; Р. Вѣстн., 1890/II). — «Покрой этихъ мундировъ (Екатерины II) не походилъ на покрой, употребительный въ какой-либо иной европейской арміи, но былъ превосходно приспособленъ къ климату и нравамъ Россіи. Русскія войска всякаго оружія покрыли себя славою въ войнахъ противъ турокъ, шведовъ, поляковъ и справедливо гордились своими подвигами. Какъ всякія другія войска, они гордились и мундирами, въ которыхъ они пожали свои лавры, и это заставляло смотрѣть ихъ съ отвращеніемъ на гатчинскую обмундировку». (Зап. Саблукова; Р. Арх. 1869 г., 1880). — «Не понятно, какимъ образомъ Императоръ Павелъ, умный, образованный, чувствительный, знавшій ту ненависть, которую питали къ мундирамъ отца его, рѣшился противъ общаго мнѣнія тотчасъ приступить къ такой ничтожной перемѣнѣ, которая поставила всѣхъ противъ него. Это ощутительнѣе было въ гвардіи. Уничтоженіе мундировъ, введенныхъ Петромъ Великимъ, казалось однимъ — пренебреженіемъ, другимъ — преступленіемъ». (Зап. де-Санглена; Р. Ст., 1882/XII, 475).

2) А. М. Тургеневъ та̀къ описываетъ способъ причесыванія, употреблявшійся при Павлѣ I: «Меня посадили на скамью посрединѣ комнаты, обстригли спереди волосы подъ гребенку, потомъ одинъ изъ костюмеровъ началъ мнѣ переднюю часть головы натирать мелко истолченнымъ мѣломъ. Чтобъ не вымочить на мнѣ бѣлья, меня вмѣсто пудроманта окутали рогожнымъ кулемъ; костюмеръ сталъ противъ меня ровно въ разрѣзѣ на двѣ половины лица и, набравъ въ ротъ артельнаго квасу, началъ изъ устъ своихъ, какъ изъ пожарной трубы, опрыскивать черепозданіе мое; едва онъ увлажилъ по шву головы, другой костюмеръ началъ

Все это въ подражаніе подражателю Фридерика Втораго, отцу своему, тогда какъ въ самой Пруссіи сей странный нарядъ давно уже былъ брошенъ. Исключая кавалеріи, всѣ одѣты были въ мундиры одинаковаго цвѣта; но зато отвороты и обшлага были и розовые, и абрикосовые, песочные, кирпичные, всѣхъ въ мірѣ цвѣтовъ: удивительное единообразіе и пестрота въ одно время, живое изображеніе единства воли и безпорядка мыслей, ее движущихъ» [1]).

* *
*

До насъ дошли скудныя свѣдѣнія о внутреннемъ бытѣ «Кавалергардскихъ эскадроновъ». Они въ сущности до начала лѣта 1797 года состояли на бумагѣ.

Въ Февралѣ двое кавалергардовъ были выключены изъ эскадроновъ: одинъ, Кругловъ, — «за дурное поведеніе» опредѣленъ рядовымъ въ армію, другой, Федоровъ, — «для сужденія въ дурномъ его поведеніи и самовольной отлучкѣ» отданъ подъ судъ. И то и другое сдѣлано по Высочайшему повелѣнію [2]). Есть основаніе предполагать, что среди собранной со всѣхъ концовъ Россіи дворянской молодежи были и мало воспитанные люди, и даже гуляки; такъ, 7 Апрѣля 1797 года Петербургскій ген.-губернаторъ гр. Буксгевденъ далъ на имя полковника Фроловскаго два «ордера»; въ первомъ изъ нихъ гр. Буксгевденъ писалъ: «Дошло до свѣдѣнія моего, что больные ввѣренныхъ Вамъ эскадроновъ повседневно умножаются, ...и многіе изъ нихъ присылаются въ венерическихъ болѣзняхъ, почему и предписываю Вамъ, Господинъ Полковникъ, ...стараться всячески удержать отъ вышеобъявленныхъ дурныхъ болѣзней и отъ таковаго распутства сихъ молодыхъ людей». Во второмъ ордерѣ значилось:

Видъ Зимняго Дворца и окружающей его мѣстности въ концѣ XVIII ст., съ акварели, писанной съ натуры, Бенуа. (Собраніе П. Я. Дашкова).

обильно сыпать пуховкою на голову муку во всѣхъ направленіяхъ; по окончаніи сей операціи прочесали мнѣ волосы гребнемъ и приказали сидѣть смирно, не ворочать головы, дать время образоваться на головѣ клестеръкорѣ; сзади въ волоса привязали мнѣ желѣзный, длиною 8 вершковъ, прутъ для образованія косы по формѣ, букли придѣлали мнѣ войлочныя, огромной натуры, посредствомъ согнутой дугою проволоки, которая огибала черепъ головы и, опираясь на немъ, держала войлочные фалконеты съ обѣихъ сторонъ на высотѣ половины уха. Къ 9 часамъ утра составившаяся изъ муки кора затвердѣла на черепѣ головы моей, какъ изверженная лава волкана, и я подъ симъ покровомъ могъ безъущербно выстоять подъ дождемъ, снѣгомъ нѣсколько часовъ, какъ мраморная статуя, поставленная въ саду».

[1]) Вигель, I, 90. — «Павелъ перенялъ не тогдашнюю прусскую форму, а бывшую при Фридрихѣ II. Пріѣзжавшіе въ Петербургъ прусскіе офицеры смѣялись надъ нашимъ военнымъ костюмомъ и утверждали, что у нихъ никто такъ не ходитъ». (Зап. Греча, Р. Арх., 1873 г., 725). — «Несмотря на *смѣшной* костюмъ, я долженъ сознаться, что русскіе офицеры и въ немъ сохранили свойственную имъ молодцоватость». (Изъ зап. пр. Евгенія Виртембергскаго; Р. Стар., 1894/X, 57). — [2]) Леф. арх., оп. 120, св. 75, дд. 263—265.

«Ежедневно усматриваю я, что находящіеся подъ вѣдомствомъ Вашимъ кавалергарды не только въ крайней неопрятности ходятъ по городу, но и должнаго почтенія не оказываютъ даже и Генералитету; почему и предписываю Вамъ подтвердить, чтобы господа офицеры за своими подчиненными въ сихъ случаяхъ имѣли строжайшій присмотръ, приказавъ наблюдать должное о предпочтеніи не только Генералитету, но и всѣмъ штабъ- и оберъ-офицерамъ, а въ противномъ случаѣ имѣетъ поступлено быть, яко съ ослушниками воинскихъ предписаній» [1]).

Гр. Буксгевденъ возлагалъ на Фроловскаго задачу совсѣмъ не по плечу: удерживать молодежь отъ дурныхъ поступковъ, внушать имъ правила военнаго приличія Фроловскій не могъ ни по своему воспитанію, ни по усвоеннымъ имъ «гатчинскимъ» взглядамъ на отношенія начальника къ подчиненнымъ. Фроловскій разрѣшилъ задачу столь «по-гатчинскому», что даже другой «гатчинецъ» Давыдовъ пришелъ въ нѣкоторое смущеніе: 22 Марта Фроловскій донесъ гр. Буксгевдену и Давыдову о неисправимо дурномъ поведеніи 17 кавалергардовъ, причемъ сообщилъ, что двое изъ нихъ были имъ «наказаны розгами». Гр. Буксгевденъ взглянулъ на примѣненіе розогъ къ дворянамъ снисходительно; Давыдовъ же въ отвѣтъ на рапортъ Фроловскаго писалъ ему, что онъ поступилъ «незаконно и съ упущеніемъ Вашей должности», что наказаніе двухъ кавалергардовъ розгами «совсѣмъ неприлично, а могли бы не токмо двухъ, но и болѣе при собраніи обоихъ оставшихъ эскадроновъ наказать соразмѣрно ихъ винѣ фухтелями»(!!) [2]).

На донесеніи гр. Буксгевдена Государю послѣдовала собственноручная Высочайшая резолюція: «*Написать всѣхъ оныхъ въ рядовые къ Бекендорфу въ полкъ*» [3]).

---

1) Леф. арх., оп. 120, св. 75, дд. 328 и 330.

2) «Господину полковнику Фроловскому. На рапортъ Вашъ, отъ 22 Марта, о донесеніи мнѣ, что находящіеся въ командѣ Вашей Кавалергарды, семнадцать человѣкъ, за дурное ихъ поведеніе отъ Васъ наказываемы неоднократно домовыми арестами, но не могли ихъ воздержать, представили С.-Петербургскому Военному Губернатору Графу Буксгевдену, прописывая, что изъ числа 17 человѣкъ наказываны были Вами двое розгами; изъ чего усматривая, что Вы поступили незаконно и съ упущеніемъ Вашей должности: 1) наказали двухъ Кавалергардовъ розгами, что совсѣмъ неприлично, а могли бы не только двухъ, но и болѣе, при собраніи обоихъ оставшихъ эскадроновъ наказать соразмѣрно ихъ винѣ фухтелями. 2) Въ рапортѣ не прописываете, чьихъ они эскадроновъ, да и рапортъ ни кѣмъ не подписанъ. 3) Не донеся о семъ своей командѣ, какъ то мнѣ и Графу Мусину-Пушкину, а отнеслись Военному Губернатору, и сіе дошло до Государя стороною, такъ что Государь узналъ о семъ прежде, нежели мы, а Вы бъ могли оныхъ содержать подъ арестомъ у себя, а между тѣмъ, прописавъ ихъ дурные поступки, истребовали бъ отъ Шефа повелѣнія; почему Вы въ семъ случаѣ очень обвинены, и для того предписываю Вамъ, ежели впредь что таковое сему подобное случится, то извольте прежде требовать отъ Шефа повелѣнія, а прямо безъ него не доносить; а о сихъ выключенныхъ, куда слѣдуетъ, извольте по командѣ дать знать и изъ списковъ оныхъ выключить». Леф. арх., оп. 120, св. 75, д. 343.

3) См. Сбор. біогр. Кавалергардовъ—«фонъ-Дервизъ».—

На подлинномъ рукою Павла Петровича написано карандашемъ: «*Написать всѣхъ оныхъ въ рядовые къ Бекендорфу въ полкъ*». Его Императорскому Величеству. Всеподданнѣйшее донесеніе. «По рапорту, поданному ко мнѣ сего Марта 22 дня Кавалергардскихъ эскадроновъ отъ господина полковника Фроловскаго, въ коемъ доноситъ на находящихся въ командѣ его Кавалергардовъ: Дервизена (Дервиза), Апухтина, Полтева, Лабунцова, Кропоткина, Волкова, Мартьянова, Кондырева, Мартемьянова, Чуравскаго, Григоровскаго, Яковлева, Зиновьева, Кадникова, Чихачева, Воронова и Стрѣлкова, что они были отъ его за дурное поведеніе: какъ за пьянство, грубость, буйство,

Такова была обстановка, среди которой пришлось появиться на свѣтъ первому *полку* кавалергардовъ. Въ основу его была положена вѣрная мысль, которую Императоръ Павелъ попытался вторично осуществить въ 1799 году въ видѣ «стражи гросмейстера державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго», или, иначе говоря, втораго (по времени сформированія) полка кавалергардовъ. Мысль заключалась въ слѣдующемъ: заставить дѣйствительно служить, а не числиться на службѣ русскую дворянскую молодежь и, заставивъ ее испытать на себѣ всю тяжесть службы нижняго чина, этимъ самымъ подготовить ее къ званію офицера армейской кавалеріи. Павлу I по причинамъ, которыя мы увидимъ ниже, не удалось осуществить этой мысли; привести ее въ исполненіе много лѣтъ спустя пришлось его преемнику. Сознавая, что для того, чтобы быть достойнымъ офицеромъ, необходимо, кромѣ твердаго и всесторонняго знанія обязанностей службы, быть воспитаннымъ въ чувствахъ чести, Императоръ Павелъ рѣшилъ собрать всю эту молодежь вмѣстѣ, поручивъ ее нравственное воспитаніе и строевое образованіе французскому эмигранту, кавалерійскому генералу, маркизу д'Отишану. Выборъ былъ одновременно удачный и неудачный [1]). Несомнѣнно, что д'Отишанъ зналъ и любилъ кавалерійское дѣло и, какъ руководитель строеваго кавалерійскаго образованія, онъ былъ на высотѣ поставленной ему задачи; то же самое мы должны сказать и относительно его нравственныхъ качествъ. Неудачнымъ же мы позволяемъ себѣ назвать этотъ выборъ въ томъ отношеніи, что д'Отишанъ былъ иностранецъ, и къ тому же эмигрантъ. Онъ не зналъ ни слова по-русски; съ другой стороны, огромное большинство кавалергардовъ не знало ни слова по-французски и, слѣдовательно, командиръ полка не могъ имѣть непосредственнаго вліянія на своихъ подчиненныхъ. Д'Отишанъ, какъ эмигрантъ, былъ представителемъ идей «стараго режима» Франціи, режима аристократическаго, совершенно не свойственнаго ни духу Россіи, ни исторически выработаннымъ государственнымъ началамъ Имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ такого рода назначеніе было рѣзкимъ отступленіемъ отъ завѣта Петра Великаго, не допускавшаго иностранцевъ на главныя мѣста въ войскѣ, завѣта, которому такъ блистательно и плодотворно для развитія самосознанія, чести и достоин-

---

карточныя игры, драки, за отлучку изъ квартиръ безъ позволенія, и прочія къ службѣ Вашего Императорскаго Величества неблагопристойности, наказываемы неоднократно домовымъ арестомъ, но всѣмъ симъ не могъ ихъ воздержать. Я за долгъ поставилъ ихъ арестовать и содержать на Троицкой гоубвахтѣ, подъ арестомъ, до Всевысочайшаго на сіе Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, изъ коихъ же Яковлевъ и Стрѣлковъ, онъ же и Стрѣльниковъ, были господиномъ полковникомъ Фроловскимъ наказаны розгами; въ разсужденіи ихъ дворянства, хотя и преступилъ чрезъ сіе Вашего Императорскаго Величества законъ, но инымъ ни чѣмъ воздержать не успѣлъ, дабы чрезъ сіе показать протчимъ хотя малой примѣръ и обуздать ихъ къ воинской дисциплинѣ и повиновенію, которые, такъ какъ уже были наказаны, то въ разсужденіи сего съ протчими подъ арестъ и не отданы. Имѣю счастіе пребыть. Графъ Буксгевденъ. Марта 24 дня 1797 года». (Леф. арх., Дѣла Общ. Канц., кн. Донесеній за Мартъ 1797 г., стр. 524).

[1]) Сборн. біогр. кавалергардовъ: II, «Маркизъ д'Отишанъ».—«Quand Paul 1-er fut monté sur le trône de Russie, il se rappela le général qu'il avait vu autrefois à Chantilly et dont il avait admiré les belles manœuvres à Luneville et il lui fit proposer par son ambassadeur à Londres d'entrer à son service». (Notes sur la maison de Beaumont; рукопись).

ства Россіи слѣдовали обѣ продолжательницы его великаго дѣла: Елисавета Петровна и Екатерина II [1]).

Еще до назначенія «командира» Кавалергардскому полку Императоръ Павелъ непосредственно самъ входилъ въ мелкія подробности службы кавалергардовъ, чѣмъ несомнѣнно умалялъ значеніе шефа, гр. Мусина-Пушкина [2]). Съ назначеніемъ д'Отишана командиромъ полка значеніе шефа еще болѣе умалилось: д'Отишанъ имѣлъ или прямо докладъ у Государя, или же представлялъ Государю свои доклады чрезъ Великаго Князя Александра Павловича. Получивъ 9 Іюня [3]) разрѣшеніе Императора Павла представлять не-

---

[1]) Екатерина II говорила, что «принятіе иностранныхъ въ нашу службу дѣлаетъ эмюляцію въ Русскихъ. Петръ I симъ пользовался, и наши скоро наметаны быть могутъ», но однако дѣйствовала при этомъ съ большой осторожностью, такъ: «гр. Рожеръ Дамасъ, французскій волонтеръ, бывшій при осадѣ Очакова, пожалованъ въ полковники. Онъ просился въ флигель-адъютанты, видно, по совѣту гр. Сегюра, но я не хотѣла имѣть во внутреннихъ комнатахъ французскаго шпіона; равнымъ образомъ не опредѣлила и въ гвардію, а полковничій чинъ доставляетъ ему право на подобный во Франціи». (Храповицкій, 275, 284).

[2]) 11 Февраля 1797 года Императоръ Павелъ писалъ собственноручно полковнику Давыдову: «Свѣдавъ, что утаено было отъ меня, что кавалергардъ отлучался болѣе мѣсяца, поручаю вамъ прямо мнѣ доносить о происходящемъ по полку вашему, и дѣлайте сіе въ двойнѣ: и мнѣ, и шефу своему. Есмь вашъ благосклонный Павелъ». (Изъ бумагъ Фед. Андр. Давыдова).

[3]) 9/20 juin.

Demandes respectueuses que je prends la liberté de mettre sous les yeux de Sa Majesté l'Empereur, mon Auguste Souverain.

Avant de remplir les fonctions de la place honorable à laquelle il a plu à Sa Majesté de me nommer, ne dois-je pas aller en rendre compte à M. le Maréchal de Pouchekin, lui témoigner le plaisir que j'ai d'être à portée de servir sous ses yeux et lui demander ses ordres.

Sa Majesté m'a répondu que je devais voir M. le Maréchal.

A mesure que je prendrai connaissance des détails du corps de MM. les Chevaliers-gardes Sa Majesté permettra-t-elle que je mette sous ses yeux les observations que j'ai pensé faire ou bien dois-je les donner à M. le Maréchal.

Sa Majesté m'a répondu que comme je lui ferai ma cour habituellement, son intention était que ce fût à elle que je remisse les observations.

Dans la position où je vais me trouver rien ne me sera plus utile qu'un bon aide de camp; ne connaissant pas le corps de MM. les Chevaliers-gardes j'ignore si je pourrai y en trouver un, j'oserais supplier Sa Majesté Impériale de m'en faire désigner un, qui animé comme moi du désir de remplir ses devoirs m'aidera à contribuer au bien du service de Sa Majesté.

Sa Majesté m'a répondu qu'il fallait me choisir un aide de camp, et sur ce que j'ai un peu insisté — pour en avoir un de sa main — elle m'a nommé M. de Baugicz sans cependant me dire positivement de le prendre; on m'a indiqué M. de Titoff le 3-e.

Avant de commencer aucune fonction ne convient-il pas que je sois reçu à la tête des Chevaliers-gardes et reconnu comme leur chef.

L'Empereur m'a dit que je pourrais être reçu à la tête de la garde. (?)

Dois-je me présenter au Collège de guerre pour y prêter le serment d'usage, serment que je prononcerai avec d'autant plus de plaisir que je suis animé des mêmes sentiments que les plus fidèles sujets de Sa Majesté.

L'Empereur m'a dit que je prêterai le serment entre les mains d'un prêtre catholique qui était à Pavlovskaya et qu'il était inutile que j'allasse au Collège de guerre. (Черновой докладъ д'Отишана; Леф. арх., оп. 120, св. 78).

— Въ Кабинетѣ Павла I въ Гатчинскомъ дворцѣ хранится подлинный докладъ д'Отишана Государю: «Très respectueuses demandes que je prend la liberté de mettre sous les yeux de Sa Majesté l'Empereur, mon Auguste Souverain. — Avant de commencer à remplir les intentions de Sa Majesté Impériale dans la place distinguée

посредственно ему свои замѣчанія относительно организаціи полка, д'Отишанъ уже 17 Іюня представилъ Государю подробный письменный докладъ. Изложивъ состояніе личнаго состава, конскаго состава и состояніе помѣщеній, д'Отишанъ ходатайствовалъ: 1) о приведеніи въ порядокъ отведенныхъ помѣщеній, 2) объ учрежденіи караула (1 унт.-офицера и 7 кавалергардовъ), 3) объ устройствѣ помѣщеній для арестованныхъ.

О дисциплинарныхъ наказаніяхъ, практикуемыхъ въ полку, д'Отишанъ писалъ: «Je me suis instruit de la manière dont on punit le chevalier-garde. On le met à l'écurie pour la plus légère faute; pour des fautes un peu plus graves on le met à la garde d'un poste de soldat ou bien on lui fait étriller un cheval. Cette dernière punition m'a paru extrêmement peu réfléchie, puisqu'il faut plutôt inspirer à un chevalier-garde de l'amour de son cheval, et lui faire sentir pourquoi il a besoin de le soigner, plutôt que de lui donner comme punition de s'en occuper. Je supplie donc Sa Majesté de permettre que j'interdise ce moyen.

Унтеръ-офицеръ кавалергардскихъ эскадроновъ, съ литогр. Ратье 1797 г.

«J'ai su aussi que l'on battait de la canne des chevaliers-gardes. J'ose supplier avec instance Sa Majesté Impériale de permettre que je défende que cela arrive jamais. Je ne négligerai rien pour que son service y gagne, en faisant sentir aux chevaliers-gardes que l'honneur devant être leur guide, l'intention de Sa Majesté est qu'on les conduise par ce sentiment; si quelques-uns s'en écartaient et commettaient des fautes graves, il en serait rendu compte à Sa Majesté qui en ordonnerait».

---

dont elle vient de m'honorer, ne m'ordonnera-t-elle pas de me rendre chez M. le Maréchal de Pouchekin pour lui témoigner le plaisir que j'ai de servir sous ses yeux et lui demander ses ordres.

Une fois que je les aurais reçus S. M. I. trouvera-t-elle bon que je prenne la liberté de Lui adresser successivement des observations sur les objets dont je m'instruirai et qui me sembleraient intéresser essentiellement le service de S. M. ou devrais-je les remettre à M. le Maréchal.

Le choix d'un aide de camp qui parle le français et le russe me paraît une chose de la plus grande nécessité à faire; comme je ne connais encore sur aucun rapport le corps de Mrs les Chevaliers-gardes et que j'ignore si j'y trouverais l'officier qui m'est essentiel j'oserai supplier S. M. de daigner m'en faire indiquer un qui du choix de S. M. me conviendra mieux qu'aucun autre, si surtout comme je le suppose il était animé comme moi du désir de plaire à mon Maître, et de mériter par notre devouement et notre soumission la continuité de la bienveillance de S. M. dont j'ai déjà reçu de si précieuses et d'aussi éclatantes marques. L'intention de S. M. I. est telle que je sois reçu et reconnu à la tête de l'escadron dont elle a bien voulu me donner le commandement.

Dois-je me présenter au Collège de guerre pour y prêter le serment de fidélité, d'usage, serment qui sera gravé dans mon cœur à trop de titres pour que je puisse jamais y manquer. D'Autichamp. Le plus soumis des sujets de Votre Majesté Impériale. 9 Juin 1797».

Внутренній духъ д'Отишанъ характеризуетъ въ слѣдующихъ крайне мягкихъ выраженіяхъ: «J'ai été informé qu'il régnait beaucoup de dégoûts dans le régiment des chevaliers-gardes; qu'un assez grand nombre d'entre eux qui étaient dans l'aisance demanderont à quitter à l'époque du mois de Septembre [1]) quoique je doive croire que tout ce qui se faisait précédemment dans le régiment avait pour objet le bien et l'utilité du service de Sa Majesté Impériale».

Желая оградить свою репутацію отъ могущихъ впослѣдствіи возникнуть нареканій, д'Отишанъ ходатайствовалъ о назначеніи кавалерійскаго генерала или генералъ-адъютанта для подробнаго осмотра полка во всѣхъ частяхъ. «Que la composition des chevaliers-gardes soit également constatée et que l'on fît une attention au choix qui a été fait des bas-officiers et aux motifs qui les ont déterminés, et que l'on remarquât surtout que la plupart sont extrêmement jeunes et que pour commander et faire obéir des hommes de l'espèce des chevaliers-gardes d'anciens militaires ou au moins des hommes formés ne seraient pas tros bons, que l'on s'assurât du peu d'instruction qui existe dans MM. les officiers, les bas-officiers et chevaliers-gardes et que je puisse faire connaître la nécessité de recommencer en entier le travail qui a été fait et de l'établir sur d'autres bases».

Не въ лучшемъ состояніи оказался конскій составъ и матеріальная часть. Д'Отишанъ просилъ: «que l'on examinât l'état des chevaux, leur maigreur, leur vétusté, que l'on remarquât combien ils sont mal soignés, ferrés. . . . Il est indispensable de réformer dans ce moment une vingtaine de chevaux qui ne valent pas ce qu'ils mangent. . . . que l'on entrât dans les détails pour connaître le peu d'uniformité qui existe dans l'habillement et l'équipement de MM. les officiers et de leurs chevaux et que l'on jugeât que plusieurs d'entre eux sont assez mal montés».

Предстояло выѣздить 700 молодыхъ лошадей и посадить на коней столько же молодыхъ людей, изъ которыхъ большинство не имѣло понятія о строевой верховой ѣздѣ; между тѣмъ д'Отишанъ такъ характеризовалъ полковаго берейтора: «Comme militaire ou comme homme de cheval il ne peut remplir les vues et servir utilement Sa Majesté».

Обращаясь къ вопросу о денщикахъ, д'Отишанъ, ссылаясь на отзывы своихъ офицеровъ, находилъ, что они плохаго поведенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ обращалъ вниманіе и на ихъ многочисленность. «Qu'il soit examiné», ходатайствовалъ маркизъ, «s'il n'est pas contraire qu'il y ait une aussi grande quantité de valets dans le corps des chevaliers-gardes affectés à leurs personnes, et établir une règle à cet égard d'après les intentions de Sa Majesté».

Еще 30 Іюня маркизъ д'Отишанъ писалъ гр. Мусину-Пушкину: «l'intention de l'Empereur est de porter le régiment à 5 escadrons» [2]), но окончательно вопросъ рѣшенъ былъ 28 Іюля, когда гр. Пушкинъ объявилъ Военной Коллегіи Высочайшій указъ о томъ, «чтобъ изъ эскадроновъ кавалер-

---

1) Подавать прошенія объ отставкѣ разрѣшалось только разъ въ годъ — въ Сентябрѣ.

2) Леф. арх., оп. 120, св. 78.

гардскихъ составить полкъ въ 5 эскадроновъ, именуя его полкомъ Кавалергардскимъ» [1]).

30 Іюля д'Отишанъ представилъ Великому Князю Александру Павловичу болѣе подробный всеподданнѣйшій докладъ [2]):

«Sire. Les différents détails dans lesquels je suis entré concernant le régiment des chevaliers-gardes me mettent dans le cas en les présentant à Votre Majesté Impériale de lui soumettre quelques idées que je désirerais qui parussent utiles au bien du service.

«*Officiers.* Je n'ai pas encore examiné tous MM. les officiers sous les rapports de leur instruction à pied et à cheval; cependant d'après les différentes questions que j'ai été dans le cas de leur faire, j'ai pu juger que la plus grande partie d'entre eux n'avaient que de bien faibles connaissances sur ce qu'il est de leur devoir d'apprendre.

Офицеръ кавалергардскихъ эскадроновъ 1797 г., съ раскраш. маслян. красками литографіи. (Гатчинскій Дворецъ).

«Je ne me suis pas encore permis de scruter leur naissance, mais je me suis laissé dire que ce n'était pas elle qui avait décidé la nomination de plusieurs. Alors je prends la liberté de représenter très respectueusement à Votre Majesté Impériale que le choix des hommes faits pour commander à un régiment auquel Votre Majesté a accordé le précieux avantage de garder Sa Personne sacrée, me semblerait devoir se fixer sur des officiers ou d'une naissance distinguée ou d'un mérite éprouvé et bien reconnu [3]).

«Je prends la liberté d'observer à Votre Majesté qu'il vaque 6 emplois d'officiers au régiment, qu'il y a dans le nombre des chevaliers-gardes beaucoup de jeunes gens très bien nés, de bonne conduite qui pourraient devenir de bons officiers qui sont faits pour l'être. . . . et ce serait pour le régiment un grand encouragement si le choix de Votre Majesté pour le remplacement tombait dans ce moment sur des sujets qui y servent.

«*Bas-officiers.* J'ai examiné avec une grande attention les bas-officiers; j'en ai vu à cheval et dans les rapports de service et je ne dois pas cacher à Votre Majesté

---

1) Леф. арх., оп. 3/1, св. 5, д. 83/63. — Эскадроны именовались: 1-й — ген.-фельдмаршала гр. Мусина-Пушкина; 2-й — ген.-лейтенанта Дотишампа; 3-й — полк. Давыдова; 4-й — полк. Фроловскаго; 5-й — подполк. гр. Шуазель-Гуфье. — 2) Тамъ же, оп. 120, св. 77. — Былъ ли этотъ докладъ представленъ Императору Павлу, мы не знаемъ. Рукою д'Отишана на докладѣ сдѣлана слѣдующая надпись: «Ce mémoire au net a été mis sous les yeux du Grand-Duc Alexandre, le 30 Juillet 1797». — 3) «J'ai à ce sujet (объ офицерахъ) l'honneur de représenter à Sa Majesté que dans le nombre des officiers qui composent son régiment des chevaliers-gardes il y en a plusieurs de très peu propres au service des troupes à cheval, soit à cause de leur médiocre tournure, de leur peu d'instruction et aussi par leur manque de fortune». (Докладъ 13 Сент.; Леф. арх., оп. 120, св. 77).

солдатъ. Все это слѣдствіе усердія, но все-таки это случаи, которые могутъ быть опасными, и я желала бы, чтобы было строго воспрещено, даже въ случаѣ пожара, производить когда-либо тревогу иначе, какъ по непосредственному приказанію Императора, потому что безъ этой предосторожности пожаръ можетъ послужить предлогомъ для подобныхъ сборищъ войскъ. Семеновскій полкъ былъ въ наибольшемъ порядкѣ, затѣмъ Измайловскій, но Преображенскій полкъ пришелъ въ разсыпную. *Конногвардейцы были превосходны, кавалергарды — также.* Войска въ массѣ — прекрасны, вѣрны, преданы, но въ отдѣльныхъ случаяхъ кто можетъ поручиться, что не было злоумышленниковъ? Всѣ эти размышленія пусть останутся между нами, моя добрая подруга, но они меня очень занимаютъ, потому что я нахожу ихъ важными. Императоръ держалъ себя чудесно, хваля войска, ихъ вѣрность и преданность; гласно онъ не доискивается причинъ тревоги, но должно избѣгать ихъ на будущее время» [1]).

Послѣ второй суматохи, происшедшей 4 Августа, Марія Ѳеодоровна писала на другой день Нелидовой: «Добрая и дорогая моя подруга, предметъ моего письма не позабавитъ васъ, дорогое мое дитя. У насъ была вторая тревога въ одинъ и тотъ же часъ съ прежней. Мы спокойно прогуливались, когда услышали крики и страшный шумъ. Такъ какъ это было подъ горою, то мы думали, что это везутъ камни, но шумъ увеличивался, и мы услышали шумъ ѣдущихъ повозокъ. Обойдя вокругъ озера, мы увидѣли мостъ занятымъ артиллерійскими солдатами, и въ это же время казаки и гусары шли вокругъ озера, направляясь ко дворцу. Императоръ и дѣти (Александръ и Константинъ Павловичи) возвращаются назадъ и быстрыми шагами идутъ къ мѣсту, мы слѣдуемъ за ними, какъ можно скорѣе. Императоръ громкимъ голосомъ приказалъ возвратиться назадъ артиллеріи, Преображенскому полку и гусарамъ. Мы уже всѣ были тамъ, и наши лица выражали неудовольствіе. Дѣти побѣжали къ площади, предназначенной со времени послѣдней суматохи быть мѣстомъ тревоги, и тамъ нашли уже всю гвардію. Они поспѣшно отослали ее назадъ. Въ какіе-нибудь полчаса все водворено было на свои мѣста. Императоръ произвелъ разслѣдованіе, и оказалось, что почтовый рожокъ былъ принятъ за сигналъ къ тревогѣ. Два барабанщика Преображенскаго полка начали бить тревогу, часть солдатъ побѣжали, не ожидая приказанія своихъ офицеровъ, а тѣ показали поразительную глупость, не только не остановивъ ихъ, но даже послѣдовавъ ихъ примѣру» [2]). По разсказу Гельбига Павелъ Петровичъ имѣлъ при себѣ въ Павловскѣ большой отрядъ гвардіи, который онъ весь день обучалъ и, чтобы испытать бодрость и военную выправку солдатъ, будилъ ихъ по ночамъ тревогами и выводилъ въ строй къ походу. Въ этихъ случаяхъ онъ самъ вставалъ, одѣвался, шелъ на дворцовый дворъ и въ казармы, чтобы трубить тревогу и судить о готовности войскъ; по его

---

[1]) Шумигорскій, «Е. И. Нелидова», 98. — [2]) Тамъ же, 99.

объясненію тревога 4 Августа вызвана была приказомъ Павла выдать всѣмъ почтальонамъ нѣмецкіе рожки, которыми они должны были оповѣщать о времени своего прибытія. Приказъ этотъ не былъ еще всѣмъ извѣстенъ. Между тѣмъ одинъ изъ почтальоновъ, снабженный уже рожкомъ, привезъ кого-то съ экстреннымъ мальпостомъ изъ Петербурга въ Павловскъ и сталъ трубить по всему городу и у гвардейскихъ казармъ. Гвардейцы приняли рожокъ за тревогу [1]).

Духъ и дисциплина.

Мы уже видѣли, какой былъ духъ, и какова была дисциплина въ «Кавалергардскихъ эскадронахъ». То же самое мы должны сказать и о «Кавалергардскомъ полку». Порывность сформированія «эскадроновъ», согласно идеи, хотя и вѣрной, но плохо отвѣчавшей дѣйствительности и не разработанной въ деталяхъ, порученіе этой задачи сначала гр. Мусину-Пушкину, никогда не отличавшемуся избыткомъ энергіи и самостоятельности, а затѣмъ пришлецу маркизу д'Отишану, не сулили успѣха полку.

Не даромъ еще 3 Іюля д'Отишанъ обращался къ гр. Мусину-Пушкину съ просьбой ходатайствовать предъ Государемъ о пріостановкѣ на нѣкоторое время дальнѣйшихъ назначеній въ кавалергарды [2]).

Нужно было разобраться въ собранномъ матеріалѣ, нужно было его разсортировать и профильтрировать, но для этого нужно было *время,* а его не давали. Кому изъ насъ не извѣстно, что при сформированіи части изъ другихъ частей, послѣднія стараются спустить весь свой физическій и нравственный бракъ. Такъ было и при сформированіи Кавалергардскаго полка: полки въ числѣ своихъ «фурьеровъ», «капраловъ» и т. д. отправили все, что было у нихъ худшаго. Неудивительно поэтому, что въ числѣ присланной молодежи оказались не только дурно воспитанные люди, но даже воришка. Такъ,

[1]) Р. Стар., 1887/III, 429. — [2]) «Monsieur le Maréchal. J'ai l'honneur de rendre compte à V. E. que depuis quelques jours il est arrivé plusieurs ordres de l'Empereur pour recevoir différents sujets dans le régiment des Chevaliers-gardes, dont quelques-uns n'ont pas la taille nécessaire pour servir dans un corps de troupes à cheval; je crois devoir en conséquence engager V. E. à représenter à Sa Majesté, qu'il serait du bien de son service de suspendre pour quelque temps toute demande d'admission dans le régiment des Chevaliers-gardes, et jusqu'à ce que j'aie pu présenter à V. E. le tableau de la formation de cinq escadrons, dont je m'occupe, et qui, à ce que je prévois, pourra prouver à V. E. qu'au lieu de recevoir de nouveaux sujets, il y en aura beaucoup de surnuméraires dont il serait utile de se débarrasser. St.-Pétersbourg, le 3 Juillet 1797». (Леф. арх., оп. 120, св. 78).

Кавалергарды въ царствованіе Императора Павла I.
Съ акварели А. Бальдингера.

Офицеръ кавалергардскихъ эскадроновъ 1797 года.

кавалергардъ Иванъ Смѣ(е)рдовъ «ночью, разломавъ замокъ въ комнатѣ, гдѣ хранятся принадлежащія къ обозу вещи, съ двухъ вьючныхъ попонъ ободралъ позументъ и одну изъ нихъ похитилъ, а выжигу продалъ за 5 рублей; потерялъ карабинъ и шпоры; продалъ казенныя вещи: фуфайку, перчатки, позументъ съ ташки, шляпу, сакву и чемоданъ, всего на 128 р. 40 коп.». Судъ постановилъ: Смердова повѣсить. Генералъ-аудиторъ «заключилъ»: лишивъ Смердова настоящаго званія и дворянства, написать въ отдаленные гарнизонные полки вѣчно въ солдаты. 27 Августа 1797 г. по дѣлу Смердова послѣдовала нижеслѣдующая Высочайшая резолюція: «*Весьма такъ*» [1]).

9 Іюля дежурный по полку ротмистръ Титовъ 1-й рапортовалъ маркизу д'Отишану: «Сего 9 Іюля дня стоящій на квартирѣ на Вознесенской улицѣ, въ домѣ купца Тразина кавалергардъ Кроткой 1-й прибилъ эскадрона Вашего Превосходительства кавалергарда Колтовскаго, котораго, по осмотру моему, нашелъ я весьма больно прибитымъ въ лѣвый глазъ и щеку; отъ коего удара

---

[1]) Леф. арх., оп. 99, св. 10, д. 54, стр. 12 и 17; оп. 120, св. 77. — Смердовъ въ службу поступилъ въ 1796 г. въ Семеновскій полкъ фурьеромъ, изъ дворянъ, 18 лѣтъ. Переведенъ въ Тобольскій мушкатерскій полкъ. — Точно также полки спускали въ Кавалергардскій полкъ и худшихъ своихъ нижнихъ чиновъ изъ даточныхъ. 23 Іюля д'Отишанъ доносилъ Пушкину, что двое унтеръ-офицеровъ такъ называемыхъ жандармовъ (обязанность послѣднихъ заключалась въ наблюденіи за денщиками) безчинствовали въ кабакѣ, причемъ разбили палками голову какому-то человѣку. Д'Отишанъ приказалъ дать каждому изъ жандармовъ по сту фухтелей и ходатайствовалъ о разрѣшеніи отослать одного изъ нихъ (un très mauvais sujet et fort ivrogne) въ конную гвардію, «un tel homme ne pouvant qu'être fâcheux à conserver au régiment». (Леф. арх., оп. 120, св. 77).

Въ началѣ Октября д'Отишанъ представилъ докладъ Вел. Кн. Александру Павловичу съ проэктомъ обязательныхъ правилъ («Articles») для унтеръ-офицеровъ и кавалергардовъ, остающихся въ сохраняемомъ эскадронѣ. Между правилами, относящимися до сѣдловки, соблюденія формы обмундированія и т. п., мы встрѣчаемъ и нижеслѣдующія: «§ 8. Tous les jeux de hasard sont expressément défendus et ceux de commerce où l'on pourrait perdre plus de 3 roubles sont interdits aux bas-officiers et chevaliers-gardes. — § 9. Il leur est également défendu de faire des dettes. — § 10. Tout désordre de crapule et d'ivrognerie dont un bas-officier ou chevalier-garde serait convaincu ne sera pas toléré et entraînera son renvoi, parce que des hommes choisis pour avoir l'honneur de garder la personne de Sa Majesté Impériale ne peuvent sous tous les rapports avoir une trop bonne conduite. — § 17. . . . Il est également défendu à tous les chevaliers-gardes de proposer à leur camarade de faire leur service à prix d'argent et aucun chevalier-garde n'en doit recevoir pour cet objet, tous doivent s'honorer de servir et le faire avec zèle. Aucun bas-officier ou chevalier-garde ne se permettra de faire entrer aux casernes des femmes ou filles publiques ou des gens suspects. — § 18. Il est défendu à tout bas-officier et chevalier-garde d'employer pour son service particulier aucun dentchik de la couronne. — § 21. Les bas-officiers et chevaliers-gardes ne seront ni battus, ni injuriés. Les fautes légères qu'ils pourront commettre seront punies suivant le délit. Les fautes graves, surtout celles qui intéresseraient l'honneur seront soumises à Sa Majesté Impériale qui prononcera sur le sort des coupables». Представляя эти правила на Высочайшее утвержденіе, д'Отишанъ писалъ: «Je ne dois pas cacher que j'ai été déterminé à dresser ces Articles par le mauvais esprit que je me suis aperçu qui régnait au régiment tant par la négligence dans le service que par le relâchement dans la discipline qui a déjà eu et aurait encore les plus dangereuses conséquences». (Леф. арх., оп. 120, св. 77).

Кавалергардскій шишакъ 1797 г., по рис. К. Пиратскаго.

видны во всю лѣвую сторону синіе знаки съ великою при томъ опухолью». Драка произошла изъ-за неумѣстной и гнусной шутки Колтовскаго относительно сестры Кроткаго. Глубоко возмущенный кулачною расправою между кавалергардами, д'Отишанъ ходатайствовалъ предъ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ объ исключеніи обоихъ изъ полка [1]). 28 Іюня гр. Мусинъ-Пушкинъ прислалъ ордеръ д'Отишану: «Его Императорское Величество Всевысочайше указать соизволилъ, чтобы кавалергардовъ, содержащихся подъ арестомъ, Кроткаго и Колтовскаго, за худое ихъ поведеніе, изъ полку Кавалергардскаго выключа, отослать въ Государственную Военную Коллегію для опредѣленія въ армейскіе полки въ рядовые» [2]).

Но что можно было ожидать отъ молодыхъ кавалергардовъ, когда большинство ихъ офицеровъ были типичные «gatchinois», въ родѣ поручика Букина, который, будучи дежурнымъ, напивается пьянымъ, самовольно покидаетъ дежурство и подъ предлогомъ, что кавалергардъ Сербинъ не отдалъ ему чести, бьетъ его на улицѣ и сажаетъ на конюшню, а не подъ арестъ [3]).

---

[1]) «Information. Aujourd'hui 13 Juillet 1797 sur le compte qui m'avait été rendu le 9 par Mr. le capitaine Titoff 1-r d'une affaire survenue entre deux chevaliers-gardes, j'ai fait venir les deux hommes qui avaient été mis en prison ledit jour 9, et après les avoir interrogés en présence de Mr. Titoff 1-r et du Sieur Pourgasoff, chevalier-garde du second escadron, témoin, il s'en suit que le Sieur Krotkoy et le Sieur Koltovskoy, chevalier-garde, ce dernier du second escadron, le 1-r surnuméraire, ont eu une querelle très vive en paroles survenue sur la question que Mr. Koltovskoy a fait à Mr. Krotkoy, s'il avait une sœur, si elle était jolie, et sur la réponse qu'a fait Mr. de Krotkoy qu'il en avait une de treize ans, le Sieur Koltovskoy a dit qu'elle était déjà en état d'être courtisée; ce propos ayant déplu à Mr. de Krotkoy, il a donné un soufflet et plusieurs coups de poing à Mr. de Koltovskoy (qui) en est resté très marqué et sur la déposition du Sieur Pourgasoff, témoin, il donne tort à Mr. de Krotkoy qui outre beaucoup d'injures a frappé le premier le Sieur de Koltovskoy. D'après l'exposé ci-dessus je crois devoir solliciter S. E. Mr. le maréchal comte de Pouchkine de vouloir bien ordonner qu'il soit fait un exemple sévère de deux gentilshommes qui s'oublient au point de se battre à coups de poing et de décider, qu'ils ne doivent ni l'un, ni l'autre servir désormais dans le régiment des chevaliers-gardes». (Леф. арх., оп. 120, св. 77).

[2]) Леф. арх., оп. 120, св. 77.

[3]) «Rapport fait au commandant militaire de St.-Pétersbourg (Аракчееву) le 22 Juillet au soir. Monsieur, j'ai l'honneur d'informer V. E. que m'étant rendu à la maison de Baur ce soir au moment de l'appel, M. le capitaine chevalier de la Gache m'a rendu compte que l'on venait de lui faire le rapport que le lieutenant Boukine, de mon escadron, qui était officier de jour, a quitté son poste et s'est promené à cheval; il a rencontré des chevaliers-gardes, il en a fort maltraité un parce qu'il a dit qu'il ne lui avait pas ôté son chapeau, il lui a donné ensuite un coup de poing dans la poitrine, a menacé de lui donner des coups de plat de sabre et l'a conduit à l'écurie. J'ai ordonné que l'on arrêtât le lieutenant Boukine pour avoir quitté son poste, pour avoir frappé un chevalier-garde, ce que j'ai expressément défendu et pour l'avoir mis à l'écurie, y ayant une prison destinée aux chevaliers-gardes. J'ai également fait mettre en prison le chevalier-garde Serbine pour n'avoir pas ôté son chapeau à un officier ce qu'il assure cependant avoir fait. Ce dont j'ai l'honneur de faire mon rapport à Votre Excellence». (Леф. арх., оп. 120, св. 78). Донося объ этомъ происшествіи шефу полка, д'Отишанъ писалъ ему: «je m'étais rendu aux casernes à l'heure de l'appel parce que j'étais informé qu'il se faisait avec peu d'exactitude et qu'il y manquait toujours du monde. Lorsque je suis arrivé, il y avait

Маркизъ д'Отишанъ стремится насадить порядочность въ Высочайше ввѣренномъ ему полку, въ которомъ каждый рядовой дворянинъ, въ полку, который долженъ служить разсадникомъ офицеровъ арміи; шефъ полка, при назначеніи д'Отишана, даетъ ему (20 Іюня) ордеръ, въ которомъ значится: «Полкъ кавалергардскій препоручается въ полное командованіе В. Пр-ва, почему имѣете вы оный осмотрѣть во всѣхъ частяхъ, а при томъ рекомендую В. Пр-ву при собраніи всѣхъ господъ штабъ- и оберъ-офицеровъ объявить, чтобъ *не осмѣливались* они унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ *штрафовать палкою, также и бранными или грубыми словами, а обходились съ ними ласково и вѣжливо, какъ должно съ благородными людьми.* Ежели кто окажется въ худомъ поведеніи или въ нерачeніи своей должности, о таковыхъ представляли-бы они вамъ, а вы уже по мѣрѣ преступленія имѣете штрафовать по вашему разсужденію, *сходно со званіемъ кавалергарда»* [1]).

Такъ писалъ рожденный въ благородствѣ и дѣйствительно благородный человѣкъ другому себѣ подобному, но... писать было одно, а дѣйствительность была иная. Запрещеніе «штрафовать» палкою «благородныхъ» слишкомъ походило на Потемкинскія времена, когда даже «неблагороднымъ» разрѣшалось, и то въ крайнихъ случаяхъ, давать не болѣе шести палокъ. Но Потемкинскія времена рѣшено было вырвать съ корнемъ и даже слѣдъ его могилы замести; признано было, что «при князѣ Потемкинѣ... вмѣсто службы обращались въ передней и въ пляскѣ» [2]), а Аракчеевъ шелъ дальше, у него языкъ поворачивался боевыя знамена называть «Екатерининскими юбками»!!! «Подтянуть» нѣкоторую распущенность, существовавшую въ концѣ царствованія Екатерины II въ войскахъ вообще и въ гвардіи въ особенности, было необходимо, но вмѣсто того, чтобы сдѣлать это исподволь и пригодными для русскихъ мѣрами, рѣшено было подтянуть на прусскій образецъ, т.-е. при

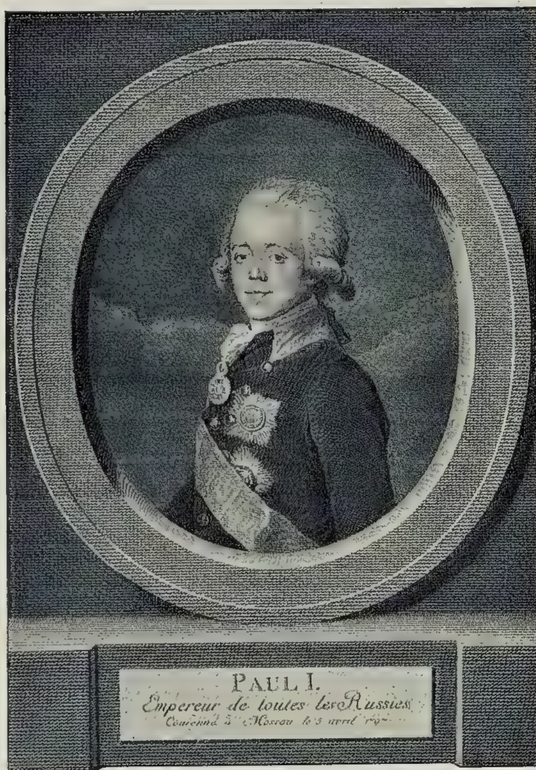
beaucoup de rumeur, les têtes étaient échauffées de l'aventure qui venait de se passer entre M. Boukine et le ca.-garde Serbine. Les informations que j'ai faites sont le résultat du rapport que j'ai fait au commandant militaire, mais ce que je n'ai pas mis dans le rapport et ce dont je dois compte à V. E. c'est que M. Boukine était plus que chaud de vin, et que M. Carpovitch, cornet, qui aussi était de jour, mais qui n'a pris aucune part à l'affaire n'était pas de sang-froid et avait ainsi que son camarade beaucoup trop bu. Tous les chev.-gardes parlaient avec peu de mesure de ces deux officiers et V. E. sent sûrement le mauvais effet que peut produire dans le corps une telle conduite de la part des officiers. Je me propose d'en dire mon avis à M. de Carpovitch, mais je supplie V. E. de me mander ce qu'elle veut qui soit fait sur le Sieur Boukine et combien ses arrêts doivent durer». (Леф. арх., оп. 120, св. 77).

[1]) Леф. арх., оп. 120, св. 77.—Ордеръ этотъ былъ вызванъ докладомъ д'Отишана гр. Мусину-Пушкину, сдѣланнымъ наканунѣ: «Il (au régiment) doit y avoir des chambres de discipline et des prisons reconnues. J'ordonnerai sous le bon plaisir de M. le Maréchal, que l'on fasse usage si quelque chevalier se met dans le cas de mériter une punition. Pour des fautes légères ils seront au corps-de-garde. En faisant ces dispositions je demande à M. le Maréchal avec la plus vive instance de m'autoriser à défendre à Mrs. les officiers et bas-officiers sous quelque prétexte que ce soit de jamais frapper de la canne aucun chevalier-garde, ni même de faire aucun geste menaçant, ni l'injurer. Un corps aussi distingué que celui que commande M. le Maréchal doit être conduit par l'honneur et s'il pouvait se trouver des individus qui ne fussent pas animés de ce sentiment alors ils ne seraient pas faits pour y servir, et j'aurai l'honneur d'en rendre compte à M. le Maréchal pour qu'il pût prendre à cet égard les ordres de Sa Majesté Impériale». (Тамъ же, св. 78).

[2]) «Лб.-гв. Преображенскаго полка поручикъ Шепелевъ выключается въ Елецкій мушкетерскій полкъ за незнаніе своей должности, за лѣнь и нерадѣніе, къ чему онъ привыкъ въ бытность его при кн. Потемкинѣ и Зубовѣ, гдѣ вмѣсто службы обращались въ передней и въ пляскѣ». (Высоч. прик. 14 Авг. 1797 г.).

помощи суровыхъ тѣлесныхъ наказаній, давно уже выведенныхъ у насъ Потемкинымъ. «Эмблемою ихъ и служила *трость*, заимствованная отъ пруссаковъ вмѣстѣ съ ихъ одеждой и уставами» [1]). Исправить армію должны были «гатчинцы», а какъ они дѣйствовали, достаточно будетъ привести одинъ примѣръ.

20 Августа отъ плацъ-маіора Капцевича поступило слѣдующее заявленіе: «A Monsieur Monsieur le Lieutenant Général et chevalier Marquis Dotichamp. En vous envoyant le chevalier-garde Nicolas de Stroumillo, qui était pris par moi et mis aux arrêts pour son impolitesse et grossièreté en me rencontrant, je présente sa démarche à la résolution de Votre Excellence. A St-Pétersbourg le 20-me d'août, l'an 1797-e. Major en place et chevalier colonel de Capcévitch» [2]). Того же числа кавалергардъ Струмилло подалъ жалобу, записанную слово въ слово за нимъ ротмистромъ De-la-Gache.

Павелъ I, съ гравюры И. С. Клаубера по портрету И. Л. Вуаль 1789 г.

«Mon colonel [3]). Ce n'est qu'à mon chef à qui je dois m'adresser pour lui faire ma plainte du traitement affreux que je viens d'essuyer; j'ai été frappé pour une faute involontaire; je suis déshonoré pour n'avoir pas fait attention aux personnes qui passaient près de moi et voici les suites: je passais devant la nouvelle salle que l'on bâtit sur la place pour l'exercice, occupé de toute mon attention à regarder ce bâtiment, je ne pris pas garde à ceux qui passaient près de moi, je me senti frapper derrière sur la tête d'un coup de bâton qui fit tomber mon chapeau. Mon premier mouvement fut de le ramasser; ayant aperçu que c'etait un officier qui me traitait de la sorte, je ne sus que penser et surtout lorsqu'il me donna un second coup de bâton et venant près de moi me frappant du poing à la figure, me disant que ce n'était pas le temps de ramasser mon chapeau, qu'il apprendrait aux chevaliers-gardes à être plus polis. Me voyant ainsi maltraité sans être coupable, je lui demandai son nom et qui il était et pourquoi il me frappait; que s'il croyait que j'eusse fait quelques fautes il pouvait me faire punir par mes

---

[1]) Потто, «Ист. Нижегор. полка», II, 35.—Трость эта изъ обыкновеннаго дерева съ костянымъ набалдашникомъ составляла неотъемлемую принадлежность формы каждаго начальствующаго лица, начиная съ сержанта, а въ кавалеріи введена была у всѣхъ унтеръ-офицеровъ взамѣнъ даже ружей и возилась въ конномъ строю, замкнутой за сѣдельную подпругу. (См. Висковатовъ, Опис. одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ). «*Натуральныя*» трости — знакъ начальства, начиная отъ сержанта и до фельдмаршала; одинъ только рядовой солдатъ не имѣлъ трости: знаменательная особенность, доказывавшая, для кого носили ее всѣ начальствующія лица». (Лебедевъ, «Военн. дѣятели», Р. Ст., 1877/II, 231). — [2]) Леф. арх., оп. 120, св. 78. — [3]) Жалоба адресована эскадронному командиру графу Шуазель-Гуфье.

chefs, sur quoi il me fit la réponse en me disant dans ces termes: «tu le sauras qui je suis et je t'apprendrai à l'avenir à saluer tous les officiers jusqu'au dernier cornette de l'armée qui passera près de toi», et il appela sur-le-champ un soldat de garde par lequel il me fit arrêter et conduire chez lui où étant arrivé, sans savoir chez qui j'étais, il ordonna au soldat de me conduire dans la chambre d'arrêt, de me garder avec soin, en disant du ton de mépris: «fourrez le sous les bancs».

Dans le principe lorsqu'il voulu me faire conduire chez lui je le suppliai de nouveau de me renvoyer au corps, il me répondit: «je te ferai reconduire, mais lorsque j'aurai d'abord commencé à te punir à ma manière».

Je puis vous protester sur l'honneur, mon colonel, que je ne méritais pas ce traitement, que je ne l'avais point vu passer près de moi et que je n'ai su qu'il était le place-major Mr. de Capcévitz que par le sergent de garde du poste auquel l'on me conduisit aux arrêts.

Veuillez, mon colonel, recevoir ma plainte et la porter au général, réclamer son intérêt pour un gentilhomme qui serait déshonoré si ses chefs ne lui obtiennent justice. J'ai l'honneur d'être — de Stroumillo» [1]).

23 Іюня д'Отишанъ такъ доносилъ о случившемся Вел. Кн. Александру Павловичу:

«Monseigneur, j'ai l'honneur de mettre sous les yeux de Votre Altesse Impériale une plainte qui m'a été portée par M. le major de la place Capzewitch contre le chevalier-garde Stromello, qu'il a renvoyé au corps après l'avoir retenu 24 heures à la garde; j'ai ordonné que ce chevalier-garde soit mis en prison, et je l'ai fait interroger sur les raisons qui avaient pu lui mériter une punition de la part de M. le Major de la place.

«Votre Altesse Impériale trouvera ci-jointe la déposition que le chevalier-garde a donnée au Cte de Choiseul, son chef d'escadron; il en résulte qu'il paraît, qu'il a été non-seulement puni, mais même battu, et c'est en conséquence de ce dernier fait que j'ai l'honneur de m'adresser à Votre Altesse Impériale pour faire ordonner à qui il appartiendra de ne plus se permettre de battre les chevaliers-gardes, les intentions de Sa Majesté Impériale étant formelles à cet égard» [2]).

---

1) На оборотѣ написано: «Mon général, je vous envoie la copie de la plainte du chevalier-garde; elle est mot-à-mot comme il s'est exprimé. Подписано: «Le Cvr. Delagache, ce 20 août». (Леф. арх., оп. 120, св. 78).

2) Повидимому д'Отишанъ донесъ В. Кн. Александру Павловичу безъ вѣдома гр. Мусина-Пушкина, ибо въ запискѣ для памяти д'Отишана отъ 22 Іюля читаемъ: «De la plainte du chev.-garde battu par le Major de la place, lui demander si je dois la faire au Grand-Duc Alexandre ou seulement à M. de Buxevenden». Противъ этого мѣста слѣдующая отмѣтка: «Il (гр. Мусинъ-Пушкинъ) m'a dit d'en parler à M. de Buxevenden». (Леф. арх., оп. 120, св. 77). — Въ замѣткахъ своихъ о докладѣ 4 Сентября графу Мусину-Пушкину (travail du 4 Sbre avec M. le Maréchal Pouchkine) д'Отишанъ записалъ: «De la réprimande au Major de la place». — «J'ai dit à M. le Maréchal que Mgr. le Grand-Duc avait seulement reçu mes lettres puisqu'il avait parlé au Major de la place sur la conduite qu'il avait eue vis-à-vis d'un chev.-garde». (Тамъ же).

Хозяйство.

До назначенія маркиза д'Отишана командиромъ полка хозяйство «Кавалергардскихъ эскадроновъ» велъ полковникъ Давыдовъ, а во время его отсутствія съ 1-мъ эскадрономъ на коронаціи въ Москвѣ, хозяйство оставшейся въ Петербургѣ части было возложено на полковника Фроловскаго. Назначенный командиромъ полка, д'Отишанъ долгое время не могъ добиться отчетовъ ни отъ того, ни отъ другаго [1]). Неоднократно д'Отишанъ пытался добиться этихъ отчетовъ чрезъ гр. Мусина-Пушкина, но безуспѣшно; наконецъ онъ обратился къ генералу Дерфельдену, инспектору кавалеріи Петербургскаго округа («инспекціи») и 29 Августа писалъ ему изъ Павловска: «J'ai infiniment regretté de ne m'être pas trouvé ici lorsque V. E: y est venue. J'aurais été très aise en entrant dans tous les détails avec elle de lui faire connaître l'impossibilité absolue qu'il y a à ce que ce régiment prenne une forme tant qu'il ne s'y établira aucune règle, que les dépenses de l'ancienne administration n'auront pas été constatées et arrêtées qu' enfin je pourrai me charger de tous les objets d'habillement, d'équipement et d'armement des hommes et du harnachement des chevaux. Jusqu'alors M. le colonel Davidoff réglait toutes ces parties sans en faire partager les détails aux autres chefs d'escadrons; il ordonnait également de toutes les dépenses en sorte que personne ne sait ce qu'elles ont été et sur quoi elles ont porté» [2]). Обращеніе къ Дерфельдену не привело также ни къ чему, ибо вскорѣ затѣмъ полкъ былъ упраздненъ. Такимъ образомъ борьба д'Отишана съ Давыдовымъ оказалась безплодною, если не считать того, что Давыдовъ при расформированіи полка былъ уволенъ въ отставку, ибо, какъ о немъ писалъ Вел. Кн. Александръ Павловичъ

---

1) «Depuis six semaines qu'il a plu à Sa Majesté de me confier le commandement de Son régiment de chevaliers-gardes je n'ai pu obtenir de détails sur l'administration des finances du régiment». (Высоч. докладъ д'Отишана; Леф. арх., оп. 120, св. 77).

2) Леф. арх., оп. 120, св. 78. — Въ рапортѣ д'Отишана гр. Мусину-Пушкину отъ 9 Іюля читаемъ: «J'ai l'honneur de supplier M. le Maréchal de vouloir bien donner l'ordre à qui bon lui semblera d'examiner et de vérifier toutes les dépenses qui ont pu être faites pour le corps depuis le moment de sa formation j'usqu' à l'époque de ma nomination au commandement en second sous ses ordres, ne pouvant en aucune manière me mêler et me charger de ce qui a été fait avant moi. En même temps que cette opération se fera je le prie également d'ordonner à qui que ce puisse être de ne se mêler désormais d'aucune espèce d'administration, ni de dépenses relatives à l'équipement, l'habillement et l'armement de Mrs. les officiers et à l'équipement et à l'habillement des chevaliers-gardes, ni du harnachement des chevaux; ces objets dont je dois personnellement répondre à M. le Maréchal ne doivent regarder que moi et dès que S. E. aura bien voulu me faire connaître ses intentions, j'aurai l'honneur de lui proposer la manière dont je pense que doivent être tenus les comptes et dont je me propose de diriger tous les genres de dépenses pour l'utilité du service de l'Empereur». (Тамъ же, св. 77).

д'Отишану: «Pour M. Davidof, l'Empereur m'a dit qu'il savait qu'il était un voleur et qu'il lui donnerait tout simplement son congé» [1]).

При окончательномъ распущеніи полка оказалось, что у д'Отишана было всего прихода 4294 руб. 27 ½ коп. и расхода 397 руб. 72 коп. Остатокъ былъ имъ въ 3896 руб. 55 коп. представленъ въ Кабинетъ [2]).

Вещевое довольствіе.

Мы находимся рѣшительно въ невозможности указать даже приблизительно на всѣ измѣненія въ обмундированіи и снаряженіи Кавалергардскаго полка 1797 года и въ данномъ случаѣ можемъ только повторить слова «Исторіи л.-гв. Семеновскаго полка»: «услѣдить и перечислить всѣ измѣненія въ формѣ одежды въ продолженіи четырехъ лѣтъ (царствованія Павла I) нѣтъ никакой возможности, — такъ часто они происходили. Даже спеціальное описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ (Висковатаго) не представляетъ полнаго собранія всѣхъ перемѣнъ обмундированія, на которыя мы встрѣчаемъ указанія въ дѣлахъ» [3]). Въ главѣ «Коронація Павла I» мы уже указали на парадную форму кавалергардовъ, предохранительное вооруженіе которыхъ было сдѣлано изъ серебра казенныхъ сервизовъ намѣстниковъ. Второму эскадрону даны были «латы и шишаки стальные вороненые» съ мѣдными пуговицами, а третьему — «изъ латуни съ пуговицами такими-же», причемъ повелѣвалось наблюсти, «чтобъ не тяжелѣе были теперешняго платья»

Кавалергардскія кирасы 1797, 1800—1801 г., по рис. Сокольскаго.

---

1) Собственноручное письмо, отъ 19 Окт. 1797 г. (Леф. арх., оп. 120, св. 77). — Пока предполагалось сохранить одинъ эскадронъ кавалергардовъ, д'Отишанъ представилъ докладъ Вел. Кн. Александру Павловичу, въ которомъ такъ характеризовалъ хозяйственную дѣятельность Давыдова: «... mon dévoument à Son (Sa Majesté) service m'oblige à Lui dire que quel que soit le parti qu'Elle prenne sur Son régiment des Chevaliers-gardes il est indispensable de faire surveiller M. Davidoff dans les parties qui seront confiées à son administration et que pour commencer à l'éclairer il est indispensable de lui faire rendre compte de toutes les sommes qu'il a eues à sa disposition depuis le moment de la formation du régiment jusqu'a aujourd'hui .... M. Davidoff cherchait à s'entourer de gens à lui dévoués et écartait les autres en leur faisant sentir d'une manière très dure le poids de son autorité. Je ne dois pas taire à Sa Majesté que j'ai moi-même à lutter contre M. Davidoff, qui a cherché à rendre mes opérations difficiles et à m'embarasser dans les ordres que je donnais, que chaque jour il me fait par écrit ou verbalement des demandes insidieuses, notamment; je veux parler de celles pour les dépenses que les réglements de Sa Majesté pour employer tels ou tels gens à des fonctions qui ne leur sont pas attribuées.... et élude autant qu'il peut mes ordres et entrave le service. Jusqu'alors j'ai pris patience et j'ai cru devoir ménager un homme que M. le Maréchal de Pouchkine, mon chef, traitait avec bonté et pour lequel il avait eu un grand abandon de confiance, mais le service de Sa Majesté souffre beaucoup de cette situation de choses et j'ose La supplier très respectueusement de daigner me séparer de M. Davidoff et d'avoir la bonté, si il reste au commandement de l'escadron du régiment des Chevaliers-gardes, de m'employer ainsi que le jugera à propos». (Тамъ же, св. 77). — 2) Тамъ же, св. 77. — 3) Диринъ, I, 343.

Видъ казармъ Кавалергардскаго полка 1797 г. («дома Боуера», нынѣ Литовскій Замокъ), съ рис. гуашью съ натуры В. Патерсена 1788 г. (Собраніе П. Я. Дашкова).

(т.-е. снаряженія 1-го эскадрона) [1]). Что же касается до 4 и 5 эскадроновъ, то они фактически никогда не были вполнѣ организованы, и чѣмъ они различались по обмундированію отъ остальныхъ, намъ неизвѣстно.

Согласно представленныхъ полк. Давыдовымъ справочныхъ цѣнъ, обмундированіе каждаго кавалергарда должно было обойтись въ 102 руб. 95 коп.; снаряженіе [2]) (équipement) — 66 руб. 30 коп.; стоимость лошади на мѣстѣ 150 руб. [3]); конскаго снаряженія — 68 руб. 16 коп., а всего на 1 коннаго кавалергарда требовалось 387 руб. 40 коп., не считая вооруженія [4]).

Квартирное довольствіе.

Для жительства «Кавалергардскихъ эскадроновъ» и «Кавалергардскаго полка» былъ отведенъ домъ «подъ названіемъ прежде бывшаго Боуерскаго

---

[1]) Высоч. указъ гр. Мусину-Пушкину, 9 Апр. 1797 г. (Леф. арх., кн. Высоч. указовъ, № 7, стр. 52).

[2]) Сапоги и сюртуки (chenille ou redingote) отнесены къ предметамъ снаряженія.

[3]) Не считая накладныхъ расходовъ при покупкѣ и стоимости привода.

[4]) «On ne parle point de l'armement parce que l'on pense que S. M. I. fera fournir de Ses magasins d'armes et que si les sabres devaient rester et être tous d'argent cette dépense serait considérable». (Леф. арх., оп. 120, св. 77).

корпуса»[1]), нынѣшній Литовскій замокъ, и кромѣ того два дома, перешедшіе въ казну, находившіеся по близости замка. Но далеко не всѣ кавалергарды могли помѣститься въ казенномъ зданіи, и потому нѣкоторые были расквартированы по обывательскимъ домамъ въ Коломнѣ, по Вознесенской и Офицерской и прилегающимъ къ послѣднимъ улицамъ. Заботясь о дисциплинѣ полка, д'Отишанъ хорошо понималъ, что главное средство для поддержанія ея — собрать всѣхъ кавалергардовъ въ одно мѣсто для жительства, и потому представилъ проэктъ о ремонтѣ Боуерскаго корпуса; разсчетъ былъ составленъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ еще на 3-хъ эскадронный полкъ, причемъ по смѣтѣ архитектора требовалось 22.735 р. 23 коп. Были припасены матеріалы, и приступлено къ нѣкоторымъ работамъ, но полкъ былъ расформированъ до окончанія ихъ[2]).

Медицина.

Вступивъ въ командованіе полкомъ, д'Отишанъ замѣтилъ, что «вслѣдствіе дурно понятой снисходительности разрѣшалось оставлять больныхъ кавалергардовъ въ казармахъ»[3]).

Въ началѣ Іюля д'Отишанъ посѣтилъ Преображенскій госпиталь, отведенный для пользованія больныхъ кавалергардовъ. Въ госпиталѣ оказалось 12 кавалергардовъ, изъ которыхъ 6 человѣкъ были больны секретными болѣзнями, 2 чесоткой (galeux) и остальные лихорадкой и другими болѣзнями. О впечатлѣніи, вынесенномъ изъ осмотра госпиталя, д'Отишанъ писалъ 9 Іюля гр. Мусину-Пушкину въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «J'ai visité l'hôpital dans tous les détails; les salles sont grandes, bien aérées et tenues proprement. Les aliments que j'ai goûtés m'ont paru assez bons, excepté le pain qui est mal cuit et l'on m'a dit que les farines n'étaient pas trop bonnes. La boisson, nommée «kvas», est dans la cuisine et serait mieux dans un endroit plus frais»[4]).

Конскій составъ.

До насъ не дошло свѣдѣній, какимъ способомъ были снабжены лошадьми «Кавалергардскіе эскадроны», но составъ лошадей былъ крайне плохой. При

---

[1]) Леф. арх., оп. 120, св. 77. — Онъ же по другимъ бумагамъ назывался «тюремнымъ замкомъ». (Тамъ же, св. 78). При расформированіи полка замокъ сданъ Сенату для помѣщенія въ немъ Сенатскаго батальона. Изъ сдаточной описи видно, что «посреди замка» находилась «церковь каменная» и «три корпуса небольшихъ..., а протчія строенія всѣ сломаны, вокругъ всего замка стѣна каменная». (Тамъ же, св. 78).

Лавки и огородъ при отведенныхъ домахъ были сданы за 830 руб. въ годъ.

[2]) Письмо д'Отишана Вел. Кн. Александру Павловичу, отъ 23 Авг. 1797 г. (Леф. арх., оп. 120, св. 78).

[3]) Рапортъ гр. Мусину-Пушкину 19 Іюня: «Je suis persuadé que M. le Maréchal désapprouve cette manière; je lui demande la permission de défendre que cela arrive désormais et d'en rendre responsables les chefs d'escadrons et officiers». (Леф. арх., оп. 120, св. 78). Въ Высоч. докладѣ 17 Іюня д'Отишанъ писалъ: «Sa Majesté a établi un hôpital pour les chevaliers-gardes dans celui des gardes de Préobragenski, cependant beaucoup d'entre eux sont traités dans l'intérieur de leurs casernes par une condescendance mal entendue. Cela est bien contraire au service, à la propreté nécessaire dans un établissement militaire et peut-être fort dangereux. Je pense qu'il serait nécessaire que Sa Majesté voulût m'autoriser à défendre que désormais aucun chevalier-garde ne serait malade dans sa chambre sans être transporté à l'hôpital». (Тамъ же, св. 78). — [4]) Тамъ же, св. 78.

назначеніи д'Отишана командиромъ полка было около (à peu près) 230 лошадей; изъ нихъ «по крайней мѣрѣ 25 не стоятъ своего прокорма» [1]). По докладу д'Отишана Императору Павлу послѣдній приказалъ негодныхъ лошадей продать съ публичнаго торга, и къ 18 Іюля лошадей было всего 188. Къ довершенію всего среди лошадей оказались сапатыя [2]). Такимъ образомъ число строевыхъ лошадей въ эскадронахъ колебалось отъ 35 до 40.

Расформированіе полка.

Уже въ началѣ Августа у Императора Павла явилась мысль не то сократить численность кавалергардовъ, не то вовсе уничтожить «Кавалергардскій полкъ»; слухи объ этомъ дошли до маркиза д'Отишана и 8 Августа онъ представилъ Великому Князю Александру Павловичу нижеслѣдующую докладную записку, въ краткихъ словахъ излагающую всю исторію «Кавалергардскаго полка» съ воцаренія Павла I [3]).

«Mémoire. — Sa Majesté Impériale ayant manifesté ses projets sur Son régiment des Chevaliers-gardes, Son intention paraissant être de le réduire beaucoup et peut-être d'ordonner sa réforme entière, j'ai cru qu'il était de mon devoir de faire à Sa Majesté quelques respectueuses observations à ce sujet. J'ose La supplier de croire que le désir de conserver la place dont Elle a bien voulu m'honorer n'entre pour rien dans ma démarche, et que je n'ai de motif que le service de Sa Majesté, et l'intérêt que peut inspirer un corps peu connu, un peu trop sévèrement jugé, peut-être jalousé, et qu'il peut être de Sa justice comme de l'éclat du service de Sa Majesté de conserver au moins en partie.

«La création et la formation du régiment des Chevaliers-gardes a eu sans doute pour objet de rassembler autour de Sa Majesté une troupe d'autant plus distinguée

---

1) Докладъ д'Отишана гр. Мусину-Пушкину 19 Іюня 1797 г. (Леф. арх., оп. 120, св. 78).

2) «Votre Excellence sait qu'il n'existe plus au régiment que 188 chevaux; que dans ce nombre 40 sont détachés à Péterhof, 10 chez le roi de Pologne; il y en a une douzaine de malades, de manière qu'il existe à peine cent chevaux en état de servir, avec lesquels nous ferons ce que nous pourrons à cheval». (Тамъ же; Рапортъ д'Отишана гр. Пушкину 18 Іюля). Въ рапортѣ ген. Дерфельдену отъ 29 Августа д'Отишанъ писалъ: «V. E. n'ignore pas que les chevaux au nombre seulement de 187 sont presque tous mauvais, que les selles, brides sont entièrement hors de service et ne valent pas les réparations que l'on fait».

3) Была ли эта записка представлена Павлу I, изъ дѣлъ не видно; вѣрнѣе предположить, что не была, ибо на запискѣ сдѣлана д'Отишаномъ слѣдующая надпись: «le mémoire a été mis sous les yeux du Grand-Duc le 8 Août 1797».

Офицеръ и трубачъ Кавалергардскаго полка 1797 г., съ акварели Клюквина.

qu'elle devait avoir le précieux avantage d'être affectée à la garde de Sa personne, et n'être composée que de gentilshommes. Ce choix de subalternes devait naturellement conduire à mettre à leur tête des officiers pris dans la noblesse la plus distinguée de l'empire ou d'un mérite reconnu et éprouvé.

«Cette marche n'a été suivie que dans le choix du chef qu'il a plu à Sa Majesté de nommer pour commander ce régiment et M. le Maréchal de Pouchkine aurait sûrement donné au régiment des Chevaliers-gardes tout l'éclat et la bonne constitution dont il pouvait être susceptible, si le peu de temps qu'il a eu, et plus encore, si les immenses occupations de Sa Majesté lui avaient permis d'oser les interrompre pour Lui parler des détails d'un régiment.

«Il ne paraît pas que l'intention de Sa Majesté ait été d'abord de former plus d'un escadron de gentilshommes pour La garder à l'auguste cérémonie de Son couronnement, mais qu'ensuite ayant trouvé dans Ses différents régiments des gardes une grande quantité de bas-officiers (qu'Elle a jugé inutiles relativement à la constitution qu'Elle voulait leur donner), Elle a ordonné qu'ils fussent rassemblés et envoyés au régiment des Chevaliers-gardes, alors Sa Majesté n'écoutant que la bonté de Son cœur, et l'envie si continuelle qu'Elle a de faire du bien, a permis qu'il Lui fût présenté à Moscou une grande quantité de gens sans état, sans fortune et Elle a encore ordonné qu'ils fussent envoyés à Son régiment des Chevaliers-gardes.

«Les chefs de Ses régiments de gardes en se débarrassant de leurs surnuméraires n'ont destiné à celui des Chevaliers-gardes que ce qu'ils avaient de moins bon, même de médiocre et de mauvais, presque tout ce qui a été pris à Moscou est dans ce genre, et voilà pourquoi le régiment est ou paraît-il si mal composé. Mais j'ose assurer Sa Majesté que si Elle daignait considérer qu'il n'a d'existance que depuis huit ou neuf mois, qu'il n'a eu presque aucuns moyens, qu'à part 150 ou 200 hommes qui ont été vêtus (et aujourd'hui il y en a 800 dont 600 sont presque nus), qu'ils n'ont point eu d'établissements, que répandus dans tous les quartiers de la ville de Pétersbourg on ne pouvait et on ne peut encore établir ni police, ni surveillance, que Mrs. les officiers parmi lesquels il y aurait un grand choix à faire n'ont pas mis la suite continuelle qu'il aurait fallu à un régiment tout neuf et qu'il manque encore 6 officiers et 40 bas-officiers pour remplir le nombre d'emplois dont un régiment de 5 escadrons est composé, alors Sa Majesté pouvait trouver que le meil-

leur régiment de Son armée ainsi presque abandonné aurait pu devenir très médiocre, mais si Elle n'a pas prononcé irrévocablement la réforme du régiment des Chevaliers-gardes, j'ai fait un plan de formation que je prends la respectueuse liberté de mettre sous les yeux de Sa Majesté, et j'y ai joint des états de dépense qui ne sont pas de la dernière exactitude, mais qui présentent néanmoins des aperçus qui à peu de choses près, feront connaître à quoi monterait une première dépense. Si la formation de 3 escadrons que je propose de conserver est encore jugée trop chère, on peut les réduire à deux. Mais je me suis fixé à ce nombre parce que par des statuts signés par Sa Majesté le 26 Janvier 1797 Elle a décidé que Son régiment des Chevaliers-gardes serait composé de trois escadrons. Je proposerais avant tout de faire l'examen le plus approfondi de la naissance et des services des hommes qui pourraient être conservés, de n'en admettre que d'une tournure convenable et qui auraient au moins 100 à 150 roubles de pension, je crois que l'on peut en trouver de cette espèce de quoi former aisément un régiment de 3 escadrons composés d'après l'état ci-joint» [1]).

Между тѣмъ 5 Сентября 1797 года въ Гатчинѣ при паролѣ состоялся Высочайшій приказъ о сокращеніи штатовъ Кавалергардскаго полка. «Monsieur le Marquis!», писалъ Великій Князь Александръ Павловичъ д'Отишану: «Par l'ordre donné a la Parole le 5 de Septembre a Gatschina je suis chargé de travailler a la reforme du Regiment des chevaliers gardes. L'intention de Sa Majesté dans ce moment est de laisser en tout que 60 chevaliers gardes avec un nombre convenable d'Officiers de Bas Officiers, et de Trompetes. Ainsi, Monsieur le Marquis, je vous supplie de me faire savoir si il y a encore des chevaliers gardes qui desirent leur congé ou qui apprenant l'intention de l'Empereur de diminuer le Regiment le demanderont. Il faudrait aussi que vous me faisiez une autre liste de ceux qui voudrait rentrer dans les 4-tre Regimens des gardes dans les quils ils ont servi avant d'entrer dans le corps des chevaliers gardes. mais dans cette liste il faut que vous observiez de ne marquer que ceux d'une bonne conduite et dont on puisse repondre. Pour les Officiers qui ne voudront pas prendre leurs congés et qui seront de trop dans l'Escadron qui restera, l'intention de l'Empereur est de les placer dans le Regiment des Gardes a Cheval.

Il n'est pas necessaire aussi que le Regiment soit diminuer tout d'un coup jusqu'au nombre de 60; c'est une chose qui peut se faire dans la suite du tems, il s'agit dans ce moment de le diminuer de ceux qui veulent prendre leur congé et de ceux qui voudroit rentrer dans les Regimens aux gardes comme bas officirs.

Je suis M. le Marquis avec le sentiment de la concideration la plus distinguée votre affectionné Alexandre. Gatschina. ce 10. Septembre» [2]).

Чѣмъ было вызвано такое рѣшеніе Павла Петровича? На основаніи дошедшихъ до насъ документовъ можно съ большимъ вѣроятіемъ заключить, что

[1]) Леф. арх., оп. 120, св. 77. — [2]) Собственноручное письмо Великаго Князя Александра Павловича; печатается съ сохраненіемъ правописанія. (Леф. арх., оп. 120, св. 78).

д'Отишанъ надоѣлъ своею настойчивостью [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ по своимъ нравственнымъ качествамъ слишкомъ рѣзко расходился съ вошедшими въ силу «гатчинцами»; между маркизомъ д'Отишанъ и «*барономъ*» Аракчеевымъ лежала пропасть... Если бы д'Отишану удалось войти въ силу у Государя, удалось бы примѣромъ своего полка доказать, что можно управлять людьми и не прибѣгая къ палкѣ, это вѣдь было бы полнымъ крушеніемъ для всѣхъ гатчинцевъ. Но они знали задніе ходы и выходы дворцовъ, тогда какъ д'Отишанъ ихъ не зналъ и, судя по его характеру, едва ли счелъ бы достойнымъ для себя заискивать, напр., у всесильнаго брадобрѣя Кутайсова, котораго однако Императрица продолжала не иначе обозначать, какъ «l'Ivan».

Трубачъ кавалергардскихъ эскадроновъ 1797 г., съ рис. К. Пиратскаго.

Нельзя также не сопоставить съ расформированіемъ Кавалергардскаго полка слѣдующіе собственноручные рескрипты Павла I Аракчееву, написанные въ это же время: «Доходитъ до меня, что нѣкоторые офицеры Преображенскіе, какъ Чирковъ и Рахмановъ, распускаютъ слухи, что я, гвардіи не взлюбя, хочу корпусъ иностранный для своей безопасности заводить и послалъ за французскимъ принцевымъ корпусомъ; почему и поручаю вамъ, Алексѣй Андреевичъ, узнать о семъ и о нихъ, хотя и отъ нихъ самихъ. О семъ немедленно донести, какъ и о причинахъ сего разглашенія. П.». — «Я къ вамъ писалъ, какъ о вещи мнѣ уже извѣстной, то должно вамъ сихъ двухъ спросить, призвавъ къ себѣ» [2]).

Получивъ письмо Великаго Князя Александра Павловича, д'Отишанъ представилъ ему 13 Сентября докладъ о сокращеніи полка до состава одного эскадрона [3]).

Въ отвѣтъ на этотъ докладъ Великій Князь письмомъ отъ 16 Сентября извѣщалъ д'Отишана, что: «la vraie intention de Sa Majesté l'Empereur est de *réformer dans la suite du temps tout-à-fait le* régiment des Chevaliers-gardes; ainsi

---

[1]) Въ письмѣ д'Отишана къ ген. Дерфельдену отъ 29 Августа первый, перечисливъ всѣ недостатки Кавалергардскаго полка, такъ его кончалъ: «tel est, Monsieur, très en raccourci l'état du régiment des chevaliers-gardes et il serait plus avantageux pour le service de S. M. I. qu'Elle le réformât, que de le laisser dans cette situation et j'ai l'honneur de m'adresser à V. E., comme inspecteur, pour qu'elle veuille bien mettre sous les yeux de S. M. I. ce que j'ai l'honneur de lui mander à cet égard». (Леф. арх., оп. 120, св. 78).

[2]) На рескриптахъ помѣтки: «Полученъ 1797 г. въ Сентябрѣ, изъ Гатчины»; Соб. Его Вел. библіотеки, Павелъ I, 113—3—16, №№ 38, 39.

[3]) Согласно проэкта, представленнаго д'Отишаномъ, въ эскадронѣ надлежало быть: 6 офицерамъ, 8 унт.-офицерамъ, 2 трубачамъ, 60 кавалергардамъ. Кромѣ того 15 денщиковъ офицерскихъ и 34 денщика для уборки лошадей, а всего 125 человѣкъ. (Леф. арх., оп. 120, св. 78).

il est impossible de fixer un état positif de la formation de l'escadron restant. A mon avis *il devra être composé* de ceux qui ne désigneront pas l'envie de quitter ou d'entrer dans quelqu'autre régiment».

Такимъ образомъ, повидимому, Великій Князь, давая такой уклончивый отвѣтъ, самъ надѣялся, что рѣшеніе Государя о совершенномъ упраздненіи кавалергардовъ не было окончательнымъ. 8 Октября эскадронъ былъ сформированъ; и того же числа офицеры и унтеръ-офицеры его являлись гр. Мусину-Пушкину [1]).

До 19 Октября переписка д'Отишана съ Великимъ Княземъ заключается, во-первыхъ, въ различнаго рода вопросахъ, относящихся до организаціи остающагося эскадрона, во-вторыхъ, до устройства положенія всѣхъ чиновъ полка, выбывающихъ изъ него за сокращеніемъ штатовъ [2]).

11 Сентября началось сокращеніе штатовъ [3]). Кавалергардамъ было предоставлено на выборъ: 1) *офицерамъ* — выйти въ отставку съ мундиромъ, или перейти тѣмъ же чиномъ въ Конную гвардію или Лб.-Гусары, или же соотвѣтствующимъ чиномъ на гражданскую службу; 2) *унтеръ-офицерамъ* — перейти тѣмъ же званіемъ въ полки, откуда поступили въ кавалергарды, или же выйти въ отставку съ чиномъ гвардіи корнета, но безъ права ношенія въ отставкѣ мундира, или же коллежскимъ юнкеромъ въ гражданскую службу; 3) *кавалергардамъ* — выйти въ отставку со званіемъ унтеръ-офицера, или же коллежскимъ юнкеромъ въ гражданскую службу. 123 лошади переданы Конной гвардіи, 18 — Лб.-Гусарамъ, обозныя лошади — Преображенскому полку. Серебряная аммуниція и конскій уборъ переданы Конной гвардіи [4]).

19 Октября Великій Князь писалъ маркизу: «J'ai parlé à Sa Majesté l'Empereur concernant ses intentions sur le sort du régiment des Chevaliers-gardes; il m'a répondu qu'il désirait n'en rien conserver; ainsi, Monsieur le Marquis, il faudrait que vous disiez aux Chevaliers-gardes restants qu'ils n'avaient qu'à choisir eux-mêmes leur sort, soit de quitter le service, soit d'entrer au civil, ou soit de rentrer dans les gardes ou dans des régiments de campagne. Quant à Vous, M. le

---

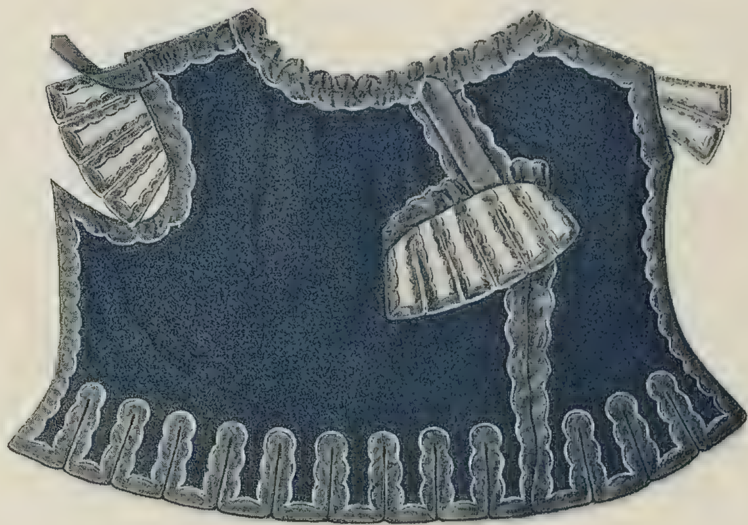
[1]) Леф. арх., оп. 120, св. 77; Приказъ по полку 7 Октября. — [2]) Переписка эта собственноручная. — Офицерамъ было предложено перейти въ Конную гвардію, но нѣкоторые предпочитали служить въ лб.-гусарахъ, и по ходатайству д'Отишана они были переведены въ Лб.-Гусары. (Леф. арх., оп. 120, св. 77; докладъ 13 Сент.). — Насколько было пріятно имѣть барона Аракчеева полковымъ командиромъ, всего лучше видно изъ доклада д'Отишана отъ 17 Сентября: «Les bas-officiers ou chevaliers-gardes qui ont servi dans le régiment des gardes de Préobragensky ne se soucient pas de rentrer dans ce corps et préfèrent d'être placés dans la Garde-à-cheval ou d'autres corps; presque tous désirent leur congé, si leur demande n'est pas écoutée». (Тамъ же, св. 77). — «Beaucoup de chevaliers-gardes sont dans le plus grand besoin, il y en a un assez grand nombre qui depuis qu'ils sont au corps n'ont reçu aucun habillement et se sont entretenus à leurs frais; si Sa Majesté voulait laisser à la disposition du commandant du régiment quelques centaines de roubles à distribuer aux plus malaisés et qui n'ont pas de ressource, cela leur donnerait les moyens de se rendre chez eux, ce que beaucoup n'ont pas». (Тамъ же; докладъ 17 Сент.). На ходатайство это не послѣдовало отвѣта. — 10 Октября кавалергардъ Субачевъ былъ отправленъ къ художнику Квадалю, рисовавшему картину коронаціи Павла I. «M. le colonel Davidoff fera armer sur le champ le chevalier-garde Soubatcheff avec son armure d'argent et l'enverra chez le peintre Quadal». (Леф. арх., оп. 120, св. 77; Приказъ по полку 10 Октября). — [3]) Леф. арх., оп. 120, св. 77; Приказы по полку 11 и 21 Сентября. — [4]) Приказы по полку 1 и 2 Октября.

Marquis, il m'a dit qu'une fois que le corps n'existerait plus vous porteriez l'uniforme blanc et resteriez attaché à l'armée, de même que M. le Maréchal Pouchkin».

Поддержаніе дисциплины было не легко, когда о расформированіи полка не было и рѣчи, теперь же это сдѣлалось еще затруднительнѣе. Всѣ старанія д'Отишана, пока еще была надежда на сохраненіе хотя одного эскадрона, были направлены къ быстрому удаленію изъ полка всѣхъ выбывающихъ за сокращеніемъ штата [1]).

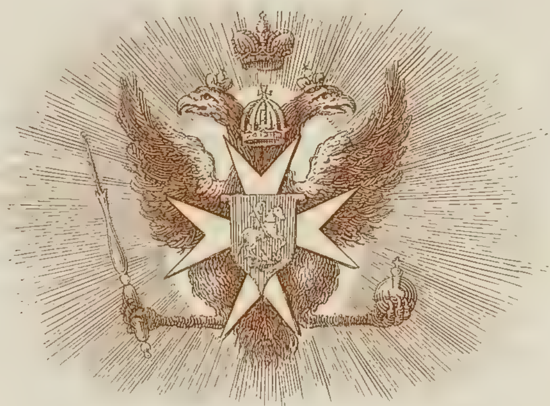
Мало того, что денщики вели себя такъ, что д'Отишанъ ходатайствовалъ о поголовномъ ихъ арестованіи [2]), но уволенный уже изъ полка кавалергардъ Пинонжикъ пытался украсть полковую печать. Выведенный изъ терпѣнія, д'Отишанъ, извѣщая о проступкѣ Пинонжика Великаго Князя Александра Павловича, писалъ ему: «Je crois devoir le (fait) mettre sous les yeux de V. A. I. et de la supplier d'ordonner que l'on recherche ce Chevalier-garde et s'il est ici de le faire arrêter et punir selon l'exigence du délit; je sollicite cet acte de sévérité parce que j'ai été témoin de tant de choses contre *l'honneur* (курсивъ подл.) que je crois un exemple nécessaire» [3]).

1 Декабря 1797 года «Кавалергардскій полкъ» фактически прекратилъ свое существованіе.

Кавалергардскій суперве́стъ 1797 года.

[1]) «Il serait du bien de Son service qu'Elle (Государь) eût la bonté de déterminer le plus tôt possible que tout ce qui prend son congé ou passe dans d'autres corps, tant en officiers, bas-officiers ou chevaliers-gardes ne fassent plus nombre dans ce qui reste..., il deviendra chaque jour plus difficile de maintenir l'ordre dans une troupe dont la majeure partie est supprimée et à laquelle les hommes qui la composent ne croient plus appartenir». (Письмо д'Отишана В. Кн. Алекс. Павл., 17 Сент.; Леф. арх., оп. 120, св. 77). — [2]) «J'ai l'honneur de rendre compte à V. A. I. que ce qui reste de denchiks au régiment des chevaliers-gardes n'étant plus contenus par personne, commettent chaque jour des vols et font le plus grand désordre; il serait bien nécessaire qu'il plût à V. A. I. d'ordonner que ces gens fussent mis dans une maison de force jusqu'à ce qu'il leur ait été donné une destination». (Рапортъ 17 Ноября; Леф. арх., оп. 120, св. 78). — [3]) Письмо 18 Ноября; тамъ же, св. 78.

Глава IV.

Въ половинѣ XI столѣтія нѣсколько итальянскихъ купцовъ изъ г. Амальфи основали въ Іерусалимѣ, съ разрѣшенія халифа Египетскаго Монстазера-Билла, странноприимный домъ и при немъ церковь во имя «св. Маріи Латинянъ». Постепенно учрежденіе это разрослось и ко времени взятія Іерусалима Готфридомъ Бульонскимъ имѣло уже два странноприимныхъ дома съ двумя еще церквами во имя св. Маріи Магдалины и св. Іоанна Крестителя [1]).

По взятіи Іерусалима Готфридомъ Бульонскимъ Іоанниты въ награду за оказанныя ими христіанству услуги получили нѣсколько участковъ земли; многіе изъ знатнѣйшихъ крестоносцевъ вступили въ это братство, и настоятель (custos) братства, знаменитый уже Петръ Жераръ (Gérard), предложилъ преобразовать его въ монашествующій орденъ. Одежда братьевъ установлена была изъ черной длинной мантіи съ нашитымъ на лѣвой сторонѣ груди бѣлымъ холстиннымъ восьмиконечнымъ крестомъ [2]). Патріархъ Іерусалимскій самъ возложилъ эту одежду на братьевъ и сестеръ ордена и принялъ отъ нихъ при гробѣ Господнемъ три духовные обѣта. Вскорѣ затѣмъ папа Пасхалій II (въ 1113 году) утвердилъ уставъ ордена.

---

[1]) «In obedience to the order of the caliph, the Mahometan governor of the city assigned to these pious men a site close to the Holy Sepulchre, on which they created a church, dedicated to the Virgin in the name of Sta. Maria ad Latinos, to distinguish it from those churches where the Greek ritual prevailed. This work was accomplished between the years 1014—1023. Its religious duties were carried on by Benedictine monks appointed for the purpose. Between that time and the capture of Jerusalem in 1099 the work was developed by the erection of two hospitals (one for either sex) for the reception of pilgrims and in connection therewith two additional churches were founded. That for the females was dedicated to St. Mary Magdalene, and that for the men to St. John Eleemon, or the Almoner. This latter dedication was, at some subsequent date, which is uncertain, changed from St. John the Almoner to St. John the Baptist. In the course of time many pilgrims who had in this hospital received the assistance so liberally extended to all wayfarers, abandoned the idea of returning to their homes, and formed themselves in a charitable body, who, without any regular profession, devoted themselves to its service and the care of its sick inmates». (W. Porter, «The knights of Malta», 7 and 8).—Vertot, «Histoire des Chevaliers hospitaliers de l'ordre de St. Jean de Jérusalem». Paris, 1778. —L. Moreri, «Dictionnaire historique», изд. 1740 г., VI, 85—87. — [2]) Бѣлый цвѣтъ означалъ цѣломудріе; восемь концовъ креста должны были напоминать о восьми блаженствахъ, снискать которыя обязывались члены братства.

Преемникъ Жерара, Раймондъ-дю-Пюи, преобразовалъ орденъ въ военно-духовный и раздѣлилъ его на три степени: 1) *рыцарей* (chevaliers), дававшихъ кромѣ трехъ обыкновенныхъ обѣтовъ (послушанія, цѣломудрія и бѣдности) еще четвертый — сражаться противъ всѣхъ враговъ христіанства; 2) *капеллановъ* (chapelains) — священнослужителей, и 3) *братьевъ-прислужниковъ* (servants-d'armes), на которыхъ лежали обязанности ухода за больными и провожаніе паломниковъ по Святымъ Мѣстамъ. Настоятель ордена сталъ носить имя Великаго Магистра (Magnus Magister). Въ сраженіяхъ рыцари надѣвали поверхъ латъ красный супервестъ съ бѣлымъ крестомъ на груди [1]).

Орденъ Іоаннитовъ, какъ по несомнѣнной своей пользѣ, такъ и по покровительству, оказываемому ему папами, быстро возросъ въ своемъ значеніи, и въ такой же степени возросло его матеріальное благосостояніе. Многія лица жертвовали ордену не только деньги, но и имѣнія, и вскорѣ почти во всѣхъ странахъ Западной Европы орденъ владѣлъ землями. Такіе участки земли назывались *командорствами*, и они управлялись заслуженными и увѣчными рыцарями ордена. По мѣрѣ возрастанія числа командорствъ, ихъ для удобства управленія соединяли въ *balivo* (староство), послѣднія — въ *пріораты* или *пріорства*, а пріораты — въ *языки* (langue) [2]). Шагъ за шагомъ отступалъ орденъ предъ напоромъ османлисовъ, и мы должны сознаться, что никто не сдѣлалъ болѣе его въ отстаиваніи обще-христіанскихъ святынь отъ владычества невѣрныхъ. Въ 1291 году была взята турками Акра, послѣдняя опора христіанъ въ Палестинѣ, и Іоанниты перешли на островъ Родосъ. Съ переходомъ на о. Родосъ еще болѣе измѣнился характеръ ордена: изъ духовно-военнаго онъ все болѣе и болѣе становился исключительно военнымъ. Страннопріимство отошло на задній планъ; рыцари завели сильный флотъ, не разъ наносившій жестокія пораженія туркамъ. Султаны ясно увидѣли, что они до тѣхъ поръ не могутъ быть спокойны въ своихъ владѣніяхъ, пока Родосъ не будетъ взятъ, и орденъ уничтоженъ. Въ 1522 году султанъ Солиманъ II съ 400 судами и 140.000-ой арміей высадился на Родосѣ. Послѣ продолжительной осады Великій Магистръ ордена Виллье-де-л'Иль-Аданъ вынужденъ былъ покинуть Родосъ. Орденъ поселился на островѣ Мальтѣ, уступленномъ ему Карломъ V.

Съ переходомъ рыцарей на Мальту они стали именоваться «Мальтійскими рыцарями»; они принимали участіе во всѣхъ войнахъ западныхъ державъ съ турками и вели постоянную борьбу съ пиратами, бороздившими Средиземное море.

Управленіе Мальтою было чисто въ духѣ феодальнаго права и возбуждало постоянное сопротивленіе мальтійцевъ, не разъ переходившее въ возстаніе. Но по мѣрѣ того, какъ принципы, выработанные феодализмомъ, отживали

---

[1]) Къ ордену принадлежали также женщины, обязанность которыхъ заключалась въ уходѣ за больными и прислуживаніи паломникамъ. (W. Porter, 19).

[2]) *Языковъ* было восемь, по числу концовъ креста: Провансъ, Овернь, Франція, Италія, Арагонія, Кастилія, Германія и Англія.

свой вѣкъ, мѣнялся и обликъ ордена: «героическія его времена существовали только въ воспоминаніяхъ, а вмѣстѣ съ этимъ исчезла и строгость дисциплины. Вѣра и рыцарскія идеи, основные двигатели знаменитаго учрежденія, не оказывали болѣе вліянія на потомковъ госпитальеровъ. Большинство ихъ считало себя избавленными отъ строгаго соблюденія монашескихъ обѣтовъ... и предалось свѣтскимъ удовольствіямъ» [1]). Упадокъ ордена, начавшійся еще съ половины XVIII вѣка, дошелъ къ концу вѣка до крайности [2]).

Россія, находившаяся въ постоянной борьбѣ съ турками, должна была обратить вниманіе на Мальту. «Островъ Мальта съ его разросшимися укрѣпленіями начинаетъ считаться съ XVIII вѣка одной изъ сильнѣйшихъ крѣпостей Европы, и это обстоятельство въ соединеніи съ его географическимъ положеніемъ привлекаетъ вниманіе всѣхъ державъ, стремящихся господствовать въ Средиземномъ морѣ. До сихъ поръ христіанскіе государи вели борьбу между собою изъ-за пріобрѣтенія главенства въ самомъ орденѣ..., но съ XVIII вѣка каждый государь желаетъ завладѣть островомъ и, не будучи въ состояніи этого сдѣлать, старается помѣшать, чтобы островъ не попалъ въ руки соперника» [3]).

Первыя сношенія Россіи съ Мальтою произошли при Петрѣ I, поручившемъ боярину Борису Петровичу Шереметеву посѣтить Великаго Магистра ордена [4]). При преемникахъ его связь съ Мальтійскимъ орденомъ ограничивалась одними официальными и рѣдкими сношеніями. Изрѣдка представители ордена являлись при Петербургскомъ дворѣ; такъ, въ 1748 г. пріѣзжалъ кавалеръ маркизъ де-ла-Саграмоза, и Императрицѣ докладываемо было: «не изволитъ ли она ему, кавалеру, нѣсколько фунтовъ хорошаго ревеня пожаловать, дабы онъ то своему грандъ-магистру въ подарокъ отвести могъ? Что и было апробовано» [5]).

Екатерина II оцѣнила стратегическое значеніе острова Мальты. Она вошла въ тайные переговоры съ гроссмейстеромъ Пинто и старалась уговорить его принять участіе въ тогдашней войнѣ русскихъ съ турками. Но «правительство Мальты было слишкомъ подчинено двору Людовика XV, вліяніе французовъ было слишкомъ велико въ Совѣтѣ ордена и на всемъ островѣ — великій магистръ, рыцари и мальтійцы не могли согласиться на такое предложеніе» [6]).

Въ такомъ же положеніи оставалось дѣло и при преемникахъ Пинто. Ближайшій преемникъ послѣдняго, Хименесъ, хотя въ силу заключеннаго съ Россіей тайнаго договора и приказалъ своему флоту соединиться съ эскадрою

---

[1]) Miège, «Histoire de Malte», II, 331. — [2]) «Ce mépris de la discipline qui minait l'Ordre, cet oubli de principes qui lui faisait perdre sa considération, à Malte comme à l'étranger, se manifestèrent en 1785 d'une manière tragique. Un Français... capitaine de bâtiment de commerce eut le malheur d'avoir pour rival, auprès d'une fille de mœurs plus que déréglées, un chevalier de la langue d'Italie... Celui-ci attendit le malheureux capitaine... le surprit à sa sortie de chez cette femme et l'assassina lâchement en plein jour. Par suite des intrigues des chevaliers de sa langue il ne fut condamné qu'à la réclusion». (Miège, II, 321). — [3]) Miège, II, 249. — [4]) «Зап. путешествія гр. Б. П. Шереметева». Москва, 1773 г.; Berg, «Der Malteserorden und seine Beziehungen zu Russland», 101—110.— [5]) Др. и Нов. Россія, 1878/II, 160. — [6]) Miège, II, 288.

графа Алексѣя Орлова, но предъ угрозою французскаго правительства отнять у ордена всѣ имущества, находившіяся во Франціи, отказался отъ союза съ Россіей, однако передалъ русскимъ всѣ карты и планы, заготовленные орденомъ для экспедиціи на востокъ.

Въ другой разъ сношеніе ордена съ Русскимъ правительствомъ возникло, какъ послѣдствіе раздѣла Польши. Въ началѣ XVII столѣтія послѣдній потомокъ князей Острожскихъ, кн. Янушъ, учредивъ изъ обширныхъ владѣній своихъ на Волыни маіоратъ, отказалъ его по духовному завѣщанію князьямъ Заславскимъ съ тѣмъ, чтобы по пресѣченіи этого дома изъ маіората учреждено было въ Польшѣ пріорство Мальтійскаго ордена. Родъ кн. Заславскихъ угасъ въ послѣднихъ годахъ того же столѣтія, но вслѣдствіе разныхъ притязаній польскихъ вельможъ на Острожское имѣніе пріорство было учреждено только въ 1773 году, по взаимному согласію державъ, участвовавшихъ въ первомъ раздѣлѣ Польши. Установлено было *польское* пріорство съ шестью командорствами, имѣвшее главнымъ своимъ мѣстопребываніемъ г. Острогъ и получавшее на свое содержаніе ежегодно 120.000 флориновъ изъ Острожскаго имѣнія.

Кавалергардская каска 1799 г., съ рис. К. Пиратскаго.

При послѣднемъ раздѣлѣ Польши Волынь отошла къ Россіи, и Екатерина уничтожила польское пріорство [1]).

Еще при Екатеринѣ началъ службу въ русскомъ флотѣ мальтійскій рыцарь Юлій-Ренато графъ Литта [2]). Оказанные имъ подвиги въ первомъ Роченсальмскомъ сраженіи (1789 г.) доставили ему орденъ св. Георгія и золотую шпагу, но пораженіе нашей гребной эскадры при томъ же Роченсальмѣ въ 1790 году было причиною того, что Литта былъ уволенъ въ Италію въ отпускъ впредь до востребованія. Въ началѣ 1795 года гр. Литта вернулся въ Петербургъ въ качествѣ посланника ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и въ Декабрѣ того же года зачисленъ въ гребной флотъ сверхъ комплекта. При жизни Екатерины гр. Литта не могъ добиться возвращенія ордену доходовъ съ Острожскаго имѣнія, но со вступленіемъ на престолъ Павла I ему удалось достигнуть своей цѣли. «Зная всю ненависть Павла I къ правиламъ французской революціи, искусно пользуясь рыцарскимъ и способнымъ къ увлеченію характеромъ Императора кавалеры Мальтійскаго ордена, или лучше Литта, старались внушить ему, что онъ совершаетъ великое дѣло для христіанства и человѣче-

1) Висковатовъ, «Исторія кавалергардовъ», 39. — 2) См. «Сборн. біогр. кавалергардовъ», т. II.

Графъ Юлій Помпеевичъ Литта, шефъ Кавалергардскаго корпуса, съ 11 Января по 22 Марта 1799 г., съ гравюры И. С. Клаубера по портрету, писанному Виш.

ства, поддерживая этотъ орденъ, который служитъ оплотомъ христіанской религіи противъ невѣрія и защитникомъ монархій противъ якобизма и началъ революціонныхъ. Пламенному воображенію Павла I умѣли представить Литта и другіе, что въ Мальтійскомъ орденѣ можно соединить все дворянство Европы и образовать въ немъ такой военный институтъ въ Европѣ, который былъ бы средоточіемъ всего благороднаго и котораго главная цѣль состояла бы въ поддержаніи престоловъ государей и разрушеніи зловредныхъ началъ французской революціи» [1]). Особой конвенціей 4/15 Января 1797 г. Государь увеличилъ доходы ордена до 300.000 флориновъ, причемъ взамѣнъ польскаго пріорства учреждено «Россійское Великое Пріорство», которое должно было состоять изъ 10 командорствъ, жалуемыхъ только русскимъ подданнымъ [2]).

Получивъ извѣстіе о заключеніи конвенціи, великій магистръ Роганъ рѣшилъ выслать въ Петербургъ «орденскую святыню» — крестъ, который носилъ Ла-Валеттъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить Императору принять титулъ «Протектора ордена св. Іоанна Іерусалимскаго».

29 Ноября 1797 года состоялась въ Зимнемъ дворцѣ торжественная аудіенція графа Литта [3]). Вотъ какъ ее описываютъ очевидцы: Императоръ возсѣдалъ на тронѣ, окруженный православными и католическими іерархами, сенаторами и дворомъ. Предшествуемый тремя рыцарями, несшими на золотыхъ подушкахъ мальтійское облаченіе для Государя, крестъ Ла-Валетта и нѣсколько другихъ крестовъ для членовъ Царской Фамиліи, Литта, одѣтый въ черную бархатную мантію, приблизился къ трону и произнесъ по-французски рѣчь, въ которой просилъ Государя принять титулъ протектора *религіи* мальтійскихъ рыцарей и крестъ знаменитаго гроссмейстера ихъ ордена Ла-Валетта, сохранявшійся доселѣ въ ихъ сокровищницѣ вмѣстѣ съ мощами. Затѣмъ Литта просилъ, чтобы Императрица и вся Царская Фамилія приняли также кресты. Канцлеръ кн. Безбородко отвѣтилъ Литтѣ по-русски, что Государь съ удовольствіемъ соизволяетъ на принятіе титула Протектора ордена и принимаетъ крестъ великаго магистра Ла-Валетта. Передавая крестъ Павлу Петровичу, Литта произнесъ: «Вотъ знакъ почтенія, который храбрость оказываетъ добродѣтели» [4]). Затѣмъ Государь удалился изъ Тронной залы («Аудіенцъ-камеры»), куда прибыла Императрица, которой Литта вручилъ также орденскій крестъ. Послѣ посѣщенія посломъ членовъ Императорской Фамиліи Ихъ Величества

---

1) Морошкинъ, I, 329. — 2) Полн. Собр. Зак., №№ 17708, 18249, 18372. — 3) Во время этой аудіенціи «въ покояхъ Ихъ И. В-въ... разставлена по обѣимъ сторонамъ Конная гвардія въ богатомъ кавалергардскомъ уборѣ». (Кам.-фур. журн., 1797 г., 1287). — 4) Морошкинъ, I, 319 и 320; Heiking, «Aus den Tagen Kaiser Pauls», 72—75. Heiking между прочимъ пишетъ: «Der Grossmeister des Malteserordens hatte eben den Ritter Raczynski mit dem Kreuz La-Valettes gesandt. Litta war zum Botschafter ernannt und die Posse seines Aufzugs ward mit allem möglichen Ernst am 27 November 1797 gespielt. — Als der Botschafter auf Paul zutrat, ihm den Waffenrock anzulegen, befestigte Kutaissow die Bänder desselben. Der schlaue Italiener wollte diesen alten Kammerdiener, der bereits Garderobier geworden, hierbei eine Rolle spielen lassen, obwohl es viel natürlicher gewesen, wenn der Oberkammerherr dem Monarchen diesen leichten Dienst geleistet hätte». (Тамъ же, 73 и 74). Въ Кам.-фурьерскомъ журналѣ не говорится о томъ, что Павелъ I возложилъ на себя орденское одѣяніе.

вновь прибыли въ Тронную залу, гдѣ Павелъ I «жаловалъ» Вел. Князей Александра и Константина Павловичей и принца Конде «привезенными изъ Мальтіи орденами» [1]). Аудіенція эта состоялась уже при Великомъ Магистрѣ Гомпешѣ, преемникѣ Рогана, скончавшагося 13 Іюля. Лежа на смертномъ одрѣ, Роганъ спросилъ одного изъ своихъ приближенныхъ, кого намѣтили ему въ преемники. «Поговариваютъ о бальи Гомпешѣ», отвѣтилъ одинъ изъ командоровъ. «Этотъ выборъ будетъ не дурнымъ», отвѣтилъ Роганъ, «если при немъ будутъ хорошіе совѣтники. Впрочемъ», прибавилъ онъ, «я послѣдній великій магистръ..., по крайней мѣрѣ знаменитаго и независимаго ордена». То были пророческія слова [2]).

18 Іюня 1798 года Наполеонъ, на пути изъ Франціи въ Египетъ, безъ боя овладѣлъ Мальтою. Гомпешъ, выговоривъ себѣ и находившимся на Мальтѣ рыцарямъ пенсіи отъ французскаго правительства, поселился въ Тріестѣ.

Извѣстіе о взятіи Мальты произвело удручающее впечатлѣніе на Императора Павла. Въ поступкѣ Наполеона онъ усмотрѣлъ не только попраніе правъ державнаго ордена, но и личное оскорбленіе Россіи и себѣ, какъ протектору ордена. «Когда извѣстіе дошло до Петербурга, Литта сообразилъ, что изъ этого бѣдствія ордена онъ можетъ при нѣкоторой ловкости извлечь личную выгоду для себя. Англійскій дворъ, до крайности раздраженный этимъ пріобрѣтеніемъ французовъ, приказалъ своему посланнику, лорду Уитворту, дѣйствовать согласно съ Литтой, дабы подвигнуть Павла принять самыя чрезвычайныя мѣры» [3]). Вслѣдствіе ихъ происковъ Павелъ, безъ того уже разгнѣванный постыдною сдачею главной резиденціи ордена, покровителемъ котораго онъ только что объявилъ себя, согласился на учрежденіе судилища надъ гроссмейстеромъ Гомпешемъ. Членами этого верховнаго трибунала были назначены: кн. Безбородко, кн. Александръ Куракинъ, гр. Кобенцель (австрійскій посолъ), гр. Віельгорскій (командоръ ордена), гр. Буксгевденъ (рыцарь прусскаго ордена Іоаннитовъ), два французскихъ дворянина, о которыхъ говорили, что они сложили съ себя орденскіе обѣты, два священника изъ католическаго пріората въ Россіи и бар. Гейкингъ [4]).

26 Августа судилище это именемъ «бальи, кавалеровъ большихъ крестовъ, командоровъ и кавалеровъ Великаго Пріорства Россійскаго и другихъ кавалеровъ св. Іоанна Іерусалимскаго, собравшихся въ... Санктпетербургѣ», издало: 1) протестъ противъ заключенной Гомпешемъ конвенціи съ Наполеономъ и 2) «манифестъ Великаго Пріорства Россійскаго», иначе говоря, обвинительный актъ противъ Гомпеша, признаннаго имъ «виновнымъ въ безумной нерадивости (de la plus stupide négligence) или сообщникомъ измѣнниковъ, предавшихъ Орденъ»; далѣе въ манифестѣ говорилось, что «сама истина повсюду открываетъ намъ

---

1) Кам.-фур. журн., 1797 г., 1284—1297. — 2) Miège, II, 339. — 3) Heiking, 122. — 4) Послѣдній такъ отзывается объ этомъ судилищѣ: «Ничтожество всей этой процедуры, равно какъ нарушеніе всѣхъ судебныхъ формальностей, хотѣли прикрыть тѣмъ, что обвиненіе и приговоръ о низверженіи Гомпеша произведены были съ такою поспѣшностью, что все дѣло окончено въ 1½ часа». (Heiking, 124).

Офицеръ Кавалергардскаго корпуса 1799 г. (во вседневной формѣ).

Фердинанда Гомпеша виновнымъ и уличеннымъ въ нерадивости, трусости и невѣрности, въ разсужденіи чего... почитаемъ Фердинанда Гомпеша лишеннымъ того достоинства, въ которое мы возвели его..., и приглашаемъ братьевъ нашихъ другихъ великихъ пріорствъ соединиться съ нами въ семъ подвигѣ, честію намъ предписываемомъ». «Манифестъ» оканчивается такъ: «Мы повергаемся подъ кровъ Августѣйшаго и Державнѣйшаго Протектора нашего Павла I, Императора Всероссійскаго, съ полною довѣренностью, внушаемою намъ Его справедливостью, Его образомъ мыслей и благотворительностью, всенижайше просимъ Его Императорское Величество объявить намъ высочайшую волю свою, коей обѣщаемся повиноваться безусловно, и распростерть великодушное покровительство свое на всѣхъ членовъ ордена нашего, пребывшихъ при сихъ несчастныхъ обстоятельствахъ вѣрными непремѣннымъ основаніямъ нашихъ уставовъ, вѣры и чести» [1]).

Въ отвѣтъ на «Манифестъ» 10 Сентября послѣдовала «Декларація» Императора Павла, согласно которой онъ обѣщалъ «употребить всѣ старанія, отъ Насъ зависящія, къ возстановленію его» (ордена); однако въ началѣ деклараціи читаемъ объ «изъявленной ими (членами ордена) готовности *покоряться всѣмъ учрежденіямъ, которыя Мы за благо признаемъ учинить на пользу онаго»* [2]).

Заручившись согласіемъ принца Конде и находившихся въ его корпусѣ 41 мальтійскаго кавалера, 4 кавалеровъ поляковъ, находившихся въ Варшавѣ, капитула Великаго Пріорства Германскаго «и еще 13 разныхъ кавалеровъ, приславшихъ свои голоса партикулярно», Россійское Пріорство, получивъ устное согласіе папы Пія VI, 27 Октября «прибѣгнуло къ рѣшительной мѣрѣ»: оно издало «Прокламацію», въ которой объявило, что «именемъ нашимъ и другихъ Языковъ и Великихъ Пріорствъ, всѣхъ вообще и каждаго

---

1) Лабзинъ, «Ист. орд. св. Іоанна Іерусалимскаго», V, 319—339; «Kurzgefasste Nachricht von S. Russ. Kais. Majestät Paul I Gelangung zur Würde eines Grossmeisters des Orden St. Johann von Jerusalem», 64 и слѣд.

2) «По внимательномъ разсмотрѣніи представленныхъ Намъ... Актовъ, содержащихъ: 1) Протестъ... 2) Довѣренность членовъ сего Ордена къ Намъ, яко Протектору онаго, изъявленную въ желаніи ихъ, чтобы Мы приняли на себя попеченіе о сохраненіи онаго, и въ изъявленной ими готовности покоряться всѣмъ учрежденіямъ, которыя Мы за благо признаемъ учинить на пользу онаго, — подтверждаемъ вышеупомянутые акты во всей ихъ силѣ и, свидѣтельствуя признательность Нашу за усердіе членовъ знаменитаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, пріемлемъ весь благомыслящій сей Корпусъ подъ Наше верховное правленіе и Императорскимъ Нашимъ словомъ обѣщаемъ не только сохранять его во всѣхъ его установленіяхъ, привилегіяхъ и почестяхъ, но и употребить всѣ старанія, отъ Насъ зависящія, къ возстановленію его въ то почтительное состояніе, въ коемъ онъ находясь, споспѣшествовалъ пользѣ всего христіанства вообще и каждаго благоустроеннаго государства частно». (Лабзинъ, V, 340—343).

члена особенно, кои присоединятся къ намъ и приступятъ къ правиламъ нашимъ, провозглашаемъ Его Императорское Величество Императора и Самодержца Всероссійскаго Павла I Великимъ Магистромъ Ордена св. Іоанна Іерусалимскаго» [1]).

29 Ноября 1798 г. состоялась церемонія провозглашенія такимъ порядкомъ: «Начиная изъ Георгіевскаго зала, отъ самаго трона и до дверей Свѣтлой галлереи разставлена въ богатомъ уборѣ съ *малиновыми въ первый разъ* перевязями по обѣимъ сторонамъ Конная гвардія съ штандартомъ и литаврами...». По внесеніи Императорскихъ регалій первыми чинами двора, государственное знамя передано было генералу Черткову, имѣвшему при себѣ ассистентами двухъ георгіевскихъ кавалеровъ. Затѣмъ начался Высочайшій выходъ; по занятіи Ихъ Величествами мѣстъ на тронѣ введена была на аудіенцію депутація, состоящая изъ «оффиціаловъ», «сервандармовъ съ обнаженными шпагами, имѣя шляпы на головѣ», знаменосца съ орденскимъ знаменемъ, кавалеровъ, несшихъ орденскія регаліи и актъ прокламаціи, причемъ корону несъ кн. Безбородко, «Поручика ордена и Великаго Магистра графа Литта, окруженнаго пажами» и т. д. Литта произнесъ рѣчь и прочелъ прокламацію, «по окончаніи которой провозглашали *именемъ всего капитула* Государя Великимъ Магистромъ Ордена св. Іоанна Іерусалимскаго». Отъ имени Павла отвѣчалъ вице-канцлеръ Кочубей, по окончаніи чего «Государь Императоръ, оба Государи Великіе Князья и всѣ кавалеры ордена св. Іоанна Іерусалимскаго во ознаменованіе присяги воздѣвали шляпы, обнажали и уклоняли шпаги, а знаменосецъ орденское знамя» [2]).

Принятіе Государемъ званія Великаго Магистра было оповѣщено манифестомъ 16 Декабря 1798 г. [3]); къ краткому Императорскому титулу: «Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій» повелѣно прибавить: «и Великій Магистръ Ордена св. Іоанна Іерусалимскаго» [4]); въ дипломатической перепискѣ

---

1) «Литта съ нунціемъ сочинили, будто-бы отъ всѣхъ кавалеровъ, прошеніе, въ которомъ просили Россійскаго Самодержца принять достоинство Великаго Магистра», (Записки Злобина рукопись, Гос. арх., III, 24). «По его (Литты) предположенію мальтійскіе кавалеры изъ эмигрантовъ, поляковъ и искателей приключеній, находившіеся въ то время въ Петербургѣ, собрались вкупѣ и провозгласили Павла Петровича Великимъ Магистромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго». (Васильчиковъ, III, 294). «Онъ» (Павелъ I) «принялъ отъ бродящихъ безъ пристанища кавалеровъ званіе Великаго Магистра ордена св. Іоанна Іерусалимскаго». (Зап. Мертваго, Р. Арх., 1867 г., 127). — «На гроссмейстерство Павла Петровича Разумовскій» (посолъ нашъ въ Вѣнѣ) «никогда не смотрѣлъ, какъ на нѣчто серьезное. Онъ слишкомъ хорошо зналъ духъ и статутъ ордена, вполнѣ понималъ, что онъ отжилъ свое время, и что старые, коренные мальтійцы никогда не согласятся признать гроссмейстеромъ Императора-иновѣрца». (Васильчиковъ, III, 307). — Въ письмѣ къ Разумовскому, отъ 6 Окт. 1801 г., Викт. Павл. Кочубей называетъ мальтійское дѣло «ridicule histoire» и «sottise». (Тамъ же, V, 314).— «Chacun sait l'étrange idée que Paul I mit à exécution en se créant grand-maître de l'ordre de Malte; on sait aussi et ce qu'il réalisa en cette qualité et l'opposition qu'il rencontra chez le pape Pie VI... Son (Пія VI) devoir l'obligeait à ne pas reconnaître pour chef d'un ordre religieux un prince ne professant pas la religion catholique». (Mémoires du cardinal Consalvi, t. I). — 2) Кам.-фур. журн., 1898 г., 1522—1530; Моск. Арх. М. И. Д., Дѣла адмистр., 1798 г., № 1. — «Читая описаніе этой церемоніи, нельзя не удивляться торжественной важности, съ которою разыграна настоящая комедія; но Павелъ въ случаяхъ, гдѣ являлся во всѣхъ принадлежностяхъ этикета и представительствѣ власти, оказывалъ величайшую торжественность и важность. Этикетъ былъ настоящимъ обрядомъ для него». (Зап. Злобина). — 3) Полн. Собр. Зак., № 18782. — 4) Тамъ же, № 18790.

«Императорское Величество» обратилось въ «Majesté Impériale Eminentissime» [1]; мальтійскій крестъ сдѣлался особо почетной наградой; для капитула ордена отданъ былъ Павломъ I домъ на Садовой [2]), и для погребенія рыцарей отведено было кладбище при Каменноостровской церкви. «Командорства ордена росли, какъ грибы, и поглащали огромныя суммы Имперіи [3]). Православные митрополиты и архіереи жаловались титуломъ кавалеровъ этого неправославнаго ордена; кавалеръ ордена прямо принимался на русскую службу съ чиномъ офицерскимъ, если онъ не имѣлъ дотолѣ никакого чина. Наконецъ не было выше и лестнѣе знака монаршей милости въ царствованіе Императора Павла I, какъ полученіе мальтійскаго ордена, и первымъ симптомомъ немилости и нерасположенія Государя къ кому-либо служило лишеніе его званія мальтійскаго кавалера» [4]).

Церковь св. Іоанна Крестителя на Каменномъ Островѣ.

23 Февраля 1799 года повелѣно было именовать орденъ «Державнымъ» [5]), а указомъ 10 Августа того же года — помѣстить изображеніе восьмиконечнаго мальтійскаго креста въ государственный гербъ на груди орла, подъ щитомъ, на которомъ изображается св. Георгій Побѣдоносецъ, — древній гербъ Московскихъ Великихъ Князей [6]).

Вслѣдъ затѣмъ учреждено независимо отъ Русскаго пріорства еще пріорство Римско-католическое [7]). Обмундированіе кавалеровъ православнаго и католическаго пріорствъ было одинакое: красный мундиръ съ обшлагами и отворотами изъ чернаго бархата, но православные имѣли золотые эполеты, а католики — серебряные [8]). Для управленія дѣлами ордена былъ учрежденъ «Священный Совѣтъ» подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника, а графъ Литта назначенъ Поручикомъ (Lieutenant) Великаго Магистра.

«Чтобы возможно болѣе умножить составъ ордена и расширить сферу его дѣятельности на защиту монархическихъ началъ, предположено было от-

1) Васильчиковъ, III, 309. — 2) Нынѣ Пажескій корпусъ. — 3) «Такъ какъ окружавшіе Павла интриганы (Flibustiers) очень хорошо знали, какъ слѣдуетъ пользоваться его первымъ увлеченіемъ, то они и побудили его сорить русскими деньгами на пользу ордена, котораго духъ и организація не имѣли рѣшительно никакого соотношенія къ политическому устройству русскаго государства». (Heiking, 125). — Манифестомъ отъ 29 Ноября 1798 года повелѣно отпускать, сверхъ опредѣленныхъ дотолѣ на Великое Пріорство Россійское суммъ, ежегодно по 216.000 рублей изъ Государственнаго Казначейства, безъ всякихъ удержаній, вычетовъ и налоговъ. (Полн. Собр. Зак., № 18766). — 4) Морошкинъ, I, 327 и 328. — «Только что я возвратился домой, какъ камеръ-пажъ вручилъ мнѣ отъ имени Императора знаки Мальтійскаго ордена, высшее отличіе, которое онъ оказывалъ приближеннымъ». (Изъ зап. пр. Евгенія Виртембергскаго, Р. Стар., 1894 г./xi, 154). — 5) Полн. Собр. Зак., № 18872. — 6) Тамъ же, №№ 19074, 19089. — 7) Тамъ же, №№ 18799, 18859. — 8) Висковатовъ, 41

крыть доступъ въ орденъ не только природному благородству или дворянству въ собственномъ смыслѣ этого слова, но и благородству умственному или талантамъ, всѣмъ личностямъ, знаменитымъ по успѣхамъ своимъ въ наукахъ и въ то же время отличающимся отвращеніемъ отъ идей революціонныхъ и противомонархическихъ и безукоризненнымъ поведеніемъ. Различіе вѣроисповѣданій тутъ не бралось во вниманіе; всякій человѣкъ, къ какому бы онъ христіанскому исповѣданію ни принадлежалъ, могъ быть допущенъ въ орденъ, если онъ былъ благороднаго происхожденія, или ученый, или художникъ, или человѣкъ нравственный и въ то же время другъ монархіи и врагъ революціи. Императоръ имѣлъ намѣреніе основать въ Петербургѣ огромное воспитательное заведеніе, въ которомъ бы члены ордена приготовлялись быть частію *воинами*, частію учителями нравственности, частію образователями или просвѣтителями другихъ и наконецъ дипломатами...

Командорскій крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго.

«Пламенное воображеніе Павла I рисовало Ему уже при этомъ самыя великолѣпныя картины; Его благодушно-рыцарское сердце уже вѣровало, что вотъ скоро около Него соберется все дворянство Европы; все талантливое, благородное, нравственное и любящее порядокъ и законность окружитъ Его, и Онъ — новый Готфридъ Бульонскій — во главѣ своей вѣрной и преданной арміи пойдетъ крестовымъ походомъ противъ ненавистной революціи, возстановитъ ниспроверженныя монархіи, водворитъ нравственность и законность и, увѣнчанный лаврами и осыпанный благословеніями отъ всѣхъ монарховъ, будетъ управлять судьбами Европы» [1]).

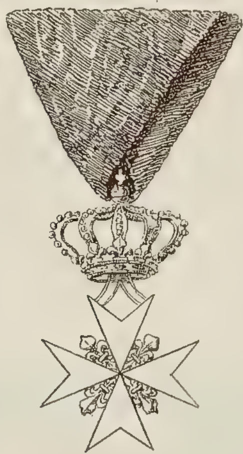
Изъ всего этого огромнаго плана приведено было въ исполненіе только часть его, а именно: учреждена была Павломъ I, по званію Великаго Магистра, особая гвардія, составленная исключительно изъ дворянъ. Первое повелѣніе о сформированіи этой гвардіи, подъ названіемъ «*Кавалергардскаго корпуса*», было объявлено гр. Литтѣ 8 Января 1799 г., а *одиннадцатаго Января* состоялся слѣдующій Высочайшій приказъ: «Въ формирующійся Кавалергардскій корпусъ, для составленія Гвардіи Особы Великаго Магистра Ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго назначаются: шефомъ — поручикъ Великаго Магистра графъ Литта, а лейтенантомъ — находящійся въ Свитѣ Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ князь Долгоруковъ 4-й».

---

[1]) Морошкинъ, I, 328—330. — «En relevant cet ordre et en agrandissant les moyens d'influence morale qu'il pourrait exercer, l'Empereur Paul regardait cette institution comme un noviciat où la noblesse de tous les pays d'Europe devait puiser les sentiments de loyauté et d'honneur, dont elle aurait besoin pour résister à l'envahissement du système d'égalité qui semblait déjà déborder tous les rangs de la société». Въ подлинникѣ противъ этихъ словъ Императоромъ Николаемъ I написано: «*C'est la première fois que j'ai compris l'idée de mon Père*». («Годы ученія Насл. Цес. Александра Николаевича»; Сборникъ, XXI, 233 и 234).

Въ какомъ числѣ формировался Кавалергардскій корпусъ, въ офиціальныхъ бумагахъ того времени называвшійся «*Кавалергадскимъ Его Императорскаго Величества корпусомъ*», свѣдѣній не сохранилось. Извѣстно только, что Императоръ, предоставивъ себѣ назначеніе офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, разрѣшилъ графу Литтѣ выбирать въ кавалергарды по собственному усмотрѣнію унтеръ-офицеровъ изъ всей гвардіи, однако не иначе, какъ съ согласія полковаго начальства [1]).

Гр. Ростопчину удалось низвергнуть Литту, который впалъ въ немилость и 18 Марта былъ уволенъ отъ службы и висланъ въ помѣстье жены своей, гр. Скавронской [2]). На мѣсто Литты шефомъ корпуса назначенъ былъ (22 Марта) кн. Владиміръ Петровичъ Долгоруковъ 4-й [3]).

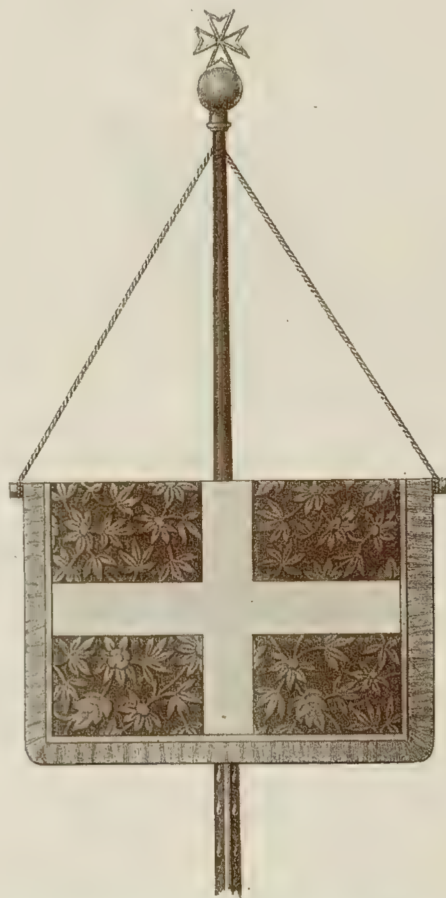
Кавалерскій крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго.

3 Апрѣля Императоръ Павелъ учредилъ «Дворъ Великаго Магистра Державнаго Ордена св. Іоанна Іерусалимскаго». Въ числѣ чиновъ этого Двора былъ *Командиръ* Гвардіи, но уже 17 Апрѣля званіе это уничтожено, и въ орденскихъ церемоніяхъ мѣсто его занялъ шефъ кавалергардовъ, съ званіемъ *капитана* Гвардіи Великаго Магистра. 6 Апрѣля 1799 года Кавалергардскому корпусу былъ данъ штатъ, состоявшій изъ 2 генераловъ (шефа и командира), 5 штабъ- и оберъ-офицеровъ, 9 унтеръ-офицеровъ, 75 кавалергардовъ, 1 литаврщика, 4 трубачей и 92 нестроевыхъ разнаго званія, въ томъ числѣ денщиковъ для уборки лошадей 44 и офицерскихъ 38,—а всего 189 человѣкъ [4]). Всѣ поименованные здѣсь чины, за исключеніемъ музыкантовъ и нестроевыхъ, должны были быть изъ дворянъ. Шефъ и командиръ полагались изъ командоровъ, а всѣ штабъ-, оберъ- и унтеръ-офицеры—изъ кавалеровъ Мальтійскаго ордена, т.-е. съ назначеніемъ въ Кавалергардскій корпусъ лица эти жаловались Павломъ Петровичемъ въ мальтійскіе рыцари [5]). Для командоровъ учрежденъ былъ знакъ для ношенія на шеѣ (бѣлый финифтяный крестъ, съ золотыми лиліями на углахъ и съ золотою короною наверху), а для кавалеровъ—такой же, меньшихъ размѣровъ, для ношенія въ петлицѣ. Кресты носились на черной лентѣ. Кромѣ того у командоровъ и у кавалеровъ на лѣвой сторонѣ колета и мундира нашивалось изображеніе орденскаго креста изъ бѣлой матеріи. Содержаніе

---

[1]) Висковатовъ, 42; Арх. М. Двора, Кам.-фур. журн., 1 Апрѣля 1799 г. — [2]) «31 Октября 1798 г. гр. Литта, съ разрѣшенія Папы, даннаго вслѣдствіе желанія Павла I, обвѣнчанъ въ церкви Зимняго дворца съ вдовою гр. Екат. Вас. Скавронской, рожд. Энгельгардтъ, въ присутствіи брата своего «нунціуса». Совершенію брака по православному обряду предшествовало совершеніе брака по католическому обряду». Обрядъ совершенъ былъ нунціемъ. (Кам.-фур. журн., 1798 г., 1390; Зап. гр. А. И. Рибопьера, Р. Арх., 1877 г., 481).— [3]) См. «Сборн. біогр. кавалергардовъ», т. II. — [4]) На обзаведеніе мундирными и амуничными вещами ассигновано 45.247 р. 26½ коп. (Леф. арх., оп. 3/1, св. 25, д. 53, стр. 20—27). — [5]) Полк. арх., Исход. журн., 1799 г., № 88.

корпуса отнесено на суммы капитула ордена. Какъ и въ 1797 году, всѣ строевые чины Кавалергардскаго корпуса имѣли обмундированіе и вооруженіе по образцу кирасирскихъ полковъ, причемъ въ парадныхъ случаяхъ они носили малиновые супервесты съ бѣлымъ почти во всю грудь крестомъ, а въ большія торжества надѣвали каски съ перьями и орденскіе (малиноваго цвѣта), чрезъ плечо, шарфы. Корпусу былъ данъ штандартъ изъ малиноваго штофа съ бѣлымъ прямолинейнымъ крестомъ. Всѣ принадлежавшіе къ строевому составу корпуса имѣли еще особый красный мундиръ для придворныхъ собраній и баловъ, и кавалергардскіе офицеры нерѣдко отправляли службу за камергеровъ, для чего наканунѣ по корпусу отдавался особый приказъ: «Наряжается въ выходъ за Его Императорскимъ Величествомъ *такой-то*, которому быть въ красномъ мундирѣ и башмакахъ». При представленіяхъ театральныхъ піесъ въ Эрмитажномъ театрѣ этотъ офицеръ стоялъ обыкновенно за кресломъ Государя. Къ преимуществамъ кавалергардовъ (офицеровъ и нижнихъ чиновъ) описываемой эпохи принадлежитъ еще ношеніе шляпъ съ плюмажемъ, что тогда въ военномъ вѣдомствѣ было присвоено однимъ генераламъ [1]).

Штандартъ Кавалергардскаго корпуса 1799 г., съ акварели.

Въ числѣ обрядовъ мальтійскихъ рыцарей существовалъ обрядъ сожженія костровъ наканунѣ Иванова дня — орденскаго праздника. Обычай этотъ сохранился отъ временъ нахожденія ордена въ Палестинѣ, когда именно въ этотъ день на кострахъ сжигали бѣлье, бывшее въ употребленіи въ страннопріимныхъ домахъ. Съ водвореніемъ ордена въ Петербургѣ обрядъ этотъ съ большою торжественностью былъ соблюденъ въ первый разъ 23 Іюня 1799 года; въ церемоніи этой принялъ участіе самъ Государь.

Еще 16 Іюня половина Кавалергардскаго корпуса подъ командою кн. Мих. Петр. Долгорукова [2]), оставившаго намъ описаніе этой церемоніи, была послана изъ Павловска въ Петербургъ для привоза мальтійскихъ регалій: гроссмейстерской короны, знамени, кинжала вѣры и печати. «Итакъ», пишетъ кн. Долгоруковъ, «20 Іюня я привожу всѣ эти вещи изъ Петербурга съ

---

[1]) Висковатовъ, «Ист. кавалерг.», 40—44; Висковатовъ, «Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ». — [2]) См. «Сборн. біогр. кавалергардовъ», т. II.

великимъ торжествомъ; для каждой изъ нихъ была отдѣльная карета, а для знамени — коляска; въ каждой каретѣ было по три персоны. Корону везли гр. Шереметевъ, кн. Барятинскій и кн. Трубецкой; знамя — гр. Головкинъ, Олсуфьевъ и еще множество лицъ, назначенныхъ для держанья этихъ предметовъ. Мы ѣхали съ большимъ торжествомъ до Павловска, гдѣ насъ приняли. Всѣмъ бывшимъ тамъ кавалерамъ и командорамъ (ордена св. Іоанна Іерусалимскаго) приказано было сдѣлать встрѣчу въ парадныхъ одеждахъ и прибыть во дворецъ, куда все это было отвезено. Надо сознаться, что я совершилъ этотъ путь по чрезмѣрной жарѣ, что всѣмъ придворнымъ господамъ было крайне не понутру.

«Наканунѣ празднества въ 6 часовъ вечера всѣ войска были въ парадѣ на площади передъ дворцомъ. Мы же были въ самомъ дворцѣ, равно какъ эскадронъ Конной гвардіи, который былъ размѣщенъ по покоямъ на проходѣ Е. И. Величества». Ровно къ 6 часамъ всѣ находившіеся въ Петербургѣ кавалеры и командоры собрались во дворецъ. Высочайшій выходъ прослѣдовалъ въ Большой залъ, гдѣ Императоръ и Императрица встали у трона. Великій сенекалъ Нарышкинъ поднесъ «на золотомъ блюдѣ освященную факлу незажженную, каковыя приняли отъ пажей и всѣ 8 членовъ Совѣта ордена. Изъ Большой залы выходъ направился на плацъ за желѣзными воротами, гдѣ были поставлены девять костровъ. Въ замкѣ шествія шелъ гроссмейстеръ (Павелъ I), за которымъ шли, съ одной стороны — его оруженосецъ гр. Кутайсовъ, а съ другой — князь Владиміръ (братъ автора, шефъ корпуса) съ палашомъ наголо. Все шествіе три раза обошло девять костровъ, устроенныхъ на плацѣ, окруженномъ войсками, потомъ Е. И. Величество, Великій Князь Александръ Павловичъ и остальные члены орденскаго капитула зажгли костры, и когда они загорѣлись, то всѣ возвратились въ томъ же порядкѣ. Что касается до Императрицы, то она со всей Императорскою Фамиліею была по близости въ палаткѣ, чтобы видѣть эту церемонію. На другой день, въ день праздника, утромъ послѣ парада была обѣдня, какая бываетъ обыкновенно въ праздничные дни, и ничего не было необыкновеннаго. Какъ наканунѣ, мы были разставлены въ покояхъ, чрезъ которые проходили въ церковь» [1]).

---

[1]) Р. Арх., 1865 г., 1010—1012. «По случаю назначеннаго Его Имп. Величествомъ *Преимущественнѣйшимъ* Великимъ Магистромъ... перенесенія членами Ордена регалій Великаго Магистра въ г. Павловскъ, собрались сего утра въ 7 часовъ въ С.-Петербургѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ, всѣ опредѣленные того Ордена кавалеры»... Шествіе слѣдовало въ такомъ порядкѣ: 1) взводъ кавалергардовъ; 2) «открытая придворная четвероместная таратайка, заложенная въ 8 лошадей», въ которой гр. Головкинъ съ двумя ассистентами везъ орденское знамя. Въ слѣдующихъ 3-хъ каретахъ, также заложенныхъ въ 8 лошадей каждая, везли орденскую печать, кинжалъ и корону. По обѣимъ сторонамъ экипажей ѣхало по одному кавалергарду съ обнаженнымъ палашемъ. Взводъ кавалергардовъ замыкалъ кортежъ. (Арх. М. Двора, Кам.-фур. журн., 20 и 23 Іюня 1799 г.). — Орденскія регаліи хранились въ Зимнемъ Дворцѣ и по случаю аудіенціи 3 Августа депутатамъ Богемскаго пріорства были вышеуказаннымъ порядкомъ привезены подъ конвоемъ кавалергардовъ изъ Петербурга въ Петергофъ. Во время аудіенціи кавалергарды стояли шпалерами «въ Аудіенцъ-каморѣ». (Тамъ же, 31 Іюля, 2 и 3 Авг. 1799 г.). — Тѣ же регаліи были привезены изъ Петербурга въ Гатчину 24 Сент. подъ конвоемъ двухъ взводовъ лб.-гусаръ. (Тамъ же).

Обрядъ сожженія костровъ наканунѣ Иванова дня, 23 Іюня 1799 г., на Дворцовой площади въ Павловскѣ, съ рисунка тушью Н. Анселенъ.

Вечеромъ 23 Іюня въ Петербургѣ, во дворѣ орденскаго дома происходила такая же церемонія сожженія костровъ, причемъ туда былъ присланъ отрядъ кавалергардовъ [1]).

На другой годъ въ Петербургѣ было опять сожженіе костровъ, *но Государь въ этой церемоніи не участвовалъ* [2]).

---

[1]) Висковатовъ, 46. — [2]) «Спустя нѣсколько дней по освященіи капеллы, 23 Іюня 1800 г. послѣ полудня снова собрались въ орденскомъ дворцѣ всѣ находившіеся въ столицѣ гроссмейстера, командоры и кавалеры. Обширный дворъ былъ усыпанъ пескомъ, а въ серединѣ его симметрически разставлены девять костровъ, увѣшанныхъ гирляндами и назначенныхъ къ сожженію, по религіозному обычаю ордена, наканунѣ Иванова дня. Въ 7 час. вечера оберъ-церемоніймейстеръ ордена, гр. Юрій Александровичъ Головкинъ, открылъ шествіе. За нимъ парами слѣдовали духовныя лица ордена, кавалеры, командоры, кавалеры большаго креста и бальи; за ними въ орденскихъ мантіяхъ съ навѣшанными на плечо орарями члены орденскаго совѣта; а шествіе замыкалъ намѣстникъ гроссмейстера ордена. Члены орденскаго совѣта несли въ рукахъ длинныя восковыя свѣчи. Вошедъ изъ главнаго подъѣзда дворца, шествіе медленно обошло костры три раза и потомъ размѣстилось кругомъ. Члены совѣта зажгли свои свѣчи у огня, поднесеннаго имъ служителями, и ими потомъ зажгли костры. Намазанные нефтью и скипидаромъ и наполненные внутри горючими веществами, костры быстро вспыхнули яркимъ пламенемъ. Клубы дыма живописно поднялись и вились въ воздухѣ, представляя красивый видъ при ясномъ вечерѣ. По сторонамъ двора за рогатками стояли сотни зрителей, и всѣ балконы и окна дворца и флигелей были полны ими; на улицѣ за желѣзною рѣшеткою, да на галлереѣ гостинаго двора толпились тысячи народа. Все вмѣстѣ представляло любопытную картину. На другой день, 24 числа 1800 г., въ день святаго покровителя ордена, св. Іоанна Крестителя, всѣ кавалеры снова собрались во дворцѣ въ своей парадной формѣ, въ камзолахъ, опоясанныхъ

О сформированіи корпуса сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія, заключающіяся: 1) въ исходящемъ журналѣ корпуса за 1799 годъ, въ которомъ къ тому же не достаетъ нѣкоторыхъ страницъ, и 2) въ дѣлахъ Коммисаріатскаго Департамента. На основаніи этихъ свѣдѣній можно прійти къ слѣдующимъ выводамъ: гр. Литта не занимался формированіемъ корпуса, а этимъ всецѣло завѣдывалъ кн. Долгоруковъ подъ наблюденіемъ Великаго Князя Александра Павловича [1]). Въ кавалергарды были взяты: 1) унтеръ-офицеры гвардейскихъ полковъ, по большей части изъ Конной гвардіи; 2) «служившіе въ присутственныхъ мѣстахъ при письменныхъ дѣлахъ, имѣющіе званіе губернскихъ регистраторовъ» (10 человѣкъ); 3) недоросли, въ томъ числѣ изъ одной Малороссійской губерніи поступило 15 человѣкъ [2]). Откуда взяты были лошади (89 строевыхъ и 4 подъемныхъ), мы указать не можемъ, «но конную аммуницію, покуда не будетъ воономъ корпусѣ, получить Государь Императоръ приказать соизволилъ» изъ Конной гвардіи [3]). Въ Мартѣ въ корпусѣ было 42 кавалергарда, а къ Маю состояло 9 унтеръ-офицеровъ и 65 кавалергардовъ [4]). Для квартированія корпуса отведенъ былъ домъ «въ Московской 4 части, бывшій Хлѣбникова» [5]), но, вѣроятно, по непригодности его кавалергарды были переведены въ домъ бывшаго при Екатеринѣ II Генеральнаго

красными шарфами, и въ орденскихъ мантіяхъ. Какъ въ православной церкви дворца, такъ и въ католической капеллѣ отслужена была литургія и затѣмъ молебенъ. Послѣ службы въ залѣ дворца данъ былъ отъ гроссмейстера обѣдъ всѣмъ кавалерамъ; за столомъ играла музыка». (Изъ рукописи Гейнриха Реймерса, Р. Стар., 1883/IX, 466).—«24 Іюня здѣсь въ капитулѣ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго былъ праздникъ. Нашъ владыка, яко кавалеръ командоръ, служилъ тамъ въ капитульской церкви при собраніи кавалеровъ. Наканунѣ 23-го къ вечеру была церемонія сожиганія жертвенниковъ, то-есть складено было посреди двора капитульскаго рядомъ малыхъ 9 костровъ, вышиною аршина въ два, а въ квадратѣ аршина полтора, на подобіе жертвенниковъ. На верху сихъ жертвенниковъ цвѣточные лежали вѣнки и другія фигурки; бока увѣшаны были гирляндами, изъ ельниковыхъ вѣтвей связанными. Младшіе кавалеры съ зажженными факелами въ мантіяхъ стояли на дворѣ; а въ семь часовъ вышли изъ покоевъ церемоніею старшіе кавалеры по два въ рядъ. Шествіе замыкалъ командоръ или графъ Салтыковъ. Всѣ вышедшіе кавалеры имѣли въ рукахъ факелы незажженные и въ церемоніи, обшедши три раза костры, зажгли у младшихъ свои факелы, обступили костры со всѣхъ сторонъ и зажгли ихъ. Сперва отъ горящаго ельника дымомъ все затмилось, а по прогорѣніи показалось чистое пламя, и кавалеры стояли около костровъ, пока они, обгорѣвъ, начали разваливаться. Тогда пошли они въ церемоніи въ покои и оттуда разъѣхались во свояси». (Письмо Евгенія Болховитинова къ В. И. Македонцу, отъ 28 Іюня 1800 г., Р. Арх., 1870 г., 782).

[1]) «Управляющему Коммисаріатскимъ Департаментомъ, господину генералу-отъ-инфантеріи и кавалеру Вязмитинову. — Генералъ-маіоръ Кавалергардскаго корпуса, лейтенантъ князь Долгорукій 4-й, представивъ мнѣ одинъ образецъ краснаго и два образца бѣлаго тонкаго сукна, доноситъ, что для построенія вицъ-мундировъ и колетовъ на новоформируемой Кавалергардскій корпусъ по тѣмъ Высочайше аппробованнымъ образцамъ подрядилъ онъ у купца Пахотина... всего же всѣхъ денегъ на заплату за тѣ сукна надобно 2.266 руб. $96\frac{7}{8}$ коп., оное число денегъ извольте приказать выдать подъ росписку его, князя Долгорукова, изъ общей воинской суммы на счетъ капитулы ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго, изъ которой оныя въ коммисаріатъ возвращены быть имѣютъ; помянутые же выше образцы за моею печатью прилагаю вамъ при семъ. Подписано тако: Александръ. — Въ С.-Петербургѣ, Февраля 1 дня 1799 года, № 12». (Леф. арх., оп. 3/1, св. 26, д. 20). — [2]) Леф. арх., оп. 152, кн. 65, стр. 58, 62, 63, 84, 85, 125, 190, 202, 311; кн. 67, стр. 435 и 536. — [3]) Полк. арх., Исх. журн. 1799 г., №№ 38 и 42. — [4]) Тамъ же, №№ 11 и 44. — Унтеръ-офицерамъ и кавалергардамъ полагалось въ мѣсяцъ: муки 4 четверика (3 п. 30 ф.), крупъ 3 гарнца; денщикамъ: по 2 четверика муки и $1\frac{1}{2}$ гарнца крупъ; лошадямъ строевымъ: 3 гарнца овса, 20 ф. сѣна, $2\frac{1}{2}$ ф. соломы; подъемнымъ: 2 гарнца овса, 20 фунт. сѣна, а соломы не полагалось; травы (и тѣмъ и другимъ) — 60 фунтовъ; трава получалась отъ Петергофскихъ обывателей, по 10 коп. за пудъ. (Исх. журн. 1799 г., №№ 69, 70 и 73). — [5]) Полк. арх., Исх. журн. 1799 г., №№ 12, 21, 24 и 25.

Штаба, носившій такъ же, какъ и Литовскій Замокъ, названіе «Боуеровскаго» дома, гдѣ нынѣ находятся казармы Конной гвардіи [1]). За неимѣніемъ данныхъ, мы не можемъ указать на состояніе дисциплины въ корпусѣ: не сохранилось ни приказовъ по корпусу за это время, ни журнала взысканій. До насъ дошло только свѣдѣніе о томъ, что двое кавалергардовъ (Колычевъ и Кикнадзе) были выписаны 2 Мая по Высочайшему повелѣнію изъ корпуса *фурлейтами* въ Петербургскій крѣпостной полкъ, но за что именно, — неизвѣстно [2]).

9 Августа 1799 года кн. Долгоруковъ былъ отчисленъ изъ шефовъ корпуса по арміи съ назначеніемъ состоять при заграничномъ корпусѣ генерала Римскаго-Корсакова, а на его мѣсто назначенъ «Его Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ Уваровъ, коему остаться при прежнемъ званіи и должности» [3]).

Съ назначеніемъ Уварова шефомъ [4]) Кавалергардскій корпусъ, которому могла угрожать та же участь, какая постигла полкъ д'Отишана, не только не былъ уничтоженъ, но по Высочайшему повелѣнію былъ доведенъ до трехъ-эскадроннаго состава. Къ Сентябрю въ корпусѣ состояло 11 унтеръ-офицеровъ и 96 кавалергардовъ; затѣмъ численность состава нѣсколько уменьшилась вслѣдствіе производства многихъ изъ кавалергардовъ въ офицеры въ полки армейской кавалеріи [5]), но взамѣнъ ихъ изъ «разныхъ полевыхъ полковъ» спѣшно были направлены въ Петербургъ унтеръ-офицеры изъ дворянъ для опредѣленія «въ кавалергарды» [6]), и еще 28 Августа послѣдовалъ слѣдующій приказъ по корпусу: «Кавалергардскій корпусъ раздѣляется на 3 эскадрона: 1-й — шефа, генералъ-адъютанта Уварова; 2-й — подполковника Кологривова; 3-й — маіора князя Долгорукова» [7]).

Насколько торопились съ укомплектованіемъ корпуса, а также и насколько было велико значеніе Уварова, можно видѣть изъ того, что всеподданнѣйшее донесеніе гр. Палена, что посланный за кавалергардами ротмистръ Супоневъ

---

[1]) «Die Chevaliers-Garde S. K. Maj. welche die Grossmeisterliche Garde des Monarchen nachmals ausmachte... hatte Stand vormals bei der Semenovschen Brücke, am linken Ufer der Fontanka (нынѣ казармы мѣстн. войскъ). Nachmals sollte der rechte Flügel des Malthespallastes für die Chevaliers-Garde zurecht gemacht und zu Casernen eingerichtet werden, doch da dieses nicht zu Stande kam, wurde ihnen das vormalige Bauersche Guidencorps am rechten Ufer der Moika im 1-sten Admiralitäts Theil eingeräumt in welchem Gebäude sie zwar bis zur Zeit (1806 г.) casernirt». (Reimers, «St.-Petersburg am Ende seines 1-sten Jahrhunderts», Leipzig, 1805, II, 14). — [2]) Леф. арх., оп. 152, кн. 48, стр. 82. — [3]) Высоч. прик. 1799 года. — [4]) См. «Сборн. біогр. кавалергардовъ, т. II. — [5]) Полк. арх., Исх. журн. 1799 г./п, № 8.—Съ 9 Августа, т.-е. съ назначенія шефомъ Уварова, въ Исходящемъ журналѣ заведена новая нумерація. — [6]) Тамъ же, № 21. — «По полученіи Всевысочайшаго В. И. Вел. повелѣнія чрезъ ген.-адъютанта гр. Ливена, отъ 10-го сего Августа мнѣ объявленнаго, о выборѣ въ кавалергарды унтеръ-офицеровъ изъ полковъ, подъ командою моею состоящихъ, я далъ тогда же предписаніе шефамъ оныхъ представить при именномъ спискѣ къ личному смотру и выбору присланному съ онымъ Высочайшимъ повелѣніемъ кавалергардскому маіору князю Долгорукову 5-му всѣхъ унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей и тѣхъ, кои отъ него выбраны будутъ, выключа изъ полковъ, отдать немедленно въ его вѣдомство. Таковыхъ способныхъ въ кавалергарды унтеръ-офицеровъ выбралъ онъ, маіоръ князь Долгоруковъ, изъ полковъ Кирасирскихъ моего имени 16, Цорна 1, Гусарскаго Иванова 3, Мушкетерскаго Меркулова 1 и Гарнизоннаго Архарова 5, всего 26 человѣкъ, съ коими сего числа на почтовыхъ и отправляется. О чемъ В. И. В-ву съ приложеніемъ именнаго имъ списка всеподданнѣйше доношу. Подп.: гр. Салтыковъ. Авг. 23 дня 1799 г. Москва». (Леф. арх., оп. 152, кн. 51, стр. 584). — [7]) Полк. арх., кн. Приказовъ 1799 г.

Десница св. Іоанна Крестителя и частица Животворящаго древа Креста Господня.

(Большая церковь Зимняго Дворца).

Императоръ Павелъ I, съ картины Тончи. (Гатчинскій Дворецъ).

забираетъ подводы, приготовленныя для другихъ частей войскъ, не имѣло ни для Супонева, ни для Уварова непріятныхъ послѣдствій [1]).

Къ концу Сентября число кавалергардовъ уже доходило до 166 человѣкъ [2]), и мы видимъ, что Уваровъ уже не входитъ при переводахъ въ предварительное сношеніе съ полковыми командирами, а объявляетъ переводы въ кавалергарды Высочайшими повелѣніями [3]). «На формированіе вновь прибавленнаго числа кавалергардовъ Е. Имп. Величество Высочайше соизволилъ приказать отпустить изъ вѣдомства Кабинета 35.000 руб.» [4]). Эта сумма была ассигнована въ добавленіе къ смѣтнымъ остаткамъ по корпусу (около 25.000 р.) [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ 15 Августа послѣдовало «словесное Е. И. Величества приказаніе чрезъ генералъ-адъютанта: требовать изъ Гатчинскаго провіантскаго магазина для поправленія строевыхъ лошадей овса по 1 гарнцу, да сѣна по 5 фунтовъ на лошадь въ сутки безъ вычета впредь» [6]).

---

1) «Генералъ-отъ-Кавалеріи графъ фонъ-деръ-Паленъ на указъ Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше доноситъ, что по сношенію его съ гражданскимъ губернаторомъ оказалось, для слѣдовавшей въ Брестъ-Литовской Гарнизоннаго Уколова полку команды въ городѣ Нарвѣ потребное число подводъ было въ срокъ приготовлено, но въ то самое время слѣдовавшій чрезъ Нарву въ С.-Петербургъ съ выбранными въ кавалергарды унтеръ-офицерами лейбъ-гвардіи Коннаго полку ротмистръ Супоневъ не токмо сіи лошади забралъ, но еще и приготовленныя для другой, князя Долгорукова 2-го, команды взяты имъ были до города Ямбурга, послѣ чего присутствующіе Земскаго суда, извѣстясь, должны были уже для означенныхъ командъ дѣлать вторичные наряды подводъ. Октября 12 дня 1799 года». (Леф. арх., оп. 152, кн. 63, стр. 562). — 2) Полк. арх., Исх. журн. 1799 г., №№ 23 и 31. — Нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ и денщиковъ, было 121 человѣкъ. — 3) «Е. И. В-во Высочайше соизволилъ приказать, чтобъ состоящихъ въ вѣдомствѣ вашемъ лб.-гв. Коннаго полку унтеръ-офицеровъ (11 человѣкъ) — опредѣлить въ кавалергарды...». (Письмо Уварова къ Каракулину; Полк. арх., Исх. журн. 1799 г., № 103). — 4) Письмо Уварова къ М. И. Донаурову; Полк. арх., Исх. журн. 1799 г., № 85; Полн. Собр. Зак., № 19114. — 5) Полк. арх., Исх. журн. 1799 г., №№ 16, 86 и 91. — 6) Леф. арх., оп. 152, кн. 67, стр. 331; Полк. арх., Исх. журн. 1799 г., № 5.

Генералу Уварову сверхъ получаемаго имъ генералъ-адъютантскаго жалованья повелѣно было 6 Сентября производить «положенное шефу кавалергардовъ денежное жалованье»; но такъ какъ оказалось, что по штатамъ шефу кавалергардовъ «особеннаго жалованья не назначено», то Военная Коллегія была поставлена въ затрудненіе, какимъ образомъ привести въ исполненіе Высочайшее повелѣніе, о чемъ Вязмитиновъ и писалъ ген.-ад. гр. Ливену. Ливенъ взялъ на себя разрѣшить сомнѣніе Вязмитинова, что и исполнилъ нижеслѣдующимъ письмомъ отъ 8 Сентября: «Такъ какъ по почтеннѣйшему извѣщенію вашему видно, что слѣдующая на кавалергардовъ сумма отпускаема должна быть коммисаріату изъ орденскаго капитула, слѣдовательно, нынѣшнему шефу генералъ-адъютанту Уварову по чину генералъ-маіорскому жалованье производить можно.....» [1]).

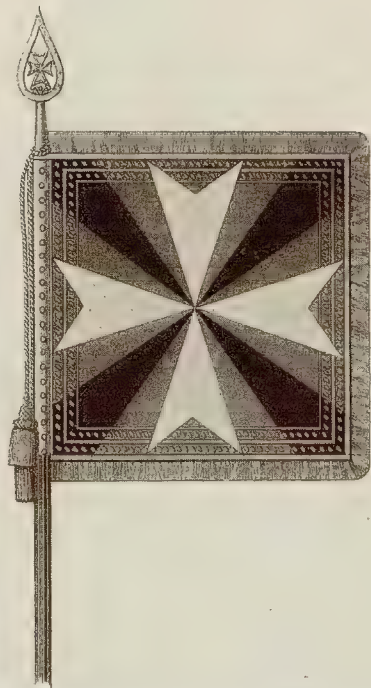
Кавалергардскій корпусъ въ трехъ-эскадронномъ составѣ въ первый разъ представился Государю въ Гатчинѣ 7 Октября. Императоръ Павелъ остался вполнѣ имъ доволенъ, и того же числа въ Высочайшемъ приказѣ было объявлено: «Его Императорское Величество объявляетъ свое отмѣнное благоволеніе учившемуся сего числа Кавалергардскому корпусу, а отмѣнную благодарность генералъ-адъютанту Уварову и всѣмъ штабъ- и оберъ-офицерамъ за скорое приведеніе въ должной порядокъ онаго корпуса; также и всѣмъ господамъ кавалергардамъ за хорошее стараніе и послушаніе».

На другой день корпусу были пожалованы новые штандарты, по одному на каждый эскадронъ, которые и были освящены на плацу передъ дворцомъ [2]). Осенью 1799 года въ Гатчинѣ придворныя торжества слѣдовали одно за другимъ по случаю обрученія, а затѣмъ свадебъ Великихъ Княженъ: Елены Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Фридрихомъ Мекленбургскимъ (12 Октября) и Александры Павловны съ Палатиномъ Іосифомъ (19 Октября), причемъ кавалергарды стояли шпалерами отъ Тронной залы въ нижнемъ этажѣ до площадки Большаго подъѣзда [3]). Во время выхода въ церковь около Государя шли генералъ Уваровъ и кн. Голицынъ (командиръ Конной гвардіи) «съ обнаженными палашами, держа оные внизъ». Они же 12 Октября стояли

---

[1]) Леф. арх., оп. 3/1, св. 26, д. 20. — [2]) «8 Октября, въ субботу, по утру въ 8 часовъ во внутреннихъ Е. И. Вел. покояхъ прибиваны были Кавалергардскаго корпуса къ древкамъ три штандарта, а потомъ оные въ присутствіи Его Величества на плацу предъ Дворцомъ были освящены, службу чего и отправлялъ очередной священникъ съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ, а послѣ сего отнесены штандарты были во внутренніе нижняго этажа покои, а Его Величество, въ присутствіи-жь своемъ учиня разводъ, и проходилъ такъ-же во внутренніе свои покои». (Арх. М. Двора; Кам.-фур. журн., 1799 г.). — [3]) «Въ покояхъ Гатчинскаго Дворца разставлены были по обѣимъ сторонамъ комнатъ, начиная отъ самыхъ дверей Тронной Его Величества и до площадки, что предъ большимъ среднимъ Дворца подъѣздомъ, три эскадрона Кавалергардовъ, а отъ оныхъ до самой лѣстницы церковной — Конная гвардія, состоящая въ томъ-же числѣ эскадроновъ, каждый бывъ съ штандартами, трубами и литаврами». Для вѣнчанія Вел. Кн. Александры Павловны съ Палатиномъ по католическому обряду въ Кавалергардской комнатѣ устроенъ былъ алтарь, а «по обѣимъ сторонамъ отъ сдѣланнаго на католическій обрядъ вѣнчальнаго мѣста поставлено было шесть» австрійскихъ «кавалергардовъ при одномъ того корпуса ихъ поручикѣ». Вѣнчаніе по католическому обряду предшествовало православному, шествіе къ нему направилось подъ звуки «всего Кавалергардскаго марша» кавалергардскихъ музыкантовъ, стоявшихъ у дверей Тронной комнаты. (Арх. М. Двора; Кам.-фур. журн., 1799 г.).

на тронѣ во время Высочайшаго стола [1]). 22 Октября, въ день праздника Казанской Божіей Матери, во время молебна «у поставленнаго предъ Царскими дверьми налоя съ мощами Іоанна Крестителя и Божіею Матерью, писанною ев. Лукою, находилось по два у каждой стороны съ обнаженными палашами кавалергардскихъ офицера» [2]). 26 Октября состоялась публичная аудіенція австрійскаго посла гр. Кобенцеля. «У всѣхъ четырехъ сторонъ передъ дворцомъ на плацѣ разставлены были шеренгами въ строй лб.-гв. Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго полковъ гренадеры, а отъ подъѣзда до новой галлереи по обѣ стороны по сѣнямъ и по парадному крыльцу — Конная гвардія въ ихъ уборѣ; въ новой галлереѣ и въ картинной до круглой комнаты, гдѣ быть камерѣ ожиданія, по обѣ стороны — алебардіеры, а въ Аудіенцъ-залѣ, оставя столько мѣста, сколько нужно для чиновниковъ, долженствующихъ быть около трона, по обѣ стороны — кавалергарды». Посла конвоировалъ отрядъ Конной гвардіи; всѣ войска отдавали послу честь «за исключеніемъ Аудіенцъ-залы, въ которой» (кавалергарды) «не отдавали чести для того, что въ оной соизволилъ быть Государь Императоръ» [3]).

Штандартъ Кавалергардскаго корпуса 1799 г., съ акварели.

Кавалергарды ежедневно занимали во дворцѣ, въ которомъ имѣлъ мѣстопребываніе Государь, внутренній караулъ, причемъ въ торжественныхъ случаяхъ надѣвали латы. Такъ, внутренній караулъ былъ въ латахъ во всѣ дни торжествъ по случаю вышеупомянутыхъ бракосочетаній Великихъ Княженъ, съ 12 по 25 Октября [4]). Въ дни спектаклей въ Эрмитажѣ туда наряжался особый караулъ въ составѣ 1 офицера, 1 музыканта и 8 кавалергардовъ [5]).

---

1) Во время торжественныхъ обѣдовъ 19 Октября, 8 Ноября («день всеобщаго орденскаго праздника») и 30 Ноября (праздникъ ордена св. Андрея Первозваннаго) за Государемъ на тронѣ стоялъ одинъ генералъ Уваровъ. (Арх. М. Двора, Кам.-фур. журн.). — 2) Тамъ же, 1799 г. — 3) Тамъ же. — 4) Полк. арх.; Приказы по корпусу 1799 г. — Неизвѣстно, почему 22 Октября внутреннему караулу приказано было быть «безъ латъ». «Нарядить къ завтрашнему числу для парада» (по случаю орденскаго праздника св. Екатерины) «со всѣхъ трехъ эскадроновъ рослыхъ и которые получше 44 кавалергарда, 4 унтеръ-офицера, 4 гобоиста и 2 трубача и литаврщика. Офицеры наряжаются при фрунтѣ: полковникъ Кологривовъ, ротмистръ Бороздинъ и корнетъ Елагинъ; къ трону — поручики Ушаковъ и Линевъ, которымъ и быть во дворцѣ въ 10 часовъ». (Прик. по корп. 23 Ноября 1799 г.). — «Къ завтрашнему числу нарядить для церемоніи съ эскадроновъ шефа, генерала-адъютанта Уварова и полковника Кологривова: 4 унтеръ-офицера, два трубача и литаврщика, 4 гобоиста и 44 кавалергарда. Командовать эскадрономъ майору князю Долгорукову во время церемоніи, а офицерамъ при ономъ быть: поручику Линеву и корнету Дмитріеву, которымъ и быть въ половинѣ одинадцатаго часа во дворцѣ». (Тамъ же, 25 Ноября 1799 г.). — 5) «Нарядить сего числа съ эскадрона майора князя Долгорукова въ Эрмитажный караулъ поручика Ушакова, унтеръ-офицера — 1, музыканта — 1, кавалергардовъ — 8, которымъ и быть въ 4 часа у коменданта». (Тамъ же, 6 Янв. 1800 г.).

Князь Владиміръ Петровичъ Долоруковъ, шефъ Кавалергардскаго корпуса, съ 22 Марта по 6 Августа 1799 г., съ литографіи по акварели Клюндера.

Въ Гатчинѣ, какъ и повсюду, гдѣ былъ Павелъ I, ежедневно бывали разводы, на которыхъ нерѣдко Государь объявлялъ свою благодарность, но иногда выказывалъ и свой гнѣвъ, послѣдній не всегда въ выраженіяхъ, соотвѣтствовавшихъ его сану и офицерскому званію лицъ на-

казуемыхъ [1]). Такихъ замѣчаній кавалергарды не получали, и единственный разъ было имъ сдѣлано таковое 8 Ноября за плохую ѣзду офицеровъ [2]).

6 Января кавалергарды участвовали въ Крещенскомъ парадѣ, причемъ во время шествія духовной процессіи изъ Зимняго дворца на Іордань два кавалергардскихъ офицера шли съ обнаженными палашами по сторонамъ ковчега съ мощами св. Іоанна Крестителя [3]), имѣя у себя ассистентами двухъ церемоніймейстеровъ ордена въ полномъ орденскомъ одѣяніи [4]). Ковчегъ этотъ вмѣстѣ съ прочими орденскими святынями: 1) частицею Животворящаго Древа, полученной Жераромъ во времена 1-го крестоваго похода, 2) чудотворной иконою Филермской Божьей Матери, писанной св. ев. Лукою, былъ отобранъ въ Тріестѣ австрійскимъ правительствомъ у Гомпеша и доставленъ въ Петербургъ [5]).

---

[1]) «Е. И. В-во изволилъ замѣтить, что въ Конной гвардіи у господъ офицеровъ голоса ослабли во время командованія, которымъ и рекомендуется командовать громче». (Высоч. прик. 11 Авг. 1799 г.). «Е. И. В-во объявляетъ свое удовольствіе учившемуся сегодня разводу Измайловскаго полка Его Высочества баталіона, и жалуется по фунту говядины на человѣка. А всѣмъ онаго баталіона гг. офицерамъ дѣлается выговоръ за незнаніе своей должности и рекомендуется, чтобъ впредь занимались службою, нежели партикулярными дѣлами, и не шатались по неприличнымъ мѣстамъ». (Высоч. прик. 19 Сент. 1799 г.). «Е. И. В-во дѣлаетъ выговоръ ген.-лейт. Талызину за принятіе просьбы въ отпускъ отъ прапорщика, ибо оныхъ не слѣдуетъ отпускать». (Высоч. прик. 21 Сент. 1799 г.). «Предписывается всѣмъ гг. инспекторамъ не принимать прошеній объ увольненіи въ отпускъ отъ корнетовъ и прапорщиковъ, ибо оные всѣ сіе дѣлаютъ отъ лѣни». (Высоч. прик. 1 Окт. 1799 г.).

[2]) «Е. И. В-во дѣлаетъ замѣчаніе Кавалергардскаго корпуса шефу генералъ-адъютанту Уварову, чтобъ гг. офицеры ѣздили лучше верхами, а гг. офицерамъ дѣлается выговоръ». (Высоч. прик. 18 Ноября 1799 г.).

[3]) Рука св. Іоанна Крестителя была подарена ордену султаномъ Баязетомъ во время гроссмейстерства д'Обюссона.

[4]) «Завтрашняго числа въ 8-мь часовъ, ежели морозъ не будетъ болѣе 5 градусовъ, то всѣмъ полкамъ быть готовымъ къ церемоніи и послѣ 9 выстрѣловъ изъ пушки, вести ихъ на показанныя мѣста, а если морозъ будетъ болѣе 5-ти градусовъ и 9 выстрѣловъ не будетъ дадено, то церемонія *отказывается*». (Высоч. прик. 5 Января 1800 г.). — «6 Января. Сего числа морозу было 8 градусовъ, и потому, какъ уже онаго болѣе пяти есть три градуса, то по случаю сего и войска предъ дворцомъ разставлены не были...». Во время обѣдни Государь съ Великими Князьями и со знаменами и штандартами, какъ находившимися во дворцѣ, такъ «и къ тому отъ другихъ разныхъ полковъ внесенными..., шествовать изволилъ на Іордань, бывъ на оную препровождаемъ состоящими при полкахъ шефами, каждый находясь будучи при своемъ знамѣ, которыя и несены были, какъ лейбъ-гвардіи, такъ и другихъ полковъ унт.-офицерами, при коихъ Е. И. В-во и Ихъ И. Высочества изволили въ ожиданіи всей на водоосвященіи духовной крестнаго хода процессіи». Ровно въ 10 ч. началась духовная процессія. «За оными (духовенствомъ) изъ духовнаго чина несенъ былъ Святый и Животворящій Крестъ, позади коего съ каждой стороны гайдуки, и въ предслѣдованіи Императорскихъ же двухъ гоффуріеровъ несены мощи св. Іоанна Крестителя, впереди коихъ въ недальнемъ разстояніи шли по сторонамъ съ каждой по одному кавалергардскому офицеру съ обнаженными шпагами, а по бокамъ находились ассистентами церемоніймейстеры: кн. Барятинскій и Двора Государя Наслѣдника камергеръ Демидовъ, которые, бывъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго въ супервестахъ, и такъ же держа обнаженныя на плечахъ шпаги, за коими уже потомъ несено было св. Евангеліе...». (Арх. М. Двора; Кам.-фур. журн.). — [5]) Васильчиковъ, III, 357.

Духъ и дисциплина.

До насъ дошло крайне мало данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы составить себѣ точное представленіе о духѣ и дисциплинѣ кавалергардовъ 1799 года. На основаніи сохранившихся данныхъ о наложенныхъ взысканіяхъ можно предположить, что дисциплина въ корпусѣ при Уваровѣ была значительно выше, нежели въ полку д'Отишана; объяснить себѣ это можно тѣмъ, что при Уваровѣ послѣдній самъ выбиралъ молодыхъ людей въ кавалергарды, а слѣдовательно могъ принимать должныя мѣры къ тому, чтобы полки не спускали въ корпусъ весь свой нравственный и физическій бракъ. Съ 9 Августа, дня назначенія Уварова шефомъ, и по начало 1780 года [1]) наложены были слѣдующія взысканія на офицеровъ: 1) поручикъ Авдулинъ за то, что онъ вывелъ во внутренній караулъ кавалергарда безъ палаша (!), наряженъ на 3 дежурства [2]); 2) корнетъ Дмитріевъ, выѣхавшій въ караулъ грязно одѣтый и имѣвшій конскій уборъ также не въ порядкѣ, назначенъ «дежурнымъ не въ очередь не на короткое время» [3]); 3) корнетъ Бороздинъ, стоя въ караулѣ, «не успѣвалъ отдавать честь кому слѣдуетъ», наряженъ 23 Декабря дежурнымъ на недѣлю, а на другой день дежурство продолжено «сверхъ наряженнаго срока еще безъ очереди, пока приказано будетъ онаго смѣнить», ибо при посѣщеніи казармъ Уваровъ «не нашелъ ни дежурнаго офицера, ни дежурныхъ кавалергардовъ» [4]); 4) поручикъ

---

[1]) Приказы по корпусу сохранились только по начало 1800 г.

[2]) «Такъ какъ вчерашняго числа господинъ караульный офицеръ, поручикъ Авдулинъ, не осмотрѣлъ своего караула, какъ должно, и вывелъ кавалергарда безъ палаша, за что и наряжается дежурнымъ при эскадронахъ безъ очереди до тѣхъ поръ, пока приказано будетъ онаго смѣнить». (Прик. по корп. 19 Окт.). — Авдулинъ продежурилъ 3 дня подъ рядъ.

[3]) «Господинъ корнетъ Дмитріевъ никакъ не занимается своею должностью генерально позволеніе его ему принадлежитъ (sic), даже и до того, что самъ о себѣ не печется, чтобъ выѣхать въ караулъ какъ исправному офицеру; т.-е. офицеру слѣдуетъ всегда быть чисту и елико можно опрятну одѣту. Лошадь же его должна (быть) во всемъ уборѣ конскомъ весьма чистомъ и отнюдь не оборванномъ, и всякій ремень и пряжку осмотрѣть и въ своемъ мѣстѣ непремѣнно быть должно. И потому оный господинъ корнетъ вынудилъ за его безпечность назначить дежурнымъ не въ очередь не на короткое время. А господамъ эскадроннымъ командирамъ рекомендуется смотрѣть какъ можно строже и при всякомъ отправленіи изъ эскадрона команды осматривать офицеровъ и ихъ лошадей, въ надлежащемъ ли они порядкѣ. Такъ же вынужденъ сказать и то, что 29 числа довольно и кавалергардовъ видѣлъ въ церемоніи весьма не опрятныхъ, что означаетъ нашу безпечность». (Прик. по корпусу 30 Ноября 1799 г.).

[4]) «Корнетъ Бороздинъ наряжается безъ очереди на недѣлю дежурнымъ при эскадронахъ, за то, что стоявши въ караулѣ и не успѣваетъ отдавать честь кому слѣдуетъ». (Тамъ же, 23 Декабря 1799 г.). — «Хотя уже и много разъ было подтверждено эскадроннымъ командирамъ, чтобы смотрѣть за порядкомъ въ своихъ эскадронахъ, также за тѣми чинами, которые наряжаются въ какую ни есть должность; однакожъ онаго никто еще не выполняетъ, ибо вчерашняго числа по пріѣздѣ моемъ на конюшнѣ не нашелъ я ни дежурнаго офицера, ни дежурныхъ кавалергардовъ ни въ которомъ эскадронѣ; почему и еще подтверждается господамъ эскадроннымъ командирамъ, дабы какъ наивозможно смотрѣть за онымъ прилежнѣе. А дежурному корнету Бороздину продолжать дежурство сверхъ наряженнаго срока еще безъ очереди, пока приказано будетъ онаго смѣнить». (Тамъ же, 24 Декабря 1799 г.).

Офицеръ и унтеръ-офицеръ Кавалергардскаго корпуса съ 1799 по 1800 г., съ акварели.

Ушаковъ арестованъ на квартирѣ, вѣроятно за какую-нибудь неисправность его караула въ Эрмитажѣ [1]).

Должно отдать справедливость ген. Уварову, что онъ былъ вообще умѣренъ въ своихъ взысканіяхъ и видимо старался воздѣйствовать на своихъ подчиненныхъ стыдомъ, а не страхомъ. Такъ, только послѣ неоднократныхъ напоминаній кавалергардамъ, чтобы они передъ всякимъ офицеромъ, «даже прапорщикомъ», снимали шляпу, и что «много по сіе время такихъ (такого) случалось, за что ни малой похвалы не заслуживаютъ», посадилъ подъ арестъ одного кавалергарда, который передъ нимъ самимъ не снялъ шляпы [2]).

Ровно черезъ годъ по учрежденіи Кавалергардскаго корпуса, какъ гвардіи Великаго Магистра, 11 Января 1800 года Императоръ Павелъ повелѣлъ переформировать корпусъ въ трехъэскадронный *Кавалергардскій полкъ* на одинаковомъ положеніи съ остальными гвардейскими полками, не присвоивая ему прежняго преимущества: состоять

---

1) «Поручику Ушакову запрещается выѣзжать никуда изъ квартиры, окромѣ какъ на вахтъ-парадъ, до тѣхъ поръ пока позволено будетъ». (Прик. по корпусу 8 Января 1800 г.).

2) Мы приводимъ всѣ приказы генерала Уварова, относящіеся до дисциплины корпуса: «Приказать кавалергардамъ, чтобъ ни одинъ отнюдь не ходилъ въ шиненяхъ за шлахтбаумъ, за чѣмъ смотрѣть унтеръ-офицерамъ, а если усмотрѣно будетъ, то строго тотъ будетъ наказанъ». (Тамъ же, 18 Авг. 1799 г., въ Павловскѣ). — «Усмотрѣно мною, что нѣкто изъ гг. эскадронныхъ командировъ, равно же изъ частныхъ офицеровъ, не смотрятъ по своей части за кавалергардами, какъ они одѣваются, то рекомендуется всѣмъ гг. штабъ- и оберъ-офицерамъ смотрѣть за оными поприлежнѣе, и куда бы кавалергардъ отъ команды даванъ ни былъ, а чтобъ одѣтъ былъ хорошо и опрятно, а въ противномъ случаѣ взыскано будетъ какъ на эскадронныхъ командирахъ, такъ и на частныхъ офицерахъ и унтеръ-офицерахъ». (Тамъ же, 15 Окт. 1799 г., въ Гатчинѣ). — «Какъ уже въ разныхъ случаяхъ замѣчено, что кавалергарды ни мало своей должности не знаютъ, даже и до того, чтобъ быть учтивыми и скидывать шляпы передъ кѣмъ слѣдуетъ, почему и нашелся принужденнымъ напомянуть гг. эскадроннымъ командирамъ, что уже нѣсколько разъ было словесно приказано нижнихъ чиновъ отнюдь не выпускать изъ эскадроновъ, какъ самому его осмотрѣть, — какъ одѣтъ, и также распросить, — знаетъ ли онъ, какъ ему себя вести должно, когда съ кѣмъ встрѣтиться случится. Кавалергарды же должны непремѣнно со всякимъ встрѣчающимся, даже прапорщикомъ, снимать шляпу, также и передъ унтеръ-офицерами кавалергардскихъ эскадроновъ, и съ сего время надѣюсь, что всѣ предосторожности взяты будутъ, чтобъ противнаго сему не случилось, ибо много по сіе время такихъ случалось, за что ни малой похвалы не заслуживаютъ». (Тамъ же, 23 Окт. 1799 г.). — «Хотя и было уже подтверждено эскадроннымъ командирамъ, чтобы смотрѣть за кавалергардами, дабы оные были учтивѣе, однако-же оные о сю пору неучтивы, что сего числа мною и усмотрѣно: эскадрона кн. Долгорукова кавалергардъ Волейко не довольно предъ офицерами, но и при мнѣ въ шляпѣ стоялъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ совсѣмъ шляпы не можно надѣвать, за что и сажается подъ арестъ въ примѣръ другимъ до тѣхъ поръ, пока не приказано будетъ оного выпустить; а гг. эскадроннымъ командирамъ еще подтверждается, дабы за симъ имѣть лучшее смотрѣніе». (Тамъ же, 11 Ноября 1799 г.).

Видъ Пріората въ Гатчинѣ, съ гравюры Флойдъ.

изъ дворянъ. На другой день послѣ этого повелѣнія, 12 Января, послѣдовалъ Высочайшій приказъ: «Его Императорское Величество объявляетъ особливое свое благоволеніе генералъ-адъютанту и шефу кавалергардовъ Уварову за содержаніе совершенно въ должномъ порядкѣ сформированныхъ изъ дворянъ трехъ эскадроновъ кавалергардовъ, также свое благоволеніе гг. штабъ- и оберъ-офицерамъ и самимъ кавалергардамъ; во уваженіе чего всѣ господа изъ дворянъ унтеръ-офицеры и кавалергарды выпускаются по ихъ желаніямъ въ кавалерію, инфантерію, къ статскимъ дѣламъ и въ отставку оберъ-офицерскими чинами».

«Съ этихъ поръ назначеніе кавалергардовъ измѣнилось противу первоначальной ихъ цѣли, и они поступили въ общій составъ войскъ, удержавъ однако-же первое мѣсто въ ряду кавалерійскихъ полковъ и сохранивъ Петромъ Великимъ дарованное имъ высокое преимущество: имѣть изъ среды своихъ офицеровъ стражу у трона при священномъ вѣнчаніи на царство Россійскихъ Монарховъ» [1]).

* *
*

Учрежденіе Мальтійскаго ордена въ Россіи до сихъ поръ обращаетъ на себя вниманіе. Литература этого событія обширна, но, стараясь упростить рѣшеніе вопроса, авторы становятся на одну какую-нибудь исключительную точку зрѣнія. Исключительная точка зрѣнія въ данномъ случаѣ уже по одному тому казалась бы мало пригодной, что центральное дѣйствующее лицо въ этомъ событіи, Императоръ Павелъ, самъ представляетъ изъ себя исключительную натуру, въ которой самыя рѣзкія противоположности не только уживались, но одновременно дѣйствовали.

Намъ думается, что «Мальтійство въ Россіи» надо разсматривать съ нѣсколькихъ сторонъ: 1) со стороны религіозной и 2) политической, причемъ политическая сторона въ свою очередь распадается на вопросъ нравственнаго воздѣйствія на общество и на вопросъ матеріальнаго пріобрѣтенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно попытаться отдѣлить несомнѣнно присущую вопросу театральность обстановки отъ серіознаго значенія и внутренняго

---

1) Висковатовъ, 48.

смысла того обстоятельства, что Русскій Царь объявилъ себя гроссмейстеромъ монашествующаго католическаго ордена. Религіозная сторона вопроса разрѣшается проще другихъ. «Съ какой-то болѣзненною поспѣшностью Самодержецъ Всероссійскій, первый сынъ и даже, какъ онъ воображалъ себя, — глава православной церкви [1]), женатый, отецъ семейства, провозгласилъ себя гроссъ-мейстеромъ Мальтійскаго ордена, основами котораго были безбрачіе и латинство» [2]). «Православные митрополиты и архіереи жаловались титломъ кавалеровъ неправославнаго ордена» [3]). «Въ политическомъ отношеніи Императоръ Павелъ, увлекшись еще въ молодости чтеніемъ Vertot, глядѣлъ сквозь эту восторженную исторію Мальтійскаго ордена на современныхъ ему рыцарей; онъ думалъ, что въ орденѣ попрежнему заключается сила и, считая, что французская революція угрожаетъ ему наравнѣ съ прочими западно-европейскими государями, онъ со свойственной ему страстностью объявилъ ей войну не на животъ, а на смерть» [4]), забывая не только, что «духъ и организація ордена не имѣли рѣшительно никакого соотношенія къ политическому устройству русскаго государства» [5]), но что и самая французская революція была вызвана условіями существовавшими на Западѣ, но не въ Россіи; что единственная опасность внутри государства заключалась въ существованіи крѣпостнаго права и что въ его рукахъ находилось средство, которое разомъ могло успокоить недовольство народныхъ массъ и укрѣпить незыблемо Самодержавіе.

На Западѣ «ancien régime» до того внѣдрился во всю государственную и общественную жизнь, что возможность постепенныхъ и частныхъ реформъ исчезла; въ Россіи же, напротивъ, крѣпостное право составляло явленіе, вовсе не присущее русскому «старому строю», и вполнѣ поддавалось коренной реформѣ.

«Императоръ Павелъ», справедливо замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей его царствованія, «при личныхъ своихъ благородныхъ порывахъ, рыцарскихъ чувствованіяхъ нерѣдко по впечатлительности своей натуры и порывистости характера поддавался вліянію на него разныхъ неблагонамѣренныхъ людей, преслѣдовавшихъ подъ маскою усердія и преданности престолу и государству часто свои личныя выгоды или интересы своей партіи и кружка. Ужасы французской революціи произвели на впечатлительную душу Павла I потрясающее дѣйствіе. Онъ сталъ врагомъ идей XVIII в., старался всѣми зависящими отъ него средствами преслѣдовать ихъ

---

1) Мы уже указывали выше («Коронація Павла I») на значеніе, которое надо, по нашему мнѣнію, придавать встрѣчающемуся въ Актѣ о Престолонаслѣдіи выраженію «глава церкви». Упоминаніе это сдѣлано вскользь и по контексту должно быть толкуемо въ смыслѣ главенства административнаго, а не догматическаго. За все свое царствованіе Павелъ I, столь скорый въ своихъ рѣшеніяхъ, не сдѣлалъ ни одного посягательства *на догматы* православія; при несомнѣнномъ своемъ умѣ и образованіи онъ не могъ не знать, что православіе знаетъ только одну главу Церкви — Христа, и при его глубокой религіозности въ духѣ православія у него и не могло явиться мысли, противорѣчащей этому. — 2) Васильчиковъ, III, 284. — 3) Морошкинъ, I, 327. — 4) Сборникъ, LXX, стр. XI—XIII. — 5) Heiking, 125.

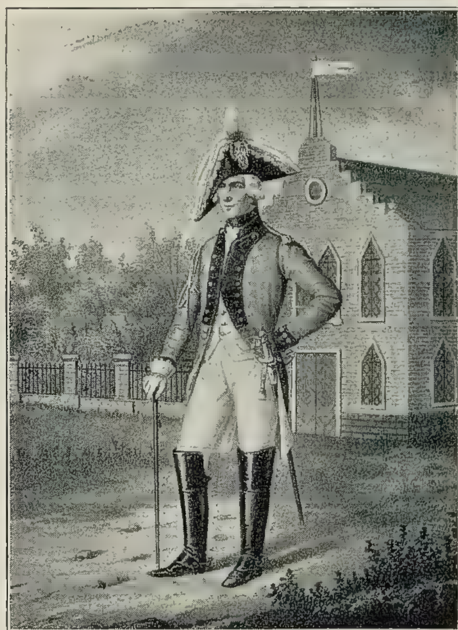
подъ всѣми формами и почиталъ себя нравственно обязаннымъ водворять въ Европѣ потрясенный монархическій принципъ. Партія латинская вообще и іезуитская въ частности старались воспользоваться такимъ настроеніемъ Павла I для достиженія своихъ цѣлей. Люди этихъ партій старались представить Императору Павлу устройство римской церкви и іезуитскаго института, какъ самую лучшую форму выраженія монархическаго принципа, и рисовали римскую іерархію и іезуитскій орденъ самыми идеальными красками... Императоръ Павелъ I, еще будучи Великимъ Княземъ, былъ въ Римѣ, лично познакомился тамъ съ тогдашнимъ главою латинской церкви, Піемъ VI, и вынесъ изъ этого посѣщенія Рима и знакомства съ папою самыя пріятныя впечатлѣнія, которыя были благопріятны и для самой латинской церкви... Симпатіи Императора къ изгнанной французской династіи, къ французскимъ эмигрантамъ, также необыкновенное расположеніе къ полякамъ..., наконецъ обнаруженная Павломъ I холодность къ одному изъ представителей православной церкви въ Россіи, митрополиту петербургскому Гавріилу, и происшедшая въ первые же мѣсяцы царствованія размолвка его съ своимъ бывшимъ законоучителемъ, московскимъ митрополитомъ Платономъ, все это служило хорошимъ предзнаменованіемъ для латинянъ вообще и для латинянъ Россіи въ особенности... Послѣдовавшія затѣмъ событія вполнѣ оправдали надежды латинянъ на Павла I: онъ принималъ самое живое участіе въ судьбахъ латинской церкви, почитая ее самымъ твердымъ оплотомъ противъ злоупотребленій ума... Павла I весьма занимало положеніе папы Пія VI и назначеніе ему преемника; латинской церкви въ Россіи даны были большія преимущества, какъ-то: умножено число латинскихъ епархій, позволено было папскому нунцію [1]) явиться въ Петербургъ, уступлены были ордену траписговъ нѣсколько монастырей, не только латинскихъ, но и греко-уніатскихъ; наконецъ русскій царь не только даетъ убѣжище въ своемъ государствѣ рыцарямъ Мальтійскаго ордена, но и принимаетъ на себя званіе великаго магистра этого ордена» [2]).

Мы видѣли, что папа сначала отказался дать свое согласіе на избраніе Императора Павла великимъ магистромъ Мальтійскаго ордена, но «Литта успѣлъ возбудить въ старомъ папѣ самыя великія надежды на будущіе успѣхи латинства въ Россіи, могущіе произойти отъ принятія Павломъ I гроссмейстерскаго титула одного изъ знаменитыхъ латинскихъ орденовъ. Тогда предложеніе Павлово потеряло всѣ свои страшныя свойства, и Римъ схватился за него съ жаромъ» [3]). Пій VI передавалъ нашему посланнику Лизакевичу: «*мнѣ* весьма пріятно *имѣть* Его Императорское Величество гроссмейстеромъ ордена, во-первыхъ, сей орденъ тѣмъ наивящше прославился бы и во-вторыхъ, отнынѣ сдѣлался убѣжищемъ гонимыхъ, и я бы самъ ретировался на Мальту... въ случаѣ гоненія отъ французовъ, гдѣ бы я жилъ спокойно подъ сильною защитою Всероссійскаго Императора, гроссмейстера ордена... Мое желаніе далѣе

---

[1]) Кардиналъ Литта, братъ графа Юлія. — [2]) Морошкинъ, I, 272—275. — [3]) Тамъ же, I, 324.

еще простирается, а именно: *соединить греческую вѣру съ католическою;* для сего, столь важнаго предмета, который вѣчно прославитъ и сдѣлаетъ безсмертнымъ имя великаго Павла I, я готовъ самъ ѣхать въ Петербургъ, изустно трактовать съ Государемъ, коего характеръ основанъ на истинѣ, правосудіи и вѣрности» [1]). Сосредоточивая все свое вниманіе на іезуитахъ, Морошкинъ увлекаетъ читателя въ оцѣнкѣ характера Павла I въ крайность. Не іезуиты сами по себѣ, не самое католичество были цѣлью политики Павла Петровича, они были только однимъ изъ средствъ, которымъ онъ разсчитывалъ воспользоваться для борьбы съ революціонными принципами. Онъ пробовалъ всѣ средства для этого, пока не убѣждался въ ихъ непригодности: призваніе въ Россію арміи Конде, мальтійство, іезуиты, католичество. Правда, что многіе изъ эмигрантовъ и почти всѣ мальтійцы оказались болѣе или менѣе іезуитами [2]), можно даже согласиться, что идея возсоединенія церквей при его личномъ содѣйствіи могла плѣнять пылкую и религіозную душу Павла I, но полагать, что Литтамъ, патеру Груберу или хотя бы самому папѣ удалось бы убѣдить Императора сдѣлать попытку въ духѣ Флорентинскаго собора, значитъ не отдавать себѣ отчета въ душевныхъ свойствахъ Павла I. Павелъ Петровичъ по самому свойству натуры своей и условіямъ всей предшествовавшей жизни не выносилъ подчиненія, не признавалъ никакой *дисциплины* для себя. Какъ бы ни замаскировывали ему условія соглашенія, но рано или поздно онъ бы почувствовалъ, куда его ведутъ. Съ другой стороны, несомнѣнно, что Павелъ I обращалъ вниманіе на чувства народныхъ массъ и, если съ чѣмъ былъ склоненъ считаться, то только съ ними [3]).

Офицеръ Кавалергардскаго корпуса 1799 г. (Въ вице-мундирѣ).

Ревниво до страстности оберегая самодержавную свою власть, доводя ея проявленіе до предѣловъ крайняго своеволія, Павелъ I готовъ былъ благотворить католическимъ эмигрантамъ, и монахамъ, и королямъ, и папѣ, но при

---

1) Депеша Лизакевича, у Морошкина, II, 324.

2) Морошкинъ, I, 331—334. — «Мальтійскіе кавалеры были самыми дѣятельными помощниками іезуитовъ въ дѣлѣ распространенія католицизма въ Россіи; къ этой эпохѣ относится наибольшее число совращеній въ латинство между лицами, принадлежащими къ высшему кругу русскаго общества». (Кн. А. Б. Лобановъ, «Записка объ Имп. Павлѣ I», рукопись).

3) «Павелъ слишкомъ хорошо зналъ исторію своей родины, чтобы не быть дальновиднѣе тѣхъ якобы государственныхъ людей, которые думаютъ, что прошедшее всегда потеряно для будущаго! Его постоянная мысль, что самые неблаговидные толки распространены на его счетъ по всей имперіи, дѣлала его гораздо осторожнѣе, чѣмъ предполагалось». (Зап. Рунича, Р. Обозр., 1890/VIII, 660).

Видъ Гатчинскаго Дворца и озера, съ акварели съ натуры В. П. Причетникова. (Собраніе П. Я. Дашкова).

одномъ условіи: безпрекословномъ подчиненіи его самодержавной волѣ. Вся его внѣшняя политика проникнута сознаніемъ, что его воля должна служить закономъ и для всей Европы. Онъ даетъ пріютъ въ Россіи эмигрантамъ, но подчиняетъ армію Конде такой же строгой и даже жестокой дисциплинѣ, какая была введена въ русскія войска: «A force de nous faire peur», писалъ герцогъ Энгіенскій своему отцу, «on nous a rendus attentifs, exacts au service enfin. Même les chasseurs nobles font à peu près ce qu'on leur ordonne» [1]). Съ герцогомъ Прованскимъ, признаннымъ Павломъ I за Людовика XVIII, онъ такъ обращается, что одинъ изъ приближенныхъ короля писалъ: «Paul I est un despote qui croirait flétrir sa dignité par des procédés et des formes; il est mécontent on ne sait pourquoi; *il en agit avec le roi comme avec un sous-lieutenant d'infanterie*» [2]). Замѣтивъ происки братьевъ Литта, онъ кардинала, папскаго нунція, высылаетъ изъ Россіи, а графа Юлія не только лишаетъ шефства надъ кавалергардами, но ссылаетъ въ деревню. Сами католическіе писатели признаютъ, что въ 1799 году избраніе папы Пія VII совершилось подъ вліяніемъ Павла I [3]); узнавъ, что Австрійское правительство допускаетъ Гомпеша являться публично въ гроссмейстерскомъ одѣяніи, окруженнымъ подобіемъ двора и т. п., Императоръ Павелъ писалъ Разумовскому, что, хотя Гомпешъ и не достоинъ его вниманія, но онъ проживаетъ въ земляхъ «d'un souverain qui se dit être mon ami

[1]) L. Pingaud, «Les Français en Russie», 214. — [2]) Тамъ же, 223. — [3]) Petrucelli, «Hist. diplom. des Conclaves», IV, 283.

et mon allié. Las de toute cette conduite où je vois quelque chose d'excessivement entortillé qui répugne à ma manière de voir et d'agir, je veux voir une fin à toutes ces sottises de Hompesch à Trieste. Vous demanderez en mon nom que cet homme reste dans cette ville comme simple particulier, sans cour et sans suite, que le gouvernement doit disperser, et pour faire voir l'importance que j'attache à ma demande, j'ai envoyé ordre au lieutenant-général Korsakoff de suspendre la marche de son corps et de ne pas bouger, jusqu'à ce que je ne l'ordonne, ce qui arrivera quand je serai pleinement satisfait et instruit des ordres donnés par la cour de Vienne pour mettre à la raison le sieur Hompesch. Vous exécuterez à la lettre ce que je vous prescris et vous m'en rendrez compte d'une manière simple et laconique» [1]). Австрійское правительство смирилось, и Тугутъ самъ предложилъ заставить Гомпеша письменно отказаться отъ званія великаго магистра, что и было исполнено [2]). Но еще круче поступилъ Императоръ Павелъ съ Баварскимъ правительствомъ, когда до Петербурга дошло извѣстіе, что курфюрстъ завладѣлъ землями, принадлежащими Мальтійскому ордену. Вызвавъ немедленно къ себѣ Баварскаго посланника, Государь обратился къ нему съ слѣдующей краткой, но внушительной рѣчью: «Monsieur le Ministre! Votre Maître est un insolent! Il s'est avisé de s'emparer des terres et des propriétés de l'ordre de St Jean de Jérusalem dont je suis le Grand-Maître! Partez aujourd'hui même pour la Bavière et dites de ma part à Votre Maître, que si dans un mois, à partir d'aujourd'hui, je n'ai pas sur cette affaire une satisfaction complète le général Korsakoff, qui est dans son voisinage avec 50/m. hommes, recevra l'ordre de mettre la Bavière à feu et à sang. Allez, Monsieur! Et pressez-vous!» [3]). Приведенныхъ примѣровъ, — а они не одиноки [4]), — достаточно, чтобы убѣдиться, что о подчиненіи Павла I кому бы то ни было и рѣчи не могло быть. То обстоятельство, что на него вліяли и отчасти подчиняли себѣ въ нѣкоторомъ отношеніи лица даже въ родѣ Кутайсова, не можетъ служить опроверженіемъ: подчиненіе это вращалось въ сферѣ придворной жизни, но не въ сферѣ политической. И если бы іезуиты и вообще католическій міръ, чтобы сохранить свое положеніе въ Россіи, вынуждены были исполнять всѣ прихоти Павла I, такъ часто мѣнявшіяся, то позволяемъ себѣ спросить, кто у кого находился бы въ подчиненіи?

Несомнѣнно, что Павелъ Петровичъ находился подъ вліяніемъ идеи, что французская революція угрожаетъ и Россіи, но этой идеей была проникнута и политика Екатерины II. Желая обезпечить исходъ предпринятой имъ борьбы, Павелъ I считалъ необходимымъ заручиться помощью католическаго міра. Мы не будемъ касаться здѣсь вопроса о правильности оцѣнки значенія католицизма въ борьбѣ съ крайними направленіями, но за-

---

1) Васильчиковъ, III, 306. — 2) Тамъ же, 308—310. — 3) «Воспом. о Е. А. Энгельгардѣ», Р. Арх., 1872 г., 1467. — 4) Напр., на требованіе папы о возстановленіи нарушенныхъ правъ католическаго духовенства въ Россіи Императоръ Павелъ отвѣтилъ: «Напрасно онъ симъ занимается». (Шумигорскій, «Павелъ I», 53).

мѣтимъ, что не только Екатерина II, но и половина современнаго цивилизованнаго міра того же мнѣнія. И если на рубежѣ XX вѣка католицизмъ представляетъ изъ себя такую силу на Западѣ, то развѣ было ошибкою со стороны Павла I, выступая на борьбу съ революціей Запада, желать заручиться такимъ союзникомъ [1])?

Несомнѣнно, что Павелъ I былъ слишкомъ скоръ въ своихъ рѣшеніяхъ, и что весьма часто онъ видѣлъ только то, что ему хотѣлось видѣть; нерѣдко воображеніе у него брало верхъ надъ разсудочностью, но несомнѣнно также, что, подъ вліяніемъ ли новой фантазіи или подъ вліяніемъ разсудка, онъ быстро измѣнялъ свои первоначальныя намѣренія. Если ему доказывали, что онъ не правъ, что онъ ошибается въ своихъ симпатіяхъ, а въ особенности, если его осторожно наводили на мысль, что его обманываютъ, онъ безъ упрямства отказывался отъ первоначальныхъ своихъ намѣреній. Примѣръ этого мы видимъ въ его сближеніи съ Франціей. Ярый гонитель не только французскихъ идей, но даже французскихъ модъ, замѣтивъ, что европейскія державы съ Англіей во главѣ его эксплоатируютъ, онъ соглашается вступить въ союзъ съ Франціей. На докладѣ Ростопчина, что «Бонапартъ старается всячески снискать благорасположеніе ваше для лучшаго успѣха въ заключеніи мира съ Англіей», Павелъ I написалъ: «И можетъ успѣть».

Едва ли гр. А. И. Рибопьеръ ошибается, говоря: «Павелъ I слишкомъ серіозно взиралъ на это дѣло и слишкомъ поспѣшно принялъ новый этотъ санъ. Онъ роздалъ огромное число бальискихъ (bailli), командорскихъ и кавалерскихъ крестовъ; онъ заставилъ Императрицу и всѣхъ Великихъ Княгинь и Княженъ носить Мальтійскіе кресты... Онъ составилъ себѣ Мальтійскій дворъ и заказалъ для лакеевъ Мальтійскую ливрею... Не обращая вниманія на обѣты безбрачія, онъ, самъ супругъ и отецъ, окружалъ себя женатыми мальтійцами. Ничего не было страннѣе этого переряживанія двора русскаго въ мальтійцевъ. Самъ Государь поверхъ носимаго имъ постоянно Преображенскаго мундира надѣвалъ далматикъ изъ пунцоваго бархата, шитый жемчугомъ, а поверхъ—широкое одѣяніе изъ чернаго бархата; съ праваго плеча спускался широкій шелковый позументъ, называемый «страстями», потому что на немъ разными шелками подробно изображены были страданія Спасителя. Слагая императорскую корону, онъ надѣвалъ въ этихъ случаяхъ вѣнецъ гроссмейстеровъ и выступалъ разсчитаннымъ, но въ то же время отрывистымъ шагомъ... Что касается до насъ, гвардейскихъ офицеровъ, которыхъ сажали въ тюрьму

---

[1]) «L'Empereur Paul poursuivait, comme on le sait, dans les affaires d'État, l'idée d'abolir ce qui avait été créé par sa mère, de faire le contraire de ce qu'elle avait fait, et quand il lui était impossible de détruire ce qu'elle avait institué, il tenait ne fût-ce qu'à changer le nom de l'institution. L'administration de l'Église catholique forma toutefois une exception à ce plan général, tant que Siestrencewicz jouit de la faveur du souverain; le mérite de cette exemption appartient uniquement à cet évêque... Quant à l'Empereur, il prenait une part active aux relations avec la cour de Rome; ici il donnait une impulsion de tous points *conforme à la ligne de conduite toujours suivie par le gouvernement russe*». — (Cte Dm. Tolstoi, «Le catholicisme romain en Russie», II, 96 et 97).

или выключали изъ службы за малѣйшее отступленіе отъ формы, за цвѣтъ сукна или подкладки, за не такъ пришитую пуговицу или буклю, выбившуюся изъ форменной прически, мы принуждены были снять свои мундиры, одѣться въ пунцовое одѣяніе съ черными бархатными отворотами, вмѣсто цвѣтовъ Имперіи носить Мальтійскую кокарду и опоясаться мечемъ, вовсе не походившимъ на наши сабли. Однако рѣшеніе сдѣлаться Мальтійскимъ гроссмейстеромъ скрывало въ себѣ честолюбивую, но высокую цѣль, которая могла бы оказаться весьма плодотворною, если бы она могла быть достигнута. Цѣль эта была доставить русскому флоту надежную стоянку въ Средиземномъ морѣ и кромѣ того пріобрѣсти для Россіи нравственную поддержку всего Европейскаго дворянства, сильно заинтересованнаго сохраненіемъ цѣлости Мальтійскаго ордена» [1]).

[1]) Зап. гр. Рибопьера, Р. Арх., 1877/IV, 481. — «His (Павла I) desire was to become Grand-Master in lieu of von Hompe ch, that he might with that title found a claim to the island of Malta». (W. Porter, 666).

Глава V.

Сформированіе новаго полка было произведено слѣдующимъ образомъ: шефомъ полка назначенъ былъ шефъ Кавалергардскаго корпуса, Ф. П. Уваровъ, онъ же и командовалъ полкомъ; одиннадцать офицеровъ [1] корпуса перечислены въ полкъ, и двое произведены въ офицеры полка изъ кавалергардовъ [2]; остальное число офицеровъ было пополнено переводомъ девяти офицеровъ изъ Конной гвардіи [3]. Что же касается до людей и лошадей, то Императоръ Павелъ, «желая сдѣлать новый полкъ блестящимъ во всѣхъ отношеніяхъ, изволилъ предоставить самому себѣ выборъ людей и лошадей. Для сего Конная гвардія выведена была въ полномъ строѣ въ Царскомъ Селѣ передъ дворцомъ, и Государь Императоръ изволилъ лично отобрать 7 унт.-офицеровъ, 5 музыкан-

---

[1]) *Полковникъ* Н. М. Бороздинъ, *поручики:* В. П. Уваровъ, И. Л. Линевъ, А. Н. Авдулинъ, А. А. Ушаковъ; *корнеты:* П. В. Бороздинъ, А. П. Елагинъ, И. Д. Дмитріевъ, Е. С. Гордановъ и П. С. Черепановъ. — [2]) А. А. Валуевъ и П. В. Собакинъ. — [3]) Ротмистры: А. Н. Супоневъ (переведенъ полковникомъ), А. И. Корсаковъ; ш.-ротм.: Н. И. Корсаковъ, Н. В. Хомутовъ, гр. И. О. Виттъ; поручикъ И. Ф. Панинъ; корнеты: А. Л. Давыдовъ, С. Н. Ушаковъ и Н. В. Титовъ.

товъ, 249 рядовыхъ и 245 лошадей, первыхъ со всей аммуниціей, вторыхъ въ полномъ конскомъ уборѣ» [1]). Такимъ образомъ болѣе половины Кавалергардскаго полка составили офицеры и нижніе чины Конной гвардіи [2]). Остальное число нижнихъ чиновъ было пополнено переводомъ людей изъ армейскихъ кирасирскихъ полковъ. Государь лично осматривалъ присланныхъ для укомплектованія [3]). Къ Апрѣлю мѣсяцу полкъ былъ совершенно сформированъ и укомплектованъ.

Способъ послѣдняго сформированія Кавалергардскаго полка былъ причиною натянутыхъ, чтобы не сказать враждебныхъ, отношеній, существовавшихъ, къ сожалѣнію, такъ долго между Конной гвардіей и Кавалергардами. Послѣдующія печальныя обстоятельства этой вражды, о которыхъ придется упоминать въ III-мъ и отчасти IV-мъ томахъ «Исторіи Кавалергардовъ», имѣли свое основаніе въ событіяхъ 1800 года. Вотъ что говорятъ по поводу этого сформированія двое конно-гвардейцевъ, разсказы которыхъ, несмотря на нѣкоторыя неточности, тѣмъ не менѣе въ общемъ правдивы: «Многіе изъ главныхъ дѣятелей при дворѣ знали, что положеніе ихъ въ высшей степени опасное, и что въ каждую минуту Павелъ можетъ раскаяться или перенести свою привязанность на другое лицо и уничтожить ихъ всѣхъ. Оба Великіе Князя также были въ постоянномъ страхѣ. Оба они были командирами полковъ и въ этомъ качествѣ ежедневно подвергались за малѣйшія ошибки на парадахъ и ученіяхъ выговорамъ, которые они вымещали, подвергая солдатъ строгимъ наказаніямъ и сажая офицеровъ подъ арестъ. Конногвардейскій полкъ щадили болѣе другихъ; онъ былъ тогда составленъ изъ двухъ баталіоновъ, каждый изъ пяти эскадроновъ, и духъ полка былъ таковъ, что мы были въ силахъ противиться всякимъ несправедливымъ и напраснымъ нападкамъ. Этотъ товарищескій духъ былъ представленъ Государю съ мрачной точки зрѣнія, какъ настроеніе, граничащее съ крамолою, и какъ дурной примѣръ для прочихъ полковъ. Гибель нашего полка могла удовлетворить два частныхъ интереса: Великій Князь Александръ былъ инспекторомъ всей пѣхоты, а Константинъ, ничего не понимавшій въ кавалерійской службѣ, желалъ сдѣлаться инспекторомъ кавалеріи и, въ видѣ ступени къ этой должности, получить команду надъ Конною гвардіею. Уваровъ, служившій

---

1) Анненковъ, I, 197.

2) По штату полка, утвержденному 15 Мая 1800 г., полагалось: *офицеровъ* — 24 (шефъ, 3 полковника, 3 ротмистра, 3 шт.-ротмистра, 6 поручиковъ, 8 корнетовъ (изъ корнетовъ старшій — полковой, а младшій — шефскій (личный) адъютанты); *унтеръ-офицеровъ* — 42 (3 вахмистра, 6 эст.-юнкеровъ, 3 квартермистра, 30 младшихъ унт.-офицеровъ); *трубачей* — 7; *кавалергардовъ* — 384 и нестроевыхъ — 116; всего 573 чел.

3) «Завтрашняго числа всѣмъ эскадронамъ выводить наличное число людей въ Таврическомъ Дворцѣ, въ большой галлереѣ, въ 9 часовъ, въ той формѣ, въ какой какіе люди откуда поступили, то-есть конногвардейскіе въ своей, а кирасирскіе въ своей, только всѣмъ быть хорошенько причесаны, а послѣ чего быть всѣмъ готовымъ для коннаго ученія». (Полк. прик. 26 Янв. 1800 г.).

«Завтрашняго числа непремѣнно къ 7 часамъ быть готовымъ всѣмъ тѣмъ кавалергардамъ, которые приведены сего числа, для представленія къ Его Величеству, и всю оную команду собрать (со) всѣхъ эскадроновъ поручику Авдулину и вести къ вахтъ-параду». (Тамъ же, 6 Февр.).

въ ней [1]), желалъ командовать особымъ полкомъ, и эти два желанія могли быть достигнуты за разъ принесеніемъ въ жертву нашего полка. Онъ поэтому былъ устроенъ, или точнѣе, разстроенъ, заново. *Три эскадрона, составленные изъ лучшихъ людей и лошадей, выбраны изъ полка* и составили особый «Кавалергардскій» полкъ, который былъ отданъ Уварову и квартировалъ въ Петербургѣ; остатокъ же полка былъ раздѣленъ на пять эскадроновъ, поставленъ подъ начальство Константина и изгнанъ въ Царское Село, гдѣ онъ долженъ былъ учить насъ гарнизонной службѣ [2]).

«Нѣтъ возможности описать того жестокаго положенія, которому мы подвергались тамъ отъ Константина Павловича и его измайловскихъ мирмидоновъ [3]). Нашего духа однако же переломить было нельзя, и страхъ Константина Павловича при одномъ упоминаніи о военномъ судѣ не разъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ сдерживалъ его горячность и ничѣмъ не оправдываемую строгость... Насъ продержали въ Царскомъ Селѣ около полутора года. Нашихъ начальниковъ безпрестанно смѣняли, и намъ передавали, что мы подвержены строгому надзору, ибо насъ считаютъ за якобинцевъ. Образъ жизни нашъ во время удаленія нашего изъ столицы не былъ слишкомъ пріятенъ для большинства нашихъ офицеровъ» [4]).

«Въ Мартѣ (?) [5]) мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Царское Село ген.-адъютантъ Уваровъ съ повелѣніемъ выбрать изъ полка Конной гвардіи лучшихъ людей и лошадей для сформированія Кавалергардскаго полка, котораго Уваровъ назначенъ былъ шефомъ... Пріѣздъ Уварова Великому Князю былъ очень непріятенъ, тѣмъ болѣе, что Его Высочеству извѣстно было, что Кавалергардскій полкъ формировался по предложенію Уварова, который былъ тогда въ большой милости у Императора по связямъ сего генерала съ княгинею Лопухиной. При выборѣ людей и лошадей Уваровъ встрѣтилъ большія затрудненія, такъ что онъ ѣздилъ въ Петербургъ и привезъ Высочайшее повелѣніе допустить его безпрепятственно производить выборъ. Отъ сего времени родилось въ Великомъ Князѣ неудовольствіе противъ Кавалергардскаго полка и противъ шефа онаго» [6]).

---

[1]) Уваровъ съ 9 Августа 1799 года былъ уже шефомъ Кавалергардскаго корпуса. — [2]) «Его Высочество нашелъ дворецъ свой (въ Царскомъ Селѣ) во всю зиму нетопленнымъ, и потому холодъ въономъ былъ ужасный. Я пріѣхалъ на третій день и нашелъ, что всѣ мои товарищи сидятъ въ комнатахъ въ шинеляхъ на мѣху. Вел. Кн. Анна Ѳеодоровна такъ сильно простудилась въ этомъ домѣ, что едва не умерла отъ жестокой горячки». (Зап. гр. Комаровскаго; Р. Арх., 1867 г., 540 и 541). — [3]) «Мирмидонъ» — ничтожный, но надменный человѣкъ. — [4]) Зап. Саблукова, Frazers Magazine, 310; Р. Арх., 1869 г., стр. 1927 и 1928. — [5]) Не въ Мартѣ, а въ Январѣ; см. Полк. прик. 26 Января 1800 г. — [6]) Зап. гр. Комаровскаго, 542.

Строй.

Одиночное обученіе ѣздѣ.

«Предметомъ постоянныхъ заботъ Государя было то, чтобы въ полкахъ обращали особенное вниманіе на точное и правильное обученіе людей по одиночкѣ» [1]). Къ одиночному обученію ѣздѣ приступали тогда, когда «рекрутъ довольно обученъ пѣшему строю», и сначала учили ѣздить въ манежѣ на кордѣ, на уздечкѣ, безъ стременъ, шагомъ и рысью; затѣмъ рекруту давали стремена и обучали ѣздѣ на мунштукѣ тѣми же аллюрами, а затѣмъ и галопомъ «прямымъ и косымъ фронтомъ» (т.-е. въ прямомъ направленіи и въ полъ-оборота). Потомъ рекрутовъ сводили въ шеренги и обучали шереножному строю. Посадка того времени требовалась нижеслѣдующая: «чтобъ грудь была у него (рекрута) назадъ, голову бы держалъ прямо, а корпусъ немного впередъ, руки къ тѣлу; лѣвую руку, какъ возможно, низко, но чтобъ не лежала на сѣдлѣ, правую же руку... опускалъ бы прямо по лядвіи, локтемъ къ себѣ; ноги держалъ бы не очень впередъ, шпоры далѣе отъ лошади, а носки въ прямой линіи съ колѣномъ» [2])... «Когда рекрутъ совершенно будетъ умѣть ѣздить», его обучали рубкѣ и стрѣльбѣ съ коня, «и», добавлялъ уставъ, «не излишне будетъ обучать рекрута сперва на мѣстѣ, а потомъ на рыси и скаку стрѣлять изъ пистолетовъ въ мишень» [3]).

Великій Князь Павелъ Петровичъ, съ силуэта Г. Сидо съ натуры.

«Настойчивымъ и строгимъ требованіемъ правильнаго одиночнаго обученія Императоръ Павелъ Петровичъ въ самое непродолжительное время успѣлъ привести въ отличное состояніе всю армію и въ особенности кавалерію, въ которой до того времени одиночнымъ обученіемъ почти не занимались» [4]).

---

[1]) Манзей, I, 120. — [2]) «Въ прочемъ очень много зависитъ отъ искуснаго офицера, какъ во всемъ касающемся до того помочь ему» (усвоить преподаваемое), «такъ и научить его имѣть шлюзъ и сидѣть прямо». — Пригонка стременъ: «надобно, чтобы между человѣкомъ и сѣдломъ, ежели онъ станетъ на стремена, было пустоты на ладонь, для сего и должны стремена не далѣе висѣть, какъ до внутреней шпорной пуговицы; ибо опытомъ найдено, что сія мѣра для всякаго росту человѣка вѣрна». («Его Императорскаго Величества воинскій уставъ о полевой кавалерійской службѣ» 1797 года, 10—13). — [3]) Тамъ же, 12. — [4]) Манзей, I, 122.

Выѣздка лошадей.

Офицеръ и унтеръ-офицеръ Кавалергардскаго корпуса.

Ремонтныхъ лошадей при поступленіи въ полкъ гоняли сначала нѣсколько дней на кордѣ, а потомъ уже отдавали «для обученія знающимъ рядовымъ». Такъ какъ «ремонтныя кирасирскія лошади», говорилъ уставъ, «по большей части суть заводскія, то обученіе ихъ бываетъ не столь трудно». Уставъ категорически запрещалъ брать на ученіе «ни не совершенно обученаго человѣка, ниже не совсѣмъ объѣзженную лошадь» и съ цѣлью сбереженія молодыхъ лошадей рекомендовалъ «лучше не употреблять ихъ первый годъ въ строю» [1]).

Императоръ Павелъ замѣнилъ въ кавалеріи трехъ-шереножный строй двухъ-шереножнымъ, ибо «опыты научаютъ, что третья шеренга излишня, во всѣхъ почти эволюціяхъ мѣшаетъ и въ случаѣ паденія, какъ для человѣка, такъ и для лошади, весьма бываетъ опасна» [2]). Между шеренгами дистанція была на одну лошадь; на походѣ шеренги смыкались на хвостъ (по командѣ: «*слушай! задняя шеренга приступи, маршъ!*»). Люди въ шеренгахъ ѣхали, «колѣно съ колѣномъ сомкнувшись», причемъ требовалось «лошадей не крѣпко держать, но и воли имъ не давать, и чтобъ наблюсти равненіе, то всякому смотрѣть, чтобъ чрезъ товарища не было ничего видно».

Въ конномъ строю эскадронъ дѣлился на четыре равныхъ взвода [3]); всѣ офицеры «при парадѣ» были размѣщены предъ взводами, за исключеніемъ одного въ каждомъ эскадронѣ, который становился въ замкѣ. Штандартъ помѣщался въ первой шеренгѣ въ срединѣ каждаго эскадрона.

Во время парада, при прохожденіи по-взводно, офицеры ѣхали предъ взводами, на ученьяхъ, во взводной колоннѣ, находились на флангѣ равненія. Для единообразнаго и ровнаго выниманія и вкладыванія сабель, при полковыхъ ученьяхъ правый фланговый офицеръ («флигельманъ») выскакивалъ «шаговъ на 20 или 30 впередъ, ежели мѣсто дозволитъ», и весь полкъ сообразжался съ нимъ въ темпахъ [4]).

Эволюціи эскадрона. — 1) *Повороты:* а) направо, б) налѣво, в) направо- и налѣво-кругомъ дѣлались по *четыре* или по *три* коня [5]), когда приходилось

---

[1]) Кавалерійскій уставъ, 13 и 14; Высоч. прик. 19 Февр. 1800 г. — [2]) Кавалер. уставъ, 15, 23, 25. — [3]) «Каждый эскадронъ раздѣлять на четыре взвода, а сіи во время экзерциціи должны быть всегда равны и не болѣе 15-ти рядовъ. Настоящая же пропорція для лучшей экзерциціи кажется быть 12 рядовъ». (Тамъ же, 16 и 17). — [4]) Тамъ же, 21. — [5]) Отдѣленія бывали въ 4 коня, когда число рядовъ дѣлилось ан 4 безъ остатка, иначе отдѣленія состояли изъ 3 коней. «Неполныхъ» отдѣленій тогдашній уставъ не зналъ. (Тамъ же, 29 и 30).

идти на короткое разстояніе, и по *два* при всѣхъ остальныхъ построеніяхъ и при походныхъ движеніяхъ [1]). Для обозначенія поворота по четыре, команда «*по четыре*» произносилась протяжно для того, чтобы задняя шеренга имѣла время осадить, — когда фронтъ стоялъ на мѣстѣ, и чтобы передняя шеренга могла податься впередъ, — когда фронтъ былъ въ походѣ.

2) *Заѣзды* («обороты») производились *на мѣстѣ* и *на ходу*: а) повзводно, б) по-полуэскадронно и в) эскадрономъ. Уставъ требовалъ при заѣздахъ *быстроты* исполненія: «при оборотахъ взводами дѣло весьма много зависитъ отъ того, чтобы заѣзжающій флангъ, какъ возможно проворно, и съ уменьшаемою къ стоящему флангу скоростію объѣхалъ», а при заѣздахъ по-эскадронно «скорость заѣзжающаго фланга должна быть чрезвычайна» [2]).

3) *Построеніе фронта* производилось движеніемъ *въ галопъ* перваго взвода вправо, втораго прямо, а третьяго и четвертаго влѣво [3]).

4) *Построеніе взводной колонны изъ развернутаго фронта* производилось съ обоихъ фланговъ («справа по-взводно» или «слѣва по-взводно»). Въ первомъ случаѣ 1-ый и 2-ой взводы выѣзжали на два взвода впередъ; затѣмъ 2-ой взводъ пріостанавливался, а первый принималъ влѣво; 3-ій и 4-ый взводы шли полуоборотомъ направо. При «слѣва по-взводно» дѣлалось то же самое, но въ обратномъ порядкѣ. Вытягиваніе взводной колонны производилось *галопомъ* [4]).

Полкъ строился развернутымъ фронтомъ по старшинству эскадроновъ такимъ порядкомъ: на правомъ флангѣ лейбъ-эскадронъ («шефскій»), на лѣвомъ — «командирскій», затѣмъ — по старшинству командировъ эскадроновъ съ праваго фланга на лѣвый [5]). Интервалъ между эскадронами не былъ точно опредѣленъ по уставу, а зависѣлъ отъ воли старшаго начальника, но если интервалъ не былъ имъ опредѣленъ, то эскадроны развертывались на полуэскадронные интервалы.

Эволюціи полка. — «Во всѣхъ эволюціяхъ офицерамъ и всѣмъ вообще чинамъ наблюдать совершенную тишину, и когда случится, что нужно что-нибудь въ эскадронѣ поправить, то сіе дѣлать безъ всякаго шуму и *крику*, такъ даже, чтобъ и полковой шефъ не могъ примѣтить, ибо тишина весьма нужна» [6]).

---

1) «Ежели ѣдутъ по два, что въ большихъ маршахъ обыкновенно бываетъ, то весьма наблюдать, чтобъ люди не теряли позитуры; ибо висѣніе на лошади оную очень легко обтираетъ, а для сего и дозволяется офицерамъ ѣздить по всему своему взводу». (Кавалер. уставъ, 24). — 2) Кавалер. уставъ, 29. — 3) Какъ снаровку, уставъ указывалъ, что при этомъ построеніи «первому взводу должно *весьма проворно* шаговъ 20 или 25 податься впередъ, а слѣдующимъ, какъ *возможно скоро,* оному послѣдовать». (Кавалер. уставъ, 26). — 4) Тамъ же, 27. — 5) Высоч. прик. 9 Янв. 1798 г.—Эскадроны не подбирались по масти и по росту лошадей, ни по росту людей, а требовалось, «поставя всѣхъ рекрутъ и лошадей по росту въ ранжиръ, опредѣлять: 1-го номера — въ лейбъ-эскадронъ, 2-го въ полковничій, 3-го въ подполковничій и такъ далѣе, а потомъ опять съизнова, и на ростъ людей и шерсть лошадей никакъ не смотрѣть, дабы не было никакого преимущества въ ономъ у одного эскадрона ... предъ другимъ». Запрещалось также *мѣнять* при производствѣ *эскадронныхъ командировъ,* но мѣнялись при производствѣ *мѣста эскадроновъ* въ полковомъ строѣ. (Леф. арх., оп. 152, кн. 19, стр. 143). — 6) Кавалер. уставъ, 34.

1) *Перемѣна фронта* («обороты полкомъ»): а) *по фланговому взводу* производилась изъ полковой взводной или полуэскадронной колонны направо или налѣво заѣздомъ того взвода, «который даетъ дирекцію» (т.-е. головнаго взвода), «такъ далеко, какъ приказано будетъ, а слѣдующему — податься впередъ, *какъ возможно скорѣе, заѣзжать про себя* и соединяться съ заѣхавшимъ напередъ взводомъ. Прочимъ же ѣхать тотчасъ наискось съ мѣста *весьма проворно,* дабы попасть на пунктъ»; б) *изъ середины:* одна половина полка поворачивалась по 4 направо-кругомъ, и потомъ обѣ половины полка дѣлали перемѣну фронта по среднимъ взводамъ, которые заѣзжали, сколько было приказано, и выравнивались между собою, послѣ чего отходившая часть снова поворачивалась во фронтъ. При этомъ въ уставѣ говорилось: «что сію эволюцію, какъ возможно скоро, дѣлать должно, то разумѣется само по себѣ». Уставъ на эти построенія смотрѣлъ «болѣе», какъ на «экзерцицію въ равненіи, нежели на какой маневръ, могущій передъ непріятелемъ быть употребленъ» [1]).

2) *Развертываніе колоннъ* («деплоированіе»). Развертываніе производилось: а) *справа,* 2) *слѣва,* 3) *изъ середины,* причемъ указывалось, по *какому эскадрону* развертываться. При развертываніи колоннъ сначала эскадроны строили фронтъ, затѣмъ смыкались по головному эскадрону, «какъ возможно ближе». Затѣмъ эскадроны поворачивали «по-четыре» [2]) и скакали «съ самаго мѣста впередъ во весь галопъ» до высоты середины сосѣдняго эскадрона, («что эскадронный командиръ по штандарту примѣтить можетъ»), и, по командѣ: «*стой! фрунтъ!* (во фронтъ) *равняйся! впередъ маршъ!*», входили полнымъ галопомъ («какъ возможно скоро») въ линію, и весь фронтъ подвигался «весьма тихо впередъ, пока вся линія не деплоируетъ». Уставъ требовалъ, чтобы «**полкъ, состоящій изъ пяти эскадроновъ, ежели оный и совсѣмъ направо или налѣво деплоировалъ [3]), долженъ въ минуту опять построенъ быть**» [4]).

Атаки. — Уставъ указывалъ слѣдующіе виды атакъ: 1) *сомкнутая,* 2) *атака съ предварительнымъ вызовомъ четвертыхъ взводовъ* (фланкеры), 3) *разсыпная.*

Сомкнутая атака производилась какъ на пѣхоту, такъ и на кавалерію, притомъ фронтальная («параллельнымъ фронтомъ») и фланговая («на флангъ»). Атака на кавалерію всегда производилась исключительно сомкнутая, пѣхоту же допускалось атаковать какъ сомкнутымъ фронтомъ, такъ и съ предварительнымъ вызовомъ фланкеровъ [5]). По командѣ: «*г. офицеры къ атакѣ!*» эскадронные командиры становились на 4 лошади передъ эскадронами, за ними старшій офицеръ эскадрона (штабсъ-ротмистръ), 1 младшій поручикъ и

---

1) «Въ семъ случаѣ вести всякому офицеру свой взводъ и имъ командовать. Въ сей эволюціи назначается по бóльшей части *поэнь-де-вю,* далѣе котораго заѣзжающему флангу не выѣзжать; первому же взводу брать вѣрно назначенную ему дирекцію, ибо прочіе равняются по немъ». (Кавалер. уст., 31 и 32). — 2) Т.-е., въ каждой шеренгѣ поворотъ дѣлался двумя конями. — 3) Т.-е., на $1/4$ круга. — 4) Кавалер. уставъ, 37 и 38. — 5) «За основаніе принять должно, что, ежели конница атакуется, то линіи, изъ сколькихъ бы эскадроновъ оная ни состояла, быть совершенно сомкнутой; когда же пѣхота атакуется, то выгоднѣе будетъ выманивать у оной огонь разными малыми отдѣленіями, а потомъ уже атаковать линіею, которая однако можетъ имѣть интервалы». (Кавалер. уставъ, 39).

Трубачъ и унтеръ-офицеръ Кавалеріардскаго корпуса.

оба корнета. Старшій поручикъ становился на правомъ флангѣ эскадрона, средній поручикъ на лѣвомъ флангѣ эскадрона, а остальные офицеры становились въ замкѣ за фронтомъ. Штандарты осаживали во вторую шеренгу, и 3 трубача ѣхали къ командиру полка.

Атака начиналась *малой рысью* («весь полкъ рысью впередъ! маршъ!») и постепенно переходила въ «прибавленную рысь». Шаговъ за 500—600 подавался сигналъ галопъ, и фронтъ переходилъ сперва въ «курцъ-галопъ», а затѣмъ «въ большой галопъ»... «Шагахъ въ 80-ти или во 100 отъ мѣста, гдѣ врубиться или остановиться должно, приказать шефу трубить *фанфаръ* и командовать: «*Маршъ! Маршъ!*». Тогда, поднявъ шпаги, скакать во всю конскую прыть и напасть, какъ возможно сильнѣе» [1]). Атака прекращалась по командѣ: «*стой! равняйсь!*».

Уставъ Павла I зналъ еще «атаку съ крикомъ» [2]).

Для атаки во флангъ полкъ предварительно дѣлалъ поворотъ по четыре *въ каждой* шеренгѣ и ѣхалъ «съ самаго мѣста большою рысью, ибо въ семъ маневрѣ все отъ скорости зависитъ». Командиръ головнаго эскадрона, выйдя на линію непріятельскаго фланга «полуторами, двумя или болѣе взводами, какъ о томъ напередъ приказано будетъ», командовалъ: «*Стой! во фрунтъ! равняйся!*». Головной эскадронъ выстраивалъ фронтъ, а по немъ строили фронтъ остальные эскадроны, и уставъ требовалъ «тотчасъ начать атаку, дабы непріятелю не дать время поправиться», причемъ, если фронтъ подошелъ близко

---

1) «Добрый успѣхъ атаки зависитъ отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: a) Чтобъ всякой держалъ, какъ возможно крѣпко, свою лошадь; однако жь бы оную ни какъ не задергивалъ. b) Чтобы Офицеръ и вахмистръ праваго фланга держали прямо свою дирекцію и избѣгали всѣхъ направо и налѣво поворотовъ, и для сего избирать разумнаго Офицера, имѣющаго вѣрный глазомѣръ. c) Движенію какъ въ рыси и галопѣ, такъ и во всю конскую прыть быть всегда равному, при чемъ смотрѣть, чтобъ выскачекъ ни какихъ не случалось, малой рыси должна непримѣтно большая, а сей галопъ послѣдовать, и такъ далѣе, и для того трубные сигналы суть болѣе авертисементы (предувѣдомленія), а не для точнаго по нимъ поступленія. d) Линіи быть, какъ возможно, сомкнутой, и за симъ имѣть эскадроннымъ коммандирамъ прилежное смотрѣніе; ибо, хотя стѣсненіе само по себѣ избѣгаемо быть должно, однако жь лучше, нежели оставлять промежутки, и когда таковые отъ упаденія одной или нѣсколькихъ лошадей случатся, то долгъ замыкающаго Офицера есть оные исправить и тотчасъ выполнить. e) А какъ величайшая тишина при натурально производящемъ шумѣ неотмѣнно нужна, дабы дѣлаемые сигналы всѣми слышны были, то всѣмъ Офицерамъ вообще наикрѣпчайше запрещается дѣлать какой крикъ или коммандовать. f) Правому флангу менажировать себя, какъ возможно, во всѣхъ аллюрахъ (движеніяхъ); ибо опытами доказано, что лѣвому флангу при возможнѣйшей равности всегда бываетъ крайне трудно успѣвать; сіе же наблюдать должно особливо въ большихъ линіяхъ, въ коихъ скаку, во всю конскую прыть, праваго фланга, когда оный со всевозможною скоростію дѣлается, лѣвый флангъ ни подъ какимъ видомъ слѣдовать не можетъ».

2) «Когда приказано будетъ сдѣлать послѣднее нападеніе съ крикомъ, что въ атакѣ на пѣхоту часто случается, то наблюдать, чтобъ командѣ: «*стой, равняйся*», совершеннѣйшая тишина вездѣ послѣдовала».

къ непріятельской линіи, то начиналъ атаку уже не рысью, а галопомъ. Нельзя не обратить вниманія на то, что уставъ 1797 года усвоилъ себѣ Суворовскій пріемъ сквозныхъ атакъ. «Для атакованія пѣхоты», читаемъ мы въ уставѣ, «должно на экзерциціяхъ пріучать лошадей къ стрѣльбѣ, и для сего лучшее средство, когда атакуется линія пѣхоты, приказать оной раздаться и пропустить конницу. А чтобы напротивъ того пріучить пѣхоту къ нападенію, то неотмѣнно нужно на оную наступать конницею, какъ возможно ближе, и, стоя, ожидать огня, а потомъ уже *неспѣшно* сдѣлать по четыре направо кругомъ или повзводно и идти назадъ» [1]).

Атака на пѣхоту съ вызовомъ фланкеровъ производилась такъ: когда полкъ подходилъ галопомъ къ непріятельской линіи шаговъ на 350—450, вызывались четвертые взводы, которые въ карьеръ выскакивали шаговъ на 50 и разъѣзжались въ одну линію такъ, чтобы фронтъ и оба фланга были прикрыты; фронтъ между тѣмъ переходилъ въ рысь, и такимъ образомъ между цѣпью фланкеровъ и линіей полка образовывался промежутокъ въ 150 шаговъ. Подскочивъ къ непріятельскому фронту, фланкеры открывали стрѣльбу изъ пистолетовъ. Затѣмъ, когда полковой командиръ замѣчалъ, что фланкеры выстрѣлили уже изъ обоихъ пистолетовъ, онъ подавалъ сигналъ: «*аппель*», по которому они въ карьеръ собирались въ свои взводы и ожидали подхода полка, перешедшаго со сигналомъ «*аппель*» въ большую рысь. *Подходя* къ линіи 4-хъ взводовъ, полкъ переходилъ въ галопъ и вмѣстѣ съ ними бросался въ атаку [2]).

Павелъ I въ Гатчинѣ, съ гравюры Бозіо по рис. Сассо.

Разсыпная атака употреблялась для преслѣдованія непріятеля, не выдержавшаго движенія на него въ галопъ. Производилась она слѣдующимъ образомъ: «По сдѣланіи полкомъ обыкновенной атаки въ галопъ, командовать шефу: «*врознь! маршъ! маршъ!*». Всѣ люди скакали вразсыпную («каждому кирасиру не держать ни линіи, ни шеренги, но ѣхать впередъ»), стрѣляли и рубили палашами до сигнала «*аппель*», по которому собирались, «какъ возможно поспѣшно, къ своему штандарту» (т.-е. срединѣ своего эскадрона), не разбирая своихъ мѣстъ, («не привязываясь къ своему мѣсту въ эскадронѣ, но стараясь однако попасть въ свою шеренгу»). Послѣ разсыпной атаки уставъ требовалъ производства снова сомкнутой атаки [3]).

---

[1]) Кавалер. уставъ, 39—45. — [2]) Тамъ же, 45—47. — Уставъ кромѣ того требовалъ обученія разсыпной атакѣ въ мирное время съ цѣлью «пріученія въ мирное время къ построенію послѣ безпорядка, происходящаго отъ врубки». — [3]) Тамъ же, 48 и 49. — «Какъ скоро линія, сколь возможно поспѣшно, формирована будетъ, продолжать атаку въ галопъ и во всю конскую прыть».

При атакѣ въ двѣ линіи уставъ указывалъ, какъ *на учебный пріемъ* [1]), на слѣдующее построеніе: четвертые взводы каждаго эскадрона, по командѣ «курцъ-галопъ», становились за третьими взводами и продолжали движеніе въ курцъ-галопъ, служа такимъ образомъ поддержкой 1-й линіи; эскадроны второй линіи «вздваивали взводы», т.-е. 1-й взводъ становился за 2-мъ, а 3-ій — за 4-мъ («эскадронамъ 2-й линіи, всякому про себя, вздваивать налѣво взводы»). Если 1-я линія считалась опрокинутой, то фланкеры разсыпались и прикрывали фронтъ, а 2-я линія проходила чрезъ интервалы въ 1-й линіи, образовавшіеся отъ вздваиванія 4-хъ взводовъ 1-й линіи [2]).

Уставъ категорически указывалъ на необходимость осмотра мѣстности впереди фронта атаки [3]), рекомендуя имѣть впереди фронта дозорами «унтеръ-офицеровъ или офицеровъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучать на ученіяхъ обходить препятствія, («вздваивая» ряды или взводы), и преодолѣвать ихъ.

Къ сожалѣнію, и это едва ли не самый существенный его недостатокъ, уставъ видитъ даже въ перепрыгиваніи «не очень широкаго рва» нѣчто чрезвычайное [4]).

Глава XIV устава носитъ названіе: «О маршированіи по-взводно въ поэнь-де-вю» (point de vue). «По *Опыту военнаго искусства,* поэнь-де-вю», говорилъ Суворовъ, «по-русски предметъ; русскіе прусскихъ всегда били, что же тутъ перенять» [5]). И у великаго человѣка въ минуту гнѣва можетъ сорваться не точное выраженіе, чѣмъ и объясняется насмѣшка Суворова надъ требованіемъ устава, чтобы «маршировали въ поэнь-де-вю...».

Приходится лишь сожалѣть, что впослѣдствіи требованіями Павловскаго устава въ этомъ отношеніи пренебрегали чуть не до нашихъ дней. Кавалерія, не пріученная къ «маршированію въ поэнь-де-вю», совершенно неспособна къ маневрированію, вмѣстѣ съ тѣмъ это требованіе — прямое слѣдствіе Суворовскаго требованія, чтобы «всякій солдатъ свой маневръ разумѣлъ». На полѣ сраженія не бываетъ *безъ цѣльныхъ* движеній: двигаются *на* непріятеля, двигаются *на* мѣстный предметъ, и только на учебныхъ плацахъ возможны движенія въ пустое пространство [6]).

---

[1]) «Сей маневръ считать равномѣрно за обученіе сутенировать первую линію, ежели случится, что оная непріятелемъ разбита будетъ». — [2]) Кавалер. уставъ, 49 и 50. — [3]) «...должно всегда рекогносцировать напередъ мѣсто, дабы чрезъ то» (неожиданныя препятствія) «не остановить атаки»... — [4]) «Ежели во время атаки наѣдутъ на не очень широкій ровъ, то командовать офицеру взвода: «*вторая шеренга стой! ровъ!*». Послѣ чего второй шеренгѣ останавливаться, а первой по послѣднему слову, какъ можно равно, чрезъ ровъ перескакивать. Какъ скоро оная перескакнетъ, то слѣдовать за нею второй. Но какъ сей маневръ, въ разсужденіи неравности лошадей и ихъ большей или меньшей способности къ прыганію, всегда съ опасностью и безпорядкомъ сопряженъ бываетъ, то лучше оставлять оный до случая нужды, хотя и неотмѣнно нужно сему напередъ по одиначкѣ обучать. При семъ наказывать кирасиру держать голову и грудь, какъ возможно болѣе назадъ, попускать поводъ, въ стременахъ же стоять не очень назадъ, но крѣпко, дабы въ случаѣ, ежели лошадь не перепрыгнетъ, не получить килы». (Кавалер. уставъ, 50—53). — [5]) Р. Стар., 1877/II, 259. — [6]) Уставъ рекомендовалъ «для поэнь-де-вю брать на полѣ какія-нибудь двѣ точки, напр., деревья, дома и прочія недвижимости, въ которыя и равняться».

Далѣе уставъ излагалъ нѣкоторыя требованія, которыя и донынѣ составляютъ аксіомы кавалерійскаго маневрированія [1]).

Видъ Царицына Луга, съ акватинта по рис. К. Майера.

Пѣшій строй.

Императоръ Павелъ отмѣнилъ спѣшиваніе кирасиръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было пѣшихъ кирасиръ никогда не ставить и въ пѣшемъ строю въ 3 шеренги, а въ двѣ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что кирасиры имѣютъ короткіе карабины и, во-вторыхъ, оттого, что они по вооруженію своему не могутъ становиться на колѣни.

Отличительная черта «пѣшаго строя» кавалерійскаго устава Императора Павла отъ требованій, предъявленныхъ къ кавалеріи при его ближайшихъ преемникахъ, та, что на кавалериста и пѣшкомъ смотрѣли, какъ на *всадника*, а не какъ на *пѣхотинца*. Не только не было помина о маршированіи въ *три пріема* (чего тогда впрочемъ еще не знала и пѣхота), но правила маршировки для кавалеріи прямо оговаривались такъ: «*Въ прочемъ обученіе рекрута пѣшему строю только для того нужно, дабы оный научился чрезъ то держаться прямо и быть расторопнымъ*» [2]).

Эскадронъ въ пѣшемъ строю дѣлился на 4 взвода. Полковой командиръ былъ пѣшкомъ предъ срединою фронта; за нимъ, также пѣшкомъ, становился старшій штабъ-офицеръ; прочіе штабъ-офицеры и адъютантъ, верхомъ, становились сзади полка. Старшіе оберъ-офицеры въ каждомъ эскадронѣ командовали взводами, а остальные становились каждый при

---

1) «Взводамъ ѣхать всегда сомкнуто и равно и не терять дистанціи, а сіе единственно отъ офицеровъ зависитъ, за что они и имѣютъ отвѣчать. Взводамъ ни подъ какимъ видомъ не останавливаться; по командѣ же: «*стой!*» — парировать (т.-е. натянуть поводья, взявши лошадь въ шенкеля) всѣмъ равно. — Когда случится, что какой взводъ въ маломъ чѣмъ потеряетъ свою дистанцію, то можетъ онъ однако не прежде, какъ по командѣ: «*равняйся*», оную взять опять. Сіе же дѣлать съ крайнею осторожностью; ибо первый взводъ, подавшись немного впередъ, выводитъ неотмѣнно послѣднихъ изъ дистанціи. Въ такомъ случаѣ, *кажется, едва ли не лучше* поправляться въ заѣздѣ, принявъ немного вправо или влѣво, смотря по обстоятельствамъ» и т. п. (Кавалер. уставъ, 34—36).

2) «Въ строю» (пѣшемъ) «держать голову прямо, немного направо, грудь впередъ, корпусъ назадъ, ноги не очень выворачивать, а для шпоръ на два пальца не сдвигать, руки же прямо опускать. — Въ маршѣ ноги не высоко поднимать, да и не шаркать. Лѣвою рукою, даже когда и ружье несетъ, дозволяется придерживать палашъ, дабы оный межъ ногъ не попадался, и для сего не дѣлать такого большаго шага, какъ въ пѣхотѣ. Въ прочемъ обученіе рекрута пѣшему строю только для того нужно, дабы оный научился чрезъ то держаться прямо и быть расторопнымъ. — Ученіе ружьемъ... нужно только для карауловъ и въ случаѣ нападенія, ибо опыты научаютъ, что употребленіе драгунъ, какъ пѣшихъ, почти невозможно, ниже нужно; когда же сіе и случается, то обыкновенно бываетъ со вредомъ, потому что драгунъ и по своей одеждѣ и снаряду во всякое время худая пѣхота, а особливо держаніе лошадей причиняетъ крайнее затрудненіе. — Пѣшихъ кирасиръ никогда не ставить въ три шеренги, ибо они имѣютъ короткіе карабины и не въ состояніи садиться на колѣни, почему 3-я шеренга была бы совсѣмъ излишняя». (Кавалер. уставъ, 7 и 8).

своемъ эскадронѣ, позади фронта. Унтеръ-офицеровъ распредѣляли по одному на правый флангъ каждаго взвода, а остальныхъ — сзади каждаго эскадрона.

Въ пѣшемъ строю пріемы карабинами были почти одинаковы съ ружейными пріемами въ пѣхотѣ.

* *
*

Съ конца Января 1800 г., какъ только новый полкъ былъ почти сформированъ, приступлено было къ коннымъ ученіямъ, назначаемымъ обыкновенно «послѣ развода вскорѣ». Послѣ Пасхи, въ Апрѣлѣ [1]), конныя ученія происходили ежедневно и начинались обыкновенно въ 6 ч., т.-е. были до развода [2]).

Въ первый разъ Императоръ Павелъ присутствовалъ на ученіи полка на Царицыномъ лугу 23 Апрѣля, остался имъ вполнѣ доволенъ и тутъ же пожаловалъ нижнимъ чинамъ по чаркѣ вина [3]). На другой день состоялся слѣдующій Высочайшій приказъ: «Его И. В-во объявляетъ свое благоволеніе генералъ-адъютанту и шефу Кавалергардскаго полка Уварову за приведеніе онаго полка (въ) надлежащій порядокъ и благодарность всѣмъ господамъ штабъ- и оберъ-офицерамъ, а нижнимъ чинамъ жалуетъ по рублю на человѣка» [4]).

12 и 14 Мая Государь дѣлалъ ученія на Царицыномъ лугу всей гвардейской кавалеріи и 12 Мая остался особенно доволенъ кавалергардами, которымъ и пожаловалъ по фунту говядины и по чаркѣ вина, а также лб.-гусарами, получившими по чаркѣ вина. На ученьи 14 Мая Павелъ Петровичъ остался доволенъ всѣми полками, за что и была объявлена Высочайшая благодарность «какъ шефамъ, такъ и штабъ- и оберъ-офицерамъ» [5]).

---

1) Въ 1800 году Пасха была 8 Апрѣля; ученія начались съ 12 Апрѣля.

2) «Завтрашняго числа по утру въ 4 часа имѣетъ быть полковой конный строй, для чего и быть эскадронамъ въ назначенное время въ готовности непремѣнно и въ четвертыхъ взводахъ имѣть патроны; а господамъ же офицерамъ быть одѣтымъ такъ, чтобы прямо послѣ строю можно было ѣхать на вахтъ-парадъ, а наряженному во внутренній караулъ въ строю не бывать и идти ему прямо въ обыкновенное время во Дворецъ». —

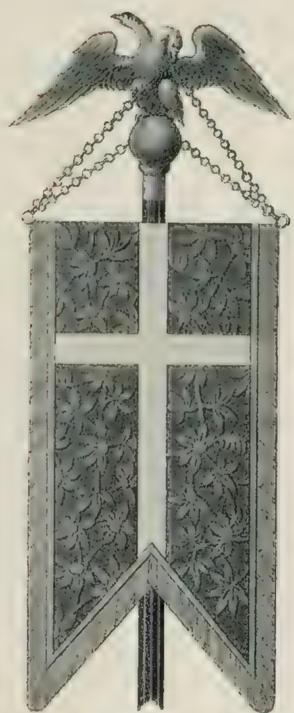
«Завтрашняго числа въ 6 часовъ быть всѣмъ эскадронамъ готовымъ для пѣшаго ученья съ карабинами, а для четвертыхъ взводовъ были бы осѣдланы лошади (съ) заряженными пистолетами, и имѣть по 10 патроновъ». (Полк. прик. 12 и 17 Апр. 1800 г.).

19 Января состоялся приказъ по полку «всѣмъ гг. офицерамъ быть при всякомъ ученіи верхами, какое бы то ученіе ни было», и, вѣроятно, это было вызвано желаніемъ доставить офицерамъ побольше практики въ ѣздѣ, въ которой, какъ мы увидимъ ниже, офицеры не были совершенны.

3) Высоч. прик. 23 Апр. 1800 г. — «23 Апрѣля, въ понедѣльникъ, по утру въ 35 минутъ 8-го часа Его Императорское Величество, выѣхавъ съ обыкновенною своею свитою верхомъ, изволилъ присутствовать на Царицынскомъ лугу при ученіи кавалергардовъ и своего гвардіи полку» (т.-е. Преображенскаго) «двухъ баталіоновъ съ произведеніемъ ружейной пальбы, а послѣ сего благоволилъ въ присутствіи своемъ учинить разводъ». (Арх. Мин. Двора, Кам.-фур. журн.).

4) Высоч. прик. 24 Апрѣля 1800 г.

5) Военн. Учен. арх., отд. 3, № 306/4274. — «Мая 12-го былъ смотръ на Царицынскомъ лугу полкамъ Кавалергардскому, Конной Гвардіи, Лейбъ-Гусарскому и Лейбъ-Казацкому, при которомъ случаѣ Е. И. В. изволилъ пожаловать нижнимъ чинамъ *Кавалергардскаго* полку по фунту говядины и по чаркѣ вина, а *Лейбъ-Гусарскому*

Штандартъ Кавалергардскаго корпуса 1800 г.

До второй половины Мая полкъ только получалъ однѣ Высочайшія благодарности [1]), но съ 22 Мая получилъ одинъ за другимъ два выговора, причемъ Государь замѣтилъ, «что полкъ началъ опущаться». Относилось ли это «опущеніе» къ строевой службѣ или внутреннему порядку, рѣшить трудно, но, судя по приказу по полку отъ того же 22 Мая о томъ, чтобы дежурные офицеры являлись на вахтъ-парадѣ Вел. Кн. Константину Павловичу, можно предположить, что немилость Государя была вызвана упущеніями по внутреннему порядку полка [2]).

Затѣмъ въ теченіе лѣта 1800 года Императоръ Павелъ еще неоднократно объявлялъ свою благодарность полку и награждалъ нижнихъ чиновъ [3]), но два раза объявлены были выговоры генералу Уварову и одинъ разъ полковнику Супоневу [4]).

22 Іюля въ Петергофѣ полку пожалованы новые штандарты.

Торжество это произошло такимъ порядкомъ: «по утру въ началѣ 9-го часа Его Императорское Величество изъ внутреннихъ своихъ покоевъ изволилъ выдти на плацъ предъ Дворецъ, гдѣ тогда-жь въ присутствіи Его Величества и Ихъ Высочествъ Государя Наслѣдника и Государя Цесаревича освящены были придворнымъ пресвитеромъ Симеономъ Оки-

---

полку — по чаркѣ вина». (Спб. Вѣд., 1800 г.; Р. Стар., 1887/x, 209). «Е. И. В-во объявляетъ свою благодарность Е. И. В-ву Константину Павловичу за приведеніе въ должный порядокъ л.-гв. Коннаго полка, равномѣрно бывшимъ сего числа на ученіи Кавалергардамъ, Лейбъ-Конной Гвардіи, Лейбъ-Гусарамъ и Лейбъ-Казакамъ, какъ шефамъ, такъ и штабъ- и оберъ-офицерамъ». (Выс. прик. 14 Мая).

[1]) Е. И. В-во объявляетъ свою благодарность вступившимъ сего числа войскамъ, Кавалергардскому полку и Лейбъ-Гусарскому эскадрону, а особенное благоволеніе генералъ-адъютанту и шефу кавалергардовъ Уварову». (Выс. прик. 16 Мая).

[2]) «Е. И. В-во объявляетъ свое неудовольствіе Кавалергардскому полку за то, что онъ въ другой разъ дѣлаетъ худо, почему и замѣчаетъ, что полкъ началъ опущаться». (Тамъ же, 22 Мая). «Е. И. В-во дѣлаетъ выговоръ генералъ-маіору Уварову за незнаніе службы, и рекомендуется впредь оную болѣе знать». (Тамъ же, 23 Мая). «Наряжающимъ (наряженнымъ) господамъ офицерамъ дежурными при полку являться на вахтъ-парадѣ Е. И. В. Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу по пробитіи сбора, когда вступающіе офицеры въ караулъ являются къ Его Величеству, и быть въ колетахъ». (Полк. прик. 22 Мая).

[3]) «Е. И. В-во объявляетъ свою благодарность учившемуся сего числа Кавалергардскому полку и баталіону Его Величества и жалуетъ нижнимъ чинамъ по фунту говядины и по чаркѣ вина на человѣка». (Выс. прик. 7 Іюля). 21 Іюля объявлена Высочайшая благодарность полку за ученіе, и пожаловано по чаркѣ вина; 22 Іюля при освященіи штандартовъ пожаловано по фунту говядины; 19 Августа пожаловано «учившимся сего числа Кавалергардскаго полка и Лейбъ-Гусарскаго нижнимъ чинамъ по чаркѣ вина на человѣка». 25 Августа кавалергарды и лб.-гусары «за ученіе» получили по чаркѣ вина. — См. Арх. М. Двора, Кам.-фур. журн. 10, 25 и 31 Августа.

[4]) «Дѣлается выговоръ тому, кому слѣдуетъ, за то, что не умѣли выпустить деташамента къ генералъ-адъютанту Уварову». (Тамъ же, 23 Іюля). Въ этотъ день штандарты (старые?) были отправлены изъ Петергофа въ Петербургъ. — «Его Императорское Величество дѣлаетъ выговоръ за сегодняшнее ученіе генералъ-адъютанту Уварову и генералъ-маіору Томичу; также генералъ-маіору Томичу за незнаніе службы, а полковнику Супоневу за неисполненіе своей должности». (Тамъ же, 25 Авг.).

нымъ съ двумя псаломщиками въ Кавалергардскіе три эскадрона вновь сдѣланные штандарты, которые потомъ по разнесеніи въ каждый особенно эскадронъ отнесены были во внутренніе покои» [1]).

На двухсторонних маневрахъ 1800 года кавалергарды, находившіеся въ Гатчинѣ, не участвовали, хотя, какъ то видно изъ полковыхъ приказовъ, полкъ ежедневно ожидалъ быть вызваннымъ на маневры по тревогѣ [2]).

20 Сентября въ Гатчинѣ въ день своего рожденія Павелъ Петровичъ послѣ развода сѣлъ на лошадь выѣхалъ на плацъ къ отряду кавалергардовъ, назначенному для привоза къ дворцу четырехъ взятыхъ у французовъ пушекъ. Государь ѣхалъ нѣкоторое время съ отрядомъ, а затѣмъ вернулся во дворецъ къ обѣднѣ. По окончаніи литургіи Государь выходилъ на балконъ, обращенный къ плацу, и смотрѣлъ на привезенныя кавалергардами пушки [3]).

Видъ бассейна Нептуна въ Петергофѣ, съ грав. А. Ухтомскаго по картинѣ С. Щедрина.

---

1) Арх. М. Двора, Кам.-фур. журн.

2) «Завтрашняго числа по утру въ 7 часовъ быть всему полку въ готовности во всей формѣ для маневра такимъ образомъ, чтобы лошади были осѣдланы, но подпруги не совсѣмъ подтянуты, и мундштуки не надѣвать, и люди чтобъ всѣ были на конюшнѣ совсѣмъ одѣты. Дежурнымъ же офицерамъ быть при полку неотлучно въ готовности и даже тщательнѣе, а прочимъ офицерамъ быть въ 7 часовъ ко дворцу въ однихъ колетахъ. На маневры ѣхать всѣмъ вдругъ и ѣздить тамъ не очень близко за Государемъ всѣмъ въ кучи; а кирасы свои приготовить всякому въ своемъ эскадронѣ, дабы, когда спросятъ полкъ, то чтобы полку *(не разобрано слово)* съ офицерами не разъѣзжаться». — «Завтрашняго числа быть всему полку готову во всей формѣ, сообразуясь съ приказомъ, отданнымъ 3-го числа сего мѣсяца, равно же господамъ офицерамъ дежурнымъ оставаться при полку для ожиданія повелѣнія, а прочимъ офицерамъ сбираться къ 7 часамъ ко дворцу въ колетахъ, ѣхать за Государемъ на маневры, причемъ подтверждается, чтобы отнюдь не разъѣзжаться врозь». (Полк. прик. 3, 5, 8 Сент.).—Изъ описанія маневровъ, помѣщеннаго въ Спб. Вѣд., 1800 г., № 72, 73, 75, въ числѣ войскъ, участвовавшихъ въ маневрахъ, кавалергарды не упомянуты; см. Арх. М. Двора, Кам.-фур. журн. 4—8 Сент. 1800 г.

3) Арх. М. Двора, Кам.-фур. журн.

Служебные наряды.

Полковой нарядъ состоялъ изъ: 1) трехъ дежурныхъ офицеровъ, 2) полковаго караула, 3) внутренняго караула, 4) ординарцевъ и вѣстовыхъ, 5) наряда по особымъ случаямъ. Смѣна дежурныхъ и полковаго караула бывала рано утромъ, обыкновенно въ 6 часовъ, а внутренняго караула — послѣ вахтъ-парада (развода съ церемоніей).

Дежурные офицеры раздѣлялись на «старшаго» и «младшихъ». Изъ младшихъ одинъ назначался рундомъ, и ему же поручалось «смотрѣніе за больными кавалергардами, находящимися въ конно-гвардейскомъ госпиталѣ»; третій офицеръ парадировалъ съ полковымъ карауломъ. Дежурные офицеры обязаны были смотрѣть за порядкомъ какъ въ казармахъ, такъ и въ конюшняхъ, чтобы нижніе чины безъ позволенія и неопрятно одѣтые («въ развращенномъ видѣ») не отлучались со двора; они должны были присутствовать при чисткѣ лошадей, при водопоѣ и задачѣ корма.

Полковой караулъ. Съ 18 Января, перваго дня фактическаго существованія полка, караулъ состоялъ изъ 3 рядовыхъ «въ шинеляхъ и фуражиркахъ» [1]), но съ 12 Февраля караулъ увеличенъ до состава 1 унт.-офицера, 2 ефрейторовъ и 9 рядовыхъ; приказомъ отъ 20 Марта нарядъ этотъ еще увеличенъ на 1 трубача и 7 человѣкъ «для парадированія»; эти 7 человѣкъ, «когда караулъ вступитъ въ сошки, идутъ домой» [2]). Во время пребыванія полка въ загородныхъ резиденціяхъ выставлялся только караулъ къ «казенному ящику» въ составѣ 4-хъ кавалергардовъ.

Внутренній караулъ отъ кавалергардовъ назначался ежедневно подъ командою одного офицера. Опредѣлить численность внутренняго караула намъ не удалось [3]).

Ординарцы и вѣстовые. Ежедневно назначались: 1) одинъ унтеръ-офицеръ «на ординарцы къ Его Величеству» [4]); 2) вѣстовые: а) къ шефу—

---

[1]) «Фуражирка» (bonnet de fourrage), откуда произошла нынѣшняя «фуражка».

[2]) «Такъ какъ имѣются въ полку нужные посты, при которыхъ необходимо должны быть караулы, почему и наряжать ежедневно по-эскадронно: унтеръ-офицера — 1, ефрейторовъ — 2-хъ, рядовыхъ 9 человѣкъ, и при разводѣ быть всѣмъ тремъ дежурнымъ офицерамъ, изъ коихъ младшій при разводѣ парадировать, а старшій за всѣмъ за онымъ смотрѣть, и смѣну дѣлать въ старомъ полковомъ домѣ, въ пустой комнатѣ, а не на дворѣ; посты же состоятъ: 1-й — у полковой казны, куда одинъ ефрейторъ и три рядовые послѣ разводу должны идти; 2-й постъ — у кладовой; 3-й — въ швальнѣ у казенной, гдѣ остается унтеръ-офицеръ съ однимъ ефрейторомъ и съ шестью рядовыми. Также парадируетъ при офицерѣ трубачъ — 1; и всему разводу быть въ одинакихъ кушакахъ; во время же вечерней зари дѣлать на молитву только въ комнатахъ, причемъ быть всѣмъ тремъ дежурнымъ офицерамъ и репортовать другъ другу». (Полк. прик. 11 Февр.).

[3]) «Завтрашняго числа во внутренній караулъ съ эскадрона (такого-то) такой-то». (Полк. приказы 1800 г.).

[4]) «На ординарцы къ Его Величеству съ эскадрона полковника Уварова унтеръ-офицеръ Станъ, которому и явиться въ 6 часовъ къ адъютанту». (Полк. прик. 9 Февраля).

Императоръ Павелъ I и Палатинъ Іосифъ передъ Кавалергардскимъ карауломъ въ пріемной Гатчинскаго Дворца, съ картины Шварца. (Гатчинскій Дворецъ).

одинъ «съ карабиномъ», б) «къ полковнику Супоневу» (старшему полковнику), в) «къ адъютанту Горданову» (полковому адъютанту).

Наряды по особымъ случаямъ состояли изъ: 1) внутренняго караула, выставляемаго въ Эрмитажѣ во время спектаклей [1]); 2) офицеровъ, назначаемыхъ «въ выходъ за Его Императорскимъ Величествомъ» [2]); 3) наряда по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ всѣхъ офицеровъ къ обѣднѣ въ придворную церковь [3]).

1) «Въ Эрмитажный караулъ съ оного-жь эскадрона (т.-е. отъ эскадрона, дающаго внутренній караулъ) корнетъ Ушаковъ 2-й». (Полк. прик. 9 Февраля). — 28 и 29 Іюля 1800 г. внутренніе караулы отъ кавалергардовъ были выставлены и у В. Кн. Александра Павловича.

2) «Сего числа въ Эрмитажъ за Е. И. В-вомъ штабсъ-ротмистръ Корсаковъ 1-й». — «Завтрашняго числа въ выходъ за Е. И. В-вомъ въ церковь наряжается поручикъ Ушаковъ 1-й, коему и быть въ 9 часовъ во Дворцѣ». (Тамъ же, 25 и 26 Января).

3) «Завтрашняго числа всѣмъ гг. оберъ-офицерамъ быть непремѣнно въ придворную церковь къ обѣднѣ». (Полковые приказы 1800 года).

Вахтъ-парадъ.

За полковымъ разводомъ *ежедневно* въ 9 часовъ утра слѣдовалъ *вахтъ-парадъ*, производившійся въ присутствіи Государя, лѣтомъ въ Петербургѣ передъ дворцомъ или на Царицыномъ лугу, зимою въ экзерциргаузѣ; во время пребыванія Государя въ загородныхъ дворцахъ также ежедневно бывалъ вахтъ-парадъ на дворцовыхъ площадкахъ [1]. Вахтъ-парадъ заключался въ томъ, что части, наряженныя для занятія карауловъ, передъ вступленіемъ въ караулъ приходили на назначенное для вахтъ-парада мѣсто, гдѣ Государь производилъ имъ сначала ученіе, а затѣмъ и самый разводъ съ церемоніей, послѣ чего караулы расходились по гауптвахтамъ. По окончаніи развода Императоръ или по его приказанію Наслѣдникъ отдавалъ парольныя приказанія, которыя адъютанты тутъ же должны были записать. Иногда на вахтъ-парадъ назначался конный разводъ отъ кавалергардовъ, которымъ командовалъ одинъ изъ полковниковъ полка. Всѣ офицеры обязаны были ежедневно присутствовать на вахтъ-парадѣ, причемъ ѣхать туда должны были верхами [2].

Гаубтвахта противъ Академіи Художествъ, съ акварели Л. В. Мошкова. (Собр. П. Я. Дашкова).

Современники оставили намъ такого рода свѣдѣнія о вахтъ-парадахъ: «Нашъ полковой командиръ... велѣлъ наканунѣ вывести мой эскадронъ, чтобы сдѣлать репетицію вахтъ-парада, и офицеры и рядовые были такъ взволнованы, что все шло не ладно; генералъ былъ въ отчаяніи; я попросилъ его однако же успокоиться и не дѣлать выговоровъ и обѣщалъ ему, что все пойдетъ хорошо. Я самъ похвалилъ рядовыхъ, велѣлъ имъ отправиться въ баню,

---

1) «Императоръ, несмотря ни на какую погоду, каждый день выходилъ къ разводу, рѣдко когда безъ ученія. Послѣ развода—богатый завтракъ во дворцѣ для офицеровъ». (Воспом. Лубяновскаго, Р. Арх., 1872 г., 152).

2) «Всѣмъ гг. офицерамъ, когда на вахтъ-парадъ ѣхать, то сбираться къ полковнику Бороздину».—«Подтверждается всѣмъ гг. офицерамъ, чтобы всякій день сбираться къ полковнику Бороздину 1-му въ 8-мъ въ половинѣ, откуда всѣ на вахтъ-парадъ должны ѣхать, а въ противномъ случаѣ будетъ взыскано, который онаго не выполнитъ». — «Рекомендуется всѣмъ гг. оберъ-офицерамъ, чтобы сбираться къ своему конному разводу, откуда и ѣхать вмѣстѣ съ разводомъ на вахтъ-парадъ; въ противномъ случаѣ за невыполненіе онаго будетъ взыскано наистрожайше».—«Подтверждается всѣмъ гг. офицерамъ, чтобы непремѣнно ѣздили на вахтъ-парадъ верхами». (Полк. прик. 20, 21 Янв., 3 Февр., 20 Марта).

затѣмъ плотно поужинать и спокойно лечь спать. Что касается до офицеровъ, подвергавшихся наибольшей опасности, я попросилъ ихъ не думать ни объ чемъ, а только внимательно слушать команду. Я въ казармахъ отдалъ строгое приказаніе, чтобы солдатъ не будили, пока я не пріѣду самъ. Въ то время всѣ солдаты носили букли и толстыя косички съ большимъ количествомъ пудры и помады, и прическа занимала долгое время, такъ какъ у насъ было всего по два цирульника на эскадронъ; такимъ образомъ солдаты, когда они готовились къ параду, принуждены были всю ночь не спать изъ-за своей прически. Это никуда не годилось въ моемъ опасномъ положеніи [1]), при которомъ все зависѣло отъ состоянія нервовъ моихъ людей; поэтому я собралъ всѣхъ цирульниковъ полка, чтобы причесать мой эскадронъ, что дало солдатамъ возможность хорошенько выспаться. Въ 5 часовъ утра я велѣлъ ихъ разбудить, а къ 9-ти часамъ люди и лошади были всѣ готовы, и когда я выстроилъ ихъ передъ казармами, то люди выглядывали весело и бодро». Государь остался вполнѣ доволенъ разводомъ Саблукова и «два раза подъѣзжалъ меня хвалить. Все, однимъ словомъ, пошло хорошо и для меня, и для эскадрона, и для полка, и для моего отца, да и вообще для всѣхъ, кому пришлось говорить въ этотъ день съ Его Величествомъ, ибо гроза подобнаго рода падала на всѣхъ, кто къ нему приближался, безъ различія пола, не исключая и собственнаго его семейства» [2]). «Стремительность Павла и его чрезмѣрная взыскательность», говоритъ тотъ же авторъ, «дѣлали службу весьма непріятною. Часто за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ офицеры прямо съ вахтъ-парада отсылались въ другіе дальніе полки, и это случалось до того часто, что, когда мы бывали наряжены въ караулъ, то имѣли обыкновеніе класть нѣсколько сотъ рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться безъ копѣйки въ случаѣ внезапной ссылки. Три раза случалось мнѣ давать взаймы товарищамъ, забывшимъ эту предосторожность» [3]).

---

1) Дня за два до этого вахтъ-парада отецъ Саблукова подвергся немилости Императора Павла, былъ уволенъ отъ службы и высланъ изъ Петербурга.

2) Зап. Саблукова, «Frasers Magazine», 239—240. (Р. Арх., 1869 г., 1909 и 1910).

3) Тамъ же, 237. (Р. Арх., 1869 г., 1903). — «Всѣмъ гг. штабъ-офицерамъ кавалерійскихъ полковъ повелѣвается во время ихъ командованія разводомъ Конной гвардіи прилежно смотрѣть за ошибками оберъ-офицеровъ, находящихся при фронтѣ, и не дѣлать имъ изъ вѣжливости ни малѣйшаго упущенія въ оныхъ». — «Е. И. Вел-во рекомендуетъ гг. офицерамъ Санктпетербургскаго гарнизона во время разводнаго ученія на дворѣ стоять смирно, не бѣгать и не шумѣть». (Выс. прик. 17 Янв. и 15 Марта 1798 г.). — «Лб.-гв. Преображенскаго полка полковой адъютантъ Топорнинъ за безпрестанное возраженіе на даваемые ему приказы арестовывается и выписывается въ Гарнизонный кн. Долгорукова полкъ, оного-жь полка адъютантъ Ладыженскій 2-й выписывается равномѣрно въ Гарнизонный кн. Долгорукова 2-го полкъ». (Выс. прик. 15 Февр. 1800 г.). — «Приказъ отъ генералъ-лейтенанта С.-Петербургскаго коменданта и кавалера Свѣчина всѣмъ господамъ Гвардіи офицерамъ: Его Императорское Величество неоднократно примѣтить изволилъ съ крайнимъ неудовольствіемъ, что господа офицеры Лейбъ-Гвардіи полковъ имѣютъ *старую* привычку дѣлать возраженіе на отдаваемое имъ повелѣніе и отвѣчать противу оныхъ, почему Высочайше повелѣть изволилъ мнѣ (въ) предосторожность вашу объявить, что, если впредь отъ сего случится кому впасть въ такой проступокъ противу Его Императорскаго Величества или противу кого изъ начальниковъ, съ таковыми поступлено будетъ со всей строгостью военнаго артикула, яко съ явнымъ ослушникомъ Высочайшей воли». (Полк. прик. 15 Февр. 1800 г.).

Другой современникъ, нѣсколько преувеличивая, такъ рисуетъ вахтъ-парады: «На вахтъ-парадахъ подъ барабанный бой объявлялась война, заключался миръ, диктовались трактаты, писали грозныя и милостивыя повелѣнія; толпами съ вахтъ-парада развозили людей въ ссылку, на всегдашнее заточеніе въ крѣпости, въ монастыри и жаловали чинами, орденами, раздавали земли и крестьянъ, чтобы улучить счастливую минуту, когда Павелъ Петровичъ былъ веселъ, доволенъ вахтъ-параднымъ ученьемъ, когда баталіонъ зашелъ по взводно ровно; офицеры громко и протяжно проревѣли: «стой! равняйся!», Павелъ Петровичъ возгласилъ: «По чаркѣ вина, по фунту говядины, по рублю на человѣка!» и началъ напѣвать любимую пѣсню:

Ельникъ, мой ельникъ,
Частый мой березникъ,
Люшеньки-люли!

Эту минуту должно было ловить, въ эту минуту Павелъ Петровичъ былъ милосердъ и доступенъ, терпѣливо каждаго выслушивалъ, поступалъ кротко и правосудно» [1]).

Прохожденіе службы.

Прежде существовавшія наименованія унтеръ-офицеровъ: вице-вахмистръ, каптенармусъ, гефрейтъ-капралъ и капралъ были уничтожены, а оставлены только званія вахмистра и квартермистра; прочіе назывались просто унтеръ-офицерами. Поступавшимъ на службу дворянамъ воспрещено было называться вахмистрами, но велѣно ихъ звать юнкерами и вмѣнено имъ въ обязанность по поступленіи на службу три мѣсяца служить за рядовыхъ [2]).

Изъ нижнихъ чиновъ право на производство въ офицеры гвардіи имѣли одни юнкера, прослужившіе три года, а на производство въ офицеры арміи — унтеръ-офицеры и не изъ дворянъ, но прослужившіе 12 лѣтъ

---

1) Зап. А. М. Тургенева, Р. Стар., 1895/v, 47.

2) «По Выс. повелѣнію опредѣляется въ полкъ недоросль изъ дворянъ, Поляковъ, унтеръ-офицеромъ (!), съ выслугою по уставу за рядоваго три мѣсяца, которому состоять въ эскадронѣ полковника Бороздина и жалованье производить съ сего числа». (Полк. прик. 1 Сент. 1800 г.).

унтеръ-офицерами и извѣстные хорошими способностями и примѣрнымъ поведеніемъ.

Производство въ чины дѣлалось на открывавшіяся вакансіи по представленіи начальства, обыкновенно въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, и всегда объявлялось въ Высочайшихъ приказахъ, отдаваемыхъ при паролѣ.

Желающіе выходить въ отставку подавали просьбы объ увольненіи отъ службы также въ Сентябрѣ мѣсяцѣ.

Срокъ службы нижнимъ чинамъ опредѣленъ былъ въ 25 лѣтъ. Выслужившій этотъ срокъ увольнялся на инвалидное содержаніе, гдѣ бы ни пожелалъ жить. Для нижнихъ чиновъ, выслужившихъ безпорочно 20 лѣтъ,

Медаль Св. Анны.

Донатскій крестъ.

Императоръ Павелъ установилъ военный знакъ отличія Св. Анны, избавлявшій ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній [1]). Въ 1800 году знакъ этотъ былъ замѣненъ «Донатами ордена св. Іоанна Іерусалимскаго», т.-е. мѣднымъ крестомъ съ лиліями въ углахъ и съ номеромъ на оборотѣ. Крестъ этотъ носили въ петлицѣ на черной лентѣ [2]), причемъ онъ не снимался при производствѣ въ офицеры [3]). Всѣ лица, имѣвшія знаки отличія Св. Анны или Донатскіе знаки, судились въ уголовномъ порядкѣ въ орденскомъ капитулѣ [4]).

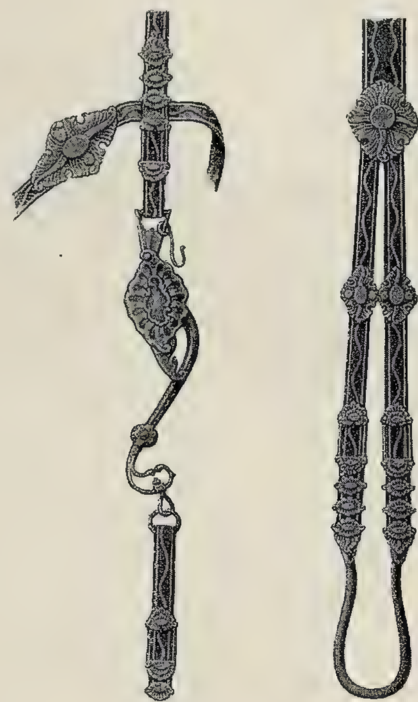

---

[1]) Высоч. прик. 12 Ноября 1796 г. — [2]) Полн. Собр. Зак., № 19594; Висковатовъ, «Опис. воор. и одеждъ войскъ», IX, 127. — [3]) Им. указъ Военн. Колл., Апр. 1800 г., № 80. — [4]) «Всякаго, носящаго знакъ отличія ордена Св. Анны, въ воинской, гражданской службѣ или въ отставкѣ находящагося, учинившаго преступленіе,... прислать дѣло на рѣшеніе въ Капитулъ». (Им. указъ Пр. Сен., Февр. 1800, № 21). — «Чтобъ дѣла о впавшихъ въ преступленіе, Донатскіе знаки имѣющихъ», (воинскіе команды) «отсылали на рѣшеніе въ Капитулъ Державнаго Ордена». (Им. указъ Военн. Колл. 10 Марта 1801 г., № 45).

Конскій составъ.

Въ конскій составъ полка вошли: 1) 144 лошади, оставшіяся отъ «старыхъ Кавалергардскихъ эскадроновъ», 2) 246 лошадей изъ Конной гвардіи, итого 390 лошадей; такимъ образомъ, по «сообщенію» полка отъ 17 Октября 1800 года Военной Коллегіи, въ полку былъ некомплектъ 67 лошадей. Ремонтная цѣна лошади опредѣлена была въ 120 рублей, изъ которыхъ 20 рублей полагалось на приводъ. На покупку лошадей до комплекта собственнымъ попеченіемъ полка было отпущено полку 8040 рублей [1]).

Части, принадлежащія къ сбруѣ кавалергардскихъ офицерскихъ лошадей 1797 и 1799—1801 г.

Офицеры, согласно Высочайшаго приказа Ноября 1798 года, обязаны были имѣть собственныхъ строевыхъ лошадей, но иногда, по особой Высочайшей милости, имъ давались казенныя лошади [2]).

Лошади не имѣли имени, но оффиціально обозначались подробнымъ описаніемъ примѣтъ, а неоффиціально фамиліей ѣздока [3]).

Лошади принимались на службу не моложе 5 лѣтъ и не старѣе 8; срокъ службы ихъ полагался въ 7 лѣтъ. Строевымъ лошадямъ отпускалось въ сутки по 3 гарнца овса, 15 фунтовъ сѣна и $2^1/_2$ ф. соломы; подъемнымъ же лошадямъ — овса $2^1/_2$ гарн., сѣна 20 фунт., причемъ для ровнаго счета каждый мѣсяцъ полагался въ 30 дней [4]).

---

[1]) Леф. арх., оп. 3/1, св. 25, д. 53, стр. 122.—Согласно Устава 1797 года, жеребцы не допускались въ ремонтъ, а кобылъ—не болѣе 1/3 привода.

[2]) «Шефамъ кавалерійскихъ полковъ предписывается имѣть смотрѣніе, чтобы всѣ офицеры полковъ ихъ имѣли собственныхъ строевыхъ лошадей, въ противномъ же случаѣ оныя будутъ куплены на счетъ шефовъ».—«Во исполненіе Высочайшаго Е. И. В-ва повелѣнія, отданныя Генваря 25 числа съ эскадрона полковника Супонева поручику Ушакову конь *гнѣдой*... поручику Авдулину конь *гнѣдой*... корнету Елагину конь *темнобуланый*, грива на лѣво, на мордѣ на подобіе креста бѣлая пѣжина, на лѣвомъ окороку тавро: *«2 Іюля»*... корнету Дмитріеву конь *бурой* масти, грива на лѣво, съ сѣдиной, во лбу звѣздка, правая задняя нога по щетку съ копытомъ бѣлая, на лѣвомъ окороку тавро: «К». (Полк. прик. 1 Февраля).

[3]) Манзей, I, 109.

[4]) Казенная дача сухаго фуража отпускалась во всѣ полки кавалеріи только въ теченіе $10^1/_2$ мѣсяцевъ, ибо съ 16 Іюня по 1 Августа полагалось травяное довольствіе. Но Кавалергардскій полкъ въ 1800 г. не ходилъ на траву, оставаясь все время при Императорѣ тамъ, гдѣ онъ имѣлъ свое мѣстопребываніе. (Полк. прик. съ 15 Іюня по 1 Августа).

Строевыя лошади ковались на всѣ четыре ноги; подковы переднихъ ногъ дѣлались съ тупыми шипами, а заднія ноги ковались на круглыя подковы [1]). У офицерскихъ лошадей хвосты были обрѣзаны по рѣпицу.

Дисциплина.

Всѣ матеріалы, дошедшіе до насъ, и по которымъ можно бы было составить себѣ понятіе о состояніи духа и дисциплины въ Кавалергардскомъ полку со времени переформированія его на общихъ основаніяхъ въ гвардейскій кавалерійскій полкъ, заключаются въ книгѣ «Приказовъ» съ 17 Января по 20 Октября 1800 года. Болѣе $^{7}/_{8}$ этой книги занимаютъ Высочайшіе приказы и лишь остальное составляютъ «полковые приказы» и «приказанія» или, какъ въ то время послѣднія назывались, «словесные приказы».

На основаніи этихъ приказовъ по полку можно составить себѣ болѣе или менѣе точное представленіе о дисциплинѣ офицеровъ, но зато они почти ничего не даютъ для характеристики состоянія дисциплины между нижними чинами; штрафные журналы, если такіе и существовали, не сохранились.

Проступки офицеровъ заключались, повидимому, исключительно: 1) въ несоблюденіи установленной формы; 2) въ манкировкѣ службою (главнымъ образомъ въ опаздываніи на вахтъ-парадъ) [2]). Впрочемъ за указан-

---

1) Анненковъ, I, 195; Манзей, I, 111 и 112.

2) «Приказъ отъ Шефа генералъ-адъютанта Уварова. Не видя по сіе время весьма мало успѣху въ полку, мнѣ ввѣренномъ, нашелся принужденнымъ рекомендовать господамъ эскадроннымъ командирамъ употребить, сколько возможно болѣе, старанія къ доведенію своихъ подчиненныхъ въ должный порядокъ, а наипаче господину полковнику Супоневу, яко старшему изъ штабъ-офицеры, въ полку имѣть смотрѣніе за всѣми эскадронами и, гдѣ будетъ въ какомъ-либо случаѣ упущено, дѣлать побужденіе и непремѣнно взыскивать, ибо въ противномъ случаѣ не только что за свой эскадронъ, но и за другіе самъ будетъ отвѣчать; всякую жь назначенную команду изъ эскадрона не прежде, нежели оной (оная) изъ полка выйдетъ, эскадронный командиръ представляетъ полковнику Супоневу, который, осмотря какъ оберъ-офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ и всю амуницію, представляетъ потомъ мнѣ, послѣ чего оной (оная) идетъ къ назначенному мѣсту.

«Принужденнымъ нашелся дѣлать сіе предписаніе потому, что, сколько ни приказывалъ эскадроннымъ командирамъ смотрѣть за своими подчиненными, но и затѣмъ уже неоднократно примѣчено неисправности: господа офицеры не одѣваются такъ, какъ должно, галстуки и колеты не у всѣхъ сшиты по приказанію,

ное выше время имѣется одинъ Высочайшій приказъ, отъ 28 Іюня 1800 года, съ выраженіемъ замѣчанія офицерамъ: «Его Императорское Величество дѣлаетъ замѣчаніе господамъ офицерамъ Лейбъ-Гвардіи Своего баталіона и Кавалергардскаго полка, что они неучтивы, что и доказали сего числа поручикъ Гендпкинъ (?) и поручикъ Уваровъ». Въ чемъ заключалась неучтивость офицеровъ 1-го бат. Преображенскаго полка и кавалергардовъ вообще, и Гендпкина (?) и Уварова въ частности, — намъ не удалось выяснить [1]).

Нельзя не обратить вниманія на умѣренность требованій генерала Уварова и его мягкое, даже и по нынѣшнимъ временамъ, снисходительное и полное уваженія отношеніе къ офицерамъ; онъ не ищетъ случаевъ для каранія, старается воздѣйствовать на офицеровъ не страхомъ, а стыдомъ («по службѣ упущенія не только что не сдѣлаютъ намъ похвалы, а, конечно, наведутъ справедливый гнѣвъ Государевъ»); наконецъ, когда, видимо, ничто уже не помогаетъ, онъ налагаетъ взысканія, даже по нынѣшнимъ временамъ, крайне умѣренныя. Отмѣтимъ еще, что всѣ его наказанія заключаются въ лишнихъ дежурствахъ; ни разу онъ не прибѣгнулъ къ унизительному наказанію арестомъ за часовымъ, съ отобраніемъ оружія, и только дважды подвергнулъ офицеровъ домашнему аресту, и то съ отправленіемъ должности, т.-е. съ сохраненіемъ оружія [2]).

темляки палашные также не по формѣ, наипаче у корнета Сафонова, у котораго и взять колетъ въ полковую швальню и приказать переправить, ибо уже на немъ въ другой разъ таковой увидѣлъ; о галстукахъ также вторительно подтвердить имѣю, дабы были не толстые и не мягкіе. Всѣ таковыя по службѣ упущенія не только что не сдѣлаютъ намъ похвалы, а, конечно, наведутъ справедливый гнѣвъ Государевъ, и потому впредь въ таковыхъ случаяхъ непремѣнно взыскано будетъ за все на господинѣ полковникѣ Супоневѣ и эскадронномъ командирѣ, гдѣ оное случится». (Полк. прик. 1800 года 26 Февраля). — Этому приказу предшествовалъ слѣдующій приказъ отъ 25 Января того же года: «Всѣ вахмистры, что бы въ эскадронахъ ни случилось, тотчасъ немедленно дать знать адъютанту, а особливо, когда офицеры репортуются больными или выздоравливаютъ».

«Рекомендуется гг. поручику Панину и корнету Елагину впредь на вахтъ-парадъ не опаздывать, за что и дежурить безъ очереди однѣ сутки, съ подтвержденіемъ генеральной всѣмъ гг. офицерамъ, чтобы на вахтъ-парадъ не опаздывали и ни на чемъ бы не ѣздили окромѣ верхами». (Тамъ же, 12 Апрѣля). «Подтверждается всѣмъ гг. офицерамъ, чтобы отнюдь никогда въ городѣ не ѣздить на дрожкахъ, за что будетъ взыскано наистрожайше, равно же и не опаздывать на вахтъ-парадъ, за что и паряжаются дежурными при эскадронахъ безъ очереди на однѣ сутки поручикъ Панинъ, корнеты: Ушаковъ 2-й и Бороздинъ 2-й». (Тамъ же, 15 Апрѣля). «Наистрожайше подтверждается гг. офицерамъ, чтобы не ѣздили на дрожкахъ». (Тамъ же, 25 Мая). — «Рекомендуется гг. офицерамъ какъ по городу, такъ и за городомъ противъ формы не ѣздить». (Тамъ же, 1 Іюня). — «Корнетамъ Собакину и Лазареву дежурить безъ очереди по трое сутокъ за то, что не по формѣ одѣваются, 1-й, Собакинъ, шпагу низко носитъ, а послѣдній — косу». (Тамъ же, 9 Іюня). — «Отданный сего числа при паролѣ отъ коменданта приказъ, чтобы гг. офицеры отнюдь никогда не имѣли бы толстыхъ галстуховъ и начесовъ, за что будутъ непремѣнно арестованы». (Тамъ же, 11 Сентября).

1) Этотъ приказъ не напечатанъ въ Выс. приказахъ 1800 года.

2) Поручикъ Панинъ былъ наряженъ 12 Апрѣля за опозданіе на вахтъ-парадъ на 1 дежурство. «Рекомендуется всѣмъ дежурнымъ штабсъ-ротмистрамъ по полку и дежурнымъ офицерамъ при эскадронахъ ни подъ какимъ видомъ не отлучаться: первому — отъ полку, а послѣднимъ съ эскадроновъ, что и замѣчено сего числа самимъ шефомъ неисправность поручика Панина, которому и дежурить 3 сутокъ безъ очереди». (Полк. прик. 16 Мая). «Поручику Панину дежурить при эскадронѣ безъ очереди впредь до приказанія, и чтобы отъ квартиры своей никуда не отлучался, и во все время его (своего) дежурства въ назначенное время быть на конюшнѣ непремѣнно, за чѣмъ смотрѣть наистрожайше». (Тамъ же, 11 Сентября). «Такъ какъ господинъ поручикъ Панинъ замѣченъ во многихъ шалостяхъ и, будучи въ караулѣ, отлучился отъ поста туда, куда не

Кавалергарды въ царствованіе Павла I, съ акв. В. Патерсена.

При разсмотрѣніи значенія военныхъ реформъ Императора Павла намъ придется вновь коснуться вопроса о состояніи воинской дисциплины, и тогда мы сдѣлаемъ попытку объяснить, почему при всей ихъ строгости наказанія не достигали своей цѣли, и почему среди офицеровъ такъ часто случались «шалости», граничившія съ систематическимъ озорствомъ.

О состояніи дисциплины среди нижнихъ чиновъ мы можемъ представить лишь болѣе или менѣе гадательныя соображенія. Вѣроятно, поведеніе нижнихъ чиновъ полка было весьма хорошее, чему порукою можетъ служить, что полкъ былъ сформированъ изъ отборныхъ людей, причемъ всѣмъ было извѣстно, что полкъ не только непосредственно формируется подъ ближайшимъ наблюденіемъ Государя, но и сохранитъ постоянное назначеніе кавалергардовъ служить ближайшими тѣлохранителями Особы Императора. Ни для кого, конечно, не было тайной и значеніе, которое пріобрѣлъ генералъ Уваровъ у Павла I. Доказательствомъ того, что мы едва ли ошибаемся, можетъ служить тотъ фактъ, что за указанный нами періодъ времени (съ 17 Января по 20 Октября) ни одинъ нижній чинъ не былъ отданъ подъ судъ, ни одинъ не былъ наказанъ шпицъ-рутенами и ни одинъ не былъ исключенъ изъ полка [1]).

Вѣроятно, нижнихъ чиновъ наказывали розгами, но въ тѣ времена этого рода наказаніе считалось обыденною вещью; отсутствіе же въ полку «гатчинцевъ» и характеръ ген. Уварова можно считать ручательствомъ, что розгами не злоупотребляли [2]).

должно, за что штрафуется комнатнымъ арестомъ съ выполненіемъ своей должности впредь до приказанія. Рекомендуется гг. эскадроннымъ командирамъ смотрѣть за своими офицерами, чтобы оные во время стоянія въ караулѣ не отлучались бы никуда; если примѣчу, то наистрожайше взыщу». (Тамъ же, 24 Сентября).

1) Единственное наказаніе, о которомъ отдано въ приказѣ по полку, было разжалованіе «за дурное поведеніе» фельдшера въ фурманы. (Полк. прик. 11 Іюня).

2) Извѣстно, что Потемкинъ былъ врагомъ тѣлесныхъ наказаній, но нѣтъ данныхъ утверждать, что всѣ Екатерининскіе полководцы раздѣляли его взглядъ. Едва ли поэтому достаточно обоснованъ взглядъ, что «существовавшая въ то время (царствованіе Павла I) поговорка: *«гдѣ ученье — тамъ и палки»* народилась въ Гатчинѣ». Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы утверждать, что Императоръ Павелъ раздѣлялъ взгляды кн. Потемкина на то, что русскій солдатъ можетъ обойтись безъ палки; напротивъ, нижеслѣдующій документъ достаточно обрисовываетъ взглядъ Павла Петровича на необходимость тѣлесныхъ наказаній для солдатъ: «Государь Императоръ соизволилъ указать написать къ Вашему Высокопревосходительству въ отвѣтъ на донесеніе ваше отъ 13 Мая, что-бъ явившагося изъ Прусской службы рядоваго Чейоновскаго, если онъ пожелаетъ, вы бы взяли въ вашъ полкъ. А притомъ, чтобы вы не удивлялись наказанію его, что въ Пруссіи войска обучаютъ потому, что сему быть должно, и желательно, чтобы и у насъ завелось». (Высоч. указъ ген.-отъ-инф. Якобію, 16 Мая 1797 г.; Леф. арх., кн. № 7, стр. 75).

Офицеръ, унтеръ-офицеръ, трубачъ и кавалергарды 1799—1800 г.

Главные и наиболѣе частые проступки нижнихъ чиновъ заключались, повидимому, въ пьянствѣ и въ несоблюденіи формы или, по тогдашнему выраженію, въ хожденіи «въ развращенномъ видѣ» [1]).

Отмѣтимъ еще требованія ген. Уварова: 1) чтобы взводные командиры занимались обученіемъ своихъ людей [2]); 2) чтобы люди точно знали, что и сколько имъ полагается отъ казны [3]); 3) чтобы офицеры избѣгали карточной игры: «Рекомендуется всѣмъ господамъ оберъ-офицерамъ», писалъ ген. Уваровъ въ приказѣ 5 Февраля, «какъ возможно удаляться карточной игры, даже убѣгать и тѣхъ, которые оною занимаются».

---

1) «Рекомендуется господамъ дежурнымъ при эскадронахъ офицерамъ имѣть наипредлежайшее (наиприлежнѣйшее) смотрѣніе, особенно въ нынѣшніе дни по случаю масляницы, чтобы не попадалось въ пьянствѣ или какомъ нибудь въ развращенномъ видѣ изъ эскадроновъ нижнихъ чиновъ, а также наблюдать, чтобы оные отъ квартиръ своихъ не отлучались, въ противномъ же случаѣ оное взыщется на господахъ дежурныхъ офицерахъ». (Полк. прик. 17 Февраля). «Смотрѣть наистрожайше во всѣхъ эскадронахъ за нижними чинами какъ за строевыми, такъ и за нестроевыми, чтобы оные отнюдь не ходили по городу въ развращенномъ видѣ». (Тамъ же, 16 Мая). «Предписывается гг. эскадроннымъ командирамъ, чтобы имѣли болѣе смотрѣнія за унтеръ-офицерами, чтобы оные были расторопнѣе и въ должности своей исправны. — Рекомендуется вторично гг. эскадроннымъ командирамъ, чтобы имѣли болѣе смотрѣнія за нижними чинами, чтобы оные въ развращенномъ видѣ по городу не шатались». (Тамъ же, 26 Мая).

2) «Предписывается всѣмъ гг. офицерамъ, имѣющимъ части (т.-е. взводы), учить оныя какъ ружьемъ, такъ и маршировать, которые чрезъ 10 дней такъ были выучены, чтобы шефу на смотръ представить». (Тамъ же, 21 Марта). «Замѣчено мною сегодня въ вступившемъ во внутренній караулъ Лейбъ-эскадрона изъ части господина поручика Папина кавалергардъ Гречка, котораго-бъ между лучшими помѣстить можно, но, какъ онъ ни стоять, ни ходить не умѣетъ, до чего-бъ его довести, конечно, не трудно, и подтверждается господамъ эскадроннымъ командирамъ таковыхъ частныхъ и прочихъ офицеровъ замѣчать и принуждать къ ихъ должности, а нижнихъ чиновъ, особливо дурныхъ, выправлять и учить какъ можно чаще, тогда оные будутъ таковыми, какъ имъ слѣдуетъ». (Тамъ же, 25 Сентября).

3) «Рекомендуется всѣмъ господамъ какъ эскадроннымъ, такъ и частнымъ командирамъ растолковать своимъ людямъ, чтобы оные знали, сколько каждому изъ нихъ слѣдуетъ получить какой амуниціи и амуничныхъ денегъ, и сколько нынѣ ими получено, о чемъ я самъ буду на сихъ дняхъ все спрашивать у всякаго, то чтобы оные уже умѣли отвѣчать и знали бы совершенно, что имъ слѣдуетъ; въ противномъ случаѣ взыщется на эскадронныхъ командирахъ, также и на частныхъ командирахъ, ибо знать-то они людьми своими и должностью не занимаются, ибо мнѣ уже случилось одного спросить, который ничего не умѣлъ сказать». (Тамъ же, 19 Апрѣля). Приказы по полку 19 Апрѣля и 25 Сентября 1800 года мы сопоставляемъ со слѣдующимъ Высочайшимъ приказомъ 23 Марта того же года: «Е. И. В-во усматриваетъ по присылаемымъ въ Гвардію изъ полковъ (армейскихъ) людямъ, что во многихъ полкахъ оные имѣютъ позитуру болѣе сходную для кулачнаго бою, нежели приличную для солдата, что и сегодня было особенно замѣчено съ людьми изъ полку г.-м. Хитрова, которые были такъ *задерганы* (курс. нашъ), что отъ нихъ добиться слова нельзя было, что и дается къ замѣчанію всей арміи».

Императоръ Павелъ I.
Съ этюда съ натуры маслян. красками В. Л. Боровиковскаго. (Собраніе П. Я. Дашкова).

Полковое письмоводство.

Письменный порядокъ въ полкахъ, существовавшій при Екатеринѣ II, въ царствованіе Императора Павла Петровича былъ совершенно измѣненъ, и не только уничтожено важное значеніе полковыхъ канцелярій, но и онѣ сами упразднены [1]). По новому положенію строевая часть и переписка по «инспекторской» части поручены были полковому адъютанту, который назначался изъ старшихъ корнетовъ полка; всѣ денежные счеты и сношенія съ провіантскими и коммиссаріатскими депо были возложены на полковаго квартермистра, а производство военно-судныхъ дѣлъ предоставлено полковому аудитору. Полковые квартермистръ и аудиторъ вслѣдствіе повелѣнія Государя, отданнаго при паролѣ 8 Ноября 1796 г., назначались изъ унтеръ-офицеровъ, не дворянъ, и производились въ чины гражданскіе.

Что такое представляли изъ себя полковыя канцеляріи до Павла I, можно видѣть изъ описанія ихъ гр. Ланжерономъ: «Самый мрачный лабиринтъ канцеляріи самаго занятаго прокурора не совмѣщаетъ въ себѣ болѣе переписки и не скрываетъ въ себѣ столько мошенничества, какъ канцелярія русскаго полка, въ которой тридцать писарей заняты день и ночь. Независимо отъ дневныхъ приказовъ, изъ которыхъ ни одинъ не отдается словесно, и записываемыхъ по приказанію полковаго командира въ книгу, и съ которыхъ снимаются копіи для всѣхъ ротъ, есть еще 13 книгъ, разсылаемыхъ Военною Коллегіею «за ея печатью и скрѣпленныхъ ею по листамъ»... Въ этихъ книгахъ «записывается приходъ и расходъ каждаго предмета». Два раза въ году офицеры подписываютъ свои фамиліи на книгахъ, удостовѣряя тѣмъ правильность сдѣланныхъ счетовъ и подтверждая, «что все доставлено и израсходовано правильно». Въ случаѣ недовольства они могли отказать въ подписи, «но подобные случаи», замѣчаетъ Ланжеронъ, «бываютъ рѣдко; обыкновенно застращенные или подкупленные своими начальниками офицеры подписываютъ, не читая. Эти предосторожности и эти подписи дѣлаютъ офицеровъ отвѣтственными и должны были бы останавливать злоупотребленія; но напротивъ того, онѣ лишь поддерживаютъ и увеличиваютъ ихъ. Отдавая подъ судъ полковаго командира, приходилось бы судить и всѣхъ офицеровъ; предпочитаютъ никого не подвергать наказанію, и всѣ остаются безнаказанными» [2]).

«Мало-по-малу, хотя и не безъ труда, привыкли къ новому порядку, и письменная часть, уменьшенная до послѣдней возможности, не казалась болѣе главною пружиною новаго управленія. Адъютантъ велъ отчетность по прибыли

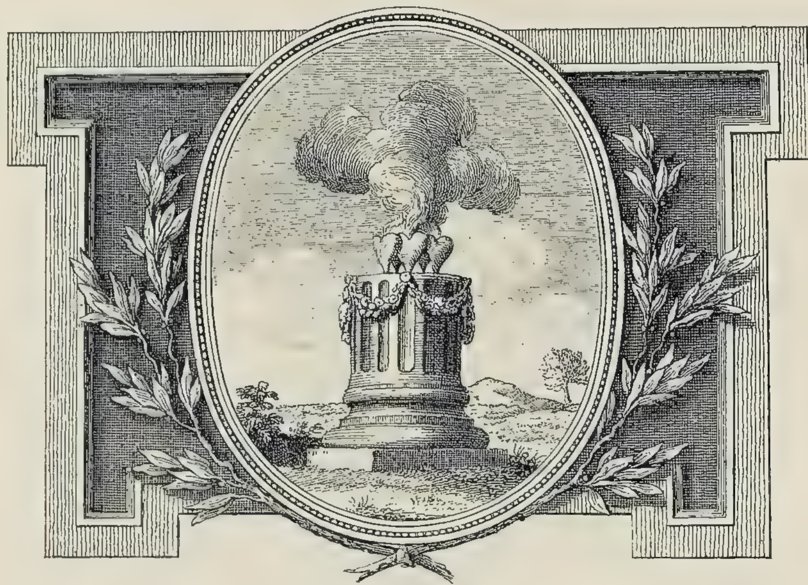
---

[1]) «Генералу-аудитору князю Салагову дѣлается выговоръ за упоминаніе въ произведенномъ имъ кригсрехтѣ слова: «Канцелярія», коихъ не существуетъ». (Выс. прик. 20 Ноября 1800 г.).

[2]) «Русская армія въ годъ смерти Екатерины II». (Р. Стар., 1895/IV, 150 и 151).

и убыли людей, распоряжался нарядомъ въ должности, составлялъ приказъ по полку, равно какъ мѣсячные и третные рапорты Государю и Военной Коллегіи. Всякая другая переписка была уничтожена. Формулярные списки велись въ Военной Коллегіи; донесеній никакихъ не требовалось, исключая относящихся къ необыкновеннымъ происшествіямъ, но и они составлялись адъютантомъ и, имъ же переписанныя, передаваемы были коменданту. Сношеніе полка съ присутственными мѣстами тоже мало-по-малу пресѣклось. Было даже дозволено, чтобы на вопросы разныхъ лицъ, по справкамъ и допросамъ, отвѣчали ротные командиры. Лучшимъ доказательствомъ упрощенія переписки можетъ служить еще то, что Великій Князь Александръ Павловичъ очень часто присылалъ въ (Семеновскій) полкъ бумаги, собственноручно написанныя. Онѣ писались очень кратко на четвертой долѣ листа. Въ томъ же форматѣ получались и приказанія Государя, письменно передаваемыя дежурнымъ генералъ-адъютантомъ» [1]).

11 Февраля 1800 г. отданъ былъ Высочайшій приказъ, воспрещавшій всѣмъ военнослужащимъ сноситься *рапортами* съ кѣмъ бы то ни было изъ лицъ гражданскаго вѣдомства. Такимъ образомъ армія была оффиціально признана совершенно самостоятельнымъ органомъ въ государствѣ, внѣ всякаго подчиненія лицамъ гражданскаго вѣдомства, каково бы ни было служебное положеніе послѣднихъ, органомъ, до котораго гражданскіе чиновники не могли и не смѣли касаться [2]).

[1]) Дирииъ, «Исторія л.-гв. Семеновскаго п-ка», I, 341.

[2]) Е. И. В-во Высочайше повелѣваетъ, «чтобы всѣ военные начальники, какихъ бы чиновъ ни были, не иначе сносились со всѣми не военными мѣстами, какъ вѣдѣніями, а коли отношеніе идетъ на лицо какой особы, такъ письмами, а рапортами ни къ кому не относиться, кромѣ военныхъ начальниковъ».

Значеніе военныхъ реформъ Павла I.

Служба кавалергардовъ до 1800 года имѣла столь мало общаго со службою остальныхъ войсковыхъ частей, что мы не могли касаться ни вопроса о воспитаніи войскъ, ни ихъ строеваго образованія, ни вопроса о полковомъ хозяйствѣ. Сформированный за годъ до кончины Императора Павла, Кавалергардскій полкъ только при его преемникѣ получилъ боевое крещеніе; но безъ подробнаго разсмотрѣнія военныхъ реформъ Императора Павла и критической ихъ оцѣнки, мы полагаемъ, невозможно будетъ составить себѣ яснаго отчета о всѣхъ условіяхъ обстановки, среди которой полку пришлось составлять свою боевую и мирную репутацію.

Мы не имѣемъ возможности представить здѣсь полную картину всего, что сдѣлано Павломъ I относительно вооруженныхъ силъ Россіи. Подобнаго рода работѣ долженъ былъ бы предшествовать цѣлый рядъ изслѣдованій отдѣльныхъ вопросовъ изъ разныхъ сферъ жизни арміи; но, насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ ничего подобнаго не сдѣлано. Въ общихъ чертахъ мы можемъ лишь свидѣтельствовать, что *многое* изъ заведеннаго Павломъ I сохранилось съ пользою для арміи до нашихъ дней, и, если безпристрастно отнестись къ его военнымъ реформамъ, то необходимо будетъ признать, что наша армія обязана ему весьма многимъ.

Одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей царствованія Императора Павла едва ли однако, не черезчуръ оптимистически отнесшійся къ своимъ предшественникамъ на этомъ поприщѣ, кончаетъ свою

работу словами: «Но съ исторіей не спорятъ!..» [1]). Мы постараемся отъ этихъ словъ продолжать свой разсказъ.

Извѣстно, что, вступивъ на престолъ, Павелъ I началъ ломку созданнаго его матерью. Въ предшествующихъ главахъ мы сдѣлали попытку объяснить причины, почему Павелъ Петровичъ такъ поступалъ. Главнымъ объектомъ ломки была армія, какъ потому, что военная служба всегда пользовалась особой любовью Павла I, такъ и потому, что онъ считалъ армію наиболѣе нуждающейся въ реформахъ [2]). Былъ ли онъ правъ?

Императоръ Павелъ I, съ портрета Ботмана. (Гатчинскій Дворецъ).

«Сравнимъ этотъ періодъ всѣхъ самыхъ усиленныхъ трехлѣтнихъ стараній Павла съ состояніемъ русскихъ войскъ за два мѣсяца до смерти Екатерины II, когда, по словамъ офиціальнаго донесенія Суворова, отличавшіяся дисциплиною, обученіемъ, здоровьемъ «побѣдительныя» войска ея готовы были къ «увѣнчанію себя новыми лаврами», и поставимъ возлѣ «Екатерининскихъ орловъ» — Павловскихъ генераловъ, запуганныхъ и обезумѣвшихъ со страху, которые на ученьи, въ его присутствіи, ошибаются, путаютъ, стрѣляютъ по своимъ и изъ Высочайшаго приказа узнаютъ: «сколь далеко они отъ того даже, чтобъ быть генералами посредственными, и что, пока будутъ они таковы, — вездѣ, конечно, и всѣми будутъ биты» [3]).

Несомнѣнно, что русскія войска не только были готовы драться, но подъ командою даже не Суворовыхъ, а хотя бы посредственныхъ генераловъ, и

[1]) «Графъ Никита Петровичъ Панинъ», Князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго (рукопись). — [2]) «Военная часть сосредоточила на себѣ все вниманіе Павла, и ей отдался онъ со всею пылкостію своей души и со всею необузданностію такъ долго сдерживаемаго ожиданія». (Лебедевъ, «Военн. дѣятели 1796—1801 гг.», въ Р. Стар., 1877/IV, 579). — [3]) Лебедевъ, 602 и 603.

побили бы всякаго непріятеля, однако это нисколько не мѣшаетъ тому, что въ русской арміи временъ Екатерины II не было твердой и устойчивой «*организаціи*»; вмѣсто нея была — иногда удачная, а иногда даже и геніальная — «*импровизація*». Ни одна армія не можетъ и не должна расчитывать на геній своего полководца, но всякая армія и страна имѣютъ право требовать, чтобы въ основу вооруженныхъ силъ былъ положенъ обдуманный и приспособленный къ условіямъ матеріальнаго и нравственнаго быта страны организаціонный планъ. «Блестящая военная эпоха Екатерининскаго царствованія имѣла свою оборотную сторону, которая лицевой сторонѣ во многомъ и далеко не соотвѣтствовала. Поэтому невѣрно было бы утверждать, что перемѣны по военной части, произведенныя новымъ Государемъ, истекали исключительно изъ его оппозиціи предшествовавшему царствованію и коренились единственно на духѣ противорѣчія и противодѣйствія покойной Императрицѣ Екатеринѣ» [1]).

Мы разсмотримъ состояніе арміи ко времени кончины Екатерины II съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) строеваго образованія, 2) хозяйства и 3) воспитанія войскъ. Иниціатива и свобода дѣйствій полковыхъ командировъ до Павла I были велики во всѣхъ отношеніяхъ, а потому обученіе полковъ отличалось большимъ разнообразіемъ (по выраженію Суворова «модой») [2]). «До вступленія на престолъ Императора Павла I *одиночное* строевое образованіе солдатъ не было подчинено никакимъ опредѣленнымъ правиламъ и совершенно зависѣло отъ *произвола* частныхъ начальниковъ. Общіе смотры и ученья производились довольно часто, но снисходительность Императрицы была причиною того, что начальники были весьма ограничены въ своихъ требованіяхъ, такъ что собственно одиночнаго обученія строю до Императора Павла I почти не было» [3]).

«Русская кавалерія состоитъ изъ тѣхъ же людей, что и пѣхота», читаемъ мы въ запискахъ гр. Ланжерона, «даже еще болѣе отборныхъ, болѣе сильныхъ, болѣе высокихъ и такихъ же храбрыхъ. Русскія лошади сильны и здоровы. Между тѣмъ русская пѣхота превосходна, а кавалерія отвратительна. Причины этого весьма просты, вотъ онѣ:

«1) Кавалерія никогда не упражняется. Зимою въ кавалеріи можно производить лишь одиночныя упражненія въ манежѣ, а манежъ — вещь, почти неизвѣстная въ русской кавалеріи. Лѣтомъ лошади находятся на пастбищахъ, и по этой причинѣ кавалеристы не объѣзжаютъ и не учатъ ихъ.

«2) Лошадей дурно кормятъ; имъ даютъ сѣно и овесъ только въ извѣстное время года. Эта пища не даетъ имъ ни силы, ни здоровья; зимою имъ иногда даютъ лишь часть установленной дачи овса; полковой командиръ удерживаетъ въ свою пользу часть этой дачи, а другую часть ея часто удер-

---

[1]) Петрушевскій, «Суворовъ», II, 308. — [2]) Тамъ же, I, 63. — [3]) Диринъ, «Ист. л.-гв. Семеновскаго полка», I, 344.

живаетъ командиръ эскадрона. Сверхъ того, такъ какъ лошади размѣщаются по деревнямъ, часто отдаленнымъ одна отъ другой, то полковой командиръ, еслибъ даже и желалъ, не въ состоянiи слѣдить за своими подчиненными. Лошади эти, которыхъ кормятъ подобнымъ образомъ, не способны совершать длинныхъ переходовъ и еще менѣе производить продолжительныя атаки, не обладая ни силою, ни дыханiемъ, ни привычкою къ огнестрѣльному оружiю. Онѣ вовсе не обладаютъ тѣмъ быстрымъ разбѣгомъ, той стремительной силой, той быстротой движенiй, которыми должна отличаться кавалерiя, и которые часто даютъ ей возможность рѣшать участь сраженiя.

«3) Русскiе кавалеристы едва умѣютъ держаться въ сѣдлѣ; это лишь крестьяне, ѣздящiе верхомъ, а не кавалеристы, да и какъ они могутъ сдѣлаться ими, когда въ теченiе всего года ѣздятъ верхомъ всего 5 или 6 разъ?

«4) На полковыхъ командирахъ лежитъ обязанность ремонта и покупки лошадей, которыя не должны служить болѣе извѣстнаго времени, но полковые командиры иногда увеличиваютъ этотъ срокъ вдвое и втрое, и вслѣдствiе этого ихъ старыя и изнуренныя лошади не имѣютъ ни ногъ, ни зубовъ.

«5) Если бы даже русскiе кавалеристы и прiобрѣли навыкъ въ верховой ѣздѣ, то они всетаки никогда не могутъ имѣть самоувѣренности, такъ какъ кирасиры (никогда не носящiе кирасъ) и карабинеры, равно какъ и легкая кавалерiя, имѣютъ гусарскiя сѣдла и обуты въ короткiе сапоги, что не даетъ имъ ни посадки, ни выправки.

«6) Русскiе кавалеристы никогда не упражняются въ сабельныхъ прiемахъ и едва умѣютъ владѣть саблею.

«7) Всѣ лошади безъ исключенiя дурно взнузданы, вслѣдствiе чего, если лошадь закуситъ удила, то всадникъ не можетъ остановить ее и ни въ какомъ случаѣ управлять ею.

«8) Наконецъ я полагаю, что въ Россiи достаточно быть кавалерiйскимъ офицеромъ, чтобы не умѣть ѣздить верхомъ. Я зналъ лишь четырехъ полковыхъ командировъ, умѣвшихъ ѣздить верхомъ на своихъ лошадяхъ... Полковникъ Алексѣй Текутьевъ признавался мнѣ, что, когда ему слѣдовало ѣхать верхомъ во главѣ своего полка, то онъ охотно далъ бы десять рублей за то, чтобы быть избавленнымъ отъ этого. Если всѣ они не настолько откровенны, то по крайней мѣрѣ настолько же искусны. Въ Россiи большая рѣдкость, если кавалерiйскiй офицеръ ѣдетъ верхомъ, чтобъ сдѣлать визитъ или совершить прогулку. Въ 1795 году кирасирскiй полкъ Военнаго ордена проходилъ въ 15 верстахъ отъ Дубно, въ которомъ я стоялъ со своимъ полкомъ. Герцогъ Ришелье, сверхкомплектный полковникъ этого полка, отправился верхомъ, чтобъ посѣтить меня; такое необыкновенное рѣшенiе и такой сверхъестественный трудъ привели его бригадира, Михаила Миклашевскаго, и остальныхъ офицеровъ его полка въ общее и въ то же время комическое изумленiе. Никакъ не могли понять, какъ могъ полковникъ дать себѣ трудъ проѣхать

Парадъ войскамъ въ Гатчинѣ въ царствованіе Павла I, съ картины Шварца. (Гатчинскій Дворецъ, Кабинетъ Императора Александра II).

15 верстъ верхомъ для того, чтобъ повидать своего друга, и какъ онъ не взялъ съ собой двухъ или трехъ колясокъ и столько же кибитокъ, потому что именно такимъ способомъ путешествуютъ эти господа.

«Во время походнаго движенія полка его ведетъ одинъ изъ старыхъ маіоровъ; остальные же начальники ѣдутъ въ своихъ экипажахъ съ своими любовницами.

«Вотъ злоупотребленія, дѣлающія русскую кавалерію столь мало достойною уваженія. Исправьте эти злоупотребленія, покажите примѣръ на нѣсколькихъ полковыхъ командирахъ, заставьте остальныхъ быть честными людьми, *измѣните форму* и въ особенности конское снаряженіе, заставьте кормить лошадей, и въ два года русская кавалерія сдѣлается одною изъ лучшихъ въ Европѣ» [1]).

Описывая полковое хозяйство, гр. Ланжеронъ говоритъ: «Самый значительный доходъ получается отъ содержанія лошадей. Въ теченіе извѣстнаго времени года, когда ихъ держатъ въ конюшнѣ, казна должна доставлять кормъ для нихъ натурою; но обыкновенно, по приказанію начальника или съ его согласія..., провіантскія коммиссіи... отпускаютъ полковымъ командирамъ

---

[1]) «Русская армія въ годъ смерти Екатерины II». (Изъ записокъ гр. Ланжерона, Р. Ст., 1895/IV, 156—158).

деньги на сѣно и овесъ по цѣнѣ, нѣсколько высшей противъ цѣнъ, существующихъ въ мѣстахъ, гдѣ находятся полки, и кромѣ того платятъ имъ за провозъ до мѣста расположенія конюшенъ... Полковые командиры стараются купить по цѣнѣ меньшей, чѣмъ та, по которой имъ отпускаютъ, а доставку производятъ на своихъ полковыхъ лошадяхъ».

Офицеры Кавалергардскаго полка 1800—1801 г.

Овесъ не выдавался упряжнымъ лошадямъ, да и самое число послѣднихъ сокращалось противъ штатовъ. Если полкъ квартировалъ въ такой мѣстности, гдѣ командиръ «въ случаѣ непредвидѣннаго похода» могъ въ 24 часа купить 200 — 300 лошадей, то онъ могъ сократить въ своемъ полку число наличныхъ лошадей, и «доходы его были громадны». Доходъ во всякомъ случаѣ «зависитъ отъ мѣстности, въ которой стоитъ полкъ, и отъ цѣны на фуражъ; однако онъ можетъ быть опредѣленъ въ 5000 руб. для егерскаго баталіона, въ 8000 для пѣхотнаго полка и въ 15.000 для гренадерскаго»....

«Эти доходы представляютъ нѣкоторыя неудобства въ пѣхотѣ, такъ какъ дурно кормленныя лошади погибаютъ, или во время трудныхъ зимнихъ или осеннихъ переходовъ остаются на пути. Зато въ кавалеріи эти же доходы пагубны потому, что они ложатся на эскадронныхъ лошадей, которые, будучи лишены корма и упражненій, не въ состояніи вынести похода и производить атаки. Некомплектъ лошадей представляетъ еще болѣе нетерпимое злоупотребленіе, и часто кавалерійскій полкъ имѣетъ на 300 лошадей менѣе опредѣленнаго числа; но злоупотребленіе это доставляетъ командирамъ кавалерійскихъ полковъ 25, 30 и даже 50.000 руб. дохода».

Иногда, чтобы «увеличить опредѣленную цѣну фуража», полковые командиры входятъ въ сдѣлку съ капитанъ-исправниками и городничими, которые ежемѣсячно сообщаютъ главнокомандующему о существующихъ рыночныхъ цѣнахъ. Послѣ сдѣлокъ «рыночныя цѣны», выставляемыя въ донесеніяхъ, «удваиваются» и «утраиваются», такъ что, сообразно съ этимъ, увеличивается и ассигнованная сумма на фуражъ.

Кромѣ указаннаго существовали и другіе источники доходовъ: 1) «Полковой командиръ, не донося вѣрно о числѣ своихъ умершихъ и бѣжавшихъ солдатъ, кладетъ ихъ жалованье себѣ въ карманъ въ теченіе 5 или 6 мѣсяцевъ, а иногда одного или двухъ лѣтъ. 2) Требуемое полковымъ команди-

ромъ изъ коммиссій на обмундированіе своихъ несуществующихъ солдатъ и два или три вершка, урѣзываемые имъ отъ солдатъ, находящихся на лицо,— составляютъ ему въ скоромъ времени цѣлые склады сукна, холста, кожи и пр. 3) Доходъ отъ пищеваго довольствія солдатъ отвратителенъ, но громаденъ; онъ можетъ достигать до 12.000 руб. въ гренадерскомъ полку..., крестьяне кормятъ солдатъ и — волею-неволею — выдаютъ квитанціи. Полковой командиръ вмѣсто того, чтобы брать изъ провіантскихъ коммиссій муку и другіе съѣстные припасы натурою, получаетъ на покупку ихъ деньги... Изъ этихъ денегъ, которыя принадлежатъ солдатамъ, онъ даетъ имъ только часть, а остальною дѣлится съ ротными командирами, которые въ свою очередь дѣлятся съ фельдфебелями. Всѣ они сообща обманываютъ солдатъ и скрываютъ отъ нихъ дѣйствительно полученную цѣну. Иногда полковой командиръ входитъ въ соглашеніе съ солдатами, предлагая имъ какую-нибудь сумму, или грозя имъ, если они не принимаютъ ея, выплатить крестьянамъ все, что имъ причитается. Этотъ доходъ очень преступенъ и очень опасенъ».

Отношеніе автора къ подобнымъ явленіямъ довольно терпимо:

«Въ Россіи необходимо», пишетъ Ланжеронъ, «и даже выгодно для правительства, чтобы полковые командиры имѣли доходы для содержанія своихъ полковъ и своихъ офицеровъ, но, если доходы превышаютъ 6000 руб. въ егерскомъ баталіонѣ, 10.000 въ пѣхотномъ полку и 15.000 въ гренадерскомъ и наконецъ 25.000 въ кавалерійскомъ, то они становятся злоупотребленіями». Поэтому авторъ называетъ нѣкоторые виды доходовъ вполнѣ законными. «Если полковой командиръ», пишетъ онъ, «получивъ деньги на провіантъ, можетъ купить его по болѣе низкой цѣнѣ и раздать его солдатамъ натурою, то доходъ этотъ весьма справедливъ и не представляетъ, какъ и доходъ отъ фуража, никакой опасности».

Но какъ относилось правительство ко всѣмъ подобнаго рода злоупотребленіямъ? Графъ Ланжеронъ приводитъ одинъ весьма характерный фактъ:

«Въ 1796 году фельдмаршалъ Румянцевъ, испуганный громадностью барышей полковыхъ командировъ и не имѣя ни возможности, ни желанія показать примѣръ строгости, употребилъ противъ нихъ очень коварную хитрость, и это средство послужило, можетъ-быть, лучше коварной злости его характера, чѣмъ положительное и строгое приказаніе.

«Онъ представился, что не получилъ денегъ, необходимыхъ на содержаніе арміи, и приказалъ коммиссіямъ прекратить платежи, а полковымъ командирамъ содержать самимъ свои полки и представить счетъ въ томъ, что они издержатъ... Оставаясь 11 мѣсяцевъ безъ всякихъ получекъ..., нѣкоторые продали свои вещи или заняли подъ залогъ имѣній, другіе позаимствовали у солдатъ, и всѣ составили счеты и, надо признаться, двойные противъ того, что было дѣйствительно ими издержано. По истеченіи одиннадцати мѣсяцевъ фельдмаршалъ разослалъ деньги и слѣдующій приказъ: «получивъ повелѣніе Ея Величества остановить преступное грабительство и воровство

полковыхъ командировъ, предписываю, чтобы по всѣмъ предъявленнымъ ими счетамъ было уплачено, согласно прилагаемой при семъ вѣдомости; при этомъ объявляю, что, никогда не измѣняя разъ мною приказаннаго, я не приму никакихъ представленій». Онъ опредѣлилъ цѣну каждому предмету, и эта цѣна составляла одну треть того, что просили, въ дѣйствительности меньше той, которая на самомъ дѣлѣ была уплачена. Фельдмаршалъ хорошо зналъ, что, несмотря на оказанную дѣйствительную несправедливость, никто не посмѣетъ ни жаловаться, ни требовать правосудія, которое бы открыло, что въ Россіи счета полковыхъ командировъ могутъ служить примѣромъ для счетовъ аптекарей всѣхъ націй; всѣ смолчали и разорились».

«Какая», восклицаетъ по этому случаю Ланжеронъ, «есть въ Европѣ, за исключеніемъ Россіи, страна, въ которой бы главнокомандующій осмѣлился отдать подобный приказъ? и въ какой бы полковые командиры перенесли бы его»?

Нѣсколько выше Ланжеронъ даетъ объясненіе этому странному явленію:

«Если чиновники, и въ особенности полковые командиры, имѣютъ хотя и очень безнравственную, но зато весьма прибыльную выгоду отъ доходовъ, если они наконецъ, скажемъ прямо, — привилегированные и безнаказанные мошенники, которыми они вынуждены быть необходимостью, то они ради этой выгоды должны жертвовать своею честью и своею разборчивостью, все допускать, все сносить и не оскорбляться ни дѣлаемыми имъ предложеніями, ни получаемыми ими приказаніями» [1]).

«Полковой командиръ теряетъ свой полкъ, когда его производятъ въ генералъ-маіоры; онъ можетъ оставить его также и ранѣе, если желаетъ, и иногда дѣлаетъ это изъ разсчета, но никогда по своей охотѣ. Полкъ сдаютъ или другому полковому командиру, или старшему офицеру.

«Сдача — настоящій торгъ, настоящій опекунскій счетъ, и ее можно сравнить лишь съ осмотромъ кладовой лавки покупщикомъ и продавцомъ. Такъ какъ полковой командиръ получаетъ деньги на все, отвѣчаетъ за все, и все принадлежитъ ему, то онъ и долженъ сдать въ хорошемъ состояніи и заплатить за то, чего нѣтъ, или что въ дурномъ видѣ. Немного треснувшая бляха на лядункѣ, потерянный винтикъ въ ружьѣ — представляютъ собою вещи, за которыя полковникъ, принимающій полкъ, можетъ потребовать денежную плату или замѣну ихъ новыми вещами. Но главный пунктъ составляютъ лошади; онѣ не должны быть старше 12 лѣтъ и должны быть въ тѣлѣ, сильны и пр.; а такъ какъ обыкновенно половина ихъ перешла за 20 или за 30 лѣтъ и не въ состояніи болѣе двигаться, то новый полковой командиръ требуетъ за недостающихъ лошадей двойную цѣну противъ той, которую отпускаетъ на нихъ казна. Такимъ же образомъ онъ поступаетъ и относительно повозокъ; всѣ эти предметы способны вести къ счетамъ, придир-

---

[1]) Зап. Ланжерона; Р. Стар., 1895/IV, 159—165.

Коннетабль въ Гатчинѣ, съ гравюры И. Телешина по картинѣ С. Щедрина.

камъ и пр., такъ что обыкновенно проходитъ безконечное время прежде, чѣмъ оба полковые командира придутъ къ соглашенію, а иногда они никогда къ нему не приходятъ, и начальствующіе генералы бываютъ вынуждены вмѣшиваться въ дѣло».

«Полковой командиръ, оставляющій свой полкъ, ставитъ непомѣрную цѣну предметамъ роскоши или удовольствія, составляющимъ его собственность, напр., музыкальнымъ инструментамъ, платью музыкантовъ, новымъ экипажамъ и пр.»... «принимающій полкъ назначаетъ весьма низкую цѣну»... и кончаетъ тѣмъ, что нѣсколько уменьшаетъ свои претензіи.

Время сдачи полка поистинѣ можно назвать критическимъ для полковаго командира. Поэтому каждый изъ нихъ старается всѣми способами облегчить для себя эту сдачу. Многіе (въ чинѣ уже бригадира) «входятъ въ соглашеніе съ старшими послѣ себя полковниками» и, не дожидаясь производства въ генералъ-маіоры, сдаютъ полкъ. Старшіе полковники, получающіе полкъ за нѣсколько лѣтъ ранѣе выслуженнаго срока, «дѣлаютъ уступки» своимъ начальникамъ и соглашаются на ихъ требованія. Передача полковаго хозяйства происходитъ въ этихъ случаяхъ довольно мирно.

«Время сдачи полковъ является также критическимъ моментомъ и для тѣхъ полковыхъ командировъ, которые не отдали своимъ солдатамъ того, что имъ принадлежитъ, потому что солдаты, молчавшіе до сихъ поръ изъ боязни, получили теперь возможность жаловаться и пользуются этимъ безъ малѣйшаго стѣсненія; они все высказываютъ преемнику, первый долгъ котораго состоитъ въ томъ, чтобы опросить ихъ о всѣхъ несправедливостяхъ, какія могли быть сдѣланы по отношенію къ нимъ. Русскій солдатъ никогда

не прощаетъ, и если ему не додали хотя бы одной копѣйки, рано или поздно потребуетъ ее. Если претензіи громадны, то выпутываются изъ затрудненія тѣмъ, что бросаютъ солдатамъ извѣстную сумму денегъ, часто меньшую той, которая имъ слѣдуетъ, но настолько значительную, что она можетъ удовлетворить ихъ и заставить отступиться отъ остальныхъ своихъ претензій; или же просятъ у нихъ милости и взываютъ къ нимъ о пощадѣ, какъ поступилъ гнусный Иванъ Владычинъ, командиръ Смоленскаго пѣхотнаго полка; нѣкоторые же стращаютъ своихъ солдатъ, заявляя, что оставляютъ полки лишь на время и что снова вернутся и примутъ ихъ; такъ именно сдѣлалъ графъ Иванъ Разумовскій... Наконецъ стараются развязаться съ ними съ помощью хитрости, обмана, низостей; если же и всѣмъ этимъ нельзя добиться ихъ согласія, то имъ платятъ» [1]).

Кавалергардъ, съ акварели В. Патерсена.

«Русскій полковой командиръ является величайшимъ вельможею въ Европѣ... Онъ неограниченный деспотъ, богатъ и уважаемъ въ своемъ полку, заискиваемый и ласкаемый помѣщиками, въ имѣніяхъ которыхъ находится, имѣетъ 100 офицеровъ и нѣсколько тысячъ солдатъ въ своемъ распоряженіи, обыкновенно многочисленную и превосходную музыку, все, начиная отъ мебели до англійскаго экипажа на рессорахъ, не имѣетъ никакого другаго труда, какъ только приказывать, имѣетъ къ своимъ услугамъ 300 или 400 упряжныхъ лошадей, которыхъ онъ можетъ размѣщать на подставахъ, какъ для своего собственнаго пользованія, такъ и для пользованія своихъ друзей, и сверхъ того имѣетъ возможность дѣлать много добра...

«Полковые командиры не только могутъ строить по своему вкусу обозъ своихъ полковъ, но они измѣняютъ и ихъ экипировку и форму и въ этомъ отношеніи стараются превзойти другъ друга своимъ безразсудствомъ...

«Генералъ Степанъ Апраксинъ, будучи командиромъ Кіевскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго въ Петербургѣ, одѣлъ весь свой полкъ въ тонкое сукно и нанялъ иностранцевъ лакеевъ, переодѣлъ ихъ въ солдатъ и разставлялъ ихъ на наиболѣе посѣщаемыхъ гуляньяхъ, приказывая имъ распѣвать по-французски и по-итальянски для того, чтобы заставить думать, что солдаты его полка знали оба эти языка.

«Въ 1795 году командиръ Козловскаго пѣхотнаго полка Иванъ Бибиковъ далъ своему полку узкія шаровары, полусапожки со шнурками, короткія куртки, вышитыя жабо и галстуки съ чернобѣлыми бантами, а на киверахъ

---

[1]) Зап. Ланжерона; Р. Стар., 1895/IV, 166—168.

своихъ гренадеръ приказалъ помѣстить свой гербъ вмѣсто вензелеваго изображенія имени Императрицы, которое должно было быть на нихъ. Графъ Финшъ, командиръ Ямбургскаго кирасирскаго полка, имѣлъ походный театръ и труппу актеровъ, набранныхъ среди солдатъ.

«Бригадиръ Федоръ Апраксинъ, командиръ Кинбурнскаго драгунскаго полка, возилъ въ своемъ обозѣ громадное золоченое судно для того, чтобы давать на немъ серенады проѣздомъ черезъ рѣки.

«Гр. Левъ Разумовскій далъ своему Малороссійскому гренадерскому полку кивера изъ медвѣжьяго мѣха французскаго образца.

«Примѣровъ подобнаго рода можно бы привести сотню... [1]).

«Молодые, богатые полковые командиры, пріѣзжая изъ Петербурга, хотятъ надѣлить своихъ солдатъ своимъ изяществомъ и своими пріятными манерами; другіе, менѣе богатые, слѣдуютъ примѣру первыхъ, и всѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ нѣмцевъ, сохраняющихъ еще расположеніе своей націи къ порядку и экономіи, предаются страшнымъ расходамъ и притомъ съ такимъ безстыдствомъ, что даже тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго клочка земли, держатъ открытый столъ, содержатъ великолѣпныя конюшни, изящную прислугу и по прошествіи одного года имѣютъ серебряные сервизы, роскошные экипажи, великолѣпный лагерь, прихлебателей и любовницъ, однимъ словомъ — всю блестящую обстановку знатнаго вельможи. Содержаніе музыкантовъ, число которыхъ достигаетъ иногда до двухсотъ, и мундиры которыхъ расшиты золотомъ и серебромъ, обходится въ 10 или 12 т. рублей, а что касается до жалованья капельмейстеровъ, то они обыкновенно оплачиваются лучше генераловъ... Эта роскошь поглощаетъ всѣ доходы полковаго командира.

«Когда путешествуетъ русскій полковой командиръ..., то можно подумать, что это какой-нибудь государь ѣдетъ навѣстить другаго. Самые скромные изъ нихъ везутъ съ собою своихъ любовницъ, трехъ или четырехъ прихлебателей, составляющихъ ихъ дворъ, пять или шесть офицеровъ, цѣлый рядъ повозокъ или колясокъ, пятнадцать слугъ и пр. Пріѣхавъ къ своему товарищу, единственная вещь, которую онъ у него не видитъ, это его полкъ; садятся за столъ, за игру; ликеры удивительные; закладываются десять банковъ въ фараонъ, и въ это же самое время полковыя лошади на подножномъ корму, а солдаты поютъ, чтобъ позабавить полковыхъ командировъ, и не производятъ ученій» [2]).

---

[1]) «Измѣненія, сдѣланныя въ военной части при Екатеринѣ II, повели между прочимъ къ расширенію власти полковаго командира въ полковомъ хозяйствѣ. «Не могу понять, почему къ полковничьимъ чинамъ довѣренность стала велика», писалъ Румянцевъ Императрицѣ послѣ первой Турецкой войны. Но не такъ былъ худъ законъ, какъ его примѣненіе къ дѣлу. Злоупотребленія выросли потому, что законъ посѣянъ былъ въ благодарную для нихъ почву. Они существовали и въ прежнія времена, но скрытно, какъ зло; при Екатеринѣ же зло принарядилось, потеряло робость и перестало скрываться». (Петрушевскій, II, 308).

[2]) Ланжеронъ, 162—164. — «Не всѣ, конечно, полковники были одинаковы, но результатъ получался почти однородный, судя по словамъ Румянцева, въ донесеніи его Императрицѣ: «одинъ употребляетъ остатокъ казны на украшеніе полка, а другой на себя; между ними разницы мало». Въ томъ же донесеніи онъ

В. Кн. Александръ *Кн. П. А. Зубовъ*
Палатинъ Іосифъ *Кн. Безбородко* *А. Л. Нарышкинъ*
Павелъ I *В. Кн. Константинъ*
Очеркъ перомъ Лампи къ картинѣ, находящейся въ Гатчинскомъ Дворцѣ.

Всѣ современники, оставившіе намъ свои записки, единогласно свидѣтельствуютъ, что дисциплина къ концу царствованія Екатерины II упала, и что особенно это было замѣтно въ гвардіи, которая впрочемъ, какъ мы то уже видѣли, и до сего не отличалась ею.

Если нельзя не признать преувеличеннымъ мнѣнія гр. Ланжерона о томъ, что «гвардія составляла позоръ и бичъ русской арміи», все же мы должны сознаться, что ни среди нижнихъ чиновъ гвардіи [1]), ни тѣмъ болѣе среди офицеровъ ея не было настоящей дисциплины. Гвардія была какъ бы составною частью Двора, руководилась придворными вліяніями, занималась придворнымъ политиканствомъ, а не службою. Въ основѣ служебныхъ отношеній лежало не чинопочитаніе, а придворныя вліянія; при «протекціи» можно было достигнуть очень многаго, безъ «протекціи» — ничего [2]).

говоритъ: «у насъ иной счетъ на бумагѣ, а иной на дѣлѣ, — и служивымъ, и всему тому подобному». Слова эти подтверждаются со всѣхъ сторонъ. По словамъ Безбородко, «растасканныхъ» разными способами изъ полковъ людей было въ 1795 году до 50.000 при 400.000-ной арміи... Все это дѣлалось почти открыто, не особенно стѣсняясь, такъ что однажды, въ 1784 году, Императрица въ своей резиденціи «усмотрѣла гренадера, ѣдущаго за каретой въ воинскомъ мундирѣ». По этому поводу изданъ былъ строжайшій указъ въ подтвержденіе многимъ прежнимъ, чтобы нижнихъ чиновъ ни въ какія несоотвѣтственныя должности и партикулярныя услуги не употреблять, *но онъ остался мертвой буквой*». (Петрушевскій, II, 313 и 314).

[1]) Рядовые въ гвардіи, «живучи толь многіе десятки лѣтъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, и неся единое только почти званіе службы, и отправляя единые только караулы, совсѣмъ изнѣжились и такъ избаловались, что съ трудомъ можно было съ ними ладить». Многіе «озаводились цѣлыми домами», другіе находились въ отпускахъ, а жалованье и содержаніе на нихъ присваивали себѣ командиры. (Зап. Болотова, Р. Арх., 1864 г., 703).

[2]) «При производствѣ въ офицеры и повышеніи ихъ въ чинахъ, покровительство, протекція были самымъ могущественнымъ рычагомъ; невниманіе къ заслугѣ доходило до цинизма. Говорилось между офицерами не о томъ, кто что сдѣлалъ и въ чемъ оказалъ отличіе, а чьей личностью заручился, и какая знатная дама взялась его протежировать». (Петрушевскій, II, 309). — «Между гвардіей и Дворомъ образовалась тѣсная внутренняя и даже наружная связь; праздная жизнь, любовь къ роскоши, погоня за удовольствіями — дѣлались насущными потребностями; гвардейцы, не исключая нижнихъ чиновъ, щеголяли въ богатыхъ гражданскихъ нарядахъ; строевая служба пришла въ небреженіе; дисциплина упала и получила оттѣнокъ не военный». (Тамъ же, 317).

Кн. Ал. Куракинъ *Кн. Лопухинъ*
Гр. Кутайсовъ *Генер. Колоıривовъ*
Гр. Паленъ *Суворовъ*
Очеркъ перомъ Лампи къ картинѣ, находящейся въ Гатчинскомъ Дворцѣ.

«Офицеры гвардіи», говоритъ Ланжеронъ, «состоятъ изъ всего, что есть наизнатнѣйшаго и богатѣйшаго въ Россіи среди высшаго дворянства, а сержанты принадлежатъ къ дворянству второстепенному... [1]). Вельможи или лица, пользующіяся высокою протекціею, никогда почти не служатъ въ Россіи въ оберъ-офицерскихъ чинахъ; родители записываютъ ихъ въ самый день ихъ рожденія сержантами въ гвардію; въ 15 или 16 лѣтъ, а иногда и ранѣе, они становятся офицерами, или по старшинству, или по протекціи живутъ у себя, или въ Москвѣ, или въ деревнѣ; если же они находятся въ Петербургѣ, то лишь едва-едва занимаются службою и, дослужившись до чина капитана, выходятъ въ отставку бригадирами или переходятъ въ армію полковниками; въ 20 или 25 лѣтъ они отправляются командовать полками, поправлять тамъ свое состояніе, уплачивать свои петербургскіе долги, царствовать въ провинціи и выжидать чина генералъ-маіора, предстоящее полученіе котораго приводитъ ихъ въ отчаяніе...» [2]), такъ какъ съ этимъ была связана сдача полковъ, т.-е. прекращеніе незаконныхъ доходовъ.

---

[1]) «Всѣмъ извѣстно было, что гвардейская офицерская служба сколько была до сего лестна, столько, съ другой стороны, для самихъ ихъ крайне убыточна..., нельзя было обойтиться безъ содержанія 6 или по крайней мѣрѣ 4 лошадей, безъ хорошей и дорогой новомодной кареты, перемѣняемой, когда не въ каждый годъ, такъ по крайней мѣрѣ чрезъ два или три года, безъ многихъ мундировъ, изъ коихъ и одинъ не менѣе стоилъ 120 рублей, безъ множества иной и дорогой одежды..., фраковъ..., жилетовъ..., сюртуковъ..., плащей и великой цѣны стоющихъ шубъ... Сверхъ того надобно было имѣть хорошую квартиру, негнусный столъ, многихъ служителей, одѣтыхъ порядочно, также либо егеря, либо гусара, облитаго золотомъ и серебромъ»... Все это, очевидно, стоило большихъ денегъ, почему офицеры небогатые, дабы «не навлекать на себя... презрѣнія, принуждены были входить оттого въ многочисленные и нерѣдко неоплатные долги и оттого разоряться». (Болотовъ, 659).

[2]) «Всѣ гвардейскіе полки набиты были множествомъ офицеровъ, но изъ нихъ и половина не находилась при полкахъ, а жили они отчасти въ деревняхъ, отчасти въ Москвѣ и въ другихъ губернскихъ городахъ и вмѣсто несенія службы только лытали, вертопрашили, мотали, играли въ карты и утопали въ роскошахъ; и за все сіе ежегодно производились и съ такою поспѣшностью въ высшіе чины, что меньше, нежели чрезъ 10 лѣтъ, изъ прапорщиковъ дослуживались до бригадирскихъ чиновъ... И служба гвардейская, а особливо офицерская, потому наиболѣе для всякаго была лестна, что нужно только было попасть въ гвардейскіе офицеры, какъ уже всякій и начинаетъ, такъ сказать, летѣть и, получая съ каждымъ годомъ новый чинъ, въ немногіе годы, и нерѣдко лежучи на боку, дослуживался до капитана, а тогда тотчасъ выходилъ либо въ армейскіе полковники и получалъ полкъ съ доходомъ, въ нѣсколько десяткахъ тысячъ состоящимъ, либо отставлялся бригадиромъ». (Болотовъ, 657). «Всѣмъ извѣстно, что ничто все благородное россійское дворянство такъ

«Вышедшіе изъ гвардіи полковые командиры часто не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о службѣ въ мирное время и еще менѣе пригодны для боевой службы. Между тѣмъ почти всѣ полки раздаются подобнымъ образомъ: на 10 полковыхъ командировъ приходится 4 или 5 на гвардію и только 5 или 6 на армію. Изъ этого видно, что армейскіе штабъ-офицеры не имѣютъ почти никакой надежды на повышеніе; они дѣйствительно и остаются по 10 или 15 лѣтъ маіорами и подполковниками и служатъ безъ всякаго содержанія.

«Когда молодой гвардейскій офицеръ не хочетъ ждать чина капитана, то въ чинѣ прапорщика или поручика переходитъ премьеръ-маіоромъ или подполковникомъ въ армію, записывается въ одинъ изъ полковъ, никогда въ него не является, проживаетъ въ Петербургѣ или Москвѣ, и выжидаетъ тамъ блаженнаго чина полковника»...

Точно такимъ же образомъ «гвардейскіе сержанты отнимаютъ роты у лучшихъ поручиковъ арміи, которые почти никогда не имѣютъ надежды сдѣлаться капитанами.

«Каждый гвардейскій полкъ имѣетъ отъ 3 до 4 тысячъ сверхкомплектныхъ сержантовъ, которые почти никогда не служатъ въ своихъ частяхъ, но живутъ у себя [1]). Каждый годъ множество изъ нихъ переводятъ изъ гвардіи и посылаютъ въ армейскіе полки капитанами; ихъ распредѣляютъ по полкамъ, въ которыхъ они вступаютъ въ командованіе ротою, зачастую не видавъ до этой поры во всю свою жизнь ни одного солдата. Можно представить себѣ, что это за ротные командиры. Поэтому-то хорошіе полковые командиры почти никогда не даютъ имъ ротъ. Они оставляютъ ихъ сверхкомплектными, а командованіе ротами поручаютъ поручикамъ и даже прапорщикамъ.

«Тѣмъ не менѣе», прибавляетъ Ланжеронъ, «я видѣлъ, что изъ гвардіи вышло нѣсколько превосходныхъ полковыхъ командировъ и очень хорошихъ ротныхъ командировъ, и лучшіе изъ ротныхъ командировъ моего полка служили въ гвардіи».

много не портило, какъ гвардія: въ ней-то служа, дѣлались они и повѣсами, и шалунами, и мотами, и расточителями имѣнія своего, и буянами, и негодяями; словомъ, гвардейская служба, въ которой утопали они въ роскошахъ и безпутствахъ, была для нихъ сущимъ ядомъ и отравою». (Тамъ же, 746). «При Екатеринѣ была такъ же, какъ и нынѣ, не весьма похвальная мода разоряться на содержаніе преимущественно какой-нибудь иностранки или актрисы. Часто эти женщины, по пріобрѣтеніи большой части имѣнія своихъ содержателей, съ этимъ приданымъ за нихъ же выходили замужъ». (Вигель, V, 181).

[1]) Не только дворяне, но даже купцы, подъячіе, духовенство и «наконецъ самые управители и господскіе люди чрезъ деньги и разные происки» стали записывать съ малолѣтства дѣтей въ гвардію, такъ что «въ одномъ Преображ. полку считалось ихъ до нѣсколько тысячъ, а во всей гвардіи тысячъ до двадцати.... Злоупотребленіе достигло до такой степени, что можно было записывать не только взрослыхъ и большихъ, но и самыхъ маленькихъ, и не только дѣтей, но и самыхъ еще младенцевъ грудныхъ; и бѣшенство сіе достигло до того, что отыскивались такіе, которые записывали и совсѣмъ еще не родившихся и получали на нихъ паспорты съ оставленными для имени пустыми мѣстами». (Болотовъ, 710). «Павелъ I приказываетъ: 1) считать гвардейскій чинъ однимъ выше армейскаго, 2) не выпускать изъ гвардіи въ армію, 3) увольнять въ отставку изъ гвардіи не армейскими, а гвардейскими чинами». (Тамъ же, 709, 713).

Офицеръ, унтеръ-офицеръ и трубачъ Кавалергардскаго корпуса 1799—1800 г.

«Въ Россіи, кромѣ службы въ гвардіи, существуютъ еще и другіе способы хватать чины, не служа. Самый вѣрный и самый обыкновенный — это причислиться въ качествѣ ординарца или по особымъ порученіямъ и т. п. къ фавориту; у него обыкновенно такихъ двѣсти или триста человѣкъ, и онъ не знаетъ изъ нихъ и половины, но тѣмъ не менѣе быстро повышаетъ ихъ по службѣ. Того же достигаютъ чрезъ адъютантскія должности у генераловъ; фельдмаршалъ, напр., имѣетъ двухъ адъютантовъ въ чинѣ подполковника, и они по прошествіи шести лѣтъ становятся полковниками и получаютъ полки, не выходя до тѣхъ поръ изъ конюшни или передней своихъ начальниковъ.

«Наконецъ, если не желаютъ брать на себя труда добиваться чиновъ, то ихъ покупаютъ; это удобнѣе, и цѣна ихъ у подполковника Ставицкаго, состоящаго при вице-президентѣ Военной Коллегіи, графѣ Николаѣ Салтыковѣ, опредѣлена и всѣмъ извѣстна».

Описывая условія, въ которыхъ Суворовъ началъ свое боевое поприще, Петрушевскій говоритъ: «законъ предписывалъ кроткое обращеніе съ новобранцами, но не исполнялся, потому что шелъ въ разладъ съ общимъ уголовнымъ законодательствомъ, съ давно установившимися жесткими обычаями и со взглядами русскаго общества на взаимныя отношенія людей старшихъ и младшихъ, чиновныхъ и простыхъ, господъ и слугъ. Требованія службы были большія, обращеніе начальниковъ съ нижними чинами жестокое... Дисциплина была строгая, но внѣшняя, въ глубь человѣка не проникала и воспитательнаго значенія для него не имѣла... Слабость сознательной дисциплины высказывалась не только у солдатъ, но и у офицеровъ и выражалась ненормальностью отношеній начальствующихъ лицъ между собою и къ нижнимъ чинамъ. Несмотря на обязательность военной службы для дворянъ, понятіе о субординаціи оставалось имъ чуждымъ. Они были больше господами, чѣмъ офицерами, и на нижнихъ чиновъ смотрѣли, можетъ-быть, безсознательно, не такъ, какъ слѣдуетъ офицеру на солдата, а скорѣе, какъ смотрѣлъ баринъ на мужика» [1]).

---

1) Петрушевскій, I, 36. — «Ныньче не повѣрятъ, какъ отправлялась военная служба въ тотъ громкій славою Екатерининъ вѣкъ. Александръ Яковлевичъ Фрейгольдъ раза два въ мѣсяцъ ходилъ въ караулъ на арсенальную гауптвахту. Этотъ день былъ для насъ, дѣтей, праздникомъ. Утромъ дядюшка надѣвалъ мундиръ,

Измѣнились ли къ лучшему эти отношенія къ концу царствованія Екатерины? Факты говорятъ противное, да иначе и не могло быть: въ основаніи воинской дисциплины лежало крѣпостное право, не только не утратившее своего растлѣвающаго значенія, но еще болѣе усилившееся въ царствованіе Екатерины II. «Наказаніемъ для русскихъ солдатъ служатъ побои, но отъ нихъ они не дѣлаются ни менѣе храбрыми, ни менѣе вѣрными», говоритъ Ланжеронъ.

«Въ Австріи солдатъ бьютъ въ тактъ и съ такою силой, что солдатъ, получившій 50 палочныхъ ударовъ, отправляется въ госпиталь. Въ Россіи даютъ удары тысячами, но иногда такъ легко, что послѣдствія ихъ бываютъ болѣе устрашающія, чѣмъ прискорбныя; иногда они такъ же ужасны. Наказаніе это производятъ унтеръ-офицеры съ помощью небольшихъ прутьевъ, которые они почти всегда носятъ съ собой и которыми работаютъ съ такой быстротой, что ихъ можно принять за камердинеровъ, выбивающихъ пыль изъ платья; даютъ отъ 2 до 300 ударовъ за ошибку на ученьѣ, и иногда мастера (а такіе есть въ Россіи, какъ и во Франціи) наказываютъ цѣлый взводъ.

Видъ части Дворца со стороны Большаго озера въ Гатчинѣ.

«Я часто видалъ, какъ подобные негодяи, вышедшіе изъ гвардіи, распивая чай передъ своей палаткой, забавлялись тѣмъ, что били безъ всякой причины цѣлую дюжину людей ради своего маленькаго развлеченія. Однако это развлеченіе немного уменьшилось при князѣ Потемкинѣ. Въ прежнее же время не проходило и мѣсяца безъ того, чтобъ нѣсколько солдатъ не умерло подъ ударами изъ-за каприза начальниковъ или ротныхъ командировъ. Но по распоряженію кн. Потемкина, впали въ противоположную крайность; онъ

красный съ черными бархатными отворотами, и отправлялся на службу. Обѣденное кушанье носили къ нему на гауптвахту, а послѣ обѣда вся фамилія съ гостями, какіе случались, отправлялась къ нему на вечеръ. Онъ принималъ гостей въ утреннемъ сюртукѣ, похожемъ на халатъ, въ красныхъ сафьяныхъ сапогахъ. Раскрывались ломберные столы, и бостонъ вступалъ въ свои права. Николай Михайловичъ Кудлай приносилъ скрипку и игралъ въ антрактахъ; братья его пѣли стихи Державина на свадьбу великаго князя Александра Павловича: «Амуру вздумалось Психею, рѣзвяся, поймать». «За круглымъ столомъ маменька разливала чай, а мы бѣгали по комнатѣ и рѣзвились. Въ девятомъ часу являлся сержантъ, рапортовалъ, что все обстоитъ благополучно, и получалъ приказаніе бить зарю. Часу въ одиннадцатомъ подавали холодный ужинъ, потомъ гости расходились, и денщикъ стлалъ постелю караульному офицеру. Солдатами помыкали офицеры, какъ крѣпостными людьми, и наряжали ихъ въ частную службу. У насъ случилась покража. Что жъ? Въ продолженіе цѣлой зимы изъ роты Александра Яковлевича наряжали къ намъ на каждую ночь двоихъ часовыхъ. Солдаты были очень рады этой службѣ. Ихъ кормили и поили вдоволь, и подъ предлогомъ охраненія дома они спали преспокойно всю ночь». (Зап. Греча.; Р. Арх., 1873 г., 324 и 325).

такъ покровительствовалъ солдатамъ, что отъ этого сильно пострадала дисциплина. Я весьма далекъ отъ того, чтобы быть сторонникомъ совершавшихся жестокостей въ Россіи, но строгая и точная дисциплина вполнѣ необходима тамъ, какъ и вездѣ. До Потемкина и въ особенности при Румянцевѣ, строгость русскихъ полковыхъ командировъ и офицеровъ была доведена до самой ужасной степени жестокости, въ особенности въ полкахъ мастеровъ, желавшихъ сдѣлать танцоровъ или вольтижеровъ изъ бѣдныхъ крестьянъ, которыхъ приводили къ нимъ въ качествѣ рекрутъ. Тогда говорили: «одинъ изъ десяти»; это означало, что изъ десяти рекрутъ удастся образовать одного, сообразно приказаніямъ полковаго командира, а девять ранѣе года умрутъ подъ палкой. Я видѣлъ, какъ давали по 500 ударовъ за пустую ошибку, сдѣланную на ротномъ ученьѣ.

«За побѣгъ законъ опредѣляетъ смертную казнь, но такъ какъ въ Россіи никогда не казнятъ, то ее для солдатъ замѣняютъ тѣмъ, что прогоняютъ отъ 2, 3 до 10 или 12 разъ сквозь строй чрезъ 1000 человѣкъ подъ ударами шпицрутеновъ. Обыкновенно восьми разъ достаточно, чтобы добить до смерти, и подобное наказаніе опредѣляется только за преступленія. Однако у меня въ полку есть солдатъ, который за убійство въ Молдавіи прошелъ 14 разъ и остался живъ, хотя приговорившіе его къ этому истязанію не имѣли подобнаго намѣренія» [1]).

«Русскія войска съ 15 Сентября по 15 Мая расположены по деревнямъ.

«Въ Малороссіи, въ завоеванныхъ областяхъ и въ особенности въ Польшѣ русскій солдатъ является бичемъ своего хозяина: онъ распутствуетъ съ его женой, безчеститъ его дочь, выгоняетъ хозяина изъ его же постели и иногда даже изъ его же дома, ѣстъ его цыплятъ, его скотину, отнимаетъ у него деньги и бьетъ его безпрестанно. Крестьянинъ обязанъ доставлять солдату лишь мѣсто для постели и солому.

«Солдатъ долженъ занимать только одинъ домъ; по закону же ихъ должно помѣщаться въ каждомъ домѣ два или три; но для доходовъ ротныхъ командировъ и для облегченія крестьянъ каждому солдату отводятъ два-три или четыре дома, въ которыхъ онъ и живетъ по очереди».

Несомнѣнно,—всѣ эти постои были крайне обременительны для крестьянъ. Армія вносила въ деревню «разореніе». И не одни солдаты, а — главнымъ даже образомъ — офицеры не церемонились съ деревенскимъ населеніемъ.

«Каждый офицеръ всегда имѣетъ въ своемъ распоряженіи и для услугъ своихъ друзей, для прогулки или для поѣздокъ въ штабъ, пять или шесть телѣжекъ, которыми онъ безпрестанно пользуется и за которыя никогда не платитъ. Онъ заставляетъ ихъ ждать по два и по три дня на своемъ дворѣ, не кормитъ ни лошадей, ни хозяевъ, заганиваетъ первыхъ и бьетъ послѣднихъ. Солдаты, желая прогуляться, пользуются тѣми же средствами; такимъ образомъ

[1]) Ланжеронъ, 154 и 155.

можно утверждать, что каждая деревня теряетъ черезъ это въ одну зиму множество лошадей, а крестьяне теряютъ много своей работы».

Все это, по словамъ автора, «происходитъ въ полкахъ наиболѣе дисциплинированныхъ» и есть «лишь незначительныя проявленія обыкновенной распущенности»; «другіе же полки производятъ повальные грабежи и открытыя притѣсненія, въ десять разъ худшіе». «Напр., одинъ ротный командиръ приказываетъ доставлять себѣ каждую недѣлю съ каждой деревни контрибуцію, продаетъ ее въ ближайшемъ городѣ и такимъ образомъ доставляетъ себѣ въ зиму отъ 400 до 500 рублей дохода. Иногда онъ устраиваетъ облавы и цѣлыя охоты, для которыхъ пользуется всѣми крестьянскими лошадьми и т. п.».

Поведеніе солдатъ не могло остаться безызвѣстнымъ правительству. Для предотвращенія и искорененія этого зла существовали «весьма строгіе» законы.

«Предъ выходомъ изъ мѣстъ квартированія» собирали крестьянъ и получали съ нихъ подписку въ томъ, что имъ не было никакихъ притѣсненій. Въ это время крестьяне имѣли право выражать свои претензіи и недовольство, но фактически они этимъ правомъ никогда не пользовались и не извлекали для себя никакой пользы.

«Если крестьяне довольны, (что бываетъ очень рѣдко)», пишетъ Ланжеронъ, «то они выдаютъ подписки вполнѣ охотно, ничего не требуютъ, и солдатскія провіантскія деньги поступаютъ частью въ артель, а частью въ карманы полковаго и ротнаго командировъ. Если же крестьяне недовольны, ихъ поятъ виномъ, заставляютъ плясать, напаиваютъ ихъ, ласкаютъ, и они подписываютъ. Если же, несмотря на все это, они отказываютъ подписывать, то имъ угрожаютъ, и они кончаютъ тѣмъ, что умолкаютъ и подписываютъ.

«Если жалобы... невозможно потушить, то входятъ въ соглашеніе съ помѣщикомъ или капитанъ - исправникомъ...; послѣдній... всегда держитъ сторону полковыхъ командировъ, которые или платятъ ему, или дѣлаютъ подарки...

«Если насилія зашли слишкомъ далеко, то военный начальникъ и губернаторъ предписываютъ произвести дознаніе, а затѣмъ заминаютъ дѣло... или же затягиваютъ на долгое время. Короче сказать, крестьянинъ никогда не пользуется ни спокойствіемъ, ни правосудіемъ, ни справедливостью».

Въ заключеніе авторъ проводитъ параллель между русскими и французскими войсками.

«Пусть разставятъ», пишетъ онъ, «французскихъ солдатъ по деревнямъ безъ сборовъ, безъ ученій, безъ надзора, безъ офицеровъ, иногда даже и безъ унтеръ-офицеровъ и тогда увидятъ, не придется ли странѣ также жаловаться. Я былъ полковымъ командиромъ во Франціи и знаю, что при значительномъ числѣ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, втрое большемъ, чѣмъ ихъ существуетъ въ Россіи, при трехъ сборахъ въ день, при обнесенныхъ

стѣнами и запертыхъ на замокъ казармахъ, постоянной службѣ, при обязательствѣ возвращаться домой и ложиться спать съ закатомъ солнца, мнѣ стоило большаго труда сдерживать моихъ солдатъ, а я при этомъ пользовался еще поддержкою моихъ офицеровъ, которые вполнѣ раздѣляли мою склонность къ порядку и дисциплинѣ; между тѣмъ какъ въ Россіи офицеры зачастую оказываютъ поддержку солдатамъ въ ихъ склонности къ безпорядкамъ и своеволію».

Еще болѣе тяжелое впечатлѣніе производятъ «*Разныя замѣчанія по службѣ армейской, отчего она въ упадокъ приведена, и нелестно хорошимъ офицерамъ продолжать службу, и о полковникахъ*»... написанныя въ 1782 году генералъ-поручикомъ С. М. Ржевскимъ.

«Замѣчанія» Ржевскаго ярко рисуютъ намъ положеніе армейскихъ полковъ во вторую половину Екатерининскаго царствованія. Главными виновниками, которые довели армейскіе полки до такого низкаго положенія, авторъ считаетъ «полковниковъ», т.-е. полковыхъ командировъ, которые въ своихъ полкахъ пользуются неограниченной властью и злоупотребляютъ ею; они записываютъ въ свои полки «людей... всякаго званія и рода и націи». «Полковыхъ людей» они употребляютъ для своихъ услугъ; этимъ они не только отрываютъ солдатъ отъ ихъ прямой обязанности, но и другимъ офицерамъ подаютъ дурной примѣръ. Офицеры «принуждены подъ лишеніемъ милости господина полковника или и совсѣмъ подъ потеряніемъ мѣста» скрывать «наглое похищеніе полковыхъ денегъ» и даже подписываться подъ оправдательными документами, зная

Парадъ въ Гатчинѣ въ присутствіи Императора Павла I, съ картины Шварца. (Гатчинскій Дворецъ, кабинетъ Императора Александра II).

ихъ беззаконную поддѣлку. Полковники всегда отдаляются «во всѣхъ вещахъ отъ штатнаго положенія... въ ущербъ нижнимъ чинамъ». Отсюда слѣдуетъ «разрушеніе чинопочитанія въ полку и установленіе одной только тиранской полковничьей власти; полковникъ за первѣйшую считаетъ уже свою должность не повиноваться своимъ генераламъ»... «Для личныхъ выгодъ дозволяется полковнику съ полкомъ брать такую дорогу, какую онъ заблагоразсудитъ и какъ долго идти хочетъ. Какія же отъ того слѣдствія происходятъ, или для какихъ резоновъ полковникъ о сихъ выгодахъ старается, легко всякій понять можетъ; а бѣдные обыватели всѣхъ вѣрнѣе могутъ сказать, что̀ имъ стоитъ посѣщеніе такого полка». Кромѣ того часто бываетъ, что одно лицо и флигель-адъютантъ и вмѣстѣ полковникъ. «Всякій разъ, какъ такому лицу «при полку быть наскучитъ, или съ генераломъ не поладитъ, или дворскіе интересы... въ Петербургъ его позовутъ, тогда полкъ обыкновенно остается: 1) безъ отдачи, для того что господинъ флигель-адъютантъ скоро обратно ожидается; 2) безъ денегъ, для того что онъ же на дорогу съ собой взять изволилъ всѣ наличныя; 3) безъ... коммиссара и квартермистра, для того что его высокоблагородіе изволитъ самъ въ Коммиссаріатѣ и въ Провіантской Канцеляріи принимать годовыя суммы»... Прямые начальники и наблюдатели за дѣйствіями полковниковъ — ихъ генералы — обыкновенно удалены отъ своихъ полковъ. Такое «отдаленіе генераловъ отъ ихъ полковъ вредъ наноситъ

службѣ тѣмъ самымъ, что генералы, оставшись безъ упражненія, выходятъ изъ охоты и изъ вкусу къ службѣ, а оттого» и слѣдуютъ всѣ вышесказанныя беззаконія полковниковъ. «Полковники изъ предѣловъ своей власти выступаютъ... и впадаютъ нечувствительно во всякія злоупотребленія, отъ чего самаго вошло въ обычай теперь нѣкоторое наблюденіе только формы службы, а не объ истинной службѣ раченіе». Правда, генералы дѣлаютъ смотры полкамъ, но «ни одинъ почти генералъ... не смѣлъ приказать отмѣнить то, что противно штатамъ и противно службѣ»... «А то самое малое число генераловъ, которые требовали отъ полка всего того, что прямая служба и законы... повелѣваютъ, тѣ прослыли нападчиками, неспокойными» и лишены доступа къ Государю; только «смѣлый за кавалергарда входъ имѣетъ».

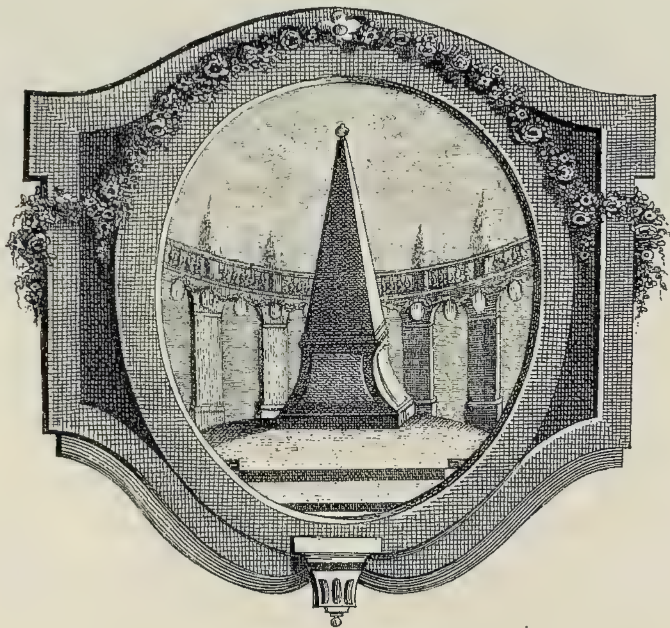
Естественно, что при такомъ положеніи армейскихъ полковъ, честному офицеру служить было невозможно. Во-1-хъ, «обиды при произвожденіяхъ честныхъ и заслуженныхъ офицеровъ, чинимыя для фаворитовъ или пронырливыхъ и проворныхъ тунеядцевъ, отняли всю охоту къ службѣ и погашаютъ все патріотство». Во-2-хъ, «перемѣщеніе офицеровъ съ повышеніемъ чиновъ въ піонерные полки уничижаетъ честныхъ офицеровъ, при своихъ полкахъ за должность служить считающихъ. Сіи бѣдные всѣ въ уныніе приведены, а пользуются такими перебѣгами только пронырливые, лѣнивые и, слѣдовательно, недостойные офицеры». Въ-3-хъ, «установленіе гофшпиталей въ арміяхъ и корпусахъ. Ихъ содержаніе, образъ контрактовъ ужасаютъ всякаго человѣка, кто только каплю чести и человѣколюбія имѣетъ въ сей части, которая обнищеваетъ казну и истребляетъ родъ человѣческій». Кромѣ того, «легкая весьма отставка отводитъ молодаго человѣка отъ службы»..., «возвращаются изъ отставки обыкновенно недостойные и лѣнивые офицеры...». «Безпрепятственное офицеровъ изъ полку въ полкъ перехожденіе новый дѣлаетъ развратъ службѣ; а свободный отпускъ подалъ поводъ самовластнымъ полковникамъ отпускать офицеровъ своихъ подъ видомъ разныхъ будто бы коммиссій, отчего и дѣлается, что бо̀льшая часть офицеровъ больше пріятности находятъ въ отлучкахъ отъ полку, гдѣ ежедневная служба отправляется оставшими бѣдняками весьма исподволь». «Подъ тиранскимъ полковничьимъ правленіемъ офицеры находятся въ рабствѣ, полковникъ въ гордости и въ славолюбіи, а все вмѣстѣ въ совершенномъ невѣжествѣ и въ незнаніи существа службы». «Солдатъ въ слезахъ горькихъ съѣдаетъ сухарь свой, проклиная службу и командировъ, озираясь только во всѣ стороны, гдѣ бы къ побѣгу найти дорогу и случай». Побѣги русскихъ солдатъ къ туркамъ бывали цѣлыми капральствами.

«Послѣ сего кто меня можетъ увѣрить», пишетъ Ржевскій, «что полкъ... могъ въ какой-нибудь части быть исправенъ? Умалчиваю объ его наружности, т.-е. люди отмѣнно хороши, но солдаты слабы; чисто и прекрасно одѣты, но вездѣ стянуты и задавлены, такъ что естественныхъ нуждъ отправлять солдатъ не можетъ... Тесакъ, какъ огонь, горитъ; но полоса заржавѣла

вмѣстѣ и съ ножнами. Ружье, какъ зеркало, чисто; но не можетъ цѣлко выстрѣлить отъ уродливой ложи, которая нарочно такъ сооружена, чтобъ изъ ружья не стрѣлять цѣлко, а имѣть только на плечѣ его прямо».

Изложивъ неисправности тогдашнихъ армейскихъ полковъ, Ржевскій указываетъ на нѣкоторыя средства, которыми можно улучшить это положеніе. Средства эти слѣдующія:

Во-1-хъ, производство въ офицеры должно быть не безъ всякаго разбору, а послѣ строгаго экзамена. Во-2-хъ, «приняться... тотчасъ за генераловъ, и приняться крѣпко, чтобъ они во всякое время были при полкахъ и при должностяхъ своихъ, съ строжайшимъ взысканіемъ о наблюденіи воли Ея И. Величества, въ военныхъ ея законахъ изображенной». Самое же главное, чтобъ правительство «восчувствовало упадокъ службы въ томъ самомъ сильномъ градусѣ, въ какомъ мы его видимъ» [1])...

Военныя реформы Павла I имѣютъ двѣ стороны: 1) положительную и 2) отрицательную. Мы сдѣлаемъ попытку указать на основаніи того матеріала, который намъ удалось разобрать, что именно относится къ первой и что ко второй сторонѣ.

Стремленіе Императора Павла было дать арміи прочную организацію какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Павелъ I ясно *видѣлъ* зло, почти всегда безошибочно *находилъ* подходящее средство къ его исправленію, но затѣмъ, какъ по свойствамъ своей неуравновѣшенной природы, такъ и по причинамъ, внѣ его лежащимъ, весьма часто неумѣло при-

---

[1]) Р. Арх., 1879/III, 357—361.

мѣнялъ найденное имъ средство. Главные недуги Екатерининской арміи, какъ мы видѣли, заключались въ излишней самостоятельности начальниковъ, начиная съ полковыхъ командировъ [1]), самостоятельности, зачастую переходившей въ *произволъ*. Изъ произвола вытекали: 1) казнокрадство; 2) жестокое, превышающее требованія закона, обращеніе съ нижними чинами; 3) притѣсненіе обывателей; 4) несоблюденіе строевыхъ уставовъ.

Привыкнувъ всѣмъ лично управлять въ Гатчинѣ и Павловскѣ, входить лично во всѣ мелочныя подробности службы, Павелъ I, сдѣлавшись Императоромъ, ясно сознавалъ, что реформы его будутъ приняты неохотно, что ихъ не будутъ на дѣлѣ примѣнять, но что ему будутъ доносить объ исполненіи его распоряженій. Чтобы избѣжать такого положенія вещей, Императоръ Павелъ заводитъ *инспекторовъ,* разсчитывая имѣть въ нихъ «царево око» и такимъ образомъ знать дѣйствительное положеніе дѣлъ. Теоретически мысль казалась вѣрной, но практически она, какъ мы то укажемъ ниже, была неосуществима.

Съ казнокрадствомъ Императоръ Павелъ рѣшилъ бороться точной регламентаціей [2]) и строгими наказаніями. Въ Высочайшихъ приказахъ стали все чаще и чаще попадаться «исключеніе изъ службы» или же «исключеніе изъ службы съ отсылкою къ военному суду» [3]). Полкамъ же, содержащимъ полный ком-

---

1) «Случалось мнѣ подслушивать, какъ умные люди перешептывались, что въ послѣдніе передъ этою эпохою годы» (т.-е. передъ воцареніемъ Павла I) «темныя пятна вездѣ пробивались сквозь мерцаніе славы отъ оскудѣнія бдительности; даже въ войскахъ пожилые бригадиры находили, что *Потемкинскій солдатъ совсѣмъ не похожъ на солдата Румянцевскаго,* и какъ ни мало времени былъ я на службѣ при Императрицѣ, но когда, бывало, на смотру войскъ, на ученьѣ, на маневрахъ кн. *Н. В. Репнинъ* строго взыскивалъ за неисправности и упущенія, то и мнѣ случалось слышать отзывы сквозь зубы, что *Суворовъ* на все такое сквозь пальцы смотрѣлъ». (Восп. Лубяновскаго, Р. Арх., 1872 г., 145).

2) «Предписывается Военной Коллегіи наблюдать, что, когда въ пяти-эскадронномъ полку болѣе 50 лошадей, а въ десяти-эскадронномъ болѣе 100 не достаетъ, то у шефовъ полка останавливать жалованье, исключая новоформируемые полки». (7 Февр. 1799 г.). «Е. И. В-во Высочайше повелѣваетъ: всѣмъ инспекторамъ, по приводѣ рекрутъ въ полки ихъ инспекцій, спрашивать у нихъ, не имѣли ли какихъ притѣсненіевъ отъ офицера, ведущаго ихъ, и, если они объявятъ жалобу, то таковыхъ офицеровъ и оныхъ рядовыхъ отдавать подъ военный судъ для разсмотрѣнія и поступленія по законамъ. За всякаго же бѣжавшаго рекрута взыскивать съ офицера двухнедѣльное его жалованье, если же окажется такъ же умершихъ рекрутъ со ста болѣе одного, то и за таковыхъ излишнихъ взыскивать съ офицеровъ то же двухнедѣльное жалованье». (Высоч. прик. 12 Января 1798 г.).

3) «Войска Донскаго полковникъ Щедровъ за удержаніе у нижнихъ чиновъ провіанта и фуража исключается изъ службы».—«Кирасирскаго Эссена 2-го полка маіоръ Бѣлевцовъ, *по представленію шефа*, за развратную жизнь, разныя по службѣ упущенія и *употребленіе для себя въ упряжь казенную лошадь* исключается изъ службы съ отобраніемъ патентовъ». (Выс. прик. 3 и 16 Ноября 1799 г.). «Гарнизоннаго Бушена полка поручикъ Сафоновъ, по сентенціи Военнаго Суда, за употребленіе казенныхъ денегъ на собственныя издержки исключается изъ службы съ лишеніемъ чиновъ». — «Исключается изъ службы и отсылается къ суду Гусарскаго Телепнева полка подполковникъ Турскій за нерадѣніе къ службѣ и за недодачу казеннымъ лошадямъ фуража». — «Исключается изъ службы Егерскаго Ведемейра полка капитанъ Бондаревскій за недодачу нижнимъ чинамъ жалованья и за употребленіе казенныхъ денегъ на свои надобности». — «Ген.-лейт. Острожскій за употребленіе нижнихъ чиновъ въ партикулярную работу и удержаніе у себя ихъ заработанныхъ денегъ и за посылку фурлейтовъ красть лошадей, при которой кражѣ одинъ изъ нихъ безъ вѣсти пропалъ, а онъ въ рапортѣ показалъ его умершимъ, и прочихъ непорядкахъ, исключается изъ службы и отсылается къ суду въ Генералъ-Аудиторіатъ». — «Ген.-лейт. Свѣчинъ 2-ой за большой недостатокъ лошадей въ командуемомъ имъ полку отставляется отъ службы». (Выс. прик. 1800 г., 9 Февр., 22 и 27 Апр., 3 Мая, 26 Ноября). «Гарнизоннаго Ретюнскаго полка капитанъ Булатовъ за взятіе у одного гранадера двухъ рублей за отпускъ его въ вольную работу, а у другаго образа для отдачи подъ закладъ въ питейной домъ, а поручикъ Бурунду-

Кавалергардъ, съ акв. В. П. Причетникова.

плектъ лошадей, объявлялось Высочайшее благоволеніе [1]). Мы видѣли выше, что Императоръ Павелъ былъ убѣжденный сторонникъ тѣлесныхъ наказаній, но онъ требовалъ, чтобы и въ этомъ отношеніи точно соблюдали законъ. За «жестокое обращеніе», «за неумѣренные побои», «за жестокое наказаніе» виновные не только «исключаются изъ службы», но и «отсылаются подъ судъ» [2]).

Нельзя не обратить вниманія, что «гоняніе сквозь строй» при Императорѣ Павлѣ не только было урегулировано уставомъ, но было несравненно менѣе жестоко, нежели въ послѣдующія времена. Уставъ 1797 года требовалъ: 1) чтобы люди 3-ей шеренги вступали въ 1-ю и 2-ю шеренгу, т.-е. при экзекуціи люди стояли еще тѣснѣе, чѣмъ въ строю, а потому размахъ удара не могъ быть великъ; 2) сломанные прутья не замѣнялись новыми, и, главное, 3) наказуемый не былъ привязанъ къ ружьямъ, его не *вели связаннаго*, а онъ

ковъ за отобраніе у гранадера-жь 1 рубля 12 коп., за обращеніе въ пьянствѣ, оба выключаются изъ списковъ и отдаются подъ военный судъ».

[1]) Высоч. прик. 7 Февр. 1800 г.

[2]) «По военному суду, производимому Кирасирскаго Фридериція полка надъ корн. Шлиппенбахомъ, дѣлается замѣчаніе генералъ-аудитору, что онъ забылъ порядокъ службы, и *что часовые стояли по пяти часовъ*, что совсѣмъ противно порядку службы, и относится сіе безпосредственно къ шефу, который за то исключается изъ службы; корнета же Шлиппенбаха, по приговору военнаго суда, содержать подъ арестомъ шесть мѣсяцевъ». — «Гусарскаго Кишенскаго полка маіоръ Петцольдъ за жестокое съ нижними чинами обращеніе и неумѣренные побои, отъ коихъ нижніе чины дѣлали побѣги, исключается изъ службы съ отобраніемъ патентовъ». — «Гарнизоннаго Ретюнскаго полка подполковникъ Самаринъ, который, вмѣсто обыкновеннаго наказанія гранодера Пониратова спицъ-рутьемъ, велѣлъ его привесть на мѣсто экзекуціи на лошади, скованнаго, босикомъ, во одномъ плащѣ и рубашкѣ, потомъ, расковавъ, велѣлъ привязать на сани, и такимъ образомъ возимъ онъ былъ по фрунту болѣе положеннаго числа разъ; по окончаніи же наказанія не дозволилъ ему отворить кровь, и оный Пониратовъ чрезъ нѣсколько часовъ умеръ; въ мѣсячномъ же рапортѣ показанъ умершимъ въ госпиталѣ, и за принужденіе ротныхъ командировъ принимать негодныя аммуничныя вещи, и за разныя по службѣ злоупотребленія — исключается изъ службы съ лишеніемъ чиновъ и отсылается подъ судъ». (Высоч. прик. 25 Іюня, 4 Ноября, 19 Декабря 1799 г.). — «Кирасирскаго Козенца полка маіоръ Шубинъ за жестокое наказаніе нижнихъ чиновъ и за употребленіе казенныхъ денегъ на собственныя нужды исключается изъ службы». — «Гусарскаго гр. Витгенштейна полка подполковникъ Масловъ 3-ій за ложный доносъ на шефа, за употребленіе нижнихъ чиновъ въ партикулярныя работы безъ платежа и согласія ихъ, за жестокіе имъ побои и удержаніе разныхъ вещей исключается со службы съ отобраніемъ патентовъ». — «Шефъ Егерскаго полка г.-м. Шишковъ за непрочную въ бывшемъ полку его имени конскую упряжь, за *неисправность лазарета* и за *неимѣніе для часовыхъ тулуповъ* отставляется отъ службы». — «Шефъ Мушкатерскаго полка г.-м. Берхъ за несбереженіе людей, у котораго, будучи съ полкомъ на мѣстѣ, показано съ Мая мѣсяца, (что) умерло 189 рядовыхъ, исключается изъ службы и отсылается къ суду въ Генералъ-Аудиторіатъ». — «Мушкатерскаго Корфа полка полковой командиръ полк. Дренякинъ за неумѣренный побѣгъ изъ командуемаго имъ полка рядовыхъ, коихъ съ прошлаго Мая мѣсяца бѣжало 69 человѣкъ, исключается изъ службы и отсылается къ суду въ Г.-Аудиторіатъ». (Выс. прик. 7 Февр., 13 Апр., 21 Мая, 28 Іюля, 15 Окт., 7 Дек. 1800 г.). — «Выключается изъ службы Гусарскаго гр. Зубова полка полк. Выпдомскій за большой побѣгъ рядовыхъ во время командованія его полкомъ». — «По случаю происшедшаго отъ неисправности команды Маріентальскаго гарнизона канониру Лихачеву во время пальбы увѣчья опредѣленъ онъ на инвалидное содержаніе на счетъ командовавшаго имъ лб.-гв. Артиллерійскаго баталіона полковника Ставитскаго, и предписывается впредь въ подобныхъ сему приключеніяхъ всѣхъ таковыхъ же увѣчныхъ, отставляя на инвалидное содержаніе, содержать на счетъ тѣхъ командировъ, въ вѣдомствѣ котораго сіе случится». — «Шефъ Мушкетерскаго полку г.-м. Дистерло 2-й, по сентенціи военнаго суда, за незнаніе службы въ обученіи полка *послѣ обѣда* отставляется отъ службы». (Выс. прик. 25 Іюня и 4 Ноября 1799 г.).

«*бѣжалъ*», хотя впереди его шелъ унтеръ-офицѐръ, «оборотя острый конецъ обнаженнаго палаша» къ наказуемому [1]).

За малое количество больныхъ и слабыхъ въ полкахъ Императоръ Павелъ объявляетъ свое благоволеніе [2]).

Павелъ I не только строго каралъ военныхъ за притѣсненіе обывателей, но требовалъ, чтобы войска при народныхъ бѣдствіяхъ содѣйствовали прекращенію ихъ [3]).

---

1) § IV. «Когда все готово къ экзекуціи, то майоръ коммандуетъ: «*на карауль! на плечо!*», а у драгунъ: «*третія шерента на право въ передъ! ряды вздвой! маршъ!*», тогда третія шеренга проворно вступаетъ въ пустыя мѣста, по праву руку передняго человѣка и такимъ образомъ, что бъ изъ третьей шеренги одинъ человѣкъ приходилъ въ переднюю, а другой во вторую, зачиная всегда съ праваго человѣка и дѣлая чрезъ человѣка.

Примѣчаніе. Какъ скоро третія шеренга построится такимъ образомъ, вторая шеренга такъ стоитъ, что бъ осужденной могъ свободно пройти. Унтеръ-офицеры, стоявшіе за третіей шеренгой, приступаютъ ко второй шеренгѣ, какъ скоро третія помѣстится.

§ VI. Прежде нежели майоръ станетъ коммандовать: «*на право кругомъ!*», офицеры поднимутъ палашъ противу рта; по томъ вмѣстѣ съ шеренгою оборачиваются на право кругомъ. Капитанъ же съ однимъ офицеромъ идетъ на правый флангъ и два офицера на лѣвый флангъ. Прочіе же офицеры проходятъ насквозь, оборачиваясь во фрунтъ, и смотрятъ, что бы люди дѣлали свое дѣло. *Примѣчаніе.* Барабанщики идутъ на оба фланга, аудиторъ читаетъ на правомъ флангѣ сентенцію.

§ VII. Когда все готово, то проходитъ профосъ съ прутьями, и рядовые берутъ *столько прутьевъ, сколько человѣкъ надлежитъ гонять.* По томъ у драгунъ барабанщики лѣваго фланга ударятъ дробь; а гдѣ нѣтъ барабанщиковъ, тамъ трубачи трубятъ тревогу, и арестантъ *бѣжитъ* сквозь строй. Майоръ ѣздитъ въ задъ и въ передъ и смотритъ за порядкомъ.

Примѣчаніе. Арестанта къ наказанію *вести по улицамъ* унтеръ-офицеру, который во время гнанія *держитъ передъ нимъ обнаженный палашъ, оборотя острый конецъ къ оному.* (Кавалер. уст., 90).

2) «Мушкатерскаго Римскаго-Корсакова полку полковому командиру полковнику Дрекселю Е. И. В-во объявляетъ свое благоволеніе за имѣніе въ полку только 4-хъ человѣкъ больныхъ и 5-ти слабыхъ». (Выс. прик. 22 Авг. 1799 г.). — «Мушкетерскаго Ротгофа полку штабсъ-капитанъ Савицкій за особливое попеченіе о препорученной ему ротѣ, въ которой вовсе нѣсколько мѣсяцевъ не было больныхъ, въ примѣръ другимъ производится въ капитаны». (Выс. прик. 2 Окт. 1800 г.).

3) «Коннаго кн. Ратіева полка корнетъ Булибашъ-Гойманъ за посылку команды его нижнихъ чиновъ на воровство исключается изъ службы и отсылаются подъ военный судъ».—«Войска Донскаго полк. Родіоновъ 2-й за сдѣланіе казаками полка его имени смертноубійства исключается изъ службы». — «Ген.-лейт. Шепелевъ за смертное убивство дворянки Смирновой въ полку его и за нерапортованіе о томъ исключается изъ службы и отсылается къ суду въ Генералъ-Аудиторіатъ». (27 Окт. 1800г.). «Отставленный 24 Октября сего 1800 года изъ Мушкетерскаго Дрекселя полка прап. Михайловъ за ненаблюденіе за подчиненными ему рядовыми должнаго присмотра, *за обращеніе съ ними вмѣстѣ въ пьянствѣ, отчего двое, отлучась отъ своихъ мѣстъ, обокрали обывателя,* по представленію Шефа, выключается изъ службы съ отобраніемъ патента и отсылается къ суду».— Въ Декабрѣ 1799 года кн. Голицынъ, командуя С.-Петербургскимъ грен. полкомъ въ Ригѣ, велъ полкъ на разводъ по одной изъ улицъ города. Барабанщики и музыканты по его приказу заиграли подъ окнами дома, гдѣ къ несчастью находилась беременная женщина. Она чрезвычайно испугалась. Послѣдовали преждевременные роды и за ними смерть матери и ребенка. Этотъ случай былъ поводомъ къ отставкѣ Голицына (31 Декабря). Но въ слѣдующемъ году онъ былъ снова принятъ на службу съ повелѣніемъ состоять по арміи. (Ист. л.-гв. Павловск. п-ка, I, 36; Зап. гр. Комаровскаго въ Р. Арх., 1867/IV, 544). Случай этотъ изображенъ въ Спб. Вѣдомостяхъ иначе: «Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ 2-й, позволившій себѣ, стоя на квартирахъ въ Ригѣ, привести барабанщиковъ своего полку на квартиру консула Тромповскаго и заставить бить въ барабанъ до тѣхъ поръ, что младенецъ онаго Тромповскаго отъ испугу умеръ, за каковую шалость отставленъ отъ службы». (№ 30 1800 г.).—«Господинъ генералъ-фельдмаршалъ и Нашей Военной Коллегіи президентъ графъ Салтыковъ. Изъ жалованья генералъ-маіора Тормасова повелѣваемъ вычитать ежегодно по сту рублей и отдавать оные въ пенсіонъ иностранцу Готфриду Нипанду во удовлетвореніе за бой и увѣчье, причиненные ему помянутымъ генералъ-маіоромъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Подписано тако: «*Павелъ*». Въ Гатчинѣ, Августа 21 дня 1797 г.». (Леф. арх., кн. Выс. указ. 1797 г., № 6, стр. 30).—«Ген.-лейт. Докторовъ за безпорядки по полку его, за насильное взятіе штабсъ-капитаномъ Крапухинымъ подъ постой себѣ дому съ непристойнымъ обруганіемъ хозяина, отъ котораго, по принесеніи жалобы, вмѣсто удовлетворенія самъ Доктовъ билъ его въ грудь и съ бранью выгналъ вонъ отъ себя, исключается изъ службы обще съ помянутымъ

Императоръ Павелъ со свойственной ему стремительностью, не успѣла его мать еще закрыть глазъ, принялся за реформы. Безусловно должно признать, что выборъ времени былъ крайне неудачный [1]). У насъ, русскихъ, установился обычай въ теченіе 40 дней со дня кончины оставлять все послѣ умершаго въ томъ положеніи, въ какомъ оно было при его жизни. Но, признавая несвоевременность нововведеній, а также слишкомъ рѣзкое примѣненіе ихъ, бросавшее къ тому же тѣнь на память его матери, нельзя не согласиться, что многія изъ нихъ были вызваны дѣйствительными потребностями [2]). Предъявленныя Павломъ I требованія къ службѣ были строги, а нѣкоторыя, какъ мы увидимъ ниже, не вызывались дѣйствительной потребностью, но мы не должны забывать, что служба при Екатеринѣ была черезчуръ уже «спокойная» [3]). Едва ли кто заподозритъ Вигеля въ пристрастіи къ Павлу I, однако и онъ говоритъ: «я долженъ сознаться, что въ началѣ сего царствованія сдѣланы были и такія перемѣны, которыя были весьма полезны для службы. Безчисленныя толпы гвардейскихъ сержантовъ и вахмистровъ потребованы на службу; иные оставлены въ гвардіи, другіе выпущены въ армію не болѣе, какъ прапорщиками, а малолѣтніе за неявкою исключены вовсе изъ полковъ» [4]).

капитаномъ Крапухинымъ, и отсылаются оба къ суду въ Генералъ-Аудиторіатъ». — «Во время вчерашняго пожара Е. И. В-во усмотрѣть изволилъ, что никто изъ гг. офицеровъ лб.-гв. Семеновскаго полка баталіона Депрерадовича и Гвардіи Егерскаго баталіона не находился при работѣ у пожара; за что и объявляетъ неудовольствіе съ подтвержденіемъ, что, если они впредь не будутъ рачительнѣе исполнять свои обязанности, то взыскано будетъ во всей военной строгости. Лб.-гв. Коннаго полку имѣть шпоры короче. Е. И. В-во объявляетъ бывшимъ вчерашняго числа на пожарѣ войскамъ по чаркѣ вина и по фунту говядины». (Выс. прик. 7 Апрѣля, 3 Мая, 22, 26 Іюня, 9 Сент., 23 Ноября 1800 г.). — «Ген.-лейт. Гагенмейстеръ за то, что отобралъ въ мѣстечкѣ Немировѣ у обывателей всѣ пожарныя лѣстницы къ себѣ на конюшни и по донесеніи ему во ономъ мѣстечкѣ о пожарѣ далъ приказъ командѣ своей о утушеніи онаго съ крайнимъ небреженіемъ, отъ чего рядовые, не стараясь тушить онаго, бросились на расхищеніе и нѣкоторые найдены задушенными въ погребахъ, не въ силахъ будучи изъ оныхъ выйти съ грабежемъ, какъ негодный, исключается изъ службы».

1) «Paul s'installa ainsi que sa femme dans l'appartement de l'Impératrice. C'était dans un cabinet au-delà de la chambre de sa mère que le futur Empereur venait de s'établir, de telle sorte que tous les gens à qui il donnait ses ordres passaient et repassaient à côté de l'Impératrice Catherine, qui respirait encore. Une telle profanation de la Majesté Souveraine jeta un jour bien défavorable sur le grand-duc Paul, qui l'autorisait». (Зап. гр. Головиной).

2) Шишковъ, I, 25. — «Практическіе пріемы примѣненія военныхъ преобразованій Павла I... отличались такою страстностью и отсутствіемъ всякихъ уступокъ, что указывали въ преобразователѣ не только на глубокую увѣренность въ пользѣ реформы, но и на непримиримую ненависть къ недавнему прошлому». (Петрушевскій, II, 322).

3) «Служба при Екатеринѣ была спокойная: бывало, отправляясь въ караулъ, (тогда въ караулѣ стояли безсмѣнно по цѣлымъ недѣлямъ), берешь съ собою и перину съ подушками, и халатъ, и колпакъ, и самоваръ. Пробьютъ вечернюю зарю, поужинаешь, раздѣнешься и спишь, какъ дома. Въ особенности мнѣ нравилось стоять въ караулѣ у главнокомандующаго кн. Прозоровскаго, который лѣтомъ всегда живалъ въ Петровскомъ. Встанешь, бывало, съ солнцемъ и пойдешь себѣ, не одѣваясь, а такъ, въ халатѣ и колпакѣ, въ лѣсъ за грибами». (Р. Арх., 1869 г., 165; Ист. л.-гв. Егерскаго полка, 8). — «Будучи недоволенъ успѣхомъ въ этихъ любимыхъ экзерциціяхъ, въ которыхъ онъ все переиначилъ и требовалъ съ нетерпѣливостью быстроты и точности, въ чемъ, правду сказать, *мудрено было и довести неповоротливую Екатерининскую гвардію,* Императоръ вообразилъ, что не довольно для этого учить солдатъ и офицеровъ, и учредилъ во Дворцѣ тактическій классъ, гдѣ какому-то школьнику изъ фехтовальныхъ учителей приказалъ читать лекціи для всѣхъ старыхъ и заслуженныхъ генераловъ». («Смерть Павла», зап. А. Н. В., рукопись).

4) Вигель, I, 78.—Павелъ I потребовалъ на смотръ всѣхъ числящихся въ полкахъ. «Всѣ большія дороги усѣяны были кибитками скачущихъ гвардейцевъ и матерей, везущихъ на службу и на смотръ къ Государю своихъ малютокъ. Повсюду скачка и гоньба; повсюду сдѣлалась дороговизна въ наемкѣ лошадей и повсюду неудовольствіе». (Болотовъ, 716).

Видъ «Пиля» въ Павловскѣ, съ гравюры К. Ческаго по картинѣ С. Щедрина.

Съ цѣлью сократить расходы офицеровъ и прекратить среди нихъ одѣванiе «по модѣ», столь мало свойственное военному духу, Павелъ Петровичъ измѣнилъ форму гвардiи на болѣе дешевую [1]) и воспретилъ офицерамъ ношенiе статскаго платья, а равно шубъ и муфтъ [2]). Къ сожалѣнiю при выборѣ новой формы онъ пошелъ по стопамъ своего отца и одѣлъ свои войска не только въ столь ненавидимую ими прусскую форму, но и изъ прусскихъ формъ выбралъ устарѣвшую уже форму Фридриха II.

Офицерамъ воспрещено было ѣздить въ каретахъ, въ каретахъ могли только ѣздить ихъ жены, и то на парѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ запрещено было имѣть при выѣздахъ егерей, казаковъ, гусаровъ, т.-е. какъ обращать солдатъ въ лакеевъ, такъ и одѣвать лакеевъ въ военную форму [3]).

---

1) «Мундиръ не стоитъ болѣе 22 рублей». (Болотовъ, 660).

2) 28 Дек. 1798 г. распоряженiе о шубахъ вновь подтверждено: «Подтверждается гг. офицерамъ не носить нынѣ шубъ кромѣ мундирныхъ шинелей, подъ которыя зимою подшивать мѣхъ».—Высоч. прик. 7 Ноября 1796 г. заключался въ слѣдующемъ: «Гг. генераламъ другаго мундира не носить кромѣ того корпуса, которому принадлежатъ; вообще, чтобъ офицеры не носили ни въ какомъ случаѣ инаго одѣянiя, какъ мундиры». Исключенiе составляли маскарады: «По случившемуся безпорядку въ Москвѣ во время маскарада и неучтивства, оказаннаго отставнымъ маiоромъ Спренгспортеномъ княжнѣ Волконской, запрещается всѣмъ чинамъ впредь безъ маскераднаго платья ѣздить въ маскерадъ, а маiора Спренгспортена арестовать на недѣлю, а ежели впредь кто прiѣдетъ въ маскерадъ въ собственномъ кафтанѣ или мундирѣ и безъ маскераднаго платья, то таковыхъ брать подъ караулъ». (Выс. прик. 7 Янв. 1798 г.).

3) «Какъ въ гвардiи, такъ и въ армейскихъ полкахъ господствовало изстари до сего обыкновенiе, что при каждомъ штабъ-офицерѣ, а особливо при выѣздахъ ихъ, бывали ординарцы и по большей части изъ унтеръ-офицеровъ, а смотря на нихъ, дѣлали то же иногда и офицеры, а особливо ротные командиры, и содержали при себѣ такихъ же ординарцевъ подъ именемъ вѣстовыхъ». (Болотовъ, 740).

«Его И. В-во Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы никто не имѣлъ за своими экипажами слугъ, одѣтыхъ въ гусарское или подъ другимъ названiемъ платье кромѣ ливрей, каждому классу приличной... Никому ни подъ какимъ видомъ при экипажахъ верховыхъ ординарцевъ не имѣть. Обывательскiе кучера и форейторы, равно и нанимаемые и сами ѣздившiе извощики *шибкой ѣзды* и *непристойностей не производили,* а поступали по даннымъ имъ билетамъ непремѣнно». (Указъ 19 Ноября 1796 г.).

Приводимъ ниже «распоряженiе временъ Императора Павла», вѣроятно, *списокъ* съ полковаго приказа. «Усмотря во многомъ числѣ офицеровъ съ закутанными шеями родомъ толстыхъ бѣлыхъ платковъ или другаго сорту обвитiя, на подобiе какъ бы одержимы были жабною болѣзнiю, по столько жь недозволеннаго и неприличнаго къ мундиру, какъ бы и платокъ на шеѣ распущенный, и затѣмъ никто съ полученiя приказа да не осмѣлится такъ неприлично быть одѣту въ мундирѣ: ибо сiе дозволительно и пристойно къ утреннему платью или сертуку, но нимало прiѣзжать во дворецъ, или гдѣ долгъ званiя требуетъ. А имѣть галстуки обыкновенно бѣлые и въ толщину и въ ширину обыкновенную. А буде бы кто изъ офицеровъ не хотѣлъ понять, каковой галстукъ я приличнымъ офицерской одеждѣ почитаю, то можетъ смотрѣть на своей роты солдатъ и, держась того, или которой онъ прежде на шеѣ имѣлъ до возложенiя теперь многими употребляемаго сего рода хомутины, то и будетъ одѣтъ, какъ былъ прежде по одеждѣ своей, а не такъ, какъ въ утреннемъ платьѣ. Къ сему жь тѣ господа могутъ быть увѣрены, что и въ тѣхъ мѣстахъ, откуда сiе перешло, конечно, ни одинъ офицеръ съ мундиромъ никогда не только, чтобы надѣвать, но и не мнилъ, и видя здѣсь,

Императоръ Павелъ справедливо находилъ, что лица, совершившія не только преступныя дѣянія [1]), но и поступки, хотя и не караемые закономъ, но несовмѣстные съ порядочностью, не могутъ и не должны быть терпимы въ офицерской средѣ [2]). Какъ слѣдствіе вышеприведеннаго взгляда на офицерское званіе, должно было явиться у Павла I, если не формальное разрѣшеніе дуэлей, то крайне снисходительное къ нимъ отношеніе [3]).

Высоко ставя военную службу, признавая ее одну почетною [4]), Императоръ Павелъ весьма послѣдовательно долженъ былъ прійти къ заключенію, что офицерскаго званія достойны преимущественно дворяне [5]), а изъ недворянъ только тѣ, которые продолжительной, безупречной службою въ унтеръ-офицерскомъ званіи подготовили себя и доказали свою годность быть офицерами. На этомъ основаніи Павелъ I исключалъ изъ службы всѣхъ офицеровъ не дворянскаго происхожденія, произведенныхъ въ офицеры въ обходъ закона [6]).

Чтобы оградить офицерскую среду отъ вторженія въ нее нежелательнаго элемента, Императоръ Павелъ издалъ приказъ объ испрошеніи *Высочай-*

столько же странно находитъ, какъ и всякой въ военномъ назначеніи служащій. Къ тому жь сказать долженъ и то, что одежда строевая не перемѣняется никогда по примѣру первовъѣзжаго изъ чужихъ земель, но остается навсегда, какъ предположено». (Р. Арх., 1875/I, 12).

[1]) «Мушкатерскаго Розена полка поручикъ Нурджевской, поступившій изъ такого званія людей, изъ каковыхъ офицерами быть не слѣдуетъ, исключается изъ сего званія и отсылается къ гражданскому суду за то, что онъ, бывши въ Днѣпровскомъ нижнемъ судѣ секретаремъ, съ прочими бывшими присутствующими того же суда найденъ виновнымъ противу законнаго произведенія на предержателяхъ воровскихъ вещей дѣла и въ покорыстованіи нѣкоторыми отобранными изъ имѣнія преступниками вещами». (Высоч. прик. 3 Апр. 1800 г.).

[2]) «*Шефъ* Егерскаго п-ка генералъ-лейтенантъ Стояновъ за пьянство исключается изъ службы». — «Гарнизоннаго Булгакова полка поручикъ Назимовъ за безчувственное пьянство и безчинное званіе ко офицерскому поступку исключается изъ службы съ отобраніемъ патентовъ». — «Гранодерскаго Мамаева полка прап. Протопоповъ за частое обращеніе въ пьянствѣ и другихъ несоотвѣтствующихъ офицерскому званію поступкахъ выключается изъ службы съ отобраніемъ патентовъ». (11, 12 Марта, 19 Дек. 1800 г.). — «Просьба исключеннаго изъ службы прапорщика Андрея Тресоголова, жалующагося на несправедливое яко бы донесеніе маіора Мантейфеля о нетрезвомъ состояніи его, оставляется безъ уваженія, поелику онъ и самъ пишетъ, *что упражнялся въ томъ временно*». (Р. Стар., 1882/VIII, 429). «Лб.-гв. Е. В. Николая Павловича полка полковникъ Мусинъ-Пушкинъ за дурное поведеніе и за обманъ дочери Д. Т. Совѣтницы Боженой обѣщаніемъ на ней жениться исключается изъ службы».

[3]) «Мушкатерскаго Повало-Швейковскаго 2-го полка прапорщикъ Дерюгинъ, по сентенціи военнаго суда, какъ офицеру съ пощечиной трудно остаться и видно, что *онъ шпаги не носилъ,* — исключается изъ службы». — Выключаются командиръ Кирас. гр. Салтыкова 2-го полка полк. Кумано за дурное содержаніе дисциплины между офицерами командуемаго имъ полка (съ отобраніемъ патентовъ), а двое офицеровъ за сдѣланную между собою драку — съ отданіемъ подъ военный судъ. (Выс. прик. 13 Сент., 7 Дек. 1800 г.).

[4]) «Императоръ Павелъ, подобно отцу и наслѣдникамъ, имѣлъ отвращеніе отъ гражданскихъ чиновниковъ и отъ гражданской службы, почиталъ подлыми ея занятія, особенно въ нижнихъ должностяхъ, и воспретилъ дворянству первоначально въ нее вступать». (Вигель, I, 141). — «Павелъ далъ слишкомъ большую силу военнымъ», писалъ Парротъ Александру I. (Р. Стар., 1895/IV, 197).

[5]) «Кирасирскаго Бардакова полку корнетъ Глазовичъ, такъ какъ онъ управительскій сынъ, отставленъ отъ службы». — «Гусарскаго Анненкова полку изъ купцовъ корнетъ Протопоповъ исключается изъ службы, понеже сіе званіе ему не слѣдуетъ». (Выс. прик. 3 Февр. 1798 г.).

[6]) «Многіе шефы полковъ представляютъ унтеръ-офицеровъ къ производству на ваканціи въ прапорщики не изъ дворянъ, чрезъ что и подтверждается всѣмъ шефамъ, чтобы отнюдь таковыхъ представленій не дѣлать не только въ оберъ-офицеры, но даже и въ портупей-прапорщики и подпрапорщики, потому что въ оныхъ званіяхъ одни только дворяне должны состоять». (Тамъ же, 3 Февр., 17 Апр. 1798 г.).

шаго разрѣшенія на вступленіе въ бракъ, «донося именно, на комъ жениться желаетъ» [1]).

Къ числу положительныхъ реформъ Императора Павла слѣдуетъ отнести приданіе управленію военнаго духовенства самостоятельности въ административномъ отношеніи [2]). Конечно, наименованіе старшаго священника военнаго вѣдомства «*Оберъ*-священникомъ» нѣсколько рѣжетъ ухо, но уже одно избавленіе войскъ отъ сношеній съ консисторіями съ присущими послѣднимъ порядками составляетъ огромное благодѣяніе для войскъ.

Трубачъ Кавалергардскаго полка 1800—1801 г.

Къ *отрицательнымъ* сторонамъ реформъ Императора Павла должно отнести: 1) перемѣну обмундированія; 2) замѣну названій полковъ по мѣстностямъ — названіями по именамъ шефовъ; 3) обозначеніе однофамильцевъ номерами, а не именами; 4) слѣпое подражаніе прусской строевой службѣ временъ Фридриха II, и 5) наконецъ ту горячность и страстность, которыя Императоръ Павелъ проявлялъ при проведеніи въ жизнь своихъ реформъ.

Графъ Ланжеронъ въ своихъ запискахъ указываетъ, что онъ не знаетъ «болѣе удобнаго, болѣе легкаго и болѣе пріятнаго на взглядъ обмундированія, какъ у русскаго *солдата*». Но особенное «преимущество надъ всѣми солдатами въ свѣтѣ... русскій имѣетъ въ прическѣ; онъ не носитъ ни косы, ни буклей, которыя настолько грязны и нездоровы, что приводятъ въ отчаяніе и разоряютъ солдатъ; ихъ остриженные въ кружокъ волосы можно мыть и чесать каждый день». Такимъ обмундированіемъ «русскіе обязаны князю Потемкину»; и авторъ удивляется только, «почему всѣ европейскія войска не примутъ русской формы» [3]).

Зато «*офицеры* одѣваются не такъ, какъ солдаты, что представляетъ большое неудобство потому, что непріятельскіе егеря узнаютъ ихъ по платью и стрѣляютъ преимущественно въ нихъ; это испытали во время войны съ

---

1) Выс. прик. 26 Янв. 1800 г. — Приказъ этотъ, вѣроятно, былъ вызванъ тѣмъ, что требованіе устава относительно испрошенія разрѣшенія начальства на вступленіе въ бракъ не исполнялось. «Въ Уставѣ предписано: каждому офицеру, принявшему намѣреніе жениться, спрашивать должно отъ начальства на то дозволеніе, а какъ ген.-маіоръ Неклюдовъ, коему слѣдовало на то испросить дозволеніе Е. И. В-ва, но сего не исполнилъ, то за оное дѣлается ему выговоръ». (Выс. прик. 11 Дек. 1799 г.).

2) «Чтобы всѣ воинскіе чины по дѣламъ, до духовнаго начальства касающимся, относились прямо къ оберъ-священнику, а не въ консисторію». (Им. указъ Военн. Коллегіи, Іюнь 1800 г., № 104). «Всѣмъ священникамъ лейбъ-гвардіи полковъ состоять подъ вѣдѣніемъ оберъ-полеваго священника Озерецковскаго». (Высоч. прик. 22 Апр. 1800 г.).

3) «Меня увѣрялъ одинъ гвардейскій офицеръ, что, когда полкъ долженъ былъ на другое утро вступать въ караулъ, солдатамъ нужно было вставать въ полночь, чтобы другъ другу завивать волосы. По окончаніи этого важнаго дѣла они должны были, чтобы не испортить своей прически, до самаго вахтпарада сидѣть прямо или стоять и такимъ образомъ въ продолженіи 36 часовъ не выпускать (?) ружья изъ рукъ». (Зап. Коцебу, Гос. Арх., II, 2; мы приводимъ ихъ по переводу кн. А. Б. Лобанова).

Турціею, и князь Потемкинъ приказалъ офицерамъ, какъ по этой причинѣ, такъ и ради экономіи, носить куртки и шаровары изъ толстаго сукна и скроенные по образцу солдатскихъ. Ни въ какой службѣ офицеръ не подчиненъ менѣе точности формы, какъ въ Россіи. Ни покрой, ни цвѣтъ, ни форма одежды не сходны между собою. Не только каждый полкъ, но даже и каждый въ немъ офицеръ придерживается своего правила; офицеры безразлично носятъ длинные или короткіе мундиры, бѣлые или цвѣтные жилеты, вышитые галстухи, шаровары всевозможныхъ цвѣтовъ, шапки или шляпы и въ такомъ видѣ являются къ своимъ начальникамъ и даже часто въ главную квартиру. Они очень дорожатъ этимъ разнообразіемъ; особенный же образецъ изящества для русскаго офицера составляетъ круглая шляпа, à l'anglaise, которую они носятъ по преимуществу» [1]).

Всего цѣлесообразнѣе, конечно, было бы вернуться къ Потемкинской системѣ и, изгнавъ излишнюю роскошь изъ офицерскаго обмундированія, сдѣлать еще улучшенія въ смыслѣ приспособленія обмундированія къ походной и боевой обстановкѣ.

Къ сожалѣнію Павелъ I питалъ такую ненависть къ памяти кн. Потемкина, что одно напоминаніе о немъ приводило его въ ярость [2]).

Прибавимъ къ этому, что ни одна непрактичность новаго обмундированія возбуждала неудовольствіе: въ ней — и справедливо — видѣли живое напоминаніе печальной памяти временъ Петра III и постоянный укоръ Павла I царствованію его Великой Матери.

«Во время долгихъ походовъ, подъ дождями и непогодою, чѣмъ болѣе падала театральная наружность прусскаго обмундированія, тѣмъ въ большей степени возвышалось достоинство русскаго военнаго убора. Этотъ практическій взглядъ и заставлялъ Суворова отозваться о прусскомъ обмундированіи въ слѣдующихъ жесткихъ словахъ:

— «Нѣтъ вшивѣе пруссаковъ; лаузеръ или вшивень назывался ихъ плащъ; въ шильтгаузѣ и возлѣ будки безъ заразы не пройдешь, а головною ихъ вонью вамъ подарятъ обморокъ. Мы отъ гадины были чисты, и первая докука нынѣ солдатъ — штиблеты: гной ногамъ... карейныя казармы, гдѣ ночью запираться будутъ — тюрьма...» [3]).

---

[1]) Зап. гр. Ланжерона, 146 и 147. — [2]) «Одинъ разъ Государь спросилъ у Великаго Князя (Константина Павловича), покойна ли теперешняя одежда для солдатъ во время походовъ? Императоръ зналъ, что во всю кампанію солдаты штиблетъ не надѣвали, а унтеръ-офицерскія галлебарды, которыя вышиною были въ 4 аршина, всѣ изрублены были на дрова, когда проходили снѣжныя альпійскія горы. «Я готовъ сдѣлать всякую перемѣну въ одѣяніи, ибо удобность познается опытомъ». Тогда Его Высочество отвѣчалъ, что башмаки, штиблеты, а особливо унтеръ-офицерскія галлебарды вовсе не удобны въ походѣ. На сіе Императоръ ему сказалъ: «прикажи одѣть рядоваго и унтеръ-офицера во всей аммуниціи и представь мнѣ для образца». Великій Князь черезъ нѣсколько дней представилъ Императору образцовыхъ; такъ какъ форма немного походила на бывшую при Императрицѣ Екатеринѣ, Государь съ гнѣвомъ сказалъ Его Высочеству: «Я вижу, что ты хочешь ввесть Потемкинскую одежду въ мою армію; чтобъ они шли съ глазъ моихъ долой!», и самъ вышелъ изъ комнаты, гдѣ находились образцовые». (Зап. гр. Комаровскаго, 539 и 540). — [3]) Петрушевскій, II, 347; Лебедевъ, 234, 258.

Видъ Каменнаго острова съ Выборгской стороны, съ акварели В. П. Причетникова. (Собраніе П. Я. Дашкова).

Принцъ Евгеній Виртембергскій въ такихъ словахъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него русской гвардіей Павловской эпохи:

«Офицеры» (гвардіи) были въ зеленыхъ кафтанахъ съ довольно простымъ золотымъ шитьемъ и аксельбантами, въ бѣлыхъ панталонахъ и штиблетахъ, въ шляпахъ съ узкимъ галуномъ; въ правой рукѣ они держали такъ наз. эспонтоны. Точно такіе же зеленые кафтаны солдатъ были богато изукрашены золотымъ галуномъ, и ихъ остроконечныя, старопрусскія гренадерскія шапки, обложенныя мѣдью, не только придавали имъ величественный видъ, но положительно ослѣпляли своимъ блескомъ. Зато прочія принадлежности ихъ костюма, напудренныя головы, длиннѣйшія косы и старомодный покрой мундировъ, придавали имъ видъ скомороховъ, выведенныхъ для потѣхи публики; впрочемъ эта мысль сразу исчезала при взглядѣ на ихъ грозныя и серіозныя лица, на ихъ строгоразмѣренный торжественный шагъ, какъ будто они умышленно старались маршировать, не спѣша, чтобы прибыть къ намѣченной цѣли какъ можно позднѣе, такъ что ежедневная смѣна караула походила скорѣе на шествіе солдатъ за похоронной процессіей или къ мѣсту казни» [1]).

---

[1]) «Изъ записокъ пр. Евгенія Виртембергскаго», Р. Стар., 1894/XI, 157. — Уставъ опредѣлялъ величину шага въ 3/4 аршина; по этому поводу Суворовъ говорилъ: «Шагъ мой уменьшенъ на 3/4 и тако на непріятеля вмѣсто сорока — тридцать верстъ». Едва ли это не была натяжка со стороны Суворова: шагъ въ 3/4 арш. былъ опредѣленъ для эволюцій и для парадовъ, а не для походныхъ движеній.

Рядовой Кавалергардскаго полка 1800—1801 г., съ рис. Пиратскаго.

Къ числу несомнѣнно отрицательныхъ реформъ Императора Павла слѣдуетъ отнести наименованіе полковъ по именамъ ихъ шефовъ. Шефы (Inhaber) — установленіе средневѣковое, ведущее свое начало отъ комплектованія вербовкою, а потому на Западѣ въ былое время оно имѣло свое raison d'être, но нисколько не соотвѣтствовало духу и традиціямъ русской арміи [1]). При весьма частыхъ перемѣнахъ шефовъ новая система наименованія полковъ производила постоянную путаницу [2]).

Обстоятельства такъ сложились, что Павелъ Петровичъ могъ изучить лишь теоретически военное дѣло; по независящимъ отъ него причинамъ онъ не былъ въ состояніи изучить его практически. Екатерина II не только не позволяла ему участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, что еще могло бы быть объяснимо опасеніемъ за его жизнь, какъ Наслѣдника престола, но, какъ мы видѣли, систематически препятствовала ему заниматься практически серіозной стороной военнаго дѣла и при мирной обстановкѣ. Что же касается до «Гатчинскихъ войскъ», то занятія ими при условіяхъ, въ которыя были поставлены Цесаревичъ и эти войска, были не только игрушкой, но игрушкой вредной, исказившей взгляды его на военное дѣло.

Существуетъ мнѣніе, что Императоръ Павелъ *ввелъ* прусскій строевой уставъ. Это не вполнѣ такъ: «основанія устава Екатерининскихъ войскъ и безъ того были прусскія, но онъ не былъ копіей Фридриховыхъ регламентовъ; кромѣ того при Екатеринѣ начальники могли вносить свой личный взглядъ въ

---

[1]) До 1 Ноября 1798 года большинство полковъ сохраняло свои старыя, у большинства прославленныя въ сраженіяхъ, имена. Только Высоч. приказомъ 31 Октября 1798 года повелѣно было: «Отъ нынѣ впредь называться всѣмъ полкамъ какъ инфантеріи, равно и кавалеріи, по именамъ своихъ шефовъ». Общая участь постигла и всю гвардію за исключеніемъ Кавалергардскаго полка, который никогда по имени своего шефа, Уварова, не назывался. «Мысль Петра Великаго назвать полки по именамъ русскихъ земель и дать имъ знамена съ гербами тѣхъ провинцій, которыми назывались, была мыслію глубоко обдуманною. Служа подъ этими знаменами, солдатъ считалъ себя принадлежащимъ къ великому государству, интересы котораго защищалъ, тогда какъ при новыхъ названіяхъ солдатъ сталъ считать себя принадлежностью какого-то генерала, какъ недавно, до поступленія на службу, считалъ себя собственностью того или другаго помѣщика». (Ист. Нижегор. п-ка, II, 41).

[2]) «Когда я имѣлъ несчастіе командовать корпусомъ, возвратившимся изъ Голландской экспедиціи, и навѣщалъ нашихъ солдатъ въ Портсмутскомъ гошпиталѣ, на мои вопросы, изъ какого они полка, я выслушивалъ отвѣты: «Прежде былъ такого-то полку; а теперь не знаю, батюшка, какому-то нѣмцу данъ полкъ отъ Государя». И слова эти сопровождались тяжкимъ вздохомъ. Имя полка не мѣнялось, и отъ этого возникало соревнованіе между полками; славные подвиги, совершенные въ полку такого-то имени, сохранялись по преданію во всемъ войскѣ и возбуждали другіе полки къ таковымъ же». (Зап. гр. С. Р. Воронцова о русскомъ войскѣ; Р. Арх., 1876/XI, 347).

методъ примѣненія устава къ дѣлу. Павелъ ввелъ прусскій уставъ 1760 года, но съ нѣкоторыми исключеніями и добавками, которыя имѣли смыслъ не компромисса съ существующимъ порядкомъ, а протеста противъ него. Тутъ все было предусмотрѣно, взвѣшено и смѣряно, начиная съ приравненія фельдмаршала къ простымъ генераламъ (такъ какъ требовалась отъ всѣхъ одинаковая исполнительность) и кончая мѣрою косъ; ничего не было условнымъ» [1])... «Сѣдые, съ Георгіевскими звѣздами военачальники учились маршировать, равняться, салютовать эспонтономъ. Объ этомъ ратномъ строѣ впослѣдствіи времени одинъ старый и разумный генералъ говорилъ мнѣ, что идея дать войскамъ свѣжую силу все же не безъ пользы прошла по Русской землѣ: обратилась де въ постоянную и недремлющую бдительность съ грозною взыскательностью и тѣмъ заранѣе приготовляла войска къ великой отечественной брани. Потомъ онъ же, оборотивъ медаль, говаривалъ, что отсюда починъ преобладанія наружнаго вида, всего глазамъ на показъ, замѣняющаго трудъ ума наглядною механическою работою» [2]).

Въ жизни государства еще болѣе, чѣмъ въ жизни каждаго человѣка, необходимо принимать во вниманіе элементъ времени и при томъ въ двухъ его проявленіяхъ: 1) своевременности, 2) количества потребнаго времени. Не все то хорошо, что хорошо въ теоріи, но только то, что при данной обстановкѣ жизни можетъ быть воспринято и усвоено; примѣняя къ жизни данную идею, должно дать достаточно времени для ея примѣненія, а не требовать мгновеннаго результата. Между тѣмъ Павелъ I при проведеніи своихъ реформъ неизбѣжно долженъ былъ столкнуться съ представителями Екатерининскихъ временъ, покрытыхъ славою ея побѣдоносныхъ войнъ. Столкновенія эти можно было миновать, или выждавъ ихъ смерть, или же вводя реформы мало-помалу и незамѣтно. Но страстная натура Павла Петровича не позволяла ему выжидать; его рѣзкія требованія вызвали не менѣе рѣзкія возраженія, переходившія, напр., со стороны Суворова, въ явное глумленіе. Надо было одно изъ двухъ: или чтобы Павелъ I умѣрилъ свою поспѣшность, или чтобы Суворовъ пожертвовалъ своимъ самолюбіемъ. Но и то и другое было выше природы каждаго изъ нихъ; происходили столкновенія, расшатывавшія не только воинскую дисциплину, но и уваженіе къ царскому сану [3]). Поспѣш-

---

1) Петрушевскій, II, 320. — «Армія Фридриха Великаго отличалась отъ союзныхъ армій (въ 7-лѣтн. войну), хотя не въ такой мѣрѣ, какъ онъ самъ отъ союзныхъ предводителей, но все-таки весьма существенно. Она была лучше вооружена; строевое обученіе ея доведено до тонкости, можетъ-быть излишней, но этотъ излишекъ мы видимъ теперь, а тогда онъ наглядно увеличивалъ разницу между войсками, хорошо обученными и плохо обученными». (Тамъ же, I, 36). — «Императоръ Павелъ былъ убѣжденнымъ поклонникомъ прусскихъ идей въ области военнаго искусства... Въ этомъ ложномъ направленіи, которое раздѣляли съ нимъ многіе лучшіе умы того времени, была существенная ошибка, очевидная впрочемъ только для потомства». (Ист. Нижегор. п-ка, II, 33 и 34).

2) Восп. Лубяновскаго, 146.

3) «....Суворовъ, соблюдая должное къ высокой особѣ Государя почтеніе, изощрялся однако въ насмѣшкахъ надъ новыми порядками и новыми людьми, въ домашней бесѣдѣ и *публично*, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ и какъ бы намѣренно давая своимъ словамъ огласку. По всей Россіи повторялись тогда шопо-

ность, свойственная характеру Императора Павла, выразилась въ томъ, что онъ не давалъ времени для разучиванія новаго устава, для навыканія къ новымъ его требованіямъ въ различныхъ отрасляхъ военнаго дѣла. Особенно тяжело было гвардіи, которой пришлось обучаться новому уставу подъ личнымъ наблюденіемъ Государя, ибо у него «*ученія* были въ то же время и *смотрами,* т.-е. обученіе уставу производилось одновременно съ *испытаніемъ* въ его знаніи и всегда въ присутствіи Императора» [1]).

Суворовъ, узнавъ, что онъ назначенъ инспекторомъ, писалъ къ своему племяннику Хвостову: «Новый титулъ! Я инспекторъ, я вамъ объяснялъ, что былъ такимъ подполковникомъ; я быть такимъ не хочу и не могу: я главнокомандующій... генералъ-генераловъ, тако не въ общемъ генералитетѣ. Я, милостію Божіею, баталій не проигрывалъ... я лучше прусскаго покойнаго великаго короля» [2]).

Мы видѣли, что солдатъ, спрошенный графомъ Воронцовымъ о томъ, какого онъ полка, отвѣтилъ: «Не знаю»... «Это незнаніе заключало въ себѣ нѣчто такое», замѣчаетъ Петрушевскій, «чего не должно быть въ арміи, во всякомъ случаѣ, — былъ ли отвѣтъ насмѣшливъ или простодушенъ, но «не знали» не одни солдаты, а иногда и высшіе начальники. Въ Прагѣ, на обратномъ пути въ Россію изъ Швейцаріи, Суворовъ спросилъ вновь назначеннаго ординарца, какого онъ полка. «Драгунскаго Шепелева», былъ отвѣтъ. «Я этого не знаю», возразилъ Суворовъ; «какъ полкъ назывался прежде»? — «Петербургскій», отвѣчалъ ординарецъ. — «А, знаю, знаю», сказалъ Суворовъ, «славный полкъ» [3]).

«Чтобы удостовѣриться въ успѣхахъ предпринятаго имъ военнаго преобразованія, сверхъ инспекторовъ, находившихся при каждой дивизіи, Павелъ I разсылалъ еще инспектировать полки приближенныхъ своихъ, такъ называемыхъ Гатчинскихъ офицеровъ, пережалованныхъ имъ въ генералы и полковники» [4]). Не говоря уже о томъ, что огромное большинство «гатчинцевъ» были въ

томъ или въ тѣсныхъ кружкахъ остроты и сарказмы Суворова; добрая половина, если не больше, была выдумана разными досужими остряками, но молва и поддѣлку принимала за чистую монету. Нѣтъ сомнѣнія, что слухи достигали и Государя, благодаря усердствующимъ себѣ на пользу, ближнему во вредъ. Несомнѣнно также, что многое дѣйствительно принадлежало Суворову, наприм. присловіе: «косой не колоть, буклей не палить, пудрой не стрѣлять»; или другое, пріобрѣвшее громкую извѣстность: «пудра не порохъ, букля не пушка, коса не тесакъ, и я не нѣмецъ, а природный русакъ». (Петрушевскій, II, 350 и 351).

«Причины гнѣва Императора Павла на великаго Суворова были вполнѣ уважительныя и законныя. Шутки, чудачества, остроты и прибаутки фельдмаршала, невинныя или, по крайней мѣрѣ, безвредныя при Екатеринѣ II, сдѣлались желчны и язвительны при ея преемникѣ. Иронія и подшучиваніе надъ Государемъ полководца, бывшаго кумиромъ русской арміи, подрывали уваженіе, благоговѣніе солдата къ Царской Особѣ. Когда въ первую пору воцаренія Павла послѣдовали коренныя преобразованія по войскамъ и перемѣна въ обмундированіи по прусскому образцу, Суворовъ отозвался шуточкою: «Пудра — не порохъ, букли — не пушки, коса — не тесакъ; я — не нѣмецъ, а коренной русакъ». Прибаутка обратилась въ солдатскую пословицу и едва ли могла быть пріятна строгому формалисту, Императору Павлу. Письмо Суворова къ Государю, «что онъ скучаетъ своимъ бездѣйствіемъ», вызвало его увольненіе отъ службы (6 Февраля 1797 года)». (Ист. Вѣстн., 1886/х, 142).

[1]) Лебедевъ, 587. — [2]) Петрушевскій, II, 347; Р. Стар., 1871/II, 247, 260. — [3]) Петрушевскій, II, 329. — [4]) Вигель, I, 90.

полномъ смыслѣ слова гадкіе люди, но и тогда, когда они таковыми не были, все же инспекторскій смотръ, произведенный младшимъ въ чинѣ, не могъ не подрывать основныхъ принциповъ воинской дисциплины.

«Въ числѣ полковъ, коимъ въ Кіевѣ молодой измайловскій полковникъ Малютинъ дѣлалъ инспекторскій смотръ, былъ также и Кіевскій гренадерскій. Его шефомъ былъ тогда знаменитый графъ Ферзенъ, побѣдитель Косцюшки, нѣмецъ, какихъ давай Богъ болѣе русскихъ. Онъ не скрывалъ, сколь тяжко ему поникнуть лавровой главой почти передъ мальчикомъ; очень умно и вѣжливо сказалъ онъ это ему самому; но Малютинъ не былъ, видно, потомокъ Малюты Скуратова, а если и былъ, то не походилъ на своего предка, ибо съ благоговѣніемъ и стыдомъ принялъ рапортъ отъ Ферзена» [1]).

Павелъ I, съ офорта А. Березникова по оригиналу И. Л. Вуаль.

Мы уже видѣли, что при вступленіи Императора Павла на престолъ воинская дисциплина — и особенно среди офицеровъ — какъ внѣшняя, такъ и внутренняя, оставляла желать лучшаго; несомнѣнно, необходимо было положить конецъ такому положенію дѣла, и Павелъ I въ данномъ случаѣ не только вѣрно видѣлъ общее положеніе дѣлъ, но и прибѣгнулъ къ вѣрному средству для исправленія. Армія есть учрежденіе, наименѣе терпящее «мѣстничество», т.-е. постановку «происхожденія» выше личныхъ заслугъ. И это не потому, конечно, чтобы въ другихъ сферахъ государственной дѣятельности было бы обратное, но потому, что нигдѣ, какъ на войнѣ, негодность этого принципа не выступаетъ такъ рѣзко, нигдѣ такъ быстро и ощутительно для всего государства не слѣдуетъ наказаніе за пренебреженіе этимъ принципомъ.

Сущность реформъ Императора Павла едва ли не можетъ быть выражена въ слѣдующихъ основныхъ положеніяхъ: 1) Основаніемъ воинской дисциплины долженъ быть *законъ,* одинаково для всѣхъ военнослужащихъ обязательный [2]).

---

1) Вигель, I, 91.

2) «Во время Павла раздача даровъ и наградъ совершалась, конечно, подъ вліяніемъ личной милости, но ею никогда не опредѣлялось производство въ военной службѣ, и судъ надъ начальниками и подчиненными всегда творился безъ лицепріятія. Корнетъ могъ безбоязненно требовать военнаго суда съ своимъ полковымъ командиромъ, вполнѣ разсчитывая на безпристрастное разбирательство, и это былъ тотъ щитъ, которымъ я ограждался отъ Вел. Кн. Константина во все время, пока онъ командовалъ полкомъ, и я съ успѣхомъ боролся противъ его вспыльчивости и своеволія. Одно упоминаніе о военномъ судѣ было Медузиною головою, которая оцѣпеняла ужасомъ Его Императорское Высочество, какъ я испыталъ не разъ». (Зап. Саблукова, Fraz. Mag., 305; Р. Арх., 1869 г., 1920 и 1921). — Въ полки гвардейской кавалеріи присылались выписи изъ Высочайшихъ указовъ, указовъ Сената и Военн. Коллегіи; выписи эти присылались за подписью Вел. Кн. Константина Павловича, по званію его инспектора всей кавалеріи. Въ числѣ таковыхъ 27 Ноября 1800 г. прислана нижеслѣдующая: «Дабы уголовныя и слѣдственныя дѣла въ преступленіи должностей, такъ какъ отъ рѣшенія ихъ зависитъ

Дворецъ въ Павловскѣ со стороны озера, съ гравюры А. Ухтомскаго по картинѣ С. Щедрина.

2) Главный залогъ благоустройства арміи — ея корпусъ офицеровъ, который долженъ обладать безусловной честностью, благородствомъ поведенія и примѣрной исполнительностью всѣхъ требованій службы.

Такія благія, но теоретическія соображенія, примѣненныя къ тогдашней Россіи, были чрезмѣрны и несвоевременны. Россія, какъ мы уже неоднократно имѣли случай указывать, никогда незнала иноземнаго или вербовочнаго войска; всегда ея армія была національная, а слѣдовательно, разсматривать русскую армію внѣ ея государственныхъ учрежденій рѣшительно невозможно. Само собою разумѣется, что національная армія, составляя часть государственныхъ учрежденій, вытекшихъ изъ нѣдръ государства, не могла находиться въ безусловномъ противорѣчіи съ послѣдними.

По исключительному положенію и роду службы кавалергардовъ мы были вынуждены изложить въ нѣкоторой подробности общій историческій ходъ Россіи въ XVIII вѣкѣ, и этотъ ходъ, полагаемъ, можетъ быть кратко выраженъ такъ: въ теченіе XVIII вѣка Россія боролась за свою самостоятельность, за то, чтобы быть Россіей, чтобы отстоять свой политическій обликъ. Цѣль, къ которой она стремилась, заключалась въ сохраненіи территоріальной неприкосновенности и въ охраненіи ея государственныхъ учрежденій: *Православія* и *Самодержавія*. Нападки на православіе были легко устранены, ибо въ этомъ отношеніи всѣ русскіе сверху до низу были единомышленны. Въ иномъ положеніи находилось самодержавіе. Созданное Петромъ Великимъ, русское дворянство было, конечно, учрежденіемъ «демократическимъ», его табель о рангахъ была такимъ ударомъ аристократическому принципу, отъ котораго русская родовая аристократія никогда уже не оправилась, но окончательное закрѣпощеніе кре-

---

честь и жизнь подсудимыхъ, производимы были съ особеннымъ вниманіемъ и крайнею осмотрительностью по предписаннымъ правиламъ». (Полк. арх., ч. I, № 1).

стьянъ введеніемъ «ревизій» создало дворянству привилегированное положеніе въ ущербъ остальному населенію. Одновременно съ этимъ Россія вступила въ постоянныя сношенія съ Западной Европой, и весьма понятно, что, когда велѣно было усваивать себѣ западные нравы, то явилось желаніе усваивать и выгодныя для себя западныя учрежденія. Первые годы своего царствованія Екатерина II вслѣдствіе самыхъ условій своего вступленія на престолъ вынуждена была усилить закрѣпощеніе; затѣмъ наступившее въ Западной Европѣ общее броженіе, разразившееся французской революціей, показалось даже ея геніальному уму угрозой для Россіи. Конечно, не ужасы французской демагогіи могли побудить ее начать раскрѣпощеніе крестьянъ...[1]). Вступаетъ на престолъ Павелъ I, не только врагъ французскихъ идей, но и французскихъ модъ, униженный Цесаревичъ, привыкшій, съ одной стороны, къ «шиканамъ», но, съ другой стороны,— къ слѣпому повиновенію въ Гатчинѣ и Павловскѣ...

Кавалеріардъ, съ акварели В. Патерсена.

Императору Павлу казалось, что для Россіи не только не вредно и не опасно крѣпостное право, но что напротивъ раздачею казенныхъ крестьянъ онъ укрѣпляетъ государственные устои и вмѣстѣ съ тѣмъ оказываетъ благодѣяніе самимъ крестьянамъ. Но, чтобы быть послѣдовательнымъ въ проведеніи въ жизнь такого государственнаго строя полицейскаго типа, Павелъ I требовалъ отъ дворянства, чтобы оно показало себя способнымъ къ управленію крестьянами, т.-е. само бы ранѣе обучалось повиновенію. Наилучшей же школой для этого Императоръ считалъ военную службу при условіяхъ, чтобы она была не фиктивна, и чтобы дворяне на себѣ испытали всѣ ея суровыя требованія.

Такія требованія Императора Павла, предъявленныя при томъ ex abrupto при условіи немедленнаго и точнаго во всемъ ихъ объемѣ исполненія, не могли не показаться современному ему дворянству не только тяжелыми, но и нарушающими данныя ему Екатериной II права. Явился глухой ропотъ...

---

1) Отношеніе дворянства къ королевской власти на западѣ кратко, но вполнѣ опредѣленно выражалось въ афоризмѣ: «Le roi est le premier gentilhomme de son royaume»; такое опредѣленіе совершенно не соотвѣтствовало сущности самодержавной власти и всегда было чуждо русскимъ народнымъ взглядамъ на верховную власть царей. Въ нижеслѣдующемъ разсказѣ Императоръ Павелъ является вполнѣ точнымъ выразителемъ этого народнаго взгляда: «Въ бытность свою въ Петербургѣ нѣсколько дней сряду Дюмурье не былъ у развода. Павелъ неотлагательно требовалъ отъ всѣхъ генераловъ, своихъ и чужихъ, чтобы они являлись ежедневно къ разводу. Когда наконецъ Дюмурье явился, Павелъ, подозвавъ его, сказалъ гнѣвнымъ голосомъ: «Général, il y a plusieurs jours que je ne vous ai vu à la parade». — «Sire, j'ai fait ma cour aux grands de votre empire». — «Général, apprenez qu'il n'y a de grands chez moi que ceux auxquels je parle et dans le moment seul où je leur parle». (Разсказы М. И. Муравьева-Апостола, Р. Арх., 1888/xi, 370).

Павелъ I не терпѣлъ ни лжи, ни скрытности и потому былъ весьма послѣдователенъ въ томъ, что свои замѣчанія оглашалъ во всеобщее свѣдѣніе. Едва ли это оглашеніе въ печати не вызвало еще большаго раздраженія, нежели самыя замѣчанія. Мы должны сознаться, что нерѣдко замѣчанія, оглашаемыя въ Высочайшихъ приказахъ, были редактированы въ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Еще болѣе оскорбительно бывали редактированы Высочайшіе указы [1]). «За малые проступки слѣдовали оскорбительныя и почти честь трогающія наказанія, безпрерывные аресты или посаженіе въ крѣпость *гвардейскихъ* офицеровъ», говоритъ кн. Ф. Н. Голицынъ [2]).

Но, чтобы безпристрастно разобраться въ этомъ дѣлѣ, слѣдовало бы знать, какія взысканія дѣйствительно практиковались въ арміи при Екатеринѣ II. Мы вполнѣ вѣримъ тому, что арестованіе офицеровъ вышло изъ обыкновенія въ гвардіи и во флотѣ, но то ли самое было и въ арміи? [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ не должно забывать, что арестованіе офицеровъ не

---

[1]) «Подполковнику Неклюдову. Государь Императоръ соизволилъ указать, отославъ вамъ рапортъ, вами присланный, объявить, что вы должны имѣть тупое понятіе, писавъ по формѣ семьсотъ девяносто третьяго года. А постановленная — семьсотъ девяносто шестаго года, при семъ прилагается». (Леф. арх., кн. Выс. указ. 1797 г., № 7, стр. 83). — «Полковнику Иванову. Государь Императоръ на донесеніе ваше отъ 28 Ноября, что ввѣреннаго вамъ полку подполковникъ Титовъ на маршѣ везъ съ собою женщину, указать соизволилъ: объявить вамъ «дурака» за то, что мѣшаетесь не въ свое дѣло».—«Генералу Л.... Государь Императоръ, получивъ сего числа рапортъ вашъ, коимъ доносите, что вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, вамъ даннаго, все вами «выполнено» будетъ, указать соизволилъ: дать вамъ знать, что «выполняются» только тазы........, а повелѣнія должно исполнять». (Р. Стар., 1877/XI, 543).—Такого рода указы не составляли исключенія для однихъ военныхъ; ихъ получали и лица гражданскаго вѣдомства: «Высочайше повелѣно къ губернатору (Пермскому Модераху) написать *дурака* за то несовмѣстное донесеніе. 14 Апр. 1800 года». (Гос. Арх., VII, 3551).—Во время одного изъ придворныхъ маскарадовъ въ 1797 году Павелъ I, обратившись къ дежурному флигель-адъютанту А. С. Шишкову, сказалъ ему: — «Скажите этому ротозѣю» (указывая на одного высокаго мужчину), «что онъ дуракъ». — «Я», пишетъ Шишковъ, «подбѣжалъ къ нему и лишь только, къ великому удивленію его, передалъ ему царское приказаніе, какъ пустился опять вслѣдъ за Государемъ...». Когда Шишковъ догналъ его, Павелъ, оборотясь, сказалъ: — «Кто такой этотъ мужчина»? «Я принужденъ былъ сказать, что не догадался спросить объ его имени». — «Худо вы сдѣлали, что не спросили», сказалъ Павелъ». (Шишковъ, I, 37).

[2]) Р. Арх., 1874 г., 1310.

[3]) «Помню, какое сильное дѣйствіе произведено было въ военной публикѣ арестованіемъ двухъ офицеровъ за какую-то неисправность во фронтѣ. Дотолѣ подвергались аресту только отъявленные негодяи и преступники закона. Арестованные были въ отчаяніи и хотѣли застрѣлиться со стыда. Для нихъ арестъ былъ то же, какъ если бы нынѣ раздѣли офицера передъ фронтомъ и высѣкли. Эти нелѣпости и оскорбленіе въ бездѣлицахъ заглушили и дѣйствительное добро новаго царствованія». (Зап. Греча, Р. Арх., 1873 г., 675).—Вел. Кн. Александръ и Константинъ Павловичи, находясь съ Государемъ въ Кронштадтѣ, спросили молодаго мичмана: «Въ которую изъ крѣпостей сажаютъ арестованныхъ офицеровъ»? Мичманъ, удивляясь ихъ вопросу и какъ бы оскорбясь имъ, отвѣчалъ съ великой смѣлостью: «Что?! офицеровъ сажать подъ караулъ въ крѣпость! Да этого никогда не бывало, и я впервые о томъ слышу». Такъ велико было во времена Екатерины честолюбіе въ самыхъ юныхъ офицерахъ». (Шишковъ, I, 27).—«Офицеры, и даже полковники, служившіе съ честолюбіемъ, называемы были передъ солдатами во фрунтѣ оскорбительными именами и за малѣйшую нерасторопность въ поворотахъ и движеніяхъ или даже за одну нечаянно разстегнувшуюся пуговицу и тому подобное — съ оборваніемъ шпаги влеклись подъ стражу». (Тамъ же, 18). — Это, съ одной стороны, но, съ другой, бывали и такіе случаи: «По выходѣ изъ Швейцарскихъ горъ Суворовъ, по свидѣтельству очевидца, сильно набросился на одного въ чемъ-то провинившагося генерала, долго его журилъ, а потомъ приказалъ надѣть солдатскую шляпу или каску и аммуницію, взять ружье и стать на часы у его, Суворова, дверей на два часа». (Петрушевскій, III, 330).

Кавалергарды въ царствованіе Императора Павла I.
Съ акварели А. Бальдингера.

практиковалось въ гвардіи не потому, чтобы этого рода взысканіе считалось унизительнымъ, но оттого, что вообще гвардейскіе офицеры, да и вся гвардія при Екатеринѣ II, были донельзя распущены.

Строгости въ духѣ прусскаго устава, введенныя Императоромъ Павломъ, несомнѣнно, были чрезмѣрны; къ тому же онѣ не вполнѣ достигали своей цѣли: Павелъ I, не помнившій себя, когда онъ бывалъ въ раздраженномъ состояніи, успокоившись, не только спѣшилъ самъ отмѣнить наказаніе, но затѣмъ и награждалъ столь же безмѣрно широко, сколько каралъ. «У офицеровъ явилось непостижимое озорничество щеголять незнаніемъ службы и нарушать ея порядокъ. Обстоятельство это было замѣчено Государемъ и вызвало съ его стороны строгія преслѣдованія, но это какъ бы подбивало проказниковъ на новыя шалости..., они... знали, что гнѣвъ Государя непродолжителенъ, и, по словамъ (кавалергарда) Дмитрія Васильевича Васильчикова: «несмотря на строгость и страшные капризы Павла, никогда такъ весело не бывало, какъ при его Дворѣ. Всѣ пользовались минутою; всѣ жили настоящимъ, а потому веселились до упаду и повѣсничали на славу» [1]). Несомнѣнно также, что «привычка видѣть Государя ежедневно на ученьяхъ и разводахъ уменьшала обаяніе царскаго присутствія» [2]), а припадки неистоваго гнѣва и ручная расправа лишали царскій санъ его величія [3]).

Офицеръ Кавалергардскаго полка 1800—1801 г.

---

[1]) Лебедевъ, 383, 385. — [2]) Тамъ же, 584. — [3]) «Осень 1800 года была сырая и дождливая. Несмотря на это, Императоръ продолжалъ оставаться въ Гатчинѣ, потому что все надѣялся переѣхать прямо въ Михайловскій дворецъ, постройку котораго онъ всѣми мѣрами торопилъ. Въ Гатчинѣ, какъ и вездѣ, Государь обыкновенно присутствовалъ при смѣнѣ караула. Если стать на дворѣ Гатчинскаго дворца, спиною къ главному фасу, то новый караулъ, вступая на дворъ, строился въ три шеренги у лѣваго флигеля дворца въ то время, какъ старый караулъ дѣлалъ то же самое на противоположной сторонѣ, у праваго флигеля, возлѣ гауптвахты. Государь стоялъ посреди двора и командовалъ смѣну. Когда караулъ наряжался отъ какого-нибудь кавалерійскаго полка, то нижніе чины вступали пѣшими на дворъ, а караульный офицеръ въѣзжалъ верхомъ; онъ долженъ былъ тихимъ шагомъ подъѣхать къ Императору, рапортовать, что къ Е. И. В-ву отъ такого-то полка въ караулъ нарядженъ; за симъ онъ тѣмъ же шагомъ отъѣзжалъ отъ Государя, спѣшивался и становился у праваго фланга первой шеренги своего взвода. Вступалъ караулъ отъ лб.-гусарскаго полка; при немъ офицеромъ былъ Д. Ф. Тутолминъ. У Тутолмина лошадь была ретивая; онъ не могъ ее сдержать и, подъѣзжая къ Императору, обрызгалъ его грязью съ ногъ до головы. Мгновенно Государь пришелъ въ крайнее раздраженіе и началъ кричать. Тутолминъ тотчасъ повернулъ назадъ; подъѣхавъ къ караулу, соскочилъ съ лошади и сталъ на свое мѣсто. Императоръ бросился къ нему съ поднятою тростью; увидавъ это, Тутолминъ побѣжалъ между шеренгами; Императоръ за нимъ; погоня длилась нѣкоторое время; наконецъ, Тутолминъ скрылся совсѣмъ. Императоръ не кончилъ развода и возвратился во дворецъ. Страшно было взглянуть на него. На слѣдующій день, отпуская караулъ, Государь, какъ только увидѣлъ Тутолмина, подошелъ къ нему, положилъ руку на его плечо и ласково сказалъ ему при

Офицеръ Кавалергардскаго полка 1800 г.

Полагаемъ, что мы достаточно привели примѣровъ, характеризующихъ неумѣренность требованій Павла I и его личную необузданность. Предупреждаемъ, что мы выбрали всѣ наиболѣе рѣзкія проявленія и того и другаго. Но у многихъ изслѣдователей царствованія Императора Павла мы видимъ, что къ числу подобныхъ распоряженій отнесены такія, какія, казалось бы, не слѣдовало причислять къ этой категоріи. Не стоило бы обращать, пожалуй, вниманія на подобное смѣшеніе понятій о военной службѣ, если бы изслѣдователи были не военными, но едва ли мы въ правѣ оставлять этотъ вопросъ безъ посильнаго разъясненія, когда такого рода мнѣніе исходитъ отъ лицъ, принадлежащихъ къ военной средѣ.

«Приказы, отдаваемые по случаю вступленія войскъ, вернувшихся изъ заграничнаго похода», говоритъ профессоръ Военной Академіи Лебедевъ, «познакомятъ насъ съ сущностью дѣла и избавятъ отъ выводовъ и разсужденій. Тутъ факты говорятъ сами за себя.

«1800, Марта 22-го. Его И. В-во съ крайнимъ неудовольствіемъ замѣчаетъ по возвращающимся полкамъ, сколь мало господа инспекторы и шефы

всѣхъ: «Благодарю тебя; ты вчера спасъ отъ бѣды и себя, и меня». (Разсказы кн. П. П. Лопухина, записанные кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ; рукопись).

«Павелъ училъ или провожалъ какой-то полкъ. Офицеръ, ѣхавшій впереди верхомъ, долженъ былъ фрунту своему сказать: «Правое плечо заходи». Онъ промолвился и, вмѣсто «*правое*», сказалъ «*лѣвое*». Государь разсердился и закричалъ: «Стащите этого негодяя съ лошади! оборвите его»! Повелѣніе исполнено было тотчасъ; но онъ тѣмъ не удовольствовался: разжаловалъ его въ солдаты. И того показалось мало: приказалъ Великому Князю Константину Павловичу отвесть его подъ стражу и дать ему пятьсотъ ударовъ палками. Вел. Кн. поступилъ въ семъ случаѣ весьма благоразумно и великодушно: онъ нѣсколько дней старался всячески угождать отцу своему и въ одинъ день, когда примѣтилъ его въ веселомъ расположеніи духа, бросился предъ нимъ на колѣни и сказалъ: «Вы, Государь и родитель мой, обѣщали за прошедшую противъ французовъ кампанію наградить меня; умоляю васъ, сдержите свое слово»! — Государь разсмѣялся и, поднимая его, отвѣчалъ: «Изволь, чего ты хочешь»? — Великій Князь, не вставая съ колѣнъ, сказалъ ему: «Простите того офицера, на котораго вы прошедшій разъ прогнѣвались». — Павелъ подумалъ немного и отвѣчалъ: «Нельзя! онъ обезчещенъ: битъ палками». — «Нѣтъ, Государь»! вскричалъ Великій Князь, «онъ не битъ, я виноватъ! не исполнилъ вашего приказанія, дѣлайте со мной, что хотите»! Павелъ не разсердился, но обнялъ его и сказалъ: «Спасибо тебѣ! ты избавилъ меня отъ раскаянія». — Простилъ и наградилъ офицера». (Шишковъ, I, 76 примѣчаніе).

Въ другой разъ Императоръ встрѣтилъ на улицѣ одного голштинца, служившаго офицеромъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ... «Императоръ замѣтилъ на немъ какую-то неисправность въ формѣ и сталъ его бранить. Офицеръ хотѣлъ-было оправдаться. Императоръ, еще болѣе раздраженный, ударилъ его своею тростью. На другой день онъ позвалъ къ себѣ этого офицера, извинился передъ нимъ, далъ ему щедрое вознагражденіе и сверхъ того назначилъ пенсію, но въ то же время приказалъ ему подать въ отставку и отправиться назадъ въ свое отечество, «потому», сказалъ онъ, «что въ русской арміи не можетъ оставаться офицеръ, потерпѣвшій оскорбленіе». (Разсказы кн. Лопухина, рукопись). — Генералъ Котлубицкій разсказывалъ, что Павелъ I «училъ» провинившихся особой палкой изъ воловьей жилы, стоявшей у него въ кабинетѣ. (Р. Арх., 1868 г., 1171).

прилагали старанія къ сохраненію службы въ такомъ порядкѣ, какъ бы Императорскому Величеству угодно, и слѣдственно видитъ, сколь мало они усердствовали въ исполненіи его воли и службѣ.

«1800, Апрѣля 8-го. Мушкетерскимъ полкамъ, потерявшимъ знамена: Ласунскаго — три; Тучкова 1-го — два; Прибышевскаго — одно; Измайлова — одно; Повало-Швейковскаго 2-го — два и Вязьмитинова — одно, впредь знаменъ давано не будетъ.

«Е. И. В-во, усмотря по пришедшему съ границы Мушкетерскому Бороздина полку, что во всѣхъ частяхъ, составляющихъ службу, сдѣлано упущеніе, даже и обыкновенный шагъ ни мало не сходенъ съ предписаннымъ уставомъ, и видя противное всему данному Высочайшему повелѣнію, дѣлаетъ замѣчаніе на общее лицо.

Кавалеріардскій супервестъ 1800 г.

неисполненіе войскъ Финляндской инспекціи по данной имъ диспозиціи, что лѣвая колонна, пришедъ гораздо прежде правой на назначенное мѣсто, дожидалась оной, стоя по - взводно

«1800, Августа 9-го. Е. И. В-во, замѣтя изъ бывшаго сегодня маневра неисполненіе войскъ Финляндской инспекціи по данной имъ диспозиціи, что лѣвая колонна, пришедъ гораздо прежде правой на назначенное мѣсто, дожидалась оной, стоя по-взводно подъ огнемъ непріятеля, не прикрывъ себя кавалеріею и егерями, какъ то предписано было, и что въ ретирадѣ эскадроновъ мимо фронта одинъ баталіонъ выстрѣлилъ по всей кавалеріи, за что дѣлается выговоръ генералъ-лейтенанту князю Горчакову, — объявляетъ: что, конечно, точно таковое же неисполненіе и оплошность генераловъ были причиною потерянныхъ сраженій въ Швейцаріи и Голландіи.

«1800, Августа 10-го. Его И. В-во даетъ на замѣчаніе генераламъ инспекціи Финляндской, что они видятъ сами, сколь далеко они отъ того даже, чтобъ быть имъ генералами посредственными, и что, пока будутъ они таковы, — вездѣ, конечно, и всѣми будутъ биты.

«Такимъ образомъ лавры русскихъ войскъ, которыми такъ восторгались издали, опали сами собою, когда принялись разбирать это войско ближе въ строевомъ и уставномъ отношеніяхъ; оказалось, что «война испортила солдатъ», — выраженіе, сдѣлавшееся классическимъ и повторявшееся впослѣдствіи нѣсколько разъ» [1]).

---

[1]) Лебедевъ, 601.

Приказы эти такъ сгруппированы, что, дѣйствительно, выводъ изъ нихъ, сдѣланный ген. Лебедевымъ, напрашивается самъ собою; можно даже подумать, что цитата «война испортила солдатъ» («la guerre gâte le soldat») принадлежала Императору Павлу. Но такого взгляда на войну Павелъ I никогда не выражалъ, и эти слова принадлежатъ Вел. Кн. Константину Павловичу, и сказаны они были много позже...

Мы полагаемъ, что болѣе точное представленіе возможно себѣ сдѣлать, когда просмотришь *всѣ* Высочайшіе приказы, относящіеся до нашихъ войскъ, участвовавшихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ 1799 году.

«Выкидываются изъ службы съ лишеніемъ чиновъ, дворянства и переломленіемъ шпагъ надъ головою за трусость, оказанную въ сраженіи противъ непріятеля, гдѣ они бѣжали» (трое об.-офицеровъ).

«За несохраненіе порядка дисциплины и послушанія отнимаются бои у полковъ (11 полковъ и баталіоновъ). Полкъ же Завалишина, потерявъ знамя, оное ему новымъ не замѣняется.

«Егерскаго Сутгофа полка маіоръ Мамаевъ за ложное рапортованіе себя больнымъ и самовольную отлучку отъ команды исключается изъ службы.

«Генералъ-маіоръ Арбеневъ за трусость, оказанную въ сраженіи противъ непріятеля, гдѣ онъ, оставя ввѣренный ему полкъ, самъ удалился за 40 верстъ отъ мѣста сраженія, исключается изъ службы» [1]).

Мы рѣшительно недоумѣваемъ, что можетъ поражать въ Высочайшемъ приказѣ 8 Апрѣля 1800 г. (или въ приведенномъ нами о полку Завалишина). Полки, потерявшіе свои знамена, должны заслужить новыя своею кровью, и такіе полки еще за счастіе и милость почитаютъ, что ихъ не раскассировываютъ, а даютъ имъ возможность загладить свое преступленіе. Приказы 9 и 10 Августа были бы несправедливы и оскорбительны въ томъ только случаѣ, если бы, во-первыхъ, дѣйствительно не было совершено генералами Финляндской инспекціи цѣлаго ряда грубѣйшихъ ошибокъ (напр., держаніе войскъ въ колоннѣ подъ непріятельскимъ огнемъ, не прикрывъ себя кавалерійской цѣпью и разсыпнымъ строемъ егерей), во-вторыхъ, если бы неодобреніе было высказано войскамъ, а не генераламъ, которые одни въ томъ были виноваты, и въ-третьихъ, если бы наши генералы въ Швейцарскомъ походѣ Римскаго-Корсакова и въ Голландской экспедиціи не показали себя дѣйствительно плохими.

Въ числѣ «куріозныхъ» приказовъ приводятъ и такіе: «Е. И. В-во на маневрѣ 8 Сентября принужденнымъ себя нашелъ арестовать генералъ-маіора Томича» и 6 полковниковъ Конной гвардіи «за безразсудные ихъ поступки во время онаго, какъ-то: 1) кавалерія шла по четыре мимо непріятельскаго фронта подъ самымъ близкимъ картечнымъ выстрѣломъ; 2) сдѣлала атаку, наѣхавъ на непріятеля ближе, нежели повелѣно было;

[1]) Выс. прик. 24 Октября 1799 г.

Штабъ-трубачъ Кавалергардскаго полка и кавалергардъ 1800—1801 г.

3) во время ретирады былъ шумъ, и 4) лейбъ-гусары фланкировали противъ повелѣнія своего начальника подъ непріятельскими батареями на картечный выстрѣлъ, и во все то время такой шумъ происходилъ, что команды не слышно было» [1]).

«Его И. В-во дѣлаетъ выговоръ тогднишнему конно-гвардейскому разводу и рекомендуетъ господамъ офицерамъ больше заниматься службой, нежели городскою жизнью» [2]).

Императоръ Павелъ не стѣснялся объявлять выговоры даже фельдмаршаламъ, что было, конечно, мѣрой чрезвычайной. При частомъ же прибѣганіи къ чрезвычайнымъ мѣрамъ онѣ теряютъ свое свойство чрезвычайности, т.-е. не производятъ ожидаемаго впечатлѣнія. Но мы уже имѣли случай видѣть, что при Екатеринѣ II было столько отдѣльныхъ «войскъ», сколько было фельдмаршаловъ, ибо каждый изъ нихъ считалъ себя въ правѣ управлять своей арміей, исключительно сообразуясь со своими взглядами, а не съ уставами.

Изъ фельдмаршаловъ болѣе другихъ получалъ выговоровъ Салтыковъ 2-й, и обыкновенно приводятъ въ печати приказъ 24 Февраля 1800 г.: «Его Императорское Величество дѣлаетъ выговоръ генералъ-фельдмаршалу Салтыкову 2-му за незнаніе службы» [3]), но этому предшествовалъ выговоръ 3 Іюня 1799 г.: «Дѣлается выговоръ фельдмаршалу графу Салтыкову 2-му

---

1) Выс. прик. 11 Сент. 1800 г. Г.-М. Томичъ былъ командиромъ л.-гв. Гусарскаго полка. — Высочайшій приказъ 8 Сентября 1800 года: «Е. И. В-во объявляетъ Высочайшее свое благоволеніе бывшимъ сего числу войскамъ на маневрахъ ген. отъ инф. Голенищеву-Кутузову и ген. отъ кав. гр. фонъ-деръ-Палену, такъ же и всѣмъ баталіоннымъ командирамъ; нижнимъ же чинамъ жалуетъ по рублю, по чаркѣ вина и по фунту говядины на человѣка, а при томъ Высочайше объявить изволилъ, что весьма утѣшно для Е. И. В-ва видѣть достиженіе войскомъ такого совершенства, въ каковомъ оно себя показало во всѣхъ частяхъ подъ начальствомъ таковыхъ генераловъ, которыхъ качества и таланты, дѣйствуя таковыми войсками и такой націи, какова Россійская, не могутъ не утвердить и не обезпечить безопасности и цѣлости Государства».

«*Дополненіе приказа.* Е. И. В-во на маневрѣ 8 Сентября принужденнымъ себя нашелъ арестовать г.-м. Томича и л.-гв. Е. И. В-ва Цесаревича Константина Павловича полка полковниковъ: Янковича, Безобразова, Саблукова, Леонтьева, кн. Вяземскаго и Саврасова за безразсудные ихъ поступки во время онаго, какъ то: 1) кавалерія шла по-четыре мимо непріятельскаго фронта подъ самымъ близкимъ картечнымъ выстрѣломъ; 2) сдѣлала атаку, наѣхавъ на непріятеля ближе, нежели повелѣно было; 3) во время ретирады былъ шумъ; 4) лейбъ-гусары фланкировали противъ повелѣнія своего начальника подъ непріятельскими батареями на картечный выстрѣлъ, и во все то время такой происходилъ шумъ, что команды было не слышно».

2) Выс. пр. 22 Ноября 1797 г., Р. Стар., 1874/XII, 787. — 3) Тамъ же, XI, 543.

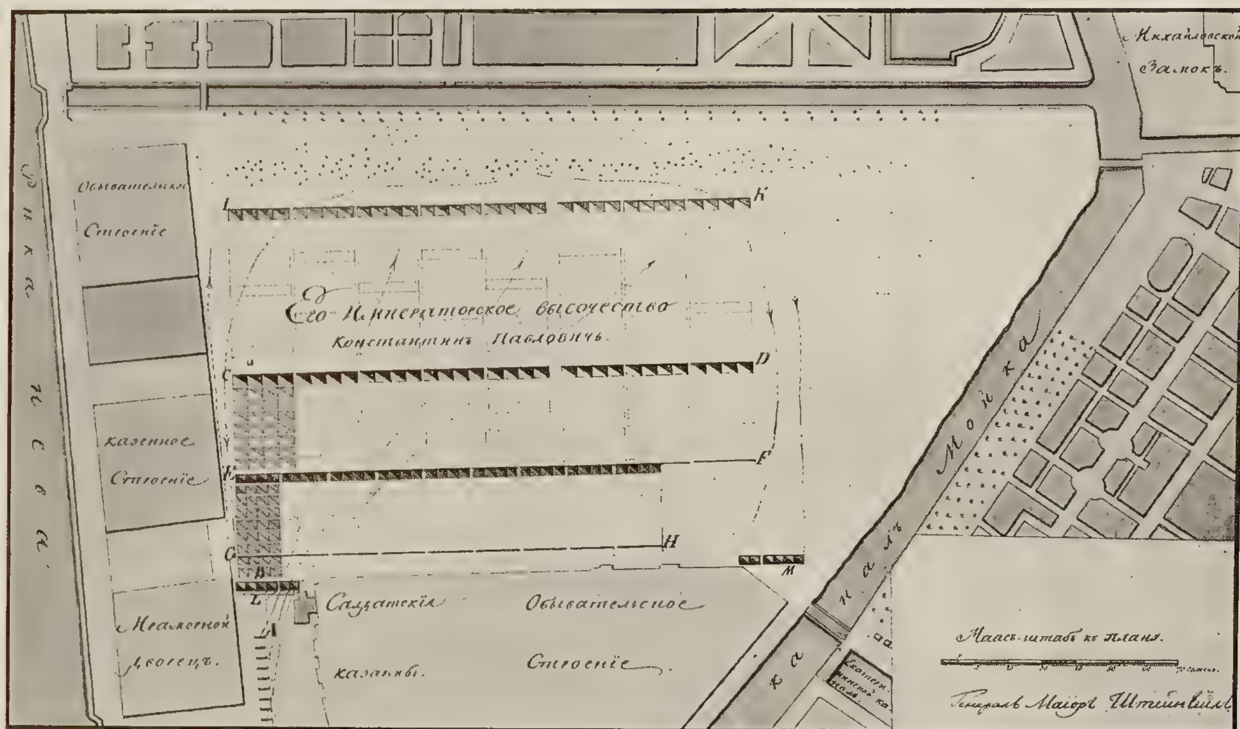
за ослабленіе и безпорядокъ команды его въ упущеніи арестанта», а 14 Августа 1800 года послѣдовалъ третій: «Дается на замѣчаніе всѣмъ шефамъ кавалерійскихъ полковъ, дабы не могло случиться подобнаго безпорядка, какой случился въ Кирасирскомъ гр. Салтыкова 2-го полку, котораго вопреки всѣхъ предписаній кирасирскія лошади выпущены были на луга для подножнаго корма, то за таковое незнаніе службы ген.-фельдмаршалу гр. Салтыкову 2-му дѣлается выговоръ, а командиръ того полка г.-м. Бычковъ исключается изъ службы».

«Планъ ученію.

«Леибъ-гвардіи коннымъ полкомъ состоящимъ въ пяти эскадронахъ подъ командою Его Императорскаго Высочества Константина Павловича, кавалергардскимъ полкомъ въ трехъ эскадронахъ подъ командою генералъ-адъютанта Уварова, Леибъ-гусарскимъ полкомъ въ девяти эскадронахъ подъ командою генералъ-маіора Томича и Леибъ-казачьимъ полкомъ въ трехъ эскадронахъ подъ командою генералъ-маіора Орлова 2-го, произведенному на учебномъ мѣстѣ царицынскаго луга Маія 14-го дня 1800 года.

«По взятіи штандартовъ всѣ помянутыя войски маршировали лѣвымъ флангомъ на учебное мѣсто по Миліонной улицѣ колонною, въ которой

Планъ ученія 14 Мая 1800 года на Царицыномъ лугу.
1-е положеніе.

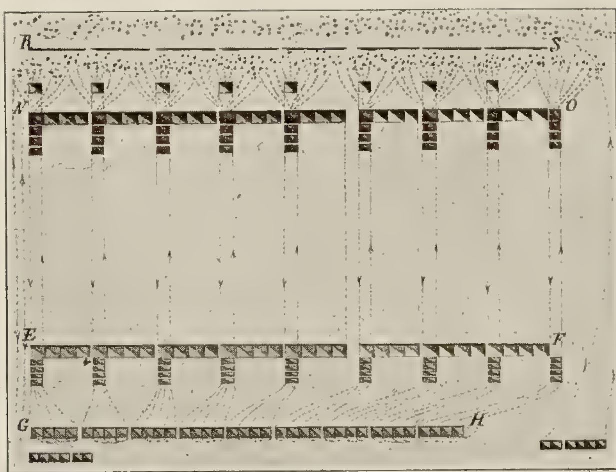
Леибъ-казачей полкъ былъ впереди, а за онымъ слѣдовали Леибъ-гвардіи конной полкъ, кавалергардской полкъ и Леибъ-гусарской полкъ.

«Изъ сей колонны отъ пункта *A* Леибъ-казачей полкъ сдѣлалъ разсыпную атаку, прочія же въ *B* строились по эскадронно и дойдя до *C* передній эскадронъ остановился а прочіе къ нему сближились и составили густую колонну. Леибъ-гвардіи конной полкъ и кавалергардской полкъ эскадронами деплоировали на право изъ колонны фронтъ и составили перьвую линію *CD*, а Леибъ-гусарской полкъ дойдя до *E* такимъ же образомъ деплоировалъ на право и составилъ вторую линію *EF*.

«Обѣ линіи для полученія въ движеніяхъ своихъ болѣе себѣ мѣста сдѣлали по четыре на право кругомъ, и отошли: перьвая до *EF* на мѣсто

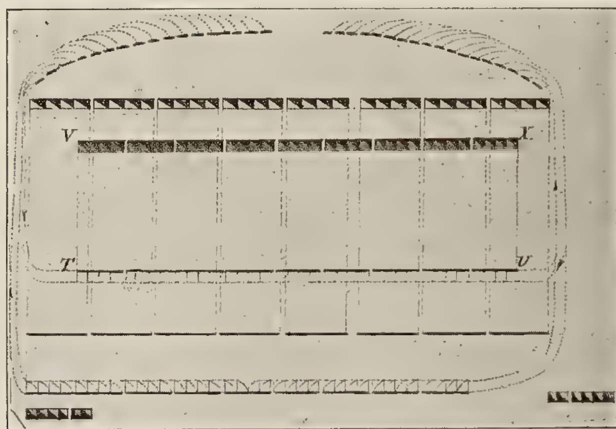
второй линіи во фронтъ, а вторая линія до *GH* и потомъ оборотились опять во фронтъ.

«Леибъ-казачей полкъ по учиненіи разсыпной атаки отступилъ назадъ и построился обѣими половинами позади второй линіи по флангамъ; первая линія вела атаку до *IK* и потомъ отступала эскадронами анъешекъ до *EF*, а Леибъ-казачей полкъ выѣхалъ разсыпною атакою для ея прикрытія.

2-е положеніе.

«По отступленіи перьвой линіи въ *EF* Леибъ-казаки такъ же возвратились въ *LM*, а вторая линія построилась эскадронами съ права по взводно и шла въ атаку за перьвою линіею до *NO*, гдѣ отъ перьвой линіи четвертыя взводы каждаго эскадрона выѣхавъ впередъ разсыпались и производили пальбу, гусарскіе же взводы заступили ихъ интервалы. По данному апелю сіи четвертыя взводы построились каждой противъ своего интервала, кои вторая линія поспѣшно проѣхавъ, разсыпалась предъ перьвою линіею и произвела пальбу, а по апелю каждой эскадронъ второй линіи собравшись противъ помянутыхъ интерваловъ, заѣхали по взводно на право и проскакали оные, доѣхавъ же до *GH* построили фронтъ.

3-е положеніе.

«Перьвая линія подвинулась впередъ и поравнявшись съ четвертыми взводами своихъ эскадроновъ произвела атаку до *RS*, откуда подъ прикрытіемъ казаковъ отступала такъ же эскадронами анъешекъ до *EF*.

«Вторая линія заѣхала по взводно на право и на лѣво по флангамъ перьвой линіи, и въ таковомъ построеніи двинулась впередъ вмѣстѣ съ перьвою линіею увеличивая скорость свою постепенно; когда же вторая линія заѣхала во флангъ и въ тылъ непріятеля, тогда перьвая линія произвела атаку свою въ сильнѣйшемъ ударѣ. По совершеніи сего вторая линія построилась во фронтъ въ *TU*, отколь учинила атаку до *VX*, чѣмъ и кончилось ученіе» [1]).

---

[1]) Гатчинскій Дворецъ, Кабинетъ Императора Павла I.

Глава VI.

Отзывы современниковъ о преобразованіяхъ Павла I.

«Былъ я тогда очень молодъ, а нельзя было не замѣтить съ перваго шага въ столицѣ, какъ дрожь, и не отъ стужи только, словно эпидемія, всѣхъ равно пронимала. Еще до пріѣзда князя (Н. В. Репнина) эта эпоха имѣла уже свои названія. Называли ее, гдѣ какъ требовалось: торжественно и громогласно — возрожденіемъ; въ пріятельской бесѣдѣ, осторожно, въ полголоса — царствомъ власти, силы и страха; втайнѣ, между четырехъ глазъ — затменіемъ свыше. Не наше это дѣло, а исторіи, которая, а съ нею и потомство, можетъ-быть, будутъ и справедливѣе современниковъ» [1]).

Всѣ современники, оставившіе намъ свои воспоминанія, единогласно свидѣтельствуютъ, что преобразованія Императора Павла возбудили противъ него высшій классъ.

«Служба пошла новая, на другихъ правилахъ основанная, а паче всего частые штрафы, посаженіе въ крѣпость и снятіе шпагъ, всѣ сіи уничижительныя, несоразмѣрныя и необыкновенныя мѣры отвратили дворянство совершенно отъ службы. Упалъ духъ, сдѣлалось роптаніе. Непомѣрная строгость Государя, а особливо къ военнослужащимъ, крайне оскорбила дворянство и отняла духъ и желаніе къ службѣ» [2]).

«Обратить гвардейскихъ офицеровъ», говоритъ Сангленъ, «изъ царедворцевъ въ армейскихъ солдатъ, ввесть строгую дисциплину, словомъ, обратить все вверхъ дномъ, значило презрѣть общественное мнѣніе и нарушить вдругъ весь существующій порядокъ, освященный временемъ» [3]).

---

1) Восп. Лубяновскаго, 144. — 2) Записки кн. Ф. Н. Голицына; Р. Арх., 1874 г., 1308, 1313. — 3) Зап. де-Санглена; Р. Стар., 1882/II, 475.

«Страсть» Павла I «къ экзерциціямъ и запальчивая взыскательность за малѣйшія ошибки во фронтѣ возстановили противъ него войско и все дворянство... [1]).

Гр. А. Р. Воронцовъ въ запискѣ, поданной Александру I, отзываясь весьма рѣзко о царствованіи Павла I («вообще, сказать можно, былъ хаосъ совершенный»), тѣмъ не менѣе писалъ, что до вступленія его на престолъ временщики «находили поводъ къ злоупотребленіямъ, кои существовали въ гвардейскихъ полкахъ и въ арміи, такъ что до солдатъ и положенное не доходило. Чины доставлялись и тѣмъ, кои совсѣмъ не служили; а купцы, чтобы имѣть право на покупку деревень, адъютантствовали и запискою въ гвардію, а потомъ отставкою или выпусками, чины себѣ доставляли. Нельзя не признать, что въ царствованіе покойнаго Императора по арміи люди такъ не пропадали и не оставлялись для того, чтобы у многихъ въ приватной службѣ быть или деревни ими населять; положенное для солдатъ не служило другимъ въ корысть, но доходило до нихъ» [2]).

Императоръ Павелъ I, съ акватинта I. Уокера по карт. I. Аткинсона.

«Сказавши теперь достаточно о предосудительной и смѣшной сторонѣ тогдашней правительственной системы, я долженъ упомянуть и о нѣкоторыхъ изъ похвальныхъ мѣръ, принятыхъ тогда для благоденствія народа. Черезъ нѣсколько дней по восшествіи Павла на престолъ во дворцѣ было устроено обширное окно, въ которое всякій и всякая могли бросать свои прошенія на имя Императора... Этимъ путемъ обнаружились многія вопіющія несправедливости, и въ такихъ случаяхъ Павелъ былъ непреклоненъ: никакія личныя или сословныя соображенія не могли избавить виновнаго отъ наказанія; остается только сожалѣть, что Его Величество иногда дѣйствовалъ слишкомъ стремительно и не предоставлялъ наказанія самимъ законамъ, которые наказали бы виновнаго

[1]) Записки А. Н. В. «Смерть Павла». — [2]) Арх. кн. Воронцова, XXIX, 465.

гораздо строже, чѣмъ то дѣлалъ Императоръ, не подвергая его тѣмъ нареканіямъ, которыя влечетъ за собою личная расправа» [1]...

«Народъ не былъ обиженъ; даже солдатъ, который всегда жалуется, не тяготился суровостью службы: онъ получалъ все, что ему было должно, и могъ дослужиться до самыхъ высшихъ чиновъ, несмотря на свое плебейство и на самую низшую степень общества, изъ которой онъ былъ взятъ» [2]).

Взгляды Императора Павла на внутреннюю политику Россіи и въ особенности на крѣпостное право до сихъ поръ не изслѣдованы. Изслѣдованіе этого вопроса совершенно вывело бы насъ изъ рамокъ нашей работы. Все, что мы можемъ сдѣлать, это представить нѣсколько выдержекъ изъ переписки Павла Петровича съ Маріей Θеодоровной во время путешествія Государя въ 1798 году.

«*Wolodimir. Ce 17 Mai 1798.*—Lisez avec attention ce que je vais Vous dire. Hier à Pokrowsk, après Vous avoir écrit dans la chambre où je demeurais au rez-de-chaussée et sur un coin, d'un côté j'avais contre la fenêtre des dames de la noblesse, à une autre j'en avais du commun et à une troisième des paysans, des bourgeois et domestiques; tous me disaient être charmés de me voir et me parlaient de leur attachement pour moi; après quoi à chacune de ces fenêtres j'entends dire par une grande quantité à l'envie: «Мы знаемъ, что ты только добра нашего желаешь и ищешь; мы всѣ знаемъ это. Право, Богъ тебя наградитъ за это». Jugez de mon état; ensuite des bénédictions et des embrassements par la fenêtre; avec cela une tranquillité, une bienséance admirable et aucun *préposé*».

«*Mourom. Ce 18 Mai 1798.* Ce n'est pas Rome que Mourom, mais je suis entouré de quelque chose de mieux: d'un peuple innombrable qui me comble d'affection... Je Vous écris ceci entouré de monde au rez-de-chaussée. Jugez s'il est possible d'écrire de suite; tout est qu'on n'a pas d'idée de ce que c'est que la Russie quand on ne l'a vue. Cela passe tout et si jamais, si jamais ———— il y a la réforme, il y aura s'en aller. Adieu. P.».

«*Nerechta. Ce 3 Juin 1798.* ...Si Vous prenez les eaux, moi je les traverse tantôt sur une chaloupe, tantôt sur un ponton, tantôt dans une nacelle de paysans qui par parenthèse sont infiniment plus aimables que que que—chut. Faut pas dire, mais bien sentir cela».

---

[1]) Зап. Саблукова, «Frazers Magazine», 231; Р. Арх., 1869 г., стр. 1891; Зап. Злобина (рукопись). — «Все это» (строгости Павла I) «однако не касалось людей низшаго сословія и рѣдко касалось частныхъ лицъ, не занимавшихъ никакой должности. Только лица, находившіяся на службѣ, какого бы званія они ни были, постоянно чувствовали надъ собою угрозу наказанія. *Народъ былъ счастливъ* (курс. авт.). Его никто не притѣснялъ. Вельможи не смѣли обращаться съ нимъ съ обычною надменностью, они знали, что всякому возможно было писать прямо Государю, и что Государь читалъ каждое письмо. Имъ было бы плохо, если бы до него дошло о какой-нибудь несправедливости; поэтому страхъ внушалъ имъ человѣколюбіе. Изъ 36 милліоновъ людей по крайней мѣрѣ 33 милліона имѣли поводъ благословлять Императора, хотя и не всѣ это сознавали». (Зап. Коцебу).—«L'Empereur, s'il fait quelques mécontents par sa sévérité et sa promptitude à punir, ne laisse pas de gagner le cœur de beaucoup de ses sujets, de quelques-uns par la libéralité et du grand nombre par son amour de l'ordre et de la justice, qui, inspirant de la crainte à tous, met le peuple à l'abri des vexations, sous lesquelles il gémissait précédemment». (Депеша Стединка, у Брикнера «Kaiser Pauls I Ende», 73). — [2]) Зап. Рунича; Р. Обозр., 1890/VIII, 685.

«Легко себѣ представить», говоритъ Саблуковъ, «что эта система держала семейства, къ которымъ принадлежали офицеры, въ состояніи постояннаго страха и тревоги, и почти можно сказать, что Петербургъ, Москва и вся Россія были погружены въ постоянное горе. Люди знатные, конечно, тщательно скрывали свое неудовольствіе, но чувство его иногда прорывалось наружу, и во время коронаціи въ Москвѣ Императоръ не могъ его не замѣтить. Зато низшія сословія, «милліоны», съ такимъ восторгомъ привѣтствовали Императора при всякомъ представлявшемся къ тому случаѣ, что онъ приписывалъ холодность и видимое отсутствіе привязанности со стороны дворянства лишь нравственной испорченности и якобинскимъ наклонностямъ. Что касается до этой испорченности, онъ былъ, конечно, правъ, такъ какъ нерѣдко многіе изъ самыхъ недовольныхъ, когда онъ обращался къ нимъ лично, отвѣчали ему льстивыми словами и съ улыбкою на устахъ» [1]).

Павелъ I, съ русск. грав. того времени.

«Петербургскіе жители были въ совершенномъ ужасѣ; все трепетало, и никто не зналъ, какъ окончится день; Павелъ наводилъ на всѣхъ паническій страхъ; все подчинялось строгимъ формамъ и стѣсненію... По дѣятельности и страху, господствовавшему тогда въ обществѣ, царствованіе Павла напоминало времена Петра I. Но ежели Павелъ дѣйствовалъ въ высшей степени произвольно и самоуправно, то, съ другой стороны, какъ я слышалъ отъ людей степенныхъ и пожилыхъ, онъ рѣшительно остановилъ все самоуправство Екатерининскихъ вельможъ и стремился водворить повсюду порядокъ, благоустройство въ администраціи, правду и силу законовъ въ судахъ. Простой народъ благоденствовалъ при Павлѣ и имѣлъ въ немъ покровителя. Онъ первый уничтожилъ безотчетную работу крѣпостныхъ крестьянъ и установилъ трехдневную въ недѣлю, а для обезпеченія продовольствія учредилъ для крестьянъ запасные магазины» [2]).

---

[1]) Зап. Саблукова, Fraz. Mag., 237; Р. Арх., 1904. — [2]) Изъ записокъ Ф. Я. Мирковича; Р. Арх., 1890/III, 397.

Императоръ Павелъ I.

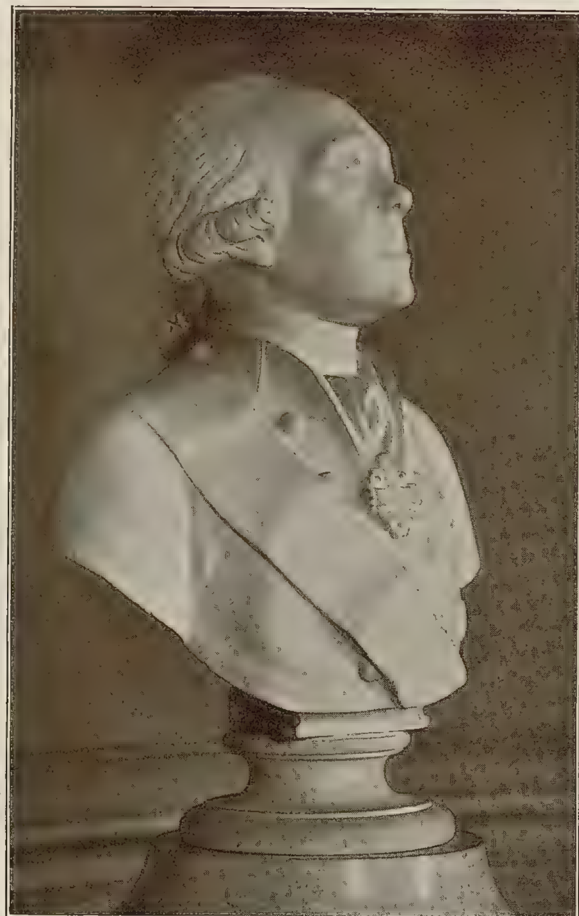
«Le caractère de ce Prince était un composé étrange de nobles instincts et d'effrayants penchants. Son enfance et sa jeunesse avaient été tristes. Il n'était pas aimé de sa mère. D'abord fort négligé, plus tard maltraité par elle, il avait vécu de longues années relégué dans ses châteaux, environnés des espions de l'Impératrice Catherine. Il venait rarement à la Cour, et quand il lui était permis d'y paraître, il était reçu avec froideur et sévérité par l'Impératrice et un éloignement et même une inconvenance marqués par tous les courtisans. Ses propres enfants étaient élevés loin de lui. Il les voyait très rarement. Sans considération, sans contact avec les hommes dans les affaires, sans occupation comme sans plaisirs, telle était la vie à laquelle s'est trouvé condamné pendant 35 ans le Prince qui aurait dû occuper le trône et qui tout au moins était destiné à l'occuper un jour.

«L'Empereur Paul était petit de taille. Les traits de son visage étaient laids à l'exception des yeux qu'il avait fort beaux, et dont l'expression, quand il n'était pas dominé par la colère, avait un agrément et une douceur infinis. Dans le cas contraire son aspect était terrifiant. Quoique son port fût dépourvu de grâce, il avait un certain cachet de dignité et surtout de bonnes manières, de façons polies avec les femmes, qui revêtissaient sa personne d'une vraie distinction et le proclamaient vite Prince et gentilhomme. Il avait l'esprit orné, vif, ouvert et enclin à la gaîté. Il avait goût aux beaux arts. Il connaissait la langue et la littérature française parfaitement et il aimait la France. Les mœurs, les goûts de ce pays étaient passés dans ses habitudes. Sa conversation était saccadée mais toujours animée. Il s'entendait aux expressions fines et délicates. Ses plaisanteries étaient toujours de bon goût, rien de plus gracieux que ses brèves paroles dans ses moments de bienveillance pour les personnes... Je parle ici de souvenir, car j'ai quelques fois approché l'Empereur Paul avant et après mon mariage...

«...Le fond de son caractère était grand et noble. Ennemi généreux, ami magnifique, sachant pardonner grandement et reparer un tort ou une injustice avec effusion. Mais à côté de ces qualités rares, se réveillaient en lui des dispositions terribles. Soudain dans les résolutions les plus extrêmes, ombrageux, violent, bizarre jusqu'à l'extravagance» [1]).

---

[1]) Записки кн. Доротеи Ливенъ: «*L'Empereur Paul*», Собств. Е. В-ва библіотека.—«On aurait depuis longtemps été disposé à croire la raison du monarque aliéné, si des intervalles d'un esprit éminent et des retours vers l'équité et la justice n'avaient argumenté en faveur du contraire». (Дрезд. арх., № 30380).

Бюстъ Павла I.
Собственность Никол. Инженерн. Академіи.

Единственное письменное упоминаніе о психическомъ разстройствѣ Императора Павла («un homme entièrement aliéné») [1]) встрѣчается въ письмѣ гр. Н. П. Панина къ гр. С. Р. Воронцову, отъ 1805 г., т.-е. четыре года спустя по кончинѣ Павла Петровича, когда Панину понадобилось не только объяснить, но и оправдать свое поведеніе. Въ запискахъ современниковъ, какъ и въ ихъ перепискѣ, встрѣчаются указанія лишь на его горячность, вспыльчивость, доходившія до полнаго забвенія самыхъ элементарныхъ приличій. Его несдержанность, свидѣтельствовавшая о потерѣ самообладанія, его недовѣрчивость, его подозрительность, если и давали поводъ заключать о ненормальномъ его состояніи, были однако недостаточны для признанія его душевнобольнымъ [2]).

«On a beaucoup dit que dès son enfance l'Empereur Paul avait donné des signes d'aberration d'esprit. *Il est difficile de soutenir qu'il fût atteint de cette infirmité.* Jamais il n'en a fourni de preuves positives; mais certainement ses étrangetés, les emportements fougueux et quelquefois cruels auxquels il se livrait justifient le soupçon d'une certaine faiblesse d'organisation dans un esprit et un cœur naturellement droits et bons» [3]).

«Когда его ослѣпляли подозрительность и заносчивость», говоритъ Коцебу, «льстецы и искатели счастья, которые его окружали, спѣшили еще болѣе затемнять его разсудокъ, дабы ловить рыбу въ мутной водѣ» [4]).

Правдивые совѣты, въ родѣ совѣтовъ митрополита Платона, Императоръ Павелъ рѣдко получалъ. «Обыкновенно всякій искалъ какъ бы подладиться подъ его подозрительный нравъ, какъ бы выставить чужую дерзость, чтобы придать болѣе цѣны собственному подобострастію и выманить подарки отъ Государевой извѣстной щедрости.... Что Павелъ приказывалъ со строгостью, то исполнялось его недостойными слугами съ жестокостью.... Онъ требовалъ

1) Арх. кн. Воронцова, XI, 139. — 2) При изслѣдованіи этого вопроса необходимо обратить серіозное вниманіе на данныя, сообщенныя докторомъ Рожерсономъ, пользовавшимъ Павла Петровича, знавшимъ его какъ Великимъ Княземъ, такъ и Императоромъ. (Арх. кн. Воронцова, XXX, 87, 90, 96, 111, 119, 124).— 3) Зап. кн. Ливенъ. — 4) Зап. Коцебу.

Императоръ Павелъ I.

только точнаго исполненія во всемъ, что ему казалось справедливымъ... [1]). Но этого недостаточно было для вѣроломныхъ слугъ. Имъ нужно было, чтобы Государь чувствовалъ необходимость держать ихъ при себѣ, и чтобы онъ чувствовалъ ее все болѣе и болѣе; съ этою цѣлью они старательно поддерживали его подозрительность и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы подливать масло въ огонь. Неумолкаемое поддакиваніе вошло въ обычай, окончательно извратило нравъ Государя и съ каждымъ днемъ дѣлалось ему необходимѣе» [2]).

Императрица Марія Θеодоровна.

Первый бракъ Цесаревича былъ несчастливъ, и причиною этому была Великая Княгиня Наталія Алексѣевна... Относительно втораго брака Павла Петровича такого категорическаго утвержденія сдѣлать нельзя. Вначалѣ, до вступленія на престолъ, бракъ можно считать счастливымъ, или по крайней мѣрѣ онъ таковымъ казался Цесаревичу. Общее угнетеніе, испытываемое «Малымъ» Дворомъ отъ «Большаго», съ одной стороны, сплачивало супруговъ, съ другой — препятствовало вполнѣ развернуться характеру Маріи Θеодоровны. Мы видимъ, что Великая Княгиня является посредницей между матерью и сыномъ, и она во многомъ успокаиваетъ и удерживаетъ Павла Петровича [3]).

---

[1]) Зап. Коцебу.—«Вспоминая о Павлѣ Петровичѣ, отецъ мой говаривалъ о немъ, что онъ имѣлъ много благородныхъ душевныхъ качествъ, но его вспыльчивость, мнительность и настойчивость въ требованіяхъ немедленно исполнить волю его много ему вредили; иные изъ окружающихъ его пользовались тревожнымъ характеромъ и медлили исполнять его приказанія, чтобы, раздраживъ его, поднести доносы о тѣхъ, кого хотѣли по злобѣ погубить». (Зап. гр. Н. Н. Мордвиновой, Р. Арх., 1883/1, 162). — «Хотя А. П. Ермоловъ отзывался иногда шутливо о нѣкоторыхъ странностяхъ Императора Павла Петровича, но никогда не позволялъ себѣ никакой горечи въ своихъ выраженіяхъ, не взирая на двухлѣтнее нахожденіе подъ грознымъ слѣдствіемъ во время его царствованія. А. П. говорилъ, что у покойнаго Императора были великія черты, и историческій характеръ его еще не опредѣленъ у насъ». (Воспом. А. Фигнера, Ист. В-къ, 1881/1, 152).

[2]) Зап. Коцебу. — «Въ перемѣнчивости Павла I винятъ обыкновенно интриги, зависть и наушничество его приближенныхъ. Они дѣйствительно не отличались доблестями и усугубляли зло, но существовавшій въ его царствованіе порядокъ вещей нельзя приписать постороннимъ вліяніямъ. Государь былъ самъ первымъ и злѣйшимъ себѣ врагомъ; въ немъ самомъ заключались дурныя особенности тогдашняго правительства. Отвергать это и всю бѣду возлагать на постороннія воздѣйствія и вліянія значитъ дѣлать изъ Павла верховнаго вождя, не имѣвшаго никакой самостоятельности и служившаго послушнымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ. А этого не было». (Петрушевскій, II, 324).

[3]) См. Переписку Павла Петровича и Маріи Θеодоровны во время Финляндской войны 1788 года. (Собств. Его В-ва библ.).

Но проповѣдуя Цесаревичу покорность волѣ Императрицы и терпѣливое выжиданіе болѣе счастливыхъ дней, Марія Ѳеодоровна невольно и обостряла отношенія между Екатериною II и Цесаревичемъ. Тяготясь опекой матери, Павелъ Петровичъ еще менѣе могъ выносить мелочную опеку своей супруги. Стараясь оберегать своего мужа наперекоръ ему самому разными косвенными средствами, Марія Ѳеодоровна подвергала опасности существовавшій доселѣ между ними миръ и супружеское согласіе. Методичность, размѣренность дѣйствій Великой Княгини, ея мелочность, умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ, ея мелкіе, дипломатическіе пріемы, когда она желала повліять въ извѣстномъ смыслѣ на своего супруга, — все это не нравилось Павлу; наоборотъ, рѣзкость характера Нелидовой, искренность ея мыслей и чувствъ, безусловная къ нему преданность, чистота побужденій, — все это находило себѣ отголосокъ въ рыцарской душѣ Цесаревича, желавшаго знать правду и умѣвшаго цѣнить ее.

Императрица Марія Ѳеодоровна, съ наброска Боровиковскаго. (Гатчинскій Дворецъ).

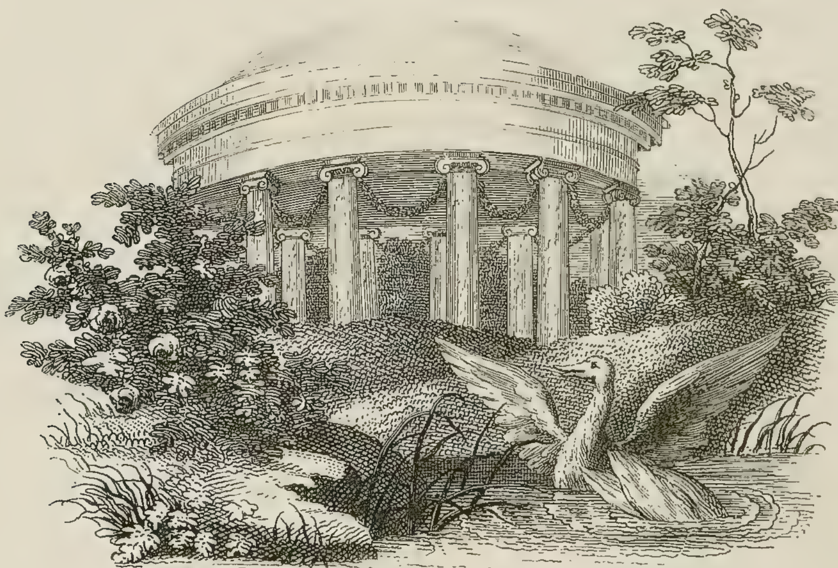
Въ 1790 году дружба Павла Петровича съ Нелидовой, подъ вліяніемъ грустнаго его настроенія, сдѣлалась особенно тѣсною, такъ что Марія Ѳеодоровна чувствовала себя какъ бы лишней при ихъ бесѣдахъ, въ ихъ присутствіи; несдержанность Павла Петровича давала этой дружбѣ видъ невниманія къ его супругѣ. Великая Княгиня, крайне чуткая ко всему, что могло оскорблять ея самолюбіе, и побуждаемая другомъ своимъ, г-жею Бенкендорфъ, въ свою очередь стала выражать свое презрѣніе къ Нелидовой и дала почувствовать свое неудовольствіе и Павлу Петровичу. Тогда Цесаревичъ рѣшительно принялъ сторону фрейлины, обиженной ради него, и «затѣмъ потянулся нескончаемый рядъ семейныхъ сценъ и непріятностей»... Въ довершеніе всего Марія Ѳеодоровна пожаловалась Императрицѣ... «Нелидова не выдержала наконецъ пытки своего положенія и рѣшила удалиться въ Смольный Институтъ» [1]).

Нынѣ можно, кажется, утверждать, что связь Павла I съ Е. И. Нелидовой была чисто платоническая; но не таковыми эти отношенія казались большинству современниковъ.

Подозрѣвала или не подозрѣвала Марія Ѳеодоровна преступную связь, въ данномъ случаѣ вопросъ совершенно лишній: Павелъ Петровичъ былъ

[1]) Шумигорскій, «Павелъ I».

болѣе друженъ съ Нелидовой, чѣмъ съ своей супругой, и одного этого было вполнѣ достаточно, чтобы Императрица ревновала его къ Нелидовой и старалась удалить ее отъ своего Двора. Несомнѣнно, что именно Марія Θеодоровна подорвала вліяніе Нелидовой на Павла Петровича. Послѣдствія этого событія были неисчислимы. Когда Марія Θеодоровна увидѣла, что съ удаленіемъ Нелидовой мужъ ея лишь подпадетъ подъ вліяніе другой женщины, но не вернется къ ней, она спохватилась: Марія Θеодоровна схо-

дится съ Нелидовой; обѣ женщины заключаютъ тѣсный союзъ съ цѣлью удержанія Павла Петровича въ семьѣ, но было уже поздно [1]). Съ одной стороны, Павла Петровича пріучили къ тому, чтобы обходиться безъ общества Нелидовой, съ другой — и это главное — онъ догадался, какая была истинная причина перемѣны отношеній Императрицы къ Нелидовой. Къ тому же обстановка рѣзко измѣнилась: опальный Цесаревичъ сдѣлался Императоромъ. Доселѣ его «пріучали къ шиканамъ» [2]); теперь же прямая выгода была не только исполнять всѣ его прихоти, но даже выдумывать ихъ за него, наталкивать его на нихъ. Исполненіе Царскихъ прихотей давало не только вѣсъ и значеніе при Дворѣ, но и матеріальныя блага.

Павелъ Петровичъ обладалъ съ дѣтства влюбчивымъ и болѣзненно-чувствительнымъ характеромъ. Полученное имъ воспитаніе только развило эти

---

1) «Il fallait arracher Paul à son attrait pour mademoiselle Nélidow et le brouiller avec sa femme. A cet effet, on fit sentir à l'Empereur qu'il était en tutelle, que ces deux femmes régnaient en son nom, que tout le monde en était convaincu». (Mém. de Czartoryski, I, 177).

2) Собственноручная записка Павла Петровича, у Шильдера, I, 268. — «J'ai eu des chagrins 34 ans». (Депеша Клингспора Густаву IV, у Брикнера (R. R.), 25).

свойства. Если не считать Чарторижскую [1]), то онъ никогда не былъ «молодъ». Вплоть до вступленія своего на престолъ Павелъ Петровичъ былъ вполнѣ вѣрнымъ супругомъ.

Едва ли можно оспаривать, что для огромнаго большинства людей «молодые года» представляютъ своего рода неизбѣжность, гарантирующую отъ увлеченій въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Павелъ Петровичъ этой гарантіи не имѣлъ и впослѣдствіи не устоялъ противъ искушеній [2]).

Вступивъ на престолъ, Императоръ Павелъ вновь сблизился съ Нелидовой. «И Марія Ѳеодоровна, и Нелидова... дѣйствовали совмѣстно, чтобы предохранять его отъ возможныхъ увлеченій, отъ послѣдствій его гнѣва и раздражительности. Но... въ образѣ дѣйствій охранявшихъ его подругъ была существенная разница. Нелидова въ своихъ отношеніяхъ къ Павлу не преслѣдовала никакихъ личныхъ цѣлей, не навязывала ему никакихъ своихъ взглядовъ и симпатій, тогда какъ Императрица, ограничивая свою дѣятельность внѣшнимъ образомъ дѣлами благотворенія, тѣмъ не менѣе ярко выражала свою личность и въ вопросахъ, касающихся внутренней и внѣшней политики государства. Прежде всего Императрица обнаруживала слишкомъ живое участіе къ дѣламъ многочисленной нѣмецкой своей родни..., вмѣстѣ съ тѣмъ при каждомъ представлявшемся случаѣ она не умѣла скрыть своихъ симпатій къ Пруссіи. Приближая къ себѣ французскихъ эмигрантовъ изъ сочувствія къ легитимному принципу, Императрица въ то же время покровительствовала католическому духовенству, если интересы его связаны были съ интересами эмигрантовъ; но въ особенности любила Императрица выдвигать различныхъ нѣмецкихъ выходцевъ, оцѣнивая вмѣстѣ съ ними политическое положеніе по преимуществу съ нѣмецкой точки зрѣнія. Въ дѣлахъ политическихъ Марія Ѳеодоровна ошибочно давала также мѣсто мелочнымъ соображеніямъ семейнаго характера, не всегда имѣвшимъ связь съ общими интересами Россіи... Вообще въ дѣйствіяхъ Императрицы, уже прославившейся своими благотвореніями, замѣтна была мелочность побужденій, стремленіе внести въ государственныя дѣла соображенія семейнаго или сентиментально-нравственнаго характера [3]).

«L'Empereur n'a pas de serviteurs fidèles», писалъ въ Ноябрѣ 1798 года Ростопчинъ гр. С. Р. Воронцову; «on le déteste, jusqu'à ses propres enfants; car le Grand-Duc Alexandre déteste son père, le Grand-Duc Constantin le craint. Les filles, conduites comme le reste par la mère, voient le père avec répugnance, et tout cela lui sourit et voudrait le voir réduit en poussière. Quel caractère atroce que celui de..... Son idole passée, c'est l'opinion du public, son idole présente, c'est le despotisme et la fureur de régner. Elle ne dédaigna pas

---

[1]) Кобеко, 68. — [2]) Дрезд. арх., № 30380. — [3]) «On s'étonne avec raison de ce qu'avec un caractère violent et irascible comme le sien il ait supporté si longtemps les petitesses de l'Impératrice et son manque continuel de tact et de mesure». (Собств. Е. В-ва библіотека, Зап. гр. Головиной).

s'associer une vile coquine, son ennemie jurée, pour gouverner son mari, et lasser enfin, au bout de 18 mois, une résignation exemplaire à ses volontés» [1]).

Мнѣніе Ростопчина [2]) мы оставили бы безъ вниманія, но въ данномъ случаѣ онъ только на половину искажаетъ истину, утверждая, что Александръ Павловичъ и Великія Княжны ненавидѣли своего отца. Но относительно его показаній, что Марія Ѳеодоровна оказывала постоянное вмѣшательство въ политику и усиленно добивалась популярности, даже и въ ущербъ своему супругу, то нынѣ и то, и другое вполнѣ доказывается, какъ свидѣтельствами современниковъ, которыхъ въ пристрастіи къ Императрицѣ нельзя заподозрить [3]), такъ и личной ея перепиской.

Особенно много матеріала для характеристики Императрицы Маріи Ѳеодоровны даетъ ея переписка съ Нелидовой и Плещеевымъ. Рѣзко бросается въ глаза различіе обѣихъ женщинъ, если сравнить письмо Нелидовой къ Императору Павлу съ письмами Маріи Ѳеодоровны къ Нелидовой по поводу добровольнаго удаленія Нелидовой изъ Петербурга въ 1798 году: «Dites-moi, ma bonne amie, avec votre franchise ordinaire si du moins dans mes bien cruelles peines j'ai la consolation d'être chérie du public; on m'en flatte quelquefois; mais dites-moi, ma bonne amie, si effectivement Dieu me fait jouir de ce bonheur. Je le prie beaucoup, je vous l'avoue, et vous vous rappellerez, ma bonne amie, que tous nos soins tendaient à faire chérir notre pauvre cher Empereur» [4]).

«............J'espère que les honnêtes gens m'estiment et m'aiment», писала Императрица Плещееву, «j'espère l'être même du public, car je sens que je le mérite. Ma marche est et sera toujours la même et mon cœur toujours ouvert à l'Empereur lorsqu'il le voudra; mais, mon ami, les méchants sont intéressés à l'en empêcher. Du reste je n'ai pas à me plaindre des procédés et, grâce à Dieu, le ciel me fait la faveur de me faire éviter toute scène et moquerie. Je parais heureuse aux yeux du public, c'est mon devoir. *Dites-moi si on est content de mon air, de ma conduite;* je ne vois personne et ne parle à personne, j'attends tout de Dieu, de sa protection et non des hommes.

«*Marquez-moi ce que dit le public en général;* je souffre de l'altération des sentiments du public pour l'Empereur, c'est ce qui désole mon cœur qui voudrait le voir respecté et adoré» [5]).

---

1) Письмо гр. Ростопчина къ гр. С. Р. Воронцову; Арх. кн. Воронцова, XXIV, 274.

2) «Такимъ достойнымъ» (отстраненіемъ отъ всѣхъ должностей и высылкой въ деревню) «образомъ, какъ фальшивый доносчикъ» (на гр. Панина), «сошелъ съ поприща государственной дѣятельности гр. Ф. В. Ростопчинъ. Снова онъ появляется на этомъ поприщѣ... въ 1812 году, и опять таки съ фальшивымъ доносомъ, въ этотъ разъ на М. М. Сперанскаго! Рѣдкое постоянство вкуса!»... (Кн. Лобановъ, «Гр. Н. П. Панинъ», рукопись).

3) Письма кн. В. П. Кочубея гр. С. Р. Воронцову, въ «Арх. кн. Воронцова», XVIII, 149, 150, 165, 177. — «... je pense seulement que si l'Impératrice est peut-être une très bonne femme, que s'il est à désirer que la bonne union se maintienne toujours—elle a une vanité et une manie de gouverner dont rien n'approche».

4) E. Choumigorsky, «Lettres de S. M. l'Impératrice Marie Féodorovna à M-lle de Nélidow», I, 78—80, 83—86.

5) Письмо къ Плещееву 24 Августа 1798 г.

«On m'assure que le public m'aime, qu'on est content de la conduite que je tiens dans ces moments difficiles et de la prudence que j'oppose à ces temps désastreux. Marquez-moi si je puis me fixer à ce sentiment consolant? [1]... J'ose espérer que ma manière d'agir est appréciée par ceux qui pensent et réfléchissent. Marquez-moi si on m'aime un peu chez vous... Entrez dans beaucoup de détails lorsque vous m'écrivez, et dites-moi, je vous prie, si on m'aime un peu» [2]).

«J'ai remarqué de la conversation que j'ai eu hier au soir moi-même avec l'Empereur», писалъ В. П. Кочубей, «que sa méfiance contre l'Impératrice allait malheureusement bien loin: je dis malheureusement, parce que l'Empereur s'inquiète inutilement. Que l'Impératrice n'a pas su se conduire, qu'elle a voulu se mêler trop des affaires, cela n'est pas douteux; mais qu'elle puisse songer à quelque chose d'important, abstraction faite de son moral, que je ne connais pas, mais que je ne suppose pas mauvais, elle n'a ni assez d'esprit ni assez de courage pour jamais oser rien tenter. D'ailleurs, l'oserait-elle même, elle ne trouverait jamais aucun appui. On ne l'aime pas en général, tandis qu'on est las de révolutions et que l'on adore le Grand-Duc Alexandre... Vous pouvez d'après cela vous imaginer combien cet état de choses doit être pénible» [3]).

Осенью 1798 года Императоръ Павелъ страстно влюбился въ Анну Петровну Лопухину. Павлу Петровичу было 44 года, Лопухиной — 21. «Приписывая перемѣну въ супругѣ исключительно вліянію чувства его къ Лопухиной, Марія Θеодоровна, узнавъ о предполагаемомъ ея пріѣздѣ въ Петербургъ, написала ей письмо, въ которомъ совѣтовала ей остаться въ Мо-

---

[1]) Письмо къ Плещееву 9 Сент. 1798 г. — [2]) Письмо къ нему же 19 Дек. 1798 г. — [3]) Письмо кн. В. П. Кочубея гр. С. Р. Воронцову, Арх. кн. Воронцова, XVIII, 158 и 159.

сквѣ. Эта неудачная мысль Императрицы взорвала Павла Петровича: онъ безпощадно обошелся съ своей супругой и Нелидовой и, опасаясь образованія партіи Императрицы, удалилъ изъ Петербурга всѣхъ лицъ, ей преданныхъ. Въ числѣ удаленныхъ были и супруги Буксгевденъ. Нелидова пожелала раздѣлить участь своей подруги и послѣдовала за ними въ замокъ Лоде. Положеніе Императрицы сдѣлалось вскорѣ невыносимымъ: въ концѣ концовъ ей пришлось обратиться къ Павлу Петровичу «съ единственной просьбой» относиться къ ней вѣжливо при публикѣ. Должно замѣтить, что Марія Θеодоровна, чтобы угодить своему супругу, относилась къ Лопухиной всегда очень хорошо и вела себя въ этомъ отношеніи очень сдержанно и съ достоинствомъ. Но Императоръ не довѣрялъ ея молчаливому терпѣнію» [1]). «Подъ вліяніемъ рыцарскаго чувства», разсказывалъ кн. П. П. Лопухинъ кн. А. Б. Лобанову, «Императоръ доискивался взаимности, но Анна Петровна употребляла всѣ старанія, чтобы отклонить его любовь [2]). Наконецъ она рѣшилась ему сказать, что не можетъ любить его, потому что сердце ея не свободно и принадлежитъ маіору кн. Гагарину (Пав. Гавр.), находившемуся въ то время въ арміи Суворова въ Италіи. Павелъ.... тотчасъ предписалъ Суворову прислать Гагарина курьеромъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о первомъ счастливомъ событіи..., и 11 Іюля 1799 г. Гагаринъ привезъ извѣстіе о двукратномъ пораженіи Макдональда на Треббіи. Награды посыпались на счастливаго вѣстника. Но прошло еще болѣе полугода, пока Императоръ рѣшился довершить свой великодушный подвигъ.

«Видясь ежедневно съ Анною Петровною, Императоръ почиталъ ее своимъ другомъ и привыкъ въ ея обществѣ отдыхать отъ своихъ занятій. Свадьба ея съ Гагаринымъ, уже произведеннымъ въ генералъ-адъютанты, все откладывалась и только 8 Февраля 1800 года была отпразднована при Дворѣ со всевозможною пышностію.

«Послѣ свадьбы Императоръ продолжалъ попрежнему посѣщать княгиню Гагарину; но великодушіе его постоянно истощалось, страсть брала свое. Онъ сталъ настойчивѣе домогаться любви Анны Петровны. Она не уступала, и сопротивленія ея часто порождали ссоры съ Павломъ Петровичемъ. Ссоры эти прекратились въ Августѣ 1800 года..... [3]).

---

[1]) Шумигорскій, «Павелъ I». — «Notez qu'il y a des gens qui trouvent leur compte à brouiller les cartes, qui imaginent les choses les plus absurdes, qui rapportent et se font rapporter par des espions et leurs amis les choses les plus indifférentes ou des propos d'étourdis, dignes ou de mépris ou de quelques mois de prison, et de tout cela naissent des arrestations, etc.». (Письмо В. П. Кочубея гр. С. Р. Воронцову; Арх. кн. Воронцова, XVIII, 159).

[2]) «L'Empereur avait tous les symptômes de la passion telle qu'on la voit chez un jeune homme de 20 ans....». — «L'Empereur donnait à sa passion et à tout ce qui la manifestait un caractère chevaleresque qui l'aurait presque annoblie, si elle n'avait été mêlée à des extravagances». (Зап. гр. Головиной).

[3]) Разсказъ кн. Пав. Петр. Лопухина, записанный кн. А. Б. Лобановымъ (рукопись).

Плафонъ Рафаэлевской галлереи (Аллегорическое изображеніе постройки Михаиловскаго замка).

Заговоръ.

Мы не можемъ сказать положительно, у кого первоначально зародилась мысль о необходимости государственнаго переворота, приведшая въ концѣ концовъ къ событію 11-го Марта, такъ какъ лица, оставившія намъ свои свидѣтельства о немъ, впадаютъ въ разногласіе. Одни полагаютъ, что «по всѣмъ соображеніямъ первоначальная мысль этого coup d'état принадлежала Панину», и что заговоръ «сохранялся въ непроницаемой тайнѣ между Панинымъ, Уитвортомъ и Рибасомъ и только впослѣдствіи былъ, кажется, сообщенъ фонъ-деръ-Палену» [1]). Другіе же разсказываютъ о возникновеніи заговора въ такомъ видѣ: «Онъ» (Павелъ I) «поссорился со многими государствами и хотѣлъ пяти или шести изъ нихъ вдругъ объявить войну, а паче всѣхъ онъ раздражилъ Англію до такой степени, что она-то ему и нанесла послѣдній смертельный ударъ. Посломъ этой державы при Дворѣ Петербургскомъ былъ Уитвортъ. *Не знаю, изъ Англіи ли сообщена ему мысль объ убійствѣ Императора Павла, или она родилась въ Петербургскомъ его пріятельскомъ обществѣ* и подкрѣплена изъ Лондона денежными пособіями, но знаю, что первый заговоръ о томъ сдѣланъ между имъ и Ольгою Александровной Жеребцовой, сестрою Зубовыхъ, съ которой онъ имѣлъ любовную связь. Они рѣшились посовѣтоваться объ этомъ съ гр. Н. П. Панинымъ... Съ этимъ посланіемъ отправленъ былъ отъ нихъ къ Панину Рибасъ, извѣстный хитрецъ, бродяга и факторъ итальянскій» [2]).

По мнѣнію кн. А. Б. Лобанова противъ Императора Павла было составлено два заговора. Второй, приведшій къ 11-му Марта, всѣмъ извѣстенъ;

---

[1]) Кн. А. Б. Лобановъ, «Графъ Никита Петровичъ Панинъ» (рукопись). — [2]) Записки А. Н. В.

онъ не имѣлъ тѣсной связи съ предшествовавшимъ ему первымъ заговоромъ, и ни одинъ изъ составителей перваго заговора не участвовалъ во второмъ и не находился даже въ Петербургѣ во время кончины Павла. Составителями этого перваго заговора были три лица: вице-канцлеръ графъ Никита Петровичъ Панинъ [1]), англійскій посланникъ лордъ Уитвортъ (Sir Charles Whitworth) и адмиралъ русской службы донъ-Іосифъ де-Рибасъ-и-Байотъ [2]).

Императоръ Павелъ, недовольный англичанами и австрійцами за слабое содѣйствіе, оказанное нашимъ войскамъ — первыми въ Голландіи, а вторыми въ Германіи, — охладѣлъ къ первоначально принятому имъ рѣшенію противодѣйствовать успѣхамъ Франціи [3]). Мало того, убѣжденный, что первый консулъ намѣренъ опять возстановить во Франціи монархическій образъ правленія, Павелъ началъ отзываться о немъ очень благосклонно. Между нимъ и Бонапартомъ по случаю возвращенія русскихъ плѣнныхъ произошелъ обмѣнъ оффиціальныхъ любезностей. Занятіе англичанами Мальты окончательно разгнѣвало Императора Павла. Онъ счелъ себя оскорбленнымъ, какъ гроссмейстеръ Мальтійскаго ордена, и велѣлъ наложить запрещеніе на всѣ англійскія суда, находившіяся въ русскихъ портахъ. Какъ извѣстно, эта мѣра вскорѣ повела къ окончательному разрыву между двумя державами, и Уитвортъ вынужденъ былъ покинуть Петербургъ. Съ его отъѣздомъ первоначальный тріумвиратъ обратился въ союзъ двухъ лицъ: остались только Панинъ и Рибасъ. «Разрывъ съ Англіею наносилъ неизъяснимый вредъ нашей

---

[1]) «...le c-te Panine, homme de beaucoup de mérite et d'esprit à ce que l'on dit... Il est froid comme de la glace». (Extrait du second voyage de M-me Divoff écrit par elle-même, Собств. Е. В. библ., Лобановскій отд., рукоп. № 13). — «Le comte Panine... n'a ni force de caractère, ni conduite; son esprit n'est propre qu'à remuer et à intriguer». (Зап. Головиной). — Кн. А. Б. Лобановъ такъ отзывается о гр. Панинѣ: «Всѣ тѣ, кто имѣлъ случай читать его» (Панина) «корреспонденцію, не могутъ не отдать справедливости его рѣдкимъ способностямъ. Даже донынѣ депеши его могутъ служить образцомъ дипломатическаго слога по ясности идей, изяществу и правильности изложенія»... «Безспорно болѣе чѣмъ даровитый, гр. Н. П. Панинъ»... «Безконечныя затрудненія», которыя испыталъ гр. Панинъ, будучи посланникомъ въ Берлинѣ, вслѣдствіе уклончивой политики прусскаго кабинета, «выказали въ полномъ блескѣ его необыкновенныя способности». («Графъ Н. П. Панинъ»). — Бар. А. Л. Николаи писалъ 17 Ноября 1801 г. о гр. Панинѣ такъ: «...pour savoir bien tourner un mémoire, pour écrire un bon style français on n'était pas encore en état de bien juger, de se bien décider en politique et qu'en outre une certaine morgue, une négligence de convenances, des actes d'égoïsme, même de mauvaise foi et de mauvais cœur...». (Арх. кн. Воронцова, XXII, 110). — «Воображеніе Панина было склонно ко всему необычайному и таинственному; его прельщала самая роль заговорщика... Склонность гр. Н. П. Панина къ таинственному и сверхъестественному, по словамъ его сына, гр. Виктора Никитича, никогда его не покидала. Въ послѣдней половинѣ своей жизни онъ съ юношескимъ увлеченіемъ предался изслѣдованіямъ о магнетизмѣ и продиктовалъ своему сыну, гр. Виктору Никитичу, цѣлые фоліанты объ этомъ предметѣ». (Примѣчанія кн. Лобанова къ запискамъ Коцебу).

[2]) Joseph Roubono, connu sous le nom de Ribas..., né à Naples d'une famille espagnole». (Langeron, 61). — «Рибасъ — извѣстный хитрецъ, бродяга и факторъ италіанскій, который, на подобіе польскихъ жидовъ....... Онъ имѣлъ необыкновенныя способности и пронырство..., нажилъ большое состояніе, но не переставалъ факторить». (Записки А. Н. В.). При помощи Рибаса была захвачена кн. Тараканова. — «По общему мнѣнію онъ» (Рибасъ) «первый умышлялъ противъ него» (Павла I), «и остается еще подъ сомнѣніемъ, кого бы онъ предалъ, его — заговорщикамъ, или заговорщиковъ — ему». (Шишковъ, I, 78). — «... le comte Panine et le général Ribas furent les premiers qui dressèrent le plan de ce changement de règne». (Зап. Беннигсена, рукопись).

[3]) Павелъ I потребовалъ отозванія Уитворта 1 Февраля 1800 г. Въ Апрѣлѣ послѣдовалъ окончательный разрывъ съ Англіею: русскій посланникъ былъ окончательно отозванъ изъ Лондона, а Уитвортъ выѣхалъ изъ Петербурга 27 Мая 1800 г.

Домъ Рибаса, на углу набережной Невы и Лебяжьей канавы, съ акв. Бенуа.

заграничной торговлѣ... Дворянство было обезпечено въ вѣрномъ полученіи доходовъ съ своихъ помѣстій, отпуская за море хлѣбъ, корабельные лѣса, мачты, сало, пеньку, ленъ и проч. Разрывъ съ Англіею, нарушая матеріальное благосостояніе дворянства, усиливалъ въ немъ ненависть къ Павлу, и безъ того возбужденную его жестокимъ деспотизмомъ» [1]).

«Въ такомъ положеніи дѣла оставались до Сентября мѣсяца. Способный, честолюбивый Панинъ, хотя и пріобрѣлъ уваженіе представителей иностранныхъ державъ, тогда какъ канцлеръ Ростопчинъ вселялъ въ нихъ только недовѣріе къ себѣ, но это для него не имѣло почти значенія, такъ какъ по порядку, установленному Ростопчинымъ, хотя сношенія съ дипломатическимъ корпусомъ велъ Панинъ, но докладъ у Государя имѣлъ Ростопчинъ, и такимъ образомъ послѣдній вполнѣ заслонялъ Панина отъ Императора.

«Такое положеніе дѣлалось Панину все болѣе и болѣе невыносимымъ. Желая заявить предъ Павломъ свои личныя воззрѣнія на дѣла, онъ въ Сентябрѣ 1800 года составилъ два политическихъ меморіала и хотѣлъ чрезъ канцлера представить на воззрѣніе Государя» [2]).

Ростопчинъ отказался представить меморіалы, но подъ вліяніемъ ихъ представилъ свою записку, въ которой склонялъ Императора къ союзу съ Франціей [3]).

«Эта неудавшаяся попытка отняла у Панина послѣднія надежды взять надъ Ростопчинымъ верхъ въ милости Государя и воспользоваться ею, чтобы направить политику русскаго кабинета, сообразно своимъ мыслямъ и въ то же время занять въ ряду современныхъ государственныхъ людей мѣсто, вполнѣ соотвѣтствовавшее его мнѣнію о самомъ себѣ» [4]).

Точно также нельзя положительно опредѣлить, когда гр. Паленъ вступилъ въ сношенія и связь съ Панинымъ и Рибасомъ. Извѣстно, однако, что, когда 14 Августа гр. Паленъ, назначенный командующимъ арміей на Прусской границѣ, сдалъ Петербургское генералъ-губернаторство генералу Свѣчину, Панинъ и Рибасъ сдѣлали уже попытку привлечь и новаго генералъ-губернатора на свою сторону. Свѣчинъ отклонилъ ихъ предложенія, заявивъ, что всѣми

---

[1]) Зап. ф.-Визина (рукопись). — [2]) Кн. Лобановъ, «Гр. Н. П. Панинъ». — [3]) «Эти двѣ записки чрезвычайно интересны въ томъ отношеніи, что могутъ служить мѣриломъ скромности честолюбивыхъ замысловъ и сознанія собственной цѣны молодаго вице-канцлера. Панинъ, разумѣется, полагая себя обозначеннымъ въ меморіалѣ *полномочнымъ посланникомъ*, присвоиваетъ тутъ себѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ роль умиротворителя Европы». (Кн. Лобановъ, «Гр. Н. П. Панинъ»). — [4]) Примѣч. кн. Лобанова къ запискамъ Коцебу.

средствами (кромѣ доноса) воспротивится приведенію въ исполненіе ихъ плана. Вслѣдъ за тѣмъ Свѣчинъ впалъ въ немилость и 21 Октября отставленъ отъ должности ген.-губернатора, а 27 Октября уволенъ въ отставку [1]). 21 Октября на мѣсто Свѣчина назначенъ былъ снова гр. Паленъ.

15 Ноября 1800 г. Ростопчину удалось добиться увольненія Панина отъ обязанностей вице-канцлера, а въ концѣ Декабря послѣдній былъ высланъ изъ Петербурга въ Смоленскую деревню [2]).

«Князь Лопухинъ глубоко убѣжденъ въ непосредственномъ участіи англійскаго правительства въ кончинѣ Императора Павла... Уитвортъ, чрезъ посредство О. А. Жеребцовой, былъ въ сношеніяхъ съ заговорщиками; въ ея домѣ происходили сборища; черезъ ея руки должна была пройти сумма, назначенная въ награжденіе за убійство или по меньшей мѣрѣ за отстраненіе Императора Павла отъ престола... За нѣсколько дней до 11 Марта Жеребцова нашла болѣе безопаснымъ для себя уѣхать за границу и въ Берлинѣ выжидала исхода событій... Какъ только извѣстіе о кончинѣ Императора Павла дошло до Берлина, Жеребцова отправилась дальше, въ Лондонъ. Тамъ она получила отъ англійскаго правительства сумму, соотвѣтствовавшую *двумъ милліонамъ рублей*. Эти деньги должны были быть распредѣлены между заговорщиками, въ особенности между тѣми, которые принимали наиболѣе дѣятельное участіе въ убійствѣ. Но Жеребцова предпочла удержать всю сумму за собою, будучи увѣрена, что никто не отважится требовать заслуженнаго вознагражденія....». Хотя «Жеребцова была дѣйствительно болѣе чѣмъ легкаго поведенія, но не имѣла никакой любовной интриги съ Уитвортомъ. Отношенія Уитворта къ ней основаны были исключительно на политическихъ разсчетахъ съ одной стороны, и на корыстолюбіи съ другой. Показанія Лопухина въ виду его близкаго родства съ Жеребцовой ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть оставлены безъ вниманія» [3]).

Вопросъ объ «англійскомъ золотѣ» — вопросъ надолго еще открытый. Ни въ одномъ изъ государственныхъ архивовъ доступъ къ *дѣйствительному* секретному отдѣлу такъ не затруднителенъ, какъ въ Англійскомъ...

1) Souvenirs manuscrits du général Swetchine, изъ соч. Falloux «M-me Swetchine», 34—36.

2) «...on vient d'exiler... mon mari dans une de ses terres, près Wiasma. Il est déjà parti...». (Письмо гр. С. П. Паниной гр. С. Р. Воронцову, отъ 23 Дек. 1800 г.; Арх. кн. Воронцовыхъ, XI, 122).

3) Разсказъ кн. Лопухина, записанный кн. Лобановымъ. — Гейкингъ говоритъ, что въ событіи 11 Марта «англійская партія была, можетъ-быть, не бездѣятельна» (стр. 213). — См. La Roche-Aymont. — Дрезд. арх., № 30380.—Зап. Воейкова. — Труды Рязанск. Уч. Арх. Ком., 1899, т. XIII, вып. 2, «Мои воспоминанія», Г. М. Докудовскаго, стр. 178.

Паленъ.

«Эти отдѣльныя попытки были, однако, какъ тѣло безъ души, до тѣхъ поръ, пока душою ихъ не сдѣлался гр. Паленъ. Съ нимъ во главѣ революція была легка, безъ него — почти невозможна. Какъ С.-Петербургскій военный губернаторъ, онъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ всѣ войска [1]) и всю полицію; какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ завѣдывалъ также почтовою частью со всѣми ея тайнами [2]). Всѣ повелѣнія Государя проходили чрезъ его руки и имъ объявлялись. Павелъ, обыкновенно столь недовѣрчивый, предался ему совершенно; онъ былъ всемогущъ» [3]).

---

1) По смѣнѣ Свѣчина, Паленъ былъ вновь назначенъ Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ и инспекторомъ войскъ Петербургскаго округа. — Кавалергарды были подчинены гр. Палену, какъ инспектору Петербургскаго округа съ 1 Апрѣля 1800 года: «Кавалергардскому полку состоять въ инспекціи графа фонъ-деръ-Палена». (Выс. прик. 1 Апрѣля 1800 г.).

2) По увольненіи Ростопчина 20 Февраля 1801 г. завѣдываніе внѣшними сношеніями передано Палену. Почтовый департаментъ подчиненъ ему 18 Февраля 1801 г.

3) Зап. Коцебу. — Современники оставили намъ много матеріала для характеристики этой выдающейся по уму, хитрости и, главное, по силѣ воли личности. «Этотъ человѣкъ, котораго обстоятельства вынудили быть участникомъ въ столь отвратительномъ дѣлѣ, могъ въ то время быть изображенъ однѣми только свѣтлыми красками. При высокомъ ростѣ, крѣпкомъ тѣлосложеніи, открытомъ, дружелюбномъ выраженіи лица онъ былъ отъ природы одаренъ умомъ, быстрымъ и легко объемлющимъ всѣ предметы. Эти качества соединены были въ немъ съ душою благородной, презиравшей всякія мелочи. Его обхожденіе было жесткое, но безъ суровости. Всегда казалось, что онъ говорилъ то, что думалъ; выраженій онъ не выбиралъ. Онъ самымъ вѣрнымъ образомъ представлялъ собою то, что нѣмцы называютъ «ein Degenkopf». Онъ охотно дѣлалъ добро, охотно смягчалъ, когда могъ, строгія повелѣнія Государя; но дѣлалъ видъ, будто исполнялъ ихъ безжалостно, когда иначе не могъ поступать, что случалось довольно часто. Почести и званія, которыми Государь его осыпалъ, доставили ему, весьма естественно, горькихъ завистниковъ, которые слѣдили за каждымъ его шагомъ и всегда готовы были его нисровергнуть... Собственное благоденствіе и безопасность были безъ сомнѣнія его *первою* (курс. Коцебу) цѣлью, но въ толпѣ дюжинныхъ любимцевъ, коихъ *единственною* (курс. Коцебу) цѣлью были ихъ собственныя выгоды, и которые равнодушно смотрѣли, какъ все вокругъ нихъ погружалось, лишь бы они поднимались все выше и выше, можно за гр. Паленомъ признать великою заслугою то, что онъ часто сходилъ съ обыкновенной дороги, чтобы подать руку помощи тому или другому несчастному». — Разсказавъ о «всемогуществѣ» гр. Палена, Коцебу восклицаетъ: «И этотъ-то человѣкъ, которому новое царствованіе могло скорѣе предвѣщать паденіе, чѣмъ возвышеніе, самъ разрушилъ источникъ своего величія! Чего же ему недоставало? Недоставало ему *безопасности*, одной *безопасности*, безъ которой, хотя и осыпанный милостью и всѣми дарами счастія, онъ уподоблялся Дамоклу, надъ головою котораго постоянно висѣлъ мечъ на волоскѣ!... Можетъ-быть, гр. Паленъ никогда не забылъ и другаго тяжкаго оскорбленія, которое онъ испыталъ еще въ бытность свою губернаторомъ въ Ригѣ. Когда по смерти Екатерины кн. Зубовъ проѣзжалъ чрезъ этотъ городъ, графъ принялъ его съ нѣкоторыми почестями, какъ прежняго своего покровителя и благодѣтеля. Императоръ, сославшій кн. Зубова въ его деревни, увидѣлъ въ этихъ почестяхъ какъ бы насмѣшку надъ собой и въ громовомъ указѣ запятналъ графа упрекомъ во «врожденной подлости». — Рескриптъ, о которомъ говоритъ Коцебу, былъ слѣдующаго содержанія: «Господинъ Генералъ-Лейтенантъ Паленъ. Съ удивленіемъ увѣдомился Я обо всѣхъ подлостяхъ, вами оказанныхъ въ проѣздъ князя Зубова чрезъ Ригу; изъ сего и дѣлаю я сродное о свойствѣ вашемъ заключеніе, по коему и поведеніе Мое противъ васъ соразмѣрно будетъ. Сіе письмо можете показать Ген.-Лейт. Бенкендорфу. 26 Февраля 1797 г.». (Подп.) «Павелъ». (Арх. Канц. Военн. Минист.).

20 Сентября 1797 г. гр. Паленъ былъ снова принятъ на службу, и по этому случаю во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 1 Октября онъ писалъ къ Государю, что, «прибывъ въ Ригу, увѣдомился о Всемилостивѣй-

Мы уже высказали, что не можемъ указать, кто иниціаторъ переворота 11 Марта. Графъ Панинъ категорически приписываетъ эту роль себѣ, графъ Паленъ въ своихъ разсказахъ не касается этой стороны дѣла. Но сдва ли можно оспаривать, что ни по своему уму, ни, главнымъ образомъ, по складу своего характера Панинъ не былъ въ состояніи достичь какой-либо положительной цѣли. Мечтательный теоретикъ, человѣкъ мелочный, прикрывавшій свою мелочность самымъ обыденнымъ пріемомъ — надменнымъ обращеніемъ, почти не служившій въ военной службѣ, не знавшій и не понимавшій войска, онъ не могъ быть главою военнаго заговора.

Если даже предположить, что было время, когда заговоръ находился въ періодѣ тріумвирата (Панинъ — Витвортъ — Рибасъ), т.-е. не былъ ни прямо, ни косвенно извѣстенъ Палену, то далѣе разговоровъ онъ не подвинулся бы [1]).

«Pahlen trouva les moyens d'éloigner toutes les difficultés», говоритъ Ланжеронъ, «de faire disparaître tous les obstacles, et parvint à son but avec une imperturbable et une effrayante ténacité» [2]).

Гр. Паленъ прибѣгнулъ къ цѣлому ряду мѣръ, чтобы обезпечить успѣхъ заговору или выйти изъ него безъ вреда для себя. Мѣры эти заключались въ слѣдующемъ:

1) Возстановить окончательно Императора противъ своей семьи, а членовъ Царскаго семейства — противъ Императора.

шемъ помѣщеніи его въ Высочайшую службу», и просилъ «удостоить принять подобострастное приношеніе живѣйшей благодарности и купно всеподданнѣйшее увѣреніе, что жизнь свою по гробъ посвящаетъ съ радостію Высочайшей службѣ и для того предъ лицомъ Его, Государя, повергаетъ себя къ освященнымъ стопамъ Его Величества». (Арх. Канц. Военн. Минист.).

«Припоминаю слово, изобрѣтенное Паленомъ, о которомъ много говорили въ то время, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи. Однажды съ Паленомъ говорили о человѣкѣ съ выдающимся умомъ и образованіемъ, которому, однако, ни разу не удавалось достигнуть счастія. — «Что касается меня» — возразилъ Паленъ — «то я не изучалъ философіи, а фифигологію» (Pfifigologie), «и вы видите, я добылъ порядочное состояніе и высокій чинъ. Повѣрьте мнѣ, большинство ученыхъ — дураки, и безъ «фифигологіи» никогда ничего не достигнешь». (Heyking, «Aus Polens und Kurlands letzten Tagen», 461; то же: у Воейкова; Mém. de Czartoryski, I, 236). — «Cet homme adroit qui, sous des formes franches et brusques, cache l'esprit le plus astucieux, sut se rendre utile et même nécessaire sans que personne n'eût l'idée de se défier de lui». (Rosenzweig, «Mémoire historique sur la révolution du 12/24 Mars 1801», Dresdener Haupt-Staatsarchiv, № 30380). — «Le comte de Pahlen... bel homme, instruit, hardi, courageux, entreprenant, impénétrable, ferme, rusé»... (Locatelli, «Notizie raccolta per la storia dei regni di Caterina Seconda e Paolo Primo»; рукопись).

«Pahlen doué d'un génie profond et audacieux, d'un esprit supérieur, d'un caractère inébranlable, d'une figure noble et imposante, Pahlen, ne se laissant jamais pénétrer, ne se démontant jamais, et ne comptant pour rien son existence, sa fortune, sa liberté et même sa vie, lorsqu'il était question d'exécuter ce qu'il avait projeté, était fait pour réussir dans tout ce qu'il entreprenait et pour triompher de tous les obstacles; c'était un véritable chef de conjuration, destiné à donner un horrible exemple à tous les conjurés présents et futurs». («Revue Britannique», 1895/vii, Mém. de Langeron, 62). — Гр. С. Р. Воронцовъ называлъ Палена «ce Livonien Suédo-prussien». (Арх. кн. Воронцова, XI, 393).

1) «...j'emporterai dans la tombe la conviction intime que j'ai servi ma Patrie, en osant *le premier* dérouler devant Vos yeux le tableau affligeant des dangers qui menaçaient de perdre l'Empire». (Изъ письма гр. Панина къ Александру I, отъ 28 Мая 1801 г.).

Чарторижскій прямо указываетъ на подначальную роль Панина. (Mém. de Czartoryski, I, 235).

«Je doute même que Panin et Ribas auraient pu réussir. M-r le c-te Panin n'a jamais été militaire, il n'était nullement connu des officiers et des troupes et on aurait par conséquent pris peu de confiance en lui...». (Собств. Е. В. библ., Лобановскій отд., рукопись № 48; неизвѣстнаго автора).

2) Mém. de Langeron, 63.

2) Возстановить еще болѣе Петербургское общество противъ Императора.

3) Въ случаѣ обнаруженія заговора или неудачи покушенія, имѣть возможность явиться не заговорщикомъ, а вѣрнымъ слугою Императора.

Не довѣряя военной молодежи, завлеченной имъ въ заговоръ, Паленъ говоритъ, что онъ желалъ имѣть людей, подобныхъ Зубовымъ и Беннигсену (des jeunes gens, des étourdis sans expérience, sans courage éprouvé pour une pareille détermination, et qui, au moment de l'exécution eussent pu, par faiblesse, par légèreté ou par indiscrétion, faire avorter tous nos projets) [1]. Mais comment les faire revenir à Pétersbourg? Ils étaient disgraciés, éloignés, je n'avais aucun prétexte pour faire lever leur exil. Voici ce que j'imaginai: je résolus de profiter d'un des moments lucides de l'Empereur, pendant lesquels on pouvait tout lui dire, pour l'apitoyer sur le sort des officiers exclus du service. Je lui peignis la triste situation de tous ces malheureux, chassés de leurs régiments et des capitales, ayant vu leur carrière arrêtée et leur existence compromise et expirant de douleur et de misère pour des fautes légères et pardonnables. Je connaissais la précipitation de Paul sur tous les points et dans toutes les circonstances; j'espérais le décider à faire à l'instant même ce que je lui présentais sous un aspect de grandeur d'âme. Je me jetai à ses pieds; il était romanesque, il se piquait de générosité, il était extrême en tout. Deux heures après notre conversation, vingt courriers étaient en chemin pour aller dans toutes les parties de l'empire rappeler à St-Pétersbourg tous ceux qui avaient été congédiés ou exclus du service. Le prikase me fut dicté par l'Empereur lui-même» [2]).

Дѣйствительно, 2 Ноября 1800 года состоялся слѣдующій Высочайшій указъ Сенату: «По сродному Намъ отеческому ко всѣмъ вѣрноподданнымъ Нашимъ милосердію всемилостивѣйше дозволяемъ всѣмъ выбывшимъ изъ службы воинской въ отставку или исключеннымъ, кромѣ тѣхъ, которые по сентенціямъ военнаго суда выбыли, паки вступать въ оную съ тѣмъ, *чтобы таковые являлись въ Санктпетербургѣ для личнаго представленія Намъ*».

6 Ноября, въ день восшествія Павла I на престолъ, эта милость по настоянію генералъ-прокурора Обольянинова была распространена и на чиновниковъ «статской службы».

Того же числа въ Высочайшемъ приказѣ было объявлено: «Е. И. В-во объявляетъ Свою совершенную благодарность всѣмъ служащимъ за усердіе и вѣрность, оказанную ими въ послѣдствіи четырехъ лѣтъ царствованія Государя Императора».

«Е. И. В-во жалуетъ всему С.-Петербургскому гарнизону по рублю на человѣка».

«Alors», продолжаетъ Паленъ, «je fus assuré de deux choses importantes: 1) d'avoir Bennigsen et les Zoubow, qui m'étaient indispensables;

---

[1]) Ланжеронъ (66) замѣчаетъ: «Pahlen avait raison pour Bennigsen et pour Valérien Zoubow. Nicolas Zoubow était un taureau qui pouvait avoir de l'audace lorsqu'il était ivre, et non autrement. Pour Platon Zoubow, c'était le plus lâche et le plus vil des hommes». — [2]) Langeron, 66.

Видъ Михайловскаго замка съ акварели съ натуры Патерсона.

2) d'augmenter encore l'exaspération générale contre l'Empereur [1]). Je connaissais son caractère impatient et passant subitement d'un sentiment et d'un projet à un autre entièrement opposé au premier. J'étais sûr que les premiers venus de ces officiers seraient bien reçus, mais que bientôt il se dégoûterait d'eux et de ceux qui les suivraient. Cela ne manqua pas d'arriver, comme je l'avais prévu. Tous les jours il

---

[1]) «L'administration intérieure va au plus mal. L'égoïsme le plus parfait s'est emparé de tout le monde. Chacun ne songe qu'à faire ses choux-gras. On entre en place avec l'idée que l'on sera peut-être renvoyé dans trois ou quatre jours et l'on se dit: il faut que demain je me fasse donner des paysans. On est renvoyé avec des paysans, on est ensuite repris, l'on prend d'autres paysans. *Le gouverneur militaire Pahlen entretient les soupçons et les cruautés.* ...On lui donne cordon, comté, terres, etc. etc...», писалъ гр. В. П. Кочубей гр. С. Р. Воронцову еще въ Апрѣлѣ 1799 года. (Арх. кн. Воронцова, XVIII, 203). — «Фонъ-деръ-Паленъ дѣйствовалъ самымъ успѣшнымъ образомъ: онъ вооружалъ противъ Царя и войско и жителей». (Зап. А. Н. В.). — «Въ планы гр. Палена и тѣхъ, кто дѣйствовалъ съ нимъ заодно, не входило, чтобы Павелъ обращался на добро: his doom was sealed, he was to perish. Whenever Pahlen heard high words of criticism, he used to call the speakers to order saying: «Messieurs! Jean f... qui parle et brave homme qui agit». (Зап. Саблукова, Fraz. Mag., 241; Р. Арх., 1869 г., 1913). — «Къ несчастію были около Императора люди *злонамѣренные,* которые пользовались его раздражительностью, а въ послѣднее время даже возбуждали ее, чтобы для своихъ цѣлей сдѣлать Государя ненавистнымъ». (Разсказъ кн. Лопухина). — «То же самое говорилъ покойный фельдмаршалъ кн. Паскевичъ». (Примѣчаніе кн. Лобанова). — «Quelques jours avant l'assassinat on avait répandu le bruit que l'Empereur avait fait arrêter sa femme et l'avait mise aux arrêts, qu'il voulait faire arrêter ses fils... De pareils bruits n'ont été répandus que pour préparer le public aux événements qui devaient arriver et n'y faire voir que la nécessité de prévenir». (Парижск. арх. М. И. д., Prusse, № 229; «Détails relatifs à l'assassinat de S. M. I. Paul I-er, Berlin, 15 Avril 1801» par La Roche-Aymon, aide de camp du pr. Henry). — «On alla jusqu'à prêter à l'Empereur l'idée d'épouser Madame Chevalier, actrice du théâtre français, alors maîtresse de Koutaïsoff. Les conspirateurs inventaient-ils ces calomnies pour enrôler des sectaires et pousser à l'action? Ou bien ces pensées extravagantes traversaient-elles en effet la tête de l'Empereur? Quoiqu'il en soit, tout cela se redisait, se croyait. La consternation, l'effroi étaient dans tous les esprits. L'idée d'une catastrophe prochaine s'y présentait en même temps et le propos courant était: «Cela ne peut pas durer». (Зап. кн. Ливенъ).

pleuvait à Pétersbourg des centaines de ces malheureux. On donnait tous les matins, à l'Empereur, les rapports des barrières; cette foule d'arrivants déplut bientôt; il cessa de les accueillir, ensuite il les chassa et se fit par là des ennemis implacables de ces infortunés, privés de nouveau de tout espoir et condamnés à expirer de faim aux portes de Pétersbourg» [1]).

Но дать возможность братьямъ Зубовымъ воспользоваться общей амнистіей было мало; надо было закрѣпить за ними возможность оставаться въ Петербургѣ. Для этой цѣли склонили на свою сторону Кутайсова и этого достигли, увѣривъ его, будто кн. Зубовъ хочетъ жениться на его дочери [2]).

«Павелъ I ласково и съ открытой душою встрѣтилъ Зубовыхъ въ своемъ дворцѣ и сказалъ: «Платонъ Александровичъ, забудемъ все прошедшее!» [3]). Платонъ Зубовъ былъ назначенъ директоромъ 1-го Кадетскаго корпуса; Валерьянъ — шефомъ Лейбъ-Кирасирскаго Его И. В-ва полка и директоромъ 2-го Кадетскаго корпуса; Николай — шефомъ Сумскаго полка и оберъ-шталмейстеромъ.

«Мало-по-малу Платонъ Зубовъ и братья его вызвали въ Петербургъ всѣхъ своихъ приверженцевъ; ихъ могло быть числомъ болѣе тысячи. Втайнѣ набраны были заговорщики, изъ коихъ нѣкоторые были даже въ Москвѣ между знатнѣйшими лицами [4]). Въ Петербургѣ число лицъ, посвященныхъ въ заговоръ, доходило до 60-ти».

«Въ такомъ положеніи былъ заговоръ въ концѣ 1800 года. Слухи о немъ проникали во всѣ кружки Петербургскаго общества. Число сообщниковъ умножалось. Время текло, а заговорщики медлили» [5]).

---

1) «On peut se représenter quelle foule de malheureux se présentèrent! Les premiers furent repris au service sans distinction, mais bientôt le nombre accrut tellement qu'il ne sut qu'en faire. Il fut obligé de renvoyer le reste ce qui donna lieu à de nouveaux mécontentements dans le pays, quand on vit retourner la plus grande partie de ces malheureux qui s'étaient rendus de l'intérieur du pays, la plupart à pied, à St-Pétersbourg, et qui retournèrent même sans savoir de quoi vivre. *Jusqu'ici nombre d'individus, on peut dire la plus grande partie de la nation, avait passé ce temps de fer avec patience et fermeté dans l'espérance d'un avenir plus doux et plus heureux, car chacun le prévoyait et se le disait que cet état malheureux ne pouvait durer longtemps*». (Зап. Беннигсена). — «1 Ноября 1800 г. Павелъ издалъ свой извѣстный манифестъ, по которому всѣмъ отставнымъ или исключеннымъ изъ службы разрѣшалось опять вступить въ нее, если только они не были осуждены по формальному приговору суда. Однако прибавка къ этому манифесту поразила всѣхъ мыслящихъ людей. Въ ней значилось, что всѣмъ уволеннымъ и исключеннымъ (которые были разбросаны отъ Иркутска до Прусской границы) повелѣно лично явиться въ Петербургъ. Эта закорючка привела въ отчаяніе тѣхъ людей, которые, уже впавъ въ нужду, должны были теперь совершить путь въ 3000 — 4000 верстъ до столицы, чтобы потомъ пройти, можетъ-быть, столько же до полковъ»... (Heyking, 198—201).

2) Зап. Коцебу. См. Зап. Злобина; Зап. А. Н. В.; Зап. Тургенева; Locatelli; La Roche-Aymon.

3) Зап. А. Н. В.

4) Зап. Коцебу. «Можно догадываться, что Коцебу разумѣетъ здѣсь гр. Н. П. Панина». (Замѣч. кн. Лобанова). То же говоритъ Беннигсенъ.

5) Зап. А. Н. В. — См. Зап. Саблукова, Fraz. Mag., 311 и 312; Р. Арх., 1869 г., 1930 и 1931.

«Сперва предполагали привести замыселъ въ исполненіе послѣ Пасхи [1]), потомъ назначили 15 Марта [2]). Между тѣмъ какъ заговорщики медлили, Императоръ самъ ускорялъ исполненіе ихъ замысла: онъ день-ото-дня становился запальчивѣе и безразсуднѣе въ своихъ взысканіяхъ, *не примѣчая того, что его умышленно раздражаютъ, дабы произвести болье недовольныхъ...* [3]). Наконецъ, заговоръ сдѣлался до такой степени извѣстнымъ въ Петербургѣ, что и самъ Павелъ узналъ о немъ. Императоръ, никому ничего не говоря, вызвалъ въ Петербургъ гр. Аракчеева... [4]).

Поспѣшный вызовъ гр. Аракчеева не остался тайною для гр. Палена, который увидѣлъ необходимость предупредить его прибытіе, и поэтому рѣшено было ускорить нѣсколькими днями исполненіе замысла» [5]).

Предоставимъ далѣе разсказъ гр. Палену:

«Nous avions fixé la fin du mois de Mars pour l'exécution de nos projets, mais des circonstances imprévues l'accélérerent. Beaucoup d'officiers des gardes étaient prévenus de nos desseins ou les avaient devinés; je devais tout redouter de leur indiscrétion, et je n'étais pas sans inquiétude.

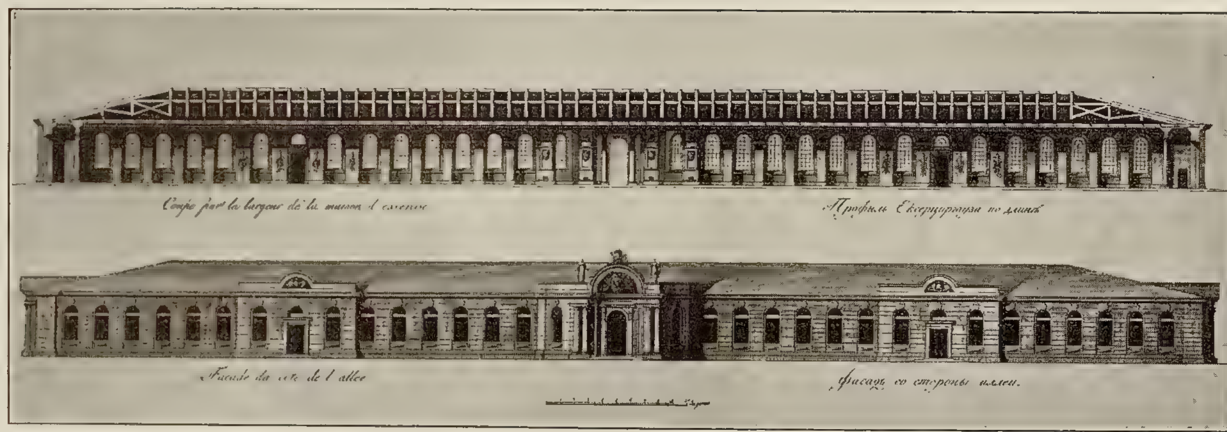
«Le 9 de Mars, j'entre dans le cabinet de Paul à sept heures du matin pour lui remettre le rapport de la situation de la ville, comme je le faisais tous les jours. Je le trouve préoccupé, sérieux; il ferme la porte, me regarde deux minutes sans me parler et me dit: «Monsieur de Pahlen, vous étiez ici en 1762?» — «Oui, Sire.» — «Vous y étiez?» — «Oui, Sire, mais qu'est ce que Votre Majesté entend par là?» — «Vous étiez dans la révolution qui a privé mon père du trône et de la vie?» — «Sire, j'étais témoin et non acteur; j'étais bien jeune, je servais comme bas-officier dans la garde-à-cheval; j'ai monté à cheval avec le régiment sans me douter de ce qui se passait; mais pourquoi Votre Majesté me fait-elle cette question?» — «Pourquoi? Voici pourquoi... On veut renouveler 1762!» — Je frémis à ces mots, mais je me remis à l'instant et lui dis: «Oui, Sire, on le veut, je sais, et suis du complot.» — «Comment, vous le savez et vous êtes du complot? Que me dites-vous?» — «Oui, Sire, j'en suis et dois feindre d'en être par ma place, car, comment puis-je savoir ce que l'on veut faire, si je n'ai pas l'air de m'y prêter? Mais n'ayez aucune inquiétude, Vous n'avez rien à craindre, je tiens tous les fils de la conjuration, et Vous saurez tout bientôt. Ne cherchez pas à faire de comparaison entre Vos dangers et ceux de Votre père. Il était étranger et Vous êtes Russe. Il avait les Russes en horreur et affectait de les mépriser et de les éloigner de lui, Vous les aimez, Vous les estimez et Vous les employez. Il n'était pas couronné et Vous l'êtes. Il persécutait les prêtres et Vous les honorez. Il avait aigri et même exaspéré les gardes contre lui, ils Vous sont tous dévoués. Il n'y avait, de son temps, aucune police à Pétersbourg, et maintenant elle est si parfaite

---

[1]) Пасха въ этотъ годъ была 24 Марта. — [2]) Зап. Коцебу. — [3]) Зап. А. Н В. — «Dans les dernières 6 semaines, plus de cent officiers de la garde Impériale avaient été jetés dans les prisons». (Зап. кн. Ливенъ). — [4]) Зап. А. Н. В. — См. Heyking, 215 и 216; Locatelli; Capefigue, I, 336 и 337; D'Allonville, «Mém. tirés des papiers d'un homme d'Etat», VIII, 6; Дрезд. арх., № 30380; Зап. Злобина. — [5]) Зап. Коцебу.

qu'il ne s'y fait pas un pas et ne s'y dit pas un seul mot que je ne le sache. *Quelles que puissent être les intentions de l'Impératrice* [1]), elle n'a ni le génie, ni l'énergie de Votre mère, elle a des enfants de vingt ans et en 1762 Vous n'aviez que sept ans». — «Tout cela est vrai, mais il ne faut pas s'endormir».

Въ только что приведенномъ разсказѣ Палена Ланжерону первый не досказалъ того обстоятельства, что ему тутъ же удалось получить отъ Императора Павла письменное повелѣніе, разрѣшающее ему, буде явится необходимость, арестовать Императрицу и Великихъ Князей [2]). Это повелѣніе Паленъ показалъ Александру Павловичу [3]).

Фасадъ экзерцирсгауза, съ грав. Колпакова, по рис. Баженова.

---

[1]) Между тѣмъ Паленъ умѣлъ такъ устроить, что Императрица вполнѣ довѣряла ему. «J'étais sûre que le bon et loyal Pahlen souffrirait des commissions dont on le charge, mais c'est bien heureux de voir un aussi honnête homme que lui à la place qu'il occupe. Dieu veuille nous le conserver. Je l'ai toujours estimé sans le connaître et pour l'excellente réputation dont il jouit, et il est impossible de connaître ce bon vieil homme sans l'aimer. Je crois qu'il m'est attaché; le pensez-vous de même, mes amis?». (Письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Плещееву, отъ 9 Сент. 1798 г.). Императрица находилась въ этомъ заблужденіи до самой катастрофы.

[2]) «Der Kaiser schrieb den Befehl und Pahlen ging, obwohl in heftigster Bewegung, mit seiner ehernen Stirn fort und benachrichtigte die Verschworenen, dass man nicht einen Moment zu verlieren habe». (Heyking, 216). — При изложеніи вышеприведеннаго Гейкингъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Ein grosser Theil dieser Einzelheiten stammt aus dem Munde Pahlens». — То же у Злобина и Locatelli.

[3]) Дрезд. арх., № 30380. Mém. de Tschitchagoff, 44; Зап. гр. Головиной.

Бернгарди разсказываетъ, что «Павелъ I неоднократно говорилъ кн. Гагариной и Кутайсову, что намѣренъ произвести «un grand coup», и незадолго до 11 Марта сказалъ: «Sous peu je me verrai forcé de faire tomber des têtes qui jadis m'étaient chères». Онъ же разсказываетъ, что Павелъ I имѣлъ намѣреніе женить пр. Евгенія Виртембергскаго на Вел. Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ и объявить его наслѣдникомъ престола» (150 и 151). Несомнѣнно, что Бернгарди имѣлъ въ своемъ распоряженіи разсказы современниковъ, но онъ до того злобенъ и желченъ, что невольно возбуждаетъ къ себѣ недовѣріе. — «Г-жа Гагарина, пораженная грозными словами Императора» («Я вижу, что пора нанести великій ударъ»), «имѣла простоту сказать: «Я не придумаю, что онъ понимаетъ подъ великимъ ударомъ, который хочетъ нанесть». — Всѣ сіи слова переданы были Палену, который въ свою очередь сообщилъ ихъ В. Кн. Александру». (Ист. Сб. вольн. русск. тип., I, 51). — «On a répandu en Europe le bruit (et c'est Pahlen qui en est l'auteur) que Paul voulait répudier sa femme, épouser la princesse Gagarine, qu'il eût fait divorcer de son mari, enfermer ses trois fils aînés, de proclamer pour son successeur le petit Grand-Duc Michel, né depuis qu'il était sur le trône. *Ce bruit est une atroce calomnie;* il a été démenti par Kotzebue dans sa brochure intitulée: «*Une année mémorable de ma vie*», et je tiens du général Koutouzow, qui était alors à Pétersbourg qu'il n'a jamais été question de pareilles folies et que la veille même de sa

11 Марта.

«Въ этотъ день (11 Марта) Императоръ былъ очень гнѣвенъ на своемъ вахтпарадѣ, однако же не сдѣлалъ никого несчастнымъ.... Послѣ развода военный губернаторъ приказалъ всѣмъ офицерамъ гвардіи собраться въ его квартиру. Прямо изъ экзерцирсгауза офицеры отправились къ нему и ждали болѣе часу. Фонъ-деръ-Паленъ все былъ во дворцѣ; вернувшись домой, онъ немедленно вышелъ къ собравшимся и съ мрачнымъ, разстроеннымъ лицомъ довольно грозно сказалъ имъ: «Господа! Государь приказалъ вамъ объявить, что онъ службою вашею чрезвычайно недоволенъ, что онъ ежедневно и на каждомъ шагу примѣчаетъ ваше нерадѣніе, лѣность и невниманіе къ его приказаніямъ и вообще небреженіе въ исполненіи вашей должности, такъ что, ежели онъ и впредь будетъ замѣчать то же, то онъ приказалъ вамъ сказать, что онъ разошлетъ васъ всѣхъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ и костей вашихъ не отыщутъ. Извольте ѣхать по домамъ и старайтесь вести себя лучше!».— Всѣ разъѣхались съ горестными лицами и уныніемъ въ сердцѣ. Всякій желалъ перемѣны» [1]).

Съ другой стороны, Коцебу говоритъ, что «въ послѣдній день своей жизни Императоръ былъ веселъ и здоровъ» и, встрѣтивъ Коцебу во дворцѣ, «нѣсколько минутъ ласково разговаривалъ со мною. За нѣсколько дней передъ тѣмъ съ Павломъ случился судорожный припадокъ, который нѣсколько скривилъ ему ротъ. Онъ самъ шутилъ надъ этимъ, подошелъ къ зеркалу и сказалъ: «J'ai beau me regarder dans le miroir, ma bouche reste toujours de travers».

По мнѣнію Коцебу Императоръ Павелъ «не подозрѣвалъ въ этотъ вечеръ какой-либо опасности».

Михайловскій замокъ охранялся слѣдующими караулами:

1) *Наружнымъ:* въ составѣ 1-й роты при 3-хъ офицерахъ, въ галлереѣ, выходившей на внутренній дворъ, по очереди отъ полковъ гвардейской пѣхоты; караулъ этотъ выставлялъ часовыхъ у воротъ и парныхъ часовыхъ (унтеръ-офицеровъ) въ овальномъ салонѣ, передъ большой Мраморной залой.

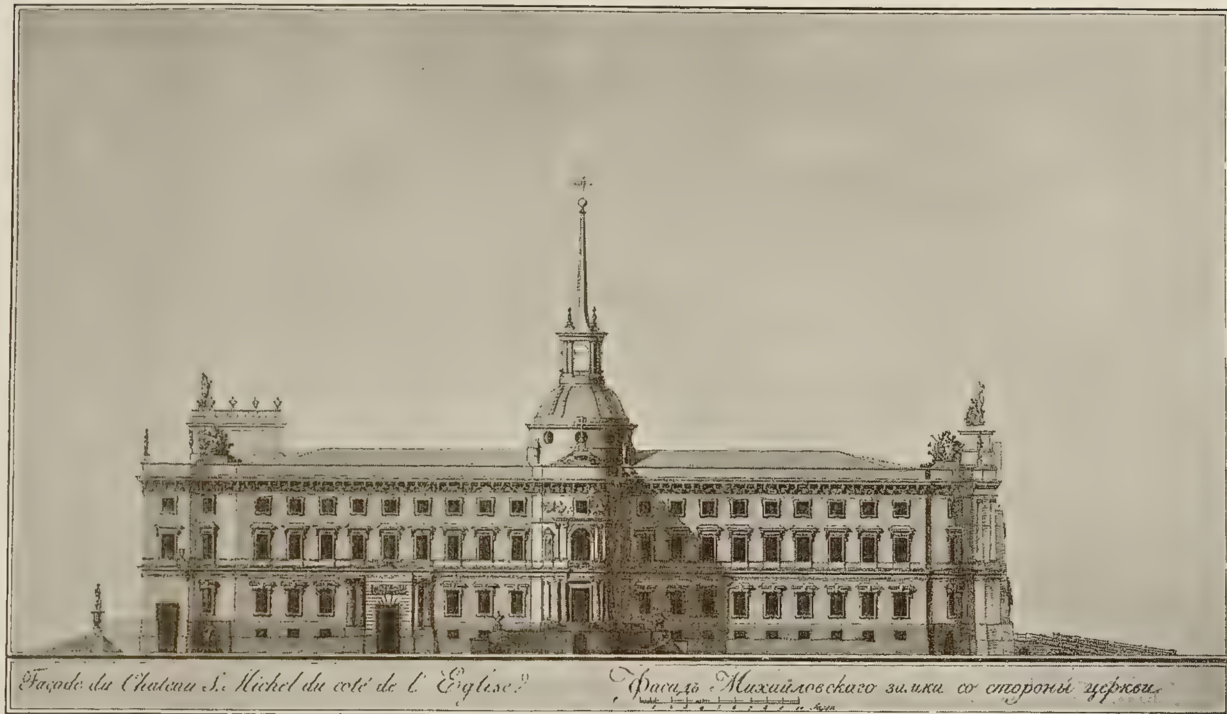
2) *Внутренними:* а) отъ 1-го баталіона Преображенскаго полка (30 человѣкъ). Караулъ этотъ находился въ лѣвомъ аванзалѣ (овальномъ) ниж-

---

mort, Paul paraissait très affectueux pour sa femme et ses enfants et l'on sait que son caractère ne lui permettait jamais de dissimuler ses intentions». (Langeron, 77).— То же у La Roche-Aymon. — Одинъ только А. М. Тургеневъ утверждаетъ, что Павелъ I имѣлъ намѣреніе жениться на Лопухиной (Гагариной), но Тургеневъ до того сочиняетъ въ своихъ запискахъ, что ему нельзя довѣрять.

[1]) Зап. А. Н. В.

няго этажа. Преображенскій караулъ выставлялъ парныхъ часовыхъ на верхнюю площадку парадной лѣстницы; б) отъ Кавалергардскаго полка [1]) — въ Большой Мраморной залѣ (окнами на Фонтанку); в) отъ лб.-гв. Коннаго полка (1 оф., 1 трубачъ, 3 унт.-офицера, 24 рядовыхъ) — въ аванзалѣ Длинной залы, слѣдующей за Рафаэлевской [2]) галлереей [3]).

Фасадъ Михайловскаго замка со стороны церкви.

11 Марта конногвардейскій караулъ былъ выставленъ отъ эскадрона Саблукова.

«Въ 8 часовъ вечера Саблуковъ отправился въ Михайловскій замокъ съ рапортомъ Вел. Кн. Константину Павловичу. У большаго подъѣзда его встрѣтилъ камеръ-лакей, который, узнавъ, что Саблуковъ пріѣхалъ къ Великому Князю, сказалъ: «Пожалуйста не идите, ибо я долженъ тотчасъ же донести о томъ Государю». — «Не могу не идти», отвѣтилъ Саблуковъ, «я дежурный полковникъ и долженъ явиться съ рапортомъ къ Его Высочеству; такъ и скажите Государю.

«Когда я вошелъ въ переднюю Константина, Рутковскій, его довѣренный камердинеръ, спросилъ меня съ удивленнымъ видомъ: «Зачѣмъ вы пришли сюда?» — Я отвѣтилъ, бросая шубу на диванъ: «Вы, кажется, всѣ здѣсь съ

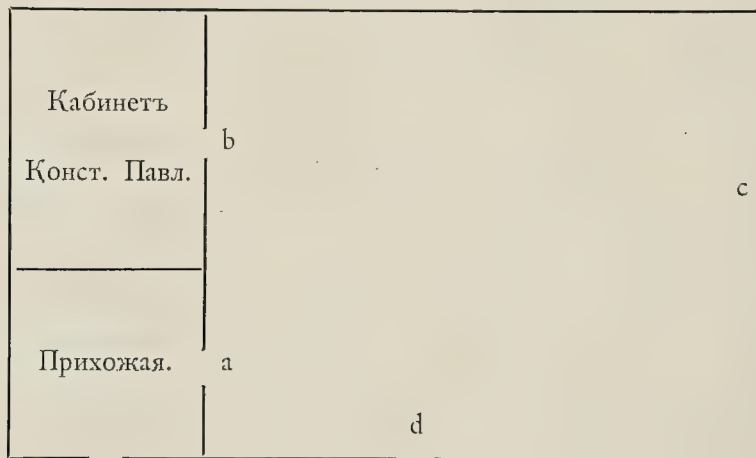
---

[1]) Полковые приказы и приказанія первой половины 1801 г. нами не найдены.

[2]) Въ Кам.-фур. журналѣ галлерея эта называется «Готлисовой (Hautelisse) комнатой».

[3]) Kotzebue, «Das merkwürdigste Jahr meines Lebens», II, 155—156; 163—164; 173; 175; 194. Саблуковъ утверждаетъ, что конногвардейскій внутренній караулъ находился въ комнатѣ передъ кабинетомъ Императора, а преображенцы — черезъ двѣ комнаты отъ нихъ, т.-е. въ аванзалѣ не *нижняго* этажа, а бель-этажа.

ума сошли. Я — дежурный полковникъ». Тогда онъ отперъ дверь a и сказалъ: «Хорошо, войдите». Я засталъ Константина въ трехъ-четырехъ шагахъ отъ двери b; онъ имѣлъ видъ очень взволнованный. Я тотчасъ отрапортовалъ ему о состояніи полка. Между тѣмъ какъ я рапортовалъ, Александръ вышелъ изъ двери c, прокрадываясь, какъ испуганный заяцъ. Въ эту минуту открылась задняя дверь d и вошелъ Павелъ in propria persona, въ сапогахъ и шпорахъ,

со шляпой въ одной рукѣ и тростью въ другой, и направился къ нашей группѣ церемоніальнымъ шагомъ, словно на парадѣ.

«Александръ поспѣшно убѣжалъ въ собственный аппартаментъ; Константинъ стоялъ, пораженный, съ руками, бьющими по карманамъ. Я же, повернувшись по уставу, на каблукахъ, отрапортовалъ Императору о состояніи полка. Императоръ сказалъ: «А, ты дежурный!» — очень учтиво кивнулъ мнѣ головой, повернулся и пошелъ къ двери d. Когда онъ вышелъ, Александръ немного открылъ *свою* дверь и заглянулъ въ комнату. Константинъ стоялъ неподвижно. Когда вторая дверь, въ ближайшей комнатѣ, громко стукнула, какъ будто ее съ силою захлопнули, доказывая, что Императоръ дѣйствительно ушелъ, Александръ, крадучись, снова подошелъ къ намъ.

«Константинъ сказалъ: «Ну, братецъ, что̀ скажете вы о моихъ?», указывая на меня. «Я говорилъ вамъ, что онъ не испугается!». Александръ спросилъ: «Какъ? Вы не боитесь Императора?». — «Нѣтъ, Ваше Высочество, чего же мнѣ бояться? Я дежурный, да еще внѣ очереди; я исполняю мою обязанность и не боюсь никого, кромѣ Великаго Князя, и то потому, что онъ мой прямой начальникъ, точно такъ же, какъ мои солдаты не боятся Его Высочества, а боятся одного меня». — «Такъ вы ничего не знаете?» — возразилъ Александръ. «Ничего, В. В-во, кромѣ того, что я дежурный не въ очередь». — «Я такъ приказалъ», сказалъ Константинъ. «Къ тому же», сказалъ Александръ, «мы оба подъ арестомъ». Я засмѣялся. Великій Князь сказалъ: «Отчего вы смѣетесь?» — «Оттого», отвѣтилъ я, «что вы давно желали этой чести». — «Да, но не такого ареста, какому мы подверглись теперь. Насъ обоихъ водилъ въ церковь Обольяниновъ, присягать въ вѣрности». — «Меня нѣтъ надобности приводить

къ присягѣ», сказалъ я, «я вѣренъ». — «Хорошо», сказалъ Константинъ, «теперь отправляйтесь домой и смотрите, будьте осторожны».

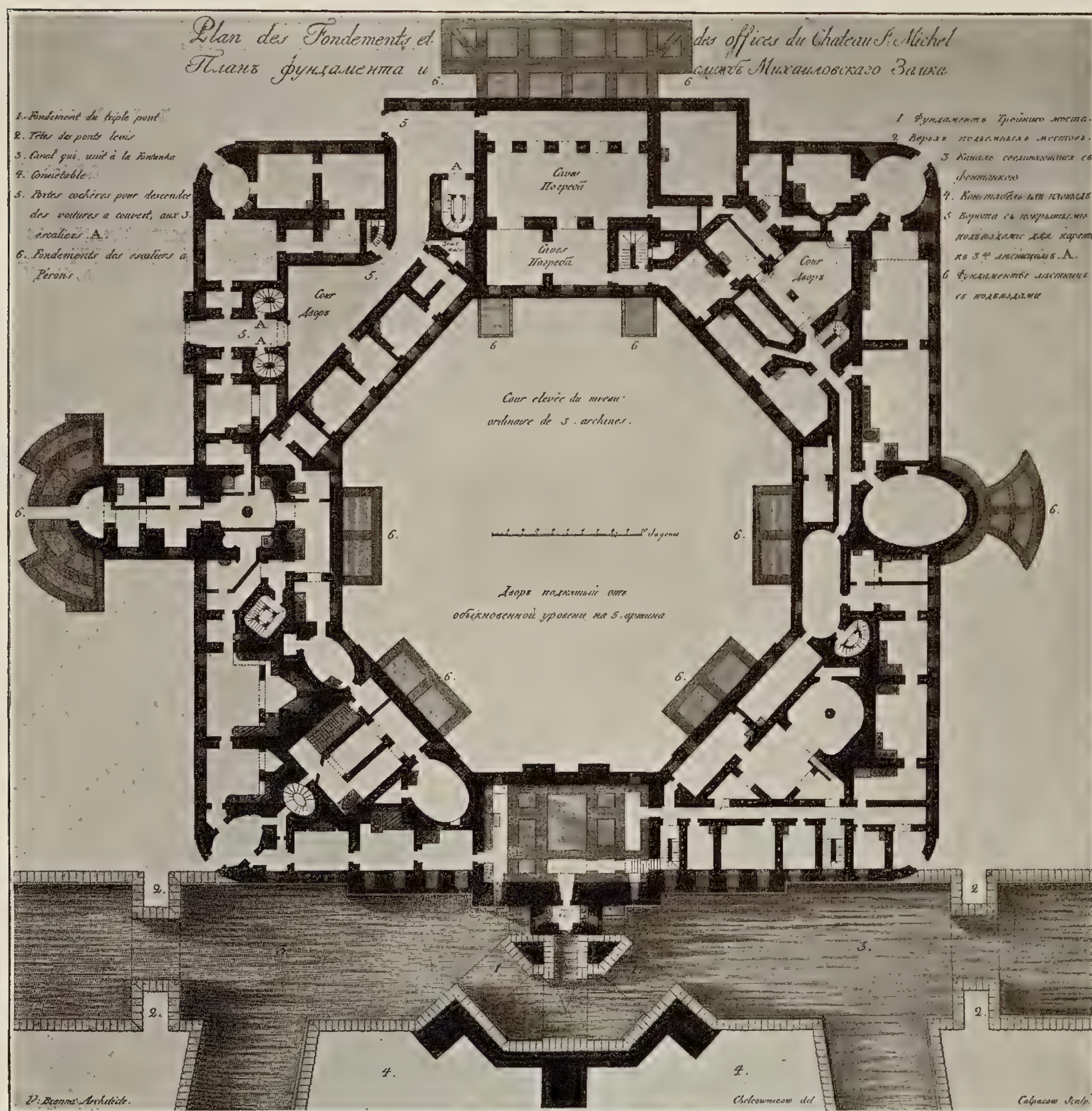
Вскорѣ по возвращеніи въ казармы Саблуковъ чрезъ фельдъегеря былъ вызванъ опять во дворецъ. Пріѣхавъ туда, онъ спросилъ караульнаго начальника Андреевскаго, все ли обстоитъ благополучно? Тотъ отвѣтилъ, что все совершенно благополучно, что Императоръ и Императрица три раза проходили мимо караула, весьма благосклонно поклонились ему и имѣли видъ очень милостивый.

«Въ шестнадцать минутъ одиннадцатаго часовой крикнулъ «вонъ», и караулъ вышелъ и выстроился. Императоръ вышелъ въ башмакахъ и чулкахъ, ибо онъ шелъ съ ужина. Ему предшествовала любимая его собачка «Шпицъ», а слѣдовалъ за нимъ Уваровъ, дежурный генералъ-адъютантъ. Собачка подбѣжала ко мнѣ и стала ласкаться, хотя прежде того никогда меня не видала. Я отстранилъ ее шляпою, но она опять кинулась ко мнѣ, и Императоръ отогналъ ее ударомъ шляпы, послѣ чего Шпицъ сѣлъ позади Павла Петровича на заднія лапки, не переставая пристально глядѣть на меня.

«Императоръ подошелъ ко мнѣ и сказалъ по-французски: «Vous êtes des Jacobins». Нѣсколько озадаченный этими словами, я отвѣтилъ: «Oui, Sire!». Онъ возразилъ: «Pas vous, mais le régiment». На это я возразилъ: «Passe encore pour moi, mais Vous Vous trompez pour le régiment». Онъ отвѣтилъ по-русски: «А я лучше знаю; сводить караулъ!». Я скомандовалъ: «По отдѣленіямъ, направо! Маршъ!». Корнетъ Андреевскій вывелъ караулъ изъ комнаты и отправился съ нимъ домой. «Шпицъ» не шевелился и все время во всѣ глаза смотрѣлъ на меня. Затѣмъ Императоръ, продолжая разговоръ по-русски, повторилъ, что мы якобинцы. Я вновь отвергъ это обвиненіе. Онъ снова замѣтилъ, что лучше знаетъ, и прибавилъ, что онъ велѣлъ выслать полкъ изъ города и расквартировать его по деревнямъ, причемъ сказалъ мнѣ весьма милостиво: «А вашъ эскадронъ будетъ помѣщенъ въ Царскомъ Селѣ; два бригадъ-маіора будутъ сопровождать полкъ до седьмой версты; распорядитесь, чтобы онъ былъ готовъ утромъ въ четыре часа въ полной походной формѣ и съ поклажею». Затѣмъ, обращаясь къ двумъ лакеямъ, одѣтымъ въ гусарскую форму, но не вооруженнымъ, онъ сказалъ: «Вы же оба займите этотъ постъ», — указывая на дверь въ спальню. Уваровъ все это время за спиною Государя дѣлалъ гримасы и усмѣхался, а вѣрный Шпицъ, бѣдняжка, все время серіозно смотрѣлъ на меня. Императоръ затѣмъ поклонился мнѣ особенно милостиво и ушелъ въ свой кабинетъ» [1]).

---

[1]) «Ouvaroff was all this time making silly faces and smiling behind the Emperor». (Зап. Саблукова, Fras. Mag., 313 — 316; Р. Арх., 1869 г., 1932 — 1938). — «Въ послѣдній день жизни Императора Павла отецъ мой (С. И. Мухановъ) ужиналъ у Государя и оставилъ его въ 11 часовъ. Государь былъ веселъ, разговорчивъ и любезенъ, хвалилъ свой Михайловскій замокъ и сказалъ: «Я нашелъ наконецъ, себѣ тихое пристанище». Замѣчательно, что его собака, маленькій шпицъ, безпрестанно выла и вертѣлась около его ногъ, сколько онъ ни отгонялъ ее». (Зап. М. С. Мухановой, Р. Арх., 1878/III, 303).

Планъ фундамента и службъ Михайловскаго замка.

Мы видѣли, что офицеры, собранные Паленомъ, разъѣхались отъ него «съ унынiемъ въ сердцѣ». Цѣль, преслѣдуемая Паленомъ, была достигнута; оставалось немедленно воспользоваться этимъ состоянiемъ офицеровъ, а остальное предоставить... вину...

11 Марта заговорщики ужинали нѣсколькими кружками, но къ 11 часамъ всѣ они съѣхались къ Талызину, на Миллiонной улицѣ. Не подлежитъ сомнѣнiю, что огромное большинство ихъ было сильно пьяно [1]).

[1]) «...les bouteilles de champagne circulaient et se vidaient; les têtes se montaient». (Mém. de Czartoryski, I, 243—245).—«Rappelez-vous ici, général, que *le vin n'avait pas été ménagé au souper...*». (Зап. Беннигсена). — Беннигсенъ въ своемъ разсказѣ Ланжерону говоритъ, что собравшiеся были «*...tous plus ou moins échauffés par le vin de champagne que Pahlen leur avait fait distribuer* (il me défendit de boire et n'en but pas lui-même).

Около часа ожидали военнаго губернатора; въ половинѣ 12-го онъ пріѣхалъ; всѣ вышли въ залу его встрѣчать. Онъ, не снимая шляпы, спросилъ, все ли готово. Ему отвѣчали: «Все».—«Ну, хозяинъ, при этомъ случаѣ надобно шампанскаго!». Фонъ-деръ-Паленъ, выпивая первый, сказалъ твердымъ, но скромнымъ голосомъ: «Поздравляю васъ съ новымъ Государемъ!».—Покуда подавали прочимъ шампанское, онъ продолжалъ: «Теперь, господа, намъ надобно раздѣлиться; нѣкоторые пойдутъ со мною, другіе съ княземъ Платономъ Александровичемъ. Раздѣляйтесь!».—Никто не трогался съ мѣста. «А, понимаю», сказалъ Паленъ и сталъ разстанавливать безъ разбору по очереди одного направо, другаго налѣво, кромѣ генераловъ. Потомъ, обратясь къ Зубову, сказалъ: «Вотъ эти господа пойдутъ съ вами, а прочіе со мною; мы пойдемъ разными комнатами; ѣдемъ!» [1]).

«Тутъ же Паленъ преподалъ шайкамъ и послѣднее свое наставленіе: «Rappelez-vous, Messieurs, que pour manger d'une omelette il faut commencer par casser les œufs» [2]).

«On ne pouvait réussir», говоритъ гр. Ланжеронъ, «qu'en corrompant ou en soulevant les gardes, en tout ou en partie, et ce n'était pas aisé. Les soldats des gardes aimaient Paul» [3]).

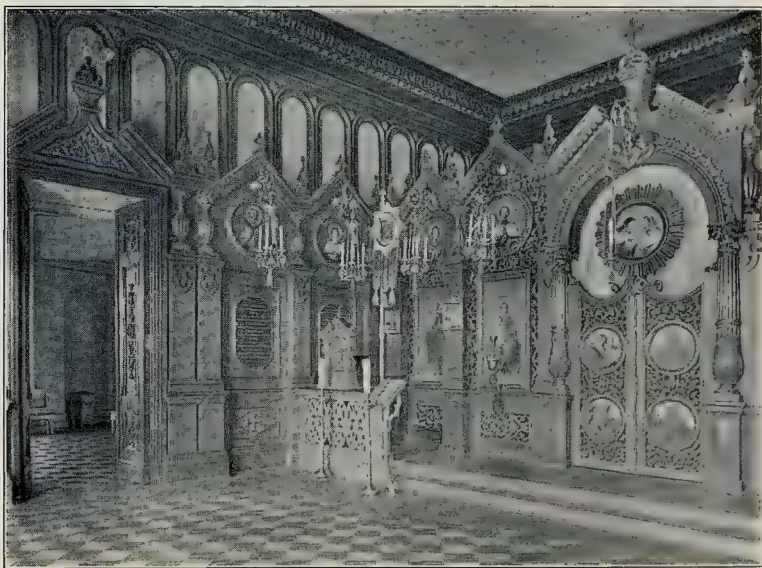
Такъ какъ завлечь нижнихъ чиновъ въ заговоръ было невозможно, то ихъ... обманули.

Коцебу говоритъ, что «изъ нижнихъ чиновъ ни одинъ не зналъ о предпріятіи, которому долженъ былъ содѣйствовать. Поэтому офицеры получили наставленіе во время марша къ Михайловскому замку смѣшаться съ солдатами и ихъ подготовить. Я слышалъ отъ одного офицера, что настроеніе его людей не было самое удовлетворительное. Они шли безмолвно; онъ говорилъ имъ много и долго; никто не отвѣчалъ. Это мрачное молчаніе начало его безпокоить. Онъ наконецъ спросилъ: «Слышите?». Старый гренадеръ сухо отвѣтилъ: «Слышу» [4]).

Nous étions plus de soixante et nous nous partageâmes en deux colonnes». (Langeron, 70). — «Les conjurés soupèrent dans la soirée du 23/11 Mars chez quelques-uns de leurs chefs; *on n'y épargna pas les liqueurs fortes pour suppléer au courage de quelques individus*». (Дрезд. арх., № 30380). — «La plupart des conjurés étaient pris de boisson». (Тамъ же). — «Much wine was drunk, several had more than enough». (Зап. Саблукова, Fras. Mag., 318). — «Les chefs avaient tâché d'être sobres et de conserver toute leur présence d'esprit, mais la plus grande partie des convives avaient une pointe, quelques-uns même chancelaient sur leurs jambes». (Mém. de Czartoryski, I, 246). — То же въ «Relation etc.». (Гос. Арх., II, 167). — «Ихъ» (заговорщиковъ) «было шестьдесятъ, и только двое въ трезвомъ видѣ — Паленъ и Беннигсенъ». (Зап. Тургенева).

[1]) Зап. А. Н. В. — [2]) Зап. Саблукова, Fras. Mag., 318.—Беннигсенъ, подтверждая эти гнусныя слова Палена, дѣлаетъ къ нимъ столь же гнусное для себя добавленіе: «Je dois y ajouter que le comte Pahlen en s'adressant à ces officiers leur dit entre autres: «Messieurs, où l'on fait des omelettes on casse des œufs». *Je ne sais quelles ont été ses intentions* par cette expression, mais *ils pouvaient* bien donner une fausse interprétation à ces paroles». (Зап. Беннигсена). — [3]) Langeron, 62. — [4]) Зап. Коцебу.—«*Les soldats (étaient) persuadés, pour la plupart, qu'ils étaient appelés à la défense de leur Empereur,* mais lorsqu'ils connurent ce qu'on leur avait caché, il s'éleva parmi eux des murmures inquiétants». (Langeron, 76).—То же, Mém. de Czartoryski, I, 252. — «...on fit croire aux soldats qu'ils devaient se trouver là pour sauver l'Empereur dont les jours étaient en danger». (Зап. Головиной). — «...quelques troupes, sur le bruit du danger de l'Empereur, étant accourues à son secours...». (La Roche-Aymon). — То же Дрезд. арх., № 30380.

Далеко не доѣзжая до Михайловскаго замка, шайка Беннигсена соскочила съ саней и, крадучись, одинъ за другимъ, подошла къ замку [1]) и направилась къ Воскресенскимъ воротамъ, такъ какъ между Беннигсеномъ и Паленомъ было условлено, что здѣсь обѣ шайки соединятся. Но Палена въ условленномъ мѣстѣ не оказалось. Это породило недовѣріе къ Палену [2]), но ужь нечего было мѣшкать. Одинъ изъ заговорщиковъ, по обязанностямъ службы, имѣвшій право входить во всякое время во внутренніе покои, вызвался ихъ провести. Они взошли по маленькой лѣстницѣ (подъ Рождественскими воротами), передъ которой стоялъ одинъ только часовой, не оказавшій никакого сопротивленія. Замѣчательно, что пока шли по этой лѣстницѣ, изъ сорока повидимому рѣшительныхъ людей болѣе тридцати потеряли духъ и одинъ за другимъ оставались позади, такъ что вначалѣ не болѣе восьми человѣкъ дошли до запертой двери у первой передней; остальные съ робостью и мало-по-малу присоединились къ нимъ впослѣдствіи [3]). «Le prince Zoubow, chef de la colonne, manqua de cœur; troublé, déconcerté il proposa de se retirer au plus tôt; mais le général Bennigsen... le saisit par le bras et s'éleva contre un avis aussi dangereux. «Quoi», dit-il, «vous nous avez amenés jusqu'ici, et vous voulez maintenant rétrograder? Nous sommes trop avancés pour suivre votre conseil qui nous perdrait tous. Le vin est tiré, il faut le boire» [4]).

Церковь Николаевскаго Инженернаго училища.

[1]) Зап. Воейкова. — [2]) «On voit que Pahlen, dont le génie infernal prévoyait tout et surtout n'oubliait rien de ce qui pouvait l'intéresser personnellement, ne s'était pas chargé de l'action principale... pour pouvoir, si l'entreprise n'avait pas de succès, paraître accourir au secours de l'Empereur. Ne voulant pas commettre lui-même le meurtre, il avait fait venir Bennigsen, dont il connaissait le sang-froid et le courage imperturbable pour le remplacer, et il est vrai que, sans lui, tout eût été manqué». (Langeron, 70; то же у Злобина, Тургенева; Дрезд. арх., № 30380 и др.). — [3]) «De cette foule d'officiers dont nous avions d'abord été entourés il ne restait dans ce moment que quatre à peu près avec nous». (Зап. Беннигсена). — [4]) Mém. de Czartoryski, I, 247.

Паленъ не забылъ послать арестовать всѣхъ приверженцевъ Павла, какъ-то: Кутайсова, актрису Шевалье, ген.-прокурора Обольянинова, гр. Кушелева, Ал. Льв. Нарышкина и другихъ.... Всѣ заставы были заперты, и уже съ половины дня Паленъ не выдавалъ никому подорожныхъ [1]).

Александръ Павловичъ и Елисавета Алексѣевна вернулись около 10 часовъ вечера съ ужина и легли спать; Уваровъ, Ник. Мих. Бороздинъ и нѣсколько кавалергардскихъ офицеровъ расположились вблизи комнатъ Наслѣдника съ цѣлью охранить его [2]).

Приводимъ разсказъ Вел. Кн. Константина Павловича гр. Ланжерону: «Je ne me doutais de rien, et je dormais comme on dort à vingt ans. Platon Zoubow, ivre, entre dans ma chambre, en faisant beaucoup de bruit (déjà, il y avait une heure que mon père n'existait plus). Zoubow tire brutalement ma couverture, et me dit insolemment: «Allons, levez-vous, allez chez l'Empereur *Alexandre*, il vous attend». Vous pouvez vous imaginer combien je fus étonné et même effrayé de ces mots. Je regarde Zoubow, j'étais encore à moitié endormi et je croyais rêver. Platon me tire rudement par le bras pour me faire lever. Je passe un pantalon, un surtout, je mets des bottines et je suis machinalement Zoubow. J'eus, cependant, la précaution de prendre mon sabre polonais... pour me défendre en cas qu'on en voulût à ma vie, car je ne concevais point ce qui pouvait s'être passé.

«Dans ce moment, on vint avertir mon frère de tout ce que prétendait ma mère; il s'écria: «Mon Dieu, encore ce surcroît d'embarras». Il ordonna à Pahlen d'aller la raisonner et la faire renoncer à des idées au moins fort singulières et fort déplacées dans un pareil moment» [3]).

«Въ $4\frac{1}{2}$ часа, чуть начало свѣтать, Александръ, въ сопровожденіи Вел. Кн. Константина Павловича [4]), гр. Палена, Беннигсена, Платона Зубова и Уварова, пошелъ объявить войскамъ о кончинѣ родителя» [5]).

Войска послѣ нѣкотораго колебанія, вызваннаго неожиданностью извѣстія о кончинѣ Императора, привѣтствовали Александра Павловича криками: Ура!

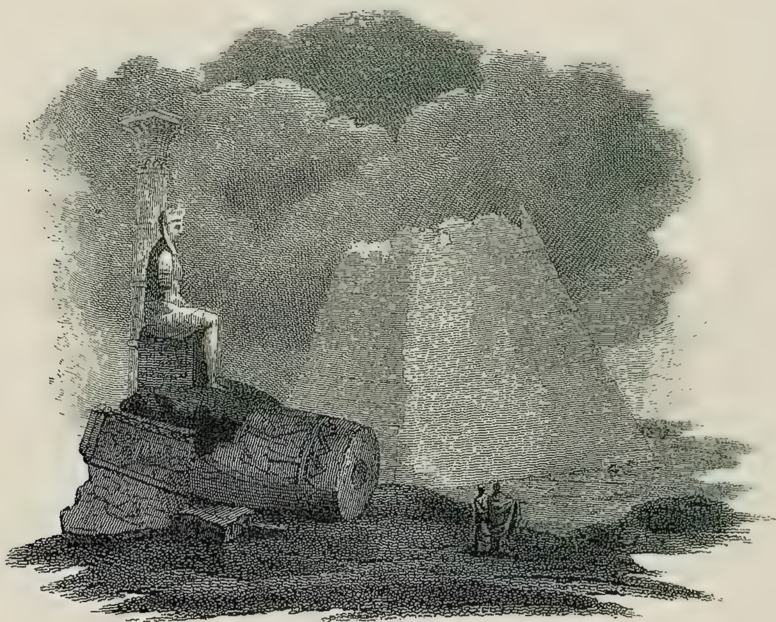
---

[1]) Въ числѣ не пропущенныхъ на заставѣ оказался и гр. Аракчеевъ. (Зап. Коцебу). — «Михайловскій замокъ былъ уже окруженъ полками гвардіи въ 12 часовъ полуночи. Офицеры и солдаты не знали точно причины, для чего были собраны, но догадывались или, лучше сказать, ожидали какого-либо важнаго происшествія». (Зап. Тургенева). — «Вся Милліонная улица была всю ночь подъ арестомъ, т.-е. изъ живущихъ въ ней полиція никого не впускала и не выпускала». (Зап. де-Санглена).

[2]) «Cette circonstance a été affirmée à l'auteur par le colonel Nicolas Borosdin en personne». (Дрезд. арх., № 30380). — См. Разсказъ камеръ-фрау Геслеръ Секретареву, записанный со словъ послѣдняго А. М. Тургеневымъ (рук.). — [3]) Langeron, 73 и 74. — [4]) Тамъ же, 73. — [5]) Зап. Тургенева.

Вернувшись въ свои комнаты, Александръ Павловичъ сообщилъ своей супругѣ о кончинѣ Императора Павла. «Je ne sais ce que je suis, ni ce que je fais», ajouta-t-il, «je ne suis pas en état de rassembler mes idées; il faut que je quitte le château. Allez chez ma Mère et engagez-la à venir le plus tôt possible au Palais d'hiver» [1]).

«Немного отдохнувъ, Александръ вышелъ изъ своей комнаты, блѣдный и разстроенный. Онъ потребовалъ карету. Камеръ-гусаръ побѣжалъ ее заказать; вслѣдъ за нимъ побѣжалъ и самъ кн. Зубовъ. Прошло полчаса, пока нашли карету. Наконецъ карета была подана; онъ сѣлъ въ нее съ Вел. Кн. Константиномъ Павловичемъ [2]), на запятки стали Уваровъ и Николай Зубовъ. Въ 3-мъ часу ночи они прибыли въ Зимній Дворецъ» [3]).

Аллегорическій рисунокъ по случаю кончины Павла I, съ грав. Я. Саундерса.

---

1) Зап. гр. Головиной. — «Rogerson, le premier médecin, m'a conté qu'un instant après la révolution, étant entré dans le cabinet du nouveau Souverain, il les trouva» (т.-е. Императора Александра и Императрицу Елисавету Алексѣевну) «assis ensemble dans un coin, les bras enlacés, leurs fronts appuyés l'un contre l'autre et pleurant tous les deux si amèrement qu'ils ne le virent pas entrer». («Воспом. гр. Фед. Гавр. Головкина», рукопись; Собств. Е. В-ва библ., Лобановскій отдѣлъ, № 16).

2) Зап. Беннигсена. — Зап. Коцебу. — «Un coupé à deux chevaux (dans ce temps tout le monde allait à 4 et à 6 chevaux à Pétersbourg) de très chétive apparence, mais deux officiers derrière en guise de laquais et à la lueur de la neige je crus reconnaître M. Ouvarow, aide de camp général de l'Empereur... La petite voiture avait contenu le Grand-Duc Alexandre et son frère le Grand-Duc Constantin». (Зап. кн. Ливенъ).

3) Зап. Коцебу. — «Е. И. В. Наслѣдникъ Вел. Кн. Александръ Павловичъ, принявъ всероссійскій Императорскій престолъ, изволилъ отбыть съ Государемъ Цесаревичемъ Вел. Кн. Константиномъ Павловичемъ изъ Михайловскаго Замка въ С.-Петербургскій Зимній Дворецъ *въ 2 часа ночи* въ прежнія свои комнаты». Въ черновомъ Кам.-фур. журналѣ время отбытія Александра Павловича указано «въ 3-мъ часу». (Арх. М. Двора, Кам.-фур. журн., 12 Марта 1801 г.).

12 Марта.

Въ 9-мъ часу утра Императрица Елисавета Алексѣевна вмѣстѣ съ Вел. Княгиней Анной Ѳеодоровной переѣхали въ Зимній дворецъ [1]).

«En arrivant dans son appartement elle trouva l'Empereur couché sur son divan, pâle, défait, anéanti sous l'excès de sa douleur. Le c-te de Pahlen était dans la chambre et au lieu de sortir comme le respect le lui prescrivait, il ne fit que s'éloigner et alla se mettre dans une embrasure de fenêtre» [2]). Среди всеобщей растерянности этой ужасной ночи Императрица Елисавета Алексѣевна сохранила полное присутствіе духа и полное самообладаніе.

Въ 8 часовъ утра Кавалергардскій полкъ принесъ присягу Императору Александру I [3]).

«Уже съ 9 часовъ утра присягали въ Дворцовой церкви новому Императору [4]). Изъ Императорской фамиліи присутствовалъ одинъ только Вел. Кн. Константинъ. Онъ первый приложился къ Евангелію, за нимъ Нарышкинъ, потомъ высшіе чины государства, между которыми недоставало только гр. Палена и гр. Кутайсова: первый стоялъ внизу передъ войсками, а второй

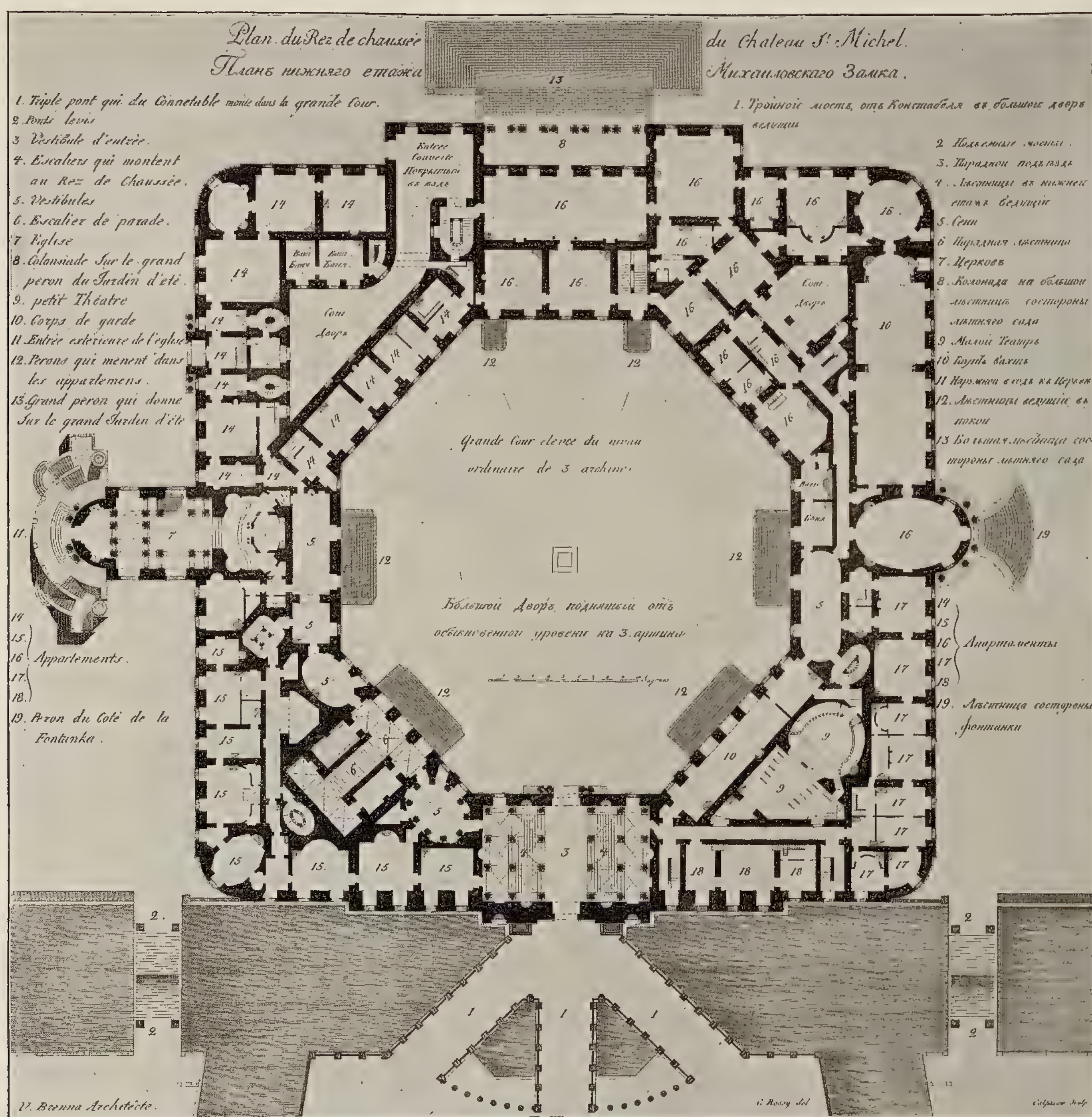
---

[1]) Арх. М. Двора, Кам.-фур. журн., 12 Марта 1801 г.

[2]) Зап. гр. Головиной. — Mém. de Czartoryski, I, 255—256.

[3]) «Въ Кавалергардскій полкъ. По кончинѣ Государя Императора вступилъ на Всероссійскій престолъ Его Императорское Величество Александръ Павловичъ, на вѣрность коему въ подданство въ восемь часовъ учинить присягу и по исполненіи мнѣ донести. Марта 20 дня 1801 г. Генералъ-отъ-Кавалеріи *Графъ фонъ-Деръ-Паленъ*». — «Въ Кавалергардскій полкъ. Препровождая у сего экземпляръ Высочайшаго манифеста о кончинѣ Его Величества Государя Императора Павла Петровича и о вступленіи на Всероссійскій Императорскій престолъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Павловича съ приложеніемъ присяжнаго листа, предписываю по немедленномъ объявленіи онаго манифеста всѣмъ состоящимъ въ ономъ полку высшимъ и нижнимъ чинамъ привести всѣхъ ихъ на всеподданническую Его Императорскому Величеству вѣрность къ присягѣ, съ подпискою на ономъ же присяжномъ листѣ и тотъ листъ съ подписками немедленно прислать при рапортѣ въ военную коллегію, донести въ то же самое время и мнѣ о исполненіи сего моего предписанія. Санктъ-Петербургъ, Марта 12 дня 1801 года. *Константинъ Цесаревичъ*». — Отмѣтка: «Въ военную коллегію отъ 20 числа посланъ присяжный листъ». — На присяжномъ листѣ подписи: «генералъ-лейтенантъ *Уваровъ*, полковникъ, командоръ и кавалеръ *Супоневъ*, полковникъ, командоръ и кавалеръ *Бороздинъ*, полковникъ и командоръ *Корсаковъ*, штабъ-ротмистръ *Хомутовъ*, штабъ-ротмистръ *графъ Виттъ*, полковой адъютантъ *Гордановъ*, поручикъ *Линевъ*, поручикъ *Ушаковъ 2*, шефскій адъютантъ *Черепановъ*, поручикъ *Панинъ*, поручикъ *Сафоновъ*, поручикъ *Уваровъ 2*, поручикъ *Бороздинъ*, корнетъ *Собакинъ*, поручикъ *Титовъ*, поручикъ *Авдулинъ*, штабъ-ротмистръ *Ушаковъ*, корнетъ *Дмитріевъ*, поручикъ *Елагинъ*, корнетъ *Лазаревъ*, корнетъ *Мининъ*, корнетъ *Грецкій*, полковой штабъ-лѣкарь *Шмитъ*, лѣкарь *Заводовской*, полковой квартермистръ *Бабиковъ*, аудиторъ *Ивановъ*, шталмейстеръ *Цейзихъ*. Присягалъ и къ присягѣ приводилъ кавалергардскаго полку священникъ Михаилъ *Гратинскій*». (Полк. архивъ).

[4]) По окончаніи присяги «Его И. В-во Государь Императоръ изволилъ *неоднократно* проходить парадными комнатами для принятія поздравленія». (Арх. М. Двора, Кам.-фур. журн., 12 Марта 1801 г.).

Планъ нижняю этажа Михайловскаю замка.

сказался больнымъ. Достойно замѣчанія, что въ присягѣ упоминалось только о томъ Наслѣдникѣ Престола, который назначенъ будетъ впослѣдствіи» [1]).

«Въ 10 час. утра явился я въ Зимній Дворецъ», говоритъ де-Сангленъ. «Здѣсь всѣ залы были почти наполнены военными и гражданскими чиновниками... Среди первой залы нѣсколько офицеровъ изъявляли радость свою, что будутъ по-старому носить фраки и круглыя шляпы. Я вошелъ во вторую залу. Здѣсь сидѣлъ у камина гр. Н. А. Зубовъ, передъ нимъ стоялъ кн. Яш-

[1]) Зап. Коцебу. — Установленная при Императорѣ Александрѣ форма присяги была слѣдующая: «Я, нижепоименованный, обѣщаюсь и клянусь..., что хощу и долженъ Его Имп. Величеству — Императору Александру Павловичу... и Его Имп. В-ву Всероссійскаго престола Наслѣднику, *который назначенъ будетъ*, вѣрно и нелицемѣрно служить и т. д.». (П. Собр. Зак., 12 Марта 1801 г., № 19779 и 18 Апр. 1801 г., № 19841).

виль. Ихъ окружали нѣкоторые изъ тѣхъ, которыхъ я наканунѣ вечеромъ видѣлъ у гр. Палена. Громко сказалъ Зубовъ Яшвилю: «А дѣло было жаркое». Я отвернулся, ушелъ назадъ въ первую залу и увидѣлъ стоящаго въ дверяхъ Вел. Кн. Константина Павловича съ лорнетомъ въ рукахъ, устремившаго взоръ на сидящихъ около камина; какъ будто про себя, но громко сказалъ онъ: «Я всѣхъ ихъ повѣсилъ бы». Съ симъ словомъ воротился онъ въ первую залу, а я за нимъ. Здѣсь уже начали приводить къ присягѣ, и всѣ другъ за другомъ подписывались. Вдругъ шумъ и говоръ утихли, ген. Уваровъ расчищалъ дорогу для шедшаго за нимъ Наслѣдника. Новый Императоръ шелъ медленно, колѣна его какъ будто подгибались, волосы на головѣ были распущены, глаза заплаканы, смотрѣлъ прямо передъ собою, рѣдко наклонялъ голову, какъ будто кланялся; вся поступь его, осанка, изображали человѣка, удрученнаго горестію и растерзаннаго неожиданнымъ ударомъ рока» [1]).

Въ 7 часовъ утра вдовствующая Императрица отправилась на поклоненіе тѣлу и только около 10 часовъ утра [2]) рѣшилась покинуть Михайловскій замокъ.

«Въ *3 четверти 3-го часа* Ея И. В-во вдовствующая Государыня Императрица изволила прибыть во внутренній покой къ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ чрезъ бывшіе покои покойной Великой Княжны Маріи Александровны и обратное шествіе оными же комнатами изволила имѣть въ 3 часа». При этомъ въ черновомъ журналѣ отмѣчено, что вдовствующая Императрица проходила «Высочайшею особою въ провожаніи только своего камердинера». Въ тотъ же день, въ четверть пятаго часа Императрица Елисавета Алексѣевна вмѣстѣ съ Вел. Кн. Анной Ѳеодоровной посѣтили вдовствующую Императрицу, у которой пробыли болѣе часа, а вечеромъ онѣ уже вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ вновь были у Маріи Ѳеодоровны, гдѣ и пробыли около 1½ часа [3]).

---

[1]) Зап. де-Санглена, рукоп. и Р. Стар., 1883/1, 3 и 4.—См. Зап. кн. Ливенъ.—Въ *черновомъ* Кам.-фур. журналѣ за 12 Марта 1801 г. сказано: «...принявъ... всеподданнѣйшее поздравленіе..., Его Величество благоволилъ изъ Зимняго дворца уѣхать въ Михайловскій замокъ и со всею Императорскою фамиліею быть у тѣла покойнаго своего Родителя Государя Императора и, съ сокрушеннымъ сердцемъ горестно оплакавъ Его кончину, изволилъ возвратиться въ Зимній Каменный дворецъ, куда вскорѣ послѣдовали за нимъ: во-первыхъ, Его Супруга Государыня Императрица обще съ Ея Высочествомъ Государынею Великою Княгинею Анной Ѳеодоровной, а потомъ Ея Величество вдовствующая Государыня Императрица съ Ихъ Высочествами малолѣтними Великими Князьями и всѣми Государынями Великими Княжнами». Въ *чистовомъ* журналѣ это мѣсто опущено.

[2]) Арх. М. Двора, Кам.-фур. журн., 12 Марта 1801 г.

[3]) Тамъ же.—«Cette entrevue n'eut pas de témoin. L'Empereur en sortit très ému». (Зап. кн. Ливенъ).

«Въ десять часовъ утра» (12 Марта) «мы были на разводѣ», говоритъ Саблуковъ, «который прошелъ обычнымъ порядкомъ [1]). Графъ Паленъ держалъ себя, какъ и всегда. Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Je vous ai craint plus que toute la garnison». — «Et vous avez eu raison», отвѣтилъ я. — «Aussi j'ai eu soin de vous faire renvoyer». Разговоръ этотъ убѣдилъ Саблукова, что слухъ о томъ, что Паленъ былъ причиною удаленія Конной Гвардіи въ Царское Село, былъ справедливъ. Разсказывали тогда, что «9 Марта, когда Палену повидимому удалось разсѣять опасенія Павла Петровича, на вопросъ послѣдняго: «Не слѣдуетъ ли принять еще какихъ-либо мѣръ?», Паленъ отвѣтилъ: «Я не знаю, чтобы Ваше Величество могли сдѣлать, развѣ выслать этихъ якобинцевъ» (указывая по направленію конногвардейскаго караула) «и запереть *эту дверь*» (ведущую въ комнату Императрицы). «Оба эти совѣта были исполнены на свою погибель несчастнымъ Императоромъ» [2]).

На другой день, 13 Марта, разводъ состоялся обычнымъ порядкомъ. На разводѣ присутствовали Императоръ и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Они показались Саблукову сосредоточенными (looked rather grave, but with somewhat unmeaning faces). Нѣкоторые изъ главныхъ заговорщиковъ выглядывали нѣсколько удрученными; одинъ гр. Паленъ былъ такимъ, какъ и всегда; что же касается до кн. Зубова, то онъ суетился и болталъ еще болѣе, нежели наканунѣ [3]).

Императоръ въ первый разъ явился на разводѣ безъ Мальтійскаго креста; гр. Паленъ также пересталъ его носить.

Въ тотъ же день вся Императорская фамилія въ первый разъ поѣхала въ Михайловскій замокъ [4]).

---

1) 12 Марта Императоръ Александръ на разводъ не выходилъ.

2) «...La plus grande partie ...du régiment des gardes-à-cheval...avait résisté à toutes les tentations de séductions». (Extr. d'un rapport de la légation d'Angleterre въ Дрезд. арх., № 30380; то же у Locatelli).

3) Зап. Саблукова, Fras. Mag., 322 и 323.

4) «Въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ лежало тѣло покойнаго Государя Императора до выноса къ погребенію, Е. И. В-во Высочайше повелѣть соизволилъ: быть начальствующимъ г. ген.-лейтенанту барону Беннигсену, съ содержаніемъ при Замкѣ прежняго обыкновеннаго Кавалергардовъ и Лейбъ-Гвардіи полковъ караула съ знакомъ (знаменемъ?), съ учрежденіемъ повседневнаго къ тѣлу на дежурство: по 2 изъ воинскаго Генералитета, по 2 камергера, по 2 камердинера, по 2 флигель-адъютанта и отъ трехъ Лейбъ-Гвардіи пѣхотныхъ полковъ отъ каждаго по 2 оберъ-офицера съ дисконтонами (эспонтонами?) для часовъ при самомъ тѣлѣ покойнаго Императора...». (Арх. М. Двора, Черновой Кам.-фур. журн., 12 Марта 1801 г.). — Согласно Кам.-фур. журнала, 13 Марта 1801 г., первое посѣщеніе Царскимъ семействомъ Михайловскаго замка произошло такъ: «Въ 12 часовъ изволили поѣхать въ Михайловскій дворецъ на поклоненіе тѣлу Импе-

Павелъ I,
съ офорта Н. Анселена, по портрету Лампи.

«Преданность царю присуща русскимъ», говоритъ Саблуковъ, «любовь ихъ къ Государю столь же инстинктивна, какъ и любовь пчелъ къ своей маткѣ... Эта преданность особенно бросается въ глаза при отданіи послѣдняго долга тѣлу почившаго монарха... Несмотря на то, что не дозволялось прикладываться къ тѣлу Императора Павла, однако, надвинутая на голову шляпа не ускользнула отъ всеобщаго вниманія и возбудила въ народѣ отвращеніе къ заговорщикамъ и ужасъ передъ содѣяннымъ ими преступленіемъ». Дабы отвлечь общественное вниманіе, и такъ какъ о публичныхъ развлеченіяхъ не могло быть и рѣчи, графъ Паленъ, князь Зубовъ и другіе главари заговора рѣшили дать въ «домѣ Ліона» [1]) обѣдъ, пригласивъ на него нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ числѣ приглашенныхъ были и конногвардейскіе офицеры, но они по совѣту Саблукова рѣшили не быть на обѣдѣ.

«Въ этотъ же день за мной прислалъ графъ Паленъ. Лишь только я вошелъ въ его комнату, онъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: «Почему вы уклоняетесь отъ приглашенія на этотъ обѣдъ?» — «Parce que je n'ai rien en commun avec ces messieurs». — «Вы неправы, Саблуковъ», отвѣтилъ горячо, но безъ гнѣва Паленъ, «дѣло сдѣлано, и мы, какъ патріоты, обязаны забыть всѣ партійныя несогласія, думать лишь о благѣ отечества и

ратора Павла I — въ 1-ой каретѣ: Императоръ, обѣ Императрицы и Вел. Кн. Константинъ Павловичъ; во 2-ой: Вел. Княгиня Анна Ѳеодоровна съ лейбъ-медикомъ Бекомъ; въ 3-й: Вел. Княжны Марія Павловна и Екатерина Павловна съ статсъ-дамой гр. Ливенъ; въ 4-й: статсъ-дама гр. фонъ-деръ-Паленъ и камеръ-фрейлина гр. Протасова. По пріѣздѣ въ замкѣ остановились у большаго подъѣзда и проходили парадными покоями въ комнату, гдѣ находилось тѣло Императора Павла I, которому отдавъ должное поклоненіе, возвратились въ Зимній дворецъ... Въ половинѣ 2-го часа Его Величество изволилъ выѣхать верхомъ по городу». Въ черновомъ журналѣ это событіе изложено такъ: «Пополудни, около 12-ти часовъ, вторично шествовать соизволила Ея Величество обще съ Ея Высочествомъ Государынею Великою Княгинею Анной Ѳеодоровной въ покои вдовствующей Императрицы, откуда Ихъ Величества съ Ихъ Высочествами и двумя старшими Великими Княжнами соизволили въ каретахъ имѣть выѣздъ въ Михайловскій Замокъ и быть у тѣла покойнаго Государя Императора; причемъ въ свитѣ Ихъ находились: статсъ-дамы — гр. Ливенъ, г-жа Ренне, камеръ-фрейлина Протасова, гофмейстеръ гр. Толстой и сталмейстеръ Мухановъ. Отдавъ Ихъ Величества и Ихъ Высочества съ горестнымъ сердцемъ чувствованіемъ покойному послѣдній долгъ чрезъ благоговѣйное поклоненіе, возвратиться соизволили въ Зимній дворецъ... Вскорѣ послѣ того Его В-во Государь Императоръ возъимѣлъ верховой выѣздъ съ г. ген.-адъютантомъ Уваровымъ и фл.-адъютантомъ кн. Волконскимъ и соизволилъ съ ними быть въ Михайловскомъ Замкѣ у тѣла покойнаго своего родителя Государя Императора, откуда по возвращеніи въ Зимній дворецъ пополудни во обыкновенное время кушать соизволилъ съ Ея В-вомъ обѣденное кушанье въ комнатѣ, гдѣ диванъ». (Арх. М. Двора).

[1]) Нынѣ такъ называемый Залъ Кононова.

сплотиться для служенія ему. Вамъ такъ же, какъ и мнѣ, хорошо извѣстно о враждѣ, порожденной этимъ событіемъ; должны ли мы дать ей усилиться? Мысль объ обѣдѣ принадлежитъ мнѣ; я надѣюсь, что чрезъ это успокоятся умы, но если вы откажетесь принять въ немъ участіе, остальные эскадронные командиры вашего полка также не пожелаютъ участвовать, и въ такомъ случаѣ обѣдъ произведетъ дѣйствіе, совершенно обратное предполагаемому мною. Прошу васъ, примите приглашеніе». — Саблуковъ обѣщалъ Палену исполнить его просьбу.

Крѣпость г. Павловска,
съ грав. А. Ухтомскаго, по карт. С. Щедрина.

Саблуковъ и другіе эскадронные командиры Конной гвардіи пріѣхали на обѣдъ, но, по словамъ Саблукова, держались въ сторонѣ отъ остальныхъ..., «настроеніе было далеко не дружелюбное, хотя шампанскаго было выпито много. На этой «оргіи», ибо другаго имени этому обѣду дать нельзя, присутствовали многіе высшіе сановники и нѣсколько придворныхъ». По окончаніи обѣда «самые ярые заговорщики стащили со столовъ скатерти со всѣми блюдами, бутылками и стаканами, и все это съ большой торжественностью было выброшено изъ оконъ на улицу [1]). Обѣдъ закончился нѣсколькими рѣзкими и непріятными столкновеніями, въ томъ числѣ между адмираломъ Чичаговымъ и генераломъ Уваровымъ...» [2]).

---

[1]) «Le prince Zoubow donna à tous les conjurés et à leurs amis un banquet splendide; on y but à la santé du nouvel Empereur avec le débordement et l'explosion d'une gaîté comprimée pendant cinq ans». (Mém. de Tschitschagow, 43).

[2]) Зап. Саблукова, 324 и 325.—«Captain Tschitschagoff of the navy was ordered under arrest to the citadel of Pavloffsky for a lively reply, which bordered almost on impertinence. He resisted this order on the plea of the privileges attached to the Cross of St-George. The Emperor, infuriated beyond measure, ordered the cross to be torn off, and Ouvaroff, who was aide-de-camp-général on duty, accomplished the deed without hesitation. Tschitschagoff, incensed at this insult, threw off his uniform also, and walked into the fort in his waistcoat... At a dinner of the «soi-disant» *liberators* after the death of Paul, Ouvaroff reminded Tschitschagoff of his having been the person who tore off his Cross of St-George. Tschitschagoff replied: «If you serve the present Emperor as faithfully as you served the last, you richly deserve to be well recompensed». (Тамъ же, 309).

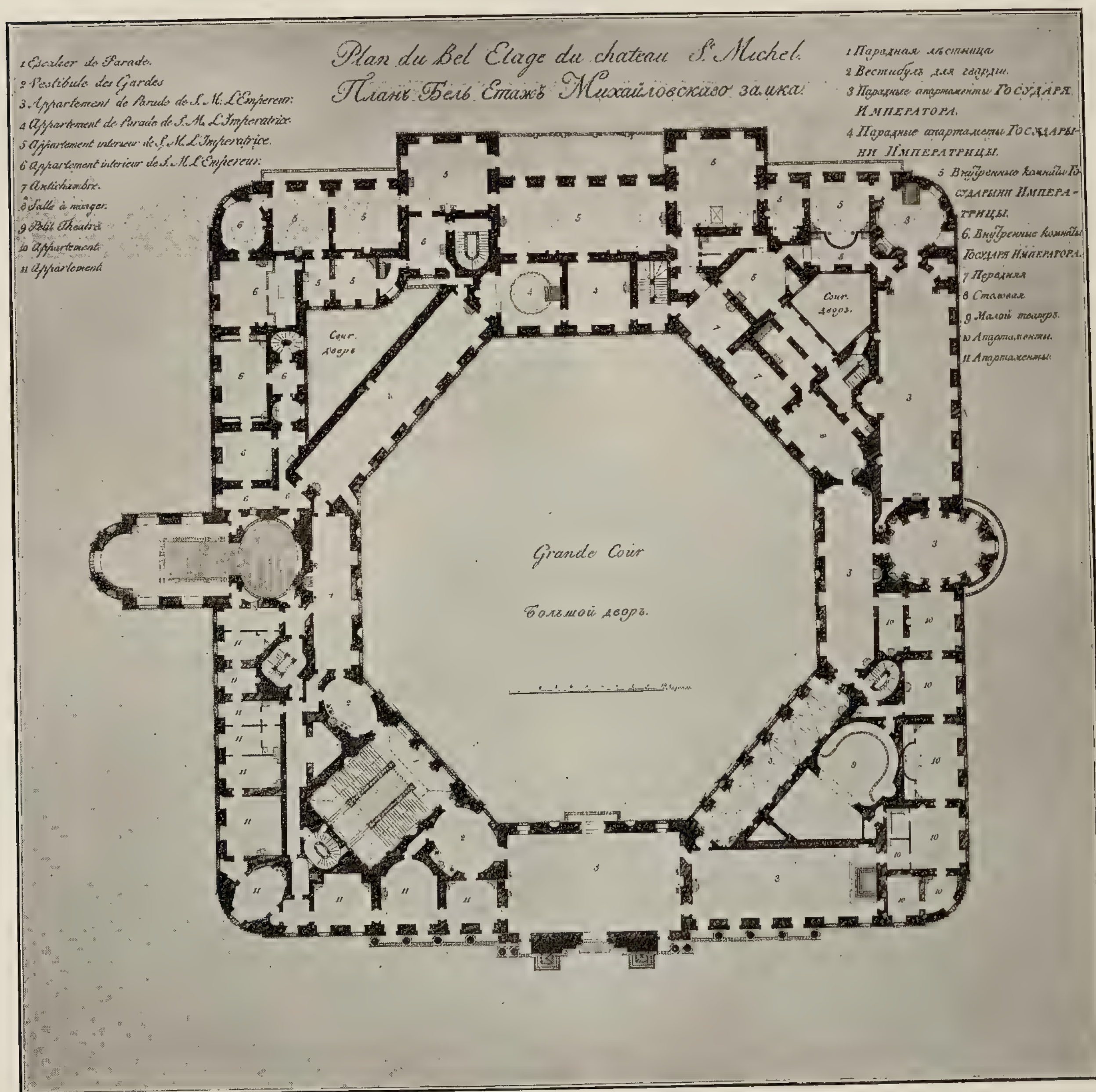
Насколько заговоръ не составлялъ тайны, можно судить по тому, что не только день приведенія его въ исполненіе, но самый часъ были многимъ постороннимъ лицамъ извѣстны. Въ Петербургѣ не только говорили: «Nous sommes à la veille des plus grands événements», или «l'Empereur mourra de sa belle mort» [1]), но гр. Головкинъ, указывая Санглену вечеромъ 11 Марта на Михайловскій замокъ, сказалъ: «Cette nuit il y aura là une horrible catastrophe» [2]). Если вѣрить Санглену, то слухи о покушеніи достигли даже простаго народа. Извозчикъ, везшій Санглена поздно вечеромъ 11 Марта, обратился къ нему съ вопросомъ: «Правда ли, сударь, что Императоръ нынѣшнюю ночь умретъ? Какой грѣхъ!», прибавилъ онъ.—«Что ты съ ума сошелъ? Слава Богу, Императоръ живъ и здоровъ, ради Бога не ври». — «Помилуйте, сударь, у насъ на биржѣ только и твердятъ: «*конецъ!*» [3]).

«Послѣ смерти Павла офицеры ѣздили съ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ Императора Александра I къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ; между прочимъ Сафоновъ [4]) ѣздилъ къ Кутайсову. Кутайсова онъ засталъ въ постели, и тотъ такъ перепугался, что, лежа въ постели, сталъ кланяться Сафонову, чуть не доставая руками до полу» [5]).

«Нѣтъ возможности описать восторга столицы при распространившейся вѣсти о смерти Павла. Заговорщики изъ дворца на разсвѣтѣ дня 12 Марта разсыпались по знакомымъ во всѣ концы Петербурга. Съ бѣшеною радостью, вбѣгая въ дома спящихъ, громогласно еще изъ прихожей кричали они: «Ура! поздравляю съ новымъ Государемъ!». Гдѣ дома были заперты, тамъ сильно и съ крикомъ стучались, такъ что разбужали всю улицу, и каждому высунувшемуся въ окошко лицу провозглашали свою новость. Все изъ домовъ выбѣжало и пустилось по городу съ этою вѣстью; многіе такъ были восхищены, что со слезами на глазахъ кидались въ объятія къ людямъ, совершенно незнакомымъ, и поздравляли ихъ съ новымъ Государемъ. Въ 9 часовъ утра на улицахъ была такая суматоха, какой никогда не запомнятъ. Къ вечеру во всемъ городѣ не стало шампанскаго; одинъ не самый богатый погребщикъ продалъ его въ тотъ день на 60.000 рублей... Восторжествовавшіе англичане стояли у воротъ домовъ своихъ и потчивали проходящихъ шампанскимъ. Въ Англійскомъ клубѣ пили въ продолженіе цѣлой ночи; трактиры и кабаки также не запирались цѣлыя сутки... Къ 6-ти часамъ вечера уже не было ни одной бутылки шампанскаго во всѣхъ погребахъ и магазинахъ. Пріятели въ свои кружки приглашали вовсе незнакомыхъ и напивались до пьяна, повторяя безпрестанно радостные свои клики въ комнатахъ, въ окнахъ и на улицахъ. Въ то же утро появились на многихъ круглыя шляпы и другіе запрещенные

---

1) Зап. Коцебу. — 2) Зап. де-Санглена. — 3) Тамъ же; то же у Коцебу. — 4) Поручикъ Кавалергардскаго полка Евтихій Ив. Сафоновъ. — Вѣроятно, это случилось уже днемъ, когда Кутайсовъ, бѣжавшій ночью изъ Михайловскаго замка, вернулся въ свой домъ. «Кутайсовъ, вернувшійся въ этотъ вечеръ отъ Шевалье ранѣе обыкновеннаго, переодѣтый въ мужицкое платье, убѣжалъ чрезъ Лѣтній садъ и скрылся на Литейной, у Степ. Серг. Ланскаго». (Зап. Коцебу). — 5) Разсказы NN.

Планъ 2-го этажа Михайловскаго замка.

при Павлѣ наряды; встрѣчники, размахивая платками и шляпами, кричали имъ браво. Весь городъ, имѣвшій болѣе 300.000 жителей, похожъ былъ на домъ сумасшедшихъ» [1]).

«День, послѣдовавшій за ужасными событіями въ ночь 11 Марта, показалъ, какъ легкомысленна и вѣтрена бываетъ столичная, придворная и военная публика (how frivolous and flippant a set the public of a metropolis, a court and a garrison are). Одной изъ главныхъ жестокостей, въ которыхъ обвиняли Павла, считалась его настойчивость и строгость относительно старомодныхъ костюмовъ, прическъ и экипажей и тому подобныхъ, сравнительно, мелочей. Какъ только узнали, что онъ умеръ, всѣ причесались à la Titus, косы

---

[1]) Зап. А. Н. В. — Зап. Тургенева.

исчезли, букли обрѣзались и панталоны, круглыя шляпы и сапоги съ отворотами наполнили улицы. Дамы также, не теряя времени, облеклись въ новые костюмы, и экипажи на улицахъ перестали выглядывать нѣмецкими и французскими attelages старыхъ временъ, но тотчасъ вновь появилась русская упряжь съ кучерами въ національныхъ костюмахъ, съ форейторами (что было строго запрещено Павломъ), и всѣ эти экипажи съ обычною быстротою и криками форейторовъ понеслись по улицамъ. Это движеніе, вдругъ сообщенное всѣмъ жителямъ столицы, внезапно освобожденнымъ отъ всѣхъ полицейскихъ постановленій и уличныхъ правилъ, дѣйствительно заставляло всѣхъ ощущать, что словно какимъ-то волшебствомъ съ рукъ ихъ свалились цѣпи, и что нація была вызвана изъ гроба къ жизни и движенію» [1]).

Почти то же произошло и въ Москвѣ по полученіи извѣстія о кончинѣ Императора Павла [2]).

«L'enthousiasme qu'inspirait l'Empereur Alexandre était au comble. Tous ses amis exilés revinrent à Pétersbourg, soit de leur propre chef, soit rappelés par lui. On affluait dans cette capitale qui vers la fin du règne de Paul Ier était devenue presque déserte par la quantité d'exils et par la crainte qu'on en avait qui faisait qu'on s'exilait volontairement.

«*L'anarchie succéda au règne le plus sévère;* les costumes de toutes espèces reparurent, les voitures couraient à bride abattue. J'ai vu moi-même un officier hussard galopper à cheval sur le trottoir du quai en criant: «*A présent on peut faire ce qu'on veut*». Le changement subit était *effrayant, mais il n'était fondé que sur l'extrême confiance qu'inspirait la bonté du nouvel Empereur*» [3]).

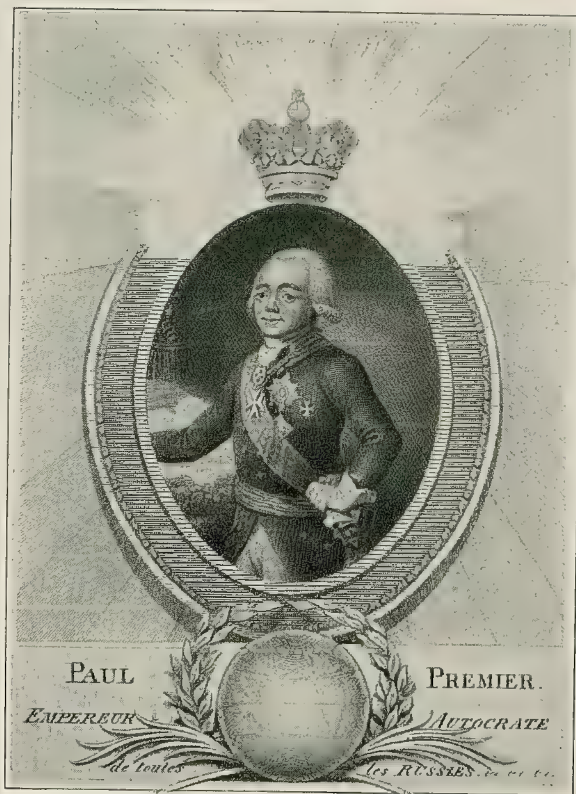
[1]) Зап. Саблукова, Fras. Mag., 322; Р. Арх., 1869 г., 1946 и 1947. — «Радость сего событія, по словамъ очевидца кн. Оболенскаго, выходила даже изъ предѣловъ благопристойности». («Др. и Нов. Россія», 1877/II, 81). — «Il serait impossible de décrire la joie générale: elle fut poussée à l'excès. On se complimentait, on s'embrassait en se rencontrant, comme si on avait recouvré la vie; les marchands russes et étrangers placèrent dans les rues des pièces de vin et d'eau-de-vie pour le peuple, qui en profita largement». (Mém. de Tschitschagow). — «Изумленія, радости, восторга, возбужденныхъ этимъ, впрочемъ, бѣдственнымъ, гнуснымъ и постыднымъ происшествіемъ, изобразить невозможно. Россія вздохнула свободно». (Зап. Санглена). — «Восшествіе его (Импер. Александра Павловича) на престолъ было всеобщимъ праздникомъ, уподобляющимся только Свѣтлому Воскресенію Христову: люди цѣловались на улицѣ и поздравляли другъ друга». (Зап. М. С. Мухановой, Р. Арх., 1878/III, 304). — «Les rues de Pétersbourg se remplirent de monde. On s'embrassait comme au jour de Pâques, une vraie résurrection pour la Russie... Nous avons manqué d'historien et de poètes pour décrire cet enthousiasme, cet enivrement général; quatre années de despotisme tombant parfois à la folie, souvent à la cruauté, venaient de trouver un terme. La catastrophe oubliée ou exaltée — il n'y avait pas de milieu. Le moment de la juger n'était pas venu encore. On s'était couché esclave, opprimé. On se réveillait libre et heureux. On était affamé de bonheur et on s'y livra avec la confiance de l'Eternité». (Зап. кн. Ливенъ).

[2]) Воспом. А. П. Бутенева, Р. Арх., 1881/III, 23 и 24.

[3]) Можетъ-быть, вѣрнѣе было бы видѣть причину наступившей «анархіи» въ увѣренности въ *слабости* вступившаго на престолъ Государя. Въ другомъ мѣстѣ у того же автора мы можемъ найти болѣе вѣрное опредѣленіе: «On a peine à supporter la faiblesse dans ses souverains, on leur préfère la sévérité; il faut pouvoir s'appuyer sur ce qui doit être notre garant et notre force». (Зап. гр. Головиной).

Уже 13 Марта состоялся Высочайшій приказъ, касающійся воинской дисциплины: «Его Императорское Величество надѣется, что всѣ начальники будутъ прилагать старанія свои къ сохраненію порядка службы и ни до какого неустройства оной не допустятъ» [1]).

«Первое время», говоритъ Коцебу, «все было довольно спокойно: не было рѣчи ни о какихъ особенныхъ перемѣнахъ и реформахъ. Мы только замѣтили, что графъ Паленъ и князь Зубовъ держали голову очень высоко; о послѣднемъ передавалось даже, что онъ позволяетъ себѣ высказывать знаки особаго вниманія молодой красавицѣ Императрицѣ. Императоръ Александръ и Великій Князь Константинъ ежедневно присутствовали на разводѣ; первый казался еще болѣе застѣнчивымъ и сдержаннымъ, второй же, не сдерживаемый болѣе страхомъ передъ отцомъ, наоборотъ сустился и былъ болѣе, чѣмъ когда-либо, дѣятеленъ.

Павелъ I, съ грав. Я. Саундерса 1801 г.

«Императоръ поѣхалъ въ Сенатъ, чего Павелъ I ни разу не сдѣлалъ, издалъ много указовъ о помилованіи, вернулъ изъ Сибири невинныхъ, туда сосланныхъ [2]), отпустилъ кромѣ того много наказаній и возстановилъ всѣ права народа [3]). Не были болѣе обязаны снимать шляпы предъ Зимнимъ дворцомъ. Привозъ книгъ былъ дозволенъ [4]). Разрѣшено было снова носить платье, какъ кто хотѣлъ, со стоячимъ или съ лежачимъ воротникомъ. Черезъ заставы можно было выѣзжать безъ билета отъ плацъ-маіора [5]). Всѣ *пукли* ко всеобщей радости были острижены [6]). Эта небольшая вольность принята была всѣми, а въ особенности солдатами, какъ величайшее благодѣяніе. Круглыя шляпы также снова появились... Можно безъ преувеличенія сказать, что разрѣшеніе носить круглыя шляпы произвело въ Петербургѣ болѣе радости, чѣмъ уничтоженіе отвратительной Тайной Экспедиціи» [7]).

---

[1]) Полк. архивъ. — [2]) Полн. Собр. Зак., №№ 19782, 19784, 19786, 19788, 19798, 19814. — [3]) Тамъ же, №№ 19810, 19811, 19812, 19813, 19814, 19885. — «Подъ именемъ *народа* здѣсь должно разумѣть одно только дворянство. Указы, на которые намекаетъ Коцебу, суть слѣдующіе: Полн. Собр. Зак., № 19790, о возстановленіи дворянскихъ выборовъ на точномъ основаніи Екатерининскаго Учрежденія о губерніяхъ; №№ 19810 и 19856, о возстановленіи дворянской грамоты». (Примѣч. кн. Лобанова). — [4]) Полн. Собр. Зак., № 19807. — [5]) Тамъ же, № 19801. — [6]) Тамъ же, № 19826. — Пудра и косы уничтожены только 25 Апрѣля 1808 года. — [7]) Зап. Коцебу.

«Когда Павелъ выставленъ былъ на парадной постели, на немъ былъ широкій галстухъ, а шляпа надвинута была на лицо [1])... Сверхъ того приняты были мѣры, чтобы народъ, проходя предъ тѣломъ, могъ его видѣть только въ нѣкоторомъ отдаленіи...» [2]).

Павелъ I, съ офорта Зунтахъ по рисунку К. Лебрехта. (Собраніе П. Я. Дашкова).

Сопоставляя эти разсказы съ данными камеръ-фурьерскаго журнала, можно прійти къ слѣдующимъ заключеніямъ: до 17 Марта тѣло Императора Павла лежало на его обыкновенной кровати въ спальной, и въ эти дни на него были надѣты широкій галстухъ и шляпа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя уже съ 12 Марта вечеромъ публика допускалась къ тѣлу [3]), но ей не разрѣшалось прощаться съ покойнымъ.

17 Марта въ 3-мъ часу дня «покойный Государь Императоръ Павелъ Петровичъ пріуготовленъ былъ на кровати въ коронѣ и порфирѣ» и положенъ на парадную кровать, а въ 7 ч. вечера въ присутствіи Царской фамиліи за исключеніемъ вдовствующей Императрицы и малолѣтнихъ Великихъ Князей и Великой Княжны перенесенъ на «парадъ-бстѣ» въ «Тронную комнату» [4]). Съ перенесеніемъ тѣла въ «Тронную комнату» разрѣшено было «подходить къ рукѣ». Въ среду 20 Марта, въ 7 часовъ вечера въ присутствіи Императора Александра, Императрицы Елисаветы Алексѣевны, Вел. Князя Константина Павловича и Вел. Кн. Анны Ѳеодоровны состоялось положеніе во гробъ тѣла Императора Павла и перенесеніе его въ «Траурный залъ», устроенный въ «Военномъ залѣ», находившемся надъ Главными (Воскресенскими) воротами [5]).

На другой день, 21-го, «для отданія послѣдняго долга допущено къ рукѣ покойнаго Государя Императора знатныхъ и прочихъ разнаго званія и купе-

---

1) Зап. Коцебу. — «Il fut revêtu de son uniforme, le chapeau enfoncé jusque par-dessus les sourcils, et placé sur son lit». (Зап. кн. Ливенъ). См. Дрезд. арх., № 30380.

2) Зап. Коцебу; Зап. Саблукова, Fras. Mag., 320.

3) «По волѣ Его В-ва Государя Императора въ Михайловскомъ замкѣ къ тѣлу покойнаго Государя допускаемы были для отданія послѣдняго долга всякаго состоянія люди, и въ сей день было, какъ и съ знатныхъ, такъ и прочаго состоянія обоего пола, 582 человѣка, которые, *проходя мимо тѣла,* каждый дѣлалъ благоговѣйный низкій поклонъ». (Арх. М. Двора, Черновой кам.-фур. журн.). — Число лицъ, являвшихся поклониться тѣлу, ежедневно увеличивалось и 16 Марта достигло цифры 15768 человѣкъ. (Тамъ же).

4) Въ черновомъ журналѣ сказано, что Императоръ Павелъ былъ одѣтъ въ мантію, а «золотая Императорская корона... приготовлена была по сторону кровати на небольшомъ столѣ». По прибытіи Императора Александра «соизволилъ Его В-во Государь Императоръ Высочайшею Особою взять со стола пріуготовленную корону и возложить на главу покойнаго Императора». (Арх. М. Двора).

5) Тамъ же.

чества обоего пола съ 7 часовъ утра до половины 9-го вечера 16017 человѣкъ; въ томъ числѣ находились всѣ обрѣтающіеся при здѣшнемъ Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ господа чужестранные министры, также не малое число изъ иностраннаго знатнаго купечества» [1]).

Въ Великую Субботу, 23 Марта, Императоръ Павелъ былъ погребенъ [2]).

«Въ первое время подробности этого происшествія разносились по всему городу самими соучастниками» [3]).

«Нельзя однако умолчать», говоритъ Коцебу, «что это первое опьяненіе вскорѣ прошло. Народъ сталъ приходить въ себя. Онъ вспоминалъ быструю и скорую справедливость, которую ему оказывалъ Императоръ Павелъ; онъ началъ страшиться высокомѣрія вельможъ, которое должно было снова пробудиться, и почти всѣ говорили: «Павелъ былъ нашъ отецъ».

На первомъ вахтъ-парадѣ солдаты на неумѣстныя поздравленія отвѣчали: «Для насъ онъ былъ не тиранъ, а отецъ».

«Au désespoir a succédé l'ivresse de la joie, du bonheur. Tout cela est un état violent, et il faut bien de la mesure dans toute la marche du gouvernement et dans la police», писалъ Кочубей гр. С. Р. Воронцову [4]).

«Горе вдовствующей Императрицы», говоритъ Коцебу, «было долгое время невыразимымъ. Ей вездѣ казалось, что она видѣла кровь; каждаго, кто входилъ, она спрашивала: «вѣренъ ли онъ ей?». Она сама разспрашивала раненаго камеръ-гусара, котораго осыпала благодѣяніями; но ударъ, который онъ получилъ, до того ошеломилъ его, что онъ не могъ назвать по имени ни одного изъ заговорщиковъ. Тогда она приказала провести чрезъ залу своихъ младшихъ дѣтей въ глубокомъ траурѣ и чрезъ гр. Ливенъ

---

[1]) Арх. М. Двора (Черновой кам.-фур. журн.). — [2]) Въ черновомъ журналѣ сказано, что: 1) въ Михайловскій замокъ на выносъ тѣла прибыла вся Императорская фамилія за исключеніемъ малолѣтнихъ; 2) на похороны въ крѣпость послѣдовали только Императоръ Александръ, Цесаревичъ и его супруга; 3) Императрица Елисавета Алексѣевна (по нездоровью) тотчасъ по выносѣ тѣла возвратилась въ Зимній дворецъ; 4) вдовствующая Императрица «съ старшими двумя Великими Княжнами» возвратилась въ Зимній дворецъ, «отслушавъ... въ Михайловской церкви... литургію». Въ бѣловомъ же журналѣ указано, что какъ на выносѣ, такъ и на погребеніи присутствовали только: Императоръ Александръ, Цесаревичъ и его супруга. (Арх. М. Двора).— [3]) Разск. кн. Лопухина. — То же: Mém. de Czartoryski, I, 230, 264; Дрезд. арх., № 30380; Зап. кн. Ливенъ; Зап. Коцебу. — [4]) Арх. кн. Воронцова, XVIII, 241.

Императрица Марія Ѳеодоровна, съ гравюры И. С. Клаубера по портрету Г. Кюгельхена 1801 г.

приказала ихъ гувернанткѣ, полковницѣ Адлербергъ, обратить особое вниманіе на лица присутствующихъ и наблюдать, не изобличитъ ли самъ кто-нибудь себя. Лицо Зубова нисколько не измѣнилось; весьма равнодушно онъ сказалъ своему сосѣду: «Удивительно, до какой степени маленькій Великій Князь Николай похожъ на своего дѣда». Талызинъ напротивъ поблѣднѣлъ, но полковница сочла болѣе благоразумнымъ не сообщать этого вдовствующей Императрицѣ» [1]).

«Къ веснѣ того же года, вскорѣ послѣ Пасхи вдовствующая Императрица выразила намѣреніе удалиться въ свою лѣтнюю резиденцію, въ Павловскъ... Ея желаніе поспѣшили исполнить, и Императоръ спросилъ свою мать, какой караулъ она желаетъ имѣть? Отвѣтъ ея былъ: «Не могу выносить вида ни одного полка кромѣ конно-гвардейскаго». — «Какую часть полка желаете вы имѣть при себѣ?» — «Только эскадронъ Саблукова», отвѣчала она» [2]).

Протестъ противъ 11 Марта, сначала глухо раздавшійся среди солдатъ [3]), слышался все громче и громче изъ нижнихъ слоевъ госу-

---

[1]) Зап. Коцебу.

[2]) «Я тотчасъ былъ откомандированъ на эту службу, и эскадронъ мой былъ снабженъ по приказанію самого Государя новыми лядунками и чапраками, украшенными Андреевскою звѣздою. Звѣзда эта имѣетъ девизомъ надпись: «За вѣру и вѣрность». Это почетное награжденіе и справедливое свидѣтельство въ безукоризненности нашего поведенія при этихъ критическихъ обстоятельствахъ было дано сперва моему эскадрону, а затѣмъ распространено на весь Конно-гвардейскій полкъ. Кавалергардскій полкъ былъ взбѣшенъ, что столь видное отличіе было дано одному нашему полку. Генералъ Уваровъ горько на это жаловался, и Императоръ въ видахъ примиренія велѣлъ дать ту же звѣзду всѣмъ кирасирамъ, а также офицерамъ штабовъ, и такъ осталось и донынѣ». (Зап. Саблукова, Fras. Mag., 326 и 327; Р. Арх., 1869 г., 1949 и 1950).

Память измѣнила Саблукову относительно перемѣны формы лядунокъ и чапраковъ: лядунки новаго образца были даны офицерамъ Кавалергардскаго полка ранѣе Конной гвардіи, причемъ онѣ сдѣланы были «изъ казенныхъ *серебряныхъ* офицерскихъ палашныхъ ноженъ» (Высочайш. повелѣніе 15 Апрѣля 1801 года); что же касается до Андреевскихъ звѣздъ на чапракахъ, то жаловать ихъ кавалергардамъ не приходилось, ибо они ихъ уже имѣли. Императрица переѣхала въ Павловскъ не «вскорѣ послѣ Пасхи», бывшей въ 1801 году 24 Марта, а 18 Мая. (Арх. М. Двора, Кам.-фур. журналъ).

[3]) О броженіи среди солдатъ и степени ихъ довѣрія къ начальству можно судить по слѣдующему факту: «Dernièrement l'Empereur était allé visiter sa flotte à Cronstadt et n'en revint que très avant dans la nuit. On répandit quelques mauvais bruits dans la ville; aussitôt tous les régiments sans ordre et spontanément ont pris les armes et se sont assemblés devant leurs casernes, en demandant leur Empereur. Pour les satisfaire le Grand-Duc Constantin a envoyé un officier à son frère pour hâter son retour dans sa capitale». (Донесеніе Дюрока Наполеону, Сборникъ, LXX, 163).

дарства [1]). Протестъ этотъ между прочимъ выражался въ выказываніи особаго участія горю Императрицы Маріи Θеодоровны, причемъ проявлялся въ такой формѣ, въ какой даже для Палена было трудно положить ему конецъ: Императрицѣ во множествѣ подносили иконы, рисунокъ которыхъ или надписи на нихъ имѣли ясное отношеніе къ смерти Павла I [2]).

Судьба заговорщиковъ.

Можно было впередъ быть увѣреннымъ, что вопросъ объ удаленіи Палена — вопросъ времени. «Pahlen... abusa trop et trop vite de son influence; il continua trop longtemps à traiter son souverain comme un enfant; Alexandre avait cependant vingt-deux ans et n'était assurément pas un enfant, ni physiquement, ni moralement. Pahlen s'en fit craindre et ne s'en fit pas aimer» [3]).

---

1) «Рапортъ Новохоперскаго городничаго... Саратовскому гражданскому Губернатору... 17 Января 1802, № 50.—Сего Января 10 числа находящійся въ г. Новохоперскѣ и торгующій разнымъ товаромъ Московскій мѣщанинъ Антонъ Алексѣевъ Голевъ пришелъ ко мнѣ въ домъ, какъ могъ запримѣтить, въ пьяномъ образѣ..., съ азартомъ называлъ присутственныя мѣста ворами... и говорилъ, что былъ на всѣ присутственныя мѣста строгій Государь Павелъ Петровичъ, да не долго царствовалъ—а ....». Въ донесеніи губернатора Голевъ показанъ уже «въ безчувственномъ пьяномъ видѣ». (Гос. арх., VII, 3702).

2) Зап. Саблукова, Fras. Mag., 325 и 326.

3) Langeron, 78.—То же: Зап. кн. Ливенъ; Зап. Саблукова, Fras. Mag., 326; Mém. de Czartoryski, I, 225. —«Ils ont fait donner l'inspection, c'est-à-dire le commandement des troupes du Midi, ce qui fait les 2/3 de l'armée, à Constantin, pour l'opposer au besoin à son frère. Ils veulent dominer l'aîné par la crainte d'une révolte du cadet. En un mot, je crois l'état en danger». (Письмо гр. С. Р. Воронцова Н. Н. Новосильцову; Арх. кн. Воронцова, XI, 392).

Говорятъ также, что гордый временщикъ позволялъ себѣ непосредственные нападки на вдовствующую Императрицу, что и ускорило паденіе Палена: «Il» (Александръ I) «comblait l'Impératrice de tous les respects, de tous les égards; il lui abandonnait toute la représentation de la Cour. Il venait au devant de tous ses vœux, de toutes ses fantaisies. Il lui accordait même une influence très grande dans ce qui ne touchait pas aux affaires plus sérieuses de l'Etat... Mais cette même autorité publique et réelle de la mère sur le fils excitait à un haut degré la jalousie et le ressentiment du comte Pahlen. Il s'était cru appelé à gouverner l'Empire et l'Empereur. Il se voyait contrarié dans toutes ses espérances, humilié par l'Impératrice. Il s'essaya à la calomnie contre cette Princesse. Il tenta de contrebalancer son crédit. Il fut plus qu'imprudent dans sa conduite et aux nombreux avertissements que lui donnaient ses amis, il répondait toujours: «L'Empereur? il n'ose pas toucher à moi».

«Si d'un côté l'Impératrice ne négligeait aucune occasion de représenter à l'Empereur l'inconvenance de conserver auprès de sa personne et à la tête des plus importantes affaires de l'Etat l'homme qui avait tramé la mort de son père, d'un autre côté, le comte Pahlen cherchait par tous les moyens possibles de rendre suspect à l'Empereur l'influence de sa mère. Désespérant d'y réussir il se livra aux imprécations les plus révoltantes. Il aurait dit entre autres: «Je me suis débarassé du mari, je saurai bien me débarasser de la femme» [1]).

Непосредственнымъ поводомъ къ удаленію Палена послужила икона, поднесенная старообрядцами Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ; на иконѣ была надпись: «Благополучно ли, Замврій, убійца Государя своего» (4-я кн. Царствъ, IX, 31) [2]). Паленъ доставилъ икону къ Императору Александру, настаивая на томъ, что поставить эту икону въ Екатерининскій Институтъ, какъ то приказала Императрица, рѣшительно невозможно. Императоръ Александръ отправился въ Гатчину къ матери, но результатомъ ихъ переговоровъ было то, что вдовствующая Императрица категорически объявила сыну: «Пока Паленъ въ Петербургѣ, я туда не возвращусь» [3]).

17 Іюня 1801 г. гр. Паленъ былъ уволенъ отъ службы по прошенію.

Вслѣдъ за Паленомъ 30 Сентября 1801 года былъ уволенъ въ трехгодовой отпускъ за границу и гр. Панинъ. По возвращеніи оттуда ему повелѣно было жить безвыѣздно въ деревнѣ.

24 Декабря уволенъ въ отпускъ кн. Платонъ Зубовъ, которому также дано было знать, чтобы онъ не въѣзжалъ въ Петербургъ [4]).

---

[1]) Зап. кн. Ливенъ. — [2]) «Когда Іиуй вошелъ въ ворота, она» (Іезавель, мать убитаго Іиуей Охозія, царя Іудейскаго) «сказала: благополучно ли, Замврій, убійца Государя своего?». — [3]) Heyking, 232—238. — [4]) Зап. Коцебу. — «Lorsque Platon commença à s'apercevoir que sa faveur chancelait, il fit la sotte démarche de venir chez le Grand-Duc Constantin, pour se disculper d'avoir mis la main sur l'Empereur. Le Grand-Duc lui répondit: «Monsieur le prince, qui s'excuse—s'accuse». Et il lui tourna le dos». (Langeron, 79).—«Le prince Zoubow qui avait été criminel par lâcheté voulut jouer un rôle, mais ne réussissant à rien il s'en alla dans ses riches possessions». (Зап. гр. Головиной). — «Les frères Zoubow et quelques de la garde ont exécuté le coup, on leur fait à tous mauvaise mine». (Донесеніе Дюрока Наполеону, Сборникъ, LXX, 161). — «Alexandre exila, éloigna de même successivement les

«Многіе, обманутые блестящими надеждами, сами собою оставили службу. Нѣкоторые отъ угрызенія совѣсти перемерли прежде времени. Только Уваровъ постоянно пользовался милостію и довѣренностію Александра и былъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей до своей смерти, которая послѣдовала незадолго до кончины самого Александра» [1]).

«... Я многихъ изъ нихъ зналъ до самой ихъ смерти», говоритъ Саблуковъ, «и съ увѣренностью могу сказать, что для большинства — смертный часъ наступилъ среди ужаснѣйшихъ нравственныхъ и физическихъ страданій» [2]).

Въ преклонномъ возрастѣ, 21 Сентября 1826 года, умиралъ Беннигсенъ. Напутствовавшій его пасторъ разсказывалъ, что, когда онъ подошелъ къ умиравшему и произнесъ слова: «Unser Herr in der Nacht, da Er verrathen ward»..., richtete der Sterbende sich wehvoll seufzend empor und sank nach den deutlich gesprochenen Worten: «Ach ja, Herr Pastor, in der Nacht, da er verrathen ward!» entseelt auf sein Lager zurück». Пасторъ говорилъ, что изъ его памяти никогда не изгладится воспоминаніе о смертномъ часѣ Беннигсена [3]).

Не такова была смерть Палена: какимъ онъ былъ всю свою жизнь, такимъ же онъ и умеръ.

13 Февраля 1826 года Паленъ умеръ въ г. Митавѣ. «До самой кончины своей онъ сохранилъ глубокое убѣжденіе, что совершилъ величайшій подвигъ гражданскаго мужества и заслужилъ признательность своихъ согражданъ. Семейное преданіе говоритъ, что на смертномъ одрѣ онъ сказалъ: «Gott, vergieb mir meine Sünden. Mit dem Paul bin ich schon fertig» [4]).

Прибывшій въ Петербургъ 30 Октября 1801 года Лагарпъ совѣтовалъ предать суду не только непосредственныхъ участниковъ злодѣянія, но и всѣхъ присутствовавшихъ въ комнатѣ [5]).

Совѣтамъ Лагарпа Императоръ Александръ не послѣдовалъ.

«Il devait se livrer un rude combat dans l'esprit du jeune Empereur. Un avènement salué par tant de joie et d'amour était cependant un avènement sanglant, horrible. Les justes répulsions de sa mère contre les auteurs de cette affreuse tra-

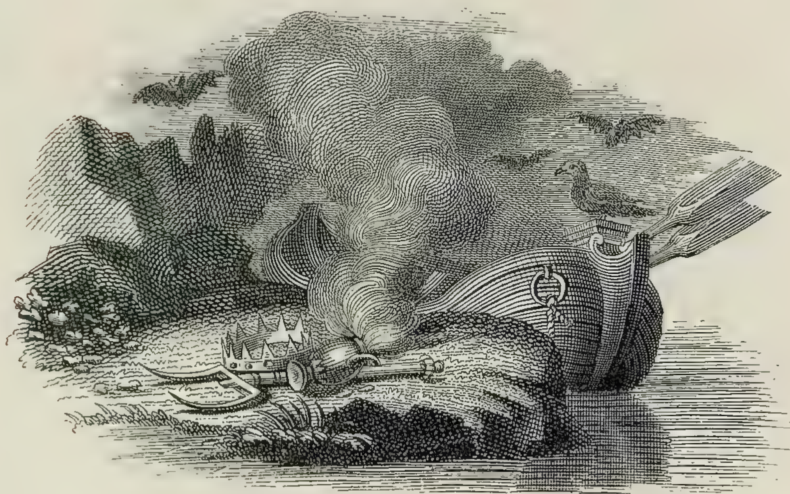
---

autres chefs qui n'étaient pas dangereux, mais dont la vue lui était souverainement odieuse et désagréable». (Mém. de Czartoryski, I, 229).

1) Зап. Злобина.—«Удивительно, что изъ нихъ» (заговорщиковъ) «одинъ только Уваровъ, человѣкъ самый ограниченный и необразованный, сохранилъ до самой смерти въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ милость и любовь Императора Александра. Беннигсенъ употребляемъ былъ въ службѣ во все его царствованіе. Волконскій и Маринъ также не потеряли своей карьеры». (Зап. А. Н. В.).—«Ouvarow, si bête, mais si franc, et qui croit n'avoir rien fait que du bien, demeure l'aide de camp de son nouveau souverain». (Lettre de St-Pétersbourg, adressée au ministre Hardenberg, см. Capefigue, I, 340). — 2) Fras. Mag., 320. — 3) Friedrich Bodenstedt, «Erinnerungen aus meinem Leben», I, 76. — 4) Примѣчаніе кн. Лобанова къ запискамъ Коцебу.—«J'ai su par mon père, ami de jeunesse et compagnon de toute la carrière militaire du comte de Pahlen et qui a conservé des relations avec lui jusqu'à sa mort, que depuis le moment de son exil jamais il n'a pu supporter de rester seul dans une chambre et qu'à tous les anniversaires du 11 Mars, il s'enivrait régulièrement à 10 heures du soir pour ne sortir de cet état d'ivresse que le lendemain». (Зап. кн. Ливенъ). — 5) Собств. Его Вел. библіотека.

gédie contrastaient péniblement avec les ménagements qu'il était forcé d'observer vis-à-vis d'eux. Ses plus nobles instincts venaient se briser devant son impuissance. *Il ne pouvait pas punir......*» [1]).

«L'Empereur Alexandre se trouva pendant les premiers temps de son règne vis-à-vis des meurtriers de son père dans une position fausse et des plus pénibles. Durant quelques mois il se crut à leur discrétion et hors de la possibilité d'agir librement» [2]).

Отзывы современниковъ.

Царствованіе Павла, «оставившее съ ненавистью пути великой Екатерины, устремившееся съ любовью по путямъ предшествовавшаго ей царствованія Петра III, продолжалось столь же кратковременно, еще болѣе мятежно...» [3]).

«Enfin notre patrie, délivrée du joug insupportable sous lequel elle gémissait depuis quatre ans recouvre un Souverain qui s'annonce par la clémence» [4]).

«J'ai eu l'honneur de recevoir votre dernière lettre peu de jours avant la nouvelle du grand événement qui va faire reluire sur nous les jours heureux et tranquilles que nous avons goûtés pendant l'espace de 35 ans» [5]).

«L'événement de 12 Mars (nonobstant les circonstances qui, quoique peut-être inévitables, ne peuvent être que choquantes) a produit un changement complet dans la complection de tout homme et de toute chose. La liberté et la confiance renaissent» [6]).

---

1) Зап. кн. Ливенъ. — 2) Mém. de Czartoryski, I, 256—258, 263. — 3) Зап. Шишкова, I, 82. — 4) Письмо Д. П. Татищева гр. С. Р. Воронцову; Арх. кн. Воронцова, XVIII, 351. — 5) Письмо Арк. Ив. Моркова гр. Воронцову; тамъ же, XIV, 270. — 6) Письмо Рожерсона гр. С. Р. Воронцову; тамъ же, XXX, 132.

«La joie du nouveau règne est universelle... Quoiqu'il arrive cependant, on aura toujours gagné au change, car pire que c'était est impossible» [1]).

«...la voix de toute la nation est à peine suffisante pour exprimer les transports de joie que notre patrie a ressentis» [2]).

«Le grand événement du 12 Mars, si heureux d'un côté, si terrible de l'autre...» [3]).

«Ce cher Empereur Alexandre que le Tout-Puissant nous a donné pour sauver notre malheureuse patrie qui périssait et qu'il va rendre heureuse» [4]).

«Успокойте, ваше сіятельство, духъ вашъ отъ временныхъ безпокойствъ. Павелъ I отъиде въ вѣчный покой» [5]).

«Жиды чаютъ Мессіи, но спасающій насъ обрадовалъ внезапно» [6]).

«Agréez, je vous prie, mes sincères et vraies félicitations», писалъ Уитвортъ гр. С. Р. Воронцову. «Comment vous exprimer tout ce que je ressens de ce coup de Providence? Plus je le contemple, plus j'en remercie le Ciel. Enfin donc nous pouvons espérer de voir renaître le bon temps, où la Russie et l'Angleterre ne faisaient qu'un» [7]).

«Qu'il y a longtemps, Maman chérie, que je n'ai pu Vous écrire librement. Quelque peine bien réelle que me fasse le triste genre de mort de l'Empereur, je ne puis cependant m'empêcher d'avouer, que je respire avec la Russie entière» [8]).

«La Russie certainement va respirer après une oppression de 4 ans et si une mort naturelle avait terminé les jours de l'Empereur, je n'aurais pas éprouvé peut-être ce que j'éprouve à présent; car l'idée d'un crime est affreuse.... Tout est calme et tranquille, si ce n'est une joie presque folle qui règne depuis le dernier du peuple jusqu'à la noblesse; il est bien triste que cela ne doive pas même étonner» [9]).

«L'histoire ne le jugera que trop sévèrement, mais ce que je peux attester, c'est que ce Souverain, avec tous les moyens de régner glorieusement et de se faire adorer, n'a jamais goûté un seul instant de bonheur et a fini tout aussi malheureusement qu'il a vécu» [10]).

«Желать перемѣны было каждому естественно, и никто оныя болѣе меня не желалъ, но насиліе таковаго роду, каковое, сказываютъ, было, должно быть какъ гнусно, такъ и опасно для переду» [11]).

«Если бы онъ наслѣдовалъ престолъ послѣ Ивана Васильевича Грознаго, мы благословляли бы его царствованіе» [12]).

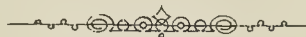
[1]) Письмо гр. Д. П. Бутурлина гр. С. Р. Воронцову; Арх. кн. Воронцова, XXXII, 296. — [2]) Письмо П. В. Чичагова гр. А. Р. Воронцову; тамъ же, XIX, 38. — [3]) Письмо бар. Андр. Льв. Николаи гр. А. Р. Воронцову; тамъ же, XXII, 107. — [4]) Письмо гр. С. Р. Воронцова гр. А. Р. Воронцову; тамъ же, X, 97. — [5]) Письмо свящ. Я. И. Смирнова гр. С. Р. Воронцову; тамъ же, XX, 466. — [6]) Письмо гр. Завадовскаго гр. А. Р. Воронцову; тамъ же, XIV, 263. — [7]) Письмо лорда Уитворта гр. С. Р. Воронцову; Арх. кн. Воронцова, XXIX, 394. — [8]) Письмо Императрицы Елисаветы 14/26 Марта 1801 г. — [9]) То же 13/25 Марта 1801 г. — [10]) Письмо гр. Ростопчина гр. С. Р. Воронцову; Арх. кн. Воронцова, VIII, 292. — [11]) Письмо кн. Кочубея; тамъ же, XIV, 149. — [12]) Зап. де-Санглена.

Легко понять, почему радовался Уитвортъ, да онъ и самъ не скрываетъ причины своей радости. И если мы опустимъ изъ его письма ссылки на «Провидѣніе» и «Небо», которыя тутъ совершенно не у мѣста, то нельзя не признать, что радость Уитворта и Англіи была весьма естественна. Иное впечатлѣніе производитъ чтеніе переписки русскихъ современниковъ; во всѣхъ дошедшихъ до насъ письмахъ среди фразъ «о всей націи, всей Россіи», о «крушеніи государственнаго корабля», «безуміи его капитана» [1]) чувствуется опасеніе, что съ даннымъ капитаномъ всякій «курсъ» возможенъ...., даже «курсъ» къ освобожденію крестьянъ, что, конечно, не могло противорѣчить желаніямъ «всей націи»...

«Nous voilà heureusement délivrés du tyran, qui, huit jours plus tard, bouleversait tout l'Empire. Il avait tout préparé, et son premier début devait être de faire enfermer les deux Grands-Ducs. Il en avait parlé par métaphore, son langage favori à table. Il disait: «J'ai un plan que je veux exécuter, qui me rajeunit tout d'un coup de 15 ans», faisant allusion à la différence d'âge du Grand-Duc Nicolas à celui de ses frères aînés. Voilà l'étrenne qu'il nous préparait! Jugez de l'homme d'après ses actions. *Ensuite, un projet que le gouvernement français semblait lui avoir fait adopter, était celui de confisquer toutes les propriétés de la noblesse. Le résultat d'une mesure comme celle-là était une révolution.* D'après ces deux échantillons vous verrez ce que nous avons perdu ou gagné» [2]).

11-ое Марта останется навсегда позорной страницей въ Русской исторіи.

Цареубійство всегда наноситъ тяжкую рану Государству, т.-е. тому, для кого существуютъ и Государи, и подданные....

---

[1]) См. Арх. кн. Воронцова, XI, 389—396.

[2]) Письмо неизвѣстнаго (гр. Д. П. Бутурлина?) неизвѣстному (гр. Разумовскому?), отъ 8 Апр. 1801 г.

